

ГЛЕН
КУК

Зловещие латунные тени
Ночи кровавого железа

Зловещие латунные тени

Ночи кровавого железа

ЗОЛОТАЯ СЕРИЯ ФЭНТЕЗИ

ГЛЕН
КУК



GLEN
COOK



**Dread
Brass Shadows**

**Red
Iron Nights**

ГЛЕН

КУК



**Зловещие
латунные тени**

**Ночи
кровавого железа**

ас+
ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА
2000

ББК 84 (7 США)
К89

Серия основана в 1999 году

Glen Cook

DREAD BRASS SHADOWS
1990

RED IRON NIGHTS
1991

*Перевод с английского Г.Б. Косова («Зловещие латунные тени»),
Н.Я. Магнат («Ночи кровавого железа»)*

Серийное оформление А.А. Кудрявцева

Печатается с разрешения автора и его
литературных агентов Varor International, Inc.
и "Права и переводы" (Москва).

Исключительные права на публикацию книги
на русском языке принадлежат издательству АСТ.
Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

Кук Г.

К89 Зловещие латунные тени. Ночи кровавого железа: Романы/
Пер. с англ. Г.Б. Косова, Н.Я. Магнат. — М.: ООО «Издательство
АСТ», 2000. — 512 с. — (Золотая серия фэнтези).

ISBN 5-17-004431-3

Глен Кук — не только один из тех редких писателей, таланту которых в равной степени подвластны и научная фантастика, и фэнтези, но и писатель, обладающий оригинальнейшей особенностью — вышедшие из-под его пера научно-фантастические романы — это, по его же собственным словам, частенько «фэнтези, только переодетые в камуфляж».

Фантастика Глена Кука — это всегда неожиданные сюжетные повороты и всегда невероятные ситуации, это лихие приключения и незабываемые герои, это неподражаемое богатство фантазии — и, конечно, искрометный юмор, давно уже ставший для этого автора истинной «фирменной маркой». Таков и его не просто всемирно известный, но и всемирно культовый сериал о приключениях сыщика Гаррета.

© Glen Cook, 1990, 1991

© Перевод. Г.Б. Косов, 1997

© Перевод. Н.Я. Магнат, 1996

© ООО «Издательство АСТ», 2000

Зловещие латунные тени



1

Господи! Вечно я во что-то влипаю.

Почти месяц лежал снег, такой глубокий, что в нем по брюхо мог провалиться крупный мамонт, а затем наступила жара, и все растаяло быстрее, чем вы успели бы произнести «клаустрофобия». И вот я бегу по улице, натываясь на людей, постоянно рискуя свалиться и расквасить нос, так как все красотки тоже вышли проветриться, являя миру свои восхитительные нижние конечности. С самого начала снегопада я не видел и одной ноги, не то что двух.

Бег? Гаррет? Вот именно. Бегут все его шесть футов и два дюйма, мчатся все его двести фунтов. Поэзия движения. Пусть плохая. Пусть вирши. Но эти вирши мне начали нравиться. Пройдет совсем немного времени, и я стану худым, скромным и отважным морским пехотинцем, каким был в двадцать лет.

Тем, кому за пятьдесят, тридцать покажутся юношеским возрастом. Но если этот юноша задыхается, поднявшись на один этаж, колени его скрипят, а брюхо напоминает стиральную доску, создается впечатление, что он потерял где-то лет двадцать или что время бежало для него значительно быстрее. Когда это случилось со мной, я решил, что пора принимать срочные меры.

Итак, я бежал. И восхищался открывающимися передо мной видами. Кроме того, я пыхтел, фырчал и размышлял, а не послать ли это занятие к дьяволу и не отправиться ли прямым ходом в психушку Бледсо. По правде говоря, мне было вовсе не весело.

Плоскомордый вел себя гораздо умнее. Он сидел на ступенях моего дома с кувшином, который Дин не забывал заботливо попол-

нять. Впрочем, и Плоскомордый не чурался физической нагрузки — каждый раз, как я пробегал мимо него, он поднимал пальцы, показывая, сколько кругов я ухитрился пережить без сердечного приступа.

Прохожие толкали меня и всячески поносили. Макунадо-стрит от щиколотки до пупка была забита карликами и гномами, гоблинами и бесенятами, эльфами и всякими другими тварями, не говоря о человеческих существах, обитающих по соседству. Голубям в небе не оставалось места, потому что над головами непрестанно проносились силфы и пикси. Все население Танфера высыпало на улицу — все, за исключением Покойника. Но и он впервые за много недель бодрствовал, разделяя всеобщую эйфорию.

Город, будь он проклят, так и лучился радостью. Крысюки и те лыбились.

Я выскочил из-за угла Дороги Чародея, высоко поднимая колени и бешено работая согнутыми в локтях руками, надеясь, что потрясенный моим видом, изрядно отупевший Плоскомордый сообразит со счета и накинёт пару лишних кругов. Но не повезло. Точнее, повезло, но не очнь. Он показал мне девять пальцев — значит, не жулил, а вел учет точно. Затем Плоскомордый помахал лапой куда-то вбок. Он хотел, чтобы я обернулся. Я сошел с дистанции, извинился перед парочкой влюбленных, совершенно не обративших на меня внимания, и взлетел по ступеням упругими шагами пропитавшейся водой губки. Обернувшись к толпе на улице, я спросил:

— В чем дело?

— Тинни.

— А...

Да, конечно. Моя девочка Тинни Тейт — профессиональная рыжуха. Она выступала в своем наилучшем летнем виде примерно в квартале от нас; мужчины на ее пути замирали и скидывали подбородки. Огня в ней больше, чем в объятom пламенем доме, а смотреть на нее в десять раз интереснее, чем на пожар.

— Должен быть закон, запрещающий пялиться на чужих женщин.

— Может быть, такое уложение и имеется, но кого в наше время волнуют юридические тонкости?

Я вскинул одну бровь: с чего это он так заговорил?

Тинни чуть за двадцать, крохотулька из крохотуль, но бедра что надо, да и вращаются как посаженные на шарниры. При виде ее

грудей даже мертвый епископ взвыл бы на луну. Головку Тинни украшают длиннющие рыжие волосы. Сейчас их разбросал ветер, точно так, как я это сделаю через несколько минут, если удастся прогнать Плоскомордого, избавиться от Дина и убедить Покойника вздремнуть.

Увидев меня, задыхающегося и потного, она приветственно помахала ручкой, мгновенно превратив Гаррета в объект ненависти всех мужчин на Макунадо-стрит. Плевать, это их проблемы.

— Не пойму, как тебе это удастся, Гаррет. Урод уродом, манеры как у болотного буйвола. Невероятно!

Друг называется! Но вот он встал на ноги, собираясь удалиться. Все-таки чуткий парень этот Плоскомордый Тарп. Без звука понимает, что приятель хочет остаться наедине со своей девушкой. А может, он просто решил перехватить ее по пути и предупредить, что она зря тратит время с таким уродом, как я.

Урод? Злобная клевета! За прожитые годы моей физиономии, конечно, досталось немало. Однако все на месте и даже примерно на своих местах. Во всяком случае, в зеркало по утрам я смотрю на себя без отвращения. Если не с похмелья.

Едва я взялся за кружку — восполнить потерю жидкости в организме, — какой-то смуглый, смахивающий на хорька человечек с тонкими, словно нарисованными карандашом усиками схватил Тинни левой рукой за подбородок. Другая рука оказалась за ее спиной, но я не сомневался в том, что он делает.

Плоскомордый — тоже. Он затрубил, словно раненый бизон, и помчался вниз по лестнице. Вернее, просто прыгнул, и его подошвы не коснулись ни единой ступеньки. Я ринулся следом, завывая, как саблезубый тигр, которому подпалили хвост. Глаза тигра слепила боль, и он не видел, кого затаптывает на бегу.

Правда, я никого не затоптал. Дорогу мне прокладывал Плоскомордый, расшвыривая тела направо и налево. При этом размер тел не имел значения. Он одинаково непочтительно относился как к двух-, так и к десятифутовым созданиям. Ничто не способно остановить Плоскомордого, когда он сердится. Лишь каменная стена, возможно, смогла бы немного уменьшить его натиск.

Когда мы домчались до цели, Тинни лежала. Толпа вокруг быстро рассасывалась. Никому почему-то не хотелось оставаться ря-

дом с девушкой, у которой из спины торчала рукоятка ножа. Публика начала разбегаться еще поспешнее, увидев рядом с раненой пару безумцев, ревуших что-то нечленораздельное.

Плоскомордый не стал задерживаться. Я остановился, упав на колени рядом с Тинни. Она подняла на меня глаза. В ее взгляде я увидел не боль, а всего лишь грусть и слезы. Она протянула мне руку. Я ничего не сказал, ничего не спросил. Мне перехватило дыхание.

Рядом со мной возник Дин. Не знаю, как он узнал. Скорее всего услышал наш рев. Склонившись над нами, Дин произнес:

— Я отнесу ее в дом, мистер Гаррет. Может быть, Его Милость сможет помочь. А вы сделайте то, что следует.

Я издал звук, больше всего похожий на стон, поднял Тинни и передал ее в старые хлипкие руки. Ясно, что Дин не силач, но все же он справился.

Я рванул вслед за Плоскомордым.

2

Тарп обогнал меня примерно на квартал, но я быстро сокращал разрыв. Я ничего не соображал. Плоскомордый, похоже, сохранил способность мыслить. Он выдерживал ровный темп, не отставая от убийцы, но и не приближаясь к нему — видимо, рассчитывая, что тот приведет его к еще более интересным типам. Мне на это было плевать. Мне было плевать на все. Я не смотрел по сторонам, меня не интересовало, что происходит на улице. Мне нужен был убийца, чтобы посмотреть, какого цвета у него кровь.

Когда я поравнялся с Плоскомордым, он схватил меня за плечо, сдавив так сильно, что боль сдернула красную пелену с моих глаз. Когда я снова смог соображать, он сделал знак рукой. Я понял, чего хочет Плоскомордый, понял первый раз в жизни. Не исключено, что с возрастом я стал умнее.

Тощий тип не знал дороги. Он просто-напросто хотел убежать. В старом Танфере нет прямых улиц. Все они вихляют так, будто их прокладывал пьяный гoblin, ослепленный солнечным светом. Убийца мчался по Макунадо-стрит. Он миновал то место, где она меняет

название, становясь Арлекин-уэй, и дальше, сужаясь, переходит в Аллею Дэдвилл.

— Я пошел! — Свернув направо в узкий проулок, я нырнул в подворотню.

Оставив позади закосевшего от выкуренной «травки» крысюка и парочку потерявших человеческий образ алкоголиков, я выскочил на Дэдвилл в том месте, где она делает широкую петлю, огибая Мемориальный квартал. Перебежав через улицу, я остановился у коновязи, сопя, пыхтя и радуясь, что оказался способен покрыть галопом такое расстояние.

Хотя и чувствовал, что мой желудок вот-вот вывернется наизнанку.

Наконец они появились в поле зрения. Урод с усиками обессилел. Он был до смерти испуган и не видел ничего вокруг. Он слышал лишь тяжелый топот у себя за спиной.

Позволив беглецу приблизиться, я выступил навстречу и сделал ему подножку. Он полетел головой вперед, но успел сгруппироваться, перекатиться (видно, у парня приличный опыт по этой части), подняться на ноги и, не снижая скорости, помчаться дальше. Но... Бам! Он добежал лишь до лошадиной поилки. Сила инерции не позволила ему вовремя затормозить, и парень рухнул в воду, подняв тучу брызг.

Плоскомордый встал с одной стороны поилки, я — с другой. Тарп шлепнул меня по руке. Он прав: я был чрезмерно огорчен и не мог отвечать за свои действия.

Плоскомордый сграбастал придурка за черные сальные волосы, сунул мордой в воду, вытащил и объяснил:

— С такой одышкой тебе долго не протянуть. — Снова притопив усатого, Плоскомордый продолжил: — Вода холодная, и ты почувствуешь это, когда она потечет тебе в нутро, но сделать ни хрена не сможешь.

Мой друг, ничуть не запыхавшись, дышал ровно, как всегда, парень же в его лапе пыхтел и хрипел даже сильнее, чем я.

Плоскомордый еще разок сунул его под воду, вытянув лишь за полсекунды до того, как тот изготовился втянуть в себя первый галлон.

— Теперь выкладывай все, малыш. Почему ты пырнул девчонку?

Усатик, конечно, ответил бы, если бы мог. Он просто жаждал ответить, но был слишком занят — хватал воздух открытой пастью. Плоскомордый опять погрузил его в воду.

Вынырнув в очередной раз и заглотнув чуть ли не весь воздух в округе, парень выдавил:

— Книга! — Он вдохнул еще немного, и это был его последний вдох.

— Какая книга? — выпалил я.

Арбалетная стрела прошла парню горло. Вторая ударилась о край поилки, а третья проделала дыру в рукаве Плоскомордого. Тарп одним прыжком перемахнул через поилку и оказался лежащим на мнс. Две, нет, три стрелы просвистели над нами.

Плоскомордый ничего не делал для того, чтобы я смог устроиться поудобнее. Только приподнял на мгновение голову:

— Как только я с тебя скачусь, двигай к той двери.

Мы лежали футы в восьми от входа в таверну. Мне эти несколько футов казались многими милями. Я застонал — единственный звук, на который я был способен, находясь под этой горой мяса.

Плоскомордый скатился. Я пошевелился, но на ноги подняться не смог. Подобрал под себя конечности, я оттолкнулся всеми четырьмя и одним длинным броском головой вперед достиг спасительной двери. Плоскомордый прыгнул следом. Зазвенели тетивы, и стрелы вонзились в захлопывающуюся дверь.

— Ну и ну! — сказал я. — У этих ребят будут большие неприятности.

Использование арбалетов в черте города запрещалось законом.

— Что за дьявольщина? — выдавил я, плотнее прикрывая дверь. — Что за черт? — повторил я, выглядывая через щель в ставнях на улицу.

Улица опустела так быстро, словно Бог прошелся по ней метлой. Осталось лишь шесть довольно зловещего вида типов с арбалетами. Они рассыпались цепью, нацелив оружие в нашу сторону. Двое из них выступили вперед.

Плоскомордый тоже глянул в щелку. Позади раздался вой хозяина:

— Эй там! Я не хочу неприятностей в моем заведении. — Немного подумав, он добавил традиционное: — Убирайтесь отсюда, ребята.

— Три карлика, один гoblin, один крысук и просто человек, — заметил Тарп. — Необычная компания.

— Точно... — Я обернулся. — Вы уже имеете неприятность, папаша. Если желаете от нее избавиться, протяните нам руку помощи. Какое оружие вы прячете под стойкой для сохранения мира в вашей забегаловке?

У меня с собой ничего не было. Кто вооружается до зубов, выходя порысать вокруг квартала? Тарп вообще никогда не носит оружия, полагаясь на свою силу и ум, то есть он всегда наполовину безоружен.

— Если не уберетесь, скоро узнаете.

— Меньше всего на свете я жажду неприятностей, папочка. Мне они не нужны. Прошу вас, сообщите об этом ребятам на улице. Они уже кого-то прикончили в вашей поилке.

Я снова выглянул в щель. Двое успели вытянуть усатого из воды и теперь внимательно его изучали. Что-то сообразив, они уставились на двери таверны, видимо, размышляя, стоит ли входить внутрь.

Плоскомордый тем временем позаимствовал стол у двух стариканов, попыхивающих трубками и нянчающих кружки, содержимого которых им должно было хватить до вечера. Он вежливо попросил старцев приподнять сосуды, взял стол и оторвал ножку. Бросив ее мне, он вооружился второй, а то, что осталось, превратил в щит. Когда парочка переступила через порог, Плоскомордый двинул карлика по черепку, а гоблина придавил столешницей к косяку, предоставив мне почетное право опробовать ножку стола.

Один из их арбалетов не сломался. Схватив его, я вложил стрелу и, распахнув дверь, с одной руки выстрелил в ближайшую цель. Само собой, промахнулся и сразил карлика, находящегося от меня футах в девяносто. Тот завизжал, а его кореша ударились в бегство.

— Ты не попадешь десятифутовым шестом в зад быка, привязанного в стойле, — проворчал Тарп.

Что он этим хотел сказать? Плоскомордый пытался приподнять не уступающего ему в росте гоблина и вернуть его к жизни. Увы,

даже мой дружок Плоскомордый не специалист по общению с покойниками.

С карликом он и не пробовал вступить в контакт. Коротышка после удара стал примерно на фут короче, чем был. Тарп потряс в недоумении головой. Я решил, что это вовсе не плохая идея, и продделал то же самое. Хозяин не переставая был по поводу убытков, а его клиенты начали потихоньку вылезать из щелей, которые они ухитрились найти в полу.

— Что теперь? — поинтересовался Тарп.

— Не знаю, — ответил я, выглядывая на улицу.

— Они ушли?

— Похоже на то. Народ начинает выползать из нор.

Первый признак того, что события завершились. Теперь любопытные займутся подсчетом трупов и примутся врать друг другу, что видели всю битву от начала до конца. Когда придут представители власти — если придут, конечно, — в рассказах очевидцев истине будет соответствовать лишь то, что кого-то убили.

— Пойдем спросим у Тинни.

Вот оно, подлинное озарение гения.

3

Тинни Тейт не мышка-домоседка, для которой главное приключение в жизни — ежедневный поход на базар. Но она и не та девчонка, которая якшается с парнями, втыкающими ножи в своих ближних и бегущими шайками, паля из арбалетов в добропорядочных граждан. Она живет в доме своего дядюшки Уилларда. Уиллард Тейт — сапожник. Сапожники, как правило, не обзаводятся врагами, выпускающими из людей кишки. Если ботинок жмет, клиент стонет, бранится и требует вернуть деньги, а вовсе не прибегает к услугам крутых ребят.

Я думал об этом, поспешая домой. Случившееся не имело никакого смысла. Правда, Покойник обожает повторять: если что-то не имеет смысла, значит, в вашем распоряжении не все части головоломки, или вы их разместили не на своих местах. Поэтому, рыся к дому, я твердил себе: не спеши с выводами, подожди, что скажет

Тинни. И отгонял мысль о том, что Тинни может оказаться неспособной что-либо сказать.

У нас с ней не совсем обычные и довольно неровные отношения, когда вместе тесно, а врозь — скучно. Ссоримся мы непрерывно. Но наши отношения значат для меня очень много, хотя я и понимаю, что в конечном счете они ни к чему не приведут. Мне кажется, наша связь продолжится только из-за моментов примирения, которые бывают горячее кипящей стали.

Прежде чем я добежал до дома, я твердо знал: какова бы ни была роль Тинни в этом деле, тот, кто с ней так поступил, заплатит — заплатит с такими процентами, которые заставят покраснеть даже самого свирепого ростовщика.

Старина Дин превратил наш дом в хорошо укрепленный форт. Он ни за что не открыл бы дверь, если бы Покойник не бодрствовал. Сейчас-то он наверняка не спал — я ощутил его прикосновение, колотя в дверь и вопя, как поп, возвещающий о божественном откровении.

Дин распахнул дверь. Он выглядел на десяток лет старше, чем обычно, и казался совершенно измотанным. Старик не успел запереть замок за Плоскомордым, как я уже ворвался в комнату Покойника.

«Гаррет!» Телепатический окрик Покойника был похож на удар. Он подействовал на меня как ледяной душ. Мне захотелось кричать. А это могло означать только одно...

Она была распростерта на полу. Я не смотрел на нее. У меня не оставалось на это сил. Я плясал на Покойника, на все его четыреста пятьдесят фунтов, погруженные в кресло. Он оставался в неизменном положении уже лет четыреста — с того момента, когда кто-то пырнул его ножом. Если бы не десятидюймовый хобот, смахивающий на хобот слона, его можно было бы принять за самого толстого человека в мире. Но он — не человек, он логхир, представитель столь редкой расы, что на моей памяти никто не встречал живого логхира. Впрочем, мне хватает забот и с мертвым логхиром.

Понимаете, если вы прикончите логхира, он не уходит из нашего мира. Так просто вам от него не избавиться. Он всего-навсего перестает дышать и отказывается от танцулек. Его дух остается в земной оболочке, становясь со временем все сварливее и сварливее.

При этом тело не разлагается. По крайней мере с моим Покойником за те годы, что я его знаю, ничего не случилось. Конечно, по краям он немного трачен молью, мышами и всякой другой живностью. Она объедает логхира понемногу, пока тот спит, а рядом нет никого, чтобы эту живность шугануть.

«Не води себя как дурак, Гаррет. Хоть бы раз за все время нашего знакомства ты подумал, прежде чем что-нибудь предпринять».

В этих словах он весь. Обычно бывает еще хуже. Мой жилец — временами партнер и частенько ментор. Он держал меня под контролем, но я сумел прохрипеть:

— Поговори со мною, Увалень. Поведай, что происходит.

«Успокойся. Страсти порабащают разум. Мудрые существа...»

Вот так. Он может продолжать в таком духе бесконечно. Философ. Но только не в трудные моменты... Я начал что-то подозревать. Когда вы привыкаете к определенному логхиру, вы понимаете больше того, что он вкладывает в ваш череп. Покойника рассердило случившееся, но он не впал в ярость и не жаждал мщения, как можно было бы ожидать.

— Неужели опять виноват я?

«Ты, Гаррет, упражняешься в необоснованных умозаключениях больше, чем в беге».

— С ней все будет в порядке?

«Полагаю, да. Однако ей потребуется искусный хирург. Я усыпил ее, и она будет крепко спать до тех пор, пока не станет доступна медицинская помощь».

— Спасибо. Теперь скажи, что ты от нее узнал.

«Она не имеет ни малейшего представления о том, что произошло. Ни в чем не замешана. Человека с ножом не знает».

После небольшой паузы он добавил без обычных для него саркастических комментариев:

«Она шла просто встретиться с тобой. Была безмерно удивлена случившимся».

Он отпустил меня, позволив опуститься в глубокое кресло, специально поставленное для моих визитов.

«Пока ты предавался размышлениям, я пришел к выводу, что это было случайное, несмотивированное проявление насилия».

Это означало, что он сумел прочитать мои мысли о недавнем преследовании.

К нам присоединился Плоскомордый. Опершись на спинку моего кресла, Тарп внимательно смотрел на Тинни. Думаю, он пришел к тому же решению, что и я. Его самообладание меня восхищало. Тинни ему нравилась, к тому же у него были особые отношения с ребятами, убивающими женщин. Как-то раз он потерял одну девушку, которую подрадил охранять. Это была не его вина. Пытаясь ее спасти, он истребил полвзвода убийц и сам был умерщвлен процентов на девяносто. С тех пор парень перестал быть самим собой.

— Весельчак уложил ее спать, — сказал я ему. — Считает, что все будет в порядке.

— Сукины дети все равно должны поплатиться за это, — прорычал Тарп, изо всех сил стараясь казаться злобным.

Но в голосе его послышалось облегчение. Я притворился, что не заметил.

«Книга? И это все, что вы оба ухитрились узнать, прежде чем началась стрельба?»

— Все, — без экивоков ответил я.

Я сознательно избрал тактику прямых ответов. Он страшно злится, когда я не реагирую на его сарказм и не вступаю в пререкания.

«В ее мыслях ничего не было о книге».

— Зацепиться особо не за что, — вставил Плоскомордый.

Нетерпение его улеглось. Тинни должна выздороветь. И нет острой потребности кого-нибудь укокошить. Но все же мы с ним начнем без устали искать тех, кто виноват в случившемся.

«Не надо. Прежде всего я предлагаю вам успокоиться. Затем попытайтесь припомнить последовательность событий. Даже незначительные детали могут сыграть важную роль. Гаррет, если ты считаешь, что это для тебя так важно, подумай о том, не стоит ли взыскать с Чодо Контагью должок, который, как он полагает, за ним имеется».

Комментарий к моим мыслям.

— Взыщу, если потребуется. Пока об этом думать рано. Прежде чем отправиться в крестовый поход, я должен сделать все, что можно, для безопасности Тинни.

Все тот же прямой подход, который его обычно раздражает. Но на сей раз он предпочел не реагировать.

— Что-то происходит, и она отправляется ко мне. Чодо может быть замешан в... — Не найдя нужного слова, я умело щелкнула пальцами. Я вообще кладезь разнообразных талантов.

Чодо Контагью, которого часто зовут Большим Боссом, — король организованной преступности Танфера. В некотором смысле он более могуществен, нежели сам король. Чодо мне вовсе не друг. Наоборот, он воплощает все то, что мне ненавистно, с чем я сражаюсь всю свою жизнь. Как-то раз, ведя одно дельце, я ненароком оказал ему услугу. Парень одержим каким-то извращенным чувством чести, и если бы я захотел, то по одному моему слову Чодо, ради того чтобы расквитаться с долгом, послал бы на улицу две тысячи головорезов.

Я избегал взыскивать долг, так как не хотел, чтобы мое имя ассоциировалось с его. Никоним образом. Если люди заподозрят, что я состою с ним в дружбе, это плохо скажется на моем бизнесе.

Что за черт! Кажется, забыл сообщить, чем занимаюсь. Я тот, кого недоброжелатели называют «соглядатай». Сам я величаю себя конфиденциальным агентом и детективом. Заплатите мне, и я для вас найду все что угодно, главным образом то, о чем вам знать не хотелось бы. Добрых новостей я обычно не приношу. Таков уж характер моей деятельности. Это детективная сторона. В качестве конфиденциального агента я выступаю посредником в расчетах с похитителями заложников или шантажистами, обеспечивая ваши интересы и не давая вас облапошить. Я упорно трудился, создавая себе репутацию честного парня, за которым клиенты чувствуют себя как за каменной стеной. Именно поэтому я не хочу, чтобы у кого-то возникли мысли, будто я работаю на Чодо.

Если Тинни умрет, мне придется изменить правила поведения. Ради Тинни я попру напролом, и пусть тот, кто станет на моем пути, возносит молитвы своим богам. Я не успокоюсь, пока не попробую на вкус печень виновного. Конечно, если Тинни умрет.

Покойник сказал, что она выкарабкается. Надюсь, он окажется прав. На этот раз. Обычно я тайно лелею мысль, что он ошибается. Но он почти непогрешим и не устает напоминать мне об этом.

Появился Дин с подносом — пиво и более крепкие напитки на всякий случай. Плоскомордый выбрал пиво. Я последовал его примеру.

— Отлично. То, что надо после всей этой беготни.

«Предлагаю тебе немедленно отправиться к ее дяде, — передал мне Покойник. — Проинформируй его о случившемся, и пусть он отдаст необходимые распоряжения. Не исключено, что он сможет пролить некоторый свет на случившееся».

Он все же поднял этот вопрос. А я-то размышлял, кто сообщит печальную весть семье. Похоже, кроме меня, других претендентов не имелось.

«Есть лишь один кандидат — Гаррет».

Оказывается, он пришел к тому же выводу, что и я. Он — гений. Спросите дохлого логхира о его гениальности, и он будет распространяться о ней часами.

В другое время я дал бы ему достойный ответ. Но сейчас надо было спешить. Передо мной замаячил призрак Уилларда Тейта.

— Хорошо, хорошо. Иду.

— Я тоже, — сказал Плоскомордый. — Мне надо кое-что проверить.

«Великолепно. Просто великолепно. Наконец-то я смогу добрать немного сна».

Добрать! Как бы не так! За те годы, что я его знаю, он бодрствовал в сумме не более шести месяцев.

Проводив Плоскомордого до дверей, я проследовал в кухню и попросил Дина нацедить его превосходного пива.

— Надо же возместить потерю жидкости, — пояснил я.

Он скорчил недовольную рожу. У Дина своя точка зрения на мой образ жизни. Хотя он работает на меня, я позволяю ему высказываться. Мы достигли своего рода взаимопонимания. Он говорит, а я не слушаю.

Вышел я на улицу без особого энтузиазма. Мы со старым Тейтом отнюдь не закадычные друзья. Когда-то я кое-что для него сделал, и некоторое время он относился ко мне прилично, но за последний год, когда мы с Тинни играли в «приди-уйди», его чувства ко мне несколько охладели.

4

Вид жилища Тейтов обязательно введет вас в заблуждение. На это, собственно, и рассчитано. Снаружи оно выглядит как целый квартал складов, на сохранность которых всем плевать. Нетрудно догадаться, почему с улицы дома представляются чуть ли не руинами. Во-первых, Холм. Наши правители внимательным оком следят за тем, чтобы чужие капиталы не миновали жерновов юридической мельницы. Во-вторых, трущобы, расположенные в низине. Они порождают вечно голодных и крайне неприятных типов, некоторые из которых готовы выпустить вам кишки за медную монету.

Именно поэтому обитель Тейтов прикидывается юдолью печали и нищеты.

Тейты — сапожники, тачающие сапоги для армии и дорогие туфельки для дам с Холма. Они все мастера своего дела, и у них столько деньжищ, что ребята не знают, как ими распорядиться.

Мне пришлось как следует погреметь воротами. Появился один из юных Тейтов. Он был вооружен. Тинни — единственная представительница племени, выходящая безоружной во внешний мир.

— Гаррет, давненько вас не видел.

— Мы с Тинни опять в ссоре.

Он помрачнел:

— Она ушла пару часов назад. Я-то думал, направилась к вам.

— Так оно и было. Я пришел поговорить с дядюшкой Уиллардом. По срочному делу.

Глаза у парнишки стали как плоски. Затем он осклабился. Похоже, юнец решил, что я пришел к старому Уилларду задать сакраментальный вопрос. Открыв ворота, молодой Тейт сказал:

— Не уверен, захочет ли он вас принять. Вы же его знаете.

— Передай, что дело не терпит.

— Неужели в преисподней повалил снег? — пробормотал он, запирая ворота. — Роза будет в отчаянии.

— Переживет, — ответил я. — Она легко оправляется от потрясений.

Роза — дочь Уилларда, единственная из его отпрысков, оставшихся в живых. Темперамент у нее жарче, чем три костра, а яда в девице больше, чем в клубке брачующихся змей.

Паренек фыркнул. Никто из Тейтов не любил Розу. От нее можно ожидать любой пакости. К тому же она никогда не учится на своих ошибках.

— Я скажу дяде, что вы здесь.

Я прошел в центральный садик и принялся ждать. Сейчас садик казался заброшенным. Зато летом это было подлинное произведение искусства. Окружающие его дома служили жилищами для Тейтов. Здесь они жили, трудились, рождались и умирали. Некоторые из них за всю жизнь ни разу не покидали цитадели.

Парнишка вскоре вернулся. С совершенно несчастным видом. Уиллард, видимо, прищемил ему хвост за то, что он пустил меня в святыню, но старик все же не приказал родичу вышвырнуть меня вон, рискуя своим здоровьем.

Эта мысль заставила меня ухмыльнуться. В молодом Тейте было не больше пяти футов двух дюймов. Уиллард как-то сказал, что в жилах племени течет кровь эльфов. Именно поэтому все их девицы выглядят столь экзотично и привлекательно, а молодые Тейты мужского пола красивы и настолько малы ростом, что могут продефилировать под брюхом лошади, не ушибив при этом головы.

Уиллард Тейт внешне ничем не отличается от остальных представителей своего клана. Почти гном. Плешив и лишь из-под ушей да на затылке свисают длинные космы седых волос. На носу — очки с квадратными стеклами. Такие линзы стоят больших денег.

Низко склонившись, он вколачивал латунные гвоздики в подошву. С темнотой боролась единственная неяркая лампа. Похоже, старец трудился на ощупь.

— Вы погубите глаза, если не улучшите освещение.

Тейт — один из богатейших людей Танфера, но при этом славится своей скарденностью.

— Даю вам одну минуту, Гаррет.

Наверное, его беспокоит люмбаго. Или еще что-нибудь. Не мое же присутствие в самом деле.

— Тогда без предисловий. Тинни ударили ножом.

Только сейчас старик поднял глаза. Отложив инструмент, он проговорил:

— У вас масса недостатков, но есть и достоинства: вы обычно говорите правду. Расскажите.

Я рассказал. Не проронив ни слова, он внимательно смотрел на меня. Я ощутил за своей спиной присутствие многочисленных призраков. Всю жизнь его преследовали потери. Жена, дети, брат — все покинули его раньше предназначенного срока.

Я был немало удивлен тем, что он не попытался возложить вину на меня.

— Вы схватили этого человека?

— Он мертв.

Мне пришлось пересказать вторую часть истории.

— Жаль, что мне не досталось от него ни кусочка.

Уиллард позвонил в колокольчик. Появился один из его племянников.

— Пошли кого-нибудь за доктором Меддином. Немедленно. Собери полдюжины людей и отправляйся к дому мистера Гаррета.

Теперь я превратился в «мистера».

— Есть, сэр! — Парень только что прошел допризывную подготовку.

— Что еще, мистер Гаррет?

— У вас есть предположения, почему кто-то мог захотеть убить Тинни?

— Потому, что вы с ней близки. Чтобы посчитаться с вами.

— Множество людей меня недолюбливает — включая моего собеседника, — но ни один из них не станет так поступать. Если бы они захотели со мной разделаться, то просто сожгли бы мой дом, предварительно убедившись, что я там.

— В таком случае покушение не имеет смысла. Немотивированное нападение, или ее приняли за кого-то другого.

— Вы уверены, что она не влипла в неприятную историю?

— Единственная неприятная история, в которую она попала, — это вы, Гаррет. Она выходила из дома только для встреч с вами.

«Может быть, случившееся послужит ей хорошим уроком», — не сказал, но наверняка подумал он. Это читалось в его глазах.

Я, в свою очередь, молча кивнул. Мне очень хотелось верить, что произошло немотивированное нападение. Танфер кишит людьми, доведенными нищетой до отчаяния и постоянно готовыми на

бессмысленную жестокость. Дня не проходит без того, чтобы кто-то не прикончил кого-то топором или не произвел косметическую операцию при помощи молотка. Я мог бы согласиться с этой версией, если бы не ребята, вальсировавшие вокруг меня и Плоскомордого.

— Когда мы прихватили парня, он, прежде чем его пришили, успел произнести слово «книга», — сказал я. — Вам это что-нибудь говорит?

Тейт помотал головой. Седые космы за ушами взметнулись.

— Нет. Проклятие! Если узнаете что-нибудь новое, сообщите. Я тоже буду держать вас в курсе.

— Хорошо.

Предоставленная мне минута изрядно затянулась. Старик желал вернуться к работе.

Появился племянник и объявил, что отряд в сборе.

— Весьма сожалею, сэр, — произнес я. — Лучше бы я оказался на ее месте.

Ясно. Он полностью согласен. Вот и старайся после этого быть с людьми милым...

5

Усевшись в свое кресло, я доложил все Покойнику, а тем временем ребята Тейты забрали Тинни. Для транспортировки они прихватили тележку, а дома ей был обеспечен первоклассный медицинский уход.

«Ничего нового», — заключил Покойник, когда я закончил.

— Думаю, Тейт попал в точку. Они напали не на ту женщину. Ты торчишь в этом мире довольно давно («Половину вечности»). Слово «книга» тебе ничего не говорит?

«Абсолютно ничего. Имеются книги и книги, Гаррет. Некоторые люди готовы пойти на убийство ради редкого издания и даже ради того, чтобы узнать его содержание. Я не хочу пускаться в необоснованные рассуждения. В данный момент мы не можем быть уверены, что покойный имел в виду книгу как таковую. Он мог говорить о чем-то личном дневнике или адресной книге. Мы не

знаем. Попробуй расслабиться. Подкрепись. Прими ситуацию такой, как она есть, и забудь обо всем».

— Никто не приходил поинтересоваться убитым?

Городская стража — не полиция. Ее основная работа — предотвращать пожары и хранить покой сильных мира сего. Отлов преступников в числе первоочередных задач не значится, но иногда по чистой случайности им удается поймать нехорошего человека. Танфер, по счастью, кишит очень глупыми уголовниками.

«Никто не приходил. Отправляйся питаться, Гаррет. Ублажи свои плотские потребности и позволь своему духу отдохнуть и обновиться. Забудь обо всем. Все хорошо, что хорошо кончается».

Прекрасный совет, даже если он исходит от него. Но он всегда действует разумно и даже мудро, когда не пытается выкидывать номера с моим разумом. Сейчас, будучи холдным и рассудительным, Покойник просто покорила меня, и я отправился на кухню.

Дин все еще пребывал в шоке, он был рассеян — ведь безжалостная судьба нанесла удар так близко от него. Он помешивал какой-то соус, но мысли его витали в тысячах миль от кухни. Не глядя на меня, он передал мне тарелку с едой, которую хранил подогретой. Я питался не ощущая вкуса, что само по себе преступно, учитывая кулинарные таланты Дина. Мои мысли тоже витали в нескольких ярдах отсюда. Я не прерывал горестных размышлений старика. Мне было приятно, что события не оставили его безучастным.

Когда я поднялся, чтобы уйти, Дин обернулся:

— Люди не должны так поступать, мистер Гаррет.

— Вы правы, люди так поступать не должны. Вы религиозный человек. Поблагодарите богов, что все кончилось именно так, а не хуже.

Он кивнул в ответ. Вообще-то Дин — мягкий, трудолюбивый старикан, пытающийся содержать банду неблагодарных племянниц брачного возраста. Девушки доставляют ему горя больше, чем достается десятку мужчин от всех их бесчисленных родственников. Но сейчас этот нежный дядюшка жаждал крови больше, чем вампир, постившийся в течение года.

Расслабиться, как советовал Покойник, я был не в состоянии. Все кончилось, но нервы мои не желали возвращаться в норму. Я

прошел в прихожую и, открыв дверь, высунул нос на улицу. Потом заглянул в маленькую комнатку справа от входа, как будто там могла находиться давно забытая мною блондинка. Ничего не обнаружив, я отправился в кабинет (если так можно назвать помещение размером с большой гроб), поприветствовал висящую на стене Элеонору и решил навестить Покойника. Его комната занимает почти всю левую половину дома. В этом помещении хранится не только Его милость, но и наша библиотека наряду с казной и всем остальным, что представляет для нас особую ценность. Ничего интересного там для меня не нашлось. Я посмотрел на лестницу, размышляя, не подняться ли в спальню, решил, что не стоит, и снова заковылял в кухню, где принял кружку яблочного сока. Затем повторил весь маршрут, задержавшись немного дольше у входных дверей — проверить, не стало ли мое жилище объектом внимания гномов. Никаких наблюдателей не оказалось. Время не двигалось.

Я всем действовал на нервы. Вообще-то мне это всегда удается превосходно, но сегодня я, кажется, превзошел самого себя. Мои бездарные шуточки звучали омерзительно. Когда Дин взвыл и испытал на прочность рукоятку своей новой сковороды, стукнув ею о плиту, я удрал наверх.

Там я некоторое время глазел из окна, надеясь увидеть Плоскомордого или кого другого, пялящегося на меня. Это должно было меня успокоить — как известно, горшок, на который смотрят, никогда не закипает.

Когда мне это дело надоело, я отправился в кладовку, где храню наиболее убийственные инструменты своей профессии. В моем маленьком арсенале есть оружие на все случаи жизни и для любой формы одежды. Вам никогда не удастся увидеть меня с оружием, не подходящим к обстоятельствам.

Все было в прекрасном состоянии, и я не сумел успокоить нервы, что-либо затачивая или полируя. Зато проинвентаризировав арсенал, я пришел к неутешительному выводу, что там нет ничего, что позволило бы мне противостоять арбалетчикам.

У меня, правда, имелось несколько маленьких флакончиков, оставшихся с того времени, когда я вел дело для Великого Инквизитора. Сняв коробку с пузырьками, я заглянул внутрь. Три бутылочки — изумрудная, темно-синяя и рубиновая — оказались на

месте. Их надо метать. Когда они разбиваются, содержимое вышибает боевой дух из противников. Например, жидкость в красной бутылочке благополучно счищает плоть с костей. Я приберегаю ее для того, кто по-настоящему станет действовать мне на нервы. Если придется когда-нибудь использовать, надо не забыть расположиться подальше от противника.

Убрав коробку, я разместил ножи в секретные места под одежду, а самый длинный — но не противоречащий закону — прикрепил к поясу. Затем взял в руки свой любимый инструмент — восемнадцатидюймовую дубовую дубинку, в рабочий конец которой задлан добрый фунт свинца. Дубинка обычно творит чудеса, делая мои аргументы в споре гораздо весомее.

Но чем же заняться сейчас? Может, отправиться на охоту за всякого рода злодеями просто так, из высших соображений? Ну конечно. Именно так.

Впрочем, таков уж характер у моего ангела-хранителя, что у меня больше шансов погибнуть под развалинами собственного дома, нежели случайно повстречать незадачливого головореза, заслуживающего, чтобы ему испортили настроение.

Так или иначе, бродя без толку по городу, я сумел убить время до ужина. Я не мог понять, почему меня не оставляют тревога и беспокойство. Тинни пострадала, но с ней все будет хорошо. Мы с Плоскомордым, если так можно выразиться, убедили усатого негодяя не вставать на путь рецидива. Все обернулось не столь уж плохо, а будет еще лучше.

Я в этом уверен.

6

В ту ночь я спал отвратительно. В Танфере наступало странное и жутковатое время. Быть может, была виновата погода. Свихнулся весь мир, а не только я, принявшийся бегать и отправившийся в постель пораньше ради того, чтобы подняться в несусветную рань, когда все разумные люди еще остаются в горизонтальном положении. С городской стены видели мамонтов. Саблезубые тигры разгуливали на свободе в одном дне пути от города. Поговаривали об

оборотнях. Ходили слухи, что громовых ящеров встречали в районе Кирч-Хейс — в шестидесяти милях к северу от Танфера и в двухстах милях от мест их постоянного обитания. К югу от нас кентавры и единороги, спасаясь от яростных битв в Кантарде, проникли на территорию Каренты. Здесь, в городе, каждую ночь небо заполняли дерущиеся морКары — отвратительные существа, обитавшие во влажных лесах, произрастающих в заболоченных долинах страны громовых ящеров.

Никто не знал, куда девались морКары днем — по правде говоря, большинству обитателей города было на это плевать, — но по ночам они носились над крышами, сводя древние племенные счета, а иногда пикировали, для того чтобы ограбить прохожего или утащить плохо закрепленный предмет. Обыватели рассматривали их присутствие как доказательство миграции громовых ящеров. На своей территории морКары обитают на вершинах деревьев, проводя дневное время во сне и превращаясь в легкую закуску для самых больших громовых ящеров (которые, как известно, достигают тридцати футов).

Несмотря на дневные переживания, я отправился в постель в час, который Дин и Покойник по своей извращенности называют приличным. Я разработал теорию, что если рано подняться, то соседи не успеют высыпать на улицу — хихикать и тыкать пальцами в Гаррета, галопирующего вокруг квартала. Но в эту ночь морКары учинили свой воздушный карнавал в округе. Казалось, шла битва столетия. Кровь, мертвые тела, боевые клики и громогласные насмешки над поверженным врагом сыпались на землю. Лишь только я начал уплывать в сон, они затеяли нелепую громкую свару прямо перед моими окнами.

Вот бы кого-нибудь из обитателей Холма осенила бы мысль привлечь морКаров в качестве наемников и отправить в Кантард разобраться со Слави Дуралейником! Пусть негодяй мучается бессонницей, пока они будут драться над его головой.

Скорее всего старикану Слави и без этого не до сна. Карента бросила всю свою мощь в кипящий котел войны. Карентинские силы успешно перемалывали войска Дуралейника, не позволяя ему остановиться, чтобы перевести дыхание и употребить свой военный гений для предотвращения катастрофы.

Война между Карентой и Венагетой тянется со времен моего деда. Она превратилась в такую же неотъемлемую часть существования, как и погода. Слави Дуралейник сначала был капитаном наемников на службе у венагетов, а потом, капитально расплевавшись с их военачальниками, перешел на нашу сторону, дав при этом страшную клятву отомстить всем своим обидчикам. В один прекрасный день, разбив войска тех, кто его оскорбил, он неожиданно провозгласил Кантард — за владение которым и шла свара — независимой республикой. Все негуманоидные племена, обитающие в Кантарде, встали на его сторону. В результате у Каренты и Венагеты возникла общая цель — уничтожение Слави Дуралейника. Когда его не станет, драчка между ними войдет в обычную колею.

Все это больше занимало Покойника, чем меня. Я отбарабанил свои пять лет в морской пехоте и ухитрился выжить. Вспоминать о том времени мне вовсе не хотелось. Для Покойника же Слави Дуралейник стал любимым хобби.

Как бы то ни было, спал я отвратительно и поднялся с постели менее жизнерадостным, чем обычно. А даже самым хорошим для себя утром я остаюсь человеком лишь из-за человеколюбия. Утро, скажу я вам, самое вшивое время дня. И чем ниже стоит солнце, тем завшивленнее.

Шум на улице поднялся как раз тогда, когда я опустил ноги на пол.

Визжала женщина. Чем-то напуганная. Ничто не возвращает меня к жизни быстрее, чем этот звук. Не успев ни о чем подумать, я оказался внизу соответственно вооруженным. Теперь кто-то молотил в дверь, выкрикивая мое имя и умоляя впустить. Я глянул в глазок и увидел женское лицо. Искривленное ужасом. Одна унция моего мозга уже включилась в работу, и, повозившись немного с многочисленными запорами, я распахнул дверь. Мне под ноги рухнула обнаженная женщина. Полминуты я молча глазел на нее, пока оживала оставшаяся часть мозга. Выглянув за дверь, я осмотрел улицу и не увидел ничего, кроме существа размером чуть больше пауковидной обезьяны, но красного цвета и без шерсти, с крыльями, как у летучей мыши, вместо рук и острой пикой на кончике хвоста. Создание с силой ударилось о землю и завопило, забившись в конвульсиях. Едва оно затихло, подошел крысук и лопатой забросил его в мусорный ящик на колесах. Родичи создания не протестовали

и не требовали возвратить тело. МорКары чихать хотели на своих покойников.

Итак, они начали выступать и днем. Если можно так говорить только потому, что рассвело. Я лично считаю, что день начинается, когда солнце стоит над головой.

Захлопнув дверь, я обернулся. Женщина потеряла сознание. От удивленного мои волосы зашевелились и сплелись в клубок. На ней, как я уже сказал, не было ни тряпицы, но такое тело, надо заметить, прятать просто грешно.левой рукой она прижимала к себе растрепанный сверток. Взять его я не сумел, настолько крепко дама его держала. Словечко «сногшибательная» стало затасканным эпитетом в наш век преувеличений. На самом деле вы редко попадаете в положение, когда оно оказывается уместным. Как сейчас, например. Я просто не знал, что делать.

Поймите меня правильно, я ничего не имею против обнаженных женщин. Особенно когда они красивы и бегают вокруг моего дома. Тем более если я бегу к ним навстречу, а у них нет намерения скрыться. Но еще ни разу нагая красotka не подходила к моим дверям, уже приготовившись принять участие в любовной гонке. Мне не доводилось видеть ни одной обнаженной дамы, которая, упав к моим ногам, немедленно отправлялась бы в страну сновидений, и так далеко, что я не мог ее разбудить.

Я все еще размышлял, как поступить, когда появился Дин. Дин, если вы еще не догадались, — мой повар и домоправитель. У него на роже постоянно кислая мина, но вообще-то он — сентиментальный парень лет тысячи от роду. По-моему, ему следовало родиться женщиной — из него получилась бы классная жена. Он умеет отлично готовить и содержать дом в порядке, а его язычку может позавидовать любая супруга. Бросив взгляд на женщину, Дин произнес:

— Я недавно вычистил ковер, мистер Гаррст. Не могли бы вы ограничить поле своих игр вторым этажом?

— Я только что впустил ее, Дин. Она явилась в таком виде прямо с улицы. Я открыл дверь, а она упала и потеряла сознание. Может быть, на нее напал морКар. Дамочка в обмороке, и я не могу привести ее в чувство.

— И необходимо столь бесстыже паяться на нее?

— Ты, как я заметил, тоже не предаешься созерцанию мушиных следов на потолке.

Все же он не настолько стар. Никто не может постареть настолько, чтобы не смотреть на то, что открывалось нашим взорам. Леди заслуживала одного-двух взглядов. Такую фигурку мне давненько не доводилось видеть.

— Мы, черт побери, просто обязаны на нее смотреть, — продолжил я. — В кои-то веки боги откликнулись на наши молитвы.

В столь ранний час Дин гораздо больше приспособлен к жизни, нежели я. Он, бедная, заблудшая душа, искренне верит, что раннее пробуждение является добродетелью.

— Я замечаю у вас некоторые проявления фривольности, мистер Гаррет. Замечаю и нахожу их предосудительными. Предлагаю перенести ее на кушетку и прикрыть, после чего вы позавтракаете. Наполнив желудок, вы будете не столь подвержены подростковым фантазиям.

— Язык неверного слуги опаснее жала гадюки.

Дин знал, что я не его имею в виду. Он не был слугой. Скорее работающий по дому партнер.

Старик ухватил женщину за лодыжки. Мне достался более тяжелый конец. Быть может, Дин расстроился потому, что природных достоинств дамы хватило бы на несколько его племянниц.

— Тоже рыжеволосая, — пробормотал я. — Разве это не мило? Я просто млею при виде-рыженьких. Правда, положи руку на сердце, блондинки, брюнетки и прочие масти тоже не оставляют меня равнодушным.

Дин может сказать, что я просто безвольный слабак, и в чем-то, видимо, окажется прав.

Мы поместили ее на софу в маленькой комнате, неподалеку от входа в правой части дома. Если смотреть от двери, то она окажется слева от вас. Женщина продолжала цепляться за сверток. Устроив ее, я отправился в кухню. Весьма неохотно. Когда она придет в себя, ей наверняка потребуется плечо, на которое можно упасть в поисках утешения.

Дин накормил меня завтраком. Когда я закончил питаться, прибыл Плоскомордый — следить, как я буду добиваться физического совершенства. Или болезненных судорог — смотря что наступит

раньше. Мы немного поболтали за чайком, и я почему-то забыл упомянуть о моей ню. Кому хочется говорить о спрятанных сокровищах в присутствии пирата? Затем мы вышли на улицу и предались физическим упражнениям — каждый своим. Я все же оказался крепче. Пальцы у него закончились раньше, чем у меня круги.

Пыхтя, сопя и корчась от боли, я совершенно забыл о своей таинственной гостье. Пыхтение и сопение требуют полной сосредоточенности.

7

Последний круг. Впереди маячит пиво. От покоя меня отделяют всего несколько ярдов. Я вырвался из-за угла Дороги Чародея на полной скорости, то есть почти шагом, хрипя при этом, словно раненый бизон. Меня бросало из стороны в сторону, как корабль, лишенный руля. Если бы не глазевшие соседи, я встал бы на четвереньки и проделал оставшуюся сотню футов ползком.

Счет кругам я, конечно, потерял. Плоскомордый обжулил меня, подбросив несколько лишних. Я сообразил это всего лишь минуту назад. Если выживу, то рассчитаюсь с ним, даже если это будет моим последним поступком в жизни. Впрочем, если для мести потребуется перейти на бег, то это точно станет моим последним прижизненным действием.

Голова моя была опущена. Хотя этого делать и не положено, я не отрывал взгляда от ног. Если за ними не следить, они могут отказаться служить. Я безуспешно пытался прикинуть, на сколько кругов надул меня Тарп. Я потерял счет, потому что не происходило никаких событий, отличающих один круг от другого. Никто не мог сказать, сколько же кругов я сделал на самом деле. Но я не сомневался, что он меня обманул.

Храпя и хрипя, я достиг подножия ступеней, схватился за перила и подтянулся поближе к кувшину, который обещал забвение.

— Это тот тип, которого я ищу? — Голос был незнакомым.

— Он самый, — ответил Плоскомордый.

— Не шибко впечатляет.

— Ничем не могу помочь. Я не его матушка.

Тот еще друг! Я приподнял подбородок. Хф! Пф! Плоскомордый был не один. Обладая умом незаурядным, это я уже сообразил. Правда, не сообразил, что он беседует с женщиной. Наверное, это все же была женщина.

С первого взгляда она казалась старшей сестренкой Тарпа. Возможно, в ее жилах текла кровь гигантов. Меня она превосходила ростом на целый дюйм. Ее светлые волосы выглядели бы вполне прилично, если бы их хотя бы изредка мыли и расчесывали. По правде говоря, все части ее тела находились на своих местах и смотрелись неплохо, если забыть об их дьявольских размерах. Она была лохмата и казалась весьма крутой.

— Меня зовут Торнада, Гаррет. Я — охотница.

Вид дамы не вдохновлял на то, чтобы приветствовать ее как леди. Леди так не одеваются. Масса потертой кожи и тряпья, нуждавшихся в стирке и чистке не меньше, чем их владельца. На поясе болталась масса металлических предметов. Посетительница действительно смахивала на охотницу. Казалось, она способна одолеть громового ящера одной левой. Если, конечно, не прикончит его раньше запахом изо рта.

Имя мне ничего не говорило. Наверное, она появилась в городе недавно. Иначе я не мог бы не слышать о такой амазонке.

— Ну да, я — Гаррет. Что дальше? — Хватая воздух бушелями, я даже не пытался притворяться вежливым.

— Ищу работу. Только что пришла в город.

— Не шутите?

— Люди, с которыми я толковала, сказали, что мы с вами можем составить хорошую команду. — Взглянув на Плоскомордого и мотнув головой в мою сторону, она добавила: — Слабовато выглядит для такой высокой репутации.

— Искусственно раздута, — осклабился Тарп.

Он явно наслаждался ситуацией. Здоровенный увалень. По его ухмылке я понял: главное — еще впереди.

— Сейчас в городе на охотников не очень большой спрос, — объяснил я. — Мы добываем себе пропитание у мясника на углу.

— Я охотница другого рода, умник. Охочусь за людьми. — Изобразив твердый, уверенный взгляд, стараясь казаться как можно более крутой, она продолжила: — Устанавливаю нужные контак-

ты. Пытаюсь обосноваться. Не хочу, чтобы мои пути с кем-то пересеклись.

Для женщины такого роста у нее оказались маленькие руки с аккуратно обрезанными ногтями. Но было заметно, что ладони привыкли к тяжелому труду, такими можно ошкуривать бревна или спины. Я собрался было захихикать, но, проявив на сей раз мудрость, решил веселиться про себя. Не более десятка тысяч людей утверждают, что я плохо соображаю.

— Итак, что вам от меня надо?

— Почему бы нам не убраться с солнца, не присесть и не опрокинуть пару кружечек, чтобы я могла рассказать, на что я способна?

Плоскомордый за ее спиной ухмылялся от уха до уха. Видимо, она уже пыталась запродать себя ему.

— Правильно. Почему бы и нет? — ответил я со всей серьезностью.

Я забарабанил в дверь, одарив Тарпа парой-тройкой кинжальных взглядов. Напрасно он думает, что обошел меня. Я с ним за это еще посчитаюсь. После того как разберусь с обманом при подсчете кругов и семью-восемью другими приколами, значащими в моем списке.

Дин открыл дверь и в изумлении воззрился на Торнаду.

— Чего уставился, коротышка? — выпалила она, продолжая изображать крутизну.

— Мы будем в кабинете, Дин. Принесите нам кувшинчик. После того как запрете дверь.

Хватит дармовой выпивки для Тарпа! Я отступил в сторону, пропуская Торнаду.

— Прямо через зал, — сказал я и последовал за ней.

Дин начал запираť дверь. Торнада осматривалась с таким видом, словно хотела запомнить каждую трещину в стенах. Я представил, как Плоскомордый рычит на улице.

— Садитесь в это кресло. — Я указал на место для клиентов.

Сиденье было деревянным и твердым как скала. Чтобы визиты не затягивались. Посетителям полагалось сидеть ровно столько, чтобы успеть сказать самое главное, не вдаваясь в мелкие детали. Теоретически. Но это частенько не срабатывало, потому что жалобщики,

как правило, получали наслаждение от порции дополнительных страданий.

Торнада по-прежнему оглядывалась по сторонам так, словно тайно пробиралась через вражескую территорию.

— Вы высматриваете что-нибудь определенное? — поинтересовался я.

— Женщине, занимающейся мужским делом, постоянно приходится быть начеку.

Еще одна порция крутости.

— Могу представить. Однако чем я могу вам помочь?

— Я же говорю, я здесь новичок. Мне надо установить контакты. Вам время от времени может потребоваться лишняя пара рук. Например, найти нужного человека.

— Весьма вероятно.

Ее внимательная напряженность пробудила мою бдительность. У гостей явно было что-то на уме.

Дин принес кувшин. Я наполнил кружки. Осушив свою одним глотком, Торнада уставилась на картину за моей спиной. Ее тут же начала бить дрожь. Элеонора способна на такое. Человек, написавший ее портрет, несомненно, был безумным гением. Картина внушала зрителям необъяснимый ужас.

Я оглянулся, чтобы бросить взгляд на Элеонору. Движение Торнады было настолько быстрым, что я и обернуться не успел, как она приставила нож к моей глотке. Очень длинный нож. Не шибко отличающийся размером от двуручного меча.

— Я ищу книгу, Гаррет. Большую книгу. Ты, конечно, заявишь, что ее у тебя нет.

Книги у меня не было.

— Хорошо бы иметь ее, — ответил я.

Весь ее вид говорил о том, что дама ни на грош не верит моим словам. Она продолжала переть против фактов.

Нож уколол мне шею. Ее рука не дрожала. Настоящая профессионалка. Ни малейшей нервозности. Я тоже не нервничал, а если и нервничал, то не сильно.

— У меня нет книги. Почему ты решила, что она здесь?

На вопрос она не ответила, заявив:

— Поищу. Разберу твое логово на части. Если желаешь сохранить здоровье, не путайся под ногами. А если хочешь, чтобы и дом остался в целости, отдай книгу сразу.

Я продемонстрировал ей свой любимый трюк, вздернув одну бровь, и широко улыбнулся:

— Валай, развлекайся.

Она осклабилась в ответ:

— Считаешь, что справишься со мною? Даже и не думай пытаться.

— Куда мне, малышу! Забудь об этом. Эй, Весельчак, пора вступать в дело.

Торнада оглянулась, но нож не дрогнул в ее руке. Она не могла сообразить, с кем это я беседую.

— Кому ты, дьявол тебя поберет, говоришь?

— Партнеру.

Она открыла пасть. Единственное, что успела сделать. Покойник превратил ее в живую статую. В последний момент на ее роже появилось выражение ужаса. Неторопливо отведя руку с ножом в сторону, я уселся в свое кресло.

— У тебя крепкие нервы, — заметил я. (Она должна была все слышать и понимать.) — Но нервная система — еще не все.

Ни один из тех, кто хоть немного занимался мною, не пытался взять меня в моем доме. Покойник хоть и не разгуливает по улицам, но у него сложилась довольно прочная репутация.

Я потрепал Торнаду по внушительному плечу. Плечо было твердым как камень.

— Живи и учись, любовь моя.

Осушив кружку, я прошел в комнату напротив.

— Скажи, Весельчак, какова ее версия?

«Никаких версий, Гаррет, она рассказала тебе все. Девушка разыскивает книгу. Это ее первая работа в Танферсе. Ее нанял человек по имени Лаббок. Заплатил тридцать марок за то, что она потрясет тебя, и обещал еще сорок, если она доставит книгу».

— Любопытное совпадение. Что ей известно о вчерашней банде?

«Ничего. Видимо, поэтому выбор пал на нее. Она ничего не может сказать, потому что ничего не знает».

— Полагаю, друг Лаббок провел предварительные изыскания?

«Возможно».

— Она говорит с акцентом.

Торнада — бесспорно карентинка, но из каких-то иных мест.

«Хендер. Запад Центральных земель».

— Никогда не слышал.

«Неудивительно. Население — менее сотни душ. Сельская община. Поскольку твое любопытство так же, как и мое, затронуто, предлагаю установить за ней наблюдение. Ее контакты могут представлять для нас интерес. Похоже, что Лаббок — не подлинное имя ее работодателя. Она полагает, что это псевдоним».

Мне все это показалось крайне интересным. Явно заваривалась какая-то каша. А как вам известно, я чрезвычайно не люблю сложа руки ждать развития событий.

— Правильно. Однако Плоскомордого использовать нельзя. Она его видела. Сбегаю к Морли.

«Надеюсь, ненадолго?»

Старый клоун сумел вложить в единственное слово гору сарказма. Логхир решил, что можно перестать беречь мои чувства, и напомнил, какого он мнения о моем обычном образе жизни.

— Я пошел.

Вернулся я скорее, чем кто-либо мог ожидать. Мне просто повезло.

Плоскомордый ловил кайф на ступенях. Он еще не прикончил кувшин, предоставленный ему Дином на время моей пробежки. У него опять была компания, на этот раз в виде местного улововника по кличке Бельчонок. Я не знал настоящего имени Бельчонка и ни разу не слышал, чтобы его еще как-нибудь называли. Это был маленький костлявый тип весьма зловещего вида, с острыми чертами лица, кривыми, выдающимися вперед зубами и огромными ушами, торчащими с обеих сторон перпендикулярно черепу. Думаю, ему было нелегко продвигаться даже против не очень сильного ветерка.

Парня прозвали Бельчонком вовсе не из-за его внешности. Просто когда монтировалась его черепушка, туда забыли вложить кое-какие детали. Он был первоклассным придурком.

И второсортным бандитом. Парень работал на Чодо Контагью. Он не был простым бойцом, но и не входил в число тяжеловесов, подобных Садлеру и Краску. Я знал его недостаточно хорошо, но

было ясно, что он не принадлежит к числу тех, кто становится украшением вашей округи, поселившись в ней.

Я посмотрел на него, а он в ответ осклабился, продемонстрировав свои потрясающие зубки. Чертовски дружелюбный парень. Хочет остаться вашим корешем вплоть до того самого момента, когда потребует-ся воткнуть нож вам в спину. Бельчонку отчаянно хотелось всем нравиться. Но еще сильнее он желал попасть в элитную команду Чодо.

— Гаррет, босс слышал о твоих неприятностях. — (Чодо слышит все.) — Прислал меня на помощь. Сказал, если тебе что надо, только крикни погромче. Сказал, что не терпит людей, обижающих женщин.

Конечно, не терпит. Если женщины, работая на него, не начинают проявлять независимость. Хотя возможно, что проституток он к женщинам не причисляет.

Я не хотел ничего принимать от Чодо, но, с другой стороны, использовать Бельчонка было чертовски удобно. Почему бы и нет, и провались все в преисподнюю.

— Ты возник в самое что ни на есть нужное время, Бельчонок. Бельчонок осклабился. Он обожал похвалу. Если это, конечно, была похвала. Страшноватый человечиска.

— Как твоя женщина, Гаррет? Я должен спросить. Чодо хочет знать. Сказал, что может послать кого-нибудь присмотреть за ней, если желаешь.

— С ней все будет в порядке. Семья позаботится. — Тейты могли обеспечить качество ухода не хуже, чем Чодо. — Если дела пойдут плохо, они дадут мне знать.

Обязательно. Уиллард уверен в том, что, если Тинни умрет, я начну охоту за всеми, кто имел хотя бы отдаленное отношение к ее смерти. Когда я передам ему виновных, он вырежет у них печень и сожрет сыром.

— Значит, я пришел вовремя. Что надо для тебя сделать?

Я содрогнулся. У Бельчонка был визгливо-скрипучий голос, совершенно не вяжущийся с заискивающей манерой поведения. Маленький скользкий хорек. Но опасный. Крайне опасный.

— Сейчас отсюда выйдет женщина. Высокая блондинка, смахивающая на амазонку. Проследи за ней. Посмотри, куда она движется. Будь осторожен. От нее можно ждать неприятностей.

Я не имел ни малейшего представления, насколько хорош Бельчонок в деле. В его пользу говорило лишь то, что он был еще жив.

— Справляюсь. — Он как бы почувствовал мои сомнения.

— Что творится? — полюбопытствовал Плоскомордый.

— Она угрожала мне ножом. Трбовала какую-то книгу. Покойник вогнал ее в ступор.

— Опять книга?

— Ага.

— Неужто ты намерен встрять в это дело, даже если Тинни будет в порядке?

— Скажем так — мне все это крайне любопытно.

Я не собирался встречать ни в какие заварушки. Во-первых, у меня не было клиента. Во-вторых, я в принципе не люблю трудиться. К чему понапрасну расходовать силы, пока над головой есть крыша, а в кладовке — еда.

С другой стороны, из этого дела, быть может, удастся выудить кое-каких деньжат. Они требуются постоянно, хотя бы для того, чтобы платить Дину и поддерживать дом в относительно жилом состоянии.

— Разбегайтесь, — распорядился я. — А ты, Плоскомордый, вообще сваливай: она знает твою рожу.

— Ясно. Если понадобится, найдешь меня у Морли.

Я сделал им на прощание ручкой, вошел в дом и сунул голову в комнату Покойника:

— Можешь ее освободить?

Я говорил шепотом — не хотел, чтобы слышала Торнада.

«Да».

Вернувшись в кабинет, я взял нож из рук Торнады, сел на свое место и принялся чистить ногти. Покойник отпустил вожжи. Если вы никогда не видели, как кто-то выскакивает из своей шкуры, вам следовало бы взглянуть в тот момент на Торнаду.

— Приветствую вас у нас в большом городе, Торнада. Вам не следует забывать, что здесь у каждого в рукаве припрятана парадная трюков.

Схватив воздух открытым ртом, она двинулась к дверям.

— Не соблаговолите ли сообщить, где я мог бы найти Лаббока? Не могу сказать, что сердечно отношусь к людям, подсылающим ко мне наемные клинки.

Эти слова повергли ее в еще большее смятение. Ведь она ни единым словом не упоминала о Лаббоке.

Я шел за ней до самого выхода, задавая вопросы, чтобы отвлечь ее внимание от Бельчонка. Оказавшись на улице, она почти побежала.

Я огляделся по сторонам. Ни Бельчонка, ни Плоскомордого видно не было. Я вообще не заметил никого, кто бы проявлял интерес к моему жилищу. Войдя в дом, я отправился к Дину обсудить с ним программу ужина.

8

Дину мои советы не требовались. Он никогда в них не нуждается, но позволяет мне высказываться. Старик выслушивает предложения только для того, чтобы их отвергнуть.

Я уселся за стол. Дин спросил:

— Что это все означает?

— Не знаю. Некто по имени Лаббок прислал ее, чтобы вытрясти из меня какую-то книгу.

Он нахмурился. Старина Дин мастерски овладел искусством придавать себе мрачный вид. Его физиономия становится похожей на местность, изрезанную глубокими темными каньонами.

— Опять же этот тип, ударивший ножом мисс Тинни...

— Да.

— Определенно что-то происходит.

Еще один гений. В моем доме их что блох на собаке.

— Да.

— Вы намерены узнать, что именно?

— Возможно.

Большого желания у меня не было. Мир полон загадок. Разве я обязан их все разрешить? При этом совершенно бесплатно. И все-таки интересно, почему Торнада пожаловала именно ко мне?

Кто-то принялся молотить во входную дверь. Я пробормотал что-то о необходимости переезда, так как слишком много народа знает, где я живу.

— Это мистер Тарп, — сказал Дин.

— С чего ты взял?

— Я знаю его манеру стучать.

Как бы не так! Все-то он знает. Но к чему спорить? Пусть он лично убедится в ложности своих-маленьких фантазий. С этими мыслями я вышел из кухни.

— Вот это да! — Передо мной стоял Плоскомордый. — Что за дьявол?

Похоже, он сам был смущен.

— Она распахнулась, когда я постучал.

Плоскомордый смотрел на дверь так, словно она продемонстрировала ему хищный оскал.

Это невозможно. Я сам запираю ее. Таково мое первое и неизбывное правило. На улицах Танфера всегда сыщутся люди, готовые вломиться к вам без спроса. Среди них найдутся тупицы, не испугавшиеся Покойника. Только что я спровадил одну.

Прошло не меньше полминуты, прежде чем меня осенило.

— Три тупых гения! — завопил я.

Плоскомордый в недоумении уставился на меня. Я сунул голову в маленькую комнату у входа. Моя гостья исчезла.

— Дин!

Я совершенно забыл о ней за утренней беготней и приятным времяпрепровождением с красоткой по имени Торнадэ.

— Мистер Гаррет?

— Кое-кого не хватает. — Я указал на маленькую комнату. — Плоскомордый нашел входную дверь незапертой.

Как и следовало ожидать, лицо Дина выразило изумление. Он вошел в комнатенку, чтобы проверить, все ли на месте. Можно подумать, что там хранятся его личные вещи.

— Одежда исчезла, — объявил он.

Ей было просто необходимо что-то прихватить. Вы можете из кожи лезть вон, но никто не обратит на вас внимания на улицах Танфера. Однако если вы покажетесь голышом, то непременно проиждете фуру.

— Что происходит? — спросил Плоскомордый.

— Тебе известно ровно столько, сколько и мне. Дин, обеспечьте мистера Тарпа пивом. Мне необходимо побеседовать с Покойником.

Дин препроводил Плоскомордого в кухню. Я же отправился с визитом к своему постоянному гостю, который — прежде чем я успел промолвить слово — впал в урюмость.

«Ты ничего не сообщил об исчезнувшем посетителе».

— Но с какой стати я должен был тебе это сообщать?

Логхир всегда и без меня знал обо всех приходах и уходах. Сейчас он был настолько обеспокоен, что даже не пытался скрыть этого.

«Мне не было известно о ее присутствии. Это совершенно беспрецедентно! Даже не подозревал, что такое вообще возможно».

Он погрузился в себя в поисках объяснения невозможному. Итак, жмурик беспокоится. Что же говорить обо мне?

Я пребывал на грани паники. Кто-то мог уйти без нашего ведома! Ведь так и проникнуть к нам сможет каждый, кому не лень.

— Все это выглядит весьма скверно, мистер Гаррет, — произнес у меня за спиной Дин.

— Ты, оказывается, не только гений, но и мастер недомолвок, — заявил я. — Однако далеко уйти она не могла. Лучше схватить ее сразу.

— Кого это? — поинтересовался Плоскомордый.

Пришлось объяснить.

— Обнаженная красotka упала к твоим ногам, едва ты открыл дверь? — с издевкой произнес он. — И как только тебе это удастся? Почему такое никогда не случается со мной?

— Потому что ты ведешь неправильный образ жизни. Однако у нас нет времени на пустую болтовню.

— Это у тебя — нет, а у меня — сколько угодно. И как же она выглядела?

— Ты бы обалдел. Представь себе рыжуху, но с выпуклостями чуть большими, чем у Тинни.

— В таком случае в путь!

Но хорек из божественного пантеона, ответственный за дела Гаррета, решил, что за рыжими Гаррету гоняться не надо. Тоже мне бог, который ни черта не смыслит в жизни!

9

Не исключено, правда, что он просто решил побереечь ноги Гаррета и поэтому подослал к дверям еще одну гостью.

Дин уже запирал двери, когда раздался стук. Мы выглянули на звук и увидели, что старик стоит, заламывая руки.

— Что еще?

— Опять женщина!

Распахнув дверь, я взглянул на посетительницу. Это заняло некоторое время. Уж коли вы принялись за дело, то делайте его как следует. Там было на что посмотреть и что оценить, несмотря на небольшой рост гостьи. Интересно, почему округа не полнится воем. Отличный образчик! Все части тела в полном порядке и находятся в нужных местах. Огромные зеленые глаза. При виде смертельно алых и чуть припухших губок хочется вопить. Они, казалось, говорят: «Приди и возьми меня. Ты мне по вкусу». А груди... Неужели для них там хватает места? И как она только ухитряется носить на себе такую тяжесть?

Но... Она была крошечного роста — не более пяти футов двух дюймов, да и то на цыпочках. И, само собой, рыжая. У нее была копна рыжих волос, точно такая же, как у Тинни. Или как у мойс обнаженной и столь неожиданно исчезнувшей гостьи. По правде говоря, она копия последней, но — совершенно точно — другая женщина. Не сестры ли они? Или хорек на небесах решил окончательно запутать меня, подсовывая бесконечное число похожих друг на друга рыжих?

Я ничего не сказал. Лишившись дара речи, я провел ее в кладовку, которую величаю кабинетом. Дин без напоминаний принес очередной кувшин. Бедняга выглядел совершенно отупевшим. Очень скоро отупею и я, если кувшины продолжают поступать тем же темпом. Итак, еще одна рыжая. Оставалось надеяться, что на все это дело прольется божественный свет. И пусть это произойдет как можно скорее.

Меня вдруг осенило: уса́тый тип, вонзая нож в Тинни, считал, что поражает именно эту женщину или ту, голую. Я уселся и, потягивая пиво, принялся ее изучать. Она молча, но смело встретила мой взгляд. Гостья, казалось, не приглашала к сближению, но будь я проклят, если это приглашение не было встроено в нее изначально. Она принадлежала к тем женщинам, которые зажигают огонь страсти, даже штопая дедушкины носки. Такие женщины заставляют вас выбегать на улицу и лаять на луну от того, что вам выпало счастье обитать с ними в одном мире.

— Меня зовут Гаррет, — проквашал я. — Полагаю, вы хотели меня увидеть?

Иногда я сам бываю потрясен своим хладнокровием.

— Да.

Что да? Я отпил пива, чтобы не кинуться на нее. Вообще-то я — сторонник продолжительных ухаживаний. Уж никак не меньше пятнадцати минут. Сделав глоток, я выдавил:

— Итак?

— Надо, чтобы кто-то мне помог. Кто-то вроде вас.

Я улыбнулся от уха до уха. Неужели я не смогу ей помочь? Держу пари... Да я так расстараясь... Эй! Гаррет! Успокойся немного. Держи химические процессы в организме под контролем. На что ты рассчитываешь? Этот брак не будет совершен на небесах. Да, она полна огня, но не ты зажег его. Таково уж ее существо. Ксм бы она ни была.

— Итак?

— Мне нужен человек, который мог бы кое-что для меня найти.

— Именно этим я и занимаюсь. Нахожу разные предметы.

Правда, клиентам иногда приходится сожалеть, когда я добиваюсь успеха.

Она сидела, все сильнее накаляя атмосферу в помещении. Я уже начинал потеть. Отвернувшись, я краем глаза посмотрел на Элеонору. Эта высокая, холодная и изящная блондинка способна вернуть меня на землю. Я беседую с Элеонорой, когда остальные отказываются меня слушать. Она — мой якорь спасения в бурном море жизни. Интересно, что подумала бы живая Элеонора, узнав о том, что я делаю с ее портретом? Наверное, не возражала бы.

— Она для вас что-то значит? — поинтересовалась рыжая.

— Да. Ее зовут Элеонора Стэнтнор. Она была женой одного из моих клиентов. Он убил ее лет за двадцать до того, как обратился к моим услугам. В результате расследования он получил вовсе не то, что желал. Всплыло его давнее преступление. Картину я взял в качестве гонорара. Эта женщина для меня значит очень много. Если бы она осталась жива, то сейчас была бы в возрасте моей матушки. Но я все равно бы любил ее. — Я повернулся к рыжухе: — Однако вернемся к делу.

— Кажется, я пришла в неудобное время?

— Вы явились очень удачно. Вы — почти близнец моей приятельницы, которую кто-то вчера пытался убить чуть ли не у порога этого дома. Сдается мне, что вы способны пролить свет на это событие.

Она начала было что-то говорить. Но когда смысл моих слов окончательно дошел до нее, ее губки приняли форму большого «О», а глаза стали еще огромнее. Она поднялась, потом села, очень мило потрясая некоторыми частями тела.

— Мою приятельницу зовут Тинни. Она в жизни и мухи не обидела. Ее волосы одного цвета с вашими и рост примерно тот же. Правда, кое-где она не столь пышна, насколько я могу судить со своего места. Но различие не столь велико, чтобы бросаться в глаза. Она шла ко мне, когда какой-то мерзавец вонзил в нее нож. Я не мог понять почему, пока не увидел вас.

— О боги, — прошептала она. — Мне надо уходить отсюда. Ему все известно. Надо уходить.

— Вы никуда не уйдете, детка. Во всяком случае, пока я не узнаю, что, черт побери, происходит.

Она уселась, призывая богов и повышая уже и без того высокую температуру в помещении. Я решил было попросить Дина вылить на нее ведро холодной воды, но тут же от этой идеи отказался, опасаясь, что комната наполнится паром и могут отклеиться обои.

— Беда с Тинни выводит меня из себя, — сказал я. — И не только меня. Есть еще несколько опасных ребят. Богатых. Ее родственников. Все они жаждут крови. Судя по вашему виду, вы озабочены состоянием вашего здоровья и, видимо, вам не хочется оказаться среди этих рассерженных людей.

На ее маленьком милом личике появилось выражение неподдельного изумления.

Неужели я пытался запугать ее? Держу пари, что да. Она в ответ протянула:

— Ооо...

Таким тоном, будто мои слова ничего не значили.

— Я считаю, что парень, пырнувший ножом Тинни, принял ее за вас.

Само собой, я пытался ловить рыбку в мутной воде. Однако если не забрасывать удочку, то шансов что-либо поймать вообще не будет.

— Это единственно разумное объяснение. Так что давайте-ка начнем говорить по делу. — Я поднялся с кресла и обошел вокруг стола.

— Я совершила ошибку, явившись к вам. — Она попыталась встать.

Усадив ее, я продолжил:

— Вы совершили ошибку тогда, когда сказали кому-то, что подумываете о том, чтобы прийти сюда. Этот кто-то сильно забеспокоился. Выкладывайте. И учтите, мое хорошее настроение куда-то испарилось.

Вообще-то я не сердился. У меня был Покойник. Мне всего-навсего надо было заставить работать ее мозг, чтобы логхир смог вытянуть оттуда все, представляющее интерес.

Она сделала еще одну попытку встать с кресла. На этот раз усадить ее оказалось труднее. Она казалась не столько испуганной, сколько рассерженной. Явное несоответствие.

— Выкладывайте все, леди. Можете начать с вашего имени.

Она взглянула на свои руки. Боже, до чего же красивы эти ручки!

— Меня зовут Карла Линдо Рамада. Я горничная в доме лорда-барона Клеона Ничтожника.

— Никогда не слыхивал о таком.

Но если вся его прислуга выглядит так же, может быть, стоит подумать о том, чтобы перебраться к нему поближе. Вслух же я произнес:

— Полагаю, что он не из города. Так что же этот барон?

— Все началось как бы с него. Ему, наверное, лет двести, он не встает с постели, ожидая смерти. Но на него наложено заклятие. Он не может умереть. Барон просто продолжает стареть. Впрочем, это не важно. Главное в этом деле — колдунья. Та, которая наложила на него заклятие. Все зовут ее Змеюка. Она тоже живет в замке, но никто ее не видит. Никому, кроме ее ближайшего окружения, не известно даже, как она выглядит. Однако все прекрасно знают: она не снимет заклятия с барона, пока тот не объявит ее своей наследницей.

— Вот как?

— Она желает получить замок. Он стоит высоко в горах Хамадан около границы между Карентой и Терпррой. Оба королевства

заявляют на него свои претензии, но ни одно реально не контролирует. Змеюка мечтает о замке, потому что тот неприступен.

Интересно, действительно ли мисс Рамада так глупа, как кажется? Или, может быть, всего лишь наполовину? В поисках ответа я взглянул на Элеонору. Та не дала мне даже намека на ответ. Ну и ладно! Пусть Карла не гений. Что с того? Ей никогда не приходилось по-настоящему пользоваться своими мозгами. В нашем мире женщинам с ее внешностью вовсе не обязательно думать. Им всего лишь следует научиться правильно выбирать время, когда начать крутить хвостом.

— Обратимся к сути дела. Что вы здесь делаете? Мне надо знать, почему Тинни подверглась нападению. Мы вернемся к предыстории, если в этом возникнет необходимость.

Она снова проявила признаки раздражения.

— Змеюка сейчас изготавливает книгу, которую называют книгой видений или книгой призраков. Барон полагает, что она переносит в книгу большую часть своего могущества. Он считает, что если захватит книгу, то сумеет изгнать Змеюку из замка. Старик поручил своим людям украсть творение колдуньи. Те, дождавшись, когда ее стража уснула, забрали книгу. Но все же завязалась схватка. Большинство людей барона пало в бою. Погибло и множество охранников Змеюки. Человек по имени Холм Блейн сумел спастись и унести книгу. Но барону он ее не отдал. Вместо этого он привез ее в Танфер. Барон послал меня добыть книгу, так как я единственная, кому он может доверять. Когда я начала спрашивать, кто бы мог мне помочь, чаще всего упоминалось ваше имя. Я решила с вами встретиться. И вот я здесь. Но боюсь, что это была ошибка.

Я не мог избавиться от ощущения, что она не говорит мне правду, только правду и ничего, кроме правды. Однако Покойник сможет уточнить незначительные детали.

— С какой же целью вы желали со мною повидаться?

— Хочу, чтобы вы нашли книгу видений.

Естественно. Я посмотрел на Элеонору. Та ответила мне пустым взглядом. «Ты мне совсем не помогашь, детка». Я еще раз внимательно взглянул на рыжуху. Еще немного — и она испепелит меня своим пламенем.

— Так кто же пытался убить мою приятельницу? И почему?

— Люди Змеюки, видимо. Я знаю, что они здесь. Я их видела. Вам удалось их рассмотреть?

Я подробно обрисовал всю банду.

— Человек с усами, похоже, Элмор Флоунс. Даже друзья не станут его оплакивать. Крысюк, должно быть, Ким Потерянный Нож. Еще гнуснее, чем Флоунс. Гоблин скорее всего Захер Хо, охотник и следопыт. Но в услужении у Змеюки есть и другие гоблины. Что же касается карликов... Не знаю. Вокруг нее их вьется несметное множество.

— Хм. По крайней мере есть с чего начинать.

Я надеялся, что Покойник разберется со всем, что она предпочла не сообщать.

Рыжуха начала заламывать ручки. Такое нынче доводится видеть не часто, особенно у молодых. Дин — единственный из моих знакомых, кто предается картинным страданиям. Ее муки показались мне хорошо отрепетированными.

— Вы поможете мне найти Холма Блейна, мистер Гаррет? Поможете вернуть книгу видений? Я просто в отчаянии.

Бедная, отчаявшаяся малышка, противостоящая в одиночку могущественным силам зла. Вернейший способ поднять Гаррета на подвиг. Но дело в том, что я не чувствовал ее отчаяния. Очарование гостии начало испаряться, притом настолько быстро, что пришлось постараться, чтобы не показать этого. Удержим ее на привязи, Гаррет. Терять нам нечего.

— К сожалению, у меня масса собственных проблем. Но если книжечка мне попадется, я ее прихвачу.

Она посмотрела на меня так, что мой позвоночник, несмотря на вернувшийся ко мне природный цинизм, едва не расплавился. Мне захотелось схватить Дина и Покойника за шкуру и выкинуть на улицу. Она же извлекла мешочек из оленьей кожи и вынула пять серебряных монет.

— Мне надо оставить кое-что на жизнь, пока вы станете искать книгу. Сожалею, что не могу предложить вам больше. Это все, что мы смогли наскрести. Змеюка прибирает к рукам все серебро.

Серебро стало редкостью с того времени, как Славя Дуралейник захватил копи в Кантарде. Я хотел было заявить, что с ее внешностью ей не обязательно нищенствовать. Обитающий во мне негодяй окончательно вернулся к жизни.

«Прими деньги».

Покойник редко посылает сигналы за пределы своего помещения. Когда он это делает, я в спор не вступаю. Обычно у него имеются веские мотивы. Но его вмешательство отвлекло меня, и вместо того, чтобы задать женщине сотню вопросов, я всего лишь сказал:

— Мой друг проводит вас туда, где вы остановились.

Плоскомордый наверняка болтался где-то поблизости.

— В этом нет необходимости, — поднявшись, произнесла она.

— Боюсь, что есть. Нож один раз уже был пущен в дело. Скорее всего он предназначался вам. И, как мне кажется, эти люди уже поняли, что ошиблись. Понимаете?

— Думаю, да. — Снова заметное раздражение. — Благодарю вас. Не перестаю изумляться, что люди способны поступать подобным образом.

Вот как? Все-таки она была хороша, надо отдать ей должное. По-настоящему хороша. Я громко крикнул:

— Дин, попросите мистера Тарпа проводить леди домой! И пусть он проверит, нет ли за ней слежки.

Дин вошел в кабинет и кивнул. Похоже, старикан подслушивал у дверей.

— Прошу вас, мисс, — произнес он с улыбкой.

Старец, когда хотел, мог быть очень мил с гостями. Я вспомнил о вопросах, которые хотел задать, лишь после того, как за ней захлопнулась дверь. Что за чертовщина? Видимо, ответить мне сможет только Покойник.

10

Направляясь к Покойнику, я встретил Дина, успевшего запереть дверь.

— Она лгала, мистер Гаррет.

— Пожалуй, не говорила всю правду.

— Если хотите знать мое мнение, там не было ни единого правдивого слова.

— Не имеет значения. Послушаем, что сумел выудить Весельчак из пустого места между ее ушами.

Дина начала бить дрожь. Никак его не пойму. За все эти годы он так и не сумел привыкнуть к Покойнику.

Добавив монеты Рамады к кучке денег, хранящихся под креслом логхира, я уселся на свое место и огляделся по сторонам. Дин опять манкировал своими обязанностями. В этой комнате он всегда дрожит от страха и не занимается уборкой до тех пор, пока я на него не наору. Частенько мне приходится самому чистить Покойника. Вот и сейчас по нему сновали разнообразные насекомые.

— Как тебе понравилась моя посетительница?

«Неужели ты все еще не вырос из своего подросткового чувства юмора?»

Бах! Это был ответ на мои мысли.

— Надеюсь, что не вырос, Старые Кости. Все взрослые — такие зануды.

«Как правильно заметил Дин, она лгала».

— Ну а какова же правда?

«Я не осмеливаюсь строить догадки».

Ого. Это звучало довольно зловеще.

«Я не сумел уловить ничего существенного. Всего лишь несколько поверхностных мыслей».

О боги! Что за чертовщина?

— А я-то полагал, что любой мозг для тебя — открытая книга.

Провалы превращаются у него в привычку. Неужели он совсем износился?

«Нет. Только самые примитивные умы».

Ух!

— И ты еще смел критиковать мое чувство юмора? Что все это означает?

«Она — не горничная. Надо бы за ней понаблюдать, но не так, как это делал ты. Хотя пока мы здесь не имеем настоящего дела, и смешивать особенно нечего».

Опять он отвечал на мои тайные помыслы.

— Почему нельзя мешать дело и удовольствие? Она была...

«Да, была. И что же?»

— Эй, постой! Она теперь наш клиент. Платит деньги.

«И совершенно ясно почему. Ты не перестаешь поражать меня, Гаррет. Подумай для разнообразия головой, а не железами внутренней секреции. Хотя бы разок. Изуми друзей и потряси врагов».

Я поразмыслил, не дать ли ему отпор. Можно упомянуть о том, что я не кипел страстью, имея дело с Торнадой. Впрочем... Развитию отношений с ней было лишь одно препятствие — рост девицы.

— Вот уж зелен виноград. Ты зудишь только потому, что сам уже давно ни на что не способен.

Очевидно, это было недалеко от истины, так как он резко сменил тему:

«И каким же образом ты намерен отыскать её книгу? Ты, столь способный дознаватель, не сумел выжать из нее никакой дополнительной информации».

— Откуда мне было знать, что ты совсем зачух?

«Ты должен учиться стоять на собственных ногах, Гаррет. Я не могу все делать за тебя. Вместо того чтобы затевать ссору, я предлагаю тебе найти мистера Тарпа и попросить его установить постоянное наблюдение за этой женщиной».

— А как насчет книги, о которой она говорила? Должно быть, это та книга, о которой мы уже слышали. Можешь что-нибудь сказать?

«Ничего. Книга видений, книга призраков, говоришь ты? Видимо, нечто мистическое. Впервые слышу. Если бы мы знали о книге, это могло бы пролить свет на остальные события. Посетительница сказала, что с женщиной, названной ею Змеюкой, сотрудничает множество карликов. Это весьма необычно, я бы даже решился сказать — маловероятно. Полагаю, тебе стоит посетить местный анклав карликов. Не исключено, что кто-то из них сможет пролить дополнительный свет на события. Мне кажется, что Гнорст, сын Гнорста, сына Гнорста — все еще их претор. Да. Именно так. Повидайся с ним. Упомяни мое имя. Он мне кое-чем обязан».

Старый мешок с костями наконец расшевелился. Эта история заинтересовала его куда больше, нежели меня. Ну да, ему только подавай головоломки.

— Не валяй дурака, Старые Кости. Даже у карлика не может быть имени, напоминающего приступ сеного насморка. Или нет? И

каким образом он может быть тебе чем-то обязан? Мне что-то не доводилось видеть в нашем доме карликов.

«Они — долгожители, Гаррет. У них великолепная память и высокоразвитое чувство долга».

Эта тирада должна была поставить меня на место. Посмотри на себя, Гаррет. У нас, короткожителеев, нет времени на такие пустяки, как расчеты по долгам.

«После посещения карликов можешь обратиться к услугам мистера Дотса. Если мистер Тарп ничего не сумеет выяснить и личность, которую ты именуешь Бельчонком, останется в неведении, можешь начать проверку рассказа этой женщины. Пункт за пунктом. Эксперты по геральдике должны знать этого барона и его замок. Торговцы и путешественники, посещавшие те края, тоже способны кое-что рассказать».

— Не учи бабушку разбивать яйца. Ты забрался на мою территорию.

«Неужели? Я говорю о работе ногами, Гаррет. О той стороне дела, к которой ты испытываешь аллергию».

Чушь и лицемерие. Вонстину зелен виноград для парня, чептыреста лет безвылазно проторчавшего в кресле. С другой стороны, конечно, он прав: приятнее помешивать горшок и смотреть, что всплывает.

— Надо узнать, сможет ли Дин сегодня задержаться. Если он останется, я отправлюсь в Карлик-Форт.

Я прошел в кухню и нацедил себе пива. Дин, естественно, согласился задержаться допоздна. Теперь, когда начались события, будет невозможно прогнать его домой. Тинни — любимица старика. И он жаждал стать свидетелем того, как будет вершиться возмездие за ее страдания.

— В таком случае держать оборону придется тебе, — объявил я. — Его милость посылает меня в обитель волосатых коротышек.

— Постарайтесь вернуться не очень поздно. Я готовлю большой яблочный пирог. Он будет гораздо вкуснее, если его не придется разогревать.

Сюрпризы, сюрпризы. Старик знает, как отвлечь меня от забот. Если в нем обнаружится еще хотя бы один талант, я на нем женюсь.

Пройдя в оружейную кладовую и подготовившись к выходу на улицу, я покинул дом. Не имея ни малейшего представления о том, что я затеял. Как всегда.

11

Покойник предложил мне на обратном пути заскочить в «Домик Радости», которым владел и управлял мой друг Морли Дотс — профессиональный вегетарианец, убийца и эльф-полукровка. Поразмывсив, я решил не заходить к нему. Морли очень полезен, когда дело начинает принимать крутой оборот, но у него есть слабое место. Женщины. Нет смысла втягивать Морли в дело, чреватое для него столь большими соблазнами. К тому же его отсутствие повышает мои шансы на успех.

«Домик Радости». Абсолютно идиотское название для заведения, где меню рассчитано на жвачную скотину. Гораздо лучше звучало бы «Кормушка». Или что-нибудь вроде «Сеновала» или «Стойла»? Такие звучные имена в сочетании с подаваемыми яствами придали бы ему особый шик.

Место, которое люди называют Карлик-Фортом, или Домом Карликов, занимает четыре квартала за возвышением, именуемым Детской Площадкой. Площадка граничит с Излучиной — местом, где река круто изгибается на юго-запад и откуда на многие мили тянутся пристани и доки. Легенды гласят, что Площадка была обитаема еще до того, как здесь появились первые человеческие существа. Первоначально это был форт. Затем форт, располагавшийся вблизи слияния трех крупных рек, превратился в крупное поселение. Позже последовало сооружение новых укреплений и началось развитие промышленности, ускорившееся в результате так называемых расовых войн, когда люди, страдая комплексом неполноценности, вышли из окрути все более древние расы.

Войны эти полыхали много лет назад. С тех пор история завершила полный оборот. Теперь Площадка заселена негуманоидами, которые явились, чтобы нажиться на бесконечной войне между Карентой и Венагетой.

У меня всегда найдется что сказать против войны и ее последствий. Во-первых, негуманоиды очищают наши карманы. А правители Каренты радостно это поощряют. Настанет время, когда пришельцы очистят территорию от наших костей.

Я вовсе не расист и прекрасно уживаюсь со всеми, кроме крысиков. Наши вожди в их неизбывной мудрости и стремлении к бесконечному соглашательству заключили с другими расами договоры, защищающие тех от военной службы, даже если они обитают в Каренте в течение десяти поколений. Эти расы пользуются всеми привилегиями и не несут никаких обязанностей. Они жиреют, изготавливая оружие, которое используют другие парни. Этих парней нельзя было бы призвать на службу, если бы в экономике страны их не замещали нелюди.

Если вы человек и к тому же мужчина, вам предстоит прослужить пять лет в армии. Сейчас, когда Кантард попал в лапы Слэви Дуралейника, его наемников и союзников-туземцев, здесь начинают поговаривать о шести годах службы. Это означает, что еще меньше выживших станет возвращаться домой.

Я преисполнен горечи и не хочу этого отрицать. Я пережил свою пятерку и пришел домой, но оказался единственным в семье, кто ухитрился это сделать. А когда я вернулся, никто не удосужился сказать мне спасибо.

Однако к дьяволу все это! Дом Карликов занимает четыре квартала. С севера на юг его пересекает улица, а с востока на запад — ответвление канала. Ходят слухи, что все кварталы соединены между собой тоннелями. Возможно. В любом случае они соединены мостами высотой с четырехэтажный дом. Я имею в виду человеческие этажи. Поскольку карлики есть карлики, никто не знает, сколько уровней там в действительности.

Здания в Карлик-Форте не имеют выходящих на улицу дверей, и в них крайне мало окон. Людям редко удастся попасть во внутренние помещения. Я совершенно не представлял, что меня там ждет. Одно я знал точно: если они меня впустят, а выпустить не пожелают, — мне крышка. Пусть даже мой приятель Король явится на выручку. Дом Карликов пользуется практически полной экстерриториальностью.

Прежде чем постучать, я внимательно все осмотрел. То, что открывалось взору, мне крайне не понравилось. И все же я постучал. Кому-то ведь так или иначе приходится заниматься подобными делами. Обычно этот кто-то настолько туп, что ему не хватает ума вовремя сбежать.

Выдержав пристойную паузу, я постучал снова. Они там, видно, не очень привыкли торопиться.

Я постучал в третий раз. Дверь распахнулась вовнутрь.

— Ладно! Ладно! Незачем так ломиться. Я услышал вас с первого раза.

Волосатому коротышке, одетому в красное и зеленое, было по меньшей мере лет шестьсот, а к дверям парня приставили, наверное, в силу его исключительного обаяния.

— Мое имя — Гаррет. Покойник прислал меня поговорить с Гнорстом, сыном Гнорста.

— Невозможно. Гнорст — весьма занятой карлик. У него нет времени развлекать каждого забредшего к нам Долговязого. Уходите.

Я не двинулся, а только выставил ногу, чтобы не позволить ему захлопнуть дверь.

Карлик, как мне показалось, недовольно скривил рожу. Точно сказать было нельзя — я видел только глаза, утопленные в такой огромной бороде, что она без труда могла бы служить гнездом аиста.

— Чего вы хотите?

— Гнорста. Он в долгу перед Покойником.

Карлик вздохнул. Заросли на его лице шевельнулись, что могло означать появление под ними примирительной улыбки. Он проворчал и издал звук, который за обеденным столом сочли бы неприличным.

— Я скажу Гнорсту.

Бам! Он захлопнул дверь, и я едва успел спасти ногу. Затем я позволил себе захихикать. У этих типов вовсе нет воображения. Гнорст — сын Гнорста, сына Гнорста, сына Гнорста? Дьявольщина! Думаю, им не составляет труда запомнить, кто чей родственник. А если Гнорст потеряет голос, наверняка сможет отвечать на все вопросы сморканием.

Держу пари, для карликов эти звуки являются вполне членораздельной речью.

Волосяной шар прикатил обратно через пять минут. Не исключено, что он установил новый личный рекорд.

— Входите. Входите.

Одно из двух: либо упоминание о Покойнике оказывало на них магическое действие, либо у них закончился корм для любимых ручных крыс. Оставалось надеяться, что на парня с неслепым именем мои рекомендации произвели должное впечатление.

— Следуйте за мной, сэр. Следуйте за мной. Берегите голову, сэр. Потолки могут оказаться для вас низковаты.

Карлик-привратник оказал мне дополнительную честь, запалив факел от лампы, столь тусклой, что мне от нее не было никакого прока. Он гордо взглянул на меня — мол, мистера Гаррета встречают по первому разряду. Такой прием у них, видимо, устраивается только при визитах членов королевской семьи.

Дом Карликов изнутри состоял из мрака и запаха, как бывает в жилищах, где в одной комнате ютятся по меньшей мере четверо. Только вонь еще покруче. Вентиляции не было и в помине.

Мы поднимались по ступеням. Мы спускались по ступеням. Я, сильно сутулясь, маршировал мимо мастерских, где повзводно трудились карлики. При этом каждый из них работал над чем-то своим. Освещение повсюду было преотвратным, но света факела моего проводника было достаточно, чтобы я мог рассмотреть этих гордых мастеров. Каждый предмет, производимый карликами, был шедевром. Изделия лучше просто не могло существовать. Меч, щит, кираса, часы или заводная игрушка — все являлось подлинным произведением искусства. Каждая вещь была уникальна. Каждый из ремесленников был в своем деле артистом.

Мы не прошли и половины пути, а мой крестец уже начал ныть. Из-за вони мне приходилось дышать ртом. Надеюсь, никто из хозяев не обиделся. Шум стоял невообразимый. Карлики стучали, звенели, скребли и грохотали как сумасшедшие, и все ради того, чтобы выглядеть в моих глазах маленькими трудолюбивыми созданиями. Держу пари, они начнут сачковать в ту же секунду, как я кроюсь из виду.

12

Карлик с дурацким именем дурнем вовсе не выглядел. Зато выглядел чем-то ужасно волосатым. Я догадался, что борода здесь является символом статуса. Его крошечные, глубоко посаженные глазки сверлили меня из-под разросшегося кустарника седых бровей. За волосами я даже не мог рассмотреть, во что он одет. Правда, на голове у него была традиционная высокая, остроконечная шляпа, украшенная пером, выданным из фазаньего хвоста.

Гнорст, потомок многих Гнорстов, встретил меня в тенистом саду, разбитом на крыше одного из зданий. Сад с дорожками, посыпанными белой мраморной крошкой, с невысокими деревцами и крошечными деревянными мостиками над заселенными рыбой прудами, выглядел весьма стильно. Такая утонченность у меня обычно ассоциируется с благородными эльфами. Я потерял копчик, с глупым видом пялясь на хозяина.

— Этот сад — своего рода каприз, мистер Гаррет. Мои вкусы чрезвычайно не типичны для карликов, но достигнутое положение позволяет следовать своим причудам.

Все это было сказано без взаимных представлений или каких-либо иных светских тонкостей.

— Очень располагающая, мирная обстановка, — заметил я. — Потрясен, увидев подобную красоту на крыше дома.

Мой проводник успел исчезнуть. Еще один волосяной шар принес освежающее. Среди множества напитков нашлось и пиво. Быть может, они слышали обо мне. Я сделал большой глоток.

— Вы варите пиво так же прекрасно, как делаете все остальное.

Пиво было так себе, но следовало вести себя дипломатично. Гнорст остался доволен. Возможно, он лично участвовал в процессе пивоварения.

Карлики не употребляют ни алкоголя, ни наркотиков, поэтому у них отсутствуют точные стандарты для оценки качества продукта.

— Я желал бы иметь больше времени для легкой болтовни, мистер Гаррет. Тогда я с удовольствием выслушал бы ваш рассказ о похождениях моего старого друга — вашего партнера.

— Партнера? — рассмеялся я. — Умоляю вас, забудьте это слово. Мне не хотелось бы внушать ему опасные идеи.

(Наверное, он все-таки партнер, но я не собирался признавать это публично.)

— Не беспокойтесь. Иногда он действительно бывает страшно упрям. Как-нибудь постараюсь к вам заскочить. Но, в свою очередь, умоляю вас быть снисходительным к моей нетерпеливости. У меня, поверьте, нет ни минуты.

— Понимаю. Я тоже спешу.

— Что же привело вас сюда?

— Это идея Покойника. Одного из моих друзей вчера ранили ножом. Банда, совершившая нападение, в основном состояла из карликов.

Гнорст вскочил на ноги.

— Карлики?! Совершили убийство?!

— Покушение на убийство. Пока, — пояснил я.

— Странно. Весьма странно.

Но он заметно успокоился, видимо, решив, что его команда не могла нести ответственность за содеянное.

— Не вижу, чем могу быть вам полезен, — закончил Гнорст.

— Покойник надеялся, что вы сможете помочь мне выйти на тех ребят. Сообщество карликов очень тесное и...

— Да, это справедливо, — прервал он меня. — Но есть карлики, которые в него не входят. Все же... Подобное поведение невозможно оправдать. Оно обостряет имсущиися в обществе предрассудки. Отрицательно влияет на бизнес. Я спрашиваю своих людей. Возможно, кто-то знает тех карликов, хотя надеюсь, что нет. Карлик, поступающий скверно, — плохой карлик.

Это звучало пословицей, выражавшей мудрость веков.

— Благодарю за потраченное на меня время, — сказал я. — Еще один вопрос. Слышали ли вы что-нибудь о книге призраков? Или книге видений?

Гнорст подпрыгнул так, словно кто-то воткнул в него раскаленный вертел. Он молча смотрел на меня целую минуту. Не меньше минуты — я не преувеличиваю. Затем проскрипел:

— Книга видений?

— Перед тем как я отправился к вам, мой дом посетила женщина, очень похожая на мою приятельницу, получившую ножевое ранение. Мне кажется, жертвой должна была стать она. Посети-

тельница хотела прибегнуть к моим услугам. Она поведала мне длинную историю о колдунье по имени Змеюка и о похищенной у нее книге видений. Книга, как женщина утверждает, находится сейчас в Танфере.

— Простите, мистер Гаррет, — он подошел к парню, принесшему пиво, что-то пробормотал и, притопав обратно, пояснил: — Я был вынужден отменить кое-какие встречи. Вы теперь располагаете большим временем.

— Что произошло? Я вас чем-то встревожил?

— Испугали. Ввергли в ужас. Полагаю, вы не знакомы с древней историей карликов?

— Как и с историей всех других племен. В чем же дело?

— Вы вернули к жизни старинные кошмары.

— Может быть, вы все-таки поясните? До того, как я хлопнусь в обморок.

— Книга Видений, чаще именуемая Книгой Призраков, пользуется весьма дурной славой в легендах карликов. Для вас это невысказанно далекие времена. Все случилось до того, как человек сделал свои первые шаги.

Для меня и вчерашний завтрак утонул в невысказанно далеком прошлом. Но я не стал упоминать об этом. Зачем казаться более мелкой личностью, чем ты есть на самом деле. Сгони-ка с рожи свою глупую ухмылку, Гаррет.

— В те времена наши волшебники обладали огромным могуществом, мистер Гаррет. Но некоторые из них, увы, прибегали к черной магии. Самым злобным из них и самым черным был некий Полуночный Кромбах, который и создал Книгу Призраков.

Оцените. Я сумел сохранить серьезность. Полуночный Кромбах. Пришлось напомнить себе, что и им наши имена могут представляться такими же идиотскими.

— Полуночный Кромбах?

— Да. Возможно, звучит забавно. Как и имена многих святых в человеческой мифологии. Но он не был бы Кромбахом, если бы его деяния не могли оказывать влияния на будущее.

— Понимаю.

Я действительно понимал, так как совсем недавно вышел живым из дела, касавшегося нескольких религиозных культов Танфе-

ра. На этот город наложено проклятие, он заражен буквально тысячами различных вероисповеданий.

— Легенда о Кромбахе побуждала множество потенциальных «властителей мира» пытаться создать собственную Книгу Призраков.

Все это было чрезвычайно интересно, но дела вовсе не проясняло.

— Что в ней содержалось?

— Книга магии. Сто латунных листов, выкованных в толщину бумаги и переплетенных в обработанную мамонтовую кожу. На каждой странице записано чудовищно могущественное заклинание. Все заклинания составлены и написаны с типичным для карликов стремлением к совершенству.

Я, кажется, начал понимать, почему пошла охота на эту книгу. Но с какой стати все эти типы открыли охотничий сезон и на меня? Ни в моем доме, ни вокруг него не было ничего магического. Гнорст принял мой задумчивый вид за проявление изумления.

— Эти заклинания весьма специфичны, мистер Гаррет. Каждое из них — по одному на страницу — при правильном употреблении позволит владельцу книги принять новую форму и приобрести соответствующий ей характер. Другими словами, владелец книги может принять один из сотни обликов, обратившись к нужной странице и прочитав ее вслух. Он может стать любым из сотни людей или каким угодно иным созданием, если оно там описано.

— А?..

Я не тупица, но это уже чересчур. Мое воображение представило все возможные последствия использования книги.

— Вы хотите сказать, что эта Книга Видений находилась у Змеюки и теперь кто-то похитил ее? — спросил я.

— Книга Призраков была уничтожена ценой многих жизней наших предков. Все содержащиеся на ее страницах типы были чрезвычайно злобными. Если ваша посетительница не солгала, то упомянутая колдунья пытается создать свою книгу призраков. Чем она могла их подкупить?

— Кого? — Я не успевал следить за ходом его мыслей.

— Карликов. Тех, которых вы повстречали. Книгу Видений невозможно создать без нашего мастерства. Но ни один карлик в здравом уме не станет содействовать злу такого размаха... Однако это уже не ваша забота.

Не моя, но в то же время и моя. Меня уже слишком далеко занесло без руля и без ветрил в бурное море, и мне не оставалось ничего другого, как грудью встречать ветер и волны.

Взволнованный Гнорст принялся расхаживать взад и вперед, напоминая волосатое яйцо на коротких ножках.

— Это плохо, мистер Гаррет. Очень плохо, — причитал он, повторяя одно слово по нескольку раз.

Я молчал, так как решил, что сказал все, что должен был сказать.

— Это ужасно. Это чудовищно. Это отвратительно, — не унимался Гнорст.

Даже до меня начало доходить, что ситуация и впрямь не очень хорошая.

Неожиданно он спросил:

— Эта женщина говорит, что книга здесь? Здесь, в Танфере?

— Да. Сказала, что так считает.

— Нам следует найти и уничтожить книгу, прежде чем кто-то попытается ее использовать. Она сказала, что книга закончена?

— Она сказала лишь, что книга похищена. Украдена типом по имени Холм Блейн. Это все. В детали она не вдавалась. Просто хотела подрядить меня на поиски.

— Не надо. Не приближайтесь к этому предмету. Такое бесконечное зло... Предоставьте нам возможность разобраться с этим. — Теперь он говорил не со мной. Он беседовал сам с собой: — Это меня разорит. Все мои производственные планы отправятся в преисподнюю. Но выбора у меня нет. — Вспомнив о моем присутствии, он повернулся ко мне и произнес: — Вы — жестокий человек, мистер Гаррет.

— Но почему?

— После вашего рассказа мы не сможем трудиться, пока это чудовище на свободе. Все наше производство рухнет.

Ну да. После того, как луна упадет в море. По-моему, он реагировал слишком остро.

— Я не совсем понимаю.

— Представьте, что вы преисполнены зла. Вообразите, что в вашей власти стать любым из сотни людей, сконструированных, исходя из ваших потребностей. Один из них может быть суперубий-

цей, другой — гениальным вором. Третий... да кем угодно. Вервольфом, например. Вы понимаете, что я хочу сказать?

— О да.

Я начал понимать, но все же не до конца. Варианты, которые подсказывало мне воображение, были гораздо более приземленными.

— Вооружившись законченной книгой, эта колдунья станет почти непобедимой. Пока ведьма живет в одном из образов Книги Призраков, она практически бессмертна. Если вы ее убиваете, у нее в запасе остается еще девяносто девять жизней. Если она сумеет как следует подготовиться. Плюс ее собственная жизнь. Она уязвима лишь в своем естественном виде, которого будет всеми силами избегать, чтобы не подвергать себя опасности.

Наконец-то до меня дошло. Вроде бы. В том, что он говорил, было мало смысла. Но мне, признаться, магия всегда казалась бессмысленной.

— Значит, мы влипли в пренеприятную историю, так, что ли?

— Хуже быть не может, если книга закончена. Но даже и в незавершенном виде это — мощное оружие. И практически каждый, кто знает о ее предназначении, может ею воспользоваться, если ваша Змеюка имела глупость написать ее на общеизвестном языке. Вам вовсе не обязательно быть волшебником. Вы просто-напросто открываете нужную страницу и тут же становитесь кем надо.

Я подумал над его словами. Подумал как следует. И чем больше я думал, тем больше мрачных возможностей предо мной открывалось и тем меньше мне начинала нравиться эта книга. Она, пожалуй, даже хуже эпидемии черной чумы.

— Вы полагаете, книга действительно может существовать? Думаете, это не досужие фантазии?

— Что-то определенно существует, если ради этого идут на убийство. Но книга наверняка не завершена. — Голос Гнорста звучал так, будто парень насвистывал в темноте. — В противном случае вор не смог бы к ней подступиться. Но она чрезвычайно опасна в любом виде. Ее необходимо уничтожить, мистер Гаррет. Прошу вас, немедленно отправляйтесь к Покойнику. Уговорите его использовать всю силу своего интеллекта. Мои люди сделают все, что смогут.

Значение Тинни во всей заварушке быстро сходило на нет. Ставки оказались значительно грандиознее. Мне следовало раньше догадаться, что все должно неимоверно усложниться, — всем известно, судьба избирает для Гаррета наиболее сложный вариант.

— Дайте мне знать, если что-нибудь получится.

Гнорст молча кивнул. Он уделил мне времени и предоставил информации больше, чем каждый из нас планировал. Казалось, теперь ему не терпится, когда я уйду.

— Нам следует извиниться друг перед другом и приступить к делу, — сказал я.

— Именно, мистер Гаррет. Моя жизнь с этой минуты бесконечно осложнилась.

Гнорст подал сигнал. Из ниоткуда возник старикан привратник.

Он провел меня к тому месту, откуда мы пришли. Кто-то, видимо, бежал впереди, чтобы предупредить карликов. Они продолжали трудиться столь же ожесточенно, как и тогда, когда я шагал на встречу с Гнорстом.

Не верю. Никто не может работать все время.

13

Выбравшись на дневной свет, я прислонился к стене в нескольких футах от входа в Дом Карликов — поразмышлять о своем месте в этой взрывоопасной ситуации. Книга Призраков. Отвратительная штука. Возникли ли передо мной какие-либо моральные обязательства? Ведь Гнорст и его банда знают, как поступить.

С каждой минутой я все глубже осознавал опасность. Я уже испытывал сильное искушение завладеть книгой, даже не зная, какую пользу она может мне принести. Нетрудно понять, почему Гнорст был так напуган.

Если я не бросаю этого дела, следует позаботиться о том, чтобы уберечь задницу. В игре участвуют костоломы. Я их не знаю, но они, к сожалению, знают меня. Быть может, сейчас самое время забегать в «Домик Радости» и взглянуть, что новенького у Морли.

Я не спеша направился к нему, по дороге пытаюсь всесторонне обсосать проблему.

Попасть к Морли мне не удалось.

Передо мною возникла банда карликов. Что ж, значит, у меня преимущество в росте и длине рук. К тому же первый раз за всю свою жизнь я вышел из дома, тщательно подготовившись. В результате мне удалось проломить три черепа и забросить одного коротышку в окно. Владелец окна выскочил на улицу и начал пинать одного из поверженных мною врагов ногами. При этом он нещадно бранился, выл и угрожал. Мы не обращали на него внимания: были слишком увлечены делом.

Я начал схватку, не намереваясь кого-либо сильно покалечить. Мне просто хотелось их разогнать и продолжить путь. Но они держались крепко. Я решил, что пора прибегнуть к более существенным мерам убеждения. Видимо, палка для них не убедительна.

В этот момент кто-то уронил на меня дом. Что еще могло ударить так мощно? Свет для меня померк.

Обычно, после того как меня оглушат, я прихожу в себя очень медленно. Хотя не могу сказать, что имею большой опыт в этих делах. На сей раз я очнулся довольно быстро. Скорее всего потому, что был крайне удивлен, обнаружив себя живым, пусть и немного потрепанным.

Я болтался лицом вниз. Камни мостовой проплывали назад рядом с моим носом. Волосатые коротышки волокли меня в неизвестном направлении, завернув в мокрое одеяло. Ясно одно — сейчас они шли каким-то скрытым от взоров проулком. Наверное, хотели кое с кем познакомиться, прежде чем отправить меня в заплыв, привязав к лодыжкам булыжники.

Все это мне крайне не нравилось. Неудивительно. Вам бы такая ситуация тоже пришлось не по вкусу. Но я ничего не мог сделать. Даже заорать — горло болело так, будто я пытался проглотить кактус.

Тем не менее... Карлики остановились и о чем-то закудахтали между собой. Я напрягся и, приподняв голову, огляделся. В висках застучало, глаза налились кровью. Когда зрение прояснилось, я увидел человека, блокирующего наш путь. Он был один, а карликов — восемь. Однако их численное превосходство парня не смущало.

Его звали Садлер, и он был одним из главных подручных Чодо. Ходячая смерть, если хотите. Карлики покудахтали еще немного. Кто-то стоял и позади нас. Я не мог видеть, кто это, но догадаться было несложно. Куда бы ни брел Садлер, за ним следовал Краск. И наоборот.

Описать эту парочку нелегко. Очень рослые парни, начисто лишенные совести. Они перережут вам глотку так же спокойно, как раздавят козявку. Или еще спокойнее. Все это вы можете прочитать в их глазах. Ребята внушают страх. Не исключено, что на завтрак они употребляют щелок.

— Опустите его, — ледяным тоном проскрипел Садлер.

— И мотайте отсюда, — добавил Краск.

Различить их по голосу было практически невозможно.

Карлики опустили меня на землю, но мотать никуда не стали. Это бесспорно доказывало, что они не из города. Возможно, они были опытными головорезами, но ни один местный головорез ни за что не пустился бы в спор. Никто, находясь в здравом уме, не противоречит Чодо, если, конечно, за его спиной не стоит армия.

Садлер и Краск действовали безжалостно и эффективно, хотя несколько неспортивно. Они не спорили, не вступали в переговоры — вообще не говорили. Ребята начали убивать карликов и делали это до тех пор, пока выжившие не поспешили ретироваться. Парочка, естественно, преследовать никого не стала. Они получили то, за чем пришли, а именно — слегка побитого конфиденциального агента по имени Гаррет.

Краск схватил край одеяла и дернул, закрутив меня как волчок. А Садлер сказал:

— Ты водишь плохую компанию, Гаррет.

— Это была не моя идея. Хорошо, ребята, что вы оказались на пути.

Я был твердо уверен, что на пути они оказались не случайно. Они бы не пошевелили и пальцем, если бы их специально не послали за мной.

— Может быть, ты решишь, что это не так уж и хорошо, — заметил Краск. — Чодо хочет, чтобы мы задали тебе один вопрос.

— Как вы меня нашли?

— Твой человек сказал, что ты отправился в Дом Карликов.

Дин мог это сделать, даже находясь под защитой Покойника. Храбростью старик не отличался.

— Мы видели, как тебя разделявали. Надо учиться следить за своим языком, Гаррет. (Не помню, чтобы я что-то говорил. Но скорее всего они правы.) Нам жаль будет тебя потерять. — Это все произнес Садлер.

Он хотел сказать, что не хочет видеть меня жмуриком до того, как Чодо решит, что мир станет лучше, если я исчезну. Садлер ждал этого дня с нетерпением, как ждут финальной схватки тяжело-весов на звание чемпиона Каренты.

— Все равно спасибо. Даже если вы и не намеревались меня спасти.

Краск помог мне подняться. Голова кружилась. И болела. Теперь боль пройдет не скоро.

— Быть может, мы теперь в расчете? — спросил я.

Садлер пожал плечами. Ну и здоров же он! На два дюйма выше меня и фунтов на пятьдесят тяжелее. И ни капли жира. Он начинал лысеть. По моей оценке ему было около сорока. Настоящая горилла. Но только вдвойне опасная. Горилла с мозгами.

Краск был копией Садлера. Казалось, он вылез из зеркала, когда тот рассматривал в нем свои прыщи.

Садлер пожал плечами потому, что не хотел выступать от имени босса. Чодо считал, что я являюсь его собственностью, так как пара моих прошлых расследований оказалась для него весьма полезной. Получилось так, что я ненароком спас ему жизнь. Лучше бы я этого не делал. Мир стал бы гораздо чище, лишившись Чодо Контагью. Правда, выхода у меня тогда не было. Альтернатива была еще страшнее.

— Давайте, ребята, прогуляемся, — сказал Краск.

Он встал слева от меня и поддержал локтем. Садлер пристроился справа. Они собирались задать мне несколько вопросов. И на них следовало ответить. Иначе меня могут ожидать неприятности.

В этом как в капле воды отражается вся моя жизнь. Постоянные плавные переходы из огня да в полымя.

Клянусь, даже ценою жизни я не мог сообразить, зачем я им понадобился.

— Что происходит?

— Не происходит, а произошло, Гаррет. Чодо вроде как бы осерчал, узнав, что Бельчонок откинул копыта.

— Бельчонок? Когда?

Я остановился, но чуть было не рухнул, так как они, не отпуская меня, продолжали движение.

— Ты расскажешь нам об этом, Гаррет. За этим мы и пришли. Чодо послал его тебе на помощь. Услуга, потому что он перед тобой в долгу. Затем мы узнаем, что крысук находит его с выпущенными кишками в каком-то закоулке. Он был не бог весть что, но Чодо считал его членом семьи.

Вы обратили внимание? Только Чодо, и ни разу — мистер Контагью. Я как-то не задумывался над этим. Но сейчас было не время размышлять на эту тему или задавать вопросы. Сейчас наступило время рассказывать.

— Ко мне явилась бабенка. Назвалась Торнадой. Не местная. Приставила мне нож к горлу в моем собственном кабинете. Покойник сказал ей «замри».

Я позволил себе ухмыльнуться, заметив, как вздрогнули Садлер и Краск. Во всем мире есть только одна сила, которая их беспокоит и с которой они не в состоянии совладать. Это Покойник. Проблема в том, что они не могут его убить.

— Я собрался было к Морли Дотсу — попросить его проследить за ней после того, как мы ее вытолкаем прочь. Здесь подвернулся Бельчонок и вызвался помочь. Я попросил его узнать, куда она пойдет и с кем встретится. Покойник сказал, что ее послал некий тип по имени Лаббок.

— Ты знаешь какого-нибудь Лаббока?

— Нет. И бабу я раньше не встречал. Чистая деревенщина.

Они чуть-чуть разошлись в стороны, видимо, истолковав все сомнения в мою пользу. Хотелось бы верить.

— Это как-нибудь связано с нападением на твою женщину, Гаррет? — спросил Садлер.

— Не исключено. Торнада искала какую-то пропавшую книгу. Не знаю, почему она решила, что книга у меня. Деревенщина не сказала, а Покойник ничего не смог из нее вытянуть. Чуть позже появилась еще одна женщина. Хотела подрядить меня найти парня по имени Холм Блейн, который украл какую-то книгу у ее босса.

Босс просто мечтал получить книгу обратно. Гостья была рыжей, а ростом и сложением напоминала Тинни. Наверное, кто-то принял Тинни за нее.

Они подумали немного. Затем Красс сказал:

— Что-то здесь не сходится, Гаррет.

Ребята явно подозревали меня в сокрытии фактов.

— Точно, не сходится. Но, быть может, сойдется, если я найду Холма Блейна.

Парни невнятно проворчали. Они слишком много времени проводят вместе. Вроде как муж и жена, которые с течением лет все больше становятся похожими друг на друга.

— Зачем ты ходил к карликам? — спросил Садлер.

— Коротышки замешаны в заварухе.

— Точно. Достаточно взглянуть на твоих приятелей. Неужто ты не сумел попридержать язычок, находясь в Карлик-Форте?

— Совсем другая шайка. Не городские.

— Мы так и подумали.

Эти ребята не сомневаются в своей известности.

— И как ты ухитряешься все время влипать в дерьмо, Гаррет? — спросил Садлер.

— Знал бы — не влипал. Оно само на меня сыплется. Вы покажете мне, где замочили Бельчонка?

— Да.

Наконец-то я поступил правильно. Мы оказались на людной улице. Перед лицом свидетелей. Теперь я нервничал меньше. Вообще-то я не сомневался, что они смогут укокошить меня даже в полдень на глазах у всего мира, если решат, что наступил подходящий момент. Половина нераскрытых убийств в Танфере — дело рук ребят Чодо. Ни разу не видел, чтобы кого-нибудь за это когда-нибудь прихватили.

Секрет успеха Чодо в том, что он не встречается в рэкет наших правителей. Он работает на своем конце социальной лестницы. Поэтому главная опасность для него — не закон или государство, а свои же ребята.

Равная справедливость для всех. Берно до тех пор, пока вы самолично ее осуществляете.

К тому времени, когда мы добрались до Бельчонка, я порадовался, что тренировался в беге. Мы преодолели крутой подъем к подножию Холма, на котором наши хозяева воздвигли свои убежища. Я понял, что наш путь закончился, когда мы достигли квартала, где улицы были пусты, а стены домов здесь и там подпирали представители местной шпаны.

Бельчонок нашел свой конец в узком проулке, круто сбегающем вниз по склону. Мы вступили в него сверху.

— Здесь, — сказал Садлер, когда мы прошли футов пятнадцать.

В проулке было довольно темно. Свет сюда проникает, видимо, около полудня — да и то ненадолго.

— Сейчас лишь видно, что кругом все залито кровью. Он откинул копыта там, футах в пятидесяти отсюда. Наверное, хотел убежать, но было уже поздно. Пошли.

Тело лежало в десяти футах от конца спуска. Кто-то очень сильный нанес удар острым лезвием сверху вниз. Бельчонок был разрублен от правого уха наискось, чуть ли не до пупка.

— Последний раз мне доводилось видеть такую рану, когда я служил в Корпусе.

— Да, — согласился Краск. — Неужели двуручная дуэльная сабля?

— Вряд ли, — высказал свое мнение Садлер. — С таким оружием по городу не пройдешь. Но сила удара и острота лезвия...

— Наверное, ты прав. Но как можно подкрасться так близко, чтобы вот так ударить ножом разрешенной длины?

Они пустились в обсуждение технических деталей. Мастера беседовали о тонкостях профессии. Я присел, чтобы получше рассмотреть то, что осталось от Бельчонка.

Некоторые из нас так и не могут привыкнуть к насильственной смерти. Служа в морской пехоте, я видел массу покойников, но так и не зачерствел душой. У меня не образовались мозоли на сердце, как у Краска или Садлера. Бельчонок, наверное, получил то, что заслуживал. Но мне все равно было его жаль.

— Его не ограбили?

— Нет, просто прирезали, — ответил Краск. — Кто-то очень хотел от него отделаться.

— Какое кощунство! Ведь он был такой милашка.

Если этим ребятам чего и не хватает, так это чувства юмора. Их лучшая шутка — пообещать освободить парня, если тот согласится прогуляться по воде в свинцовых сапогах. Мой тонкий юмор до них не дошел.

— Чодо не нравится, что Бельчонка замочили, — сказал Садлер. — Толку от него было кот наплакал, но он — член семьи. Чодо хочет знать — почему и кто.

— Вы что, ребята, используете почтовых голубей? Чодо живет где-то в чащобе, чертовски далеко от города.

У них абсолютно не было времени смотаться туда и успеть вернуться.

Ребята мой вопрос проигнорировали. Они всегда так поступают, когда речь заходит о профессиональных секретах или когда просто думают, что этого мне знать не положено.

— У тебя есть что-нибудь, нам пока неизвестное? — спросил Краск.

Я отрицательно покачал головой. Я знал точно лишь одно — Бельчонку больше не придется танцевать.

— Ставлю что хочешь, но парень действовал двумя руками, — заметил Садлер. — Двумя, сам знаешь, можно рубануть гораздо сильнее.

— Мы не будем сводить с тебя глаз, Гаррет, — объявил Краск. — Что-то здесь не вяжется. Может быть, ты нам не все рассказал.

Еще бы! Ясно — не все. О некоторых вещах Чодо знать не следует. Пожав плечами, я обронил:

— Если узнаю, кто замочил Бельчонка, вы, ребята, услышите это от меня первыми.

— Смотри не забудь, Гаррет. Заруби это себе на носу. Ложись спать и вставай с постели с этой мыслью. Чодо вне себя. Кому-то придется крепко заплатить.

Повернувшись к Садлеру, он начал дискуссию на тему — бил ли убийца снизу вверх или сверху вниз. Я был забыт. Меня для них больше не существовало. Предупрежден и забыт. Чодо передо мной в долгу, но долг не включал жизнь одного из его людей. Быть может, он вообще был погашен в значительно большей степени, чем я полагал.

Я еще раз взглянул на Бельчонка. Но он по-прежнему не желал делиться со мной своей тайной. Пришлось удалиться.

По пути домой я заметил нечто такое, чего раньше в Танфере мне видеть не доводилось. По улице рысало семейство кентавров. Бои в Кантарде, похоже, приобрели особую ожесточенность, если оттуда побежали даже туземные племена. Я никогда не слышал, чтобы кентавры забирались так далеко к северу.

Дела, наверное, пошли скверно для Слави Дуралейника и его ублюдочной Кантардской республики. Скоро он исчезнет и мир вернется к нормальной жизни, когда карентинцы убивают венагетов в бесконечной схватке за серебряные копии.

Не забыть бы рассказать о кентаврах Покойнику. Слави Дуралейник стал для него чем-то вроде хобби. Бывший наемник провозгласил себя принцем и держится в этом звании дольше, чем ожидал мой постоянный гость-житель.

14

Направляясь к дому, я обратил внимание, что небо заполнили летающие существа, хотя для шумных упражнений морКаров время еще не пришло. Похоже, в город со всего мира слетелись силфы и пикси, и к ним примкнули отдельные экземпляры более редких видов. Заглядевшись на их пируэты, я чуть не растоптал шайку гномов. Гномы выли, орали, сквернословили и призывали увечья на мои большие берцовые кости. Самый высокий из них не доходил мне до колена. Но шум они производили что надо.

Я стоял и глазел на них, пока они не протопали дальше, страшно довольные, что сумели напугать одного из представителей расы гигантов. Я не вступил с ними в спор только потому, что оторопел. Нечасто приходится встречать гномов. Особенно в городе. А вообще-то они смахивают на миниатюрных карликов, выкроивших время на то, чтобы побриться.

— Что дальше? — пробормотал я. — Не надо, не надо. Я не жслаю знать.

А то вдруг мой ангел-хранитель кинется исполнять все мои пожелания.

Придя домой, я все доложил Покойнику, но гномы и кентавры интересовали его больше, чем то, что случилось со мной. Я помолчал, пока он пережевывал сведения, полученные от его дружка Гнорста, и переваривал весть о Бельчонке. Поразмыслив, он спросил:

«Почему ты не хочешь, чтобы убийцей была объявлена та женщина, которую ты называл Торнадой?»

— Да потому, что она мне понравилась. Как будто с луны свалилась. Но храбрости ей не занимать. Конь с яйцами.

«Все понятия у тебя перемешались, Гаррет. Ты называл ее имя этим джентльменам — Садлеру и Краску?»

— Да. Я тогда слабо соображал.

Это было ошибкой, впрочем, оправданной. Они найдут ее и поставят несколько крутых вопросов. Если она, конечно, уже быстро-быстро не свалила в свою родную деревню. Еще позавчера.

«Надеюсь, ты не упоминал о книге?»

— Конечно, я страдал от боли, но не настолько. Решил сохранить эти сведения для себя.

«Решение мудрое, хотя мотивации ложные. Подумай о могуществе книги и представь ее в руках Чодо Контагью».

Я последовал его совету. Наверное, бессознательно я учитывал это и раньше.

— Гнусное зрелище.

«Для всех, кроме Чодо Контагью. Станные мысли вертятся у тебя в голове. Это может оказаться не столь сложным, как тебе представляется».

— О чем ты?

Он снова поставил меня в тупик.

«О свидетелях кончины типа по имени Бельчонок».

— Ты шутишь? В деле замешан Чодо. Люди будут держать рот на замке.

«Он не способен запугать всех».

Тебя там не было, о Бесстрашный. Те, кого он не сумел запугать, уже похоронены. Или скоро будут.

«Ты заметил в том районе значительную воздушную активность. Часто ли пикси и сильфы привлекают твоё внимание? Не

чаще, чем домашние животные или дети? Как правило, они лишь остаются частью общего фона, если сознательно не привлекают к себе внимание. Ты в этом не одинок. Убийца существа по имени Бельчонок наверняка позаботился, чтобы свидетелей не было. Но я уверен, что он не подумал о небе над своей головой».

— Да, это идея. Одна из твоих вычурных идей, но все же... И каким, по-твоему, образом я могу соблазнить их вступить в беседу?

«Распространи информацию среди сильфов и пикси, что готов заплатить за сведения о случившемся в том проулке. Эти народы не боятся Чодо Контагью. Более того — они его ненавидят и помогать ему не станут. Если у него возникнет такая же идея, они отвернутся от его людей. Они летают быстрее, чем могут бегать головорезы».

Снова работа для ног. Он все придумывает специально, чтобы заставить меня как можно больше скакать по городу.

С другой стороны, попытаться, наверное, стоило. Только бы удалось распространить слух. С этим народцем крайне трудно контактировать. Они говорят по-карентински, но иногда я сомневаюсь, тот ли это язык, на котором говорю я. При разговоре с ними надо быть точным и высказываться однозначно. Никаких недомолвок. Ни единого слова или фразы, допускающих двойное толкование. Если вы не будете точны, в девяносто девяти случаях из ста они истолкуют ваши слова неправильно. Думаю, они делают это нарочно, чтобы заставить вас помучиться.

Я никогда об этом не задумывался, но летающий народ действительно не испытывает страха перед Чодо Контагью. Возможно, стоит попытаться завести среди них друзей. Я уверен, что неизбежно, как восход солнца на востоке, наступит день, когда мы с Чодо сшибемся рогами. Я его не тороплю и надеюсь, что Чодо тоже не спешит. Но мы оба понимаем, что природа каждого из нас делает такую схватку неизбежной.

— Крask и Садлер нагнали на меня страху, — заметил я.

«Они принесли тебе добра больше, чем вреда».

— Я уже слышал это. Карлики волокли меня уж точно не на вечеринку.

«Самое время подумать о прикрытии».

— Да. — Он был до отвращения практичен. — Я собирался привлечь к этому делу маленького пожирателя соломы, но не до-

брался до него. Не всегда удается выходить победителем, когда соотношение сил восемь к одному не в мою пользу.

Я почувствовал, что он немного развеселился.

«Есть другие варианты. Братишки гролли, например. Дорис и Марша могут стать прекрасными телохранителями».

— К сожалению, они очень сильно выделяются из толпы.

Гролли — наполовину гоблины, наполовину тролли. Они зеленого цвета, ростом больше двадцати футов, не говорят по-карентински. Единственный мой знакомый, знающий язык гроллей, — Морли Дофе. Так что его помощи в любом случае не избежать.

— Почему бы мне сейчас не вздремнуть?

«Да потому, что если ты уснешь сейчас, ты можешь упустить шанс наслаждаться сном в будущем. Тебя убьет не беготня, Гаррет. Тебя прикончит лень».

— Кто протопал сегодня не меньше двадцати миль? А кто оставался дома, предаваясь размышлениям о своей гениальности?

«Я осмысливал тайну Слави Дуралейника».

— Ну это нас наверняка вытянет из дерьма.

Как радуется и хвастается Мешок с костями, правильно предрекая очередной ход бывшего наемника. И как ворчит и скрипит, когда действия Слави оказываются непредсказуемыми.

Стыдно признаться, но я вроде даже тоскую по тем дням прошлого года, когда Дуралейник, выступая на нашей стороне, врезал венагетам и заставил генералов Каренты выглядеть недоумками.

Быть может, стоило интересоваться им активнее. Возможно, Дуралейник — самый значительный из ныне живущих людей. От судьбы его республики зависит будущее как Каренты, так и Венагеты. Если оба королевства не раздавят его и не сумеют восстановить доступ к серебряным копиям — объекту бесконечной войны, — маги с обеих сторон скоро окажутся без дела. Серебро, как известно, топливо для магических сил.

Стратегия Дуралейника — продержаться до тех пор, когда чародеи выйдут из игры. Он совершенно не опасается наших придурков генералов. Большинство из них не способны найти собственной задницы даже среди бела дня. Они заняли свои посты, подобрав себе великолепных родителей, а не в результате личных заслуг. Дуралейник, возможно, не гений, но он способен нащупать свой зад

любой рукой в полной темноте, а этого достаточно, когда имеешь дело с генералами Каренты или военачальниками Венагеты.

— Если я правильно понял, ты считаешь, что там должно вот-вот что-то случиться, — сказал я.

«Не исключено. И новость может оказаться не слишком приятной для тех, кто выступает в пользу мятежа Дуралейника. И Карента, и Венагета оказывают на него давление, но в то же время не бросаются очертя голову в расставленные им ловушки. Поддержка туземцев, по-видимому, идет на убыль. Ты упомянул, что видел семейство кентавров. Несколько месяцев назад кентавры являлись самыми преданными союзниками Дуралейника и клялись или погибнуть, или бороться до тех пор, пока Кантард не станет свободным».

Я как-то не подумал о политическом значении появления кентавров здесь, в городе. Означало ли это начало переговоров или говорило об обыкновенном предательстве? Как правило, я пропускаю подобные рассуждения мимо ушей. Меня преследует романтическая и глупая мысль — если я начну упорно игнорировать политиков, политики станут игнорировать меня. Можете не сомневаться, кое-чему я научился, пять лет участвуя в убийстве людей во имя политиков.

Не распространяйтесь об этом на Холме, но я — как и большинство тех, кто там не живет, — в глубине души стою на стороне Слави Дуралейника. Если ему удастся совершить невозможное и устоять, он сломает хребет правящим классам двух величайших королевств современности. Для Каренты это может означать крушение государства и либо возвращение императорского семейства из ссылки, либо эволюцию в совершенно новую и уникальную государственность, основанную на расовом плюрализме.

Хватит. Что бы ни случилось на Холме или в Кантарде, это не изменит мою жизнь. На мою долю нехороших людей достанет, и я буду продолжать их преследовать.

«Тебе пора седлать лошадей».

— Ох! Не смей даже упоминать об этих чудовищах.

Ненавижу лошадей. Они платят мне той же монетой. Не исключено, что монстры прикончат меня раньше, чем король преступного мира.

— Ну, я пошел.

15

Принадлежащий Морли «Домик Радости», расположен не очень далеко от моего дома, но добравшись туда, вы начинаете опасаться, что провалились в какую-то дыру и оказались в совершенно ином мире. В моей округе — хотя она далеко не лучшая — негуманоиды и нехорошие существа (в том числе и из людей) появляются лишь случайно, проходом. У Морли же в так называемой Зоне безопасности они торчат постоянно.

Танфер в принципе — город людей, но практически все другие расы там тоже обитают, концентрируясь в определенных районах. Некоторые занимают целые кварталы на манер Города Гоблинов или местечка под названием Ручей Крысуков. Другие ограничиваются единственным зданием. Хотя в принципе никому не возбраняется селиться в любом месте, у каждый расы имеется своя территория, которую они яростно защищают. В обществе имеется масса предрассудков, и частенько возникают серьезные межэтнические трения. Это неудивительно, учитывая необыкновенный талант некоторых племен вызывать к себе неприязнь. В результате сама по себе возникла Зона безопасности — район, в котором относительно мирно могли собираться представители всех рас для установления деловых отношений.

Заведение Морли расположилось в самом сердце Зоны и стало даже чем-то вроде центра ее кристаллизации. А сам Морли приобрел определенный вес, а может быть, даже и власть. Я слышал, что он стал вроде судьи в разрешении межрасовых конфликтов.

Дело, конечно, полезное, но на месте Морли я не стал бы очень задаваться. Чодо может увидеть в этом угрозу себе.

Чодо терпит Морли только потому, что находится перед ним в долгу. Морли раздался с предшественником Контагью — и освободил пост босса. Но Чодо нервничает. Если Морли сделал это один раз, то что мешает ему сделать это снова? Во всем городе нет более талантливого убийцы, чем Морли Дотс.

Убийство — главное занятие Морли. «Домик Радости» был первоначально задуман как прикрытие. Мой друг не рассчитывал, что заведение станет пользоваться успехом, и совершенно не радовался, когда это случилось.

Вот так слепая судьба формирует наш образ жизни. Когда я подходил к дому Морли, начинало темнеть, и первые морКары вылазили на разведку.

— Что теперь? — недовольно пробормотал я, выйдя из-за угла на улицу, ведущую к «Дому Радости», но тут же радостно добавил: — Привет, ребята! Как относится к вам этот суровый мир?

Из тени навстречу мне выступила парочка костоломов-переростков. Они помрачнели, не в силах ответить на столь сложный вопрос.

Затем из мрака материализовался Садлер и избавил ребят от непривычной и столь трудной необходимости думать.

— Как раз вовремя, Гаррет. Чодо хочет видеть тебя.

Они, видимо, заметили меня еще на подходе.

— Я подозревал это.

Перед входом в заведение Морли стояла большая черная карета. Я знал ее лучше, чем мне хотелось. Мне довелось в ней ездить. Принадлежала она одному известному филантропу по имени Чодо Контагью.

— Неужели Чодо здесь? — Я знал, что он обычно не вылезает из своей норы.

Появился Краск, и вся компания оказалась в сборе. С обеих сторон у меня появились охранники, которые без малейших колебаний задушили бы собственных матерей, едва вспомнив об этом на следующий день и сожалея не больше, чем раздавив жука. Скверные люди эти Садлер и Краск. Очень скверные. Каждый раз, когда я их встречаю — а мне хочется, чтобы это случалось как можно реже, — я трачу половину своего серого вещества (его у меня и без того немного), размышляя, насколько они скверны.

Остается радоваться, что природа создает не очень много им подобных.

— Чодо хочет поговорить с тобой, Гаррет.

— У меня тоже создалось такое впечатление, — произнес я, посмеиваясь про себя. (Вовсе не обязательно объяснять, что Садлер уже известил меня об этом.)

— Он — в карете.

Вряд ли они специально меня ждали. Это было бы не в их стиле. Скорее всего у ребят было какое-то дело к Морли, а я оказался полезным побочным продуктом.

Подойдя к карете, я открыл дверцу, втиснул свое брненное тело внутрь и оказался лицом к лицу с королем преступного мира.

Увидев Чодо впервые, вы наверняка спросили бы себя, из-за чего весь этот шум. Неужели все боятся этого старого уродца? Действительно, он вечно пребывает в настолько вшивом физическом состоянии, что вынужден безвылазно оставаться в инвалидном кресле на колесах. Он с трудом может приподнять голову, да и то ненадолго, если не пребывает в ярости. Иногда он говорит настолько невнятно, что понять его почти невозможно. Кожа его лишена какого-либо цвета, и создается впечатление, что она прозрачна. Одним словом, парень выглядит так, словно уже помер лет пять тому назад.

Однако, когда он набирается достаточно сил, чтобы взглянуть вам в глаза, вы начинаете понимать, какое чудовище на вас смотрит. Я встречался с ним несколько раз, но до сих пор помню потрясение, которое испытал, поймав первый раз его взгляд. По сравнению с существом, сидящим у него внутри и сожравшим его плоть, Садлер и Краск представляются милыми уличными филантропами.

Если вы встанете на пути Чодо, то неминуемо пострадаете. Для этого ему не обязательно быть подвижным, как балерина. У него имеются Садлер и Краск. Эта парочка верна ему больше, чем сыновья отцу. Такого рода лояльность в преступном мире вызывает изумление. Интересно, чем он их держит?

У него имеются они и взвод других помощников, в свою очередь, командующих солдатами. У солдат есть союзники и информаторы. Если Чодо недовольно скривится или нахмурится, кого-то ждет скоропостижная и жуткая кончина.

— Мистер Гаррет.

У него достало сил наклонить голову. Венчик жестких седых волос от движения дрогнул. Видимо, сегодня со здоровьем у него было все в порядке.

— Мистер Контагью, — я всегда обращаюсь к нему «мистер Контагью». — Я собирался навестить вас.

Собирался, впрочем, не очень серьезно. Он жил далеко, в отвлеченном, безвкусном мавзолее (зелен виноград, Гаррет), перед которым бледнели дома многих наших правителей. Преступление всем приносит хорошие барыши. А Чодо — просто очень хорошие.

— Да, я рассчитывал на это. Мне сказал мистер Дотс.

Спасибо тебе, Морли, ты опять вспомнил о своем друге.

— Я знаю, что вы чувствуете, мистер Гаррет, — продолжил Чодо. — Мне однажды тоже пришлось пережить потерю женщины. Любому мужчине в подобной ситуации не терпится рассчитаться. Восстановить баланс, если можно так выразиться. Я подумал, что мы сэкономим время, если я сам приеду в город.

Вот как? Разве он не знает, что с Тинни все будет в порядке? Или знает нечто такое, о чем неизвестно мне? Второе более вероятно, ибо, как я понимаю, каждому ведомо что-то, чего мне знать не дано. Но это не может относиться к Тинни — здесь для меня не оставалось секретов.

— Я способен понять вас больше, чем вы полагаете.

Любопытно. У него когда-то была девушка. Я никогда не думал о том, что старик в свое время мог быть не таким, как сейчас.

— Вы поражены, — продолжал он. — Как жаль, что вы столь упорно стремитесь сохранить свою независимость.

Это основная загвоздка в наших отношениях. Я желаю показать миру, что принадлежу только самому себе. Он же хочет прибрать меня к рукам.

— Я восхищен вами, мистер Гаррет. Было бы крайне интересно посидеть с вами и потолковать о том, что было и что могло бы быть. Да... Даже я когда-то был молод. Даже я любил. У меня даже возникала мысль оставить эту жизнь — настолько я был влюблен. Но она умерла. Почти так же, как и ваша любимая. Я до сих пор помню ту боль, которую испытал тогда. Некоторое время дух мой был так же немощен, как сейчас немощно мое тело. Если я смогу чем-то вам помочь, то всенепременнейше сделаю это.

В этот момент я впервые подумал, что между мной и Чодо есть нечто такое, что выходит за пределы симпатий и антипатий или за рамки благодарности в связи со случайно оказанными услугами. Быть может, он видел во мне тонкую пуповину, связывающую его подпольный мир с другим миром — тем, где господствуют более высокие стандарты. А его постоянные попытки соблазнить меня и привлечь к себе — не что иное, как стремление эту пуповину оборвать.

Вот так-то! Время менять тему, Гаррет.

— Да, конечно. Огромное спасибо. Но, понимаете, Тинни не умерла. Она ранена, но говорят, что пойдет на поправку. Бельчонок должен был вам это сказать, но...

— Бельчонок... — Он помрачнел. — Мистер Краск и мистер Садлер передали мне ваш рассказ. По правде говоря, мне это кажется бессмыслицей.

— Мне тоже. Но у меня впечатление, что весь мир обезумел. Каждую ночь над нами носятся морКары, в округе бродят мамонты и саблезубые тигры, громовые ящеры, судя по всему, мигрируют на юг. Только сегодня я видел на улице кентавров и чуть не растоптал выводок гномов. Все лишилось всякого смысла.

Он слабо взмахнул рукой, что говорило о чрезвычайном возбуждении, — Чодо редко тратит понапрасну силы.

— Расскажите.

— У вас появился профессиональный интерес?

— Расскажите.

Моя мама вырастила своих детишек не такими идиотами, чтобы те отказывали в просьбе Чодо, находясь среди его головорезов. Я выложил ему почти все. В точности, как ранее поведал Садлеру и Краску. Я не противоречил себе ни на йоту. Покойник научил меня запоминать детали. Однако я позволил себе некоторые рассуждения, создавая видимость того, что ради него готов на дополнительные усилия.

Он слушал меня расслабившись, опустив подбородок на грудь. Видимо, копил силы. Какие мысли роятся в его необычном мозгу? Этот человек был гением. Злым, но гением.

— В свете той информации, которой я располагаю, все происходящее не имеет смысла.

— Для меня тоже, — заметил я и тут же выпустил стрелу в основную цель: — Улицы кишмя кишат вооруженными карликами.

— Да. Весьма необычно.

— Есть ли у карликов свое криминальное подполье?

— Есть. Каждая раса имеет свои невидимые миру стороны, мистер Гаррет. Мне приходится вступать с ними в контакты. Ничего особенного, если судить по человеческим меркам. Карлики не играют в азартные игры. Они не способны, в отличие от других, заставить себя погрузиться в самообман и рискнуть сразиться с теорией вероятности. Они не пьют, потому что, выпив, начинают вести себя глупейшим образом. А любой карлик больше всего на свете боится показаться глупым. По той же причине карлики избе-

гают наркотиков. Конечно, исключения есть, но они крайне редки. Как раса они не страдают большинством наших пороков. Например, мне не приходилось встречать карлика, решившего прибегнуть к услугам убийцы. Как бы возбужден он ни был.

— Довольно унылая компания.

— С вашей точки зрения или с моей. Только работа, только дело, почти никаких удовольствий. Но есть одно удовольствие, которое они ценят превыше всего. Единственная их слабость. Экзотические особы женского пола. Для них годится любая раса, хотя более всего они тяготеют к человеческим женщинам с большим бюстом.

Значит, как и я. Я неуместно пошутил: мол, если вы посмотрите на среднюю карлицу, то...

Он остановил меня недовольным взглядом.

— Карлики не способны противостоять своему влечению, мистер Гаррет, если вы дадите им возможность хотя бы наполовину поверить в то, что о нем никто не узнает. В этом отношении они столь же уязвимы, как и служители церкви. Вокруг Карлик-Форта размещено с полдюжины тайных роскошных борделей, обслуживающих только карликов. Все заведения процветают.

То есть перекачивают золото в карманы Чодо. Интересно, может быть, он хочет этим рассказом что-то сообщить мне? Скорее всего нет. Чодо не тот человек, кто объясняется намеками, если это, конечно, не мягкое предупреждение о том, что ваше здоровье может катастрофически ухудшиться.

— Вам известно что-нибудь насчет книги? — спросил я.

— Они бы ужасно забеспокоились, если кто-либо ухитрился бы похитить книгу, содержащую их тайны. Но это невозможно.

Удивительно категоричное заявление. Видимо, он пытался. В памяти промелькнули слова Покойника. Проклятие! Мне вообще не следовало побуждать его думать о каких-либо книгах.

— Нам не известны способы заставить карлика выдать свои секреты. Возможно, их вообще не существует. Представители этой расы предпочитают смерть.

— Почему бы не подослать вора? — Я попытался перевести разговор на более безопасную тему.

— Книги слишком хорошо охраняются. Их невозможно украсть.

Снова тот же уверенный тон. Он знает, что говорит.

— Их поселение, — продолжил Чодо, — самый сложный лабиринт. Серия уходящих в глубину крепостей. Для того чтобы там передвигаться, необходим проводник. Армия, подкреплённая всеми чародеями с Холма, не сможет захватить Карлик-Форт настолько быстро, чтобы его обитатели не успели уничтожить свои секреты.

— Я говорил по наитию, думал, это поможет пролить свет на происходящее.

— Нет. Здесь происходит нечто совершенно иное. Вы сказали, что ваша юная леди должна поправиться. Означает ли это ваш выход из игры?

Я ответил совершенно честно:

— Не знаю, как поступить. Как только я прихожу к выводу, что меня все это не должно касаться, что-то обязательно происходит. Эти карлики, например, с которыми схлестнулись Садлер и Краск... Они же хотели меня прикончить. Если я это так оставлю, мой бизнес может сильно пострадать.

Чодо посмотрел на меня, словно говоря: я знаю, что ты чего-то недоговариваешь. Однако вслух он произнес:

— Очень верно, мистер Гаррет. Первый принцип: не позволяй никому, кто применил к тебе силу, уходить безнаказанным. Но сейчас я позволю себе посоветовать вам проявить терпение. Разрешите мне изучить, что происходит. Эти люди втянули меня в свои дела. Кому-то из моей семьи наверняка что-то о них известно. Не могу поверить, что они настолько глубоко забили в щель, что их никто не видит. Мои друзья обязательно захватят кого-либо из них и зададут все необходимые вопросы. Если мне удастся выяснить что-нибудь интересное для вас, я немедленно сообщу.

— Благодарю вас.

Я не мог посоветовать ему оставить меня в покое, отправиться домой и в дальнейшем не вмешиваться в мою жизнь. Увы, при всем желании я не мог этого сказать.

— Я попрошу мистера Садлера создать здесь нечто вроде штаб-квартиры, чтобы мои люди знали, куда идти с докладами.

Он имел в виду «Домик Радости». Морли будет очень рад. Затея Чодо вполне способна выпустить потроха из его бизнеса.

Прочитав эту мысль на моем лице, Чодо произнес:

— Мистер Дотс ничего не теряет.

Парень дьявольски хорошо понимает людей.

— Не знаю, как вас благодарить, мистер Контагю. — Я ухитрился полностью придавить готовые вырваться саркастические нотки.

Дин и Покойник были бы просто потрясены. Они думают, что я на такое не способен.

— Не благодарите меня. Вы оказали мне многочисленные добрые услуги. И сейчас, надеюсь, у меня появилась возможность хотя бы частично расквитаться с вами. Это прольет немного благодостной кармы на мою душу.

Еще один сюрприз. Старик наполнен ими до ушей. Снова поблагодарив его, я выбрался из кареты, а он немедленно укатил прочь. Большинство телохранителей Чодо убыло вместе с ним.

16

Заведение Морли напоминало пустыню. Когда я вошел, меня приветствовали лишь полутемный зал и непривычное молчание. Вглядевшись в пустынную даль, я разглядел Рохлю, протирающего стаканы за служебной стойкой.

— Что за черт?

— Мы сегодня закрыты, приятель. Заходите в другой раз.

— Эй! Это же я, Гаррет.

Рохля покосился в мою сторону. Похоже, у него вдруг испортилось зрение. Он демонстративно выразил изумление, но своего мерзкого отношения не изменил:

— А... Да. Ну тогда я должен был сказать, что мы дважды закрыты для тебя, Гаррет. Но уже поздно. Ты успел втравить Морли в свое дело.

— Где все?

— Морли закрыл лавочку. Думаешь, какой дурак зайдет, увидев этот цирк у порога?

— Сам-то он здесь?

— Не.

Рохля не горел желанием делиться информацией. Большинство ребят Морли считают, что я нещадно пользуюсь добротой их босса.

Они ошибаются. Он вовсе не добряк. Просто за ним имеется не-большой должок. Однажды, когда он проигрался в дым, я помог ему избежать долгого заплыва с камнем на шее. Морли же вместо благодарности учинил мне пару приколов. Так что долг с той поры только возрос.

— Чего тебе от него надо?

— Просто поговорить.

— Понятно.

Это было сказано таким тоном, будто он сажал меня в дерьмо.

— Он ничего не просил передать?

— Просил. Сказал: «Дай ему пива. И пусть ждет моего возвращения».

— Пива?

В «Домике Радости» никогда не водилось ничего такого, что можно было пить, если не считать бренди там, наверху, в комнате Морли. Бренди предназначалось для привилегированных гостей женского пола, которые обычно при моем появлении ныряли под одеяло, опасаясь, что я слежу за ними по поручению мужей.

Рохля выставил перед собой небольшой бочонок и схватил самую большую кружку. Я приблизился, когда он ее уже почти наполнил. Было заметно, что бочонок вскрыли раньше. От Рохли разило пивом. Я ухмыльнулся. Еще одна овца из стада Морли, не исповедующая религии своего пастыря. Рохля притворился, будто не понимает, почему я скалюсь.

— Плоскомордого не видел?

— Не.

— Морли скоро вернется?

— Не знаю.

— Не знаешь, куда он двинул?

В ответ он молча покачал головой, видимо, опасаясь, что от этой безудержной болтовни у него может заболеть глотка. Классный собеседник этот Рохля. Всегда у него наготове остроумный ответ. Чтобы не подвергать себя дальнейшему унижению, я принялся за пиво.

Оно пошло просто отлично. Даже слишком. Позволив Рохле наесть еще кружку и ополовинив ее, я подумал о том, сколько мне уже пришлось принять сегодня. Какой смысл заниматься бегом-

ней по утрам, если я все равно обрекаю себя на то, чтобы стать таким же пузаном, как Рохля?

— У тебя не найдется чего-нибудь пожевать?

По уродливой роже Рохли широко расплзлась злобещая улыбка. Он еще не успел направиться в кухню, как я пожалел, что спросил. Вот он — час расплаты за все мои прегрешения.

Рохля вскоре появился, неся нечто холодное и скользкое, размазанное на подстилке из липкой, разваренной лапши.

— Подарок шефа.

Жратва выглядела смертельно опасной, да и на вкус оказалась такой же.

— Теперь я понимаю, почему все ошивающиеся у вас гибриды столь омерзительны. Разве можно быть иным, питаясь вот этим?

Рохля хихикнул, весьма довольный собой. Я доел. Чтобы проглотить эту отраву, надо было припомнить, что мы жрали, служа в Королевской морской пехоте. Тогда я мог ковырять ложкой в дерьме и ощущать сытость.

Ввалился Плоскомордый и с ходу спросил:

— Где ты шляется, Гаррет?

Я ввел его в курс дела.

— Я слышал о Бельчонке. Ни хрена не понимаю.

— Что с рыжей?

Плоскомордый сразу помрачнел.

— Она скромненько пошла домой. И исчезла. — Покачив головой, он продолжил: — Я пошел вслед за ней. Хотел задать парочку вопросов. Осмотрел весь дом. Там ее не оказалось. Знаю, что она не выходила. Вышли только два человека — совсем другие. Она так и не появилась.

Пожав плечами, он забыл обо всем. Это перестало быть его проблемой.

— Они что, хотели тебя замочить?

— Похоже на то.

Немного помолчав, Плоскомордый вздохнул и крикнул:

— Эй, Рохля! Навали мне двойную порцию того, что ты приволок Гаррету. — Он обернулся ко мне: — Где Морли?

— Не знаю. Рохля не хочет говорить.

— Хм. Теперь и Чодо встрял. Из-за Бельчонка. Ты-то что собираешься делать?

— Не знаю. Правда, у меня имеется зуб кое на кого. А как правильно говорит Чодо, спускать ничего нельзя — плохо отражается на бизнесе.

— Думаешь, Торнада прирезала Бельчонка?

— Может быть. Похоже, Чодо хочет выяснить.

— Сильно дымится?

— Да. Наверное, давно не было повода кого-нибудь пришить.

Плоскомордый высосал примерно с кварту пива, заглотил принесенную Рохлей жратву и, откинувшись на спинку стула, произнес:

— Интересный был денек. Ну, мне пора домой. Меня там ждет девочка.

С этими словами он убыл. Некоторое время я посидел спокойно. На дворе начинало смеркаться. Подождав еще немного, я спросил у Рохли:

— Ты уверен, что Морли не сказал, когда вернется?

— Уверен.

Рохля, похоже, оставался единственным во всем заведении. Куда подевалась бстальная прислуга? Где, наконец, Садлер, который должен был открыть штаб-квартиру в «Домике Радости»? Где, дьявол его поberi, сам Морли Дотс?

Я подождал еще немного. Потом еще. А когда мне больше ничего не оставалось делать, я продолжил ожидание. В конце концов, поднявшись, я бросил:

— Я пошел домой.

— До встречи, — осклабился Рохля, провожая меня к дверям.

Он поспешно запер замок, опасаясь, что я передумаю и решу остаться.

В небе носились морКары, заполняя своими воплями ночь. Я вспомнил, как Дин говорил, что сегодня у нас на ужин яблочный пирог, и выругался. Это же надо — набить себе брюхо речным илом у Морли и не оставить места для приличной стряпни!

Вечно со мною так.

17

Еще чуть-чуть, и я добрался бы до дома без приключений. Я уже пересек Дорогу Чародея и начал верить в счастливый исход, мечтая, как волю в себя еще галлон пива, брошусь в постель и просплю до полудня. К дьяволу бег и все такое прочее! Я имею право на спокойное будущее. Я вполне заслужил его.

Из тени недалеко от ступеней соседского дома кто-то зашипел, привлекая мое внимание.

Я набрал полную грудь воздуха, медленно выдохнул и устался в темноту, не приближаясь к источнику звука. Мне не было видно, кто там, но удовлетворять свое любопытство я не стал — мама Гаррет не растила своих сыновей дураками, и особенно того из них, которому удалось дожить до тридцати. Итак, я остался стоять на месте.

— Мышка, мышка, покажись! Кем бы ты ни была.

— Боюсь. Они могут следить за мной.

— Очень плохо.

Очень, очень плохо. Мое настроение резко пошло вниз. Я даже не стал спрашивать, кто может следить. Голос казался отдаленно знакомым. Но чей он, я не мог вспомнить. Я потянулся к поясу. Дубинки там не оказалось. Она осталась валяться неподалеку от Карлик-Форта. Пришлось продолжить путь, размышляя, увижу ли я это существо. Оглядываться мне не хотелось. Карликов в городе пруд пруди, и отличить их друг от друга невозможно. Не думаю, что были приверженцы идеи: «Убивай нас всех, а Бог разберется, кто свой, кто чужой».

В голове у меня все вертелось и гудело, но что-то я еще соображал.

Из темноты позади меня раздался стон. Послышался звук приближающихся шагов. Бросив взгляд на свой дом, я прикинул, успею ли привлечь внимание Дина, прежде чем кто-то начнет чинить мне неприятности, или старикану останется только почистить мостовую.

До чего же полезная штука — позитивное мышление. Эти размышления настолько меня взбодрили, что мне море показалось бы по колено. От какой малости порой зависит наше настроение!

Без всякой подготовки я отступил в сторону, развернулся и, приняв боевую стойку, выбросил кулак с такой силой, что он, про-

бив желудок врага, врезался ему в позвоночник. Если бы у меня хватило времени, я схватил бы негодя за грудь и тряс бы до тех пор, пока у него не отвалятся уши.

Но времени не было, и я плюхнулся вниз мордой на мостовую, превратив в лепешку то, что еще оставалось от моего носа. Очаровательная малютка тоже рухнула, так и не отклеившись от могучего кулака Гаррета.

Я поднялся первым и бросил взгляд по сторонам, предварительно очистив глаза от набившейся в них грязи. Девушка осталась лежать, прижав руки к животу и издавая странные звуки. Боже! Гаррет — истребитель женщин. Да, это не самая лучшая неделя в моих отношениях с дамами. Если и дальше так пойдет, то весь год в этом плане может оказаться худшим в моей жизни.

Я пощупал нос — проверить, осталось ли от него хоть что-нибудь. Сразу сказать было трудно, но над губой что-то возвышалось. Это что-то ужасно болело — пожалуй, нос все же сохранился. Тряхнув головой и приведя мысли в относительный порядок, я опустился рядом с ней на колени:

— Вам не следовало бы так сразу кидаться на молодых людей.

Он издавала такие звуки, словно натягивала чулки. Я сгреб ее в охапку и понес в дом. Замечательная картинка — пещерный человек Гаррет возвращается со своей добычей.

На ощупь нести ее на руках было очень приятно. Жаль, темнота не позволяла рассмотреть, что мне досталось. Пока я поднимался по ступеням, пинал дверь ногой и громогласно звал Дина, над нашими головами кружили любознательные морКары. Их присутствие, однако, меня не трогало. Я позволил Покойнику мысленно прикоснуться ко мне — убедиться, что мимо Дина пытаюсь проскользнуть я, а не чужак, замаскированный под отбивную из очень свежего мяса.

Дин открыл дверь, предварительно посмотрев в глазок.

— Опять повезло, — произнес он, увидев девушку и отступая в сторону.

Я отнес ее в маленькую комнату и уложил на софу.

— Посмотри, что с ней, а я пока приведу себя в порядок.

Я кратко поведал ему, что произошло, а он вместо благодарности изобразил на физиономии привычное презрительное недовольство.

— Вы пропустили ужин.

— Я поел в городе. У Морли. Зажги-ка свет, чтобы можно было ее рассмотреть. Вернусь через минуту.

Оставив его, я взлетел наверх быстрее, чем раненая улитка. Умывшись и проверив, каких частей лица не хватает, я сошел вниз и сунул голову в комнату Покойника.

— У меня опять компания, Весельчак.

«Мне это известно, Гаррет. Попытайся обуздать свои животные инстинкты. Она может оказаться полезной, хотя пока мне ничего не удалось узнать. Она напугана и растеряна».

— Сдержанность инстинкты, говоришь? Да я образец сдержанности. Я — тот парень, который изобрел это слово. Ты же видишь, я настолько сдержан, что даже не подумал сжечь дом вместе с тобой.

Редкий момент — он не пожелал оставить за собой последнее слово. Занесем его в анналы истории. Такого может не повториться за всю мою оставшуюся жизнь.

«Ей что-то известно, Гаррет».

Черт. Это было хуже, чем его обычные подковырки. Я понял это по настроению, а не по словам. Он обвинял меня в бестолковости и бездействии.

Я протопал в маленькую комнату у входа. Дин склонился над женщиной, загораживая ее от меня, и что-то говорил нежным тоном. Я постоял, глядя на него с любовью, которую никогда не позволяю проявить открыто. Дин оказался самым удачным приобретением моей жизни. Он делает в доме все то, что я люто ненавижу. Дин готовит как ангел, встает утром до абсурда рано и частенько воспринимает мои проблемы ближе к сердцу, нежели я сам. Чего же еще? Быть может, чуть меньше нравоучений и чуть больше внимания к чистке Покойника.

Самый большой недостаток Дина — он не одобряет мое отношение к труду. Дин верит в благостность труда ради самого труда. Работа, по Дину, — прекрасное тонизирующее средство.

Я негромко кашлянул, давая ему знать о своем появлении. Он не услышал. Оглох, что ли? Возможно. Ему наверняка уже за семьдесят, хотя старикан и не признается в этом.

— Как она, Дин? Приходит в себя?

Он сердито взглянул через плечо:

— Чуть-чуть. Но не вашими заботами.

— Неужели я должен был позволить неизвестному догнать меня и изменить форму моего черепа?

Меня начало одолевать раздражение. С какой стати, спрашивается? Да, физиономия болела. Да, голова раскалывалась. Да, плечо ныло, а ноги сводило судорогой от непрерывной ходьбы и беготни. Но не это выводило меня из себя. Настоящая причина состояла в том, что я ввязался в драку, не будучи уверен, нужно ли это вообще. Ввязался и никак не могу развязаться.

Факты Дина никогда особенно не волнуют. В душе ему все еще пятнадцать лет. Он сохранил романтику, которую детишки носят в себе до тех пор, пока жизнь ее из них не выбьет. Старик одарил меня еще одним сердитым взглядом:

— Дайте мне еще пару минут.

— В таком случае я отправляюсь на доклад.

Пройдя к Покойнику, я рассказал ему о своей экскурсии в тот мир, который истребляет романтику в детских душах.

Логхир воздержался от комментариев. Вместо этого он произнес: «Отправляйся к девушке, Гаррет. Тебя там ждет сюрприз».

Покойник продолжал набирать очки. Я действительно изумился.

Она была прекрасна. Роскошна. Восхитительна. Я, конечно, подозревал об этом. Ведь мне пришлось нести ее на руках, а с моими тактильными ощущениями, слава богам, все в порядке. Но там не хватало света, чтобы увидеть эти великолепные рыжие волосы.

Да, она была точной копией девицы, поведавшей мне историю о бароне Ничтожнике, которая, в свою очередь, была двойняшкой обнаженной красотки. Но эта отличалась от двух предыдущих. В ней чувствовалась какая-то невинность.

— Похоже, Дин, на нас сегодня обрушился ливень рыжих.

Он что-то буркнул в ответ. Как будто это его не касалось.

Гостья уже сидела, и лицо ее успело утратить синюшный оттенок. Она смотрела на меня. Зелеными глазами. Опять. Потрясающие, огромные зеленые наивные глаза. А о таких губках я мог только мечтать. Веснушки!

Спокойно, парень. Я глубоко вздохнул. Дин возмущенно посмотрел на меня.

— Нам следует дать имя расследованию. Может быть, назовем его «Дело об избытке рыжих»?

— Мистер Гаррет?

Боги! Какой голосок! Совсем как у той, последней рыжухи, но украшенный звоном колокольчиков и преисполненный обещаниями... или...

— Да, перед вами — Гаррет. Бесстрашный борец с драконами и спаситель попавших в беду девиц. И сегодня как раз один из его лучших дней.

Она с изумлением воззрилась на меня.

— Прошу прощения. Сегодня выдался трудный день. Я на грани срыва. Начнем сначала. Обещаю вас не бить, если вы дадите слово не подбегать ко мне сзади в темноте.

На улице, естественно. Мы можем уложить спать Покойника, прогнать Дина, и пусть после этого она носится за мной по дому, сколько ей вздумается. Я не очень буду стараться убежать. В интересах науки, естественно. Скажем, для того чтобы посмотреть вблизи, насколько она похожа на удостоившую нас визитом нудистку.

Она улыбнулась, и веснушки на ее щеках пустились в пляс. Ради одного этого почти стоило прожить сегодняшний день.

Почти.

— Дин мне все объяснил, — сказала гостья.

(Как мило она всех сразу начинает называть по имени.)

— Я должна извиниться. Это было глупо с моей стороны. Я не привыкла к городу.

Она встала на ноги, а глаза мои полезли из орбит. Какая грация, какая естественность! Мне захотелось скрипеть зубами и выть. Природа создала ее для того, чтобы разбивать сердца. Из какого бы места она ни явилась, там она явно пропадала зазря. Обитатели той дыры настолько тупы, что позволили ей уехать. Посылайте таких, как она, в Танфер побольше. Заставляйте нас забывать о бедности, войне и несчастьях. Вспомните, что говорят о хлебе и зрелищах. Побольше бы таких зрелищ!

Она протянула руку. Ручка оказалась раза в два меньше, чем моя. Ладонка наполнилась теплом и жизнью — у Тинни в последнем рукопожатии не было ни того, ни другого. Это воспоминание вернуло меня на землю.

— Меня зовут Карла Линдо Рамада, мистер Гаррет. Я пришла из...

Вот это да!

— Постойте. Я попробую догадаться. Вы пришли из замка барона Ничтожника в горах Хамадан. Барон направил вас следом за парнем по имени Холм Блейн, который уволок книгу у колдуньи по имени Змеюка.

У нее отпала челюсть. Снаружи где-то в небе начали гадеть морКары. Шум стоял невообразимый и так близко, словно твари использовали мою крышу для взлетов и посадок.

— Если они будут продолжать в том же духе, то рискуют утратить свою популярность, — заметил я Дину.

Рыжуха спохватилась, что ее милый ротик полуоткрыт, и сомкнула губки. Но ненадолго. Она смахивала на золотую рыбку, заглатывающую воздух.

— Я не очень ошибся?

— Как вы...

Я хотел было объяснить, какой я великий детектив.

Но, подумав, решил не ударяться в гиперболы:

— Успокойтесь. Я не читаю мысли. — (Читатель мыслей — в комнате рядом.) — Вы по самому скромному счету вторая рыжеволосая женщина по имени Карла Рамада, посетившая меня сегодня. Вы хотите, чтобы я нашел книгу, не так ли?

— Карла ЛИНДО Рамада, — поправила она меня. — (Видимо, это было важно.) — Но... Как?..

— Не имею понятия.

У меня практически не было сомнения, что предо мною не та женщина, которая заходила раньше. И не та, что появлялась в чем мать родила. Не могу объяснить, почему я был в этом уверен. Какой-то эфемерный, неуловимый сигнал. Я даже почти не сомневался, что она подлинная Карла Линдо Рамада. Она пользовалась этим именем как-то более естественно.

Выражение ее личика претерпело ряд изменений, каждое из которых было восхитительным. Я подумал, не вывезти ли ее из города, пока не начались мятежи из-за нехватки таких женщин в Танфере. Таких, как она, здесь всего штуки две-три. Ну от силы четыре-пять. Однако тут же я начал размышлять, откуда их столько

появилось. Две-три или четыре-пять. Так много и все рыжие. Не произрастают ли рыжульки на деревьях в Хамадане? Если так, преврати меня в лесника, Боже!

Наконец ее физиономия успокоилась, приняв устойчивое выражение страха.

— Это наверняка она! Одна страница в книге, должно быть, я.

— Что?! — Я чуть не сел. — Враг человечества является сюда в вашем виде?

Так... И еще раз — так... Значит, Эмсюка — мой клиент. Более или менее.

— Но каким образом, если книги у нее нет?

Карла Линдо не спросила, откуда мне известно о свойствах книги. Она размышляла над моим вопросом.

— Первый вариант? Или она захватила с собой черновики? Но вы же не принимаете меня за нее?

Оказывается, она не столь уж наивна.

Нет, увидев Карлу, я не мог принять ее за предыдущую. Я попытался припомнить прошлый визит. Ничего не получилось. Странно. Покойник научил меня обращать внимание на детали и запоминать их. Но вместо четких, ясных воспоминаний клубился какой-то бесформенный туман.

— Дин, завари-ка чайку. У меня есть предчувствие, что нам предстоит долгая ночь.

Разве можно отдохнуть при том бедламе, что творится за окнами? Надеюсь, скоро они истребят друг друга.

— Нам надо слегка расслабиться, прежде чем приступать к серьезным делам, — добавил я.

Дин бросил на меня тяжелый взгляд, как бы опасаясь оставить дорогое для него существо в опасности. Но, наверное, решив, что на такой срок у меня выдержки хватит, поспешил на кухню.

— Милый человек ваш Дин, — улыбнулась Карла Линдо Рамада. — Он притягателен как редкий цветок.

— Да. Иногда нам с трудом удастся отогнать от него пчел. Кроме того, мы используем его в качестве приманки для мух. Старина постоянно переживает, узрев попавшую в беду девицу.

Он-то переживает, а я нет. Что Гаррету какие-то переживания! Гаррет тверд как гвоздь.

— Итак?

— Здесь, в Танфере, я остановилась у знакомых барона. На Холме. Когда я спрашивала, кто мог бы мне помочь, все рекомендовали вас.

Вот те раз! Не думал я, что мое имя стало расхожей монетой там, на Холме. Скверная новость.

— Они сказали, что вы человек честный, хотя и действуете всегда по-своему. У вас репутация крутого охотника.

— У меня? Наверное, они имели в виду кого-то другого. Нет человека чище меня сердцем и душой. Я чист, как отфильтрованные сточные воды.

— Но, надеюсь, не хил телом и умом?

В ее глазах зажглись огоньки. Она быстро оправилась от страха. Держу пари, эта девица заставляла пылать огнем страсти всех обитателей горного замка.

Гостя снова улыбнулась. Веснушки снова заплясали. Теперь я знал, чем она отличалась от других рыжих. У тех не было веснушек. Даже у Тинни. Или совсем мало. И не на местах, открытых для постоянного обозрения.

Мы могли продолжать в том же духе хоть до утра, но дело есть дело. И в любую секунду мог появиться Дин, с неизменно недовольным видом.

— Что ж, признаю — виновен. Со мной это бывает часто. Давайте я расскажу о Карле Линдо Рамаде, которая появлялась здесь до вас. Вы скажете, когда ее повествование начнет расходиться с вашей версией.

Она внимательно слушала. Ее глазки продолжали блестеть, а веснушки танцевать — даже когда Дин принес чай. Он посмотрел на нее, перевел взгляд на меня и вздохнул. Старик все никак не может отказаться от надежды свести меня с одной из своих племянниц.

Карла Линдо пригубила чай. Казалось, она приятно изумлена. Дин заварил один из сортов, приберегаемых для особых случаев. Она отпила еще немного:

— Именно так все и происходило, мистер Гаррет. Я так думаю.

— Думаете?

— Меня там не было. Он меня усладал оттуда для безопасности.

— Вот как? Он стремился избавить вас от неприятностей дома и в то же время направил в одиночестве в этот чужой и безжалостный город. Что-то не сходится.

— Барон не хотел посылать меня. Наверное, ей удалось добраться сюда раньше, чем мне, именно потому, что он так долго не мог решиться. Но у него не было выбора. И осталась единственной, кому можно было доверять. Змеюка постаралась перевербовать остальных на свою сторону. Те, кто остался верен, погибли в борьбе за книгу. Меня она не пыталась соблазнить — знала, что я никогда не выступлю против барона.

— Почему же? Все мы подвержены соблазнам.

— Потому что он — мой отец, мистер Гаррет. Мама была горничной, поэтому барон не мог узаконить меня как дочь. Но их отношения ни для кого не были секретом. Он никогда не отказывался признавать меня дочерью — даже перед своей женой. Та ненавидит меня и маму, но не осмеливается причинить нам вред.

Карлу внезапно охватил ужас, и она задрожала. Да, в ее последней фразе было опущено одно слово, словно выписанное огромными буквами, — слово «ПОКА». Если бы Дин не торчал рядом, я обязательно подсел бы к ней, обнял и утешил.

С каждой минутой клубок запутывался все сильнее, особенно там, на том конце нити, где, собственно, вся каша и заварилась. Я чувствовал, что понимаю все меньше.

— Пойдите, пойдите. Я совсем запутался. Итак, мы имеем жену, колдунью, любовницу и дочь. Не многовато ли для парня, которому, как утверждают, две сотни годков, который прикован к постели и никак не померет только потому, что на него наложено заклятие?

Она посмотрела на меня как-то странно, хотя я всего лишь суммировал то, что услышал от первой Карлы Линдо и уже рассказал второй. Или она слушала вполуха?

— О, это не совсем так. Отец, конечно, стар и прикован к постели. Но он не всегда был таким. И ему вовсе не двести лет, как она утверждает. Ему — шестьдесят восемь. Ведьма наложила на него заклятие, когда мне было четыре года, тогда он как раз перестал скрывать связь с моей матерью и поселил жену в другой башне.

— А?..

Дин сообразил первым:

— Змеюка, видимо, и была его супругой, мистер Гаррет. И он выслал ее в другую часть замка.

Девушка утвердительно кивнула.

— О... Вот как. Понял. Мог бы сообразить и раньше.

Меняет ли это что-нибудь в сложившейся ситуации? А, собственно, почему это должно меня волновать? Свары обитателей отдаленного замка меня не касаются. Конечно, если эти обитатели оставят меня в покое.

— Похоже, Дин, мы теперь знаем — кто и почему, — подумал я вслух. — Как ты думаешь?

— Да. Это дама, которую называют Змеюкой. Она не желала, чтобы мисс Карла встретила с вами и получила от вас помощь.

— Это кое-что объясняет. А Бельчонок? Тоже она?

— Может быть, блондинка. — Он пожал плечами.

— Возможно. И что мы теперь будем делать?

Карла Линдо не поправила Дина, когда он назвал ее просто Карлой. Ага, значит, старикану все позволено. Карла прервала мои размышления:

— Так вы мне поможете, мистер Гаррет?

Я хотел ей сказать, что ни на секунду не спущу с нее глаз. Если я ее не смогу видеть, это доставит мне такие же мучения, как потеря зрения. Мои глаза не выдержат тьмы, которая упадет на мир с ее уходом. Но усилием воли я сумел выдержать деловой стиль — надеюсь, что сумел.

— Да. Мне кажется, наши интересы во многом совпадают.

Я решил не создавать прецедента и не отвергать клиента, намерения которого мне не до конца ясны.

Мои слова привели Карлу Линдо в недоумение. Я взглянул на Дина. Тот лишь пожал плечами. Он не сказал ей о Тинни и о том, что фальшивая Карла Линдо уже подрядила меня.

— Мисс Рамада... я оказался вовлечен в это дело вчера по весьма личным мотивам. Моя очень хорошая подруга направлялась ко мне с визитом. Она примерно вашего роста, и у нее рыжие волосы. Какой-то человек пытался ее убить у порога моего дома. Скорее всего один из людей Змеюки. Видимо, принял ее за вас. Так что мне предстоит свести счеты.

Я почувствовал прикосновение Покойника. Приглашение. Он хотел потолковать со мной наедине.

— Простите. Я должен покинуть вас на минуту. Дин, объясни дальше.

Старик кивнул. Его лицо снова выражало боль. Как у Тинни после удара ножом. Он все сможет рассказать лучше меня. Ему не надо прикидываться крутым.

Я же, положа руку на сердце, вовсе не чувствовал себя крутым и неуязвимым.

18

Я проскользнул в комнату Покойника, начав испытывать к себе жалость. За предыдущие годы моей жизни я не получил причитающейся мне доли этого чувства. Время пришло. Жалость — неотъемлемая часть человеческого существования.

— В чем дело? Еще один двойник?

«Нет. Эта подлинная. Она как открытая книга — весьма легко читать, но, увы, начертано там не очень много. Свет ее разума сияет не ярко. Будь с ней добрее, Гаррет».

— Что ты предлагаешь, черт побери? Разве с моей стороны это будет порядочно?

Мой череп наполнился его хихиканьем.

«Есть доброта и доброта, Гаррет. Я же не предложил тебе перестать быть человеком».

— Очень мило. Так в чем же дело?

Глядя на его тушу и видя при этом перед собой Карлу, я никак не мог сосредоточиться.

«Ты упустил из виду один важный момент. Нет. Не надо считать себя ущербным разумом. — Как мило с его стороны! — Я тоже сообразил только тогда, когда ты рассказал мисс Рамаде, как мисс Тейт чудом избежала смерти».

В этом он весь. Ничего не скажет прямо. Вот и старайся сообразить самостоятельно.

— Что же?

Он решил не затягивать игру.

«Ты дал полный отчет и предыдущей претендентке. Если то была действительно Змеюка — а я считаю, что это именно так, — тогда она знает, что мисс Рамада не пострадала и даже не знала об угрозе, а значит, ей незачем было скрываться. Предположим, Змеюка имеет отношение к твоим приключениям около Дома Карликов. Хорошо. Допустим, что наш дом не находился под наблюдением во время твоего отсутствия, так как заинтересованные лица не ожидали твоего возвращения...»

— Я понял. Ты полагаешь, она знает о твоём существовании?

«Это не имеет значения. Ни для кого не секрет, что ты делишь жилище с логхиром. Она могла об этом узнать, как только начала задавать вопросы окружающим».

Я пропустил мимо ушей приглашение поспорить, кому принадлежит этот дом. Я размышлял о том, что нам известно о Змеюке. Чертовски мало. Но если она достаточно могущественна для того, чтобы создать книгу, из-за которой поднялся весь этот шум, у нее наверняка хватит сил доставить нам неприятности. Покойник может творить невероятные вещи, но его возможностей недостаточно. Иногда необходимо бегать и прыгать, а он, честно говоря, не очень легок на подъем. Пребывание в мертвецах имеет свои недостатки, и один из них — невозможность свободно передвигаться.

— Вернемся немного назад и подумаем вот о чем. Зачем она здесь? Чтобы вернуть свою книгу. Это главное. Устранить меня со своего пути — дело второе. Побывав здесь, она узнала все, что мне известно. И выдала мне свою историю потому, что решила нанять для своих целей мои ноги. — «Но если она хотела, чтобы я для нее бегал, то зачем меня убивать?» — Быть может, она передумала, прослышав, что я встречался с твоим приятелем Чихуном?

«Чихуном?»

— Гнорстом, сыном Гнорста, Гнорста, Гнорста и так далее. Может, у нее задымилось под хвостом, когда она поняла, какую кашу заварил? Из-за Тинни на нее поперли я, ты, Тейты и Плоскомордый, как только поняли, что она не настоящая Карла Линдо. Из-за Бельчонка на нее имеет большой зуб босс преступного мира. Главный карлик верещал как недорезанный, когда я упомянул о Книге Призраков. Он ударился в панику и заявил, что отправит на

тропу войны всю свою братию. То есть и карлики на нее охотятся. Ей необходимо что-то предпринять. Возможно, она считает, что, если избавится от меня, остальные на время притихнут, потому что я как бы общий знаменатель для всех враждебных ей сил.

От объяснений я перешел к размышлениям вслух:

— Она не остановится ни перед чем, добывая книгу. Она может устроить на меня еще одно покушение, узнав, что я ушел от ее ребят. После этого налета у меня еще больше оснований задать ей жару.

«Да».

— А может ли действительно существовать книга, прочитав страницу которой ты превращаешься в существо, на этой странице описанное?

«Она верит в это. Гнорст верит в это. Девушка и те, кто ее послал, верят в это. Человек, похитивший книгу, тоже верит. Мисс Тейт была ранена только потому, что множество людей уверены в могущественности книги. Что считаю лично я, значения не имеет. Гонки начались, Гаррет. Ты должен найти эту женщину, прежде чем она найдет книгу».

— А что, если я сначала найду книгу и стану ждать, когда Змеюка сама придет ко мне?

«Превосходная стратегия, Гаррет. Простая и эффективная. Мне самому не стыдно было бы предложить подобное. Надеюсь, у тебя имеется способ ее реализовать?»

Хитрющий, источающий сарказм старый дьявол. Конечно, найти колдунью легче, чем книгу. Она бегает в приметной шайке. Даже в Танфере ее компания будет бросаться в глаза, как панталоны на кобыле.

— Я не должен тратить здесь время. Мне следует сидеть у Морли — вдруг у Садлера появится что-то заслуживающее внимания.

«Заведение мистера Морли может явиться для нас весьма полезным местом. Хотя в данный момент небольшой отдых принесет тебе больше пользы».

— Конечно. Я пошел.

Опять Покойник был прав.

* * *

Когда я вошел, Дин вопросительно взглянул на меня.

— Он хотел напомнить, что мы все рассказали той женщине о Тинни. Значит, Змеюке известно, что настоящая Карла Линдо не откинула копыта.

Глаза у нашей рыжей гостьи округлились и стали еще больше. Будь я проклят! Мне захотелось броситься к ней, посадить себе на колени и шепнуть на ушко, что все будет хорошо. Даже если я и знал, что все будет не очень хорошо, я бы не признался, потому что для меня все оставалось бы прекрасным, пока она сидит на моих коленях.

— Мы решили, что оснований для волнений у вас нет. Кот вылез из мешка. Убив вас, назад в мешок она его не загонит. Теперь она сосредоточится на поисках книги.

— Вы не должны позволить ей найти ее!

— Спокойно. Колдунье понадобится фантастическое везение, чтобы добраться до книги раньше, чем найдут ее саму. Примерно через минуту я собираюсь предпринять вылазку и сообщить об этой даме одному человеку. Вы и мигнуть не успеете, как три тысячи о-о-очень нехороших людей бросятся на ее поиски.

Меня осенила мысль (это со мною случается, а иногда даже вовремя), и я спросил:

— Как она выглядит, когда не является вами?

Карла Линдо молча подняла на меня глаза.

— Я думаю. Не знаю. Мне кажется, что я ее никогда не видела. А если и видела, то не догадывалась, что это она.

— Не может быть. («А Покойник ведь меня предупреждал».) Вы жили с ней под одной крышей и ни разу не видели ее? Она же вас видела, раз одну из страниц книги посвятила вам.

Должна была рассматривать чертовски близко. Из всех особенностей лица Змеюка проигнорировала только веснушки.

— Она сидела запершись в своей башне. Никто без ее желания не смел ступить туда. Ее навещали лишь карлики, гоблины да страшные крысюки. Я уверена, что ни разу с ней не встречалась.

Замок барона, похоже, жуткое место, не хотелось бы мне проводить там время. Хотя, быть может, стоит спросить, не оставила ли она дома других, похожих на нее.

По-видимому, я не сумел скрыть своих мыслей. Карла посмотрела на меня так, словно прочитала их все. Немного попыхтев, я выдавил:

— И вы ничего не можете добавить?

— Нет. То есть да. Я ее не видела, но говорят, что она носит перстень. На среднем пальце правой руки. Змея, трижды обвивающаяся вокруг пальца. С головой кобры. Утверждают, что в перстне — мгновенно действующий яд.

— Полезные сведения, — заметил я и, подумав, добавил: — У той женщины на пальцах, по-моему, колец не было. — Детали визита по-прежнему оставались как бы в тумане.

— Дин, ты видел перстень?

— Нет.

Умница. Не упомянул о еще одной рыжей.

— Думаю, при определенных обстоятельствах она его снимает. Что еще?

Карла Линдо покраснела — это выглядело удивительно привлекательно при ее цвете волос. Впрочем, на мой взгляд, любое ее действие на редкость притягательно. Даже когда она просто дышит.

— На ней есть татуировка. Так говорят. Именно из-за татуировки она и получила свое прозвище — Змеюка.

— Хм.

Я неожиданно вспомнил одного парня из нашей роты морских пехотинцев. К нему почему-то прилипла кличка Ослиный Дик. И вот однажды, набравшись до помутнения рассудка, он обратился к татуировщику. В результате мы стали называть его Человекозмсем. Держу пари, что если он еще жив, то страшно жалеет о своей выходке. Если, конечно, не стал выступать в балаганах.

— Вся ее верхняя часть, — продолжила девушка, — как бы голова змеи, а груди — глаза чудовища.

Вот это да! Представляете, вы просыпаетесь и бросаете взгляд на расположившуюся рядом с вами даму. Да такой вид навсегда отобьет у вас всякое желание. Неудивительно, что старина Ничтожник предпочел горничную.

— Живой и весьма впечатляющий образ. Что еще?

Я представил себя бегущим по городу и срывающим блузки со всех вызывающих подозрение женщин.

Она покачала головой. Копна золотых волос колыхнулась, и перед моими глазами возникла другая картина. Но тогда медь волос была рассыпана по булыжникам мостовой.

Неужели образ Тинни будет теперь преследовать меня постоянно? Надо навестить ее и узнать, как идут дела. Завтра.

— Мне надо идти, Дин. К Морли.

Его физиономия даже сморщилась от озабоченности.

— Благоразумно ли это?

— Это необходимо. Размести мисс Рамаду в комнате для гостей. Там она будет в безопасности.

Весь вид Дина говорил, что в безопасности она окажется только после того, как я уйду из дома. Спорить я не стал. Я вообще редко с ним спору. Заставить Дина изменить точку зрения невозможно. Думаю, ему в свое время надо было стать священником. Его не способны переубедить даже самые очевидные факты. Еще из него получилась бы классная старенькая супруга.

Наверное, это результат длительного проживания под одной крышей с племянницами. Я никому не желаю зла, но мне хотелось бы, чтобы они заарканили себе мужей и оставили старика в покое.

Дин кивнул. Я вышел из комнаты, не обращая внимания на призывы девицы. Поднявшись наверх и вооружившись, я прошел в кабинет попрощаться с Элеонорой.

— Пожелайте мне удачи, леди. Пожелайте мне большой удачи.

В ее деле мне не удалось спасти ни единой души. Хотя, быть может, в некотором смысле я спас себя. После того как утихла боль, я обрел новые силы — для еще одной попытки улучшить наш мир.

19

Если тебе постоянно досаждают, неизбежно появляется усталость. А когда устаешь, даже самая сногшибательная рыжуха начинает утрачивать свою привлекательность. Не успев пройти и квартала, я почувствовал слежку. Я не знал, кто или что наблюдает за мной. Наблюдатель был очень хорош, засечь я его не мог, сколько ни пытался. Возможно, мой род занятий способствует развитию шестого чувства — чувства опасности. Без него в нашем городе долго не протянуть.

Я решил избегать закрытых мест, из которых невозможно мгновенно сбежать. Ничего выдающегося — обычный здравый смысл.

* * *

Удачно увернувшись от пронсящих на бреющем полете мор-Каров и пройдя половину пути до заведения Морли, я вдруг почувствовал, что иду не один.

— Что за дерьмо?! Когда вы, ребята, прекратите ваши фокусы? У меня сердце может не выдержать.

Несмотря на всю свою бдительность, я так и не заметил, откуда вдруг свалились Садлер и Краск. Скорее всего они решили преподнести мне предметный урок — на случай, если я вдруг решу когда-нибудь накатить на них. Ребята обожают подобные игры.

Я решил, что за мною от самого дома следили их люди, которые успели предупредить о моем приближении.

Садлер улыбнулся. Или мне показалось. В темноте было не разобрать.

— Торопились — думали, ты, Гаррет, сумеешь по достоинству оценить хорошую новость. Но если ты не рад встрече...

— Просто дымлюсь от счастья. Я потрясен до кончиков ногтей.

Как если бы они были двусторонней пневмонией, осложненной дизентерией.

— Но почему вы, парни, не могли поговорить со мною как обычные, нормальные люди? Вечно вы выскакиваете из темных проулков и все такое.

— Мне нравится видеть выражение твоей морды, — сказал Краск без тени улыбки.

Парень явно не шутил.

— Ой, ой, как мы сегодня колючи. Нам выпал неудачный денек? — спросил Садлер.

— Ладно, удовольствие вы получили, теперь выкладывайте, в чем дело.

— Мы нашли твоего Блейна.

— Вот как?

— Ты делаешь заказ, мы осуществляем поставки.

Поставки они действительно осуществляют, но качество товара при этом не гарантируют. Эту парочку раскусить нелегко, но, направляясь на свидание с Блейном, я нутром чуял, что здесь что-то не так. Поэтому, миновав взвод головорезов и поднявшись в од-

нокомнатную квартиру, я не очень удивился, обнаружив, что здоровье Блейна оставляет желать лучшего.

Какая-то бесконечно заботливая душа прикрыла тело одеялом.

Я огляделся по сторонам. Входная дверь была сорвана с петель. Нет, не выбита, а буквально вырвана с корнем, словно нетерпеливому троллю не хотелось возиться с запорами. В самой комнате царил сущий ад. Казалось, здесь резвилась стая взбесившихся вервольфов. Но крови видно не было.

— По-моему, вы, ребята, чуточку переусердствовали.

— Это кто-то другой, — покачал головой Садлер. — Нам сообщили, что здесь большой шум.

— Кто же это сотворил?

— Все успели смыться до того, как мы появились. — Он снова покачал головой. — Знаешь, как это бывает. Никто ничего не видел, никто ничего не слышал. Никому не надо беспокоиться о последствиях. Правда, мы прихватили одного тихохода. Тот ничего не знал, кроме имени покойного. У того, наверное, в башке вместо мозгов было одно дерьмо, если он решил использовать свое настоящее имя.

— Умница.

Впрочем, какое все это имеет значение? Ни один из нас не видел Холма Блейна живьем. Жмурик мог быть кем угодно, и никто не знает, кто он на самом деле.

Я еще раз огляделся. При более внимательном взгляде было заметно, что в помещении вовсе не царил дух слепого разрушения.

— Кто-то хотел все выдать за буйство безумца.

Краск взглянул на меня так, словно я был тупой ученик, сумевший наконец узреть свет.

— Точно, здесь кто-то что-то искал. Скорее часть их занималась поисками, а остальные тем временем задавали вопросы. Когда мы явились, они по-быстрому с ним покончили и исчезли.

Ха!

— И где же они сейчас?

— Убсжали. Заметили нас на подходе.

Хм. Интересно, почему кто-то постарался скрыть факт обыска и прикончил самого Блейна, чтобы тот ничего не мог сказать? Неужели

есть еще некто, разыскивающий книгу и не желающий, чтобы другие, разыскивающие ту же книгу, узнали, что он ее ищет?

Это озарение свалилось на меня неожиданно, и я впал в транс, пытаюсь осмыслить почему.

— Если хочешь поупражнять мозги, взгляни-ка сюда. — Садлер сдернул одеяло с тела Блейна.

Я в изумлении открыл рот и только секунд через пятнадцать сумел выдать односложное восклицание, а еще через четверть минуты:

— Это невозможно.

— Точно. Первоклассный пример массовой галлюцинации.

Это надо же! В наши дни все просто источают сарказм.

Блейн оказался наполовину мужчиной, наполовину женщиной. По правде говоря — больше женщиной, нежели мужчиной. Выше линии, идущей от точки чуть слева от пупка к правому плечу, он был он. Ниже этой воображаемой линии он был она. И еще какая она! К тому же чем-то знакомая. Сдается, я уже видел эту часть.

— Что об этом думаешь? — спросил Краск.

Я пожевал губами, округлил глаза и произнес:

— Похоже, он так и не смог решить для себя, кем быть. — И добавил, пошмыгав носом: — Держу пари, у него были проблемы в любовных делах.

Мне хотелось создать у них впечатление, будто я намерен выступать клоуном в городском цирке и сейчас репетирую свои репризы.

— Первый раз в жизни он не попытался умничать, — заметил Краск.

Уверен, эту фразу он заготовил заранее.

— Что тебе известно об этом, Гаррет? — спросил Садлер.

— Только то, что все выглядит жутковато. Никогда не видел ничего подобного.

Во всяком случае, целиком. Нижняя часть, похоже, побывала в моем доме, в маленькой комнате у входа.

— Я имел в виду совсем другое.

А то я не знаю!

— Ничего не известно.

— Ты уверен? Тебе же хотелось заполучить этого парня.

— Он должен был ответить на кое-какие вопросы.

Садлер бросил на меня скептический взгляд:

— Похоже, теперь от него много не получишь?

— Похоже, нет.

Прислонившись к стене — обезопасив себя со спины, — я еще раз внимательно осмотрел комнату. Но ничего интересного не было. Не считая тела, конечно. Те, кто здесь побывал, не оставили следов и наверняка не нашли того, что искали. Иначе к чему им было торчать здесь до прихода Садлера и Краска?

— Свидетелей, значит, нет? Никто ничего не видел.

— Это Танфер, Гаррет. Так что же ты все-таки думаешь?

Я думал, что поймать старика тихохода было для них большой удачей. Этой мыслью я не преминул поделиться с Садлером. В ответ он промывчал нечто невнятное.

— Ты уверен, что тебе нечего нам сказать, Гаррет?

— Вообще-то есть. Для вашего сведения. Поймите, у меня нет клиента. Мне нет никакого смысла продолжать дело.

Какое значение может иметь маленькая неточность среди друзей?

— Взгляните-ка на это, — сказал Краск, который полностью отключился от беседы.

— На что? — спросил Садлер.

Краск показал на тело. Мы посмотрели. Я ничего не заметил, пока Садлер не произнес:

— Меняется. Сейчас он чуть больше мужчина, чем был раньше.

Краск наклонился и, прикоснувшись к кадавру, объявил:

— Вполне дохлый. Холодеет. Жуть какая-то.

— Это — колдовство, — прошипел Садлер. — И мне оно не нравится. Что скажешь, Гаррет?

— Нечего на меня паялься. Я не умею превращать воду в лед.

Они оба скорчили недовольные рожи — уверены, что я не до конца искренен. Конечно. Вали все на Гаррета, коль происходят жуткие вещи.

— Не нравится мне все это, — доложил Краск. — Надо сваливать отсюда.

— Весьма привлекательная идея. — Я направился к дверям. — Какие еще новости, ребята? Вам удалось разобраться с этими карликами?

Они обменялись странными взглядами, а Садлер сказал:

— Пока нет. Там тоже сплошная жуть.

— Точно, — добавил Краск. — Ведь должны же они оставить хоть какой-нибудь след? Должны где-то жить?

Верное и весьма любопытное замечание. Оно заслуживало того, чтобы над ним поразмыслить. Где они смогли остановиться, не привлекая внимания работающих на Чодо людей или людей, работающих на работающих на Чодо людей? Таких мест в городе совсем не много.

Задержавшись у дверей, я заметил:

— Кто-то крепко здесь поработал.

— Да, — ответил Краск. — Надеюсь, мне не придется соревноваться с ним в борьбе.

Я еще раз осмотрел обломки и обрывки — в поисках кусочка нитки из шерсти, производимой только на маленьком острове у побережья Гретча, или чего-нибудь столь же полезного для сыска. Частенько приходится поступать таким образом, даже понимая всю бесполезность усилий. Это вопрос профессиональной дисциплины. Изредка подобные упражнения оказываются плодотворными, и поэтому я прибегаю к ним постоянно. Ничего не обнаружив, я не огорчился. Именно этого я и ожидал. Если бы я вдруг что-то нашел, то, наверное, не совладал бы с собой и пустился бы в восторженный пляс — настолько удача превзошла бы мои самые фантастические предположения.

— Не смывайся столь поспешно, Гаррет, — вступил Садлер. — Ты должен нам кое-что сказать.

— Да.

Я колебался. Поделиться информацией — значит уступить преимущество.

— Слушаем.

— Есть еще одна участница событий, которая может знать о них больше, чем мы. Зовут — Змеюка. Это у нее Блейн украл книгу. Будет неплохо, ребята, если вы ею займетесь.

Блейн менялся все быстрее — может быть, потому, что тело холодело.

— Слушаем.

Садлеру следовало бы посоревноваться с Рохлей в ораторском искусстве. Яркое мастерство.

— Змеюка — колдунья. Связана с карликами.

Пока я лишь чуть-чуть приподнял завесу. Наверняка им уже кое-что известно, но кто знает, сколько и что именно. Я скажу им все, когда решу, что им следует знать. Пока я еще не понимал до конца, почему вокруг этой книги поднялся такой шум.

— Колдунья, значит? — Криск посмотрел на Блейна. Похоже, магия для него — большой вопрос.

— Татуировка, значит? — заметил Садлер. — Вот бы посмотреть...

Я согласен, это интересно. Но все же удивительно. Он никогда не проявлял интереса к подобного рода материям.

— Полагаешь, это она замочила Бельчонка?

— Может, и не собственноручно, но все равно знает кто.

— Мы ее отыщем и хорошенько спросим.

— Будьте осторожны.

Он посмотрел на меня так, словно засомневался в моих умственных способностях. Он будет осторожным. Он пережил свои пять лет в Кантарде. Он ухитрился прожить на своей работе столько, что достиг высокого положения. «Осторожный» стало одним из его имен наряду с «Отвратительным» и «Опасным».

Я бросил прощальный взгляд на Холма Блейна, не проявившего достаточной осторожности. Он, как и раньше, ничего мне не сообщил. Мне ему тоже нечего было сказать.

Я исполнил свой долг. Настало время сложить брненное тело в постель. Если морКары сжалятся, может, я и смогу чуток поспать.

20

К Морли было по дороге. Решив наплевать на усталость, шум над головой и возможные выходы ночных обитателей Танфера, я направился в «Домик Радости».

Крысюки занимались своими обычными делами. Те из них, кто работал на город, собирали всяческие отбросы, а те, кто трудился на себя, высматривали, что бы украсть. Орков, кобольдов и иных тва-

рей на улицах было больше, чем обычно, — очевидно, перемена погоды повлияла и на ночных жителей.

Мне по-прежнему казалось, что за мною следят. И я по-прежнему не мог заметить наблюдателя. Впрочем, я и не очень старался.

Заведение Морли напоминало склеп. Там никого не оказалось, кроме парочки людей Чодо. Даже Рохля ушел — домой или по делам. Это обстоятельство навело меня на размышления. Я не часто думаю о парнях, подобных Краску, Садлсру или Рохле, в обычных человеческих терминах. Дом, черт побери. У ребят могут быть жена, детишки и все такое. Мне это никогда и в голову не приходило. Для меня они не более чем костоломы.

Нет, я вовсе не хотел, чтобы они приглашали меня на ужин познакомиться с хозяйкой и маленькими костоломчиками. Просто я пребывал в том настроении, когда начинаешь думать о людях. Как они стали такими, чем занимаются, когда я их не вижу, и тому подобное. Наверное, я начал размышлять на эту тему после того, как Чодо сказал, что у него когда-то была подружка.

Мне вовсе не нравится это настроение. Оно вынуждает меня задумываться о себе, о том, что я так и не нашел настоящего места в системе, именуемой жизнью. Семьи нет. Вряд ли есть друзья. А тех, кого я считаю друзьями, знаю очень слабо. Тем, что мне неизвестно о Морли или Плоскомордом, навсрное, можно наполнить много томов. Они меня знают ничуть не лучше. Плата за то, чтобы казаться крутым и суровым — настоящим мужчиной, одним словом. Постоянно на сцене, постоянно вынужден скрывать подлинные чувства.

У меня масса знакомых. Сотни, наверное. И все опутаны сетью взаимных долгов и услуг. Мы их все время стараемся сбалансировать и называем это дружбой, хотя это не что иное, как отражение идеи, которой одержим Чодо Контагью.

Мы все прошли через войну. В этом городе нет ни одного мужчины человеческой расы, не побывавшего в преисподней. Это роднит меня даже с набобами с Холма, потому что, какие бы привилегии они ни получили или ни присвоили, в отношении военной службы для них исключения не было.

Варясь в ведьмином котле там, в Кантарде, все тщательно ведут учет услуг и никто не хочет уходить оттуда должником. Вы можете

делиться палаткой, одеждой, ложкой, пищей и даже девочками, но при этом не сближаться с теми, с кем делитесь. Вы знаете, что многие из них обязательно скоро умрут. Вы стараетесь выдерживать дистанцию, чтобы потом не очень страдать.

Вы дегуманизируете врага полностью, а своих товарищей — частично, но достаточно для того, чтобы не открывать им сердца. Вы делаете это, хотя готовы вместе с ними штурмовать небо или ворваться в ад, чтобы вызволить их оттуда.

Все это имеет смысл там, где на вас обрушиваются потоки дерьма. Однако, даже если вам удалось не захлебнуться в этих потоках и вернуться домой, такой характер отношений с людьми остается у вас на всю жизнь. У некоторых, как у Садлера и Краска, когда они возвращаются домой, в душах не остается ничего человеческого.

Любопытно, чем занималась эта парочка на военной службе? Я ничего не слышал об этом, а они никогда не рассказывали. Многие из нас предпочитают молчать, оставляя все в прошлом.

Удивительно, как кругом было тихо и спокойно, а ведь ночные обитатели Танфера ведут себя активнее, чем обычно. Ведь известно, что ночь — не только излюбленное время тех рас, которые не выносят солнечного света, но и любимая часть суток у хищников. Я же тем не менее не замечал ничего опасного или подозрительного.

Наверное, Чодо загрузил делами всех работающих на него негодяев, а те, кто вершил преступления на свой страх и риск, залегли на дно, чтобы не привлекать к себе излишнего внимания. Правда, не исключено, что все, кто мог, остались сидеть дома из-за беспардонного поведения морКаров.

МорКары не доставляют большого беспокойства, если вы передвигаетесь поближе к домам и внимательно следите за небом. Вряд ли они станут пикировать, чтобы похитить вашу шляпу, рискуя при этом врезаться в стену.

Кстати о морКарах... Тональность поднебесного шума изменилась мгновенно и весьма радикально. Раздался яростный вопль. Или скорее крик ужаса. Послышалось неистовое биение крыльев. Небо очистилось, и наступила почти полная тишина. Это было настолько невероятно, что я остановился и обратил взор к небесам.

Где-то на востоке довольно низко висел обломок луны, едва освещавший крыши и шпили домов ночного города. Но света оказалось достаточно, чтобы я смог заметить кружащую в воздухе тень.

Крылья существа в размахе достигали тридцати футов. Чудовище плавно скользило, совершая неторопливый вираж над городом. Закончив разворот, оно направилось к северу.

Летающий громовый ящер. Я не знал, что они охотятся по ночам. Мне их даже никогда не доводилось видеть. Этот больше всего смахивал на прототип все тех же драконов, с которыми сражаются ребята в жестяных одежках, изображенные на старинных картинах. Но это все неправда. Драконы — мифические животные и являются единственным плодом фантазии в этом мире, населенном самыми немыслимыми тварями. Вы не поверите, но я однажды даже столкнулся с живым богом, который верил, что он подлинный.

— Гаррет.

Я обернулся, удивившись меньше, чем можно было бы ожидать. Наверное, подсознательно я что-то почувствовал раньше.

— Торнада. Надеюсь, что как-нибудь с вами повстречаюсь. Хотел предупредить. Вас разыскивают кое-какие нехорошие люди. И они находятся в скверном расположении духа.

Мои слова ее, похоже, удивили.

— Вы мне все расскажете по пути. Пойдем.

Я не стал спрашивать зачем и куда — ее беспардонность вывела меня из себя.

— У меня уже имеются кое-какие обязательства. Перед моей постелью. Если вы желаете со мной побеседовать, заходите утром. И попытайтесь, пожалуйста, разговаривать вежливо.

— Гаррет, если подумать, вы парень вовсе не плохой. Поэтому не будем бодаться. Давайте без грубостей. Пошли.

У нее какая-то неприятность. Видимо, серьезная. Теперь я уж точно с ней не пойду, хотя чуть раньше еще мог бы.

— Торнада, вы мне даже чем-то нравитесь. В вас есть решительность, есть стиль. Но вы не умеете вести себя с людьми. Это может вам повредить. Если вы желаете преуспеть в большом городе, вам следует учиться уличным манерам. Вам надо привыкнуть предварительно выяснять, на кого вы собираетесь накатить. Если

вы замачиваете парня, за которым стоит Чодо Контагью, ваши шансы сохранить здоровье весьма невысоки.

Она казалась изумленной.

— Что, дьявол вас побери, вы несете?

— Я говорю о парне, которого вы прирезали в проулке неподалеку от Жемчужной аллеи. Пара тысяч его друзей вас сейчас разыскивают. И они не намерены одобрительно похлопать вас по спине.

— Хм. Я никого не резала.

— Надеюсь, что так. Но это произошло, когда он следил за вами. Кто, кроме вас, мог лишить его жизни?

Торнада с полминуты размышляла над моим вопросом. Но вскоре ее лицо просветлело, она решила выбросить все из головы.

— Пошли.

— Вы поступаете неразумно, Торнада. Пыгаетесь оказывать давление, не ведая, к чему это может привести.

Она оказалась упрямой. И, боюсь, излишне самоуверенной. Быть может, она пришла из мест, где мужчины не способны защитить себя от дам? Быть может, она привыкла, что существа противоположного пола постоянно испытывают сомнения?

Поначалу я тоже мог проявить нерешительность. Но она дала мне возможность поговорить и собраться с мыслями.

Леди выхватила дубинку, смахивающую на мое любимое оружие. Я тут же извлек свою, которой заменил потерянную в схватке у Карлик-Форта. Она сделала несколько ложных замахов, намереваясь ударить меня сбоку по черепу. Я на ее уловки не поддался. Моя бедная головка и без того получила за этот день немало вмятин.

Увернувшись, я сделал выпад и кончиком дубинки слегка стукнул ее по костяшкам пальцев, а затем по локтю. Она на мгновение замерла от боли, и здесь я врезал ей от всей души в солнечное сплетение. Ее дубинка покатилась по булыжникам мостовой.

— Вот как ею пользуются.

Торнада оказалась никудышным бойцом. Только атака. Она не столько огорчилась, что ее разоружили, сколько удивилась:

— Как это тебе так быстро удалось?

— Имеются лишь два вида морских пехотинцев, Торнада. Быстрые, с отличной реакцией, или мертвые. Советую твердо усвоить

одну вещь, прежде чем вам повстречается не столь мягкосердечный человек. В этом городе вы не найдете ни одного мужчины старше двадцати трех лет, который не был бы достаточно быстр и решителен для того, чтобы выжить в течение пяти лет в Кантарде. Большинство из них, если вы на них нападете, отправят вас на корм крысыкам и даже не обернутся бросить прощальный взгляд. И в первую очередь это относится к команде, которая вас разыскивает. Они просто обожают чинить неприятности ближним.

— Я же сказала, что никого не замачивала. Пока.

— Тогда вам лучше сообщить заинтересованным лицам, кто это сделал. Чем быстрее, тем лучше.

Она вскинула брови. Странная женщина. Ничего не боится. Если у кого-то не хватает здравого смысла опасаться Чодо Контагью, значит, его умственные способности явно не в порядке.

— Советую быть осторожнее. Приходите утром, если у вас еще осталось желание побеседовать.

Я повернулся к ней спиной и направился домой. Будь я проклят! Она снова попыталась напасть на меня. Голыми руками. Кое-какие рефлексы у меня еще сохранились. Услышав позади себя движение, я отступил в сторону, вытянул ногу и, дав ей подножку, схватил налету за волосы.

— Это уже второй раз, Торнада. Даже самые милые парни могут потерять терпение. Перестань глупить.

Отпустив ее, я продолжил путь. На сей раз мои слова достигли цели.

21

Когда Дин явился ко мне утром — разбудить для бега, — я чуть не уволил его. Старик совершенно не желает слушать никаких доводов. В этом отношении он даже более безжалостен, чем мама.

— Раз вы начали, то следует довести дело до конца, — заявил он. — Вы будете бегать. Будете бегать ежедневно.

— Грумбл, мумбла прочь впрруг. Уходите пракрта мрикра брыгг, — примерно так я объяснил ему свое отношение к физическим упражнениям любого рода.

Гаррет сражался как лев, пока Дин не отправился за ледяной водой. Сквозь узкую щелочку между веками начал пробиваться свет. Все-таки он добился своего, проклятый дрыгр брыгр. Ну и ладно, не так уж мне и хотелось спать.

Когда я, спотыкаясь, дотащился до кухни, там оказалась Карла Линдо. Воздух от ее присутствия уже успел изрядно накалиться. Я проворчал нечто вроде приветствия.

— Он всегда так светел и радостен по утрам?

— Что вы! Сегодня он оживлен как никогда, — ответил ей Дин.

Спасибо, старина.

Он поставил для меня на стол чай с медом и вернулся к плите, на которой жарился бекон и пеклись бисквиты, распространяя божественный аромат. Я сообразил, что Дин не уходил домой. Никакого смысла — слишком мало времени для сна.

Его племянницы к этому привыкли. Теперь они знают, что я веду какое-то дело. Только бы они не попытались использовать его отсутствие в качестве предлога для визита ко мне. Я представил, как они начнут слоняться по дому, путаясь под ногами, строя мне глазки и путая всех своим уродством...

Отхлебнув чаю, я вперился в туман, целиком заполнявший мой череп. Карла Линдо молча и довольно мрачно взирала на меня. Боюсь, ее вера в Гаррета дала трещину.

Если вы уже сообразили, что утро не самое лучшее для меня время, то вы правы. Я давно жду, что какой-нибудь гений найдет способ отменить это время суток. К сожалению, утро частенько определяет весь дальнейший ход дня.

— Как вы себя чувствуете? — наконец поинтересовалась Карла Линдо.

— В синем и черном цвете. Я получил одни синяки на другие.

Действительно, одеваясь, я увидел, что являю собой печальную картину. Мне доводилось видеть покойников в более приличном состоянии.

Дин снял с плиты бисквиты и водрузил противень на стол:

— Вам бы изыскать способ поменяться ролями с Его милостью. Он бы отправился на воздух побегать, а вы наслаждались бы покоем в доме.

По утрам Дин всегда имеет передо мною преимущество: Отыгрывается, зная, что мои мозги пребывают в параличе. Я мог бы, конечно, пригрозить отправить его на поиски новой работы, но это была бы пустая угроза. Старик играет не по правилам, став незаменимым.

— Вам удалось что-нибудь узнать вчера вечером? — спросил он, подавая бекон.

— Да. Эта Торнада умеет загребать одним веслом.

Я рассказал ему все.

— Не думаю, что она убила того человека, — ухмыляясь, заметил он.

— Нет в мире лучшего судьи человеческих характеров, чем этот старец, — сказал я Карле Линдо. — Но ведь кто-то послал Бельчонка в землю обетованную. И этого типа Блейна тоже.

Карла Линдо встрепенулась. Казалось, она была потрясена.

— Кто-то прикончил его. Сорвал дверь и разметал жилище.

— Из-за книги!

— Думаю, что так.

— Проклятие! Теперь она снова в ее руках.

Вскочив со стула, мисс Рамада принялась мерить кухню шагами. Я был еще настолько погружен в утренний туман, что это зрелище не привлекло моего внимания.

— Что теперь делать? Папочка так на меня рассчитывал.

— Успокойтесь, любовь моя. — Нет, я не прав, когда она вот так возбужденно расхаживает, взглянуть есть на что. — Тот, кто это сделал, книги не нашел. Если, конечно, эти типы искали именно книгу. Они все еще копались в комнате, когда их прервали.

— Значит...

— Это значит, что книги там не было. Карла Линдо, сердце мое, будьте так добры — сядьте. Вы не дадите мне сосредоточиться. Вот так лучше. Вы уверены, что сказали мне все? Вы не скрыли ничего такого, что привнесло бы в события хотя бы минимальный смысл?

Она посмотрела на меня огромными глазами, полными страдания, и отрицательно покачала головой. Однако я сомневался, что она говорит правду. Быть может, в ее представлении это и было

правдой — единственной версией. Но я просто уверен, что за всем происходящим скрывается что-то еще.

После завтрака мой взгляд на мир обычно становится светлее. Я даже с улыбкой на роже начинал в последнее время свою утреннюю пробежку. Но сегодняшнее утро, похоже, исключение. Мое настроение стало еще мрачнее. Я даже бросил завтракать.

Когда я резко поднялся из-за стола, Карла Линдо все еще продолжала питаться. Интересно, куда у этих малышей все помещается?

— Отправляюсь к Самому, — возвестил я и вышел.

Дин выглядел оскорбленным, как будто я позволил себе высказать что-то непотребное в адрес его стряпни.

Войдя к Покойнику, я вовсе не лучился радостью. Буркнув что-то вместо приветствия, я спросил:

— Ты не дрыхнешь?

«О нет, Славный борец с силами тьмы, не дрыхну».

— Что?

«Попытка, видимо, безуспешная, вывести тебя из состояния печали. Дальнейшие попытки я оставляю из-за их безнадежности. Поведай мне о событиях прошлого вечера».

Я все рассказал, не упустив ни единой подробности. Закончил я словами:

— Готов выслушать любые предложения.

Хотя больше всего мне хотелось запереться в доме и ждать, не отвечая на стук, пока наш мир не исправится сам по себе.

«Вряд ли это практичная идея, Гаррет. Согласен, смерть Блейна — неудача для нас. Однако я разделяю твой вывод о том, что убийцы вряд ли завладели Книгой Видений. Если, конечно, мистер Садлер и мистер Крask были правдивы с тобой до конца».

— А?..

В своем красноречии я был готов сравняться с Рохлей.

«Полагаю, что Чодо Контагю был бы очень заинтересован в книге, если бы знал о ее возможностях и могуществе. Очень, очень заинтересован, учитывая его физическое состояние».

— А?..

Готово. Я — в компании Рохли.

«Думай! — Проблеск нетерпения. — Мы уже обсуждали эту проблему».

Да, черт поberi! Да. Если Чодо узнает, на что способна Книга Призраков, он начнет гоняться за ней, как наркоман-крысук за «травкой». Готов поспорить, среди ста страниц нет ни единой с образом престарелого калеки в инвалидном кресле. Чодо снова сможет стать юным. Сможет отплясывать на свадьбах и похоронах. Главным образом — на похоронах. Он снова сможет гоняться за девками и будет кое на что способен, когда догонит. Не говоря уж о том, какую пользу сможет принести книга его бизнесу.

Да, Чодо и книга несовместимы.

— Я все понял, Весельчак. Медленно, с трудом, но понял.

«Отлично. Итак, ты явился за советом, что делать дальше, желая избежать умственных усилий, связанных с принятием самостоятельных решений. Что же, тогда слушай. Во-первых, постарайся как можно реже вступать в контакт с людьми Чодо. Попытайся создать впечатление, что ты утратил интерес к делу. Для того чтобы это выглядело убедительнее, я рекомендую тебе навестить мисс Тейт. Обнаружив, что ее здоровье идет на поправку, ты получишь возможность объявить о потере заинтересованности в продолжении расследования. Сделай это сразу же после утренней пробежки».

— Какой пробежки? — Мне стало как-то не по себе.

Поднялся шумный спор о том, есть ли необходимость продолжать программу тренировок. Последнее слово осталось за ним. Он сумел переупрямить меня только потому, что у него больше времени. Жмурик, если пожелает, может вести спор до конца моих дней.

«Во-вторых, ты должен встретиться с женщиной по имени Торнада. Свидание с ее работодателем может оказаться весьма полезным».

— Или смертельным.

«Мы пока не знаем, кто он и каким образом вписывается в общую картину. Сам факт его существования может оказаться аргументом в пользу твоего в целом слабо обоснованного предположения о наличии третьей стороны, заинтересованной в Книге Видений».

Ничего не могу от него скрыть. Я-то полагал, что сумел далеко и хитроумно упрятать эту мысль.

Когда он продолжил, я почувствовал, как он самодовольно торжествует.

«Есть еще две заслуживающие дополнительного внимания проблемы. Если позволит время, следует выяснить о передвижениях и контактах Блейна до того, как его постигла неприятность. Кроме того, необходимо узнать местонахождение нашего друга мистера Дотса».

Я почувствовал, что Покойника волнует отсутствие Морли. Я тоже начинал слегка нервничать. Некоторое время его никто не видел. Просто так он не исчез бы... Если, конечно, не ушел в подполье, выполняя очередной контракт, или не имел серьезных оснований опасаться за состояние своего здоровья. Оставалось надеяться, что его здоровье еще не претерпело катастрофических изменений.

Вообще-то беспокоиться было рановато. Дотс исчез из поля зрения не очень давно.

— Возможно, он вообще никуда не девался. Просто отсутствовал, когда я к нему забегал. Нет закона, обязывающего его сидеть дома и ждать, когда я появлюсь.

«Не исключено. Но и в этом случае...»

— Я загляну к нему.

Все это означало еще один полный рабочий день. Я ожидал его с таким же энтузиазмом, как мог ожидать появления артрита.

«Отправляйся. Соверши пробежку. Навести мисс Тейт. Посети заведение мистера Дотса. Не опаздывай к ленчу. Тем временем я проинтервьюирую мисс Рамаду и подготавливаю новые предложения».

Обязательно подготовит. Не исключено, что предложит пробежаться до Кантарда и обратно.

«Ах да. Конечно. Спасибо, что напомнил. Прислушайся к тому, что говорят о Славии Дуралейнике. Я жду сообщений о важных событиях».

Неужели он увидел что-то такое, что другие не заметили? Не исключено. В конце концов удалось же ему предсказать мятеж Дуралейника.

Надо же завести себе такое хобби! Почему просто не коллекционировать монеты, бывшие в употреблении гвозди или что-то в этом роде?

И ради его прихоти придется побродить дополнительно. Я вернулся в кухню выпить еще чашечку чая. Завтрак начал оказывать

на меня свое действие. Теперь я несколько лучше мог оценить достоинства Карлы Линдо. Я проявил снисхождение, когда Дин начал бубнить, что я верчусь у него под ногами. Старикан почему-то не говорил ничего подобного Карле Линдо. А ведь мог же? Он молчал, хотя не терпит, когда ему помогают. По его мнению, любая помощь нарушает установленный порядок вещей.

— Ну я пошел заниматься самоистязанием.

Похоже, мои слова никого не тронули.

22

Оказавшись на ступенях, я набрал полную грудь густого, как похлебка, воздуха Танфера. Сегодня он был прозрачнее, чем обычно, потому что из-за теплой погоды не надо было отапливать дома. Запахи тоже почти отсутствовали. Но я по ним не тосковал.

Я огляделся по сторонам. Хотя солнце только едва-едва поднялось над горизонтом, мне сразу стало ясно, что ничего хорошего от предстоящего дня ожидать не приходится.

Торнада совершенно открыто крутилась около дома, находясь, однако, вне зоны действия Покойника. Видно, на сей раз она старательно выполнила домашнее задание.

Однако девица беспокоила меня значительно меньше, чем несколько типов, старавшихся остаться незамеченными. Карликов среди них не было. Всех их, если быть снисходительным, можно было даже назвать людьми. Однако, думаю, вы не обрадовались бы, если бы ваша дочь вдруг привела любого из них к вам в дом. У всех ребят носы были сломаны или сплющены, а их коллективный разум не превосходил мыслительных способностей неторопливого опоссума. Четверо. В компании с Торнадой? Трудно сказать. Она, кажется, их не замечала. Так же, как и они ее. Ребята Чодо? Не похоже, и я довольно быстро сообразил почему.

Дело в том, что они были крайне неопрятны и выглядели оборванцами, а войско Чодо обладало некоторыми привычками к чистоте, приличной одеждой, а часть из них даже отличалась ухоженностью. Эти же ребята выглядели так, будто слова «гигиена» и не слыжива-

ли. Кроме того, Чодо уважал меня и в случае необходимости при-
скал бы Садлера и Краска.

Так чьи же они? Люди Змеюки? Но она, судя по всему, пред-
почитает карликов, гоблинов и иных экзотических созданий.

Все эти мысли пронеслись у меня в голове за какую-то долю
секунды. Я подумал, не вернуться ли домой, не запереться ли из-
нутри и послать всех к дьяволу.

Но тут мною овладела ярость. Оценивая ситуацию, я демонст-
ративно потягивался, зевал и вел себя так, словно ничего не замечал.
Спустившись по ступеням, я неторопливо двинулся направо, в про-
тивоположную от Торнады сторону. Прodelав несколько упражне-
ний, чтобы немного размяться, я перешел на бег, взяв со старта
максимальную скорость.

Это вывело их из равновесия. Двое, в чью сторону я помчался,
оттолкнулись от стен и обменялись взглядами, в которых сквозил
вопрос: «Что будем делать?» Первого я успел миновать, прежде
чем они пришли к согласованному решению.

Затем у меня словно выросли крылья. В игру вступила еще одна
команда. С крыши дома на противоположной стороне улицы раз-
дался звук спущенной тетивы, и мимо меня просвистели три стрелы.
Не знаю почему, прежде чем стрелять, они ждали, когда я начну
двигаться. Возможно, им надо было проснуться. Бросив на бегу
взгляд назад, я успел заметить, как на плоской крыше дома про-
мелькнул волосаной шар.

Я промчался мимо второго парня, бешено работая руками, нога-
ми и пыхтя изо всех сил. Люди, как испуганные цыплята, разбега-
лись с моего пути. Я промчался по куче конского дерьма,
образовавшейся уже после последней уборки. Один из наблюдате-
лей пытался топтать следом, но, очевидно, парень вел нездоровый
образ жизни. Выдержать темп он смог лишь один квартал.

Нырнув в проход между домами и промчавшись мимо много-
численных алкоголиков, наркоманов, роющихся в отбросах собак,
охотящихся кошек и даже мимо одной покалеченной морКары, я
выскочил на постоянно оживленную улицу Удаатт и смешался с
толпой.

Все как нельзя лучше. Пока не придется возвращаться домой.

Чтобы полностью потеряться среди прохожих, мне потребовалось не менее пары минут. Все это время я пыхтел и хрипел так сильно, что все, оглядываясь, расступались.

На меня снова накатила злость. Что за дела? Какие-то карлики непрерывно пытаются меня замочить. Что я им сделал? Дальше терпеть такое невозможно. Что же касается Торнады... — положить на колено и выдрать. Жаль, что она выше меня, и, складывая ее на колено, я могу столкнуться с некоторыми трудностями. Но, так или иначе, я уже сыт по горло. Пора переходить к ответным ударам.

Я добрался до дома Тейтов и провел у постели Тинни целый час. Состояние ее здоровья заметно улучшилось, и она вновь источала огонь и укус. Мы очень миленько повздорили, и, поскольку она была еще не в форме для того, чтобы помириться, я удалился еще более взвинченным.

Только-только миновало время завтрака — и уже такой вшивый день.

Прежде чем я успел смыться, меня перехватил один из бесчисленных племянников.

— Дядя Уиллард желает вас видеть, мистер Гаррет.

— Хорошо.

Сейчас мне не хватало только нотаций вождя племени Тейтов. В каком бы скверном расположении духа я ни находился, я не мог позволить себе вступить в спор со стариком. Ему так много и незаслуженно пришлось страдать за последние годы, что причинять ему дополнительные неприятности было бы низко.

Я мирно направился к нему, настроившись выслушать любые упреки.

Уиллард сидел за своим верстаком. Где же еще? Как-то он сказал, что в жилах его семейства есть доля крови эльфов. Пожалуй, он слегка приврал, и в жилах Тейтов течет кровь не эльфов, а карликов. Уж больно они трудолюбивы. Какие-то трудоголики.

Он посмотрел на меня с непроницаемым выражением лица.

— Присядьте, если желаете, мистер Гаррет.

Может, он вовсе и не сердит на меня?

— Что вы хотите? — спросил я, присаживаясь.

— Насколько я понимаю, вы разыскиваете людей, виновных в том, что произошло с Тинни.

— Да. Вроде того.

— Как прикажете понимать ваше «вроде того»?

Пришлось объяснить. Интересно, сколько раз мне все придется рассказывать и с какими вариациями, прежде чем осядет пыль? Тейт внимательно слушал. Я знал, что Уиллард про себя отмечал те моменты, когда я уходил в сторону, желая сохранить некоторые события в секрете.

— Понимаю. — Подумав полминуты, он добавил: — Мне хотелось бы встретиться с человеком, который подослал убийцу к Тинни, мистер Гаррет.

— Ее приняли за другую женщину.

— Я это прекрасно понимаю, мистер Гаррет. Но Тинни пострадала. И очень серьезно. Она бы погибла, не окажись поблизости вы и ваш друг. Умерла, если бы вы не вмешались. Я желаю встретиться с тем, кто несет за это ответственность. И готов щедро заплатить за подобную возможность.

Хочет посчитаться. А почему бы и нет?

— Я отыщу ее. Или его.

— Его? Мне казалось, вы считаете, что эта колдунья...

— Змеюка? Весьма вероятно. Но — я уже говорил — убежден, что в деле замешана еще одна сторона. Кто-то работает против Змеюки. И этот кто-то все время вертится под ногами.

— Блондинка, — кивнул он. — Вы могли бы учинить ей допрос.

— Конечно. (Так она мне и позволит.) Кстати, раз о ней зашла речь... Дама утверждает, что ее работодателя зовут Лаббок. Это имя вам что-нибудь говорит? Вы слышали о Лаббоке?

Он начал отвечать не задумываясь:

— Лаббок Кристер — кожевник. Лаббок Тул — перевозки. Фрит Лаббок — оптовая торговля овощами. Йон Лаббок Дамаскен — корабельный агент. С каждым из них я в то или иное время вел дела. Если обратиться к истории: Маршалл Лаббок — имперский генерал, Лаббок Кандид — чернокнижник и его дочь Аркне. Эти были настолько злобны и отвратительны, что матери до сих пор пугают детей их именами.

— Хорошо, хорошо.

Из всех названных Лаббоков я слышал лишь о двух последних, но понял, что он хотел сказать.

— Согласен. Лаббоков действительно великое множество. А наш к тому же, может, вообще не Лаббок. Не исключено, что он и Змеюка — одно и то же лицо.

Маленький старичок снова кивнул, и его седые космы опять взметнулись. Он нацепил на нос очки, давая понять, что аудиенция закончена. Уилларду не терпелось вернуться к труду.

— Благодарю вас, мистер Гаррет. Прошу держать меня в курсе, особенно если обнаружите что-то необычное. И пожалуйста, найдите время навещать Тинни. У нее так мало друзей.

— Обязательно.

— Лео! — позвал он одного из орды своих племянников. — Проводи мистера Гаррета до калитки.

Видимо, чтобы я не вздумал по пути застрять в убежище Тейтов.

Выйдя на улицу, я почувствовал странное облегчение, сродни тому, что вы испытываете, завершив визит к неприятной и нелюбимой тетке, старой деве. Уф! Теперь можно перейти к действительно важным делам. Странно. Тинни — вовсе не старая дева, у которой от одиночества испортился характер. Видимо, следует на досуге подвергнуть свои чувства к ней строгой ревизии. Я остановился и, опершись спиной о стену, начал размышлять, что делать дальше.

23

Не думаю, что мне удалось установить мировой рекорд по прыжкам в высоту, но ощущение было такое, словно за спиной выросли крылья.

— Гаррет!

Я опустил на землю и оказался лицом к лицу с Торнадой, понимая, что, пожелай она, я был бы уже покойником.

На этот раз повезло. В другой раз боги могут оказаться не столь милостивы, если мне вздумается вздремнуть на улице.

— Привет, Торнада, — бросил я, надеясь, что голос дрожит не слишком сильно.

Как это она так быстро меня нашла? Наверное, домашняя заготовка. Дама прислушалась к моему совету и выполнила домашнее задание. Возможно, она вовсе не так безнадежна, как казалось.

Оглядевшись вокруг, я не заметил ребят, которые бросились за мною вдогонку.

— Где же ваши бруно?

— А?..

Я запомнил, что она — не городская и не знакома с аргю. Бруно — низкопробная шпана на подхвате.

— Те ребята, что толкались вместе с вами у моего дома.

— Они были не со мной. Я их вообще не замечала, пока они не побежали за вами.

— Вот как? — Что ж, боги хранят дураков. — Может, вам стоит подумать о том, чтобы сменить работу? На этой вам долго не протянуть.

— Возможно, — пожала она плечами. — Будь что будет, зато я занимаюсь чем хочу, и мне не надо надрываясь волочить плут или стареть, вынашивая детей.

Она права. Я занимаюсь тем, чем занимаюсь, в частности, и потому, что могу оставаться сам себе боссом, свободным от паутины обязательств и ответственности.

— Понимаю.

— Завтра наступило, Гаррет. Лаббок начинает проявлять нетерпение.

Опять игра в крутизну, подумал я, а вслух произнес:

— Ладно. Ведите.

Она направилась в сторону Холма. Я молча позволил ей указывать путь и задавать темп. Походочка у нее — словно она все еще шагает за плугом. А девица вовсе не дурна, если взглянуть. Просто смоделирована в несколько увеличенном масштабе. Торнада могла бы стать вообще хорошенькой, если бы согласилась помыться.

— Вам удалось бросить взгляд на клоунов, стрелявших в меня с крыши?

— Не только бросить взгляд, Гаррет, — ухмыльнулась она, — но и врезать, как только они спустились. Выдала им по хорошему пинку в задницу и переломала игрушки.

— Всем?

— Их и было-то всего четверо. Крошечные волосатики. Но упорные. Фокус в том, что надо стоять к ним достаточно близко, чтобы они не могли использовать арбалеты, но чтобы не могли дотянуться до тебя лапками. Я обрабатывала их ногами.

Она отступила в сторону и высоко взметнула ногу. Таких бахил я не видел со времен морской пехоты. Ими и впрямь можно изувечить кого угодно — если достанет сил поднять ногу.

— Почему?

— Они вмешались в мою игру. Мне от вас не будет никакого проку, если позволить утыкать вас стрелами.

— Боюсь, и мне это пользы не принесло бы. Хотелось бы знать, откуда они возникли.

— Кто? Волосатики?

— Они, Торнада, они. Эти ребята нападают на меня уже третий раз.

Вспомнив об этом, я начал с утроенной энергией оглядываться по сторонам. Да, мы двигались все-таки в сторону Холма. Не иначе как ее работодатель — какой-нибудь повелитель огня или властитель бурь... Я попытался вспомнить, кто из крупных чародеев может сейчас находиться в городе. Все, кто хоть что-то да значит и достаточно опытен, торчат сейчас в Кантарде, помогая охотиться за Слави Дуралейником.

Если бы я был политиком, то сообразил, что сейчас самое время делать карьеру. Наши правители не оставили в городе никого, кто мог бы держать нас в строгости. Увы, политическая деятельность меня не интересует. Как и всех остальных. Поэтому нам, видимо, придется существовать так, как мы привыкли, если, конечно, Дуралейник не учинит всем полнейший разгром, и ни один из чародеев не сможет вернуться домой.

Немного поразмыслив, Торнада заявила:

— Мне неизвестно, откуда они появились, Гаррет, но я знаю, куда они направились.

— А?..

Пусти в ход весь свой ум и шарм, Гаррет, и выуди, что ей известно.

— Двадцать марок. Серебром. После встречи с Лаббоком.

Никто не может назвать меня непокладистым:

— Три марки — больше никогда с собой не ношу.

— Поцелуй себя в зад. Пока ты не скажешь, что сведения стоят двадцатки, я слова не промолвлю.

Интересно, почему эти деревенские столь низки — нутром чуют, когда можно нажиться на несчастьях ближнего?

— Ладно, пусть будет пять.

Торнада ничего не ответила, продолжая вести меня к Холму. Хорошо, посмотрим. Она не может не согласиться. Пять марок — огромные деньги для деревенской девицы.

На перекрестке впереди возникла пара карликов.

— Десять! — выпалил я.

Карлики даже не взглянули в нашу сторону. Я их не интересовал. Всего-навсего парочка бизнесменов-недомерков. Торнада проигнорировала мое новое предложение. Ну что ж. Своей несдержанностью я себя выдал. Это вполне объяснимо. Я нервничал. Вы тоже забеспокоились бы, если бы в вас начинали стрелять карлики, как только вы высовываете нос из своего дома.

Дин перестанет выпускать меня за покупками.

Я не переставая вертел головой, но не замечал ничего подозрительного или опасного. Только раз вдали промелькнул парень, похожий на Краска. Впрочем, слишком далеко. Тем не менее я позволил себе ухмыльнуться. Может, появится возможность поторговаться.

24

Я остановился посмотреть, куда мы направляемся.

— Пошли, Гаррет. Хватит портить воздух.

— Не помешает сперва оглядеться.

Такое могло родиться лишь в больном воображении — миниатюрный волшебный замок — убежище привидений-недомерков, вервольфов и разучившихся летать вампиров. Размерами он не превосходил стоящие поблизости особняки. Настоящий замок — в четверть натуральной величины. Стены его были сложены из черного камня и имели весьма замызганный вид.

— Веселенькое маленькое бунгало. Значит, здесь обитает Лаббок?

Конечно, я и раньше видел это строение, но не обращал на него внимания. Еще одна причуда придурка с Холма. Об обитателях замка мне ничего не было известно.

— Да. Но по правде, мне кажется, что Лаббок — не настоящее его имя.

— Вот как! В самом деле?

Она с сомнением и довольно сурово посмотрела на меня.

— Что вы о нем знаете?

— Занимается выплавкой металлов. Это у него бизнес такой. Королевские контракты. Страшно богатый. Я все узнала, прислушиваясь к разговорам. Он правда немного странный.

— Оно и видно.

— Постарайтесь оставаться серьезным.

Я возобновил движение. Очень неторопливо. Мне казалось, что у ворот нас должны встретить часовые-зомби. Быть может, зомби-гномы. На немногочисленных окнах стояли массивные металлические решетки. Игрушечный подъемный мост горбился над игрушечным рвом пяти футов шириной. Клыкастые черепа неизвестных созданий висели над воротами. Из их носовых отверстий валил дым. Несмотря на ясный день, по обе стороны от входа коптели факелы. Где-то в глубине невидимые музыканты наигрывали устрашающую мелодию. На стенах, как на насесте, сидело с дюжину морКаров — живых горгулей. Да, странностей здесь хоть отбавляй.

Парни, обитающие на Холме, как правило, покупают или строят дом своей мечты.

Я задержался взглянуть на морКаров. Они, казалось, впали в гораздо более сильную, чем обычно, дневную летаргию.

— Не будем торчать на улице. — Торнада без малейшего колебания вступила на подъемный мост. — Вы идете?

— Иду. Но начинаю сомневаться, что это удачная идея.

— Не волнуйтесь, — рассмеялась она. — Это все показуха. Лаббок просто чокнутый. Он одевается и ведет себя как чародей, но единственный фокус, на который парень способен, — заставить исчезнуть с тарелки жратву.

Видимо, так оно и есть. Если бы владелец замка обладал подлинным талантом, то сейчас находился бы в Кангарде, пытаясь перехитрить Слави Дуралейника.

Встретил нас старикан трупного обличья. Не промолвив ни слова, он провел нас в жутковатую приемную. Стены ее были декорированы плетью, цепями и какими-то другими предметами. Об их назначении даже не хотелось строить догадки. Из произведений искусства там оказалась портретная галерея разнообразных демонов. Среди демонов была и парочка образов реальных людей, которых я мог бы знать, если бы интересовался прошлым. Судя по их рожам, они должны были оставить заметный след в истории страны.

Вскоре к нам присоединился сам Лаббок.

Покойник в сравнении с ним показался бы стройным и изящным. Будь хозяин замка каменным валуном, он потянул бы сотен на шесть фунтов. На нем висела идиотская мантия чародея, скорее всего сшитая им самим. Затраченной на ее изготовление материи с лихвой хватило бы на палатки для целого батальона. При желании парня можно было бы привлечь к суду за незаконное припрятывание материалов стратегического назначения.

Лаббок улыбался, но улыбка затерялась в складчатом ландшафте его физиономии. Глядя на него, я почему-то вспомнил о хорошо прогоревшей свече с многослойными наплывами воска.

— О Торнада, наконец-то вы сумели доставить сюда этого человека. Моровая Язва, заплати ей.

Карга, смахивающая на бабушку нашего проводника, подала Торнаде маленький кожаный мешочек, и тот мгновенно исчез в складках одежды моей подруги.

— Мистер Гаррет. — Лаббок сделал попытку поклониться.

Я попробовал сохранить серьезное выражение лица. Наши попытки полным успехом не увенчались. Хотя мне кажется, я преуспел больше.

Парень говорил устрашающим голосом. От его тона у меня вдоль спины чуть не растекся холодок страха. Держу пари, он затратил массу времени, чтобы научиться получать должный эффект.

— А я уже начал думать, не совершил ли ошибку, прибегнув к вашим услугам, Торнада, — продолжил он.

Это она совершила ошибку, согласившись на его предложение, подумал я. Но иногда — для того чтобы душа не рассталась с телом — нам приходится делать то, чего в иных обстоятельствах делать не следовало бы.

— Как поживаете, мистер Лаббок? — поинтересовался я.

Он поднял руки и скрестил их у своего сердца, обратив ладони в мою сторону. Затем чудак сжал пальцы в кулаки, оттопырив мизинцы и энергично двигая ими. Я заметил, что ногти на пальчиках достигали двух дюймов. Наверное, в них скрывалась какая-то магическая сила. Все эти манипуляции, очевидно, должны были произвести на меня соответствующее впечатление.

Я не впечатлился. Как правильно утверждают некоторые, мое место — в психушке Бледсо. Я, по их мнению, не всегда поступаю адекватно требованиям реальной жизни.

— Ты мог бы хотя бы притвориться вежливым, Гаррет, — прошептала Торнада.

— Разве я не спросил, как он поживает, хотя мне на это глубоко плевать? — тоже шепотом ответил я. — Чего тебе не хватает? Пусть он поговорит.

Во всем, видимо, виноваты нервы. Когда меня пугают, они почему-то начинают давать сбой. Мне надо было задавать ему вопросы, а я вместо этого начал подумывать о том, чтобы слинять.

Он все-таки сумел начать:

— Мистер Гаррет (сколько можно?), добрый день. Я с огромным нетерпением ждал встречи с вами.

— Я тоже рад вас видеть, кем бы вы ни являлись.

Видите, как я вежлив. Ведь не сказал же: «чем бы вы ни являлись».

Еще одна улыбка попыталась совершить прорыв, но скончалась в зародыше, задохнувшись в жире.

— Да, как вы справедливо предполагаете, мое имя вовсе не Лаббок. Нет, сэр. Это всего лишь тайное желание, страстная мечта ступить на ту же тропу, которой прошествовал столетия тому назад великий Лаббок.

Он поднес руки к глазам, скрестил ладони, обернув их ко мне тыльной стороной и уставился на меня сквозь кольца, образованные большими и указательными пальцами. С некоторой натяжкой это действие можно было принять за древнее заклинание против лурнского глаза.

— Однако, к сожалению, жестокая реальность не позволила моей мечте воплотиться в жизнь.

Я вспомнил, что Уиллард Тейт упоминал о парочке преотвратных мертвецов по имени Лаббок. Колдунов. А у этого парня талантов мага даже меньше, чем у меня. Такова жестокая реальность. Вот он и юродствует, играя в чародея.

Что же, если вы богаты, вам все дозволено.

— Как вы справедливо предполагаете, — повторил он, — мое имя вовсе не Лаббок. Глупо пытаться скрыть истину от человека вашей профессии. Вам стоит лишь спросить соседей, и те сообщат, что здесь живет безумный Фидо Истерман.

— Фидо?

Надо же. Люди даже собакам перестали давать кличку «Фидо».

— Это означает «Верный», мистер Гаррет. Да, сэр. Верный. Мой папенька, да упокоится его душа в мире, был поклонником имперских традиций. Фидо — почетный титул во времена Империи. Как сейчас — рыцарь. Но в отличие от последнего он мог быть пожалован любому, не обязательно аристократу. Да, сэр. Этим титулом обладал человек, имя которого я в своем тщеславии присвоил ради нашего маленького маскарада. Именно, сэр. Как вам, возможно, известно, Кандид Лаббок был одним из моих предков. Сверкающая звезда на вершине фамильного древа. Да, сэр. Но магическое могущество исчезло со смертью его дочери Аркне. Если бы вы знали, сколько проклятий послал я за это небесам!

Боже. Передо мною не просто клоун. Передо мною кипящий эмоциями театр одного актера.

— Но я-то тут при чем? — спросил я, желая поскорее добрать-ся до сути дела. — С какой стати я здесь оказался?

Я попытался разглядеть цвет его глаз. Ничего не вышло — органы зрения утопали в складках жира.

— Терпение, мой мальчик, терпение. Не надо торопить своего палача, — зловеще хихикнул он. — Это шутка, сэр. Моя маленькая шуточка. Вам в этом доме ничего не угрожает.

Черта с два. Еще немного, и я начну пускать изо рта слюни и заведу беседу с маленькими зелеными человечками, которых здесь нет.

Я взглянул на его слуг. Замковая челядь толпилась в глубине помещения, желая наблюдать босса в действии. У всех — пугающие костюмы и соответствующий грим. Истерман мог себе позволить

платить людям за то, чтобы они поверили, что он мерзавец. Вероятно он им и был, но только в более земном исполнении. В задних рядах зрителей я обнаружил одного из тех, кто преследовал меня около моего дома.

Но не надо называть Истермана сумасшедшим. Истерманы всего мира сумасшедшими не бывают. Когда у вас много денег, вы слывете эксцентриками.

— Да, сэр. Фидо Истерман.

Он сложил кончики пальцев обеих рук и изобразил двух отталкивающихся друг от друга пауков. Покончив с этим, Фидо приступил к новому упражнению. Он начал разводить руки в сторону, как бы преодолевая огромное сопротивление. Пальцы у клоуна тряслись, словно он еще не оправился от тяжелейшей болезни.

— До меня дошли слухи о чудесной книге, мистер Гаррет. Да, сэр, о подлинном шедевре. Я желаю, сэр, эту книгу получить. Торнада бегала вместо меня, ведя поиски. Как вы можете заметить, я плохо скроен для физических усилий, даже если бы и желал действовать самостоятельно. Торнада работала с должным тщанием, надеюсь, конечно, избавить меня от существенной части моего состояния. Но судьба отказалась повернуться к ней лицом. Ей все-навсего удалось узнать, что вы можете располагать кое-какими сведениями о местонахождении указанной книги. — Фидо радостно воззрился на меня. Прежде чем я успел вставить слово, он продолжил: — Насколько я сумел выяснить, вы, сэр, могли бы пожелать стать обладателем весьма существенной суммы. Скажите, в каком металле вы предпочитаете получить вознаграждение.

— С удовольствием получил бы в любом. Жаль только, что мне нечего вам продать. Не знаю, почему вы решили, что мне известно о какой-то книге.

— Не надо, сэр. Не надо. Не будем играть друг с другом. Не будем перебрасываться пустыми словами. Я сказал, что заплачу за обладание книгой, и я действительно готов проявить щедрость. Мое слово надежно как скала, в чем может убедиться любой, задав несколько вопросов людям, занимающимся добычей и переплавкой руд. Но если вы отправитесь наводить обо мне справки, то обязательно узнаете, что я имею репутацию человека, умеющего добиваться своего.

В этом я не сомневался.

— Могу сказать об этой книге только то, что она не закончена — если, конечно, вообще существует. Что же до ее местонахождения, то я не имею об этом ни малейшего представления.

— Не надо, сэр. Неужели вы на самом деле ожидаете, что я...

— Я ожидаю от вас лишь того, что вы оставите меня в покое.

— Сэр...

— Сколько раз можно повторять: мне неизвестно, где находится книга. Вы наводили обо мне справки, так? Вам сказали, что я, как правило, говорю правду? Так вот, правда заключается в том, что я сам искал эту книгу. Для своего клиента. Нашел же я всего лишь укравшего ее человека.

— Прекрасно, сэр. Мы уже кое-куда продвигаемся.

— Мы продвигаемся в никуда. Парень мертв.

— Какая неприятность, — хихикнул он. — Большая неудача.

Мне показалось, что это для него не новость. Я заметил еще одного из гонявшихся за мной парней.

Все сходится. Вот она, искомая третья сила. Этот придурок со своей шпаной. Не исключено, что его парни и отправили Блейна в землю обетованную. А может, они разделились и с Бельчонком.

— Не желаю больше связываться с этой книгой. Из-за нее уже убили несколько человек. Из-за нее жители Карлик-Форта встали на тропу войны. Из-за нее Чодо Контагью жаждет крови, так как погиб один из его людей. — Фидо слегка пошевелился. — Из-за нее колдунья по имени Змеюка носится по городу в сопровождении карликов-ренегатов, палящих во все стороны из арбалетов. У меня нет ни малейшего желания оказаться в центре этой заварухи.

Истерман закрыл глаза и начал говорить. Вообще-то это было нечто вроде речи, но произнесенной не по-каредински. Я догадался, что он лопочет на Старом Форенсе (этот язык все еще используется для литургий у некоторых наиболее консервативных конфессий из тысяч различных культов, существующих в Танфере). Я не знал и десятка слов на Старом Форенсе, однако мне доводилось его слышать, и я узнал общий ритм и модуляции.

Старый добрый Фидо был таким же скверным лингвистом, как и чародеем. Но отсутствие таланта он компенсировал энтузиазмом. Парень завывал, пуская изо рта пену.

Я пришел сюда с Торнадой только для того, чтобы задать вопросы. Теперь же делать мне здесь было нечего. У меня оставалось единственное желание — убраться как можно скорее. Там снаружи существовал разумный мир. Там впервые со дня основания Танфера над городом летали громовые ящеры. И торчали у самых городских ворот. Там по улицам бродили кентавры. Там водились саблезубые тигры, мамонты, морКары и гномы. Там исчезали мои друзья. Но в целом это был разумный мир, в котором я вполне мог существовать.

— Я подумываю переквалифицироваться в каменщика, — сказал я Торнаде. — У них таких проблем не бывает.

Торнада пожала плечами, продолжая пялиться на Истермана, словно на гения, вещающего о тайнах мироздания. Быть может, она его понимала? А что, если и девица тоже слегка со сдвигом?

Я сдался и даже как будто задремал, оставаясь на ногах и сохраняя достаточно внимания для того, чтобы заметить любую попытку подкрасться ко мне сзади и трахнуть по черепу боевой сскирой. Оставался я только потому, что Торнада не собиралась уходить. Я не имел права оставить ее один на один с этим страшилой. А вдруг он приносит в жертву девственниц (которой Торнада, полагаю, еще сравнительно недавно была и — чем черт не шутит, — может, еще и остается). К тому же ей было известно нечто такое, что я тоже желал бы узнать.

Закончив свой припадок, Истерман без малейшего смущения произнес:

— Итак, сэр, насколько я понимаю, мы пришли к полному согласию.

— Нет.

Похоже, его люди начали испытывать смущение. Но они сумели это скрыть и не удалились. Наверное, он платил им по-настоящему хорошо. А что бедолаге остается делать?

Он казался озадаченным. Это было заметно, несмотря на складки жира, скрывающие выражение лица.

— Я думал, сэр, что выразил свое пожелание абсолютно понятно.

— Если в ваших словах и были проблески смысла, то я их во всем этом дыму как-то не заметил.

— Гаррет! — заорала Торнада.

Истерман улыбнулся. Или, может, мне показалось, что в глубинах его физиономии промелькнула улыбка.

— Хорошо. Попытаюсь говорить словами, которые даже вы, сэр, способны понять. Я хочу получить эту книгу. Я всегда получаю то, что желаю. Те, кто мне поможет в этом, будут щедро вознаграждены. Тех же, кто попытается встать на моем пути, ждет не столь радостный удел. Вам теперь все ясно?

— Да. — Я послал ему улыбку. — Если я случайно встречу Чодо Контагью или Змеюку, непременно передам им ваши слова. Уверен, это настолько их напугает, что они немедленно уберутся с вашего пути, предоставив вам свободу действий.

Угроза и контргроза. Все весьма по-дружески — с ножами, спрятанными за спину.

Торнада начала извиняться за мое варварское поведение. Чем больше я на нее смотрю, тем меньше понимаю ее характер.

— Не имеет значения, мое дитя. Не имеет значения. Этот человек должен поддерживать свое реноме. Как, впрочем, и все мы. Мы все так поступаем. Прекрасно, сэр. Прекрасно. На этом, полагаю, деловую часть нашей встречи можно считать завершенной. Мы поняли друг друга. Я собираюсь отобедать. Не желаете ли присоединиться ко мне? Я держу очень хороший стол.

Я отказался, сославшись на занятость. Мне не хотелось видеть, какой стол держит этот урод. Его яства могут оказаться вредными для здоровья. Да и время ленча еще не наступило.

— Хорошо, сэр. Как вам будет угодно. Надеюсь, что вскоре снова увижусь с вами при обстоятельствах более благоприятных для нас обоих. Чума, — обратился он к труповидному старикану, — вас не затруднит проводить наших гостей к выходу?

Старик поклонился и повел нас с Торнадой к вратам замка. Я не спускал со старикашки глаз — не желая, чтобы меня толкнули в какую-нибудь потайную дверь. Попытки завести беседу о его боссе ни к чему не привели. Он не желал говорить на эту тему. Весьма мудро в его положении.

— Я в тебе разочаровалась, — небрежно бросила Торнада.

— Я и сам в себе сильно разочаровался. Но все же скажи, чем я разбил твое сердце.

— Этот парень — созревший фрукт.

— Не просто фрукт, а целый фруктовый сад, Торнада.

— Если бы мы поперли в нужном направлении...

— Не мог вынести этого клоуна. Возможно, он и сказал бы мне что-то важное, но... Пусть повернется на горячей сковородке.

— Гаррет!

— Ты связалась с ненормальным, Торнада. Из-за него тебя укокошат. Я поверил тебе на слово, что ты не работала с теми парнями, которые гонялись за мною утром. Не заметила некоторых из них среди толпы слуг? Тебе следует держать глаза открытыми.

Подозреваю, что они вели с Торнадой двойную игру с того самого момента, как Истерман нанял ее. Для типа вроде него это естественное поведение.

Я не испытывал к Фидо никакой симпатии. Я не должен ему и ломаного гроша. Теперь было ясно, кто замочил Бельчонка. Когда в очередной раз встречу Садлера и Краска, обязательно поделюсь с ними своими подозрениями.

Когда мы удалялись от этого клоповника, я даже не оглянулся.

— Торнада, ты знаешь что-нибудь об этой книге?

— Только что она вот такого размера, а страницы сделаны из латуни. — Латунь. Латунные призраки. — Это то, что карлики называют Книгой Призраков. Каждая страница посвящена какому-нибудь существу. Тот, кто прочитает текст, в это существо превращается.

— Неужели?

Мы снова были в безопасности. Я чувствовал, что за нами нет хвоста. Мы поднялись по ступеням здания, которое по традиции почему-то считается общественным. Пока. Подданные короля собираются на его ступенях. Некоторые из них даже постоянно живут здесь, если погода позволяет. В этом месте мы могли поговорить, не опасаясь получить удар по голове от уличной шпаны, и отсюда нас не могли прогнать парни, именуемые стражей.

— Подумай об этом, любовь моя.

— О чем? И с какой стати?

— Представь себе человека, который о чем-то мечтает. Не важно, насколько это мечтание безумно или насколько безумен этот человек. Понимаешь? И вот у него появляется шанс воплотить свою мечту в жизнь. Понимаешь?

— Ты совсем заморочил мне голову, Гаррет.

Вот уж не думал, что она так туго соображает. Пришлось развернуть тему и подробнее объяснить, что представляет собой эта книга:

— Этот урод Фидо больше всего на свете желает стать черно-книжником, злым волшебником. Но у него не хватает таланта добиться этого собственными силами. Он так стремится к этому, что просто жалость берет. Но я не хочу его жалеть, когда речь заходит о Книге Видений. Если псих вроде него получает...

— О!

Ее глаза вдруг округлились.

— Вот именно — о! До тебя дошло наконец. Но он книгу не получил. Пока. Иначе этот сумасшедший уже начал бы выкидывать свои фокусы по всему городу.

— Дай мне подумать об этом, Гаррет.

— Ты знаешь его лучше, чем я.

— Сказала же — дай мне подумать.

Ее лоб покрылся морщинами — точь-в-точь как у Плоскомордого, когда тот пытается сосредоточиться. Наверное, она похожа на Тарпа не только ростом. Торнада из тех, кто думает медленно, но верно и кто в результате частенько приходит к более глубоким выводам, чем мы, похваляющиеся быстротой мысли.

Немного выждав, я продолжил:

— Ему каким-то образом удалось вступить в контакт с Блейном. Откуда-то он ведь узнал о книге?

— Верно. Думаю, Блейн сначала предложил ему купить книгу. Но что-то случилось, и он отказался от своего предложения.

— И в результате был убит.

— Вероятно, это моя вина. Я отыскала Блейна для Лаббока.

— Вот как?

— Я же тебе говорила, что охочусь за людьми. Он хотел, чтобы Блейна нашли, и я его нашла.

Я посмотрел назад, на берлогу Истермана. Мы были недалеко от нес. Недостаточно далеко. Кто-то торчал на башне, пытаясь подманить летающего громового ящера. Похоже, Фидо решил обзавестись персональным драконом.

Забавно. Логически рассуждая, у Блейна, когда его убивали, книги не было. Но до этого она у него была, и он пытался ее использовать. Когда парень ввалился в мой дом, он был Карлой Линдо. У Эмсеюки книги тоже быть не могло. А то она не старалась бы меня прикончить, а уже убралась бы из города.

Гнорст? Но ничто не говорило о том, что он вообще приступил к поискам.

Куда же, к дьяволу, она могла надеваться? Но почему это должно меня волновать? Тинни обещала скоро поправиться.

— Как ты думаешь, можно ли кому-либо доверить такое могущество?

— Мне-то можно. Я с ним совладаю. Но никому другому я книженцию бы не доверила.

— А я и в тебе не уверен. Мы еще слабо знакомы.

— Сколько заплатишь за то, что я ее найду?

— Что?

— Я пришла в город за деньгами, Гаррет, а не заниматься спасением человечества.

— Обожаю людей, которые четко мыслят. Мне нравятся девушки, которые точно знают, чего хотят. Поэтому даю тебе столь же прямой ответ. Ты не получишь и облезлого медяка. У тебя нет ни малейшего представления, где книга.

— Но я узнаю. Я хорошо умею искать. Знаешь что? Когда я ее отыщу, я дам тебе возможность поторговаться за нее с Лаббоком.

— А как насчет Змеюки? Тебе не вредно было бы подумать и о ней. А когда начнешь думать, припомни, что случилось с Блейном.

— Чепуха!

— Послушай, Торнада. Очень глупо ничего не бояться. В этом городе есть весьма неприятные люди. И наиболее неприятные из них сейчас разыскивают тебя. Из-за Бельчонка. Если тебя поймают, ты можешь смело целовать себя под хвост, посылая миру последнее прости.

Я упомянул об этом, увидев вдали кого-то, весьма сильно смахивающего на Краска.

— Я способна сама о себе позаботиться.

— Видел, когда ты накатила на меня.

— Проклятие, Гаррет! Почему ты вообразил, что несешь за меня ответственность?

По тому, как она вела себя и какие слова выбирала, мне начало казаться, что бредущая рядом со мною Торнада — не подлинная Торнада.

— Ладно, ладно. Скажи-ка лучше, куда направились те карлики?

— Двадцать марок.

— Наемница проклятая! Ты готова продать мать родную.

— И продала бы за подходящую цену. Не меньше двух марок. Только чтобы покрыть расходы. Но тебе от нее никакого бы проку не было. Она померла.

— Сожалею.

— О, она еще дышит. Последние тридцать лет она мертва от подбородка и выше. Ничего не соображает. Умеет только ругаться да делать детишек. Прошлый раз я насчитала шестнадцать. С тех пор, наверное, еще парочка прибавилась. На четырнадцатом она чуть было не истекла кровью, но все равно продолжает их клепать. Поэтому я сбежала из дома. Не хочу стать такой, как она.

— Ладно, пусть будет двадцать марок. — Я ее не осуждал. У крестьян, как правило, жизнь коротка и отвратительна. Особенно отвратительна она у сельских женщин. — Но с собой у меня нет.

— Я тебе доверяю. Говорят, ты держишь слово. Только не вздумай позволить себя укокошить, прежде чем расплатишься.

— Выкладывай. Где они?

— Ты сразу туда погрешься?

— Да, если скажешь куда.

— Не возражаешь, если я тебя провожу? Может, я найду там и для себя что-нибудь интересное.

25

Не успели мы двинуться в путь, как оказались в центре взволнованной толпы. Люди бегали, кудахтая друг на друга, как цыплята в огромной стае. Они не были напуганы, им просто хотелось узнать, что происходит. Я тоже не оказался исключением. Причина всеобщего смущения стала понятна, когда все вдруг остановились, повернувшись в одну сторону и тыча пальцами в небо.

Вначале над нами пронеслись тени. Затем со стороны утреннего солнца появились сами чудовища — числом не менее дюжины. Они не плыли в вышине, а шли крыло к крылу почти на уровне крыш. Их шеи извивались по-змеиному, а головы время от времени дергались вперед. Пролетая над нами, они хрипло кричали. Откуда ни

возьмись в небе появились морКары и в целях самосохранения сразу нырнули вниз.

Никто не паниковал. Да и не с чего. Чудища были крупными, но не огромными. Утащить они никого не могли. Может, только кошку или небольшую собаку. Для более серьезной дичи подъемной силы их крыльев явно не хватило бы.

Кто-то рядом заметил:

— Они истребляют голубей.

Значит, вот почему эти выпады головой.

Один летит впереди, поднимая в воздух этих пернатых крыс, а остальные бьют их на лету.

— Я слышал, к северу на холмах появились крупные хищники, — произнес кто-то в толпе.

Мрачно известие. Некоторые из этих уродов достигают тридцати футов, и для таких закусить мамонтом — плевое дело. Милое развлечение для фермеров.

— Вот куда тебе надо отправиться зашибать бабки, — сказал я Торнаде. — Я знаю парня, который щедро платит за шкуры громовых ящеров.

Уиллард Тейт использовал выделанные шкуры для подошв армейских ботинок.

Торнада пресзрительно сплюнула.

— Здесь легче заработать.

Можно подумать, я серьезно. Не очень тонкий человек моя подружка Торнада.

Мы двинулись дальше. Когда мы оказались в более или менее тихом месте, Торнада произнесла:

— Не знала, что у вас здесь водятся эти твари.

— Они здесь не водятся. Как правило. Но сейчас что-то толкает их на юг. А вообще-то им у нас не нравится. Слишком холодно.

Мне в голову пришла неожиданная мысль. Если в холмах к северу от Танфера появились крупные плотоядные, они там долго не продержатся. Хватит единственной холодной ночи. Фермеры нашпигуют их сотнями фунтов отравленной стали — чудовища будут слишком вялыми, чтобы себя защитить. У старого Тейта шкур будет больше, чем он сможет пустить в дело.

Громовые ящеры стараются держаться подальше от разумных рас: понимают, что обязательно окажутся проигравшей стороной. Они усвоили это, несмотря на свою природную тупость. Зубы, клыки и масса — недостаточное оружие против мозгов, магии и острой отравленной стали.

Это еще одна причина, почему никто не вызывает страха. Не говоря уж о том, что Танфер окружен стенами, неприступными для любого громового ящера.

Вся эта суеда не позволяла мне определить, кто следит за нами — ребята Фидо или парни Чодо. То, что нас сопровождали, сомнений не вызывало. Клоуны Истермана беспокоили меня гораздо сильнее, нежели войско Чодо. Эти — профессионалы с предсказуемыми действиями. А о шпане известно лишь одно — она может оказаться смертельно опасной.

Я продолжал твердить Торнаде о книге, пытаясь достучаться до ее разума. Она никак не могла поверить, что дело может обернуться очень плохо, и не понимала, насколько могущественной может оказаться Книга Видений. А может, просто не желала понять.

Мы миновали ночлежку Летти Фарен, присосавшуюся, как пьявка, к основанию Холма, и я начал рассказывать Торнаде забавные истории, связанные с этим местом. Моя подружка начинала меня беспокоить. Она не хихикала в тех местах рассказа, где было положено... Садлер выступил из прохода между домами. Всего лишь на миг. Ничего особенного для тех, кто его не знал. Но я-то был с ним знаком. За этим парнем слежка не ведется.

Он хотел со мной поговорить. А я? Например, разумно ли оказаться с ним один на один в темном проходе?

Ладно. Быть может, мне удастся стряхнуть его со своего хвоста.

— Торнада, мне надо поговорить с одним человеком насчет собачки. Подожди минутку.

Расстегивая на ходу брюки, я направился к тому месту, где скрывался Садлер. Посторонние наблюдатели поймут все правильно, если я не проторчу там целый день.

Вступая со света в полутьму, я оказывался в невыгодном положении. Если бы Садлер захотел, мне конец.

— Давай по-быстрому.

— Ладно. Слышал, ты еле-еле унес ноги.

— Было дело. Опять карлики.

— Слышал. А это та баба, что мы ищем?

— Та самая. Только не она порезала Бельчонка. Похоже, я знаю, кто это сделал. Шакалы, работающие на парня по имени Фидо Истерман.

— Фидо? — ухмыльнулся он.

— Это такой почетный имперский титул. Не смейся. Да. Псих покруче целого взвода идиотов. Первый кандидат в ха-ха приют. Имеет на Холме дом в виде замка с привидениями. Мечтает стать злым волшебником.

— Значит, пока не волшебник?

— Как булыжник. Просто псих. Может, из-за своего бизнеса? Плавка металлов. Надышался паров из тиглей. Нанял четырех шакалов, которых я тут же просек. Второй сорт. Погнался за дешевизной в ущерб качеству.

Садлер щелкнул языком. Он пребывал в рассеянной задумчивости. Странно. Это он хотел поговорить со мной, а не я с ним.

— Весьма вероятно, что они же пришли и Блейна.

Садлер снова щелкнул языком с еще более задумчивым видом. Превращается в философствующего сверчка? Все может быть. У нас в Танфере происходят и более странные вещи.

— Так что? — Я начал проявлять нетерпение.

Никто не мочится двадцать минут.

— Значит, это все второсортные ребята?

— Похоже на то.

А слушает ли он меня вообще?

— А как насчет той двери? Кто так рубанул Бельчонка? Какой-то слабак?

Я как-то не подумал об этом.

— Да... Думаю, ты прав.

— Думаешь. В этом ты весь, Гаррет. Шибко думаешь, бродя впотьмах, пока об кого-нибудь не споткнешься. А вообще-то я хотел поговорить с тобой, потому что мы напали на след карликов. Правда, пользы тебе от них не будет. Они крепко напылили на Площадке. Битва двух шаск карликов-гангстеров. Одна шайка напала на другую. После побоища часть направилась в Карлик-Форт, а часть — в Бледсо. На данный момент я присуждаю им ничью. Правда, какие-то парни следили за теми, что тащились в больницу. Надеюсь, тебе это интересно.

— Да. Спасибо. — Я забыл сообщить ему, что мы с Торнадой идем по следу. Лучше попытаться двинуть крутых ребят в другом направлении. — Это становится самым долгим мочениспусканием в истории. У того, кто может за мною следить, возникнут подозрения.

— Не бойся. Краск с ним разберется. А вообще-то можешь шагать. Увидимся.

Он отошел в тень, унося с собой ауру угрозы.

— Да. Позже.

Я выскочил из укрытия, застегивая штаны и покачивая головой.

— Гаррет, у тебя пузырь, наверное, галлонов на пять. — Торнада тяжело дышала.

— Что-нибудь случилось?

— Ничего такого, с чем бы я не могла справиться, — ответила она, глядя на меня с издевкой. — Какой-то парень попробовал на меня накатить. Но я убедила его не делать этого.

— О... В таком случае пошли.

Мне хотелось увидеть как можно больше, прежде чем ребята Чодо снова возникнут на моем пути. Они всегда ухитряются делать это невпопад.

Торнада, похоже, была разочарована, что я не пошутил насчет ее приключения и не пустился в расспросы.

Идти быстро было практически невозможно. Улицы были забиты людьми, глазевшими, разинув рты, на истребление голубей. Одно из чудищ парило вверх, высматривая путь остальным.

— Эти звери, говорят, тянут не больше чем на тридцать — сорок фунтов, — объяснил я.

Разведчик как раз скользил над жилищем Тейтов, которое было неподалеку. Интересно, видит ли его Тинни. Непонятно, почему мне вдруг стало грустно.

— Выше нос, Гаррет! Мы разыщем книгу и станем богачами.

Или покойниками, что гораздо вероятнее.

26

Пока мы шли, во мне зрела уверенность в необходимости пересмотреть условия договора с Торнадой. Она вышагивала рядом с таким видом, словно бросала миру вызов. В ее бравате было нечто

такое, что не могло не нравиться. Ей бы еще немного здравого смысла, и она была бы в полном порядке.

— Эй, Торнада. Не думай, что вот так просто выложу двадцатку. Я не хочу покупать поросенка в мешке. Карликов ты должна мне предоставить.

— Никаких котов, Гаррет. Ты получишь своих карликов.

Поросенок и кот ведут свое происхождение от старинного деревенского мошенничества. В свое время крестьяне доставляли поросят на рынок в мешках. У одного хитреца родилась идея сунуть в мешок кота и загнать его под видом поросенка какому-нибудь простаку, поленившемуся развязывать упаковку. Отсюда и пошло — поросенок и кот в мешке.

Мне требовались карлики, и я их получу, но, похоже, не в первозданном виде.

— Что здесь происходит? — пробормотала Торнада.

Около жилого дома, пережившего свои лучшие дни лет за сто до моего рождения, толпились люди. Этих воздушное представление не интересовало.

— Большие неприятности, — ответил я. — Однако в прошедшем времени. Иначе здесь не было бы ни души.

— А это кто, пожиратели трупов?

— Можно и так выразиться.

Она поперла сквозь толпу, без разбора расталкивая и разбрасывая старых и малых. Казалось, она жаждала драки. Интересно, неужели Торнада из тех, кто на ножах со всем миром?

Первый дохлый карлик попался нам перед входом в здание. Зарубленный и заколотый, он валялся в неестественной позе. В его кулаке была зажата рукоятка сломанного ножа.

— С ним разделились быстро, — заметил я и спросил: — Кто-нибудь видел, что произошло?

Надо же быть таким наивным! Ближайший зритель посмотрел на меня как на безумца.

Оставалось лишь пожать плечами и пройти внутрь. Там людей не оказалось — значит, собравшийся народ с минуты на минуту ждет появления стражи. Пожиратели трупов не хотели, чтобы их застали в доме за сбором вещей, которые жмурикам больше не пригодятся.

Городская стража редко утруждает себя полицейской работой или преследованием преступников, но она частенько хватается людей, оказавшихся на месте события, и превращает их дальнейшее существование в одну сплошную неприятность.

— Нам лучше поторопиться.

— Поторопиться с чем?

Торнада казалась совершенно подавленной. Наверное, думала о всех тех замечательных вещах, которые не сможет купить на не полученные от меня бабки.

— С осмотром помещения. Надо увидеть как можно больше.

— К чему? Мы найдем там лишь еще кучу мертвецов.

Она оказалась права. Один обнаружился на первом этаже и трое — в коридоре второго. Двое из трех, видимо, принадлежали к нападавшей стороне. Они были аккуратнее причесаны и чище одеты. Люди Гнорста.

Битва развертывалась вдоль коридора, захватив по пути полдюжины спальных комнат, и закончилась на площадке лестницы черного хода. Ни в одной из спален не осталось дверей. Почти все они были сорваны с петель, как будто кто-то очень торопился провести обыск. Мы нашли тяжелораненых крысюка и карлика. Ничего более.

— Ты это место хотела мне продать?

— Ясно, это.

Все еще в депрессии.

— Ты сделала, что смогла.

— Это не наполнит мои карманы. Что за шум? — Она имела в виду крики, доносящиеся с улицы.

— Наверное, приближается Стража, и народ предупреждают о необходимости смываться. По-моему, это вовсе не плохая мысль.

Я затопал к лестнице черного хода. Торнада позади меня бормотала, что дела не могли бы пойти хуже, даже если бы она специально молила об этом богов. Язык ее был достаточно сочным, хотя и не отличался оригинальностью или избытком фантазии.

Дверь черного хода была искорежена. Я протиснулся в щель. Открывшаяся передо мною картина поведала о том, что кто-то пытался сдержать штурмовой отряд Гнорста, пока другие карлики-ренегаты смывались. Один из людей Гнорста был еще достаточно жив для того, чтобы стонать, наполовину зарывшись в кучу отбро-

сов. Я попытался его поспрашивать. Но парень не отвечал — если даже он и говорил по-каредински, то был слишком поглощен своими страданиями. Он выдал из себя фразу на своем языке, из которой я сумел разобрать единственное слово — «гоблин».

— Этот выживет, — сказал я Торнаде. — Если, конечно, стражники его не линчуют, дабы убедить всех, что и они занимаются полезным делом.

— Похоже, они уже в здании. Там какой-то шум.

— Пора уходить. Смотри под ноги.

Задние дворы в Танфере используются для разнообразных и незапланированных целей. В первую очередь для свалки мусора и отправления естественных нужд. Качество уборки, осуществляемой крысьюками, ухудшается в геометрической прогрессии по мере удаленности от Холма. То, чего не видят правители, не существует. А мы сейчас находились так далеко от капитанской рубки и на столь отвратительном клочке земли, что его избегали даже бездомные бродяги.

Охранник возник на нашем пути, когда мы уже почти вышли на улицу. Я по природе своей человек вежливый и пропустил Торнаду вперед. В охраннике было не более пяти футов шести дюймов, на нем красовалась новенькая красно-синяя униформа. Эдакий симпатичный дьяволенок. На роже у него появилась нехорошая улыбочка, едва он понял, что может кого-то задержать. Он, кажется, даже начал что-то говорить.

Интересно, что он хотел сказать? Никто не узнает. Торнада сграбастала его за глотку, врезала правой по носу и зашвырнула в благоухавшую позади нас кучу отбросов. Как будто он весил не более шести фунтов. Я хотел было поглазеть на него, но сразу передумал. У парня могут оказаться поблизости дружки.

— Хорошо исполнено, Торнада. Просто классно.

Оставалось надеяться, что он не настолько хорошо меня рассмотрел, чтобы узнать при встрече.

Я задал своим нижним конечностям ту работу, для которой их предназначил Бог. Конечности трудились до тех пор, пока не унесли меня на несколько кварталов от места схватки. Пыхтя, сопя и храпя, словно рассерженный дракон, я оглянулся в поисках Торнады. Никаких признаков девицы. Отправилась своим путем. Какая замеча-

тельная идея! Очень хотелось верить, что она будет следовать им бесконечно долго.

Когда эта подруга рядом, ни за что ни про что может пострадать хороший парень по имени Гаррет.

27

«Надеюсь, там было достаточно слабое освещение, — высказался Покойник. Поведение Торнады его заметно развеселило. — Насколько велика вероятность того, что охранник тебя узнал?»

— С какой стати?

«Ты — личность весьма известная».

Этот кусок окаменелого жира наверняка опасался потерять бесплатное жилье! Он не признался бы в этом, даже запали я под ним костер. Но истина так и перла наружу. Если он меня потеряет, ему, чтобы иметь крышу над головой, придется трудиться. В мире нет ничего, что бы он ненавидел сильнее.

Однако его беспокойство меня беспокоило. Оно не вписывалось в его характер. Каждый раз, выходя на улицу в поисках скверных парней, я подвергаю свою жизнь опасности, но его это нисколько не волнует. Необычное поведение логхира заставило меня задуматься. Неужели у него появились какие-то предчувствия? Нисколько не удивлюсь, если у Покойника обнаружится способность заглядывать в будущее. Особенно после того как он так ловко научился предсказывать действия Слави Дуралейника.

— Что случилось? — задал я совершенно естественный вопрос, который он проигнорировал. — Ну и черт с тобой! — бросил я и понес свой вопрос Дину.

— Ничего, — ответил Дин. — Если не считать намека на то, что Его милость ощутил темные вибрации, исходящие из Кантарда. Похоже, он считает, что там происходят какие-то события.

— Ну ясно. Очередная катастрофа.

Убежден, что все это плод его разыгравшегося воображения. В конце концов покойникам делать совершенно нечего, кроме как фантазировать. Однако... Если там действительно произошло незаурядное событие, бесспорно, оно связано со Слави Дуралейником.

* * *

Когда дела идут скверно, скверным становится все. Когда же становится совсем невмоготу, Гаррет забрасывает ноги на стол и принимается за пиво. Прихватив с собою кувшинчик, я прошел в кабинет и уютно устроился вдвоем с Элеонорой. Мне хотелось у нее подружески спросить, остались ли у меня какие-либо обязательства после того, как выздоровление Тинни перестало вызывать сомнения. Элеонора, как всегда, не отличалась красноречием, но через некоторое время, когда в голове началось приятное кружение, я вспомнил, что у меня имеется клиент — милашка, считающая, что Гаррет поможет ей отыскать книгу, способную спасти шкуру ее папочки.

Мне не хотелось верить в существование книги, но люди и карлики дохли как мухи, изображая битвы морКаров, но не в небе, а на земле. Я оказался замешан в свару, нравится мне это или нет. Кто-то страстно желал превратить и меня в дохлую муху.

Явился Дин, притащив с собой пиво и осуждающий взгляд.

— Где Карла Линдо? — спросил я.

— В комнате для гостей. Очень беспокоится, — ответил он, приняв обычную позу спасителя человечества. — Она нуждается не в утешении, а в помощи.

— Это точно. Так же, как и я. Разве мне кто-нибудь помогает? Жду не дождусь, чтобы мне помогли. Я бы принял любую помощь.

Осушив для храбрости еще кружку и проверив свой арсенал, я направился к дверям. Дин трусил следом ухмыляясь. Ухмылка его походила на оскал полуистлевшего черепа.

Его романтическое мировоззрение в конце концов приведет к мой безвременной кончине.

У меня же ко всякой романтике — полный иммунитет. Я не что иное, как твердейший слиток стали, намертво закрепленный в центре пространства, сотканного из здравого смысла и освещаемого лучами разума.

Точно. Посмотрите вверх. Неужели не видите в небе стаи свиней, улетающих на зимовку к югу?

В городе что-то изменилось, хотя я провел дома не так уж много времени. Чувствовалось, что общее напряжение увеличилось.

Число людей на улицах заметно поубавилось, а те, кто остался, явно нервничали. Я не мог понять почему.

Я посетил заведение Морли, но Морли там не обнаружил. Сильно недоумевая, я отправился к убогой берлоге Плоскомордого. Тарп тоже отсутствовал. Там даже не оказалось ни единой из его любимых — ростом с мышонка — дам, и никто не смог мне поведать, куда скрылся Плоскомордый. Да, загадка что надо.

Пришлось удалиться, предаваясь мрачным размышлениям. Что-то случилось. Особенно с Морли. Бывало, он исчезал из поля зрения, но никогда не уводил с собой всю команду. Всегда имелся способ вступить с ним в контакт.

Я отправился домой. Почти у самого порога один из соседей поделился со мною новостью.

— В Кантарде, Старые Кости, случилась серьезная заваруха, — объявил я Покойнику. — Только что пришло известие. Говорят, что наши совместно с венагетами прихватили Дуралейника у каньона Сломанный Хребет — не знаю, правда, где это. Пока не известно, чем все закончилось.

Сосед утверждал, что это самая большая битва за всю историю войны. Дешпи в Танфер, наверное, были посланы сразу же после вступления в контакт с силами Дуралейника. Это уже само по себе сенсация.

«Я подозревал это. Возникли вибрации, которые я смог уловить даже здесь... Видимо, разразилась битва из битв. И она все еще продолжается. Не ожидал, что Дуралейник окажется способен на такую упорную оборону».

— Крыса, загнанная в угол, — заметил я, хотя Дуралейник всегда действовал непредсказуемо.

«Не исключено. Однако не будем ломать голову, пока не поступит более полная и связная информация. Мне кажется, ты чем-то обеспокоен».

— Гениально. Интересно, и как ты обо всем догадываешься?

Я рассказал ему, как провел день вплоть до последнего момента.

«Отправляйся поест. Предоставь мне возможность подумать».

— Он получил целый час, — сказал я Дину, который слонялся по кухне, изнывая от моего присутствия. — Этого времени достаточно даже для гения.

Наполнив желудок, я начал взирать на мир с гораздо большим оптимизмом и даже оставил мысль о самоубийстве.

Когда я вышел в коридор, навстречу мне из комнаты Покойника появилась Карла Линдо со щеткой и совком в руках. Я в изумлении замер. Позади меня Дин извиняющимся тоном произнес:

— Она хотела чем-нибудь помочь, мистер Гаррет. Мисс Карла его не страшится.

— Прекрасно.

Дыхание у меня перехватило не при виде щетки. Нет. Мой хребет превратился в желе из-за того взгляда, который она бросила на меня. От этого взгляда, по-моему, в городе должны были сами собой зазвонить все колокола.

Чтобы не закапать ковер слюной, я срочно схватил себя за шиворот и поволок в комнату Покойника.

«А она весьма привлекательна, не так ли?»

— Ага. И ты туда же.

Воистину мы живем во времена чудес. Это чудо произошло впервые за тысячелетие. На моей памяти он ни разу не произнес ничего одобрительного в адрес какой-либо персоны противоположного пола. Карла Линдо, видимо, настолько отличалась от других, что сумела расшевелить даже жмурика.

«У тебя есть, что мне сообщить?»

— А?

«Докладывай. Может быть, перестанешь сопеть».

— Я тебе уже все рассказал.

«Ах вот как. Значит, рассказал, говоришь?»

Кто-то принялся молотить во входную дверь. Покойник не проявил к этому ни малейшего интереса. Кто бы там ни был, пусть убирается к дьяволу. Я уже сыт по горло.

«Я был погружен в размышления, Гаррет».

— Здорово! Счастлив слышать. Особенно учитывая, что тебе именно за это и платят.

«Гаррет, сейчас решающим фактором становится время».

— Так перестань тратить его понапрасну. Может, мне отпущено еще не больше тридцати лет.

«Я размышлял об этой Книге Видений. Мне кажется, что Чодо Контагью скоро узнает, если уже не узнал, о причинах всеобщего

возбуждения. Не сомневаюсь, что его интерес к делу значительно возрастет и выйдет за рамки тривиальной мести».

— Что? — В таком духе он может продолжать бесконечно. — Я совсем перестал тебя понимать.

Вообще-то это было не совсем так, но он любит казаться умнее всех, и лучший способ заставить его добраться до сути — обратиться к его тщеславию.

«Чем больше я размышляю о Книге Призраков, тем более зловещей и тем более притягательной она мне представляется».

Чтобы продемонстрировать свою заинтересованность, я произвел соответствующий шумовой эффект.

«Мы постоянно играем какие-то роли, Гаррет. У каждого из нас множество личин, которые мы надеваем в зависимости от ситуации и собеседника или в надежде извлечь определенную выгоду. Как удобно получить возможность стать кем пожелаешь и играть эту роль в совершенстве».

В его мыслях я уловил мечтательную грусть. Кто не загрузит, находясь рядом с Карлой Линдо?

«Как это полезно людям с серьезными физическими недостатками».

Покойникам, например.

— Понимаю. Но я склоняюсь к тому, чтобы выждать, не выходя из дома, и посмотреть, куда дует ветер.

«Неприемлемо. Необходимо восстановить утраченное равновесие. Я даже не упоминаю о том, что мы приняли на себя обязательство оказать помощь мисс Рамаде. Мне необходимо дополнительно все обдумать, чтобы понять, как лучше действовать. Вот тебе мой совет. Пока я буду размышлять, пройди в свой кабинет, куда Дин поместил мистера Тейта. Этому человеку необходимо получить новый заряд уверенности».

— Здесь? Уиллард Тейт?

«Он самый».

— Старик никогда не покидает своих укреплений. Какого дьявола он сюда приперся?

«У тебя есть возможность спросить его самого».

Вот так всегда.

— Хорошо, пошел, — бросил я и направился в кабинет.

Тейт пристроился в кресле, предназначенном для гостей. Кресло было чересчур велико, и Уиллард, смахивающий на седого и сердитого престарелого гнома, испытывал изрядное неудобство. Дин обеспечил его кувшинчиком, и глава клана Тейтов, не забывая прикладываться к пиву, флиртовал с Элеонорой.

— Еще три минуты, и вы не застали бы меня дома. — Я решил создать впечатление страшно занятого парня.

— Тинни стало хуже, Гаррет, — мрачно косясь в мою сторону, пробубнил он, однако сделал при этом успокоительный жест. — Меня заверили, что она не умрет. Но все эти переживания превратили меня в развалину. Я пришел сюда узнать, что вам удалось выяснить.

— Не очень много. — Я рассказал о том, как провел день.

Он сердито покачал головой и, глядя на Элеонору — словно обращался к ней, — произнес:

— Я понимаю, что попусту трачу свое и ваше время. Но я не могу работать. Сижу как на иголках.

По мере того как старик говорил, я видел, что он меняется, вновь превращаясь в слиток стали.

— Я желаю встретиться с женщиной, которая называет себя Змеюкой, — уже совсем другим тоном сказал он. — Мне надо сказать ей два-три словечка.

— Она колдунья, мистер Тейт, и, увы, не из тех, что умсют лишь гадать на кофейной гуще. До нее трудно добраться, и она способна причинить вам серьезные неприятности. Более того, партнер предупредил меня, что Чодо Контагью испытывает к ней интерес. — Я объяснил почему.

Тейт слез с кресла. Он начал бы расхаживать по кабинету, будь там достаточно места.

— Мне не нравится смотреть на страдания Тинни, мистер Гаррет. Как и всем остальным Тейтам. Тем более девочка получила ранение ни за что ни про что. Я этого так не стерплю. Чодо для меня не проблема. У меня есть средства. Я располагаю солидными связями. Если потребуется, я могу прибегнуть к услугам Властителя Бурь.

— Вот здесь мы и попадем из огня да в полымя. Представьте, вы нанимаете мага, а он узнает о возможностях книги...

— Меня это не заботит.

— А следовало бы озаботиться. Меня, например, подобная возможность очень беспокоит. У нас имеются обязанности, вытекающие из...

— Чуть!

— В нашем городе не властвует закон джунглей, который гласит, что выживает сильнейший. Пока. И только потому, что некоторые из нас пытаются совершать правильные поступки. Послушайте. Эта книга — подлинное воплощение зла. Даже если каждый персонаж в ней так же мил и наивен, как Тинни, само творение — инструмент темных сил. И ее использование сулит только несчастья.

Неужели я произношу спич? Ужас, просто ужас! Я начал фантазировать о том, как мог бы сам использовать книгу. Уверен, каждый, кто слышал о ней, принялся бы делать то же самое. Такова природа человека. У кого может хватить воли разумно использовать свалившееся с неба могущество?

— Подумайте. Если бы Книги Призраков не существовало, Тинни не оказалась бы в шаге от врат смерти. А те люди, которые из-за книги уже встретили свой конец? Книга эта — квинтэссенция зла, так как пробуждает в людях самое худшее.

Даже в лучшие минуты жизни Уиллард Тейт выглядит так, будто сосет лимон. А сейчас он переживал не самый свстлый момснт.

— Боюсь, что вы чрезмерно усложняете, мистер Гаррет. Книга никого не убивала. Принимают решения и действуют только люди. Лишь они убивают других людей.

— Но эти решения — результат существования книги.

— Вы занимаетесь софистикой. Или, вернее, мы оба ею занимаемся. Почему? Неужели вы желаете выжать из меня побольше денег? Почему, черт побери, вы сидите и толкуете со мной об этом?

Лучший из всех заданных им вопросов.

— Вежливость, мистер Тейт. Вежливость и воспитание.

— Почему вы не выкидываете меня вон? Я всего лишь чирей на заднице, мешающий вам заняться полезным делом!

Ну и настроение у старца!

— И у вас есть предложение, чем именно мне заняться? Может быть, мне арендовать лошадь и, галопируя по улицам города, орать: «Эй ты! Покажись, кто бы ты ни был!»?

Хотя он, кажется, полностью утратил контроль над собой, мой вопрос заставил его задуматься.

— Мне очень хочется что-нибудь предпринять, мистер Тейт. Моя обычная тактика — захватить свободный конец нити и тянуть, пока клубок не размотается до конца. Однако беда в том, что я не вижу свободных концов. Мне остается лишь бродить наугад в надежде куда-нибудь да выбраться. И бродя таким образом, я то и дело натываюсь на людей, которые тоже ведут поиски.

Уиллард Тейт не был бы богачом, если бы позволял эмоциям возобладать над разумом. Старик замолчал. Немного поразмыслив, он сказал:

— У вас есть ресурсы, мистер Гаррет. Во-первых, эта девица. Во-вторых, вождь племени карликов. В-третьих, те люди, что работают на Контагью. Найдите эту парочку. Следите за ними. Дайте им возможность поработать на вас.

Что говорить, он, бесспорно, кладезь идей, но идей безумных. Следить за Садлером и Краском? Почему бы сразу просто и без фокусов не привязать булыжник к ногам и не отправиться купаться? Это сбережет всем время и силы.

— Они не более чем люди, мистер Гаррет. И сам Чодо — не более чем человек. Вы бесстрашно бросали вызов Властителям Бурь. Вы разорили гнездо вампиров. Неужели эти подвиги истощили вашу отвагу и вы тоже превратились в старую развалину?

Этот парень, оказывается, ловко умеет манипулировать людьми.

— Нет, не истощили.

Чего он хочет от меня на самом деле? Я все еще не мог уловить, с какой целью он явился. Выведет ли он когда-нибудь свой корабль на главный фарватер?

— Средства и связи, мистер Гаррет. Они у меня есть. Чодо Контагью не способен запутать меня. Я желаю заполучить эту самую Эмеюку. Доставьте ее ко мне. Уничтожьте, если вам хочется, ее книгу. Мне на это плевать. Просто притащите ведьму ко мне. Я наконец решился и готов заплатить любые деньги. Если захотите действовать через Чодо Контагью — действуйте. Скажите мне, что вам требуется для достижения цели, и вы все получите. Но, ради Бога, не сидите здесь, скукожившись от страха.

Хотя я вовсе не скукожился, но спорить не собирался. Его голос начал звучать как у первого кандидата в ку-ку академию.

Конечно, приятно ощущать за спиной чью-то поддержку. Но мне хотелось, чтобы он находился от меня как можно дальше и не помогал мне в моих крестовых походах.

И как я только ухитряюсь попадать во все заварухи?

— Почему? — спросил я, глядя на Элеонору.

Нет. С этим бизнесом надо завязывать. Вейдер все еще жаждет заполучить меня для своей пивоварни. Там я сумею обеспечить себе безопасность, работая от и до, и при этом мне не будут попадаться юродивые. И не будут угрожать всякие гнусности вроде этой Книги Видений, при помощи которой можно менять образ чаще, чем я меняю носки. Нет уж, увольте. Мне этого не требуется.

Некоторое время мы с Тейтом молча смотрели друг на друга. Выпили пивка. Его гнев стих, и старик выглядел несколько отрешенным. Мне никогда не доводилось видеть его в таком состоянии, но в нашем мире случается всякое.

Кувшин опустел. Я кликнул Дина. Появилась Карла Линдо, и Уиллард остолбенел. При тусклом свете ее сходство с Тинни было поразительным.

— Эту леди зовут Карла Линдо Рамада, мистер Тейт, — пояснил я. — Именно за ней охотились убийцы.

— Теперь я понимаю, почему они ошиблись, — немного помолчав, произнес он. — Я пришел сюда как раз для того, чтобы найти объяснение этой странной ошибки. В ваших глазах я выглядел глупцом, мистер Гаррет, не правда ли?

Старик поднялся, не сводя с нее внимательных глаз. Карла Линдо смутилась.

Неожиданная смена его настроений поставила меня в тупик. Впрочем, я знал его очень мало, чтобы догадаться, о чем старик думает.

Но у меня имеется Покойник, который сможет все объяснить.

— Позвольте проводить вас до дверей.

Когда я закрывал за Уиллардом дверь, тот все еще пялился на Карлу. Целый взвод родственников ожидал его за порогом. Среди всех Тейтов Тинни была единственной, кто выходил в город без сопровождения. Как мне хотелось, чтобы она в тот роковой день для разнообразия последовала бы семейному обычаю. Еще больше я желал никогда не слышать о Книге Видений.

28

Вскоре я присоединился к гостю, постоянно обитающему под крышей моего дома.

— Что все это должно означать?

«Он хотел выяснить, не узнал ли ты чего-нибудь нового. Он решает, не взять ли дело в свои руки. Ухудшение состояния мисс Тейт, видимо, вынудило его утратить равновесие».

— Боюсь, равновесие никогда не было устойчивым. Проклятый, твердолобый коротышка. Он может стать причиной огромного несчастья.

«Да, складывается впечатление, что у него именно такие намерения».

— Тебе удалось извлечь хоть что-то полезное из его толсто-стенного котелка?

«Наступило лучшее время для фьючерсных сделок на кожу. Не желалось ли заняться сапожным или кожаным бизнесом?»

— У тебя, Старые Кости, просто потрясный юмор. Ха-ха!

«Гнорст недавно оказался в гуще событий. Навести его и узнай, что ему известно».

— Ясно.

Уже темнело. Для полного счастья мне не хватало только прогулки среди дерущихся морКаров и притаившихся повсюду смертельно опасных карликов.

— С другой стороны, почему бы и нет? На мне еще остались места без шишек и синяков. Может, если я выйду пораньше, меня даже успеют убить.

Но Покойник не ведал жалости.

«Не забудь поспрашивать о последних новостях из Кантарда».

Не исключено, что он держит пари сам с собой. Логхирь способен даже на такое. Им присуща множественность умов — и соответственно множественность личностей.

Выскочив от Покойника, я сообщил Дину, что отправляюсь на прогулку. Карла Линдо обреталась при нем. Я закапал слюной все помещение. А она улыбалась и позировала. Пикантная — вот слово, которое ее прекрасно характеризует. Наряду с парой дюжин других слов.

Дин стрелял в меня злобными взглядами. Старикан чересчур хорошо изучил своего босса. Надо бы его уволить и нанять не столь своевольного парня. Но где сыскать такого, который смог бы выполнять хотя бы половину работы старца?

Прежде чем выйти из дверей, я как следует осмотрел улицу. Переступив порог, я осмотрел ее еще раз. Не увидев ничего подозрительного, я изготовился нырнуть в укрытие. Стрелы не летали, шепча о смерти. Шум производили только воздушные клоуны. Этой ночью морКары решили порезвиться в районе порта.

Я направился к Зоне безопасности. Все равно по дороге.

«Домик Радости» оказался на запоре, и в окнах не было света. Я зашел со двора. Ничего. Потрясающе! В тех редких случаях, когда парадная дверь оказывалась на запоре, в кухне все равно кто-нибудь да находился.

Отправляясь к Плоскомордому, я уже беспокоился. На этот раз дверь открыли, но не Тарп, а блондинка, настолько миниатюрная, что могла бы свободно разместиться на его ладони. Она сказала, что весь день не видела Плоскомордого. Блондинка ужасно разволновалась из-за того, что я его разыскиваю, — она полагала, что парень проводит время именно со мной. Я посоветовал ей успокоиться, так как мы с ним, возможно, разминулись. Но она продолжала нервничать.

Я тоже. Что-то происходит. И я порхаю в центре этого чего-то, как слепой мотылек между тысячью горящих свечей.

Разумный мотылек, дабы не опалить крылья, опустился бы на землю.

За мной снова образовался хвост. Я почувствовал это, едва отойдя от обиталища Плоскомордого. На сей раз я решил не заводить с преследователем игры. Пусть думает, что его не заметили. Пусть расслабится. Когда придет время стряхнуть его, тогда и начну двигаться проворнее.

Однако пришлось изменить планы. Поначалу я думал встретиться с неприметными типами, которые, как я знал, готовы продать ближнего за медяк. Ни один из этих людей не числился в моих друзьях, но они знали, что я их не заложу. Я лишусь множества информаторов, если даже ненароком наведу кого-то на их след.

Поэтому я направился напрямик в Карлик-Форт. Банда Гнорста способна постоять за себя.

Я подошел к двери. Знакомый старикан — или его столь же злобный близнец — ответил на стук.

— Меня зовут Гаррет, — напомнил я (вдруг у него подкачала память или за знакомой бородищей притаился совсем другой карлик). — Мне необходимо снова повидаться с Гнорстом.

Даже если это другой коротышка, наверняка он осведомлен о предыдущем визите.

Не знаю, был ли это тот самый карлик — талант общения с людьми у него был точно такой же.

— Вы, Долговязые, все на один манер. Ждете, что каждый начнет скакать, едва вы произнесете «лягушка», будь это даже среди ночи. Ладно, ладно, пущу. Если вам необходимо. Если вы настаиваете. Ваш любимый Гнорст — да, да, тот самый — распорядился привести вас к нему, если вы вдруг объявитесь.

Все его поведение говорило о том, что он считает своего босса отъявленным дураком.

Войдя в зданис, я сказал:

— Позвольте-ка мне закрыть эту дверь.

Оставив небольшую щель, я выглянул через нее на улицу. Того, кто за мной шел, видно не было. Это начинало меня пугать. Я знал лишь одного такого мастера слежки. Но тот умер, и у меня не было сомнений, что парень до сих пор мертв.

Гнорст встретил меня в том же саду, что и в первый раз. Наверное, это единственное место, куда допускаются чужаки.

— Чем я могу помочь вам сегодня, мистер Гаррет?

— Просто хочу проверить, не узнали ли вы чего-нибудь новенького за последнее время.

— Совершенно ничего. — Он покачал головой.

Вот это да! Он врал так классно, что хотелось верить. Разве вы не восхитились бы человеком, который не только обводит вас вокруг пальца, но и доставляет вам этим удовольствие? Но мне было не до удовольствия, особенно когда он чуть ли не с издевкой произнес:

— Иначе я обязательно поставил бы вас в известность. Разве я вам об этом не говорил?

Ах вот как. Интересно когда?

— И никто из ваших людей тоже ничего не знает?

— Нет.

— Забавно.

— Почему же?

— Весь день в городе сражаются карлики. Повсюду валяются их тела. Готов поклясться, что некоторые из жмуриков — ваши люди.

— Вы — жертва своих предрассудков и своей предвзятости, мистер Гаррет. Молю Бога, чтобы он приблизил тот час, когда вы перестанете считать нас всех похожими друг на друга.

Я признался бы в этом грехе, если бы не понимал, что маленький клоун пытается втереть мне очки. Он лгал. Я знал, что он лжет. Он знал, что я знаю, что он лжет. И так далее до бесконечности. Но я находился в его доме, и было неуместно пытаться вывести его на чистую воду.

— Когда я приходил к вам прошлый раз, то ничего не знал ни о Книге Призраков, ни о том, какую роль в ее изготовлении играют карлики. Вы согласны?

— Согласен, — кивнул Гнорст. — Что дальше?

— Вы полагаете, что, узнав о книге, я стал представлять собой угрозу для окружающих?

— Возможно. Мало кто, кроме карликов, знает историю книги. Даже среди нас она во многом забыта. Как сказали мудрецы, знание являет собой опасность.

— Я так и думал.

— Вы желаете мне что-то сообщить, мистер Гаррет?

Я не знал, как лучше все изложить. Мне хотелось, чтобы мои слова остались витать в воздухе, после того как я выпущу их из гнезда, но и не воспарили бы слишком высоко.

— До того как я вас посетил, нехорошие существа не обращали на меня никакого внимания. После визита к вам они непрерывно пытаются меня убить. Поневоле задумаешься: что во мне изменилось? И как они об этих изменениях узнали? Я уж не говорю о том удивительном факте, что все схватки между карликами заканчиваются как бы вничью.

Физиономия Гнорста, скрытая в зарослях волос, заметно помрачнела. Он принялся расхаживать по саду:

— Я слышал, что вы подвергались нападениям на улице, но не связал факты воедино. Да. Я понимаю вашу позицию. По крайнней

мере значительную ее часть. Поначалу они не обращали на вас внимания, но, узнав, что мы встречались, стали угрожать вашей жизни. К моему бесконечному стыду и смущению, мистер Гаррет, я вынужден признать, что кто-то из моих людей, видимо, является их информатором.

Весьма мягко сказано.

— Да, я так и думал.

— Позвольте поинтересоваться из чистого любопытства, мистер Гаррет. Как вы сумели остаться живым, чтобы нанести мне повторный визит? Я полагал, что карлики организуют покушения с присущим нашему племени совершенством.

— Мне просто везло. В первый раз удачно подвернулись люди Чодо Контагью. Во второй раз я побскал раньше, чем они начали стрелять. Надеюсь, третьей попытки не будет. Думаю, им не до меня, они сейчас скрываются от тех, кто разорил их гнездо.

Он хихикнул. Неприятный смешок. В нем слышалось бульканье льющейся из десятигаллонной бутылки воды и скрежет ногтей по грифельной доске.

— Я не нахожу это забавным.

— Убежден, что не находите, мистер Гаррет. И что же вы теперь намерены делать?

Настало время шагать на цыпочках по карнизу.

— Кто-то за мной следил. Я подумал, что смогу взглянуть на него отсюда.

На самом деле это было невозможно. На улице царила такая темень, что парень мог пуститься в пляс посередине мостовой, и никто бы не заметил.

— Но главное, я хотел, — соврал я, — дать вам знать, что в вашем стане завелся предатель.

Гнорст недовольно хрюкнул. Если верить моему жизненному опыту, люди его типа на редкость раздражительны. Между тем Гнорст — образец сдержанности и хороших манер. Наверное, это и позволило ему стать боссом местных карликов.

— Вы принесли новость, которая мне совсем не по вкусу, — сказал он. — И что прикажете делать?

Трудно общаться с существом, возвращенным в чужой культуре, и в то же время настолько похожим на человека, что возникает

искушение применить к нему людские мерки. Впрочем, я сильно подозревал, что Гнорст не столь несчастен, как хотел казаться. Быть может, он полагал, что из присутствия в Карлик-Форте предателя удастся извлечь какую-то пользу. Я и сам мог придумать несколько вариантов.

— Понимаю, что вы хотите сказать. Я сегодня весь день распространяю дурные новости. Куда бы я ни заходил, я говорил то, чего никто не желал слышать.

Мы еще немного пофехтовали словесами. Он так и не сообщил ничего полезного. Склонив голову перед его упорством, я сказал, что попробую переложить решение загадок на Покойника. Гнорст молча отпустил меня с миром. Почему-то сегодня он не слишком гостеприимен. Отношение босса передалось моему проводнику, и тот ничем не облегчил мне путешествие по лабиринтам Карлик-Форты.

Оказавшись на улице, я на мгновение замер и внимательно огляделся. Гаррет никогда не наступает дважды на одни и те же грабли. Ничего не увидев, я двинулся вперед, приготовившись ко всему.

Когда вы готовы к неожиданностям, с вами ничего не случается.

Тишина над головой казалась чуть ли не угрожающей. МорКары неизвестно почему отправились на покой. Мне их даже как-то не хватало. Они уже успели превратиться в неотъемлемую часть городской жизни.

29

Вся ночь принадлежала только мне. Если не считать тащившегося за мною хвоста. Одиночество не доставляло радости. Пустынные улицы всегда грозят неприятностями.

Тот, кто следовал за мной, начинал меня пугать. Я не знал ни одного подобного мастера слежки, кроме Шныря Пиготты. Похоже, за мной крался его дух.

Однажды я сумел перехитрить Шныря, когда он за мною увязался. Может, повторить этот трюк? Если бы вы знали, как трудно работать в одиночку. Я начал искать какую-нибудь оживленную таверну с запасным выходом.

Нет, это явно не мой день. Трюк не сработал. Никто не проскользнул во входную дверь, пока я мчался по переполненному залу. Парень, наверное, умел читать мысли. Я добился лишь одного — все присутствующие поняли, что за мной следят. Соревнуйся сообразительно с булыжником, Гаррет. Есть шанс, что булыжник эту схватку умов проиграет.

Слежка вредно сказывается на психике. Она вынуждает размышлять кто и почему. Очень скоро ваше воображение разыгрывается, и вы начинаете крутом видеть вампиров, стаи вервольфов-или шайки пожирателей трупов. Вступая в темный проулок, вы от страха зажмуриваетесь...

Да, те еще мысли для ночной прогулки. Черт с ним, с этим клоуном! Пусть шагает, пока задница не отвалится. Вроде нападать на меня он не намерен. Его интересует, что я собираюсь делать. Если я не стану останавливаться, у него не хватит времени доложить о моих перемещениях тем, кто его послал.

Я был раздражен, подавлен и настолько устал, что начал утрачивать интерес к жизни. Со мной такое бывает, когда все идет не так, как мне хочется. Можете считать меня избалованным ребенком.

Проходя мимо «Бледсо» — благотворительной лечебницы, содержащейся на средства выживших потомков императорской семьи, — я почувствовал, как что-то изменилось. Я не знал, что произошло в ночи. Поменялось что-то невидимое глазу. Мой хвост вел себя тихо. МорКары не поднимали шума. Отдельные громовые ящеры тенями проносились над головой, охотясь на летучих мышей. Улицы оставались пустынными. Интересно, может, у ночных обитателей города сегодня выходной?

Я немного задержался взглянуть на «Бледсо» — этот памятник добрым намерениям, превратившийся в символ несчастья, в место страха, куда приползали умирать бедняки и где в запертых, переполненных палатах безумцы воплями облегчали боль своих душ. Члены императорского семейства делали все, что могли, но их усилий было недостаточно. Их деньги и другое вспомоществование едва-едва удерживали больницу от полного развала. Это было огромное, серое и уродливое здание, видимо, весьма импозантное в пору своего расцвета лет эдак двести назад. Сейчас вы видели всего лишь

очередной совершенно запущенный большой дом, не хуже и не лучше, чем десятки тысяч неухоженных домов Танфера.

Я покачал головой, пораженный неожиданной мыслью — в Танфере совершенно не ведется нового строительства. Неужели война пожирает все ресурсы?

Война полностью определяет жизнь Танфера — не важно, участвуете вы в ней или нет. Каждую минуту она формирует нас и наше окружение, без усталости выковывает будущее.

Все события в Кантарде (особенно такие эпохальные, которые Покойник чувствует даже в своем кресле) разрушительно влияют на жизнь обитателей Танфера.

Это меня пугает. Не могу сказать, что я в восторге от текущего состояния дел, но все изменения, насколько я вижу, ведут лишь к их ухудшению. И чем серьезнее изменение, тем ухудшение заметнее.

До меня донесся чуть слышный звук. Краем глаза я уловил какое-то призрачное движение. Я слишком углубился в свои мысли и, осознав это, среагировал на шорох нервнее, чем следовало. С поворотом резко выбросил для удара ногу. А когда она опустилась на землю, сделал нырок, еще раз развернулся и располосовал воздух ножом.

Краска спасло лишь то, что мой каблук, слегка задев физиономию, отбросил его назад, и он ухитрился упасть.

Сидя в пыли, он пялился на меня с идиотским выражением на морде.

— Скажи... — выдавил он, — какая муха тебя укусила?

От чрезмерного количества адреналина в крови меня начала бить дрожь. Действительно, что со мной? Я несколько раз глубоко вдохнул и, спрятав нож, протянул Краску руку.

— Прости. Ты здорово меня напугал. Разве можно появляться без пре...

Увидев, что он протягивает мне левую лапу, я замолчал на полуслове и отдернул ладонь. К тому же мне не понравилось выражение его глаз.

Краск медленно поднялся, опираясь только на левую руку. Я заметил, что правая прижата к брюху.

— Что с тобой?

Освещения маловато, но, похоже, его физиономия тоже не годится для повседневного ношения. Он выглядел не таким устрашающим, как обычно.

Он встал на ноги, потирая ушибленную задницу. Проклятие, парень казался смущенным! Может, это всего лишь игра света, пробивающегося из окон «Бледсо»?.. Однако ответа он мне не дал.

Меня осенило — не он ли тот придурок, который накатил на Торнаду, пока я толковал с Садлером? Доказательств этому нет, сам он никогда не признается, но я готов спорить на что угодно (уж на пару медяков точно), что это был именно он.

— Тебе не стоило подкрадываться, — ухмыльнулся я.

— Да не подкрадывался я вовсе, Гаррет. Топал к тебе открыто.

Спорить я не стал. С Краском и Садлером спорить не надо.

— Что ты здесь делаешь?

— Тебя ишу. Твой человек сказал, что ты отправился в Карлик-Форт. Я и дзинул сюда. Рассчитал, что ты как раз должен возвращаться.

Надо серьезно поговорить с Дином. Хотя вполне понятно, почему старик ответил на вопросы Краска, когда тот сунул в дом свою мерзкую рожу.

— В чем дело? — Два слова. — Ты видел Садлера?

— Нет. С тех пор как... Словом, нет. А что?

— Исчез. — Краск был краток. — Пошел потолковать с Чодо после... — Он тоже избегал упоминать об инциденте. — Потолковал и ушел. Никто его больше не видел. Не сказал, куда направляется. Чодо беспокоится.

Чодо беспокоится. Это слишком мягко сказано. Впрочем, так бывает всегда, когда речь идет о Большом Боссе. В переводе на обычный язык это значит, что Чодо от ярости уже описался.

Не в моих правилах добровольно делиться информацией — особенно с людьми Чодо. Однако на сей раз я решил сделать исключение.

— Все вдруг начали исчезать. Не могу напасть на след Морли Дотса. И Плоскомордый пропал. Можно сказать, что и я беспокоюсь. Не слышно шума на улицах. Ты заметил?

Он покачал головой, и юная плешь на макушке слегка блеснула в свете окон больницы.

— Думал, Дотс свалил, потому что мы использовали его завешивание.

— Я тоже так считал. Поначалу. Но ведь это было бы совсем не в его стиле?

— Не. Такой псих, как он, освирепев, раскрыл бы нам котелки и выпил бы пинком под зад.

— Во всяком случае, попытался бы.

Краск улыбнулся. Он делал это настолько редко, что зрелище казалось неправдоподобным.

— Точно. Попытался бы. Ну ладно, Гаррет, у меня есть еще дела. Спешу. Гонялся за тобой, чтобы узнать о Садлере. Давай-ка пройдемся и потолкуем. Напряжем на пару мозги и, может, сообразим, куда деваются люди.

Мне не хотелось его сопровождать, но спорить я не стал. Не потому, что опасался его обидеть. Я подумал, что смогу узнать что-нибудь полезное. Можете считать это интуицией.

К тому же Краск — сейчас по крайней мере — не та личность, которую я знал и ненавидел. Он был чем-то настолько поглощен, что барьеры, отделяющие его от внешнего мира, частично рухнули. Временами он даже казался человеком, но все же не настолько, чтобы я захотел выдать за него свою сестру, если бы она у меня была. Хорошо, что у меня нет сестры. Достаточно того, что заложниками судьбы являются мои друзья.

30

Несколько часов я носился с мыслью, что Морли и Плоскомордого устранил Чодо, чтобы лишить меня поддержки, если я обнаружу его интерес к Книге Видений. Подобные идеи осеняют вас, когда вы считаете себя пупом вселенной. После встречи с Краском эти измышления рухнули под напором фактов.

Что же, когда события лишены смысла, вы хватаетесь за соломинку.

Морли исчез из поля зрения до того, как Чодо понял, что представляет собой книга. Даже сейчас я не мог быть уверен, что Боль-

шой Босс знает о книге. А исчезновение Садлера напускало еще больше тумана.

Кто вынуждал людей исчезать? Змеюку эти парни не интересовали. Ей нужна Книга Видений. Охота за головами тут не поможет. То же самое и с нашим добрым другом Фидо.

У кого же могли быть серьезные причины истреблять моих знакомых?

Вообще-то у многих, если взять по отдельности. И ни у кого, если рассматривать исчезнувших всех вместе. У них не было общих врагов.

Краск согласился со мной. Мы неторопливо тащились, и я бубнил о ледяном ветре и жаловался, что не имею ключа к загадке. Затем начал стонать насчет избытка ключей и невозможности выбрать из них нужный.

— Куда мы направляемся?

По-прежнему ощущая слезку и надеясь что-нибудь увидеть, я оглянулся — как будто в этой крошечной тьме можно было что-то рассмотреть.

— В Веселый Уголок, — буркнул Краск. Ветер донимал и его, парень все время пытался уберечь поврежденную руку. — У меня там свидание с кое-какими карликами.

Вот как. И почему это не пришло мне в голову? Веселый Уголок — колыбель всех грехов Танфера. Там дозволено все, там никто не задает вопросов и не вмешивается в дела других. Миссионеров там не привлекают. Реформаторы могут проникнуть туда только на свой страх и риск. Впрочем, как и все остальные. Банда Змеюки без труда могла найти убежище в Веселом Уголке, несмотря на то, что все в этом замечательном месте принадлежало Чодо. Только для этого им не надо было бегать шайкой.

Да, мог бы сообразить пораньше. Веселый Уголок раскинулся неподалеку от Карлик-Форта, всего в нескольких кварталах позади «Бледсо», а мне сказали, что карлики-ренегаты после схватки с командой Гнорста бежали именно в этом направлении. Если бы я был чужаком и искал укрытие, то лучше Веселого Уголка места не было.

Так почему же я не сообразил понюхать там? Неужели совсем тоглупел?

Веселый Уголок никогда не спит, поздней ночью жизнь там лишь немного замедляется. Когда мы прибыли, фонарщики гасили фонари, экономя масло. В часы пик здесь все залито огнями и крутом кипит карнавал, но в затишье владельцы не желают потратить и медяка, если он не приносит десятикратной прибыли.

Веселый Уголок похож на шлюх (которые, кстати, и есть его основной товар) — он подкрашен и загримирован только снаружи. За внешним блеском скрываются гниль, вонь и человеческое горе. Как и шлюха, он не пытается приукрасить и загримировать невидимые с первого взгляда пороки. Когда вы их узрели, уже поздно. Она получила ваши деньги и теперь стремится побыстрее обслужить и избавиться.

С каждой минутой ветер становился все пронзительнее. Может, поэтому морКары решили отдохнуть этой ночью. Их родные долины значительно теплее. Фонарщики, сгорбившись в своих потрепанных одежках, ругались в бороды. Зазывалы веселых домов выглядывали на улицу сквозь узенькие щели чуть приоткрытых дверей. Выждав, когда мы приблизимся, они выскакивали на улицу и заводили свои рапсодии об ожидающих нас внутри чудесах. Увидев, что мы не проявляем интереса, ребята тут же скрывались. Никто не пускался в уговоры. Все узнавали Краска.

Я позволил ему указывать путь, пытаясь придумать хотя бы одну вескую причину бегать по ночам, разыскивая Книгу Видений. Могу ли я себе доверять? А вдруг я тайно желаю получить книгу по тем же мотивам, что Змеюка, Истерман и — вполне возможно — местный вождь карликов.

Это была свежая мысль. Она объясняла необщительность Гнорста. Не исключено, что коротышка задумал примерить сапоги Полуночного Кромбаха.

— Ого.

Пока я внутренним оком обследовал вражеские земли, ландшафт вокруг меня претерпел некоторые изменения. Улицы опустели. Краск перестал спешить. Теперь он ступал мягко, стараясь держаться в тени.

Пожалуй, намечается нечто серьезное. Краск опередил меня на несколько шагов. Я отодвинулся в сторону и поднялся по ступеням у фасада старого дома. Краск ничего не заметил. Все его внимание

было сосредоточено на чем-то находящемся впереди. Я распластался на площадке перед дверью второго этажа.

Своим предчувствиям я, как правило, доверяю. На сей раз внутренний голос весьма настойчиво требовал от Гаррета, чтобы он поскорее убирался с открытого пространства и тем более не пытался спрятаться в темном проулке. Я постарался исчезнуть, растворившись в ледяной темноте, и остаться лишь парой внимательных глаз.

Предчувствия меня не обманули. Едва я успел растянуться на животе, как открывающийся моему взору темный проулок наполнился крутыми парнями. Краск поднял здоровую руку, подавая сигнал. Парни кучей бросились к дому, на который указывал вождь.

Тут он заметил, что меня нет рядом. В изумлении оглядевшись по сторонам, Краск смачно сплюнул и грязно выругался. Похоже, я ухитрился остановиться лишь в шаге от огромной кучи дерьма.

Уж не вел ли он меня на бойню?

Присоединяться к его отряду, видимо, было неразумно. Я остался лежать на площадке — наблюдать, удивляться и морозить свой хвост.

Что случилось с этой Змеюкой? Все твердили, что тот, кто способен сотворить книгу, выступает на волшебном ринге в тяжелом весе. Змеюка вовсе не походила на тяжеловеса. Если действительно обладаешь могуществом, не станешь прибегать к помощи третьесортной шпаны. Змеюка же бестолково и бесполезно суетилась, и это меня смущало.

Все колдуны, чародеи и им подобные находились в Кантарде, отлавливая Слави Дуралсейника. Танфер остался беззащитен, и Змеюка могла творить все, что ей заблагорассудится. Но она вела поиски так, словно была не сильнее безумного Фидо.

Неужели Змеюка вложила всю свою силу в книгу и допустила, чтобы книгу украли?

Звучит убедительно. А тогда мы имеем дело с отчаявшейся колдуньей, злобной, как дракон с большими зубами.

Войско Чодо бесшумно ворвалось в здание. Но тишина долго не продержалась. Почти сразу поднялся страшный шум. Я увидел столько запрещенного оружия, что хватило бы на целую роту. Шум внутри здания превратился в звуки битвы. Похоже, появились первые жертвы...

Схватка скоро закончилась. Бойцы Чодо вытаскивали пленников на улицу и заставляли их разоблачаться.

Ого... Пророчество Покойника реализовалось в полной мере. Я не слышал распоряжений Краска, но в этом не было нужды. Он искал татуировку. Среди пленных я Змеюки не видел, как и Краск. Он топтался вокруг них и театрально ругался. Положив подбородок на руки и дрожа от холода, я принялся размышлять, откуда им стало известно о татуировке. Неужели я сам о ней упоминал? Я не мог вспомнить. Возможно, тогда, когда пытался привлечь внимание Чодо к Змеюке.

Краск не желал признавать поражение. Он заставил свое войско вытащить всех раненых и убитых, выстроил оставшихся в живых и возобновил досмотр. Пленные дрожали и стонали. Ветер сек их безжалостно.

Он так и нашел ее. Змеюка приняла вид крысюка, спрятав татуировку под короткой шерстью. Вычислив бедолагу, он поставил ее вниз башкой. Даме тут же загнали в пасть кляп и обмотали веревкой длиной в сорок три мили, превратив в мумию. Краск не собирался испытывать судьбу, имея дело с колдуньей.

Затем он пролаял новые команды. Ветер относил слова, но мне не обязательно было слышать. Крутые парни повели пленных к реке. Я начал подозревать, что отпущенный им срок жизни весьма далек от бессмертия.

Чодо не из тех, кто умеет прощать. Эти люди наступили ему на мозоль, следовательно... Большой Босс вообще не склонен искать оправданий своим действиям.

Поддюжины головорезов отбыли со Змеюкой. Краск и несколько его приятелей остались на месте.

Что ж, видимо, Чодо пожелал найти что-нибудь для легкого чтения — посидеть у камина холодными зимними вечерами.

У Змеюки книгу ему не получить. Колдунья не имеет ни малейшего представления, где она. Но что-то старик из нее выудит. Ему это всегда удастся. А она все-таки ухитрилась превратиться во вполне пристойного крысюка... Краск снова направился в помещение — с таким решительным видом, будто вознамерился обязательно что-то найти.

Наступило самое время удалиться, и я бы сделал это, если бы не болтающаяся поблизости и поглядывающая лениво по сторонам четверка приятелей Краска.

Я устроился поудобнее, чтобы продолжать дрожать дальше, думая о Холме Блэйне. Почему он явился ко мне в виде Карлы Линдо? Почему он вообще явился? Как он догадался прийти именно ко мне? Через Истермана? Надо это дело расследовать. Утром. После доброго сна. Если успею оттаять. До чего здорово было бы сейчас забраться в постель. И почему эти клоуны никак не уберутся отсюда?

Они определенно отказывались идти навстречу моим желаниям. Я начал подозревать, что у них на уме — да-да, на их крошечном уме — есть еще что-то, помимо Змеюки и ее фантастической книги. Они разошлись в разные стороны, заглядывая в темные переходы и мрачные углы. Вот так.

Внизу прошел Краск, массируя поврежденную руку. Пробормотав что-то о холоде, он добавил:

— Ничего не понимаю. Парень был рядом и через секунду вдруг исчез. Он же не привидение. Куда он мог подеваться?

Кто этот «он»? Держу пари, вы сообразили так же быстро, как и я.

Ну и компания! Ребята Большого Босса не тратят силы просто так за здорово живешь... Я старался отбросить эту мысль, опасаясь, что она окажется справедливой. Но истина превыше всего. Чодо, видимо, придумал нечто особенное для парня по имени Гаррет. Возможно, решил угостить его первоклассным ужином, после которого можно будет искупаться в домашнем бассейне, до краев заполненном блондинками и брюнетками. А может, хотел пригласить Гаррета дружески поболтать о старых временах, о которых он упоминал в карете. Мне почему-то не хотелось выяснять. Вам не сыскать много парней, которым выпала честь поболтать с Чодо.

Один из ребят Краска подошел к боссу и что-то сказал — я не расслышал. Краск выругался и прорычал:

— Продолжайте искать!

Затем Краск повел себя весьма странно. Он уселся на ступени разгромленного дома, потер руки и, возложив подбородок на неповрежденный кулак, ушел в себя. Если бы он не был Краском из всемирно известного цирка ужасов «Садлер и Краск», я мог подумать, что человек борется с угрызениями совести.

Краск не менял позы все время, пока его ребята вели поиски. Когда им это надоело и они свалили, Краск остался сидеть в мрач-

ной задумчивости. Я, естественно, тоже остался лежать. Я и моя задница. Пробовали ли вы когда-нибудь улечься, подставив свой зад ударам леденящего ветра? Я знал, что не в силах справиться не только с покалеченным Краском, но и с его престарелой бабушкой. Поэтому сразу отказался от этой идеи. Правда, еще меньше мне хотелось встречаться с Чодо или знакомиться с достопримечательностями речного дна.

Гаррет — твердый орешек. У него завидное терпение. Все-таки я сумел переупрямить Краска. По горло насытившись холодом, он удалился. Я оторвал свои заледеневшие кости от площадки и последовал его примеру. В противоположном направлении.

Господи, до чего хорошо, что люди редко догадываются посмотреть вверх.

31

Проходя через Зону безопасности, я обнаружил именно то, что ожидал. То есть абсолютно ничего. Заведение Морли оставалось темным и казалось вымершим. Я начал подумывать, не пора ли и мне исчезнуть.

К дому я приближался крайне осторожно. Краск мог устроить засаду.

Над этим стоило бы поразмыслить. Я чересчур зависим от своего дома. Если нехорошие парни по-настоящему решат учинить мне неприятность, они просто отрежут меня от базы.

Похоже, поблизости никого не было. Даже мой верный неведомый спутник отсутствовал. Как славно, что этот неизвестный тоже иногда ошибается или нуждается в отдыхе. Взлетев по ступеням, я забарабанил в дверь. Дин открыл замок.

— Почему так долго? — прошипел я.

В ответ он одарил меня неодобрительным взглядом, выбрав наиболее выразительный из своей коллекции. По правде говоря, он подошел к дверям почти сразу. В доме царил тишина.

— Карла уже в постели?

— Да. Я тоже отправляюсь спать.

— Где? У ее порога?

— На кушетке.

Не такой реакции ожидал я на свою замечательную шутку. Ну и ладно.

— Спокойной ночи.

Я зашел в комнату Покойника.

— А ты, Старые Кости, часом, не дрыхнешь?

Это он может — заснуть на пару недель в разгар событий.

«Не сплю. Вижу, что ты опять огорчен и рассержен».

— Дела идут все хуже и хуже. Ты можешь что-нибудь предложить?

«Поспи немного. Хотя развитие событий начинает внушать беспокойство, информация по-прежнему остается скудной. Мне надо весьма серьезно подумать».

— Поспать? Это лучшая из твоих идей за многие годы.

«Не позволяй чувству безысходности и беспомощности ожесточить тебя. У каждого из нас могут быть пустые дни».

Ему легко рассуждать. Он может позволить себе даже непродуктивные столетия.

— Твой талант замечать очевидное проявляется на всю катушку.

«Отчаяние, Гаррет, тебе вовсе не к лицу. На смену темной ночи неизбежно приходит рассвет. Выбрось из головы Чодо Контагью. Отдохни. Это самое полезное, что ты можешь сделать в настоящий момент. Успокойся. И ободрись. У него нет самой книги».

Логхир был прав. Жирный гениальный жмурик всегда оказывается прав. Он не может ошибиться, даже если захочет. И тем не менее...

— Но он только что заполучил в свои лапы человека, знающего, как изготовить книгу. Этот сукин сын теперь способен сочинить свою.

Я был в том настроении, когда хочется спорить ради самого спора. Но, наверное, я все-таки немного повзрослел. Я не стал брюзжать дальше.

— Когда начнешь размышлять, попробуй сочинить теорию, объясняющую исчезновение Морли Дотса, Плоскомордого и Садлера. И попытайся определить, кто следует за мной, словно дух. Парень настолько хорош, что я так и не сумел его увидеть.

«Что касается исчезновения, то у меня имеется определенная гипотеза. Даже две, если быть точным. Однако их следует прове-

рить. Я отказываюсь обсуждать этот вопрос до тех пор, пока ты не поспишь».

Пустая трата времени — пытаться что-нибудь из него выжать. Он не уступит. Почему никто никогда не хочет мне уступить? Они или не могут, или не хотят. Я всегда в проигрыше. Интересно, почему так получается?

Видите, сколь мощный разум у вступившего в сражение со злом Гаррета? Так-то.

Он ни за что не уступит. Даже валун, намертво заклиненный в скале, менее упрям, чем дохлый логхир.

Я сдался и заковылял к двери.

«Каковы новости из Кантарда, Гаррет?»

Как будто не мог прочесть мои мысли и узнать, что я даже не пытался задавать вопросы на эту тему. Он просто пожелал поддеть меня. Мешок с костями частенько делает это, зная, что я не всегда способен достойно ответить. Может, дает мне понять, что, если бы я ему больше потакал, он стал бы мне лучше помогать. Наверное, так и есть. А вообще-то он страшный лентяй. Только из-за лени он остается среди нас. Покойник слишком ленив, чтобы постараться помереть до конца.

Я не стал ему отвечать, а просто поднялся наверх и не раздеваясь рухнул в постель. Сон не шел. Я кряхтел и ворочался, размышляя о жизни, не меньше семнадцати секунд.

32

Дин опять не дал мне выспаться. Четыре часа я дрых так, что меня не разбудили бы ни пожар, ни землетрясение. Но Дин — катаклизм похлестче этих грозных природных явлений.

Разодрав веки в одном глазу на сотую дюйма, я свесил ногу с кровати. Этих усилий могло хватить на целый день, но старикан не успокоился. Он отправился за ведерком воды, которую специал чю охлаждал на заднем дворе. Вернувшись, он застал меня уже в сидячем положении.

— Почему ты не сообразил послать сюда Карлу? — сварливо пробормотал я.

— Да потому, что в таком случае вы вообще не вылезли бы из кровати. Сосиски пережарятся, бисквиты подгорят, а чайник выкипит до дна, пока вы будете пытаться сбить ее с пути истинного.

— Ты — страдающий подозрительностью старый козел-мизантроп.

С этими словами я предпринял героическое усилие подняться на ноги. Из этого ничего не получилось.

— Знаю, — противно хихикнул Дин, — если я не встану между вами и мисс Карлой, вы две недели не двинетесь с места. А у вас есть дела.

— У меня все болит. Я страдаю. Почему бы тебе не принести завтрак сюда?

Он поднял ведро с ледяной водой.

— Встаю, встаю!

Окончательно пробудиться могли помочь физические упражнения — и я пару раз через силу моргнул. Дин чуть отошел, слегка смягчившись. Этому человеку неведомо чувство сострадания.

Он чему-то ухмыльнулся и произнес:

— А идея не так уж плоха.

— А?..

— Моя племянница Руфь принесла мне свежую смену белья. Сейчас девочка внизу. Она с удовольствием подала бы вам завтрак в постель.

Я застонал. Этот тип не способен на честную игру. Руфь — прекрасное дитя. В ней что-то есть. Вы наверняка знаете, как этот эвфемизм переводится на нормальный язык. Он означает, что собаки не воют при ее приближении. Они лишь скулят и уползают в надежде, что девица их не заметит.

— Я сегодня не в форме.

Дин снова хихикнул. Что за злобный старикашка! Затем я немного подумал о себе. Я не прав. Руфь на самом деле славная девочка, и не ее вина, что она так выглядит. Приняв вертикальное положение, я дотащился до двери и даже ухитрился спуститься по лестнице, не убившись. Более того, мне удалось улыбкой приветствовать находящихся в кухне дам. Карла и Руфь начали соревноваться, чья улыбка окажется ослепительнее. Словно смотришь на восходящее солнце. Пришлось прикрыть глаза ладонью.

Дин оказался пророком. Завтрак в самом деле состоял из сосисок, бисквитов и горячего чая. Мое настроение радикально улучшилось, хотя до обычного блестящего Гаррета мне было еще далеко. Я поднялся из-за стола и совершил тяжелый переход к Покойнику.

— Я с тобой, Весельчак, — произнес я, обессиленно плюхаясь в кресло.

«Едва-едва».

— Хм.

Интересно, что он хотел этим сказать. По утрам я обычно не в лучшей форме. Впрочем, вы уже могли это заметить.

«У нас остается единственная возможность. Мы должны первыми найти книгу. Я считаю это абсолютно необходимым. Наш провал будет означать для Танфера катастрофу».

— Как это?

Положительно, еще слишком рано. Мои мозги продолжали дремать там, в спальне.

«После упорных размышлений я начал сомневаться в мотивах, которыми руководствуется наш друг Гнорст. Факты, породившие мои сомнения, не бросаются в глаза, но они, бесспорно, существуют. Боюсь, что он не мог устоять перед соблазном».

— Я уже думал об этом.

«В настоящее время мы можем игнорировать Эмсюку. Она нейтрализована. Истермана практически можно не принимать в расчет».

— Ты так полагаешь? В его команде играет Торнада.

«Ей повезло, что она до сих пор жива. Но везение долго не продлится. Нет, Чодо Контагю — единственный, кто меня заботит. Центр тяжести переместился к нему и Гнорсту. Обе стороны располагают куда более значительными силами, чем колдунья и сумасшедший. Возникла потенциальная возможность серьезного конфликта, который может подогреваться личной неприязнью, если припомнить кое-что из услышанного тобой при встрече с Большим Боссом».

Я шлепнул себя как следует изнутри по черепушке, чтобы заставить машинку вертеться и понять, что он говорит. Да. В словах Чодо присутствовала желчь, когда он упоминал о карликах и Карлик-Форте. Ему не удалось их подчинить. Насколько я его знаю, он

теперь мечтает влезть в Дом Карликов и врезать его обитателям под зад. Чодо недолюбливает тех, кто его не боится.

— Какое блистательное начало дня, да? Уверен, с твоим умом и моими мышцами мы покончим с этим делом еще до ленча.

«Похоже, ты возвращаешься к жизни».

— Легко сказать. Пока я способен лишь дышать.

«У нас есть зацепка, Гаррет. Не очень заметная путеводная нить, но которой не сложно следовать».

— Она как-то прошла мимо моего внимания.

«Допустим, что наш обнаженный гость был Холмом Блейном».

— Нам точно известно, что это именно так.

«Не совсем, но мы вправе допустить это с большой долей вероятности. Ты потратил массу энергии, раздумывая, как он узнал о нашем существовании, но не задумывался о том, почему он вообще решил посетить нас».

Я, видимо, начал приходить в себя, так как сумел уловить смысл его чрезвычайно тонкого замечания.

— Я думал и об этом.

Правда, не очень напряженно.

«Следовательно, и ты заметил эту нить. Скорее всего он пришел потому, что ему стало известно о намерении мисс Рамады нас навестить».

— Итак, ты полагаешь, что мне следует встретиться с теми, с кем говорила она, узнать, не беседовал ли с ними Холм Блейн и не оставал ли у кого-нибудь каких-либо предметов?

«Именно».

— Пожалуй, сначала стоит спросить у нее и лишь после этого сесть на коня, отправляясь в священный поход. За домом следят?

«Открытого наблюдения не вижу».

— Ты не знаешь, кто следит за мной?

«Нет».

— Здорово. А что стало с теми, кто исчез?

«А разве мы уже не исчерпали эту тему?»

— Нет. Во всяком случае, я при этом не присутствовал. Иначе бы не спрашивал.

«Ты ленив как всегда».

— Скажу прямо. Я хочу услышать твои соображения. Так что делись плодами своей мудрости и давай без своих обычных шуточек.

«Дотс и Тарп ушли в подполье, опасаясь, что ты оседлаешь своего белоснежного скакуна и кинешься в атаку на Чодо Контагью. Так мне кажется. Они уловили ранние сигналы и начали действовать быстро, чтобы выиграть время».

— Ну и друзья у меня.

«Я и сам начал испытывать сомнения — не скрыться ли. Но я не столь мобилен, как они. Мой выбор крайне ограничен. Я полностью в твоей власти. Мне ничего не остается, кроме как бороться».

Я недовольно фыркнул.

«Это всего лишь гипотеза, Гаррет. Хотя, как мне кажется, достаточно обоснованная. Они тебя хорошо знают. У тебя есть обыкновение переть против требований здравого смысла. Ты действительно веришь, что избавление мира от Чодо Контагью является твоим долгом?»

Я еще раз сердито фыркнул. И почему все считают, что как только какой-нибудь негодяй пукнет, я поднимаю себя за шиворот и хватаюсь за свой заржавленный меч? Проклятие! А то, как Краск вчера пытался захомутать меня, означает, что даже Чодо разделяет это мнение. Дьявольщина! Не хочется верить, что я столь же предсказуем, как и любой другой.

— А как насчет Садлера?

«Здесь сложнее, так как у меня было мало возможностей проанализировать мыслительные процессы мистера Садлера. Скорее всего он увидел, какие последствия может повлечь за собой контроль над книгой со стороны мистера Чодо, и это истощило его терпение».

— Что-что?

«Ты никогда не задумывался о причинах его непоколебимой верности?»

— Не более миллиона раз. Так же, как и все остальные, кто сталкивался с криминальным подпольем.

«Поразмысли об этой неизбежной лояльности в свете того, что мистер Контагью получает книгу».

Я думал целую минуту. Вы же помните, что это все еще раннее утро? Слава Богу, для тугодумия у меня есть предлог.

— Что-что?

Скажите мне, что все князья церкви святые, что наши правители — филантропы, что у адвокатов есть совесть. Скажите, и я,

может быть, вам поверю. Но не пытайтесь убедить меня, что Садлер способен выступить против Чодо.

— Не верю.

«Разве я до сих пор не сумел убедить тебя в том, что проблема веры или неверия не имеет никакого значения? Совершенно очевидно, что мистер Краск, судя по его вопросам, подозревает дезертирство. Если он так полагает, то подлинные события и твое мнение о них не имеют ничего общего. Я лично склоняюсь к тому, что предположения мистера Краска справедливы. Некоторые намеки на это содержались в замечаниях мистера Садлера во время твоей последней беседы с ним».

Общеизвестно, что сложившиеся стереотипы представляются нам более убедительными, нежели свидетельства истинного положения дел. Мы, люди, принадлежим к племени, которое упорно не желает считаться с фактами. Однако же...

— Да, но Садлер просто не мог сделать этого.

Неужели действительно не мог? Даже если калска, место которого он надеялся занять, не только найдет способ продлить жизнь, но еще и окажется совершенно здоровым?

«Ага, ты, похоже, иногда начинаешь использовать голову не только как устройство для держания волос, чтобы они не падали в тарелку во время еды. Превосходно!»

— Даже у меня время от времени появляются мысли.

Не очень много, по правде говоря. Но не надо забывать, что утро еще не миновало.

«Снаружи наблюдается некоторое волнение. Возможно, из Кантарда поступили давно ожидаемые вести. Ты не мог бы выяснить?»

Опять его хобби!

— Естественно. Почему бы и нет? У меня же куча свободного времени. Я даже могу позаимствовать у Дина метлу и на досуге помочь крыскам мести улицы.

Он мысленно ухмыльнулся. Иногда он оценивает мои способности выше, чем я сам.

Итак, здесь я сражение проиграл. Ничего удивительного — еще слишком рано. Пришлось ретироваться на кухню.

— Карла Линдо, любовь моя, мне необходима ваша помощь. Покойник предположил, что Холм Блейн мог встречаться с неко-

торыми из тех, с кем беседовали вы, выясняя, кто бы мог вам помочь. Мне следует поговорить с ними. Поскорее сообщите имена этих людей.

Она внимательно смотрела на меня секунд десять, полыхая огнем страсти. Домашняя мышка мисс Руфь перестала улыбаться, и я не могу ее осуждать. Вопиющая несправедливость со стороны богов предоставлять одной женщине столь огромное преимущество перед другой.

Надо, чтобы боги создавали всех женщин прекрасными. Разве я не прав?

— Вообще-то я спрашивала лишь в том доме, где останавливалась. У друзей отца. И все, кто смог ответить, называли только ваше имя.

Замечательно! Гаррета — в каждую семью!

— Куда мне идти? С кем говорить?

Я задам работенку Покойнику. И он уже знает об этом.

— Будет лучше, если я пойду с вами. Это довольно необычное и странное место.

— Мне там что-то угрожает?

— Нет. Конечно, нет. Значит, ваш друг Чодо Контагью захватил Змеюку?

Боже! В моем доме, похоже, нет больше места для секретов. Я попытался отговорить ее идти со мной. Карла Линдо оставалась глуха как пень, отказываясь что-либо сообщать. Или она отправится со мной, или я ничего не узнаю.

— Буду готова через минуту, Гаррет.

Она упорхнула, оставив в кухне нечто вроде вакуума. Дин ухмылялся, глядя на меня. Старик обожает видеть своего босса в замешательстве. На сей раз это было больше, чем замешательство. Я пребывал в полной растерянности. Даже Руфь, кажется, получала удовольствие, хотя и завидовала могуществу Карлы.

Нет спасения, когда Карла Линдо начинает меня обрабатывать. Когда-нибудь, лет эдак через тыщу, у меня, наверное, появится иммунитет к дамским чарам. Не знаю только, с каким чувством ожидать этого.

Я совершил тактическую ошибку, затратив на переодевание и приведение себя в порядок времени больше, чем она. Дамы никогда не забывают напоминать вам об этом.

* * *

Иногда я начинаю думать, действительно ли я такой умник, каким себе кажусь. В словах Карлы содержалось достаточно четкое указание, куда следовало идти. Но я дорубил до этого, лишь очутившись у самой двери дома старины Фидо.

33

Я замер, уставившись на этот клоповник и думая, что ноги моей там не будет.

— Гаррет! Что с вами?

Карла Линдо обогнала меня на пару шагов и теперь оглядывалась, как всегда, извергая пламя. Как, черт побери, ей это удастся? Я, в свою очередь, уставился на нее. Посещение замка Фидо почему-то уже казалось менее отвратительным.

Людей на улице было немного, но все они, похоже, горели желанием растоптать несчастного парня, глазеющего, раскрыв рот, на прекрасную женщину.

— Мне трудно, детка, — прокудахтал я. — Ничего не могу понять. Я похож на цыпленка с отрубленной башкой, который носится, не понимая, что происходит. Я не знаю, что творится, кто что делает и почему. Я все время плетусь в хвосте событий, постоянно опаздывая.

Не мог же я ей сказать, что просто боюсь возвращаться в логово безумца Истермана. Я, черт возьми, даже себе самому не мог до конца признаться в этом. Я сказал себе то же самое, что и ей, добавив, что не хочу водить дела с ребятами, у которых мозги обитают в стране фантазий.

Не говоря ни слова, она повысила свой накал, дополнив его призывом подойти ближе и суля при этом нечто невероятное. Я успел стереть слюни с подбородка, но она все же заставила меня задрожать.

— Вы уверены, что сами не колдунья?

Как иначе она так легко смогла раскусить мои слабости? Откуда в ней, такой юной, столько мудрости и мастерства? Карла в ответ лишь улыбнулась и подбросила уголька в свое пламя.

— Женщина, своим пряником ты пытаешься заманить меня под чей-то кнут.

— Что?

— Ха! Гаррет! Этого-то клоуна я и ищу.

Черт побери! Торнада. Она плыла, как галион под всеми парусами. Следом за ней семенил труповидный старик дворецкий с нелепым именем. Быть может, они соревновались в беге? Что ж, старик, похоже, достаточно вынослив.

Карла Линдо бросила на Торнаду ядовитейший взгляд. Однако уже через мгновение Карла от изумления приоткрыла рот, изо всех сил пытаясь сохранить серьезность.

— Завела себе новый прикид, Торнада? — спросил я.

Торнада остановилась, чтобы исполнить передо мной пируэт.

— Что скажешь?

— Живописно.

Любимый сынок старенькой мамы Гаррет настроен протянуть еще лет сорок. Он старается выдерживать нейтралитет, когда кто-нибудь в подобном наряде интересуется его мнением.

— Знала, что тебе понравится. — Она с подозрением покосилась на меня.

Слово «живописно» не полностью отражало истину. Никто не одевается отвратнее, чем гоблины, и никто не может превзойти их по части отсутствия вкуса в одежде. Но ее наряд вызвал бы шок даже у гоблина. Пятна и полосы кричащего пурпурного и визжащего оранжевого цветов соседствовали с зелеными кляксами настолько ядовитого оттенка, что они опаляли глаза. Когда она дышала и ткань шевелилась, из складок появлялись еще какие-то слепящие краски. Вся эта какофония безумных колеров постоянно менялась, оказывая почти гипнотическое воздействие.

— Держу пари, ты удивился, увидев меня в платье.

— Да, — не то квакнул, не то пискнул я.

Я страдал, не смея молить о милосердии. Подобные наряды следует объявлять вне закона. По разряду смертоносного оружия.

— Платье? Вот эта штука так называется? — спросила Карла Линдо.

Вопрос мгновенно стер довольную ухмылку с физиономии Торнады. Я быстренько занял место между дамами.

— Мир, мир. Девочка только что прибыла в город.

— Кто этот навозный жук, Гаррет? Должна же я знать, перед кем извиниться, после того как разотру ее в лягушачий корм.

— Спокойно. Она — друг твоего босса.

— У него нет друзей. Это старое пугало...

Догнавший Торнаду старикан повис на ее руке, дыша так, словно промчался на большой скорости многие мили. Он был не в силах ничего выдавить. Вдруг он ослабил свою хватку и начал валиться рожей вниз.

Торнада поймала его за шиворот и дернула вверх.

— Смотри не убейся, папочка.

Карла Линдо неотрывно смотрела на старца. Она, видно, хотела что-то сказать, но не могла вымолвить ни слова.

— Хочешь повидаться с боссом, Гаррет?

— Да.

— Хорошо. Мои дела могут пару минут подождать. Пока вокруг не окажется меньше любопытных ушей.

Развернув старика, она направилась к дому, волоча добычу одной рукой. Чума не оставлял попыток объясниться, но не мог — воротник душил его.

— Что это было? — наконец сумела спросить Карла Линдо.

— Это было Торнадой. Старайтесь не гневить ее. Она похожа на землетрясение. Никаких сдерживающих центров.

— Охотно верю, — произнесла Карла.

— Взгляните-ка! — неожиданно воскликнула она, переключившись сразу, по-детски, на другой предмет.

Я взглянул. Истерман все-таки обзавелся собственным драконом. На стене миниатюрного замка из черного камня скалил зубы летающий громовый ящер. За ним ухаживала банда удивительно похожих на дьяволят морКаров. Истерман облачил их в подобие одежд, но у меня не было желания всматриваться в детали. Увидев, что мы наблюдаем, твари завизжали и взмыли в небо. Громовый ящер начал хрипло вопить. Он казался скорее удивленным, нежели рассерженным.

— Разве не здорово? — спросила Карла Линдо.

У меня начали возникать некоторые сомнения насчет этой девицы.

— Психи, похоже, забирают власть. Может, и мне заняться вырезанием куколок из бумаги или научиться выговаривать слова задом наперед?

До Карлы Линдо мой юмор не дошел.

В дверях Торнада отпустила старца. Тот восстановил дыхание, и, оказалось, что, несмотря на муки, он ухитрился не утратить достоинства.

— Следуйте за мной, сэр. И вы, мадам.

Они с Карлой Линдо обменялись странными взглядами. Что бы это могло означать? Старик провел нас в помещение, где я прошлый раз встречался с Истерманом. Интерьер сильно изменился. Пару стен снесли, зал декорировали в красно-черных тонах и внесли туда премерзкий черный трон с резьбой, изображающей множество женских лиц. Эти рожи напоминали страшные физиономии девок, которых вы иногда, просыпаясь, обнаруживаете рядом с собой, сильно перебрав накануне. Помещение заливал багровый свет из скрытых светильников; казалось, что свет истекает непосредственно из преисподней. Безумный хозяин замка увеличил число своих служащих. Теперь среди них была шестерка самых больших, самых отвратных и самых клыкастых гоблинов, каких мне когда-либо доводилось видеть. По залу егзило несчетное количество морКаров, облаченных в официальные вечерние туалеты.

Традиционная прислуга Истермана — заслуженные головорезы, — похоже, была смущена, что оказалась в подобной компании.

Один из них даже прошептал:

— Он и вправду очень хорошо платит.

— Надеюсь, что так, — ответил я.

Интересно, не сам ли Фидо подбирал гардероб для Торнады? Истерман выжидал подходящего момента для выхода. На толстяке оказался новый наряд. На сей раз он завернулся в несколько квадратных миль красной материи, яркость которой подчеркивали акры черной ткани. Я вдруг понял, что все черные пятна полностью состоят из крошечных глаз... Боже, оказывается, каждый глаз был живым. Некоторые из них, моргая, косили по сторонам, а другие подмигивали, будто услышали забавную шутку.

Истерман, с трудом преодолев ведущие к трону ступени, наконец уселся. Вот почему я бегаю по утрам, сказал я себе. Мне не

хочется стать похожим на него... О Боже (еще раз)! Когда его жирная задница опустилась на сиденье, уродины, вырезанные на троне, разволновались и начали перешептываться.

Я глазел, раззявив пасть, и думал, как это удалось типу, который совсем недавно не мог своей магией заставить камень падать вниз... Меня охватило беспокойство. Неужели выиграл гонку? Неужели заграбастал Книгу Видений?

Я даже предпочел бы, чтобы книгу получил Чодо. Тот по крайней мере предсказуем.

Фидо поудобнее устроился на троне. Он лучился доброжелательностью. Более или менее.

— Мистер Гаррет, я счастлив, что вы решили нанести мне визит. Что скажете, сэр? — Он обвел помещение рукой. — Не правда ли, впечатляюще?

— Бесспорно. — Это соответствовало действительности. — Но мне больше нравилось то, что было.

Раньше это было творением психа всего лишь на девяносто процентов.

— Мы должны меняться со временем, сэр. Мы обязаны меняться. Изменения иногда могут оказаться интригующими, мистер Гаррет, не так ли? Вот вы стоите передо мной в качестве просителя, а еще совсем недавно вы повернулись ко мне спиной, с видом заносчивого петушка. Да, все меняется, сэр.

Карла Линдо изумленно посмотрела на меня. Полагаю, ей не было известно о моем первом визите к Фидо.

— Откуда вы взяли, что я явился к вам умолять о чем-то?

Этот жирный клоун уже истощил мое терпение. Здравый смысл подсказывал забавляться ситуацией, но мне почему-то хотелось взбежать по ступеням и врезать Фидо ногой по харе. Не очень умная затея в присутствии гоблинов, охраняющих челюсть хозяина.

— Чума!

Прискакал старикан. Истерман и старец пошептались о чем-то с мелодраматическим видом, поочередно бросая взгляды в мою сторону. Затем Фидо перевел взгляд на Карлу Линдо. Клоун, казалось, был удивлен. Наверное, ожидал увидеть, как я рухну на колени и уползу прочь. Однако его надеждам не суждено было исполниться. Я даже не понимал, почему он ждет этого.

Мое изумление начало перерастать в беспокойство. Истерман вперил в меня взглядом, сощулив глаза сильнее, чем это казалось возможным.

— Вы пытаетесь издеваться, сэр?

— Я ничего не пытаюсь, просто-напросто стою. Не понимаю, в чем дело, Фидо. Прошу прощения, если веду себя не так, как вам бы хотелось. Я заскочил со своей подругой Карлой, чтобы узнать, кому вы рассказывали о ее делах здесь, в городе.

— Что?!

— Мисс Рамада останавливалась в вашем доме, когда пришла в Танфер, ведь так? Она интересовалась, кто может помочь ей найти крошечную безделушку, украденную кем-то у ее папочки...

— Я никогда прежде не видел этой женщины, сэр!

— Ей посоветовали прийти ко мне. Так? Значит...

В этом месте я оборвал свою болтовню. Фидо, вскочив на ноги, выпучил глаза на Карлу. Из рта у него текли слюни. Казалось, он вот-вот забьется в конвульсиях. Я ничего не понимал. Карла тянула меня за рукав, тряся головкой. Похоже, из мешка выскочила целая орава котов. Возможно, она и останавливалась в замке, но Фидо здесь ни при чем.

Фидо взревел, призывая на наши головы такие миленькие пу-
стячки, как Глад, Войну и Мор. В промежутках между проклятиями он выбрал момент и приказал гоблинам:

— Вышвырните вон этого человека! Я не желаю более ни секунды видеть перед собой его уродливое лицо.

Отдав команду, он вновь начал пускать пену изо рта. Что ж. Да я никогда... Уродливый, значит? Может, и пообносился слегка по краям, но собаки же при виде меня не воют.

Гоблинов я дожидаться не стал. Схватив Карлу Линдо, я поспешил к выходу. Нет смысла пускаться с гоблинами в пляс. Вообще-то есть настроенье расколоть одну-две башки. Но, боюсь, с этими ребятами ничего не получится. Прежде чем я воздам им по заслугам, на меня обрушится небо.

— Это было блестяще, Гаррет, — произнесла Карла Линдо, как только мы выкатились на улицу. — У вас просто золотой язычок.

— Но вы могли мне кое-что сказать заранее. Хотя бы робко намекнуть. Читать мысли умеет Покойник, а не я.

Обернувшись, я увидел выскочившего за порог гоблина. Он смотрел через плечо, ожидая подмоги. Конница вовремя не подоспела, и ему ничего не оставалось сделать, как помахать нам на прощание лапой. Надо же, гоблин, обладающий здравым смыслом. Воистину, времена меняются.

Я снова обратился к Карле Линдо:

— Что еще вы забыли сообщить, сердце мое? Если вы хотите, чтобы я вам помогал, стоило бы снабдить меня надежным инструментом. Что, черт побери, происходит?

Она пожала плечами, уставившись на камни мостовой.

— Не знаю... Ничего похожего раньше не видела. Я там останавливалась у дяди — брата матери. Он — один из слуг. Когда сегодня нас провели в этот зал... Я лишь раз видела этого человека, да и то издали. Дядя сказал, что босс слегка с приветом.

— Именно слегка. Вы стремились создать впечатление, что связаны на Холме с большими шишками.

Я добавил в список еще несколько пунктов, по которым следовало свести счеты с Покойником. Его любимая шуточка — вынуждать меня добираться до истины наиболее трудным путем.

— Да, я правда хотела, чтобы вы так думали...

— Я это уже сообразил.

Но наша беседа была вскоре омрачена. Очень жаль, дело шло к примирению, а примирение между парнем и девушкой — вещь многообещающая.

— Эй, Гаррет! Ну и классное представление ты там закатил. Старикан так очумел, что выпрыгнул из подштаников.

— Не начинай лстыть, Торнада. Если тебе чего-то надо от меня, выкладывай сразу. Если нет — вали обратно и проследи, чтобы старина Фидо не подавился насмерть своим языком. Иначе ты рискуешь лишиться жалованья.

— Эй! Я подхожу дружески поболтать, перекинуть мост сотрудничества, а ты намерен учинить свару.

— Желаете построить мост? — проворчал я. — Тогда скажи, что означают все эти преобразования и зверинец на крыше?

— Старый трепач готовится вступить в новую эру. Приводит хозяйство в порядок, чтобы выглядеть пристойно, когда получит Книгу Видений.

— Вот как?

Гаррет хорош как всегда. Он быстро соображает, что к чему.

— Говорит, ему известно, где она.

— И где же?

— Не знаю. Он мне не доверяет.

Признаться, я не могу его за это осуждать. Торнада, если представится возможность, без колебаний продаст его тому, кто больше заплатит.

— И никаких намеков?

Она покачала головой:

— Говорит, что получит ее, как только найдет способ преодолеть одно серьезное препятствие. Свое неведение о том, где находится книга.

— Змеюку? Так прошлой ночью ее захватил Чодо Контагью.

Наконец-то у меня родился хитроумный план: стану следить за Фидо и отниму у него книгу, как только он ею завладеет, но до того как успеет ею воспользоваться.

— Мы слышали об этом. Кого это колышет? Змеюка его не интересует. Ему надо, чтобы она не путалась под ногами и не зацепала книгу раньше его.

Над нашими головами разразился сущий ад. Наплевав на яркий день, морКары взметнулись с крыши дома Фидо, отправляясь в боевой вылет. Прислуга в человеческом облике орала им вслед, требуя вернуться и угрожая увольнением со службы.

— Что за чертовщина? — спросил я.

— Они иногда так делают, — сказала Торнада. — Наверное, заметили команду из враждебного племени.

— Мне не следовало вылезать из-под одсяла.

Это Дин во всем виноват.

— А ты-то, Гаррет, знаешь, где книга?

— Если бы знал, меня бы здесь не было. Я уже посылал бы от западных ворот прощальный привет друзьям.

Я незаметно пожал ручку Карлы в надежде на взаимный знак внимания. Торнада полностью игнорировала Карлу Линдо.

— Нам с тобой надо посидеть и посмотреть, что получится, если мы объединим мозги, Гаррет.

— Это точно.

Она не уловила моего сарказма. Думаю, у нее на этот счет был иммунитет или она страдала избирательной глухотой наряду с полным дальтонизмом.

— Книга стоит целого состояния, Гаррет. Поговаривают, что карлик готов отвалить за нее большие бабки. Побольше, чем Истерман.

— Хочешь перекинуться к нему?

— Если будут хорошие монеты.

Жаль, у меня нет таких деньжищ. Где-нибудь в чулке.

— Клоун не сделал ничего, чтобы завоевать мою лояльность, — продолжила она. — Он даже к этим проклятым гоблинам относится лучше, чем ко мне. А я ведь у него на службе дольше их.

— Таких, как ты, Торнада, — одна на миллион, — фыркнул я.

— Знаю. Не очень надейся. Я еще не готова уговориться. Но ты будешь первым в списке, когда я созрею для семейной жизни.

Меня трудно заставить врасплох и оставить бессловесным. На этот раз случилось именно так. Я стоял с открытым ртом, размышляя, действительно ли я так умен, как мне кажется.

— Продолжай заниматься книгой, а когда потребуется помощь, свистни. Я согласна на половину барыша, — объявила она и замаршировала в берлогу Истермана.

— Вы завоевали ее сердце, — хихикнула Карла Линдо.

Я взвыл. Она со смехом бросилась прочь. Я кинулся следом. Люди вокруг глазели. Карла бежала не очень быстро. Я тоже не торопился — со второй позиции мне открывалось очень милое зрелище.

Именно такой и должна быть жизнь. Я схватил ее. Она прижалась ко мне, часто дыша и всем своим видом давая понять, что не возражает быть пойманной. И вот мы оказались рядом посередине улицы, не зная, куда направиться.

Обычная история. Я выигрываю приз, но не имею возможности его получить.

— Нам лучше отправиться домой и подумать, где, по мнению Истермана, может находиться книга.

Мне почему-то казалось, что он действительно знает, где спрятано это ведьмино творение.

— Ваш дядюшка, случаем, не может нам помочь?

— Нет, — с печальным видом ответила она. — Даже если он и знает, все равно ничего не скажет. Бойтся, что не найдет работу, если Истерман его прогонит. Очень стар.

— Прекрасно.

Мы зашагали домой, тесно прижавшись друг к другу. Я почувствовал себя слегка виноватым, проходя в паре кварталов от дома Тинни. Наверное, старею.

— Вам по-прежнему необходима эта книга? Змеюка у Чодо. Уверен, что она не вернется и не возобновит преследование вашего папы.

Карла немного подумала:

— Я, конечно, могла бы вернуться домой и без нее. Но только если буду уверена, что книга уничтожена. Иначе отец никогда не простит меня.

Проклятие!

34

Я уже закончил доклад Покойнику и продолжал выслушивать выговор за то, что не схватил Фидо за волосы и не выдавил из него признания, когда в комнату сунул голову Дин и объявил:

— Вас желает видеть какой-то джентльмен, мистер Гаррет.

Я слышал стук в дверь. И надеялся, что это ко мне. Покойник взгромоздился на своего любимого конька и не переставая сердито ворчал. Я не услышал от него ни единого предложения, что же делать в сложившейся ситуации. Похоже, мне вменялось в вину, что я не разобрался с войском Фидо одной левой, правой вышибая признание.

Никакого джентльмена у дверей не оказалось. Просто Дин излил свой сарказм в отношении социального статуса посетителя. Им оказался гибрид неизвестных мне рас, едва достигший подросткового возраста. Его самой выдающейся чертой являлся ужасающий набор зубов. Ничего подобного я еще не видел. Существо вполне

можно было принять как за уродливого гоблина, так и за уродливого человека — в зависимости от того, сторону какого вида вы хотите принять.

— Ты и есть Гаррет? — спросил он, презрительно ухмыляясь, и таким тоном, словно слышал обо мне и теперь ужасно разочарован.

— С утра вроде был им.

— У меня для тебя бумага.

Он сунул мне в руку листок и отвалил прежде, чем я успел как следует взять послание. Бумажка упала на ступеньки, и ее понесло ветром. Я бросился за ней и успел поймать. Дверь за мной, естественно, захлопнулась. Щеколда защелкнулась. Выругавшись, я начал молотить в дверь руками и ногами. Дин впустил меня в дом, ничего не сказав и лишь снисходительно усмехнувшись.

— Отправляйся чистить кастрюли! — рявкнул я.

Проследовав в кабинет и погрузившись в кресло, я обратился к Элеоноре:

— Интересно, какого черта я отказался от работы на пивоварне? Что за блажь? Неужели мне доставляют удовольствие постоянные оскорбления? У меня могла бы быть комнатка на заводе. Для тебя и для меня. Я мог бы прикладываться к крану, стоило лишь захотеть. Моя жизнь текла бы там мирно до самого конца.

У Элеоноры ответа не нашлось. Она не отрывала от меня своего загадочного взгляда. Все. На моей стороне никого не осталось. Пришлось развернуть полученный клочок бумаги.

Это оказалась записка, но я не сразу смог расшифровать кривые печатные буквы. До того как листок стал хранителем бессмертной прозы, в него, очевидно, заворачивали жареную рыбу.

«Надо поговорить. Синклер. Статуя. Скоро. Садлер». Любопытно. А я и не знал, что он умеет читать и писать.

Конечно, парень не мог соперничать с авторами выдающихся манускриптов, но вполне мог составить конкуренцию хорошо образованному семилетке. Все слова начертаны без ошибок. Потрясающе!

Садлер. Один из исчезнувших. Я не мог отвергнуть его просьбу.

Но когда мы встречаемся? Он не указал времени. Я не стал вскакивать и мчаться на randevу очертя голову. Так подобные вещи не делаются, если вы хотите выжить. На случай, если вы получите

таинственные послания, существуют определенные правила поведения. Прежде всего надо направить какого-нибудь лоха... ммм... друга обследовать территорию.

— Эй, Дин!

Больше некого.

— Мне надо перемыть посуду и постирать, мистер Гаррет! Один лишний жилец, похоже, утраивает мою нагрузку, — донесся крик из кухни.

— Эй, постой! Мне...

— У меня нет времени пускаться в странствия.

Интересно, кто в нашем доме главный специалист по чтению мыслей?

— Откуда ты узнал?..

— По вашему просительному тону, мистер Гаррет. Не могли бы вы послать мисс Рамаду?

Он меня умыл. Я не имел права ее посылать. Из этого старик верно заключил, что я отправляю его не на рынок за брюквой для пирога к ужину. В наступившей тишине я слышал, как скрипят его мозги, строя планы мести. Как я посмел подумать о возможности командировать его в опасный поход!

Из комнаты напротив я почувствовал насмешливое хихиканье логхира. Снова я оказался всеобщим посмешищем. Со вздохом поднявшись, я побрел в кухню и нацедил себе пива.

— Вы ведь останетесь здесь после того, как я женюсь? — спросил я у Дина. — Молодой семье понадобится ваша помощь.

Лицо старика просветлело. Он мгновенно забыл о моих намерениях послать его туда, где свирепствуют ледяные ветры. Старина Дин, конечно, понимал, что не сумеет сбить мне ни одной из своих многочисленных племянниц, но, по его мнению, женитьба на любой женщине явилась бы для меня благом. Он был страстным адвокатом института брака, хотя сам ухитрился избежать мученического венца.

— Для меня будет большой честью служить мисс Тинни, мистер Гаррет.

За издевательство над стариком меня начали мучить угрызения совести. Вернее, почти начали.

— Я вовсе не ее имею в виду.

— Мисс Майя, бёспорно, вам преданна. Но не кажется ли вам, что она слишком юна для мужчины вашего возраста?

Моего возраста? Все. Никакого милосердия к старцу!

— Майя здесь ни при чем. Я подумываю попросить руки Торнады. Вы должны признать, что она подходит мне больше остальных. На мрачных улицах Танфера мы явим собой великолепную команду.

Он был ошарашен, он был в ужасе, он быстро катился к апоплексическому удару. Его лицо покраснело. Старик начал хватать воздух открытым ртом.

— Увы, Дин. Я не скроен для этих крошечных милых красоток, — подлил я масла в огонь. — Мне нужен настоящий товарищ. Партнер. Опора везде и повсюду. Торнада — именно та девчонка, которую я так долго ждал. Она сможет взять на себя ответственность за все. Сумеет навести в доме порядок.

«Гаррет!»

Похоже, я перестарался. В вопле логхира я уловил ужас.

Я привык, что Дин воспринимает все крайне серьезно. Ему требуется вечность понять, что над ним шутят. Но Покойник...

— Неужели вам не кажется, что я прав? — не унимался я.

Дин стоял молча. Из бессильно опущенной руки свисала сковорода. Рот старика приоткрылся, а глаза закрылись. Он выглядел таким несчастным, что я чуть было не сдался. Если бы Карла не находилась наверху, я бы наверняка превратил бы все в шутку. Но ее не было в кухне, и я бросил, направляясь к дверям:

— Пожалуй, сразу же и займусь этим делом.

35

Интересно, знает хоть кто-нибудь, кем был этот Синклер? И есть ли кому-нибудь до этого дело? Раз ему воздвигли памятник, значит, так надо.

Не исключено, что эта отвратительная каменная глыба торчит здесь со времени основания города. Выглядит она довольно потрепанной. А если кто и знает что-нибудь о Синклере, то держит это при себе. Словом, что бы Синклер ни сотворил, для меня это оста-

ется тайной. Польза от него только голубям. Они восседают на его воздетых руках и треугольной шляпе в ожидании подходящей мишени. Когда-то давным-давно монумент был покрыт медью, но воры успели ободрать покрытие задолго до моего рождения.

Синклер возвышается в центре небольшой площади, образованной слиянием пяти улиц, примерно в полумиле к северу-западу от моего жилища. Он обозначает границу между нашим обычным, достаточно отвратным городом и так называемым Дном, по сравнению с которым любой другой район Танфера представляется предместьем рая. Дно — место, где обитают последние нищие. Дно — место, куда не осмелился бы без сопровождения армии вступить сам Чодо Контагью, не говоря уж о недоумках из Стражи. Дело дошло до того, что некоторые домовладельцы дрейфят взимать там квартирную плату.

Вообще-то никакой Чодо и не подумает туда заглянуть. Обитатели Дна настолько бедные, что даже не могут позволить себе обзавестись именами. И каждый из них выживает только потому, что кажется беднее своих соседей.

Суший ад на земле. Во время службы в морской пехоте мне приходилось встречать ребят со Дна. Им нравилось в Кантарде, несмотря на войну. У них была пища, на них была одежда, на ногах — обувь, а продолжительность жизни частенько превышала срок, отпущенный им дома. А богатые парни только и занимались тем, что злились и ныли.

У моих родителей никогда не было ночного горшка, но я рос богачом по сравнению с теми ребятами.

Вы, наверное, считаете, что эти люди стремятся изменить свою жизнь или учинить всеобщий разгром? Ничего подобного. Точно так же, как сейчас никто не желает воспользоваться тем, что наши владельцы с Холма все как один отправились на отлов Слави Дуралейника. Люди обладают врожденной тягой к порядку и знают свое место. Многие считают, что если они бедны и умирают с голоду, то такова воля богов и это расплата за прегрешения в прошлой жизни.

Станный мир, в котором обитают еще более странные люди. О чем это я? Какое отношение все это имеет к Садлеру или Книге Видений? Абсолютно никакого. Всего лишь самодельные социологические изыскания.

Все кругом только и толковали что о Слави Дуралейнике. Поступили давно ожидаемые новости. Люди пересказывали их незнакомцам. Любой прохожий мог схватить вас за грудки и держать, пока не закончит свой рассказ, получая несказанное удовольствие, что просвещает вас первым.

Дуралейник исхитрился спровоцировать столкновение между армиями Каренты и Венагеты. Разгорелась битва воистину апокалипсического масштаба. Но сам Слави, устраивая этот фокус, потерял значительную часть своего войска и обратился в бегство. А может быть, и нет. Факты менялись в зависимости от настроений рассказчика. Я общался с Синклером и впитывал информацию, чтобы пересказать все Покойнику, когда появится возможность. Если она вообще появится.

Я провел целый час, сидя на пьедестале, с которого Синклер посылал свое благословение. И уже начал подозревать, что меня снова облапошили. Во всяком случае, Садлер не торопился облегчить моего положения. Конечно, если записку направил он.

Да, все-таки это был Садлер. В конце концов парень появился. Он подошел, с опаской оглядываясь по сторонам, как будто был по уши в долгах и уже полгода скрывался от кредиторов. Я узнал его только тогда, когда он чуть ли не плюхнулся мне на колени. Садлер выглядел бродягой, а не тем смертельно опасным типом, которого я знал и ненавидел.

Он уселся рядом, ссутулившись, чтобы не выдать себя ростом, и принялся кормить хлебными крошками голубей. Никто не узнал бы его, застав за подобным занятием.

— Где ты был?

— В подполье. Надо было подумать. Не мог тянуть лямку, узнав, что Чодг мечтает заполучить книгу.

— Хм.

— Только представь, что он сможет тогда сотворить.

— Уже представлял. Поэтому-то и не хочу, чтобы он наложил на книгу свои лапы.

— Я тоже. И Краск.

— Краск?

— Ему потребовалось больше времени, но он тоже сообразил. Я получил от него известие. Мы встретились и потолковали. Решили, надо что-то делать. Хотим привлечь тебя.

Крошки собрали голубей со всей округи. Птицы копошились, налезая друг на друга. Вдруг мостовая взорвалась, голуби все до единого одновременно взметнулись в небо. Я поднял глаза, ожидая увидеть подлетающего громового ящера. Но оказывается, птички ударились в панику из-за единственной и вдобавок в дымину пьяной морКары. Садлер очень точно выразил мое настроение:

— Уже днем, стервы, летают. Что-то надо делать. Может, объявить награду за их головы? И у детишек появится занятис. Не все же им резать кошельки или обирать пьянчуг.

Да. Все стало не так, как в старое доброе время. Когда мы были детьми, мы проявляли больше уважения к старшим... И так далее и тому подобное. Я знал все эти причитания наизусть.

— Почему вы остановили свой выбор на мне?

— Ты же сказал, что не хочешь, чтобы книгу загреб Чодо.

— И не желаю, чтобы ее загреб любой другой. Ни он, ни ты, ни Краск, ни Змеюка, ни Гнорст, сын Гнорста, ни Истерман. Я, черт побери, не доверил бы ее даже старикану, который ведет мое хозяйство. Нет ни одного живого существа, способного устоять перед искушением.

Он подумал с минуту.

— Я бы тоже, наверное, придумал, что с ней делать, если бы мог прочесть слово «дерьмо»...

— Ты не умеешь?

— Только свое имя. Некоторые слова и знаки, которые всю жизнь торчат перед глазами. У меня никогда не было возможности учиться. В сухопутных войсках парней не учат, не то что у вас — в морской пехоте.

— Это удача.

Некоторое образование было тем полезным, что я вынес со службы. Впрочем, подозреваю, что у меня несколько более сильная тяга к знаниям, чем у Садлера.

— Но ты же сумел составить записку?

— Это Краск писал. Он чего-то поднахватался там и тут. Я-то думал, мы сможем нанять себе учителя, когда Чодо загнется и мы возьмем дело в свои руки. Только, похоже, старик теперь вовсе не планирует брать расчет.

— И вы хотите его рассчитать?

— Что-то вроде того.

— Ты же знаешь, мокрыми делами я не занимаюсь.

— А кто заставил кусаться прежнего Большого Босса?

— Он не кусался, кусали его. И ты знаешь, как все было.

Морли меня подставил. Если бы мы с Плоскомордым знали, что произойдет, рванули бы на другой конец города вместо того, чтобы помогать Дотсу волочить гроб с голодным вампиром.

— Если поможешь нам, Гаррет, получишь друзей, которые когда-нибудь помогут тебе.

— Да? Чодо и сейчас вгоняет меня в краску, действуя так, будто я его любимый сынок.

Садлер сделал вид, что изумился. Почему? Объяснять он не стал, а просто ослабилась. У парня оказались гнилые зубы.

— Мож быть, мож быть. Но он уж точно не отдаст тебе эту книгу.

— А ты?

— Я вовсе не умею читать, а Краск лишь едва-едва. Ты скажешь, что ее кто-то для нас прочитает. Ты можешь подумать, что мы получим книгу и начнем учиться. Верно. Но так же верно и то, что в это время весь мир будет на нас охотиться.

— Наверное, ты прав. Но у меня есть сомнения.

Я не занимаюсь убийствами. Я не высокого мнения о Чодо, но мне не хотелось бы участвовать в отправке его на небеса. Передо мной старик не был настолько виноват.

При всем при этом я не горел желанием сказать Садлеру твердое «нет». Он может погрузить меня в вечный покой, опасаясь, что я проболтаюсь о его планах.

— Похоже, у меня небогатый выбор. И как вы собираетесь это дело осуществить?

Я пытался выиграть время.

— Старый Чодо затевает сегодня вечеринку. Будет занят. Его дочь сейчас в городе, и он каждый год устраивает...

— Его кто?!

— Дочь, — рассмеялся Садлер. — Мало кто о ней знает. Тебе бы она понравилась. Красотка. Наверное, похожа на свою мать. Ты я никогда не видел. Еще до меня Чодо с ней лично разобрался, застав в постели с парнем, которого в то время поддерживал. Ну и

что? Дело прошлое. Сейчас важно, что сегодня он устраивает вечеринку. Если гульба пойдет как раньше, все упьются до чертиков и отпадут. Мы с Краском рассчитали, что, если нападём в три утра, у нас получится легкая прогулка.

— Так зачем вам я?

Он снова ослабился. Парень сегодня улыбается больше, чем за все время нашего знакомства.

— Гаррет, ты здорово умеешь изображать невинность. Вот бы мне так!

— Рад доставить тебе удовольствие. Но я правда не знаю, о чем ты лопочешь.

— Мы что, сердиты сегодня? Маленькая птичка сказала нам «нет». Ладно. Помнишь, как у нас возникли сложности с хреновиной, считавшей себя мертвым богом и пожелавшей вернуться к жизни?

Это происходило совсем недавно. Не хочется вспоминать. Жуткое дело, в котором были замешаны нездоровые люди. Единственный приятный результат того дела — Майя.

— Помню.

— Без шуток? Наверное, стареешь. Помнишь, как ты вышел из дома? С тобой был Дотс. Мы тебе дали маленький камешек. Что-то вроде амулета. А? Думаешь, мы просто забыли взять его назад?

Я надеялся на это. Камень хранился в комнате Покойника среди наших самых больших ценностей. Я считал, что он еще когда-нибудь понадобится.

Это был магический талисман, способный отгонять громовых ящеров. Чодо недолюбливает незваных гостей. Чтобы отвадить их, он обнес свои владения стеной. За стеной он содержит стаю некрупных плотоядных ящеров. Они гораздо эффективнее собак, хотя и последними Большой Босс тоже не брезгует. Громовые ящеры не оставляют ничего, что могло бы напомнить о незваных посетителях. Никому не известно, сколько злодеев перебралось через стену только для того, чтобы стать закуской для чудовищ.

— Значит, вы меня накололи?

— Просто решили, что будет полезно держать одну штуку на стороне.

— Вы, ребята, чересчур мозговиты для меня.

— Само собой.

Это, конечно, сильно сказано. Во всяком случае, они умнее, чем кажутся.

— Хорошо, вам нужен камень, чтобы пробраться в дом, когда все окосеют. А потом?

— Потом Чодо отойдет к предкам во сне. Может быть, пока они будут валяться вповалку, в дом проникнет парочка громовых ящеров и закусит ребятами, которые могли бы помешать мне и Краску занять освободившееся местечко.

— Полагаешь, вы сможете управлять всей оравой?

— На пару сможем. Сильно командовать не придется. Машина отлично смазана и отрегулирована. Чтобы работала ровнее, будем проламывать по черепу в месяц. А может, и того реже. Справимся.

Кто бы сомневался.

— А я, значит, получаю книгу. Так?

— Как только мы узнаем, где она. Обещаю. Мы ее найдем. Ты знаешь это.

Найдут, если захотят. Но выполнят ли обещание? Станут ли тратить силы на то, чтобы отобрать книгу у Фидо Истермана, или всего лишь укажут мне нужное направление?

— Значит, три утра. Так?

— Знаю, что ты соблюдаешь режим, но здесь уж ничего не подделаешь.

Еще одна бессонная ночь. И днем не подремлешь: надо продумать, как принять участие в гангстерской войне, никого при этом не убивая.

Морли Дотс мог бы сказать, что мне предоставляется прекрасная возможность продемонстрировать свою независимость от Чодо. Но он упустил бы из виду, какой рычаг воздействия на меня приобретают Садлер и Краск. И кстати о Морли — где он? Сейчас как никогда мне нужна его дружеская поддержка. Я уж не говорю о Плоскомордом.

— Послушай, ты так и не знаешь, куда подевались Дотс и Тарп?

— Не. Все еще в бегах?

— Похоже на то.

По его ответу я понял, что он действительно не знает, где обретаются мои друзья. Наверное, меня убедило безразличие, с которым он это произнес.

— Уж не думаешь ли ты притащить их сегодня ночью с собой?

На сей раз в его тоне было нечто такое, что заставило меня насторожиться. Над его словами следовало подумать.

— Нет. Просто не видел их с начала заварухи. Беспокоюсь.

— Хм. Ну ладно. Я слишком засиделся. Надо двигаться. Не хочу, чтобы меня узнали. Встретимся у придорожного столба на спуске с Холма по пути к дому Чодо. В два часа. Не забудь амулет.

— Сделаю.

Садлер удалился сгорбившись, словно ему сто десять лет. У него это здорово получалось. Издали его узнать было невозможно.

Интересно, что они предпримут, если я не появлюсь? Он оставил пакет с крошками. Я думал и кормил голубей.

Мои размышления прервал какой-то кретин, горевший желанием поведать мне о последних событиях в Кантарде.

36

Не успел я пройти и квартал, как рядом со мной зашагала Торнада.

— Ну и везет мне сегодня.

— О чем шла речь? — поинтересовалась она.

До чего же толстокожа эта Торнада! Интересно, возможно ли ее вообще чем-то оскорбить?

— Какая речь?

— Да твоя беседа на ушко с этим Садлером, парнем Чодо.

У девицы, оказывается, острый глаз. Его маскировка не ввела ее в заблуждение.

— К твоим многочисленным очаровательным чертам характера можно приплюсовать и чрезмерное любопытство.

— Да, многие об этом говорят. — Она одарила меня широченной улыбкой, сопроводив ее товарищеским тычком в плечо.

Смогу ли я когда-нибудь к ней привыкнуть? Говоря по правде, я надеялся, что в этом не возникнет необходимости. Иногда мне

страшно хочется, чтобы те силы, что выступают против нее, взяли верх.

— Вообще-то я могу догадаться, о чем вы толковали.

— Валий пробуй.

Я решил ускорить шаг, чтобы она не смогла утнаться. Это мне немного помогло. Я успел прошагать полдороги до дома. Она топала следом, пыхтя и сопя. Бедная деревенская девка-переросток.

— Как тебе такой вариант, Гаррет? Садлер и его дружок сообщали, что их шансы вылезти наверх не будут стоять и ломаного гроша, если босс доберется до книги.

Она насмешливо фыркнула — так, как это умеет только Тарп, когда звук образуется где-то у него в брюхе.

— Парни встретились. Высказали все друг другу прямо и решились, что заслуживают лучшей судьбы. Ну как?

— Так это ты следила за мной все время?

Я ни разу не заметил ее, впрочем, как и никого другого, если это была не она. Очень плохо, если она рядом, а я ее не вижу. Ни ее, ни этого пугающего наряда.

— Нет, только с того времени, как ты ушел от Истермана. Так эти ребята хотят, чтобы ты им помог подняться наверх?

Неужели я чем-то себя выдал? Обычно мне прекрасно удается скрывать мысли.

— Так я и думала! — рассмеялась она. — И когда они собираются это сделать?

— Что ты несешь? Накурилась «травки»?

— Само собой. Мое воображение разгулялось. Ты когда-нибудь видел место, где живет Чодо?

— Я там бывал.

— Держу пари, тот, кто сумеет его обчистить, обеспечит себя на всю жизнь.

— Жизнь того, кто попытается, окажется недолгой.

— Громовые ящеры? Чепуха. У твоих приятелей отыщется способ проскочить мимо них. Я пойду следом, залягу, пока они будут творить грязные дела, набью мешок самым дорогим барахлом и свалю среди общей неразберихи. Тоже мне большое дело!

Неизлечимая оптимистка.

— Как ты выкроила время взглянуть на его дом?

— Сумела. Ты так громко шумел о том, какой он скверный парень, что я решила сама проверить.

— Ты вообще спишь когда-нибудь?

— Во мне масса энергии. Так и должно быть, если человек честолюбив. Ты, Гаррет, похож на сидящую в коробке черепаху. Шагу не сделаешь, если с голоду не докнешь. Да если и хочешь жрать, все едино далеко не пойдешь. Ты никогда ничего не достигнешь, Гаррет.

Похоже, она начала брать уроки у Дина.

— Ничего, как-то ухитрюсь сводить концы с концами. У меня даже есть собственный дом. Не многие могут этим похвастаться.

— Наслышана, как ты сделал эти деньги. Прежде чем ты сдвинулся с места, в твой зад долго втыкали булавки. Затем нырнул в дерьмо и вынырнул с мешком золота.

Примерно так все и было. Но мне кажется, что я честно заработал те деньги.

Я поднялся по ступеням к дверям. Торнада пошла следом. Я хотел было оставить ее за порогом, но вспомнил свою милую шутку с Дином. К черту! Старик пойдет только на пользу, если его изнуренное сердце станет биться чуть чаще. Я постучал.

Дин открыл дверь и поднял глаза на Торнаду. Старик недовольно скривился, но промолчал. Зато Торнада не молчала:

— Как дела, папочка? У тебя не осталось того замечательного пивка? Я высохла, как мумия.

Она дружелюбно толкнула старца в грудь, и тот чуть не рухнул. Восстановив равновесие, он отправился прочь, покачивая головой.

Только заперев за ней дверь, я припомнил, как мне трудно пришлось во время последнего визита Торнады. Надо было поговорить с Покойником, но я не мог оставить ее болтаться в одиночестве — боялся, что кое-что из моих вещей может перекоцевать в ее карманы.

— Пошли. Тебе пора познакомиться с моим партнером.

Не следовало использовать слово «партнер» так близко от логхира. Он может этим когда-нибудь воспользоваться.

Партнер возрадовался при ее появлении так, словно ему вдруг объявили, что он явится главным действующим лицом на аутодафе. Карла Линдо ухитрилась на время очаровать его, но и она была женщиной, присутствия которых Покойник принципиально не мог

долго выносить. Торнада сильно отличалась от Карлы Линдо. Например, была не так изящна.

— А это что такое?

— Покойник. Мой соратник. Не столь стремителен, как другие, но свою работу делает. Если запалить под ним костер.

— Но это же не человек, Гаррет! Это нечто. Хобот, как у мамонта. Господи, до чего же отвратительный. И жирный к тому же.

Да, весьма тонко чувствующая особа эта Торнада. Сплошное очарование.

«Гаррет!»

Похоже, мы застали его спящим. Я ожидал, что он заведется быстрее.

— Новости из Кантарда, Старые Кости. Твой приятель вроде бы ускользнул еще раз. Сделал так, что большие ребята сшиблись лбами...

«На этот раз ты перешел все границы! Зачем ты приволок это создание в мое жилище?»

Ого! Он вне себя. Покойник всегда очень точно выбирает слова. Если бы он просто хотел завязать свару, чтобы убить время, то сказал бы «в мой дом». Итак, «мое жилище»... Ему действительно это не нравилось. Он чувствовал себя оскверненным.

— С нее ни на секунду нельзя спускать глаз. Не хотелось бы, чтобы неразборчивый в средствах мертвяк прихватил ее, когда...

«Прекрати валять дурака! Играй в эти игры с Дином, если тебе нейдет. Я тебя знаю. Делай что надо и гони ее прочь».

Вот это да! Он горел желанием работать, после того как я от нее избавлюсь. Отлично. Наконец-то я нашел способ выкрутить ему руки.

«Гаррет!»

— Хорошо, хорошо.

Торнада смотрела на меня, как на психа, пускающего изо рта пузыри. Покойник не делился с ней своей частью беседы.

— Ты разговариваешь с этим предметом?

— Естественно. Он помер, но он — с нами.

«Докладывай, Гаррет. Кончай с этой чепухой».

Я рассказал ему все в мельчайших деталях.

«Полагаю, что тебе следует включиться в игру».

На сей раз он дал Торнаде возможность услышать свои мысли

Она подпрыгнула чуть ли не на фут, сжав виски ладонями. Ее глаза расширились. Она была потрясена и пыталась сообразить, не читает ли он ее мысли с такой же легкостью, как передает свои. Думаю, она напала бы на него, если бы не оказалась в шоке.

— Включиться? Использовать все свое искусство? Как я выскочу из игры, не совершив убийства, когда начнется побоище? Или по крайней мере не став соучастником?

Покойник послал мне мысленный эквивалент пожатия плечами.

«Выкрутишься. Ты всегда выкручивался. Лучше расскажи подробнее, что произошло в Кантарде».

Он вернулся к нормальному состоянию. Опять принялся за свое. Так ему казалось.

— Может, ты подскажешь, как поступить, чтобы они меня не прикончили, после того как я им помогу?

«Послушай, Гаррет. Твой упорный отказ самостоятельно думать становится для меня обременительным».

Он выдержал паузу.

«Поскольку тебе симпатично создание по имени Торнада, а она высказывает желание принять участие в экспедиции, то почему бы не взять ее с собой? Она уже показала, что способна совладать с одним из них. Я чувствую, что вы образуете непобедимую команду».

Неужели я сам напросился на это и сам провел всю подготовительную работу? Я не мог поднять шум из опасения, что Торнада тут же примется за меня и поставит на голову.

Мысленный сигнал насмешки. Но только для моего употребления. Старый дьявол!

Это явно не мой день. Это явно не моя неделя. Если я помогу замочить Чодо, вся жизнь может оказаться не тем, что надо.

— Мне это подходит, — заявила Торнада.

Еще бы! Она уже успела пригласить себя участвовать. Теперь у нее имеется на это и благословение Покойника.

Я заметил, что она быстро восстановила душевное равновесие. Покойник перестал быть сенсацией. Торнада выжидательно смотрела на меня — насколько изобретательным я окажусь, пытаюсь от нее избавиться.

— Гаррету следовало бы сделаться клоуном, — пробормотал я. — Он давно уже стал всеобщим посмешищем.

Покойник рассмеялся беззвучно, но зловеще. Торнада хохотала громогласно. Услышав позади себя какой-то звук, я оглянулся. В дверях торчал Дин, ухмыляясь от уха до уха. Память уже не удерживала долгов, по которым следовало с ними рассчитаться. Чтобы не забыть все их пакости, мне, видимо, придется вести дневник.

37

Не знаю почему, спровадив Торнаду, я ушел из дома. Наверное, потому, что Покойник меня оседлал и начал вонзать шпюры в мои бока все глубже и глубже. Шутка о Торнаде оказалась бумерангом. Я теперь не осмеливался войти в кухню — Дин тоже ополчился против меня.

Прогулка на свежем воздухе выглядела заманчиво. Тем более что Покойник пожелал узнать, как обстоят дела у Гнорста. Я охотно ухватился за эту идею.

Итак, я отправился к Чихуну. Но пришлось ограничиться приветом через привратника. Гнорст не принимал. Мне показалось, что сын Гнорста в первую очередь отказывался принимать людей, связанных со старинными дружками.

Я направился домой. Мне хотелось вытащить Карлу Линдо из ее комнаты и выплакаться у нее на плече. Она такая понимающая и не мучает меня. Чем больше я об этом размышлял, тем сильнее мне казалось, что в недалеком будущем мы станем с ней большими друзьями. Я был преисполнен сладкими предвкушениями.

Вы, наверное, заметили, что, как только у меня возникают положительные эмоции и я начинаю оптимистично мыслить, со мною обязательно что-то случается. Божок, который отвечает за полотенца в небесном сортире, имеет и побочную работу — портить жизнь Гаррету. Лучшего занятия для этого ничтожного, никчемного божьихи придумать не смогли. Но он так успешно с ним справляется, что его вскоре смогут повысить по службе.

Я находился в квартале от дома, поспешая по Дороге Чародея к Макунадо-стрит. Вдруг я замер.

Они возникли из ниоткуда, тщательно отрезав мне все пути отступления. Шестеро. Я их не знал, но сомнений нет. Наверняка ребята Чодо.

Улица опустела, как по мановению волшебного жезла. Я стал принимать позы, описанные в руководствах по боевым искусствам, сопровождая каждую воинственным кличем. Такое поведение их озадачило и слегка сбило самоуверенность.

Но в деле они оказались хороши. Так, собственно, и должно было быть. Иначе они не играли бы в первой команде Чодо. Их предупредили, чего от меня ожидать, а именно самого неожиданного. Я славюсь тем, что в моем рукаве всегда припрятаны хитроумные трюки.

Но сегодня у меня ничего не было в запасе, не считая старомодного блефа. Я заставил одного из парней обернуться, заорав:

— Привет, Морли! Ты как раз успел на вечеринку! — Единственная польза от Морли за всю последнюю неделю.

Уложив парня ударом ноги в прыжке, я бросился бежать и промчался целых шесть футов. Дальше бежать было некуда. Передо мною высился дом.

Они приблизились. Я поднял дубинку. Началась общая свалка. Двоим я сумел врезать очень прилично. Меня не волновало, насколько сильно они пострадали. Очевидно, я им нужен живым. По крайней мере на некоторое время. Само собой, никто никому ничего не пытался объяснить.

Потасовка продолжалась дольше, чем они планировали. Наши танцы и прыжки вызвали любопытство наиболее отважных соседей и в первую очередь ребятишек. Некоторых я знал. Неужели они мне не помогут? Неужели не помчатся к моему дому сказать, что я попал в беду? Нет.

Есть маленькие люди, нуждающиеся в защитнике, рассуждал я в свое время, впервые примеряя скрипучие доспехи идеалиста. Но частенько поведение этих людей отбивает охоту вызволять их из беды. Иногда они делают все для того, чтобы их участь показалась вполне заслуженной любому идеалисту на белом коне.

Я продолжал шоу, пока кто-то не выхватил из моих рук дубинку и не испытал ею на прочность мой череп.

У меня под ногами разверзлось черное озеро. Я не нырнул в него. Я шлепнулся в него плашмя и стал плавать, оставив на поверхности лишь нос, чтобы дышать. С трудом припоминаю, как два костолома волокли меня, а третий подзывал поджидающую поблизости карету. Экипаж подкатил. Мои дружки зашвырнули меня внутрь. Кто-то побарабанил по моему черепку, а затем они навалили на меня раненых.

Моя голова высывалась из-под кучи тел, и один из уцелевших ребят непрерывно легонько постукивал по ней трофейной дубинкой, словно решил создать полный набор разнообразных синяков и шишек.

Я поклялся воспроизвести на нем весь ассортимент, если у меня появится такая возможность.

Даже мой череп имеет пределы прочности. Вскоре я отправился в царство снов.

И в подобном сне есть светлые стороны. Прежде чем мы выехали из города и до того, как я пришел в себя, чтобы начать страдать от чудовищной головной боли, они успели избавиться от трех наваленных на меня парней. Черт побери. Я их победил. Численное превосходство теперь на моей стороне.

Головная боль усилилась. Я ощущал ее сильнее, чем до этого. Видимо, на сей раз у меня небольшое сотрясение мозга. Я успел облевать весь пол кареты. Наверное, только что. Парень с дубинкой все еще продолжал меня всячески поносить. Его партнер, сидевший спиной к лошадям, заметил:

— Что ты хочешь? Ты же не мог остановиться — все долбал его.

— Наверное, кончится тем, что мы его замочим. А он, гад, устроил здесь такое дерьмо.

— Да, сразу видно, что человек не привык заботиться о ближних.

— Да уж точно. Теперь придется чистить. Почему-то разгребать дерьмо постоянно приходится мне.

Мизантроп и философ. Философ произнес:

— Но ты же не станешь поднимать шум, когда придет твоя очередь рыться в дерьме? Ты просто вежливо согласишься.

— Ни за что, — мрачным тоном.

Философ фыркнул. Интересно, как парень с таким реалистическим подходом к жизни мог существовать в избранной им нише?

— По крайней мере мы знаем, что он пока не помер. Мне не приходилось видеть, чтобы жмурик блевал. Чодо взбесился бы, если бы мы доставили ему мертвеца.

— Почему? Он все равно им станет.

— Нам сие не известно. Босс такого не говорил.

— Дерьмово.

— Ладно. Вообще-то сомнений почти нет. Но Чодо прежде хочет с ним потолковать. Может быть, извиниться. Они раньше были корешами или что-то вроде того.

Что-то вроде того. Я никогда не рассчитывал, что благодарность Чодо окажется бездонной. Сейчас меня больше занимало, есть ли связь между тем, что со мной происходит, и разговором с Садлером.

— Дерьмово. Он просто псих.

— Точно. Но, кроме того, он Большой Босс.

Ворчание, ворчание, обильно одобренное излюбленными непристойностями. Интересно, догадались ли они, что я пробудился ото сна? Может, просто решили меня развлечь?

Философ начал восторгаться ландшафтом. Любитель природы. Такое иногда случается с городскими парнями, оказавшимися в сельской местности. Вид кривой старой ивы способен привести их в восхищение. Из его замечаний я понял, что мы уже находимся на дороге, ведущей к владениям Чодо. Она шла через лесистые холмы. Значит, мы движемся в одной-двух милях от места, где ночью мне предстояло встретиться с Садлером и Краском. На северных склонах холмов леса уступят место виноградникам, хотя вдоль дороги деревья еще останутся. Если я хочу сохранить остатки здоровья, следует что-то предпринять до того, как мы достигнем виноградников. Там, даже если и убежишь, укрыться будет негде.

Однако мое тело не желало ничего предпринимать. Через неделю оно, быть может, и согласится чем-нибудь заняться. Если к тому времени опадут все опухоли.

Трудно ожидать от организма чего-то иного, если ваш котелок использовали как барабан.

Лошади тянули с большим трудом. Похоже, мы карабкаемся на холм, именуемый Шмелиное Гнездо. Затяжной крутой подъем. Близи вершины дорога описывает петлю в форме буквы «S», взбираясь

вдоль почти отвесного склона, и, перевалив через хребет, резко идет вниз, туда, где кончается лес. Прекрасно. Остается только вывалиться из экипажа и, преодолев обочину, скатиться по крутому склону. Я исчезну прежде, чем эти придурки успеют закрыть рты.

Мое тело получило приказ подготовиться. В ответ оно послало меня к дьяволу. Тело не желало двигаться. Каждое движение причиняло боль.

Карета остановилась. Мизантроп, высунув голову наружу, спросил у возницы:

— В чем дело?

— Не знаю, — ответил тот. — Лошади не желают идти дальше.

Это надо же! Мы с лошадьми совершенно не уживаемся друг с другом. Если им предоставляется возможность мне досадить, они не преминут ею воспользоваться. Странно, что они не желают мчаться галопом к месту моей казни. Не исключено, правда, что чудовища захотели расправиться со мной самостоятельно, до того, как это сделает Чодо... Черт побери. Не могу допустить подобного издевательства. Однако чувствовал я себя ужасно скверно.

Философ подтолкнул мизантропа к выходу.

— Пойдем, чучело, посмотрим. Но не тани лошадей. Может быть, они что-то чувт.

Выбравшись из кареты, они продолжили беседу.

— Может, это банда сапожника? — сказал философ. — Если бы мне поручили устроить засаду, я выбрал бы именно это место. Как раз перед вершиной. Там, где слева скала, а справа — обрыв. Нам там негде будет укрыться.

Началась дискуссия. Унылый готов был спорить, что никакой засады нет и надо катить дальше. Философ стоял на своем.

— Почему бы тебе не подняться и не посмотреть?

Спор разгорелся с новой силой.

— Задница — вот ты кто, — насмешливо объявил мизантроп. — Я тебе докажу.

Послышался звук удаляющихся шагов. На ходу парень продолжал высказывать свое мнение о философе в терминах, заставивших меня покраснеть.

Давай же, Гаррет! Твое время пришло. Они передали тебя в твои собственные руки. Надо всего лишь выпасть из экипажа и

скатиться вниз по склону. Или, наоборот, выкатиться из кареты и упасть со склона. Давай. У тебя хватит на это умения.

Тело ответило частичным согласием и позволило приоткрыть один глаз.

Я это сделал, но ни черта не увидел. Они положили меня лицом к глухой стене кареты.

— Что-то происходит, — заметил кучер. — Он почти остановился.

Быть может, у философа было плохое зрение?

— Эй, Обаяша! В чем дело? — прокричал он.

Жаль, не было сил смеяться. Обаяша? Это что, у него кличка такая?

Неужели у Гаррета возникло подсознательное желание смерти? Голос философа доносился откуда-то спереди. Они оставили меня лежать в одиночестве, и мне оставалось всего лишь чуть-чуть повернуть голову и осмотреться.

Ну давай же, Гаррет! Я набрался достаточно сил, чтобы приподнять голову и убедиться, что они не запеленали меня в веревки и не заковали в цепи. Я мог выскочить и убежать, оставив всю блевотину на память злодеям.

Обаяша проорал что-то о зловонии. Я услышал шаги. Будучи не по годам умыным, я тихо улегся и прикинулся парнем, намеревающимся прохрапеть еще неделю. Философу, наверное, не часто приходилось встречать ребят, способных так быстро прийти в себя после подобной встряски. Поверив моему несчастному виду, он вытащил из-под сиденья запрещенный законом длиннющий меч и затопал вверх по дороге, бросив через плечо кучеру:

— Оставайся на месте.

Кучер проклинал лошадей. Животные начали проявлять беспокойство.

Тело понемногу подчинялось моей воле. Осторожно, чтобы не раскатить карету и не насторожить кучера, я приподнялся на колени. Затем через открытую дверцу посмотрел на окружающий лес. Вообще-то я не большой любитель природы, но сейчас все эти колючки, сучья и заросли ядовитого плюща казались просто прекрасными. Чуть продвинувшись вперед, я высунул голову и бросил взгляд вверх по ходу дороги.

Один из парней был уже почти у самой вершины. Он явно чувствовал себя не в своей тарелке. Его удерживало там лишь бахвальство. Другой, с мечом в руке, тяжело поднимался в гору.

Один быстрый нырок, Гаррет. Лучшей возможности тебе не представится.

«Ха! — заявило тело. — Ничего у тебя не получится».

Но все же понемногу я приходил в себя. Они дали мне для этого достаточно времени. И теперь, толкуя о чем-то там наверху, позволяли оправиться еще больше. Любопытно, что там происходит? Не менее интригующим было и упоминание о сапожнике.

Возможно, я соображу, в чем дело, если только останусь жив.

38

Если я немедленно не унесу отсюда свою задницу, то потеряю не только значительную часть уважения к себе, но и упомянутую задницу. Мне придется жалеть об этом всю оставшуюся жизнь. Я начал двигаться, вспомнив заповедь морского пехотинца — лучше делать что-нибудь, чем не делать ничего.

Я свесил ноги и утвердил их на дороге. Это отняло почти все мои силы и, к сожалению, разбудило возницу. А я-то надеялся, что у меня будет по крайней мере минута, чтобы подготовиться к спуску. Парень на козлах взревел диким голосом.

Обаяша увидел меня и заорал. Философ завопил. Оба помчались по дороге вниз.

Кучер взвыл снова, но на сей раз обеспокоил его не я. Я заставил себя распрямиться и засеменить вперед. Я не смотрел, куда направляюсь, так как был слишком занят: разглядывал чешуйчатую, размером с бочку зеленую голову с заспанными глазами, возникшую из-за пригорка. Чудовище изумленно ухнуло и ослабло, обнажив тысячу десять гигантских зубов. Оно пробудилось ото сна и теперь вздымалось все выше и выше.

Лошади начали краткую дискуссию, как быстрее убраться отсюда, и тут подо мной разверзлась земля.

Склон оказался значительно круче, чем я думал. Я полетел вниз. Меня вращало, я скользил, падал, рикошетируя от деревьев и

пролетал сквозь кустарник. Каждая ветка или камень оставляли на моем теле автограф. Наконец падение прекратилось, и я замер в кусте прошлогоднего чертополоха в позе распластанного орла. Интересно, оправдает ли конечный результат затраченные усилия?

Там, наверху, лошади нашли способ развернуться и теперь устремились вниз. Кучер размахивал кнутом, будто энтузиазм животных нуждался в дополнительном подстегивании. Футах в пятидесяти за каретой мчались философ и Обаяша, громогласно требуя, чтобы возница их подождал. Большой и страшный зверь поднялся во весь рост. Он тоже выбрался на дорогу и теперь набирал скорость.

Все это выглядело бы забавно, если бы я сам не был участником представления. Я залег в ложине, стараясь слиться с ландшафтом и прикинуться чем-то недостойным внимания и несъедобным.

Ни упряжка лошадей, ни тем более человек не способны убежать от зверя, добывающего средства к существованию при помощи лап длиной в пятнадцать футов. С другой стороны, тридцатифутовому чудовищу непросто мчаться по узкой, извилистой дороге, ширина которой на поворотах не превышает восьми футов. Громовый ящер почти достал Обаяшу, но тот успел нырнуть за поворот, с одной стороны которого шла вверх вертикальная стена, а с другой находился обрыв глубиной в сорок футов. Чудовище врезалось в скалу, от удара его отбросило в сторону, и оно свалилось в ущелье. Я слышал, как зверь во время полета поносил мир на своем громово-ящерном языке.

Зеленое чудище, надо отдать ему должное, оказалось упорным. Оно отряхнулось, вырвало для самоутверждения несколько деревьев и вновь отправилось на лов. Зверь чувствовал, что, претерпев такие страдания, он просто обязан кого-нибудь отловить. Зеленый слегка прихрамывал. Быть может, вывихнул лодыжку (если у громовых ящеров есть лодыжки).

К тому времени, когда охота удалась от меня на почтительное расстояние и стала неслышной, я едва дышал. Затем осторожно начал двигаться. До меня доходили слухи, что эти твари бегают стаями. Вдруг зверь заметил, как я валился с холма? А что, если он ждет, когда Гаррет сам к нему приползет? Здесь, на холмах, он только и делает, что сидит и поджидает появления из города своих завтраков, обедов и ужинов.

Я посмотрел на склон, с которого совершил спуск.

— Нет, надо менять работу, — пробормотал я, пускаясь в путь прихрамывая. — Тем более люди вовсе не желают, чтобы их спасали.

Предложение Вейдера становилось все более и более привлекательным. Никто не захочет меня бить, не надо будет падать с гор, никто не станет возить меня на расправу. Я смогу пить пива, сколько пожелаю. Открою кран и останусь лежать под ним, пока не стану толстым, как Покойник. Вот это жизнь!

Работенка у Вейдера будет казаться заманчивой, пока не пройдет боль.

Мириады ушибов и синяков на теле вновь пробудили мой гнев, который несколько поостыл, когда стало ясно, что Тинни поправится. Я снова увидел ее лежащей на улице с торчащей из спины рукояткой ножа, и это напомнило мне, что, как бы я ни ныл, во всей этой безумной заварухе у меня есть свои обязательства. Весьма личного характера.

Среди нас всегда будут Змеюки. Как бы мы ни старались, истребить их всех просто невозможно. Да и не все желают, чтобы они были истреблены. В каждом из нас живет часть Змеюки, поджидая момента, чтобы громко заявить о себе.

Взгляните только на типов, разыскивающих Книгу Видений. Ведь ни один из них не был изначально плохим.

А теперь я даже начал сомневаться в благородстве намерений Карлы Линдо.

Мы не можем избавиться от Змеюк, но мы способны уменьшить наши страдания, расчищая время от времени заросли социальной несправедливости. К этому моменту мои взгляды претерпели радикальные изменения, и я заковылял энергичнее. Приоритеты в моем списке дел, требующих отмщения, тоже существенно изменились. Отрицательное отношение к авантюре Садлера и Краска испарилось. Я нес свою боль как боевое знамя. Оно развевалось, ведя меня к Чодо, и ничто не могло меня остановить.

От Шmeliного Гнезда до моего дома не более шести миль — пара часов неторопливой ходьбы. Я двигался более чем неторопливо и в пару часов не уложился. Многочисленные увечья не позволяли увеличить скорость.

Ковыляя домой, я не увидел гнезда, давшего название холму. Даже не заметил ни одного шмеля. Не увидел я и своего друга Обаяшу с его философствующим приятелем. Лишь вдалеке виднелись темные деревянные обломки, похожие на остатки кареты. От поисков выживших я отказался.

Я пришел домой в ярости на себя за то, что позволил Покойнику отправить меня к главному карлику. Ведь я с самого начала понимал, насколько это никчемная затея.

Дин открыл дверь. Старик сразу заметил, что я не в форме и не настроен вступать в дискуссии. Он молча исчез. Я прошел в кабинет, захлопнул дверь и даже не позволил Дину принести пива. Я поговорил с Элеонорой, и мы заключили пакт. Несмотря на боль и страдания, я продолжу раскопки и добуду книгу. Кроме того, сделаю все, чтобы число злодеев уменьшилось. Элеонора одарила меня столь редкой для нее одобрительной улыбкой.

— Знаешь, милая, похоже, что я все-таки не способен перестать быть Гарретом.

По пути вверх я задержался — попросить Дина принести мне кувшинчик пива и аптечку первой помощи.

39

Хотя до ужина было еще далеко, для меня уже миновал полный событий день. Я решил слегка перекусить и немного вздремнуть. Может, пока я сплю, мое подсознание совершит чудо и авантюра, затеянная против Чодо, покажется благородным делом славных парней. Если ушибы и опухоли позволят передвигаться, я со спокойной совестью смогу принять в ней участие.

Так я планировал, но остальной мир не разделял моих взглядов.

Дин растолкал меня прежде, чем я окончательно успел уснуть.

— Его милость желает вас видеть. Он обвиняет вас в манкировании своими обязанностями.

Да, я не выкроил времени для доклада. Логхир не ощущает боли, не испытывает физической усталости и забывает, что остальные не избавлены от страданий. Плохое настроение и упадок духа

Покойник понять способен, так как его существование сведено к психическим процессам.

Пришлось отправиться вниз на доклад. Карла Линдо как раз выскользнула из его комнаты. От ее улыбки мой позвоночник, несмотря на отвратное состояние здоровья, мелко завибрировал. Мешок с костями ухмыльнулся про себя. Общение с Карлой Линдо так подействовало на эго логхира, что он был готов штурмовать небольшие города. Не она ли заставила Покойника вызвать меня? Похоже, девица начинает испытывать нетерпение.

Он быстренько проанализировал мои мысли, избавив от необходимости говорить.

«Ты не сомневаешься, что это были люди Чодо Контагью?»

Увы, я не мог дать ответ, на который он так надеялся.

— Нисколько.

«Я считал, что до этого дело не дойдет».

— Так же, как и я. Мне повезло. Удалось ускользнуть. Мерзавец оказался настолько сентиментальным, что решил объяснить, почему меня необходимо прикончить. В следующий раз такой возможности не представится.

Как только Чодо узнает, что затея сорвалась, он тут же даст команду. Не исключено даже, что объявит открытый контракт на убийство.

«Пока об этом беспокоиться рано. Во-первых, ему еще надо узнать, что тебя не сожрали вместе с другими. Во-вторых, учитывая, что его благорасположение к тебе хорошо известно, Чодо постарается скрыть изменение отношений, так как это вызовет массу вопросов, способных подорвать доверие к нему. Он — существо гордое и тщеславное. Власть его в значительной степени зиждется на распространенном убеждении, что он действует в рамках законов криминального мира. Чтобы убедить всех в необходимости твоей смерти, ему придется привести доказательства. Правду он сказать не сможет. Это означало бы его конец».

— Это, однако, не мешает его ребятам втихую прирезать меня за дополнительное вознаграждение.

«Нет», — признал он.

— Что ты можешь предложить?

«Теперь для нас на первое место выходит проблема выживания. Поиски Книги Видений отходят на второй план».

А некоторые еще удивляются, почему его считают гением.

Сам я, конечно, до столь глубокой идеи никогда бы не дошел.

— Единственный способ для этого — убить Чодо раньше, чем он прикончит меня.

«Естественно».

— Я никогда никого преднамеренно не убивал.

«Знаю», — проворчал Покойник.

— Неужели мое стремление жить так, как мне хочется, стоит жизни другого человека?

Я мог бы уехать из города. Навсегда. Потому что, когда я скроюсь, не останется никого, кто мог бы остановить Чодо — если, конечно, Садлер и Краск не преуспеют в своей затее и без моей помощи.

«Решить можешь только ты сам».

— Мнение твое и Дина тоже много значит.

«Я просуществовал много столетий до того, как мы встретились. Каким бы ни оказалось твое решение, я переживу».

Не сомневаюсь.

— Ты здорово навострился поднимать дух собеседника.

Однако меня волновала не только забота о его благосостоянии. Каков бы ни был выбор, мое эго значительно пострадает. Если я уеду, то всю оставшуюся жизнь буду сомневаться в своем мужестве. Убийство Чодо тоже сильно уронит меня в собственных глазах.

— При любом исходе я терплю поражение.

«В данном случае вопрос о победе или поражении вообще не встает. Так же, как о добре или зле. Твоей смертельно опасной слабостью, Гаррет, является склонность к излишней рефлексии. Ты стремишься усмотреть во всем моральную проблему. Борьба за жизнь не может быть аморальной. Перестань раздумывать. Прекрати переусложнять проблемы. Решай, хочешь ли ты провести остаток жизни в Танфере или где-нибудь еще. Придя к нужному решению, действуй соответственно».

Когда логхир хочет, то может ободрать все мясо с костей и добраться до самой сути. При этом он настолько хорош в логике, что эта суть оказывается вовсе не тем, чем представлялась вначале.

Дин сунул голову в комнату.

— Вас желают видеть, мистер Гаррет.

— Кто?

— Необыкновеннейшая личность, — ответил он с намеком на улыбку.

Я посмотрел на Покойника, но тот мне ничего не подсказал. Выйдя из комнаты, я спросил:

— За дверью?

— Никак не мог решить, впускать ее или нет. Лично мне кажется, что она вовсе не ваш тип.

— Вот как? Вообще-то у меня три излюбленных типа женщин: блондинки, брюнетки и рыжие.

— Как правило, вы испытываете влечение к одному физическому типу, мистер Гаррет. Как заметил мистер Дотс, им всем в пору белье одного и того же размера.

— О?

А я-то считал себя человеком широких взглядов — своего рода эклектиком. Я распахнул дверь.

— Наконец-то, — произнесла Торнада.

От удивления я открыл рот. Дин рассмеялся, а все волнения этого дня отошли на второй план.

Торнада объявила:

— Я тут подумала и решила. Надо прийти пораньше, затаиться и посмотреть, как эти олухи Садлер и Краск ввяжутся в драку. Нам останется винить только себя, если мы ухитримся подвернуться под шальную стрелу.

В ее словах определенно был смысл, но мне не хотелось размышлять на эту тему.

— Ты будешь держать меня под открытым небом или, может, все-таки пригласишь в дом выпить пивка?

40

Если серьезно, Дин, конечно, прав. Торнада — не мой тип женщины, она вообще ничей тип. Я провел ее в кабинет, попросив Дина принести пиво. Я уселся. Торнада заняла второе кресло и посмотрела на Элеонору так, словно была способна уловить суть картины. Не исключено, что действительно могла.

— Ее, Гаррет, рисовал странный тип.

— Непризнанный гений по имени Снэйк Брэдон. Полный псих.

Почему ты так рано?

Я-то надеялся ускользнуть до ее появления. Она, видимо, догадалась об этом. Эта женщина вовсе не глупа.

— Хороший у тебя дом, Гаррет.

— Парочка удачных дел. Ты чего-нибудь разнюхала, прежде чем явиться?

— Парочка дел? Люди говорят, что ты везунок, но твоим другом быть опасно.

— Вот как?

— У тебя слишком острый язык, разве не так? Поговаривают, что тебя хотят замочить. Советуют не высовываться — может, пыль оседет.

Чтобы не уснуть, я рассказал ей о приключениях, которые пережил с тех пор, как мы расстались.

Вместо Дина пиво принесла Карла Линдо. Она взглянула на Торнаду и замерла с таким видом, словно по ошибке забрела в мужской туалет. Торнада же смотрела на Карлу так, будто пыталась сообразить, что за существо перед нею. Карла Линдо проиграла эту схватку взглядов. Она поставила пиво на стол и ретировалась.

— У тебя с ней что-то есть?

— Нет. Она просто мой клиент.

— Нельзя сказать, что ее много.

Вопрос спорный. Весьма спорный, особенно если смотреть с того места, где я находился. Мне хотелось узнать, что затевает Торнада. Еще сильнее мне хотелось вздремнуть. Пиво не помогло.

— Интересно, что Чодо прихватил тебя сразу после твоего разговора с ренегатами. Ты не думаешь, что он сегодня будет готов к их визиту?

— Он не дурак, — пожал плечами я.

— Хм. Я думала, как лучше разобраться с его домашними животными. Решила поговорить с охотниками на громовых ящеров, поставить им выпивку и вывести пару трюков. Не нашла ни одного. Кто-то нанял их всех до единого. Какой-то сапожник.

Сапожник, значит? Я догадывался кто. Да, да. Именно этот проклятый дурак.

— Сапожники используют шкуры громовых ящеров для пошива армейских ботинок.

— А ты знаешь, что за тобой следят?

— Да. Последние несколько дней я постоянно чувствую слежку. Думал, это ты.

— Не я. Карлики. Каждый раз, как иду к тебе, вижу, что они здесь крутятся. И морКары тоже. Кто-то нанял одно из племен морКаров следить за тобой. Не знаю, правда, кто.

— МорКары?

Все встало на свои места. Неудивительно, что я не видел, кто ведет слежку. Я смотрю в небо не чаще других. Конечно, если бы они вели себя как голуби, доставляя постоянные неприятности прохожим, пришлось бы чаще задирать голову.

Это объясняло и то, что я временами вообще переставал ощущать слежку. МорКары крайне неорганизованны и безответственны. Они следили за мной тогда, когда у них было настроение.

— Хочешь, я их от тебя отважу? Десять марок. Будут держаться от тебя дальше, чем в десяти милях.

— После того как узнаю, кто подослал их ко мне.

У меня имелись некоторые соображения. Наиболее подходящим кандидатом был Гнорст, сын Гнорста. Воздушная поддержка наземных сил. Именно так должен поступить карлик, просчитывающий все возможные варианты. Чодо я тоже включил в число вероятных кандидатов. Он был достаточно хитер и мог сообразить, что морКары останутся вне подозрений.

Когда я встречался с Садлером, в воздухе находилась морКара. Возможно, Чодо должен стоять первым в списке подозреваемых.

— Спасибо за подсказку.

— Долг за тобой. Расплатишься, захватив меня с собой этой ночью.

Поначалу я не собирался, но теперь — когда удар по Чодо приобрел законный характер — почему бы нет? Любой друг лучше, чем полное отсутствие друзей.

Я снова подумал, куда, к черту, подевались Морли и Плоскомордый. Я уже серьезно беспокоился, но развитие событий не позволяло пуститься на поиски.

Торнада еще раз внимательно посмотрела на Элеонору.

— Ведь у тебя с ней какие-то отношения, правда?

Что ответить на это? Если я скажу да, то это вызовет новый поток вопросов, и мне придется объяснять, что я встретил Элеонору через двадцать лет после ее смерти, и смерти не такой, как у Покойника. Как объяснить сердечную привязанность к существу, умершему в то время, когда ты был ребенком?

— Да. Но я не знаю, как это объяснить.

— Картина сама все объясняет.

Значит, она видит все, что вложил в портрет этот безумец Брэдон. Когда же эта женщина перестанет меня изумлять?

— Я могу понять, почему тебе не хочется об этом говорить. Ладно. Скажи лучше, что мы будем делать. Ведь должно же быть что-нибудь такое, что пойдет нам на пользу. Давай подумаем. Ты в форме для ночного похода?

Она явно нервничала — слишком много болтала.

— Нет, не в форме. Но я должен идти. Если мне не солгали, эта ночь единственная, когда у нас есть шанс добиться успеха.

Я рассказал ей о предполагаемом празднестве.

— Это как раз то, о чем я только что говорила. Пусть он даже знает о нашем приходе, но если не отменит вечеринку, то все равно у нас будет преимущество.

Не отменит. Чодо даже богам не позволит вмешиваться в свои планы. Не такой у него нрав.

— Не будем гадать. Увидим.

Настроение мое с каждой минутой становилось хуже и хуже.

— Мы ничего не достигнем, сидя здесь.

— Точно. Вернусь через миг.

Я прошел к Покойнику и взял камень-амулет, размышляя, сколько времени вмещает миг. Покойник на этот счет ничего не сказал. Поднявшись наверх, я вооружился как мог из своего изрядно обедневшего арсенала. На сей раз я взял обитую мягкой подкладкой шкатулку с флакончиками. Сейчас не время размышлять. Надо выполнять свой долг.

Торнада поджидала меня в дверях кабинета. Ее глаза сверкали. Я помрачнел. Она еще раз схлестнулась с Покойником. Что теперь? Спрашивать я не стал.

Будучи по природе своей джентльменом, я открыл дверь и пропустил ее вперед. Дама есть дама, даже если она смахивает на Плоскомордого.

Переступив через порог, дама сказала:

— Постой.

— Что?

— Подожди здесь, — произнесла она, оглядев улицу.

Соскользнув по ступеням, Торнада побежала. На бегу она не выбрасывала в сторону колени и локти, как это делает большинство женщин.

Закрыв дверь, я прислонился к стене, борясь со сном и стараясь не думать о разлитой по телу боли.

Стук в дверь. Я выглянул в глазок. На меня смотрела Торнада. Она отступила чуть назад, чтобы я смог увидеть ее ухмылку. Я открыл дверь.

На ее плече висел карлик. Он был без сознания.

— Очень упорный маленький мерзавец.

— А?..

— Следил за домом. Подумала, что ты захочешь с ним потолковать, прежде чем мы пойдем на дело.

— Тащи его сюда. — Я прошел в комнату Покойника. — Эй, Весельчак! Посмотри-ка на это и скажи, что мы имеем.

«Карлика».

— У тебя острый глаз. Может, скажешь еще что-нибудь?

«Он следил за домом три часа. Послал его мой друг Гнорст. Я отправлю его назад с серьезным протестом».

— Прекрасно, отправляй. Зачем Гнорст это сделал?

«Полагаю, на тот случай, если ты найдешь Книгу Видений».

— Что еще?

«Его послали потому, что ему ничего не известно».

Естественно. Гнорст знал Покойника и не хотел, чтобы тот пропустил волосатого коротышку через свои жернова.

— Ладно, увидимся позже.

«Тебе удалось заключить мир со своей совестью?»

— Человек должен делать то, что обязан.

«Правильно», — насмешливо фыркнул он.

Мое морализирование его всегда веселит. Покойник, не терзаясь сомнениями, изрезал бы Чодо на мелкие куски.

— Я все сделаю, как надо. Альтернативы у меня нет.

Гора окаменевшего сала исторгла еще один смешок.

— Чодо сам поставил вопрос — он или я.

«У тебя нет необходимости искать оправдания. Этот день неизбежно должен был наступить. Ты и я знали об этом. Мистер Дотс и мистер Тарп знали. Мистер Краск и мистер Садлер знали тоже. Лишь ты, зная, притворялся, что это не так».

Конечно, я тоже, черт побери, все знал. Но я полагал, что это окажется схваткой один на один. Хороший парень против плохого.

«Береги себя, Гаррет».

— Постараюсь.

4 I

Оказавшись на улице, я пошел вслед за Торнадой, погрузившись в собственные мысли. Прошагав несколько кварталов, она спросила:

— Ты боишься?

— Да.

Я боялся и не стыдился этого. Тот, кто не боится Чодо, просто дурак. Или даже хуже.

— А я-то думала, что ты крепкий парень.

— На завтрак я пожираю гвозди и запиваю их кислотой. Затем для разминки даю пинок громовому ящеру. Черт возьми, я настолько крутой, что меняю носки не чаще раза в месяц. Но никакая крутость не поможет, если на тебя попер Большой Босс, а твой единственный друг не может вылезти из кресла, чтобы помочь.

Ее моя речь позабавила.

— Ты уверена, что знаешь, кто такой Чодо?

— Конечно. Нехороший старикан, — рассмеялась она. — Если мы его уделаем, это повысит мою репутацию.

— А его репутации ты не опасешься?

— Бессмертным все едино не станешь.

Я извлек из кармана маленькую шкатулку и еще раз осмотрел флакончики. Рубиновый, самый смертоносный, казалось, поблескивал сам по себе.

— Что это?

— Нечто, сохранившееся от прошлого дела. Может сгодиться.

— Не надо, не говори.

— И не скажу. От тебя можно ожидать, что ты трахнешь меня по башке и попытаешься их сграбастать. А так я хоть буду уверен, что ты не прикончишь себя, когда станешь с ними возиться.

— И чего ты всех подозреваешь?

— Это позволило мне дотянуть до зрелого возраста в тридцать лет. Куда, дьявол тебя побери, мы двигаемся? Мы тащимся на юг, вместо того чтобы шагать к северу.

— Я же тебе сказала, что кое-что придумала. Нам лучше появиться с той стороны, откуда нас никто не ждет.

— Каким образом?

— Я раздобыла лодку. Мы поднимемся по реке до Переката. Оттуда до владений Чодо миля четыре по холмам, в основном через виноградники.

Я застонал. Я и так еле волочу ноги. Все тело болит и ноет. Голова тоже. Я принял болеутоляющее, но оно помогло слабо.

— Похоже, моя гениальность тебя не потрясла?

— Ха. Знаешь, в чем главная сложность быть боссом, Торнада? Что бы ты ни делал, ты всегда окажешься не прав. Что бы ты ни предложил, твои подчиненные скажут, что это глупость и все можно сделать быстрее, дешевле и лучше.

Она рассмеялась:

— Я это заметила, работая на Истермана. Думала, что соображаю гораздо лучше его.

— Так как видела, что он продемонстрировал всю свою глупость, наняв тебя на работу.

— Ты здорово наловчился говорить приятное.

Лодка оказалась одной из тех, которые обычно используются для перевозки людей на восточный берег в район, иногда именуемый Нижним Танфером. Она принадлежала семейству полукровок, не возражавших грести против течения, если деньги будут выплачены вперед. Я заплатил и свернулся калачиком среди груза и парусины, закрыв глаза. Похоже, мне все-таки удастся немного вздремнуть.

Торнада, кажется, собралась последовать моему примеру. Старший паромщик тронул меня ногой. Его звали Скид, и ему было не

менее сотни лет. Несмотря на возраст, Скид был бодр. Ничего удивительного, жизнь на реке полезна для здоровья. Я храпел, ворчал, всеми силами давая понять, что мои умственные способности не превосходят интеллекта черепахи. Приоткрыв один глаз, я спросил:

— Что, уже на месте?

— Нет. За нами идет лодка. Такого быть не должно.

Наверное, Скид жив только потому, что еще не использовал опущенную ему квоту слов.

Торнада — это какой-то каприз природы. Она способна полностью проснуться, едва открыв глаза. Я еще не успел сесть, а моя спутница уже была на ногах и внимательно гляделась во что-то за кормой.

— Где?

Позади нас виднелось множество огней. Думаю, что там было сотни две лодок, почти все похожие на нашу. Сухопутные крысы вежливо величают их «грузовыми»; эти посудины служат своим владельцам и домом, и средством заработка.

Скид присел рядом со мной, чтобы я смог увидеть, на что он указывает.

— Корыто Скилара Зеда. Работает восток-запад, как и мы. На север не ходит.

— О...

Само собой, лодки я не видел, не говоря уж о том, кто ею управлял. Пришлось притвориться.

— Это становится возмутительным, — сказал я Торнаде.

Она снова улеглась, не проявляя ни малейшего беспокойства. Эта женщина все больше и больше напоминала мне Плоскомордого, хотя кое в чем существенно от него отличалась. Она казалась более независимой. Тарпа постоянно волновало, что могут сказать и подумать о нем другие. Торнаде же на это было плевать, или она умело прикидывалась, что ей все до фонаря. Наверное, тем, кто так вымахал ростом, приходится подыскивать удобную для себя линию поведения.

Я еще раз посмотрел на нее. В колеблющемся свете лампы Торнада выглядела вполне пристойно. Она просто была чересчур большой.

— Эй. Расскажи мне что-нибудь о Торнаде.

— А что рассказывать? Я родилась и пока живу. Я то, что ты видишь.

— Расскажи что-нибудь. Откуда ты? Кто твои родители? Как ты очутилась здесь, вместо того чтобы сидеть в своем доме с кучей маленьких Торнад?

— Откуда ты, Гаррет? Кто твои родители? Почему ты здесь вместо того, чтобы сидеть дома и играть с маленькими Гарретами?

— Понимаю. Но я могу и рассказать.

Я поведал ей о семье, из которой уже никого не осталось в живых. Рассказал о годах, проведенных в морской пехоте. Я не смог, как ни старался, объяснить, чем мы занимались на службе, — так, чтобы ей было понятно.

— Что же касается детей, то я их люблю. Боюсь только, что из меня получится вшивый отец. Мне еще самому надо стать взрослым, хотя бы по общепринятым стандартам.

— Это нечестно, Гаррет.

— Я просто убиваю время. Ты не обязана рассказывать.

— Мы станем друзьями, Гаррет?

— Не знаю. Возможно. Пока что-то не очень получается.

Она подумала над моими словами, приподнялась, сплюнула за борт, взглянула в сторону кормы и снова улеглась.

— Как ты думаешь, сколько мне лет?

— Ты примерно моего возраста. Может, слегка моложе. Лет двадцать восемь?

— Ты один из самых деликатных, Гаррет. Мне двадцать шесть. У меня есть ребенок. Ему почти двенадцать. Я не могла выдержать той жизни и ушла. Хотя обычно это привилегия мужчин — бросать женщин с детьми.

Я ничего не сказал. Что скажешь, когда тебе говорят такие вещи? Любые слова будут звучать неискренне или банально.

— Я чувствую себя ужасно виноватой. Но ни о чем не сожалею. Смешно, правда?

— Иногда так получается. Мне пришлось пережить подобное.

— Вроде этой нашей увеселительной прогулки?

— А?..

— Тебе не удастся до конца спрятаться за ловко подвешенным языком и нарочитой небрежностью, Гаррет. Когда мы замочим Чодо, ты начнешь барахтаться в ощущении своей вины, как в большом чане с дерьмом.

— Но без всяких сожалений.

— Да. Знаешь, почему я встряла в это дело? Конечно, деньги и авторитет мне не повредят. Но я с тобой, потому что считаю тебя хорошим парнем.

— Стараюсь. — Возможно, даже слишком. — Но если взглянуть в корень, разница между хорошими и плохими парнями окажется не такой уж и большой.

В качестве иллюстрации я привел несколько своих дел.

Она рассказала, как пришла к своему бизнесу. Это оказалось чуть ли не делом случая. Вскоре после ухода из дома она убила находящегося в розыске известного бандита, который попытался ее изнасиловать. Она обменяла его останки на обещанное вознаграждение и узнала, что ее считают скорее храброй, чем умной, но при этом еще и очень удачливой.

— Репутация, Гаррет, это вещь. Если тебе удалось ее создать и поддержать, ты здорово облегчаешь себе жизнь. Возьмем, к примеру, Чодо. Никто не трогает старикана из-за его репутации.

— Но для нее имеются основания.

— Для этого надо работать. Безжалостность — вот его ключ к успеху. Теперь возьмем тебя. У тебя репутация так, средненькая. Ты больше знаменит тем, что держишь слово и не позволяешь выкидывать фокусы со своими клиентами. Ты, может быть, и тверд, но вовсе не крут. Понимаешь, что я хочу сказать? Тебя нанимают, чтобы избавиться от шантажиста, а ты вместо того, чтобы просто перерезать мерзавцу глотку, пытаешься устроить дело так, чтобы никто не пострадал. Поэтому многие считают, что в глубине души ты слабак. Думаю, они в чем-то правы.

— Да...

Я все понимаю, но не готов пообещать начать в новом году совершенно новую жизнь.

— Думаю, ты опять упустишь свой шанс. Замочишь Чодо и не захочешь, чтобы об этом узнали.

— Ты уже вогнала меня в депрессию.

Она рассмеялась и спросила:

— Ты слышал анекдот о монахинях, медведе и пропавшем меде?

Поведанная мне история полностью отвечала моим ожиданиям. За первым рассказом последовал второй, затем еще и еще. По-

моему, она знала все скабрзные и глупые анекдоты, придуманные в нашем мире, где наличие множества рас открывает бесконечные возможности для абсурдных непристойностей.

— Сдаюсь, — взмолился я. — Обещаю не впадать в депрессию, если ты прекратишь свои рассказы.

— Отлично. Теперь давай подумаем, что нам делать с той лодкой.

Я посмотрел вниз по течению, но по-прежнему ничего не увидел.

— Скид, ты не знаешь места, где мы могли бы высадиться незамеченными?

Немного подумав, он ответил:

— Есть такое место. У Заводи Мельника, чуть выше. Минут двадцать отсюда. Но я думал, вы хотите идти до Переката.

— Когда мы высадимся, вы пойдете дальше. Уведите за собой эту лодку.

— Вы оплатили маршрут. Дамы, вы все слышали? Держитесь поближе к берегу при повороте к Заводи. Вам повезло. Там очень узкий фарватер.

Когда настало время, мы быстро соскочили на твердь. Трюк удался. Пробираясь через густые прибрежные заросли, мы слышали скрип уключин второй лодки. Торнада с довольной ухмылкой шлепнула меня по плечу.

Начался наш поход по пересеченной местности. Мое тело заявило, что проклянет своего хозяина, если тот не прекратит столь пренебрежительно к нему относиться.

42

По моим расчетам было уже за полночь. Мы находились в миле от владений Чодо, и их уже было прекрасно видно.

— Гулянка, видно, в самом разгаре, — заметил я. — Или там бушует лесной пожар.

— Если мы хотим зайти с севера, давай туда и двигаться. К дому начнем подходить позже.

— Да. И останемся с этой стороны склона. Иначе нас могут заметить.

Мы были в винограднике, домики виноградарей располагались поблизости.

— Ты это уже говорил.

— А ты третий раз талдычишь, что надо идти на север.

— Нервничаешь, Гаррет?

— Ужасно. А ты?

— Полные штаны наложила.

— Не заметно.

— Скоро узнаешь.

В небесах над домом Чодо творилось подлинное безумие.

— Тебе не кажется, что морКары перенесли свое представление сюда?

Мы ничего не видели, оставаясь со своей стороны склона.

Мы с Торнадой решили не подниматься посмотреть. Все гости Чодо наверняка высыпали во двор и наблюдают на воздушный бой.

Мы нашли удобный исходный рубеж для атаки ярдах в пятидесяти от границы владений Чодо. В небе продолжали носиться морКары.

— Эти летучие крысы способны и мертвого поднять, — проворчал я.

— Нам надо убить время, Гаррет. Что-то мы рано.

Мы хотели дожидаться, когда Краск и Садлер, перестав меня ждать, решат нанести удар с противоположной стороны и отвлекут громовых ящеров. Тогда двинемся и мы — в надежде, что амулет сработает.

— Да-а, — протянул я, пытаясь определить характер шума. — Мне это совсем не нравится.

Я поднялся на ноги. Стоя я мог видеть, как время от времени с неба срывалась черная точка и проносилась через освещенное пространство над домом Чодо. Похоже, там шла смертельная схватка.

— Интересно, почему они перебрались сражаться сюда?

— Сядь, Гаррет, и начинай потеть кровью, как я.

Если атаки Садлера и Краска не будет или мы ее не заметим, лучше всего начать движение в три — самое прохладное время ночи, когда громовые ящеры становятся вялыми. Если же еще и амулет подействует, то нам придется опасаться лишь собак, воору-

женной охраны, секретных ловушек и всего другого, о чем я не имел ни малейшего представления.

Торнада легла на спину и принялась созерцать звезды.

— Света будет достаточно. С собаками я справлюсь. Вот бы морКары убрались оттуда.

Я что-то буркнул. Я не боюсь собак, но они действуют мне на нервы.

— У тебя есть женщина, Гаррет? Как насчет маленького Живчика, что болтается в твоём доме?

— Живчика?

— Ну да. Морковного цвета. Я придумала ей имя — Живчик.

— Ах, вон что. Да, есть — одна-две.

— Одна-две?

— Тинни Тейт — та, которую ударили ножом. И ещё мне нравится одна, по имени Майя. Давно ее не видел.

— Я слышала о ней. Люди поговаривают. И не только об этих двух. У тебя в этом отношении та ещё репутация.

— Уверен, что сильно преувеличена. Слухи обычно раздуваются невероятно. Нет. Больше никого, кроме, пожалуй, Элеоноры.

— Это кто — Живчик?

— Нет, блондинка на стене в моем кабинете. Она умеет очень хорошо слушать.

— А с Живчиком, значит, — ничего?

— Нет. Мечты и желания. Почему ты спрашиваешь?

— Просто так. Без всяких причин. Нам ведь надо как-то убить время.

Вот, значит, что!

— О...

Я действительно стал туго соображать. Теперь мне придется искать оправдания и при этом не оскорбить ничьих чувств.

— Знаешь, положение, в котором я нахожусь...

Господи, вот это да! Кто бы мог подумать?..

Торнада начала собирать свои одежки.

— Кто-то идет. К тому же мы опаздываем.

Верно. Я, битый жизнью, вечно озабоченный делами ветеран морской пехоты, совсем забыл, зачем морожу свое избитое тело в

винограднике в столь непотребный час. Что ж, моя вечная слабохарактерность. Оказывается, когда эта Торнада решает превратиться в женщину, она горит огнем и сыплет искрами. Вот уж воистину живчик... Наверняка не хуже Карлы Линдо.

Удивительно. Просто потрясающе.

— Спокойно, Гаррет.

Из темноты ночи выступили две темные тени. Краск и Садлер. Мы с Торнадой привели себя в порядок. Парочка визитеров уселась на склон холма.

— До чего же подлый парень этот Гаррет, — сказал Краск. — Ты должен был встретиться с нами с другой стороны. Мы ни за что не нашли бы тебя, если бы не услышали пыхтение и храп.

— Спокойно, леди, спокойно, — произнес Садлер. — Шума не будет. Мы не в обиде, что после сегодняшних событий ты не появился.

— Так вы, значит, слышали?

— Да. Чуть-чуть. Но спасти твою задницу было уже поздно. Мы пытались. Однако, услышав о карете и ящере, решили, что тебе крышка, и списали тебя со счетов.

— Если тебя интересует, скажу, — заметил Краск, — после захода солнца туда явилась банда крестьян. Когда мы двигались сюда, они еще сдирали с ящера шкуру.

— Ближе к вечеру один дружок нам шепнул, что видел, как ты разговаривал с этой девахой. Мы снова приняли тебя в расчет, — продолжил Садлер.

— Ты — самый везучий выродок из всех, кого породил этот мир, — сказал Краск. — Услышав о карете, мы полностью переиграли план. Но узнав, что ты жив, снова все изменили.

— Подумали, что лучше не показываться в том месте, где договорились, — пояснил Садлер. — Но на случай, если ты там все же объявишься, решили понаблюдать и следовать за тобой туда, куда ты отправишься.

— Следовать за мной? С чего вы взяли, что я стану действовать в одиночку?

— А куда тебе податься? Чодо нужен твой зад. Если ты не прихватишь его первым, свободно можешь посылать всем прощальный поцелуй. Хоть ты и слабак внутри, но вовсе не дурак и сделаешь то, что необходимо.

Краск фыркнул. Что за негодяи! И ни капли стыда.

— Мы еще раз изменили план, — сказал Краск. — Теперь мы нападём командой. Там какая-то жуть происходит.

— У вас, ребята, есть хоть какое-нибудь представление, что там творится? — спросил Садлер.

— Война морКаров.

— У дома Чодо?

— Они затевают свару в любом месте, стоит им лишь собратъся кучей. — Я пожал плечами.

— Судя по звукам, больше чем свара. Неужто вы не слышите?

Садлер хранил каменное выражение лица. Краск тоже. Нечеловеческая выдержка у этих парней!

— Гаррет, мы выступаем, как только ты будешь готов, — объявила Торнада.

Я с ужасом думал, что будет, если Покойник узнает обо всех событиях этой ночи. Он будет зудеть без конца. Возможно, я это заслужил.

— А вы, парни, не хотите прежде немного передохнуть?

— Мы готовы, — ответил за обоих Садлер. — Ты прихватил камень?

— Может, я туго соображаю, но все же не совсем дурак. Торнада говорит, что разберется с собаками.

— С собаками все будет в полном порядке. Мы классно подготовились.

Темнота не помешала мне убедиться в этом. Они с Краском были вооружены боевыми пиками и двуручными саблями венагетов. Нагружены таким количеством железа, что его вполне хватило бы на небольшую войну.

— Двинемся, когда скажешь, — добавил он.

— Тогда вперед! Давай, Торнада.

Отряд начал движение.

43

Северная стена во владениях Чодо сильного впечатления на производила. Быть может, намеренно.

— Да, — объяснил мне Садлер. — От нее до дома далеко, и все пытаются проникнуть именно здесь. У собак и ящеров хватает времени, чтобы разделаться с гостями.

Замечательно. Будучи гением, я избрал именно тот путь, который предназначил мне Чодо.

— Похоже, все стихло, — заметил Садлер.

Он был прав, морКары улетели.

— И свет погас, — добавил Краск.

Я и не уловил сразу. Все огни вокруг дома были потушены.

— А вооруженные патрули? В темноте заметить их будет сложно.

— Возможно, — сказал Садлер. — Но они останутся вблизи дома. Ящеры, когда разволнуются, становятся непредсказуемыми.

— Спасибо, что предупредил.

Хорошо бы амулет сработал и лишил зверюг зрения.

Мы прошли с четверть мили. Садлер и Краск двигались первыми. Они знали дорогу. Краск остановился. Садлер тоже. Краск сказал:

— Что-то не так. Мы уже должны были наткнуться на собаку или ящера.

— Совсе не страдаю из-за их отсутствия, — заметил я.

— Внимание.

Мы возобновили движение. Почти тут же я споткнулся и рухнул рожей вниз. Только этого не хватало. Синяков на шишки. Я ухитрился свалиться не завопив.

— Эй, — прошипел я. — Взгляните-ка на это.

Это было дохлым громовым ящером. В живом виде он был бы с меня ростом. Его здоровье катастрофически пошатнулось из-за множества воткнувшихся в него арбалетных стрел. Трудно сказать когда — эти создания бывают холодными еще при жизни.

Краску и Садлеру мертвый ящер крайне не понравился.

— Видно, кто-то поспел сюда раньше нас, — предположил Садлер.

— Это объясняет тишину, — буркнул Краск.

— Думаете, кто-то уже сделал нашу работу?

— Может, да, а может, и нет. Во всяком случае, одним ящером меньше. Остальные, возможно, свернулись клубочком, плотно набив брюхо.

Эти ребята здорово умеют поднять боевой дух соратников. Мы обнаружили еще пару громовых ящеров, превращенных в подушку для булавок. Потом наткнулись на мертвого пса.

— Здесь что-то не то, — заметил я. — В морской пехоте я был разведчиком и уверен, что одному человеку такое не под силу. Здесь работала команда. Но она не оставила никаких следов. Трава примята животными.

Садлер и Краск что-то промычали. Торнада заметила:

— Все стрелы попали им в спины.

Действительно.

— Ну и что?

Она ткнула большим пальцем в небо. Неужели морКары? Мы уже прошли полпути до дома. Несмотря на отсутствие света, он темным пятном выделялся на фоне темноты.

Тишина внезапно кончилась. Как и темнота.

За домом раздался рев и послышались звуки жестокой схватки. Освещение постепенно усиливалось.

— Давай-ка пока не будем торопиться, Гаррет, — предложил Садлер.

Я тихонько двинулся вперед. Он прав: не следует мчаться галопом в неизвестность. Мы продвигались очень медленно. Звон стали и шум битвы начали постепенно сходить на нет.

Вдруг буквально из ниоткуда выскочили звери. Садлер и Краск уложили по ящеру. Торнада, двигаясь легко, как тореро, на лету вспорола горло прыгнувшей на нее собаке. Повсюду была кровь. Я еще не успел решить, кому прийти на помощь, как все было кончено.

— Похоже, от камня пользы немного, — прохрипел я.

— Но на тебя они не нападали, — бросил Садлер.

— Теперь хоть знаем, что не все зверюги сдохли, — пробормотал Краск.

Мы подошли к амбару.

— Давайте посмотрим с сеновала, — предложил Краск.

Мы забрались под крышу, хотя пользы от этого было немного. Свет уже померк, но нам удалось увидеть двух человек около дома и еще шестерых, занятых чем-то у боковой стены ближе к фасаду.

— Я вижу тела, — сказала Торнада.

Покойников оказалось множество. Люди, копошащиеся у стены, вносили некоторых из них в дом. Чодо, похоже, пригласил для

торжеств целую армию. Кроме вооруженной охраны, контролирующей всю территорию громовые ящеры, собаки и морКары. Судя по всему, схватка была яростной.

— Как бы то ни было, теперь все кончено, — объявил я.

Не успел я закончить фразу, как боги превратили меня в лжеца. В грудь одного из людей Чодо вонзилась стрела. Оставшиеся бойцы кинулись во тьму, кого-то атакуя. Немного пошумев и покричав, они вернулись почти в полном составе. Наверное, ребята приняли решение больше не воевать.

— Карлики, — сказал Садлер.

— Что?

— На Чодо напали карлики. Часть жмуриков — коротышки.

Что, черт побери, здесь произошло? Либо приятели Змеюки попытались ее вызволить, либо Гнорст пожелал отнять ее у Большого Босса. Я склонялся сделать ставку на Гнорста. Однако это, как мне казалось, не объясняло поведения морКаров.

— Надеюсь, Чодо в таком же замешательстве, как и я, и вдобавок пьян.

— Не надейся, Гаррет, — сказал Садлер. — Они все уже протрезвели.

— Ошибаешься. Вспомни, как они набрались в прошлом году.

— Чудищ больше не видать, — заметила Торнада.

— И патрулей тоже, — добавил Садлер. — Значит, он использовал все наличные силы. Тех, кто остался, Чодо держит при себе.

— Думаю, вход перекрыт. Как мы проникнем в дом?

— Сверху. Мы влезем по стене в северо-западном углу и по стропилам выберемся на крышу. Затем пересечем крышу и спустимся на балкон в середине здания. Видишь его? Он не будет охраняться — Чодо настроен на карликов, а тем на крышу не взобраться.

— Мое любимое занятие — карабкаться в темноте по стенам незнакомых зданий.

— Тебе уже приходилось этим заниматься. Сам видел. Я захватил веревку. Полезу первым.

По голосу чувствовалось, что насчет меня у него серьезные сомнения.

Я и сам серьезно сомневался в своих возможностях. Мне казалось, что из-за боли в теле я не смогу забраться на крышу даже по

лестнице. Может, отменить операцию? Глупо лезть на рожон, не зная, что происходит.

К дому нам удалось пробраться незамеченными. Садлер, как обезьяна, взобрался на крышу и сбросил веревку. Торнада взлетела наверх, словно карабкание по стенам было ее жизненным призванием.

— После вас, сэр, — произнес Краск. — Красота уступает дорогу возрасту.

— Ладно. Вот только сделаю петлю, накину на шею и крикну, чтобы тянули.

Я вцепился в веревку и начал по ней ползти. Каким-то чудом мне удалось добраться до крыши, хотя половину пути я передвигался зажмурившись. Краск прибыл следом за мной.

— Мне, Боб, начинает нравиться, как идут дела, — сказал ему Садлер.

Оказывается, у него есть имя? Удивительно. А я-то думал, даже мамочка звала сыночка Краском.

— Да. Все выглядит нормально. Пошли вниз.

Мы спускались на балкон, когда вернулся один из морКаров. Один-единственный. Он с шорохом вынырнул из тьмы и пронесся рядом, чуть не вызвав панику в наших рядах. Мы решили, что имеем дело с разведчиком, и ждали, когда вся орава последует за ним. Однако ничего не произошло.

Когда мы начали перемещаться в дом, у центрального входа снова поднялся шум. Мы замерли, прислушиваясь.

— Жуть какая-то, — прошептала Торнада.

— Что? — пискнул я.

— Все люди Чодо убрались в дом. Кто с кем дерется?

Я не знал кто, и мне было наплевать.

— Пусть себе развлекаются. У нас свои заботы.

К моему изумлению, мы проникли в дом без всякого труда.

44

Наш отряд очутился на третьем — самом верхнем — этаже. Краск и Садлер настояли на том, чтобы проверить все комнаты, грехе чем мы начнем путь вниз. Не желали никого оставлять в

тылу. Мы с Торнадой взяли на себя одну сторону длинного коридора, а Садлер и Краск — другую. Вскоре мы снова встретились в центре на площадке ведущей вниз лестницы.

— Нашли кого-нибудь? — спросил Садлер.

Я сказал правду:

— Несколько человек. Настолько пьяны, что едва дышат.

Некоторых я знал, и среди них, к моему изумлению, оказалось несколько порядочных, по общему мнению, людей, известных в деловых кругах и в обществе. Да, связи Чодо поистине безграничны.

— То же самое и у нас. Все они способны лишь питаться.

— Двигаем вниз?

Он утвердительно кивнул:

— Пригнитесь. Часть лестницы просматривается из бального зала.

Мне не доводилось бывать в этом крыле. Я вообще бывал лишь в парадных комнатах у входа, не считая посещения парня, заключенного в чем-то вроде подземной темницы замка Чодо.

Прежде чем пуститься в путь, мы прислушались. От парадного входа доносился шум. Где-то внизу громко и яростно ругались. Все это не имело к нам никакого отношения.

Краск двинулся первым. Парень так и не расстался со своим арсеналом. Казалось, двигаться бесшумно с таким грузом железа невозможно, но он как-то ухитрялся. Это удавалось и Садлеру и Торнаде. Я же, тренированный морской пехотинец, шагал практически с пустыми руками, но при этом шумел словно рота барабанщиков. Не знаю, может, мне это просто чудилось.

На втором этаже мы тоже никого не обнаружили. Множество маленьких спален оказалось совершенно пустыми.

— Телохранители и прислуга, — пояснил Садлер. — Они трезвы и находятся рядом с Чодо. Если живы, конечно.

— А где он сейчас может быть?

— В своем офисе.

Мне это ничего не говорило. Я никогда там не был. Краск упал, я последовал его примеру, прижав нос к перилам.

Под нами в направлении главного входа прошагало с полдюжины волосатых, взъерошенных карликов. Едва они исчезли из поля зрения, поднялся страшный шум.

— Коротколапое дерьмо напоролось на засаду, — злорадно хихикнул Краск.

Один из карликов снова появился перед нами. Он, скорчившись, придерживал обеими руками выпадающие кишки. Какой-то прихрамывающий тип догнал его и разрубил пополам тяжелым морским палашом.

— Мы можем миновать засаду?

— Нет, — бросил Краск.

— Ты — морской пехотинец, тебе и карты в руки, — сказал Садлер. — Как вас тогда дразнили? «Не солдат и не матрос и не кошка и не пес. Ты, морпех, курям на смех».

Это звучало так же обидно, как и в старые времена.

— Коротышки потрепали засаду. Иначе за карликом гнался бы не один, — заключил Краск.

Мы спустились на первый этаж, прошли мимо разрубленного карлика и зашагали в сторону танцевального зала и возможной засады. Справа остались кухня и прачечная. Во время одного из предыдущих визитов мне сказали, что, за исключением парадных покоев у входа, бального зала и бассейна, весь первый этаж отведен под подсобные помещения.

Засада оказалась слабенкой. Краск и Садлер подняли ее у входа в большой зал. Из тройки, удерживающей форт, самым здоровеньким оказался хромоногий тип, прикончивший карлика. Краск уложил его, стукнув рукояткой пикки по черепку.

— Ничего себе комнатка для вечеринок, — присвистнула Торнада. — Да и вечеринка, видать, была что надо.

Танцевальный зал был в ширину восемьдесят, а в длину — все сто футов. В высоту он занимал три этажа. Повсюду валялись жертвы безудержного веселья. Похоже, битва началась, когда празднество было в разгаре.

Краск и Садлер связали павших в борьбе с алкоголем. После того как ребята захватят власть, им потребуются солдаты.

— Теперь в бассейн! — распорядился Садлер.

— Я прикрою тыл, — сказала Торнада.

Оглянувшись, я увидел, как она что-то заталкивает себе за пазуху.

Оказалось, что танцевальный зал — карлик по сравнению с помещением бассейна и уступает по площади даже заполненному

водой пространству. В бассейне было пусто, если не считать трех десятков мертвых тел, валявшихся на полу среди следов разгула. В воде плавали многочисленные обломки. Миновав бассейн, мы направились в приемный зал.

Этот зал тянется до парадного входа, вдоль всего фасада. Дом сооружен в форме каре с внутренним покрытым крышей двором, вмещающим танцевальный зал и бассейн. Поочередно выглянув из-за угла, мы внимательно изучили помещение. Несколько человек охраняли входную дверь. Они казались испуганными и все уже были ранены.

— Не много же их осталось, — заметил Садлер.

— Может, мы попали в ловушку вместе с Большим Боссом? — пробормотал я.

— Возможно. Проверим офис, — ответил Садлер, подбежал к закрытой двери, ведущей в восточное крыло, прислушался и объявил: — Здесь не пройти. Толпа.

Он направился в глубину дома, откуда мы только что пришли.

Я бросил взгляд на Торнаду и, пожав плечами, последовал за ним. Но уже размышлял, как лучше слить. События принимали слишком кровавый и таинственный оборот.

Мы проникли в восточное крыло через комнаты для прислуги на втором этаже. Садлер провел нас в жилые апартаменты.

— Дочка Чодо живет здесь, когда бывает в городе.

— Никого, — заметил я. Наверное, большая часть дома оставалась неизвестной Чодо. Он мог подняться на верхние этажи только на руках своих приближенных.

— Похоже на то.

Краск и Садлер принялись заглядывать в стелльные шкафы и простукивать сами стены. Они нашли, что ис али, прежде чем я успел полюбопытствовать, в чем дело. Одна из панелей стены рядом с камином отодвинулась, образовав проход. В доме Чодо, конечно, должны были быть потайные ходы.

— Мы спустимся в секретную комнату рядом с кабинетом. Ни звука.

Как будто кто-то нуждался в предупреждении.

Для секретной комнаты помещение оказалось довольно большим — восемь на двенадцать футов. Глаза Торнады вылезли из

орбит, когда она узрела денежные мешки, уложенные в несколько рядов вдоль одной из стен. Она схватила открытым ртом воздух и начала его жевать. «Внушительное зрелище», — подумал я. Но это всего-навсего ежедневный оборотный капитал Чодо — его, так сказать, небольшая наличность.

Пока мы крались потайным ходом, за пределами дома снова поднялся шум. Враги опять пошли на приступ.

Краск и Садлер напрямик направились к стене и открыли секретные глазки. Краск показал мне еще один. Я вытащил затычку и прильнул к отверстию. Моему взору открылось помещение размером примерно сорок на двадцать пять футов. Там находились два человека — Чодо и тип, катавший его кресло. Чодо сидел посередине комнаты, глядя в открытую дверь. Он казался уверенным в себе и не проявлял никаких признаков страха. Два окна позади него были забаррикадированы горой мебели.

Чодо представлялся мне огромным пауком, терпеливо поджидающим жертву.

Из разных концов дома доносился шум битвы. Чодо напрягся, но тут же успокоился, увидев двух вошедших в комнату людей. Они поддерживали с обеих сторон связанную по рукам и ногам обнаженную женщину.

— Ха! — пробормотал я. — Это она.

— Кто? — спросила Торнада.

— Змеюка. Глянь на татуировку.

Она оказалась еще безобразнее, чем я ожидал.

Ведьме повезло, что Чодо был занят подготовкой и проведением вечеринки. Она пока сумела избежать крупных неприятностей.

Чодо, критически изучив колдунью с расстояния в несколько футов, спросил:

— Пять страниц? И это все?

Большой Босс поднял несколько латунных листов, лежавших у него на коленях. Он вел себя так, словно не знал о нападении на его дом.

— Это все, старик, — ответила Змеюка, которую, похоже, сложившаяся ситуация тоже не особенно беспокоила.

— Они повреждены. Бесполезны.

— Конечно.

— Где книга?

В дверях возник здоровенный головорез и объявил:

— Они в доме.

Мое сердце оборвалось. Но парень имел в виду не нас.

— Их слишком много. Не могли сдержать, — добавил он.

— Задержите их в зале. Вы способны справиться с шайкой карликов. Не убивайте Гнорста. Он мне нужен живым.

— Есть, сэр.

Казалось, приказ Чодо невозможно не выполнить.

Я посмотрел на колдунью. Будь я проклят, если вся эта возня не доставляла ей удовольствия.

Чодо тоже. Любопытно. Большой Босс снова взглянул на ведьму.

— Где книга? Последний раз спрашиваю.

— Вот и хорошо. Значит, мне больше не придется тебя слышать.

Чодо не впал в ярость. Он улыбнулся:

— Отведите-ка ее в уголок.

Босс прошептал что-то парню за креслом, и тот отвез его за баррикаду слева от меня, сооруженную из огромного стола. Я потянул старика из виду. Краск показал Садлеру большой палец.

Шум битвы приближался. В кабинет ввалился еще один амбал. Пробормотав: «Прошу прощения, сэр», — он рухнул на пол.

Но и это не огорчило Чодо. В помещение ворвалась шайка карликов, и среди них — Гнорст. Оценив ситуацию, он пролаял команды на своем карликовом языке. В какой-то момент их набилось в кабинет штук тридцать. Затем некоторые начали исчезать, однако большинство не желало уходить, отказываясь повиноваться приказам командующего. Гнорст дымился от злости. Похоже, он не хотел, чтобы соратники узнали о его мечте превратиться в нового Полуночного Кромбаха.

Наконец их осталось не больше дюжины. Гнорст подскочил к Большому Боссу. Его борода зашевелилась, как будто он начал что-то говорить.

Чодо по-прежнему оставался спокоен. Удивительно. Стоит надавить на этого парня, как он тут же находит скрытые резервы.

— По-моему, мы имеем шесть штук одних и полдюжины других? Разве не так, Чет?

Чет был одним из парней, державших Змеюку.

— Может быть, семь одних и пять других.

Карлики были поражены. Чодо, по их разумению, должен был трястись от ужаса.

— Я слишком долго ждал, Гнорст, — произнес Чодо. — Но терпение себя оправдывает. Сегодня я наконец увижу, как ты умрешь.

Карлики начали нервно оглядываться по сторонам. Маленькие злобные глазки Гнорста стали еще меньше. Он лихорадочно размышлял, не угодило ли его войско в ловушку.

Чодо ухитрился хихикнуть.

— Вы сами друг друга прикончите, потому что часть из вас работает на Гнорста, а часть — на нее.

Значит, он сталкивает их лбами. Мужества старику не занимать. К тому же он говорил правду — коротышки с подозрением начали пялиться один на другого.

— Не надо! — завизжала колдунья.

Чодо расхохотался. По комнате начала летать шерсть. Как легко ему удалось их завести! Лишь секунду они взвешивали свои шансы и тут же вступили в бой, с визгом носясь по помещению и нанося смертельные удары.

Ребята, поддерживающие Змеюку, двинулись вдоль внешней стены по направлению к Чодо. Теперь колдунья казалась не столь спокойной. Чет задержался на мгновение, чтобы пырнуть ножом коротышку, который, возомнив себя героем, кинулся спасать попавшую в беду не сильно благородную девуцу.

Не только карлики превращали друг друга в котлеты. Чет, прежде чем добрался до Чодо и его кули, сумел прикончить еще одного.

Краск вновь поднял большой палец, давая сигнал Садлеру. Оба сосредоточились, приняв исходную позицию.

Сторонники Гнорста задали жару ребятам ведьмы. Последняя пара ее бойцов выскочила из помещения, банда Гнорста кинулась в погоню. Я услышал, как Чодо негромко рассмеялся. На сей раз смех донесся до меня через проход, открывшийся в стене, отделяющей офис от потайной комнаты.

Гнорст опоздал на один шаг. Чодо сумел удачно бежать... Не так уж ужасно. Краск и Садлер уложили двух сопровождающих Чодо парней, хорошенько врезали колдунье и постарались закрыть проход в стене. Само собой, Гнорст остался с другой стороны.

— Привет, Босс, — произнес Краск.

Чодо сразу утратил прекрасное расположение духа. Вздыхнув, он сказал:

— Вы прекрасно используете все шансы, делая верные ставки, не так ли, мистер Гаррет? Однако не обольщайтесь. Вам не придется долго наслаждаться плодами вашей победы над Организацией. Штурвал надежно зафиксирован в одной позиции.

— Вам виднее.

— Я частенько думал о вас. Мне следовало раньше забрать камень.

Я кинул амулет ему на колени.

— Камень не понадобился. Это они истребили всех ваших домашних животных. — Я кивком указал на стену.

Карлики за стеной почему-то затихли. Я подошел к глазку. Коротышки хранили тишину, но их там было уже штук сорок.

Большинство просто стояло, молча пялясь на Гнорста. Гнорст же не был похож на Гнорста. По-моему, он уделался от страха.

Его приятели накатили на него за то, что он, желая стать новым Полуночным Кромбахом, использовал их для добывания Книги Призраков. Он выдал себя, и теперь его корешки были настроены далеко не всепрощенчески.

Гнорст сам поведал мне, что думают карлики о Кромбахе и его книге.

Он попытался отболтаться, но в его голосе не было надежды, да и его просто никто не слушал. Коротышки, угрюмо рыча, медленно наступали на бывшего вожака. Я поставил затычку на место.

— Итак, — произнес Чодо таким тоном, будто стремился поскорее покончить с делами.

Колдунья поднялась на ноги.

— Давайте-ка потрясем ее, — предложил я. — Чодо задал ей вопрос, но ответа не было. Мне хотелось бы лично его услышать.

Чодо слабо улыбнулся:

— Оказывается, и у вас есть своя цена, мистер Гаррет. Видимо, очень высокая. Как я вижу, ничто человеческое и вам не чуждо.

— Я намерен ее уничтожить. Если бы мог, отправился бы в страну громовых ящеров и швырнул бы книгу в жерло действующего вулкана.

Он внимательно смотрел на меня, пока Садлер и Краск возились с удавкой на шее ведьмы. Улыбка у старика исчезла, но тут же появилась снова.

— Думаю, вы действительно так поступили бы. — Он покачал головой. — Вы поняли причину сегодняшних событий?

— Не совсем.

— Охотно верю. Это моя ошибка. Меня дезинформировали, и пришлось действовать, исходя из ложных посылок. Но из нескольких источников следовало, что вам известно местонахождение книги. Я хотел вас об этом спросить. В результате я добился лишь того, что усилил вашу враждебность. Что ж, я виноват, но Организацию вам так или иначе не победить.

— Почему, черт побери, все считают, что я знаю, где эта проклятая книга? Я сам ношусь как сумасшедший, чтобы ее найти.

— Мы что, собираемся торчать здесь всю ночь? — проворчала Торнада. — Эта мелюзга скоро до нас доберется. Делайте, что надо, и давайте сваливать.

— Думаю, с карликами покончено. Неприятностей от них ожидать больше не придется.

Она отправилась к глазку проверить мои слова.

Я посмотрел на Чодо. Мне было трудно сделать это. И он знал о моей слабости.

Старик улыбнулся, но не с таким видом, словно одержал победу, а так, будто победу одержал я, и его это радовало. Он улыбался, зная, что ему от моей победы не будет никакой пользы. Краск и Садлер моей чувствительностью не обладали. Они не способны ни простить, ни забыть.

По страшной роже старого дьявола улыбка расплзлась еще шире.

— Позаботьтесь о моей дочурке, мистер Гаррет.

Я лишь кивнул в ответ.

— С ней все будет в порядке, — сказал Краск.

Сушая правда. Так работают эти ребята. Женщины и дети — вне игры, неприкосновенны.

— О боги, — прошептала Торнада, отходя от глазка.

От потрясения она даже побледнела. Я решил, что не хочу смотреть на то, что смогло потрясти Торнаду.

Краск и Садлер подняли глаза, среагировав на ее мрачный тон... Змеюка врезала Краску ногой в пах. Тот скорчился, а ведьма тут же кинулась на Чодо.

45

Должен пояснить, что разумом я очень спор, но во всех остальных отношениях ваш покорный слуга не быстрее обычных людей. А если в события вовлечена женщина, я вообще становлюсь удручающе медлительным. Но когда остро встает вопрос о целостности моего хвоста, я оказываюсь способен не только быстро соображать, но и быстро действовать.

Казалось, после того как Змеюка бросилась на Большого Босса, действие начало разворачиваться в замедленном темпе. Я заметил, что она обнажена не полностью. На ней оставался перстень. Огромная отвратительная змея все еще обвиняла ее палец. Ребята, видимо, не хотели рубить его, пока колдунья жива.

Я завопил, но было поздно. Когда она сразила Чодо, Краск еще не пришел в себя, а Садлер оборачивался взглянуть, что происходит. Змеюка не знала, куда бежать, но понимала, что задерживаться не стоит. По сравнению с домом Чодо любое другое место было для нее оазисом безопасности.

— Торнада! Вперед! Хватай ее! — взревел я.

Она повиновалась без всяких раздумий — рефлексивно. Умница.

Меня осенило — настал идеальный момент оторваться от Садлера и Краска. Надо смыться, пока они не начали размышлять, кого бы отправить в бесконечный путь вслед за боссом.

Колдунья обладала прекрасным чувством направления. Мы никак не могли загнать ее в угол. Она ухитрялась находить дорогу через темные, незаметные переходы. В конце концов Змеюка сумела выскочить из дома через черный ход.

Я еще топал вокруг здания, а она уже успела обежать его и оказаться у парадной двери, чуть не врезавшись в толпу убирающихся восвояси карликов. Ведьма резко изменила направление и ринулась на восток, навстречу рассвету, едва-едва зарождающемуся за поросшими виноградом холмами.

Теперь мы с Торнадой начали ее доставать. Наши ноги оказались длиннее, и мы не боялись оцарапаться о кусты и ветви.

Вдруг из темноты упала крылатая тень, задев правое плечо Змеюки и заставив ее вздрогнуть. Следом за первой из ниоткуда возникла еще одна тень, затем еще одна. Все они вынуждали колдунью изменить направление.

Торнада схватила меня за руку:

— Притормози. Возможно, нам не придется ее ловить.

— А?..

Неужели я утратил способность мыслить?

— Они ее заворачивают.

Именно. Я перешел на легкую рысь и попытался заставить мозги включиться в работу. Но, боюсь, еще в секретной комнате Чодо я исчерпал суточный рацион сообразительности.

Змеюка перебралась через стену и побежала под укрытие деревьев, росших вдоль небольшого ручья. Когда мы с Торнадой лезли через стену, над Змеюкой все еще продолжали виться морКары. Нас они игнорировали. Колдунья остановилась, чуть-чуть не добежав до деревьев. С ужасом во взоре она оглянулась, выискивая, куда бы скрыться.

Однако морКары отрезали ей все пути отступления. Из-за деревьев выступили люди. Все как один небольшого роста. Но это были люди — не эльфы, не карлики и не гномы. Они окружили Змеюку. Последним из рощицы вышел маленький человечек в очках.

Уиллард Тейт.

— О-о-о... — протянул я. — Замри, Торнада. Отлично. Теперь потихонечку, осторожненько побредем к дороге.

Мне потребовалось не больше секунды, чтобы справиться с порывом подойти к Тейту и воззвать к его здравому смыслу. Такой поступок мог оказаться столь же опасным для здоровья, как и возвращение к Садлеру и Краску. В полумраке начинающегося дня Уиллард Тейт выглядел демонически. Он изготавился свести счеты со всем миром.

— Что происходит? — спросила Торнада.

— Тебе лучше этого не знать.

Старик Тейт тащил с собой свой инструмент. Я продолжал двигаться к дороге, надеясь, что не привлеку к себе излишнего внимания.

— Видишь того старика? Это его племянницу по ошибке ткнули ножом Змеюкины головорезы.

Интересно, сколько он потратил на то, чтобы организовать эту встречу? Интересно, насколько все идет по плану, или это чистое везение? Впрочем, потребности спросить я не испытывал. Уиллард Тейт мог решить, что настал удобный момент облегчить Тинни жизнь, избавив ее от бывшего морпеха.

Змеюка вскрикнула.

— Ты намерен что-нибудь делать?

— Ага. Уносить отсюда свою горячо любимую задницу. Здесь собралось чересчур много жаждущих крови людей. Я собираюсь отправиться домой и запереться на месяц. Затем начну размышлять, что, дьявол ее побери, случилось с этой проклятой Книгой Призраков.

У меня имелась на этот счет одна идея. Она весила пять сотен фунтов, и у нее съехала крыша. Я допер до нее путем отсеечения лишнего. У всех остальных заинтересованных лиц книги не было. Следовательно, Истерман либо уже обладал ею, либо представлял, где она находится. Может, он просто ждет, пока осядет пыль, чтобы начать играть роль Фидо Ужасного.

Ну и легкие у этой Змеюки. Она была не переставая. Я не стал оглядываться.

Через некоторое время я обязательно обрету мир в душе. Как только полностью осознаю, что остался жив.

46

В шестистах ярдах к юго-западу от поместья Чодо дорога в Танфер проходит по небольшому каменному мосту через ручей, питающий деревья, в тени которых Тейты устроили засаду. На парапете моста, как на шестке, устроилась парочка малопочтенных типов. Над ними на ветвях деревьев сидело множество морКаров, для разнообразия не галдящих. Возможно, все они были членами одного племени, а то и одной семьи.

Тип, что пониже, соскочил с парапета, отряхнул пыль с зада и послал мне широкую улыбку, обнажив две сотни остроконечных зубов темного эльфа.

— Все прошло как надо, Гаррет?

До чего же красив этот дьявол!

Я остался холоден. Гаррет-Огурец, называют они меня. Со-
сульки вместо костей.

— Торнада, перед тобой жалкий тип по имени Морли Дотс.

Морли с нетерпением ждал, что я засыплю его вопросами. Но я
ничего не спросил. Испорчу ему весь праздник.

— Ничего особенного.

— Так говорят все девицы.

Плоскомордый остался сидеть. Ухмыльнувшись от уха до уха,
он плюнул в ручей и, взглянув вверх по течению, спросил:

— Будь здоров заваруха, правда?

— Обычное дело. Как только я вступил в игру, у них не оста-
лось никаких шансов. Поверьте, ребята, мне нравится торчать здесь
и обмениваться байками, но я еще не завтракал.

Плоскомордый встал на ноги и вместе с Морли потащился вслед
за нами.

— Обычное дело, говоришь? — спросил Дотс так, словно я
нанес ему рану в самое сердце. — Да у тебя последнее время хвост
не то что дымился, а просто полыхал. Если бы я не страховал
каждый твой шаг...

Песню Морли подхватил Плоскомордый:

— Мы наняли морКару следить за тобой и докладывать нам,
чтобы можно было помочь, когда ты по-настоящему начнешь хле-
бать дерьмо.

— О... Значит, это вы, ребята, выгнали меня из кареты Чодо
и спасли от громового ящера?

Морли хмыкнул.

— Ты же знаешь этих морКаров. Не способны на длительное
внимание. Тогда они тебя вроде бы потеряли. Но все остальное
время мы оставались с тобой.

— Ну, может, половину времени, — признался Плоскомор-
дый. — Или четверть. Ведь людям надо и соснуть чуток.

— Мои кореш, — объяснил я Торнаде. — Заботливые...

— Эй! — возмутился Морли. — Разве не я подвел дело к
счастливому концу?

— Не знаю. А разве ты?

Морли не из тех, кто любит распространяться о себе, во всяком случае, делая это, не заглушает трубы судного дня. Он поручил рассказ Плоскомордому.

Морли каким-то образом учуял нечто, предвещавшее близкое столкновение между мною и Чодо. Он перестал ныть и злиться из-за того, что Большой Босс стал командовать в его заведении и приступил к подготовке операции. Негодяй вступил в контакт почти со всеми силами, разыскивающими книгу, и предложил им себя в качестве военачальника. Команда Гнорста не имела опыта в розыске и ведении боевых действий. Как и Тейты. Репутация Морли была достаточно мрачной для того, чтобы заинтересовать и банду Змеюки. Как вы понимаете, мой приятель потребовал со всех плату вперед. После этого он свел все враждебные группировки в одно место для последней всеобщей свалки.

— Думаю, все вышло как надо, — заметил Морли.

— Да, — сказал Плоскомордый. — Это даже частично решило проблему морКаров, наполовину уменьшив их поголовье.

Он осторожно оглянулся — проверить, не слышат ли его слова летучие наемники. Но те уже успели потерять к нам всякий интерес. Тарп облегченно вздохнул.

— Не беспокойся, — фыркнул Морли. — Они сейчас грабят владения Чодо.

Мне нечего было сказать. Пусть Морли думает, что прикрывал меня. Все-таки он мне вроде как бы друг, и он старался. Теперь я знал, что, когда я чувствовал хвост, за мной следила его морКара. Это Морли, Плоскомордый и Тейты следовали за нами по реке. Пусть думает, что хочет. Я был уверен, что его усилия мало повлияли на события. Сущность алчных чудовищ — как людей, так и карликов — осталась неизменной.

Когда мы вошли в город, я спросил у Торнады:

— Ты все еще на службе у Фидо? Имей в виду, я собираюсь продолжить поиски.

— Наверное, он вычеркнул меня из платежных ведомостей, — отдуваясь, сказала она.

— Может, задержимся, найдем для тебя мула? — хихикнул я.

— Зачем? — Она изобразила изумление.

— Чтобы ты не рухнула. Ты же тянешь на себе фунтов сто. Я был потрясен твоей выносливостью, когда мы гнались за Змеюкой.

Она заметно осерчала, но отрицать не посмела. Черт возьми, да она звенит при ходьбе.

Морли в задумчивости протянул:

— Похоже, наступают интересные времена. Кресло Большого Босса ждет хозяина.

— Садлер и Краск умнее, чем кажутся. Кто сможет бросить им вызов?

— Они сами друг другу.

Торнада одарила его жестким взглядом:

— Неужели он настолько наивен, Гаррет?

Я избежал прямого ответа, поскольку сам недавно думал о возможном развитии событий.

— Власть преобразует людей. Некоторых начинает обуревать безмерная жадность.

— Им следует бояться внешнего мира, а не друг друга.

— И того и другого. Посмотрим, — сказал Морли и добавил: — Все хорошо, что хорошо кончается. Пойду гляну, что осталось от моего заведения.

Мы уже находились в Зоне безопасности.

— Да, — подхватил Плоскомордый. — И я взгляну, как там Молли. Наверное, немного беспокоится. Я ей ничего не говорил.

Когда он отходил, над нашими головами проплыло звено громовых ящеров. Но это взволновало только голубей. Уличные обитатели не обратили на них никакого внимания. Таков Танфер. Здесь может произойти все что угодно, и ко всему мгновенно привыкают.

Торнада, позвякивая, шагала рядом. Она выглядела так же скверно, как я себя чувствовал.

— Твой друг прав. Все хорошо, что хорошо кончается.

— Это еще не конец. Еще эта проклятая Книга Призраков.

— Давай вначале немного поспим. Ладно?

— Ну да. Несколько недель.

У меня не оставалось сил, а предстояло разобраться еще кое с чем. Тинни. Карла Линдо. Книга. Возможно, Фидо Истерман. Не говоря о Краске и Садлере. Но я исчерпал себя. Здесь, около дома, почти рядом с постелью, я быстро сходил на нет.

Шаг за шагом, нога за ногу с Дороги Чародея на Макунадо-стрит...

— Боже! Что еще?!

Меня качнуло, и я плюхнулся задом на ступени соседского дома. Перед моим жилищем толпа людей занималась тем, что ухала и ахала. Развлечением этому сборищу служила не какая-нибудь банальность вроде громовых ящеров.

В двадцати футах над мостовой витало толстенное существо в черной, усеянной звездами мантии. Существо вращалось, извивалось и двигало руками, как бы пытаясь плыть. Заплыва не получалось. Это был Фидо Истерман.

Завидев Торнаду, он начал орать, как аукционер на распродаже картофеля.

Заставив себя подняться, я подошел поближе. Вся банда Фидо тоже была здесь, хотя ни один из них не был вознесен. Все они торчали на улице как одеревенелые чучела. Те, кого столбняк застал с поднятой ногой, валялись на мостовой.

— Что это? — поинтересовалась Торнада. — Что за чертовщина?

— Он чем-то рассердил Покойника.

На ступенях моего дома торчали гоблины. Также в ступоре. Дверь была распахнута. Сорвана с петель. Неудивительно, что Мешок с костями разбушевался.

Я решил не напрягаться и поэтому не очень спешил. Покойник держал ситуацию под контролем. Пробравшись через толпу, я остановился и посмотрел на Истермана.

— Спустите меня!

— Зачем? Желаете получить дополнительную порцию неприятностей?

Истерман воспарил выше, толкуя о ком-то, якобы успевшем сбежать. Затем без всякой паузы перешел к угрозам. В результате клоун вознесся еще на пятнадцать футов и тут же резко упал, взыв при падении. Зеваки прыснули в разные стороны. Фидо начал метаться, как летучая мышь на охоте. Зрители аплодировали, радостно орал и советовали, что ему делать дальше. Похоже, он здорово сумел завести Покойника.

— Что вы натворили? — закричал я. — Хотели силой ворваться в дом? Какой же идиот так поступает?

Фидо, просвистев мимо, ожег меня злобным взглядом. Покойник забросил его повыше и дал упасть, остановив, когда мостовая

оказалась в четырех дюймах от носа Истермана. Затем снова вознес толстяка ввысь. Интересно, давно ли это началось? Сила и выносливость Покойника поразительны, но и они имеют свои пределы.

— Книга! — завопил Истерман. — Я хотел завладеть книгой!

— Понимаю. Я и сам не прочь. Но при чем здесь мой дом?

Он ничего не мог сказать. Некоторое время. Покойник закрыл Фидо волчком, и тот поспешно начал опорожнять желудок от пищи, принятой в последние дни. Зрители снова разбежались, громко ругаясь. На сей раз шоу оказалось не столь привлекательным.

— Он с самого начала был убежден, что книга спрятана в твоём доме. Поэтому и посылал меня. Покопаться.

— Хм. Значит, он ещё безумнее, чем я думал. Не улетайте далеко, Фидо.

Я подошел к дому и с трудом поднялся по ступеням. По пути я сбросил на решетку сточной канавы что-то зеленое. Там ему самое место.

Входная дверь была превращена в щепки и годилась только на растопку. Мне это крайне не понравилось.

Дверь в маленькую комнату стояла нараспашку. Неужели Покойник, прежде чем разбушеваться, допустил их сюда? Нет. Там находился старина Дин.

— Дин! В чем дело?

Он сидел на софе, постанывая и поглаживая серую тряпицу, которой была обмотана его рука. Ответил старик не сразу:

— О! Мистер Гаррет! Я пытался ее остановить, но не смог.

Пригласившая себя в дом Торнада сказала:

— Он ранен, Гаррет.

Действительно, пол под его ногами был залит кровью. Я подскочил к бедолаге, опасаясь, что рана серьезна. К счастью, ничего особенного — просто рука рассечена до кости, как будто он схватил лезвие ножа.

— Что произошло?

— Она взяла книгу, мистер Гаррет. Сразу после того, как те существа попытались ворваться в дом. Я застал ее, когда она стягивала с нее тряпицу. Попытался отнять.

Что он лопочет?

— Что ты лопочешь?

Тут я заметил под его ногой оторванную латунную страницу. Этим листком он и рассадил себе руку.

— Книга Призраков. Была здесь все время. Под софой. Карла узнала об этом.

Она узнала об этом? Каким образом? Почему он сам не обнаружил книги, убирая дом? Видимо, нам предстоит серьезный разговор о качестве его работы. Под софой? Как книга могла туда попасть?

— О боже!

Перед моим мысленным взором снова встала соблазнительная ню, появившаяся как-то утром в моем доме. Она тогда принесла нечто, завернутое в точно такую же тряпицу, какая была сейчас на руке Дина. Я не обратил на сверток никакого внимания, так как меня привлекли совсем иные материи. Да и вспомни я о свертке, все равно решил бы, что она, поспешно бежав, захватила его с собой.

— Карла Линдо стащила книгу? Она узнала, где книга, и взяла ее?

Дин молча кивнул. Наконец-то я все понял. Молодчина.

— Торнада, позаботься о его руке. Мне надо сообщить партнеру все, что я о нем думаю.

«Можешь не стараться, — услышал я. — Я изумлен не менее чем Дин».

— Но это невозможно. Тебе известно, что происходит в головах у других. Ты ведешь какую-то мерзкую игру!

«Я остался в неведении о том, что происходит в более глубоких отделах ее мозга. Только теперь стало понятно, что основным мотивом ее пребывания здесь было желание обнаружить Книгу Призраков. Обрати внимание, что я не сумел проникнуть в мозг Эмеюки и не знал о присутствии еще одного существа, когда те находились в образе мисс Рамады. Можно допустить, что эта юная дама обладает весьма необычными свойствами».

— Неужели?

Я был ужасно зол. Да что говорить?

Осени меня после исчезновения обнаженной женщины единственной, пусть полоумная мысль, и я был бы избавлен от всех неприятностей. Я мог осмотреть дом, найти книгу и публично ее уничтожить. Комедия окончена. Так нет же! Я позволил себе увлечься акрами и акрами рыжих девок.

«Я делаю свою работу здесь, Гаррет. Но у меня нет ног».

— Поясни.

«С того момента, как бежала маленькая чертовка, не прошло и двадцати минут. Ты знаешь, куда она направляется».

Не знаю, куда направлялась она, но то место, куда шел я, мне было известно точно. На верхний этаж. В постель.

— Желаю ей удачи.

«Гаррет! К моему глубокому сожалению, стало ясно, что эта женщина не принадлежит к числу хороших людей. Предлагаю тебе подумать о том, что она и ее папенька могут натворить, обладая Книгой Призраков и имея в качестве базы неприступный замок».

Логхир чувствовал себя оскорбленным, так как его обманули. Он жаждал крови.

— Хорошо, хорошо.

Погоня за Карлой нужна была мне не больше, чем еще одно путешествие в поместье Большого Босса. Я нуждался в отдыхе, тридцати квартах холодного пива и десятифунтовом кровавом бифштексе с грибным соусом. Горячая ванна тоже не помешала бы.

— Ладно. Пошел.

Скажите, почему я так над собой измываюсь? Пошел. Но куда? За дверью раскинулся целый мир.

«Она должна двинуться на запад, Гаррет».

Это сужало круг поисков. На западе есть всего лишь один выход из города.

47

Торнада увязалась за мной. Я не протестовал. Будет кому втыкать в меня булавку, если я начну засыпать.

Мы установили дозорный пункт у городской стены за западными воротами среди самых оптимистичных нищих во всем мире. Я хочу этим сказать, что добрая половина всех идущих в город состояла из разорившихся крестьян, надеющихся припасть к золотым источникам на улицах Танфера.

— Думаешь, Гаррет, мы успели?

Я поставил наши жизни на кон, избрав кратчайший путь — через Дно.

— Карла не знает города. Даже если она наняла экипаж, мы должны оказаться здесь раньше.

Если следовать простой логике, я прав. Но после недавних событий логика начала казаться мне штукой ненадежной.

Как могло получиться, что Покойника облапошили три раза? Мне трудно было поверить, но ради мира в семье я решил не ставить его слова под сомнение.

Думаю, только неосуществимые мечтания логхира позволили Карле Линдо надуть его. Она оставалась в доме достаточно долго, чтобы он мог ее раскусить. Покойник ничего не заметил, потому что она сумела его очаровать... Черт побери! Чья бы корова мычала...

— У нее есть деньги? — спросила Торнада.

— Не думаю. Почему тебя это интересует?

— Не могла ли она взять экипаж или купить лошадь?

— Все, что у нее было, она отдала нам в качестве гонорара.

— Значит, топает на своих на двоих. Читать-то она хоть может?

— Какое это имеет значение?

— Я на ее месте, если бы могла читать, открыла бы эту самую книгу и превратилась в кого-нибудь другого, чтобы сбить с толку преследователей.

Я почему-то не подумал о такой возможности. Не помню, умеет она читать или нет. Когда я устаю, память начинает играть со мной злые шутки.

— Будем исходить из худшего. Ищи того, кто несет что-то похожее на книгу.

— Какого размера?

Я показал примерные размеры свертка, который видел в руках обнаженной женщины. Торнада присела на корточки в тени стены, игнорируя недовольные взгляды стоящего по соседству попрошайки. Она закрыла один глаз, как бы желая вздремнуть хотя бы наполовину.

— Не боишься, что поднимется шум из-за того, что твой партнер сотворил с Истерманом?

— Нет. Такое часто случается около нашей норы. Соседи будут рады, что на этот раз все кончилось для них простым развлечением. Однажды в воздух поднялась половина окружающих домов. Видела свежий кирпич и краску? Те, кто не любит подобных забав, съехали. Остальным плевать. Дома не их, они снимают жилье.

— Я заметила, что в Танфере всем плевать на все, кроме самих себя.

Не совсем так, но довольно близко к истине.

Пока ничего не происходило. Я вступил в дискуссию с каким-то парнем, тоже бывшим морским пехотинцем, о подвигах Слави Дуралейника в Кантарде. Ночью, когда я был сильно занят, поступило сообщение, что блестящий маневр Дуралейника полным успехом не увенчался. Наши бесстрашные вожди, оказывается, ожидали именно такого хода. Они сделали вид, что клюнули, и вступили в схватку с венагетами, но при этом не забыли оставить мощный резерв, продолжавший преследовать войско Дуралейника. Последний понес большие потери.

Теперь, как я понимаю, в Кантарде не останется доминирующих армий. Мы возвращаемся к обычному бесконечному кошмару, только вместо двустороннего равновесия сил возникает трехстороннее. Ситуация, похоже, станет еще более безумной.

Как я рад, что для меня война осталась позади.

Торнада толкнула меня в бок. Из ворот выходила великолепная рыжуха. Красотка была одета в простой дорожный костюм и в руках держала большой сверток. Девушка явно торопилась. Не знаю, умеет Карла читать или нет, но свое обличье она менять не стала.

Она слишком спешила и поэтому не заметила ни нас, ни других обожателей — городскую шпану, считавшую ее легкой добычей. Парни крутились позади путницы, прекрасно зная, что дорога впереди предоставит им массу хороших возможностей. В трех милях за западными воротами начинаются малообжитые земли. Холмы там не годятся под виноградники и с натяжкой подходят только для выпаса овец.

Торнада поднялась на ноги и тут же без всякой подсказки оценила ситуацию.

— У меня есть предложение, которое тебе не понравится.

— Какое?

— Позволим тем трем клоунам сделать свое дело, а потом отнимем у них книгу.

— Ты угадала. Идея мне не нравится.

— Подумай. Ты не знаешь, какой фокус припрятан у нее в рукаве. Так почему не позволить кому-то другому набить себе шишки? Скажи, что я не права.

У этой девицы своеобразное мышление. Но в ее словах имелся определенный смысл.

Я был достаточно зол на Карлу, чтобы согласиться.

— Ты явилась в Танфер этим путем?

— Да. А что?

— В паре миль отсюда дорога делает поворот, огибая отроги вон того хребта, и направляется в сторону городка Свичбек.

— Помню.

— Если пойти напрямиком, можно сократить путь мили на полторы и встретить Карлу с той стороны. Мы можем зайти с двух направлений. Думаю, они нападут на нее у оконечности хребта рядом со Святилищем Ангельской Девы или чуть дальше, у ручья.

— Святилище названо в честь меня, что ли?

— Это мысль!

— Есть еще одна. Куда рыжая будет смотреть — вперед или назад? Кого она тут же узнает?

Черт бы побрал ее черное сердце. Торнада права. Карла Линдо узнает меня мгновенно. Я немного помучился, но, когда настало время, полез по склону, проклиная все на свете.

Вниз спускаться было гораздо легче. Никаких усилий. Но времени я затратил больше, чем предполагал, и к Святилищу Ангельской Девы опоздал. Нехорошие парни успели прихватить Карлу Линдо, а Торнада успела прихватить нехороших парней в весьма уязвимых и нескромных позах. Когда я пыхтя присоединился к компании, один из них уже помер, второй был близок к этому, а третий пребывал в бессознательном состоянии. Торнада заканчивала связывать полуголую Карлу, превращая ее в кокон.

— Ты что, Гаррет, задержался глотнуть пивка?

— Ходули оказались коротки для быстрого спуска.

Двигающееся на запад крестьянское семейство изо всех сил делало вид, что ничего не замечает. Они донесут на нас на Станции Адского Путника, где расквартирована кавалерия. Станция находится в паре миль за Свичбеком. Сюда придут всадники. Отношение к преступникам здесь не столь снисходительное, как в городе.

Карла Линдо имела вид довольно потрепанный. Далеко не сразу она узнала меня и включила жар своего обаяния. Я, как всегда, раззявил пасть. Торнада сплюнула, покачала головой, одной рукой схватила сверток, а другой вцепилась в меня.

— Ты что, намерен истекать здесь слюной или предпочтешь уносить свою задницу?

Я напрягся, вздрогнул и стряхнул с себя наваждение.

— Буду уносить задницу. Подожди минутку. — Я обратился к Карле Линдо: — Скоро, сердце мое, сюда прискачут конники. Они тебя и развяжут. Если ты не хочешь до конца своих дней объяснять Повелителям Огня и Властителям Бурь, что такое Книга Призраков, скажи солдатам, что на тебя напала эта троица, а спасли какие-то путники, которые тут же удалились, дабы избежать встречи с представителями власти.

— Гаррет! Умоляю.

Неужели Карла не может оставить меня в покое? Нет, положительно она — ведьма. Я начинал плавиться, как воск.

— Гаррет, я должна получить книгу. Я не могу вернуться домой без нее.

Пришлось еще раз напрячься и вздрогнуть. Если я хочу, то могу устоять перед любой красоткой. Даже рыжей.

— Ничего не выйдет, дорогуша. В ней чересчур много зла, и она уже прикончила слишком много людей. Ее следует уничтожить. Это дело я никому не могу доверить. Возможно, даже самому себе.

По совести говоря, книга перестала меня искушать. Я уже терпел от нее столько страданий, что теперь хотел положить всему конец, и как можно быстрее.

— Прости, любовь моя. — Я погладил Карлу Линдо по щечке. — А ведь нас могло ожидать счастье.

— Гаррет, ты не можешь так со мной поступить. Ты же любил меня! Разве не так?

— Было немного... Но это не значит, что я могу позволить тебе мною манипулировать. Такого я никому не позволяю.

Кроме Тинни, наверное. Я прошел через преддверие ада, чтобы завершить дело. Теперь мне надо с ней обязательно увидеться...

С Карлой Линдо произошла метаморфоза. Маленькая деликатная дущечка превратилась в дикую кошку с языком докера. Она до конца распахнула свою темную душу и стала подлинной Карлой Линдо Рамадой, оказавшейся ничуть не лучше двух своих предшественниц.

— Ты готов? — проворчала Торнада. — Или задержишься выслушать еще порцию оскорблений?

Она права. Не обращая внимания на кровоточащую рану в сердце, я повернулся к Карле Линдо спиной и зашагал в сторону Танфера. Почти всю дорогу мы шли молча. Нам нечего было сказать. Все могло обернуться гораздо хуже, внушал я себе. Возникновению более близких отношений между мною и Карлой Линдо помешало только стечение обстоятельств. Мне повезло, и дело кончилось лишь тем, что я получил еще один урок темной сущности человеческих душ. Снова я убедился, что почти каждый — были бы стимулы и возможности — способен встать на путь зла. А тот, кто уже зол, становится еще злее.

Проповедники всех религиозных конфессий не устают твердить о добре, изначально заложенном в человеке. Они все круглые дураки. Я постоянно вижу, как люди активно ищут возможности сотворить зло.

Большую часть своих невеселых мыслей я высказал вслух.

— Ты вгоняешь в тоску, — сказала Торнада.

— Говорят, со мной это случается. После событий. Если побудешь со мною подольше, сможешь увидеть меня в действительно мрачном расположении духа.

Интересно, как пойдет дело дальше. Сверток Карлы Линдо был у Торнады. У нее может возникнуть соблазн продать книгу Истерману.

Не знаю, каким образом пришла ко мне эта идея. Быть может, под влиянием момента. А может, она уже давно сидела в моем подсознании, и именно поэтому я избрал не самый короткий путь домой через западную часть города. Словом, мы неожиданно оказались на углу Блейз и Эльдоро. Напротив нас одиноко, как бы изгнанное боязливыми соседями, стояло здание из золотистого кирпича. Надо сказать, большинство домов Танфера построено из красного кирпича. Над трубой желтого здания вился дымок.

— Зайдем-ка сюда.

Я толкнул дверь. О нашем появлении возвестил звон коровьего колокольчика. На звук вышел иссохший, морщинистый кобольд. Двуногая белка. Его лапки были сложены у сердца, и он непрерывно потирал их.

— Чем могу быть полезен, сэр, мадам?

Он ухмыльнулся, словно заранее зная ответ. Это племя водит близкое знакомство со смертью.

— Я заметил дым. Вы сильно загружены?

Кобольд удивленно взглянул на меня:

— Нет, сэр. А огонь поддерживается постоянно, чтобы не тра-
тить топливо на разогрев печи.

— Дай-ка мне сверток, — сказал я Торнаде.

Удивленная Торнада неохотно рассталась со своей ношей. Амазон-
ка прибыла из мест, где мало негуманоидов. Если бы она поняла что к
чему, могла оказать сопротивление. Я показал сверток кобольду:

— Хочу, чтобы вы приняли это.

— Сэр?

— Плачу обычную цену.

— Хорошо, сэр.

И кобольды ничего не имеют против денег, даже если чего-то
недопонимают. Он протянул руку к свертку.

— Я бы предпочел сделать это сам. Чтобы быть абсолютно
уверенным. Вы меня понимаете?

— Как пожелаете, сэр.

Он не двигался. Настало время продемонстрировать ему цвет
моих монет. Он улыбнулся, высыпал деньги в магически возникший
и тут же исчезнувший ящик и, потирая лапки, произнес:

— Следуйте за мной, сэр.

— Что ты затеял, Гаррет? Куда ты меня затащил? И откуда
эта отвратная вонь?

Мы прошли через коридор мимо нескольких небольших комнат.
В одной из них семейство кобольдов оплакивало неподвижно лежа-
щее на столе тело. Торнада все поняла.

Многие расы и даже некоторые люди предпочитают не хоро-
нить своих мертвецов. Причины могут быть самые разнообразные.
Например, для кобольдов погребение в земле дает возможность их
жмурикам подняться и начать портить жизнь родственникам и зна-
комым. По крайней мере они так считают. Для людей главную роль
играют затраты. В Танфере не хватает кладбищ и место захороне-
ния стоит дорого.

Кобольд провел нас к печи и что-то проорал на своем языке.
Появилось еще несколько кобольдов, скорее всего его родичей, и
они начали кидать уголь в топку и энергично качать мехи, раздувая
пламя. Уже через несколько мгновений жар ударил нам в лицо.

— Ты хочешь ее сжечь? — спросила Торнада.

— Брошу туда, и все. Кроме шлака, ничего не останется.

В этих печах держится очень высокая температура. Не так просто превратить кости в пепел.

Маленький народец шуровал уголь и продолжал качать мехи. В помещении свободно можно было зажариться. Торнада боролась с собой и даже не слишком скрывала это.

— Гаррет... Я должна выйти. Не могу вынести вони.

Конечно, здесь жарковато, но она искала предлог, чтобы уйти и избежать соблазна. Если она выносит свой дух, то вполне способна вытерпеть и запахи крематория.

Скоро старый кобольд сообщил, что печь готова. Усмирив — после длительной борьбы — темные стороны своей души, я бросил сверток на площадку, куда обычно укладывают тела. Приблизив нос к слюдяному окошку, я стал следить за происходящим.

Упаковка сгорела мгновенно, обнажив книгу. Я увидел ее в первый раз. Она полностью соответствовала описанию — большого формата, толстая, переплетенная в кожу. Огонь быстро охватил ее. Латунные страницы начали скручиваться.

Не сомневаюсь, это был лишь плод моего воображения. Что же еще? Но по мере того как страницы гнили в огне, мне казалось, что я слышу отдаленные крики боли. Мне чудилось, что над пылающим углем бьются в неистовом танце полупрозрачные призраки.

48

Я вышел из крематория.

— Что ж, дело сделано...

Проходящая мимо парочка посмотрела круглыми глазами на беседующего с самим собой психа. Я тотчас заткнулся. Торнады не было. Я прождал с полминуты с глупым видом. Чувствовал я себя тоже преглупо. Затем я пожал плечами. Что я дергаюсь? У нее есть свои дела. Надо поторопиться заложить вещички, украденные у Чодо, пока условия залога не ухудшились.

Что теперь? Я рассудил, что лучше всего отправиться домой и досмотреть сон. Но решив в качестве наказания еще себя помучить, я

направился к обители Тейтов. Короткий визит. На минутку. Только узнать, как чувствует себя Тинни. Если я, конечно, сумею проскользнуть мимо одного из Тейтов, охраняющего врата. После этой ночи семейка может оказаться еще менее дружелюбной, чем обычно.

Но меня пустили, и я увидел Тинни. Она чувствовала себя значительно лучше — сплошной перец и уксус. Снова моя старая рыжуха. Зловеще ухмыльнувшись, она пообещала навестить меня, как только я оправлюсь от пережитого.

— К тому времени ты, парень, наверное, успеешь окунуться в теплую водичку. Сдается мне, все блохи на тебе не только передохли, но уже начали разлагаться.

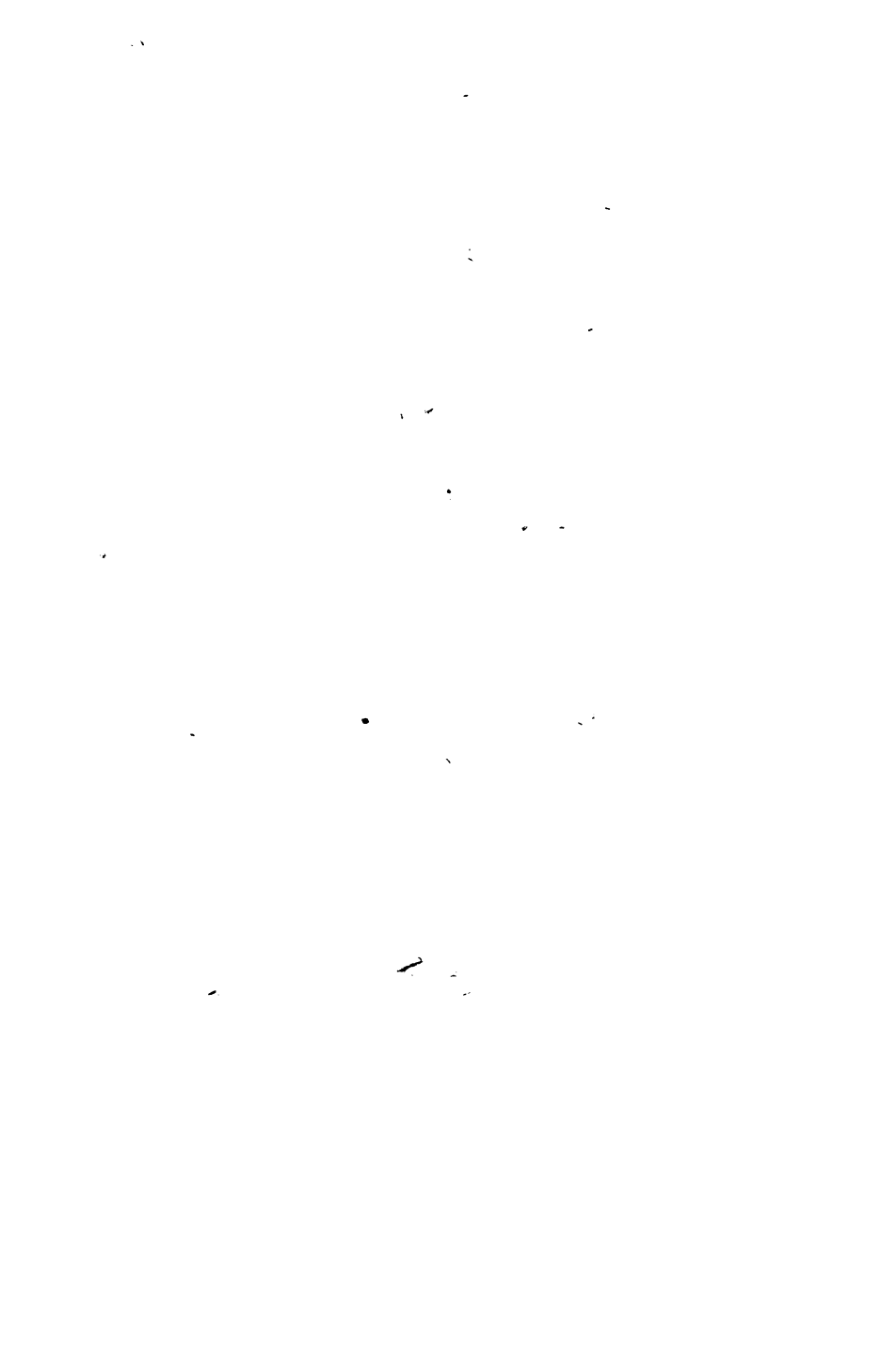
Я ненадолго (минут на десять) приложился к ее губкам.

— Всю дорогу бежал. Не дай мне состариться, прежде чем...

— Ты и так уже несколько староват для меня. Но еще мне нравишься. Не могу устоять. А вообще-то тебе лучше свалить, пока дядя Уиллард не пронюхал, что ты здесь.

Я свалил. Домой я, конечно, не бежал, но терять времени не стал. Потом мне сказали, что я на ходу напевал. Я сразу отправился в кровать. Не исключено, что я из нее не вылезу никогда, сказав «гуд бай» утреннему бегу, рыжим и всем остальным. Если у меня хватит ума остаться в постели и не высовывать голову из-под одеяла, я, наверное, перестану влипать во всякие безумные истории.

Ночи кровавого железа



1

Когда я протиснулся в дверь «Домика Радости» Морли, все посмотрели на меня так, словно вошла смерть с косой. Воцарилась мертвая тишина. Я замер. Взгляды так давили, что я не мог сдвинуться с места.

— Вы что, ребята, привидение увидали?

Глаз у меня наметанный. По комнате будто прошелся дубинкой какой-то псих. Этот парень (а может, и несколько), не жалея времени, врбался в стены и вовсю размахивал топором. Вокруг хватало шрамов и разбитых носов, чтобы представить себе, что произошло.

«Домик Радости» гордится такой публикой.

— О черт! Это Гаррет. — Мой старый приятель Рохля целый и невредимый стоял за стойкой. — Опять полиция.

Ростом Рохля под три метра, а то и больше. Цвет кожи, как у залежалого покойника. Готов спорить, трупное окоченение головы началось лет двадцать назад.

Несколько гномов, великан, разнообразные эльфы и один-два парня неведомого происхождения залпом выдули коктейли из кислой капусты и двинулись к выходу. Это были какие-то незнакомые парни. А знакомые парни изо всех сил делали вид, что не знакомы со мной. По комнате прошел шепоток: незнакомым парням сообщали, кто я такой.

Бальзам для моего самолюбия. Называйте меня Грязным Гарретом.

— Всем привет! — прикинувшись бодрячком, сказал я. — Шикарная ночь, а?

И вовсе не шикарная. Дождь лил как из ведра, и, похоже, это было даже не ведро, а бездонная бочка. Я не сообразил надеть шляпу, и беспорядочные градины чуть не продолбали дырки у меня в голове. Впрочем, нет худа без добра — может, потоки воды очистят улицы от зловонных куч мусора. Кучи напоминали вздувшиеся гнойные волдыри, которые вот-вот лопнут. Городские мусорщики из крысиного народа совсем обленились.

— Привет, Гаррет! Присоединяйся!

Ладно. Хотя одно дружелюбное лицо.

— Плоскомордый, привет, старина, привет, дружище!

Я направился к скрытому в тени угловому столику, за которым сидел Тарп с каким-то типом. Из-за темноты типа я заметил не сразу. Даже с близкого расстояния я не мог его как следует разглядеть. На нем было тяжелое черное одеяние, как у некоторых священнослужителей, да еще и с капюшоном. Казалось, от него исходят волны мрака вроде миазмов. Таких типов на вечеринки не приглашают.

— Тащи сюда стул, — сказал Тарп. Не знаю, почему его называют Плоскомордый. Он не в восторге от этого прозвища, но оно нравится ему больше имени Уолдо, которым наградили его родители.

Я плюхнулся на стул. Приятель Тарпа заметил:

— Сдается мне, вас здесь не очень-то привечают. Вы что, заразный?

Он не только был мрачный, но и говорил то, что думал, — жуткий недостаток в общении, хуже миазмов.

— Ха! — фыркнул Плоскомордый. — Ха-ха-ха! Вот это да, Уник! Черт возьми! Это же Гаррет! Я тебе о нем рассказывал.

— Туман начинает рассеиваться. Но не вокруг него, там была все такая же мгла.

— Вы обижаете меня, — сказал я. — Вы не правы. — Я заговорил громче. — Вы все не правы. Я тут не по работе. Я ничего не выпнохиваю. Просто подумал: заскочу сюда пообщаться с друзьями.

Они мне не верили.

Но по крайней мере никто не изощрялся в остроумии по поводу того, что у меня нет друзей.

Плоскомордый сказал:

— Если бы ты заходил и общался время от времени, а не только, когда у тебя на уме какой-то пакость, глядишь, ребята при виде тебя и заулыбались бы.

Ворчи не ворчи: что правда, то правда.

— Ну и вид у тебя, Гаррет! Худющий и злющий. Все работаешь мозгами?

— Да.

Есть повод еще поворчать. Я не очень люблю работать. Особенно мозгами. Я думаю, что в любом разумном мире единственная достойная работа для мужчины — охмурять причитающееся ему количество блондинок, брюнеток и рыженьких.

Понятно? Я — Гаррет, сыщик и секретный агент, непомерным честолюбием не страдаю, проявляю интерес к людям определенного сорта и ловко встречаю в дела, которые вряд ли понравились бы моим друзьям и знакомым. Мне чуть за тридцать, рост шесть футов два дюйма, рыжеватые волосы и голубые глаза. И когда я прохожу по улице, собаки не воют мне вслед, хотя превратности ремесла оставили на мне отпечаток; но отпечаток этот на лице. Я считаю себя обаятельным. Друзья не согласны со мной, они считают меня просто легкомысленным. Ну, будешь слишком глубокомысленным, станешь таким, как дружок Плоскомордого.

Тут подоспел Рохля с огромной кружкой моего любимого напитка, божественного элексира, который заставляет меня шевелить мозгами. Рохля налил его из своего личного бочонка, спрятанного за стойкой. В «Домике Радости» подают только пищу для кроликов или соки из нее. Морли Дотс убежденный вегетарианец.

Я сделал большой глоток горького пива:

— Рохля, ты принц.

И я выудил из кармана серебряную марку.

— Ага. Стою в очереди на получение трона. — Он не стал притворяться, что ищет сдачу. Настоящий принц. За такие деньги можно купить целый бочонок, серебро нынче в цене. — Почему ты здесь, вместо того чтобы резвиться с кучей рыжих девок?

В моем последнем крупном деле было замешано множество особей этой прелестной разновидности. К сожалению, лишь с одной из них, оказалось, можно общаться. Рыжие всегда такие. Они либо чертовки, либо ангелочки, но на поверку ангелочки тоже не ангелоч-

ки. Мне кажется, это потому, что они пытаются брать за образец дам прошлых времен.

— Резвиться, Рохля? — Интересно, где Рохля подхватил слово «резвиться»? Он собственное имя произносит с трудом, потому что в нем больше одного слога. — Ты, случайно, не начал ходить в школу?

Рохля только ухмыльнулся.

Я спросил:

— Что здесь происходит, ужин Томми Такера*? Добродушный старик Гаррет в роли Томми?

Рохля сильнее растянул губы в ухмылке, обнажив ряд непривлекательного вида испорченных зубов, чередующихся с пустыми отверстиями. Вот ему бы как раз обратиться в веру Морли и возродиться вегетарианцем.

Плоскомордый сказал:

— Ты лакомый кусок.

— Должно быть. Притом для всех. Слышал, что учудил Дин?

Дин — это дедок, который у нас с партнером ведет хозяйство. Ему под семьдесят. Из него вышла бы отличная жена.

Пока мы разговаривали, приятель Тарпа все набивал и набивал свою чертову трубку; никогда я не видел такой огромной трубки. Углубление величиной с ковш. Рохля притащил от стойки латунное ведро с углем. Уник медными щипцами взял уголек и поднес к трубке. И тут же выдохнул такие клубы дыма, которые могли бы нас всех подбросить к потолку.

— Музыканты, — пробормотал Плоскомордый, как будто нашел причину всех зол в мире. — Я не слышал, Гаррет. Что сделал Дин? Привел тебе еще одну кошку?

У Дина страсть собирать прилудных животных. Мне пришлось занять твердую позицию, чтобы не оказаться по уши в кошачьей шерсти.

— Хуже. Он говорит, что переедет ко мне. Как будто у меня нет права голоса. И ведет себя так, точно жертвует собой.

* Герой английского детского стихотворения «Томми Такер хочет кушать, никого не хочет слушать. Что положит Томми в рот? С белым маслом бутерброд. Как его проглотить за один присест? Как ему жениться, если нет невест?». — *Перев. Д. Ермоловича.*

Плоскомордый усмехнулся:

— Займет твою свободную комнату. Негде будет припрятать лишнюю милашку. Бедный Гаррет. Придется довольствоваться одной.

Ворчи не ворчи.

— Я не страдаю от избытка. С тех пор как Тинни и Уингер столкнулись у меня на крыльце, я довольствуюсь ничем.

Рохля расхохотался. Варвар.

Тарп спросил:

— А Майя?

— Не видел ее полгода. Наверно, уехала из города. Теперь я живу с Элеонорой.

«Элеонора» — это картина на стене у меня в кабинете. Девчонка мне нравится, но возможности у нее ограниченные.

Все полагали, что у меня очень веселая жизнь, все, кроме дружка Тарпа. Этот приятель уже не слышал никого, кроме себя. Он начал напевать с закрытым ртом. Я решил, что музыкант из него нсважный. Он все время фальшивил.

Рохля перестал ржать и сказал:

— Уверен, ты замышляешь какую-то штуку. Не такую, как обычно, но все равно придется выручать тебя из беды.

— Черт возьми, я просто хотел уйти из дома. Дин доводит меня до белого каления, а Покойник не смыкает глаз — ждет, когда Слави Дуралейник что-нибудь натворит, и боится пропустить новости. Я столько терпел эту парочку, другой и половины не выдержал бы.

— Да, тяжела твоя жизнь, — съязвил Плоскомордый. — От всей души сочувствую. Знаешь что? Давай поменяемся. Я займу твою квартиру, а ты мою. Билли возьмешь в придачу.

Билли его теперешняя пассия, маленькая блондинка, но жару в ней, что в дюжине рыжих.

— Это надо понимать как разочарование?

— Нет. Это надо понимать как положение вещей.

— Все равно спасибо. Может, в другой раз.

Плоскомордый живет в доме без лифта, в однокомнатной квартире, где едва умещается самая необходимая мебель. Я тоже ютился в такой конуре, пока не преуспел настолько, что купил дом, который мы с Покойником и занимаем.

Плоскомордый откинулся на спинку стула, засунув большие пальцы за пояс, самодовольно улыбнулся и кивнул. Еще раз кивнул и еще раз улыбнулся. Ухмылка Плоскомордого — просто чудесное зрелище. Она держится на его безобразной физиономии так долго, что Корона может объявить эту улыбку национальным достоянием. Плоскомордый считает себя чистокровным человеком, но его рост и наружность наводят на мысль, что в его родне затесался тролль или великан.

— Ты не готов к сделке, Гаррет; не скажу, что я тебе сильно сочувствую.

— Я мог бы пойти в какую-нибудь занюханную пивнушку и утопить горе в спиртных напитках, плачась в жилетку участливым незнакомцам, но нет, я пришел сюда...

— Меня это устраивает, — ввернул Рохля, услышав про спиртные напитки. — Смотри только, чтобы мы тебя здесь не ободрали как липку.

Я никогда не причислял его к своим друзьям. Он просто работал у моего приятеля Морли, да и дружеские чувства Морли ко мне весьма сомнительны.

— Ты лишаешь радости «Домик Радости», Рохля.

— Брось, Гаррет. Пока ты не вошел, жизнь тут была ключом.

Дружок Плоскомордого Уник уже не издавал ни звука, но продолжал усмехаться и пыхтеть, как вулкан. Дыма вокруг него хватило, чтобы я сам готов был начать мурлыкать. Я потерял нить разговора и задумался, почему это заведение называется «Домиком Радости», слишком экзотическая вывеска для места встреч вегетарианцев.

Уник вдруг вскочил как ошпаренный. Он будто плыл по воздуху к двери, пятки едва касались пола. Я никогда не видел, чтобы кто-нибудь курил такой крепкий табак. Я спросил Тарпа:

— Где ты его подцепил?

— Уника? Это он меня подцепил. Он и еще несколько ребят хотят «организовать» музыкантов.

— Все ясно.*

Я понял, почему их заинтересовал Плоскомордый. Тарп зарабатывает на жизнь тем, что убеждает людей. Его методы включают и применение физического воздействия.

Два или три Морли спускались по лестнице со второго этажа, глядя, как музыкант выскакивает за дверь. Морли знал, что я при-

шел. Рохля сообщил ему об этом по ведущей наверх в контору переговорной трубке. Дым застилал глаза, но казалось, что Дотс не в духе.

Морли — полукровка, частью человек, частью темный эльф. Но наследственность эльфов возобладала. Он небольшого роста, складный и такой смазливый, что просто срам. И творит он сплошной срам, стóит только зазеваться чьей-нибудь жене. Морли отрастил усики щеточкой. Черные волосы гладко зачесал назад. Разрядился в пух и прах, хотя таким, как он, идет любая одежда. Он медленно приближался к нам, обнажив в улыбке множество острых зубов.

— Что здесь у вас происходит?

Плоскомордый предложил грубое объяснение. Морли не обратил на него внимания:

— Ты бросил работу, Гаррет? Давно ты не навевывался.

— Зачем работать, если нет необходимости?

Я пытался принять самодовольный вид, хотя мои денежные дела оставляли желать лучшего. Содержать дом стоит недешево.

— Что-то затевается?

Морли занял стул Уника и помахал рукой, рассеивая густой табачный дым.

— Едва ли.

Я поведал ему свою печальную историю. Он смеялся от души.

— Очень красочно, Гаррет. Я тебе почти верю. Надо признать, твои истории всегда очень правдоподобны. Так чем же ты сейчас занимаешься? Сугубо секретным делом? Я не слышал ни о чем таком из ряда вон. Город хиреет.

Он столько разглагольствовал, потому что я говорил неуверенно.

— Черт! И ты туда же!

— Ты приходишь, только когда тебя надо вытаскивать из ямы, которую ты сам себе вырыл.

Это несправедливо. Это неправда. Я относился к нему так искренне, что даже ел жвачку, которую подают в его забегаловке. И однажды даже заплатил по счету.

— Ты мне не веришь? Тогда скажи мне вот что. Где женщина?

— Какая женщина?

Дотс, Плоскомордый и Рохля хитро ухмыльнулись. Решили, что поймали меня.

— Вы заявляете, что я здесь по работе. А где женщина? Когда я начинаю распутывать какое-нибудь странное дело, всегда появляется хорошенькая бабенка. Верно? Ну, где же красotka? Черт возьми, мне так не везет, что придется работать только... Что?

Они не слушали. Они таращились на что-то за моей спиной.

2

Ей нравился черный цвет. Поверх черного платья она надела черный плащ. И на ней были высокие черные сапожки. В смоляных волосах бриллиантами сверкали капли дождя. Еще она носила черные кожаные перчатки. Я подумал, что она где-то потеряла черную шляпу с вуалью. Все на ней было черное, оттеняя ее лицо, бледное как полотно. Ростом примерно пять с половиной футов. Молодая. Красивая. И испуганная.

Я проговорил:

— Я влюбился.

Морли лишился чувства юмора. Он сказал:

— Не приставай к ней, Гаррет. Она тебя угробит.

Поразительные черные глаза надменно смотрели сквозь нас, словно нас вообще не существовало. Она прошествовала к стоявшему немного особняком свободному столику. Постоянные посетители дергались при ее приближении и прикидывались, что не видят ее.

Любопытно.

Я присмотрелся повнимательнее. Ей было лет двадцать. Ярко-красная помада на губах напоминала свежую кровь. Это яркое пятно на мертвенно-бледном лице внушало ужас. Но нет. Ни один вампир не рискнет выйти на негостеприимные улицы Танфера.

Я заинтересовался. Чего она боялась? Почему эти головорезы шарахались от нее?

— Морли, ты с ней знаком?

— Нет. Но я знаю, кто она.

— Кто?

— Дочка Большого Босса. Я встретил ее у него месяц назад.

— Дочь Чодо?

Я был поражен. Романтический настрой почти пропал.

Чодо Контагью — король преступного мира Танфера. Он получает часть прибыли от всех темных дел, творящихся у нас.

— Да.

— Ты был у него? Ты его видел?

— Да.

Морли говорил не очень уверенно.

— Значит, он и вправду живой.

Я слышал об этом, но верилось с трудом.

Мое последнее дело, где было замешано множество рыжих девиц, закончилось тем, что мы с моей подружкой Уингер и двумя главными телохранителями Чодо погнались за этим ублюдком. Мы с Уингер сообразили, что следующая очередь наша, и дали стрелача, не дожидаясь развязки. Уходя, мы оставили старика Чодо на попечение Краска и Садлера, которые были готовы его, вздернуть. Однако этого не произошло. Чодо по-прежнему крестный отец. Краск и Садлер все так же ждут его смерти, будто и не было случая, когда они собирались приструнить старика навеки.

Меня это беспокоило. Чодо отлично меня видел. Он не из тех, кто прощает.

— Дочь Чодо! Что она делает в такой дыре?

— Что значит «в такой дыре»?

Достаточно лишь намекнуть, что «Домик Радости» заведение не высшего разряда, и Морли начинает беситься.

— Это значит, что она наверняка о себе высокого мнения. А здесь, с ее точки зрения, дешевая пивная, что бы ты или я об этом ни думали. Морли, это не Холм. Это Зона безопасности.

Такой у Морли район. Зона безопасности. Это территория, на которой представители различных биологических видов встречаются по делу, не особенно рискуя, что их замочат. Это не аристократическая часть города.

Все время, пока мы шептались, я пытался придумать подходящий предлог для того, чтобы подойти к девушке и сказать, что любовь сделала меня ее рабом. И все время, пока я это делал, внутренний голос твердил мне: не ваяя дурака, дитя Чодо может нести только смерть.

Должно быть, я вздрогнул. Морли схватил меня за руку:

— Не сходи с ума, докатишься до Веселого уголка.

Здравый смысл. Не шути с огнем. Я сохранил благоразумие. Успокоился. Овладел собой. Но я не мог на нее не смотреть.

Парадная дверь распахнулась. Вместе с двумя здоровенными бандитами в помещение влетела буря. Они держали дверь открытой, пока не вошел третий мужчина; он ступал медленно, словно играл в спектакле. Он был пониже, но не менее мускулистый. Кто-то расчертил его лицо ножом. Один глаз был постоянно полуприкрыт. Верхняя губа застыла в вечной усмешке. Он дышал злобой.

— О дьявол! — произнес Морли.

— Ты их знаешь?

— Я знаю таких, как они.

Плоскомордый шепнул мне:

— А мы нет.

Тип со шрамом огляделся вокруг. Заметил девушку. И пошел вперед. Кто-то завопил: «Закройте дверь». Два тяжеловеса для начала зыркнули по сторонам, чтобы узнать, какие клиенты толкуются в «Домике Радости».

Потом парни закрыли дверь.

Я бы их не обвинял. У Морли бывают очень скверные посетители.

Шраму было на все наплевать. Он приблизился к девушке.

Она отвернулась. Он наклонился к ней и что-то прошептал. Она вздрогнула, а затем посмотрела ему прямо в лицо. И плюнула.

Чодова кровь, ясное дело.

Шрам улыбнулся. Он был доволен. Он получил предлог.

В полной тишине Шрам стащил девушку со стула. Ее лицо исказилось от боли, но она не проронила ни звука.

Морли сказал:

— Так-так!

Голос звучал мягко. И угрожающе. Морли не дает в обиду своих посетителей. Шрам, вероятно, не знал, где находится. Он не обратил внимания на Морли. Как правило, это роковая ошибка.

Хотя, может, Шраму это и сойдет с рук.

Морли двинулся к выходу. Громилы у двери преградили ему дорогу.

Дотс заехал одному из них в висок. Парень был раза в два выше Морли, но рухнул на пол как подкошенный. Его напарник по глупости схватил Морли.

Мы с Плоскомордым встали через секунду после Дотса. И двинулись вокруг дома, высматривая Шрама. Морли не нуждался в помощи. А если она ему вдруг понадобится, у Рохли под прилавком целый арсенал.

Дождь хлестал по лицу, будто хотел загнать меня обратно под крышу. Когда я пришел, дождь был не такой сильный.

— Вон там. — Плоскомордый показал пальцем.

Я разглядел очертания темной кареты и две борющиеся фигуры: Шрам пытался затолкнуть девушку внутрь.

Мы припустили вперед, я на ходу снял с пояса любимую дубовую колотушку. Я никогда не выхожу из дома без нее. Она полтора фута длиной, и на конце фунт свинца. Действует эффективно, и жертва не остается навсегда валяться на улице.

Но Плоскомордый опередил меня. Он сгреб Шрама в охапку, раскрутил его и жажнул о стену ближайшего дома с таким шумом, что в нем утонули раскаты далекого грома. Я скользнул на освободившееся место и схватил девушку.

Кто-то затаскивал ее в карету. Левой рукой я обхватил ее талию, а правую вытянул и взмахнул дубинкой, рассчитывая врезать злодею между глаз.

И тут я увидел эти глаза. Они были как на картинках в рассказах о привидениях: огромные для ссохшегося коротышки, которому они принадлежали, и горящие зеленым огнем. На вид этому типу было лет девяносто. Но он был сильный. Пальцами, напоминающими птичьи лапы с когтями, он вцепился в руку девушки и тянул ее к себе, хотя мы с ней сопротивлялись изо всех сил.

Я размахнулся, стараясь не смотреть в его глаза, которые источали яд. Они пугали меня до смерти. Меня по всей спине продрал мороз. А я не из трусливых. Пришлось изо всех сил долбануть его по башке. Хватка ослабла. Воспользовавшись возможностью, я примерился еще раз. И он получил по заслугам.

Его рот широко открылся, но вместо крика из него вылетели бабочки. Целая туча бабочек, они заполнили всю карету. И закружились надо мной. Я отшатнулся и стал разгонять их колотушкой.

Мне всегда казалось, что от бабочек не может быть вреда, но кто знает, чего ожидать от насекомых, вылетевших изо рта мерзкого старика?

Плоскомордый унес подальше девушку, отпихнул меня назад, как тряпичную куклу, залез в карету и вытащил старикана. Когда Плоскомордый сердится, нельзя путаться у него под ногами. Он все крушит.

Огонь в глазах старика потускнел. Плоскомордый поднял корытчку одной рукой, проговорил: «Что это за фокусы, доходяга, черт тебя побери?» — и шмякнул его о ту же стену, которая погубила Шрама. Потом начал без особого почтения пинать их ногами, отвешивая удары по очереди. Я слышал, как трещат ребра. Я решил утихомирить Плоскомордого, а то он еще кого-нибудь убьет, но не знал, как это сделать. Не хотел попадаться ему под руку, пока он в таком состоянии. И меня все еще преследовал рой мокрых от дождя бабочек.

Тарп успокоился сам. Он взял старика за шиворот и швырнул в карету. Дед заскулил, как побитый щенок. Тарп бросил туда же Шрама и поднял голову. На месте кучера никого не было, и Тарп просто ударил стоящую рядом лошадь по задку и гикнул.

Карета сорвалась с места.

Сутулясь под дождем, Тарп повернулся ко мне.

— Вот мы и позаботились об этих шутах. Эй! Что с девчонкой?

Она исчезла.

— Черная неблагодарность. Баба есть баба. Черт ее возьми. — Плоскомордый на секунду задрал голову и подставил лицо под дождь. — Я на этом не останавлиюсь. Давай пойдем напьемся, а потом хорошенько с кем-нибудь подеремся.

— Я думал, мы уже достаточно подрались.

— Ба! С этими разве драка? Слабаки! Пошли.

Мне вовсе не улыбалось накликать на себя беду. Но спрятаться от дождя и от этих бабочек неплохо бы. Я говорил, что не совсем утратил здравый смысл.

Один из двух бандитов валялся в сточной канаве около двери Морли, перекрывая путь стекающей по трубе воде. Второй вылетел наружу, как раз когда мы подошли.

— Эй! — завопил Тарп. — Смотрите, куда мусор выбрасываете!

Я оглядел помещение. Девушка не вернулась. Мы с Морли и Рохлей устроились за столиком и стали думать, что все это значит. Плоскомордый ушел искать настоящих приключений.

3

Я как следует приложился к пиву из бочонка Рохли (не пропадать же серебряной марке), и мы с Морли поговорили о королях и капусте, и о бабочках, и о старых временах, которые никогда не были очень уж добрыми, хотя иной раз мне и везло. Мы решили все мировые проблемы, но пришли к выводу, что никто из правителей не обладает достаточным умом, чтобы осуществить нашу программу. А сами мы не хотели браться за эту работу.

О женщинах мы говорили недолго. Недавний успех Морли затмил мои достижения. И сил моих не было смотреть, как эта огромная бесформенная туша Рохля откинулся на спинку стула, подбоченился и самодовольно заулыбался, вспоминая о своих победах.

Дождь лил не переставая. Наконец я заставил себя вернуться к действительности. Я снова промокну до нитки. А если Дин не ответит на мои крики и стук в дверь, то еще сильнее. Стиснув зубы и ни на что не надеясь, я покинул Морли и его заведение. Дотс выглядел таким же самовлюбленным, как его бармен. Он-то уже дома.

Я опустил голову как можно ниже и пожалел, что не хватило ума надеть шляпу. Я так редко ношу ее, что мне и в голову не пришло украсить себя этим предметом, хотя это было бы очень кстати. Капли дождя тут же ударили меня по затылку и потекли по спине.

Я замедлил шаг на том месте, где мы спасли загадочную дочь Чодо от ее не менее загадочных похитителей. Здесь было почти темно. Дождь стер большую часть следов. Я порыскал вокруг и уже подумал было, что добрая половина происшедшего мне привиделась, как вдруг обнаружил на земле большую запачканную грязью бабочку. Я поднял трупик, осторожно зажал его в левой руке и унес с собой.

Я живу в старом красном кирпичном доме, расположенном в некогда богатом квартале на Макунадо-стрит, близ Дороги Чародея. Ныне средний класс в полном составе сбежал с тонущего ко-

рабля. Большинство соседних домов поделили и сдали внаем семьям с выводками детей. Обычно, подходя к дому, я останавливаюсь, внимательно рассматриваю его и размышляю о том, что лишь счастливый случай помог мне остаться в живых, когда я расследовал дело, которое принесло мне деньги на покупку этого самого дома. Но стекающие по спине холодные капли убивают все воспоминания.

Я взбежал по ступенькам, что есть силы стукнул в дверь, как у нас условлено: «Бум-бум-бум» — и заорал: «Дин, открой! Я тут утону». Ярко вспыхнула молния. Гром встряхнул меня так, что зубы застучали. Раньше небесные властители не враждовали между собой, только готовились ко второму Всемирному Потопу. Гром и молния предупреждали, что они не шутят. Я стучал и кричал. Крыльцо не защищает от дождя.

Возможно, у меня звенело в ушах. Но мне показалось, что в доме мяукает котенок. Я знал, что этого не может быть. Я отругал Дина за его прибудных кошек. Он не рискнет приняться за старое.

Изнутри послышались шарканье и шепот. Я снова заорал. «Открой эту чертову дверь, Дин. Мне холодно». Я не угрожал. Я не так воспитан, чтобы угрожать человеку, который просто может лечь спать и оставить меня куковать под дождем.

После музыкального вступления, состоящего из проклятий, щелканья задвижек и лязга цепочек, дверь закричала. Старый Дин стоял на пороге и разглядывал меня из-под полуопущенных век. В эту минуту он выглядел лет на двести. Ему под семьдесят. И для своего возраста он очень проворный.

— Он как будто не собирался меня впускать, я уж решил, что придется через него перешагнуть. И двинулся вперед. Он посторонился. Я проговорил:

— Как только дождь прекратится, чтобы кошки здесь не было.

Я старался дать ему понять, что, если кошка не уйдет, уйдет он. Он начал лязгать задвижками и цепочками. Раньше всего этого не было.

— У нас теперь здесь лавка скобяных товаров?

— Мне беспокойно в доме, где вся защита от воров — насколько замков.

Нам надо будет как следует поговорить о том, что можно и чего нельзя себе позволять. Я отлично знал, что за этот металл он за-

платил не из своего кармана. Но сейчас не время для разговоров. Я не в лучшей форме.

— Что это у вас?

Я и забыл про бабочку.

— Бабочка-утопленница.

Я унес ее в кабинет, крошечную комнатушку — последняя дверь по левой стороне коридора, рядом с кухней. Дин ковылял сзади, держа свечу. В изображении дряхлости он настоящий артист. Просто удивительно, каким он сразу становится беспомощным, когда замышляет что-нибудь сомнительное.

Я взял у него свечу и зажег лампу.

— Иди-ка обратно в постель.

Он поглядывал на закрытую дверь маленькой гостиной, эту дверь мы прикрываем, только когда в комнате кто-то есть и мы не хотим, чтобы его видели. Обитатель гостиной царапался в дверь. Дин сказал:

— Я уже совсем проснулся. Могу и поработать. — Вид у него был совершенно сонный. — Вы еще не скоро ляжете?

— Скоро. Вот только изучу это насекомое, поцелую Элеонору и пожелаю ей спокойной ночи.

Элеонора — прекрасная печальная женщина, жившая давным-давно. Ее портрет висит над моим письменным столом. Я говорю о ней так, будто у нас связь. Это выводит Дина из себя.

Надо же мне было с ним как-то по квитаться. Я уселся в потертое кожаное кресло. Как и все остальное, включая дом, оно куплено с рук. Я просто приспособил его для своей задницы. В нем очень удобно. Я оттолкнул подальше счета и положил бабочку на стол, расправив крылышки.

Дин ждал на пороге, пока не понял, что я не буду заниматься пришедшими счетами. Тяжело дыша, он поплелся на кухню.

Я быстро взглянул на последние расходы и скорчил физиономию. Дела плохи. Но взять работу? Бр-р-р! «Я повидал довольно зла!»

А тут еще эта потрепанная зеленая бабочка. Она и раньше не была красавицей, но сейчас ее крылья потрескались, сломались, изорвались, стерлись и свернулись в трубочку. Черт возьми! Я пережил мгно́вение *déjà vu*.

Родственников этой бабочки я видел на островах, когда проходил пятилетнюю службу в Королевском флоте. На болотах было

полно этих мошек. Там водятся все виды насекомых, на создание которых у Бога хватило фантазии, кроме разве что северных тараканов. Вероятно, сотворением мира руководила некая небесная комиссия. В местностях, где территории различных ведомств частично совпадали, между божественными чиновниками шла конкурентная борьба. И они, несомненно, сбрасывали переизбыток созданных насекомых в эти тропические болота.

Но черт с ними, с этими недобрыми старыми временами. С тех пор я стал мужчиной. Вопрос в том, зачем мне вообще эта бабочка.

Меня точно, бесспорно, наверняка ни в малейшей степени не интересуют ссохшиеся старые чудики, слабые желудки которых извергают бабочек. Я совершил свой подвиг, и с меня хватит. Я спас прекрасную даму. Пора заняться более милыми моему сердцу делами, например, выпроводить пушистый комочек, последний объект благотворительности Дина, через черный ход.

Я выбросил дохлую бабочку в мусорное ведро, откинулся в кресле и стал думать, что хорошо бы забраться в мягкую постель.

«Гаррет!»

«Проклятие!» Всегда забываю о своем так называемом партнере.

4

Покойник обитает в большой гостиной, выходящей окнами на улицу; эта комната находится напротив кабинета и занимает такую же площадь, как кабинет и маленькая гостиная, вместе взятые. Достаточно места для существа, которое не двигается с тех незапамятных времен, когда города Танфера еще не было. Я подумываю о том, чтобы отправить его в подвал вместе с остальным хламом, который я здесь нашел после переезда.

Я вошел к нему в комнату. Там горела лампа. Удивительно. Дин не любит сюда заходить. Я обвел гостиную подозрительным взглядом.

В комнате стоят всего два кресла и два маленьких столика, но стены закрыты полками с книгами, картами и памятными вещами. Одно кресло мое. Второе занимает постоянный жилец.

Если вы войдете без подготовки, Покойник может вас поразить. Во-первых, он не человек, а логхир. Я не встречал ни одного представителя этого вида, кроме Покойника, и поэтому не могу сказать, плюхались ли при виде его в обморок логхирские девицы, но, с моей точки зрения, он похож на манекен, на котором некий злодей шишковатой палкой отработывал удары.

Оценив его толщину, вы увидите, что нос у него как хобот у слона, больше фута длиной. Потом вы заметите, что его давным-давно обвели мыши и мошь.

Покойником его называют потому, что он неживой. Около четырехсот лет назад кто-то воткнул в него перо. Но логхиры так легко не сдаются. Его душа или что-то в этом роде все еще пребывает в его теле.

«Кажется, у тебя было приключение».

Так как он мертвый, говорить он не может, но его это не смущает. Он передает мысли на расстоянии прямо в мою башку. Он также может, если захочет, мысленно рыскать повсюду, среди сваленного в кучу барахла и пауков. Обычно он настолько вежлив, что старается не вмешиваться, пока не спросят его совета.

Я снова огляделся по сторонам. В комнате было слишком чисто. Дин даже смахнул пыль с Покойника.

Что-то затевается. Эти двое снюхались. Впервыс. Это меня пугает.

Но я не подал вида. Я мастерски скрыл свои подозрения. Зная, что меня ждет неприятность, я решил ударить первым.

Покойник сильно сглупил, когда научил меня запоминать во время работы все тонкости. Я принялся рассказывать ему о прошедшем вечере.

Теоретически наше сотрудничество основано на том, что я бегая туда-сюда, терплю тумаки и набиваю синяки и шишки, а он впитывает все, что я узнал, пропускает эти сведения через свои мозги, которые он считает гениальными, и говорит мне, кто преступник, или где закопали труп, или что-нибудь еще. Но это теоретически. На деле он ленивее меня. Чтобы его разбудить, мне приходится угрожать ему тем, что я подожгу дом.

Я пространно расписывал прелести странной мисс Контагью, как вдруг он что-то заподозрил.

«Гаррет!»

Он знает меня как облупленного.

— Да? — проворковал я.

«Что ты делаешь?»

— Рассказываю тебе о необычайных происшествиях.

«Эти происшествия в данном случае не представляют интереса. Разве только страсти у тебя снова затмили разум. Ты ведь не думаешь связываться с этими людьми?»

Я хотел наврать, просто чтобы его позлить. Мы этим часто занимаемся, и я, и он. Хорошее времяпровождение. Но я сказал:

— Я еще в здравом уме и не позволю юбкам завладеть мною целиком.

«Неужели? Я удивлен и потрясен. Я считал, что у тебя вообще нет ума».

Разговор у нас не стоит на месте. Обычно это игра в умника и недоумка. Сами решайте, кто здесь кто.

— Один ноль в твою пользу, старик. Я хочу завалиться спать. Если у Дина вдруг снова начнется приступ бешеной энергии и он решит еще раз тебя почистить, скажи ему, чтобы разбудил меня в полдень.

Утро не мое время. Благоразумные люди не встают по утрам. А то еще не вечер, а ты уже совсем вареный.

Подумайте сами. Все эти ранние пташки, что они получают взамен сна? Язву. Больное сердце. Безвременную кончину в желудке бездомных котов. Это не для меня. Не для старого Гаррета. Я собираюсь лечь и расслабиться, потому что путь к бессмертию лежит через безделье.

«Жаль, что не удастся как следует отоспаться. Подвиг во имя спасения девицы и героические попытки лишить Рохлю прибыли от продажи пива заслуживают награды».

— Что вы тут замышляете? Почему это мне не удастся отоспаться? У меня нет других дел.

«В восемь часов утра тебе надо быть у ворот Аль-Хар».

— Что?!

Аль-Хар — городская тюрьма.

Танфер печально известен бездействием закона и правосудия, но иногда появляются такие неловкие типы, которые спотыкаются и сами падают в руки блюстителей порядка. Иной раз какой-нибудь слабоумный на самом деле получает срок.

— Какого черта? Меня там не любят.

«Если бы ты избегал все места, где тебя не любят, тебе пришлось бы уехать из города. Ты пойдешь к тюрьме Аль-Хар, потому что тебе надо следить за человеком, которого освободят в восемь утра».

Вот оно что! Опасаясь, что мы останемся без денег, Покойник и Дин нашли мне работу. Неслыханное нахальство! Эти двое много о себе думают. Мне не трудно изобразить придурка — я частенько дурачу сам себя.

— Зачем мне это?

«Три марки в день и оплата всех расходов. Чутьочку изобретательности, и наш домашний бюджет станет таким, как прежде».

Я нагнулся и заглянул под его кресло. Там лежало несколько маленьких мешочков.

— Мы еще не вылетели в трубу. — Вот где мы храним деньги. Это самое надежное место. Вор, который подойдет к Покойнику, — создание, испорченное до мозга костей, и я не хочу иметь с ним никакого дела. — Если я вышвырну Дина с его котом и буду готовить сам, мы еще много месяцев будем пить пиво.

«Гаррет».

— Да. Да. — Да, что правда, то правда, пришло время заработать немного денег. Только я не люблю, чтобы мне подсовывали работу. Я старший партнер в этом хреновом предприятии. Я здесь главный. Вот так. — Расскажи мне об этом деле. А пока будешь рассказывать, свободной частью мозгов подумай, кто даст приют такой неблагодарной свинье.

«Фью! Не горячись по пустякам. Это идеальная работа. Простая слежка. Клиент всего лишь хочет пригладеть за бывшим заключенным».

— Правильно! Этот тип меня засечет, заведет в какой-нибудь переулок и спляшет чечетку на моей физиономии...

«Этот человек не прибегает к насилию. Он даже не ожидает, что за ним будет хвост. Это легкие деньги, Гаррет. Возьми их».

— Если они такие легкие, зачем поручать это дело мне? Почему не Плоскомордому? Он всегда ищет работу.

И я часто его ею снабжаю.

«Нам нужны деньги. Пойди отдохни. Тебе рано вставать».

— Не уверен. — Почему это я должен уйти из дому и начать суесться? — Может, сначала посвятишь меня в некоторые подробности? Скажем, дашь описание объекта. На случай если завтра выпускниками Академии станут несколько парней. И назовешь хоть инициалы того типа, который меня нанял. Чтобы я вычислил с помощью дедукции, перед кем мне отчитываться.

«Клиент — некий Рислинг Гуллара...»

— Вот это здорово! Ты заставляешь меня работать на мерзкого владельца дансинга из Веселого уголка. Бросаешь меня на самое дно, и хоть бы что! А я садился на хвост настоящим негодяям, вроде Чодо и его подручных. Ну и за кем я должен следить? За жуликом, который обставил одну из девок Гуллара? И зачем это нужно?

«Объект некий Брешущий Пес Амато. Колоритное имя...»

— Боже! Брешущий Пес? Ты шутишь!

«Ты его знаешь?»

— Лично не знаком. Но знаю, кто он такой. Думаю, каждому ребенку старше десяти известен Брешущий Пес Амато.

«Больше я ничего не выяснил».

Я противился искушению. Он хочет сделать из меня мальчика на побегушках.

— Брешущий Пес Амато. Другое прозвище Малохольный Амато. Имя, данное при рождении, Кропоткин Ф. Амато. Не знаю, что обозначает «Ф». Возможно, Фрукт. Этот человек совсем свихнулся. Он вечно ошивается на ступенях Канцелярии и орет в мегафон про то, что власти надули его предков. Он устраивает целые уличные представления с плакатами, флажками и табличками. Он обрушивается с бранью на всех, кто подходит достаточно близко. Он во всем видит заговор, его небывалые теории изумляют даже тех, кто тоже привык во всем видеть происки врагов. Кропоткин Амато может связать что угодно с чем угодно и плести дьявольские интриги, чтобы доказать, что он повелитель блох по праву рождения. У него пунктик, что за всем стоит император.

Империя, предшественница карентийского государства, пала столетия назад. Но императорское семейство все еще вертится поблизости и ждет, когда его пригласят. Влияние этой семьи на современное общество ограничивается тем, что она дает средства на содержание благотворительной больницы «Бледсо». Только Брешущий Пес мог заподозрить потомков императора в каких-то кознях.

«Интересно».

— Занятно. В мелких дозах. Но если подойти слишком близко, он пристанет и начнет рассказывать всю эту бодягу, как его благородную семью обманом лишили титулов и поместий. Черт бы его побрал. Его отец был мясником в Недороде. Мать метиска из района Дна. Он жертва тех же событий, что и мы все. Служба в армии и война. Он начал брехать после демобилизации.

«Так, значит, он безобидный, сбитый с толку дурак?»

— В том-то и дело. Такой безобидный, такой сбитый с толку и такой дурак, что дальше некуда. Один из самых забавных персонажей, которых можно встретить на улицах. Поэтому ему и разрешают разгуливать с мегафоном.

«Как же этот безобидный дурачок угодил в тюрьму? И кому надо за ним следить? Может, он не так уж прост?»

Вот и я думаю.

В последний раз я видел его довольно давно. Но тогда я не интересовался им профессионально.

Я по нему не соскучился. Если такие, как он, исчезают, по ним не скучают. Возможно, кто-нибудь когда-нибудь и спросит: «А что случилось с этим болваном, который вопил на ступенях Канцелярии?» Все пожмут плечами, и тот, кто спрашивал, забудет, о чем спросил. Брешущий Пес никого не волнует, никто не бросится его искать.

Я был уверен, что у него в запасе куча небылиц о его пребывании в тюрьме. Может, про то, что его упрятали туда демоны из потустороннего мира. В нашем мире ему не удалось никого разозлить до такой степени, чтобы его посадили. А может, это сделали тайные агенты Венагеты. Или маленький народец. Или сами боги. Банда богов запросто может погубить кого угодно, ей не нужны оправдания.

— Я пойду спать, Умник. — И я вышел, прежде чем он успел заставить меня изменить решение, бормоча: — Три марки в день за то, чтобы пасти Брешущего Пса Амато. Не верится.

Лестница начинается в нескольких шагах от кухни. Я заглянул пожелать Дину спокойной ночи.

— После того, как выгонишь кошку, подумай о том, что пол в комнате Покойника нуждается в ремонте, — вы же теперь такие друзья. Неплохо бы почистить пол песком и обновить.

Он посмотрел на меня, как на привидение.

Я усмехнулся и пошел спать. Если он выкинет еще какую-нибудь штуку, получит работу месяца на три: чистить песком, шлифовать, красить — это будет отличная месть хозяина.

Я приплелся в свою комнату, сбросил одежду, с грустью подумал, что придется идти на работу, и опустил голову на подушку. Бессонница мне не грозит.

5

Многие люди, старый Дин в их числе, обладают огромным недостатком: они вскакивают с постели, едва лишь прокричит петух. В этом есть какое-то фатовское желание первым ухватить удачу за хвост. Я отказался от всего этого, как только распрощался с армией. Я сыт по горло.

Дин страдает предубеждением, что спать до полудня — грех. Я все время пытаюсь его переубедить, но его мозг затвердел вместе с сосудами. Он наотрез отказывается признать мою правоту. Старого дурака ничем не исправить.

Я имел неосторожность сказать это вслух.

Дьявол, солнце едва остыло. Вы думаете, в такое время я что-то соображаю?

Меня с ног до головы окатили ледяной водой.

Я кричал. Ругался на чем свет стоит. Говорил такие слова, от которых моя милая старая мамочка переворачивалась в гробу.

Я поднялся, но зря. Он успел ударить.

Я сел на край кровати, уперся локтями в колени и уткнулся лбом в ладони. Я спрашивал богов, в которых верю раз в неделю, за что мне такое наказание. Я всегда был хорошим мальчиком! Давайте сыграем шутку со Вселенной: пусть в ней хоть на день воцарится справедливость. Заберите этого старого зануду.

Я мигнул. И сквозь несомкнутые пальцы увидел, как в дверь просунулась голова Дина.

— Мистер Гаррет, пора вставать. Через два часа вам надо быть у ворот Аль-Хар. Я готовлю завтрак.

Мои замечания о завтраке могли испортить пищеварение кому угодно. На Дина они не подействовали.

Он тяжело поплелся вниз. Я громко вздохнул и заковылял к окну. Только что рассвело. Городские мусорщики из крысиного народа лязгали и дребезжали мусорными тележками, притворяясь, что делают полезное дело. Мимо прошмыгнула ватага гномов с огромными мешками, больше их самих. Гномы были утрюмые, мрачные и молчаливые. Вот что значит рано вставать!

Кроме гномов и мусорщиков на улице никого не было. Все здравомыслящие существа еще спят.

Только угроза бедности не пускала меня присоединиться к ним.

А что? На старом Брешущем Псе можно крупно заработать. Дурак, который нанимает сыщика для слежки за таким типом, заслуживает, чтобы его кошелек опустошили дочиста. И задание не такое опасное, как большинство достававшихся мне дел.

Я привел себя в порядок и быстро спустился по лестнице. Остановился около кухни, чтобы нахмуриться, хотя, если меня будят в такое время, хмурая мина получается вполне естественно.

Но хмурой мины не получилось. Я шагнул в кухню и оказался среди запахов ароматных сосисок, печеных яблок, свежезаваренного горячего чая и только что вынутого из духовки печенья. Мне не оставалось выбора.

Когда я не работаю, Дин такой вкуснятины не готовит. Я хожу вокруг да около и получаю в лучшем случае покрытую пленкой миску холодной овсянки. Если мне хочется свежего чая, я должен сам его заваривать.

Ну что поделаешь с этими маньяками и их культом работы? То есть я не был бы против, если бы Дин трудился за меня, но что-то я этого не замечаю. Дело в том, что он из тех, что лезут всех перевоспитывать. Он мечтает, чтобы я разбогател и слег от переутомления накануне своего тридцать первого дня рождения. Но я его перехитрю. Его номер не пройдет. Мне всегда будет тридцать.

Я посл. Даже объелся. Дин мыл посуду и мурлыкал себе под нос. Он был счастлив. Он меня пристроил. Я чувствовал себя оскорбленным, униженным. Столько навыков и талантов израсходовать впустую на слежку за каким-то полоумным. Это все равно что стрелять из пушки по воробьям.

Дин был ужасно доволен, что я теперь при деле, и даже прекратил брюзжать и опомнился, только когда я уже наполовину съел вторую порцию яблок.

— По дороге к Аль-Хар вы будете проходить мимо поселка Тейтов, да, мистер Гаррет?

О-о-о! Он называет меня «мистером», когда знает, что мне не понравятся его слова. В этот раз я сразу понял, о чем речь. «Только не сейчас». Он ко мне пристаёт, чтобы я помирился с Тинни. А я не помирюсь, потому что решил больше не извиняться перед женщинами за то, чего не совершал.

— Если Тинни хочет помириться, она знает, где меня найти.

— Но...

Я встал:

— Вот о чем подумай. Дин, пока будешь искать место для кошки. Что, если я вдруг женюсь и моя жена будет вести хозяйство?

Это его приструнит. Я пошел к парадной двери. Но не дошел. В голове у меня зазвучал голос Покойника.

«Гаррет, ты уходишь, не приняв должных мер предосторожности».

Он имел в виду, что я иду без оружия. Я сказал:

— Я всего лишь собираюсь следить за сумасшедшим. Я не влипну ни в какую историю.

Я даже не зашел к нему в комнату. Все равно он слышит меня не ушами.

«Ты всегда думаешь, что не влипнешь в историю. Однако каждый раз, когда ты так думаешь и выходишь из дома неподготовленным, ты под конец жалеешь, что был настолько непредусмотрителен. Разве не так?»

Это соответствовало гнусной действительности. Я желал бы, чтобы было не так. Чтобы мы жили не в такое варварское время. Но от моего желания ничего не изменится.

Я поднялся на второй этаж и подошел к чулану со всякими мерзостями, где хранятся инструменты, которые приходится использовать, когда мой основной инструмент — мои мозги — меня подводит. Я ворчал не переставая. И размышлял, почему не хотел последовать хорошему совету. Наверное, меня задело, что я сам об этом не подумал.

Урок, который пошел не впрок, потом выходит боком.

Танфер — неприятный город.

Я вышел на улицу в плохом настроении. Я не сделаю этот город приятнее.

6

Как большинство общественных учреждений в нашем городе, тюрьма Аль-Хар уже много десятилетий нуждается в обновлении. Вид у нее такой ветхий, что кажется, при желании заключенные могли бы повалить стены.

Аль-Хар с самого начала была нехорошей затесей, «казенным пирогом»; кто-то нагрел руки на этом проекте; перерасходовав средства и снизив реальные затраты. Подрядчик использовал блеклый желто-зеленый камень, который поглощает грязные пары из воздуха, вступает с ними в реакцию, покрывается прожилками, становится безобразнее день ото дня и расползается, так как слишком мягок. Он слоится и рушится, крошки летят по всей тюрьме, стены стоят щербатые, как после оспы. Там, где осыпалась известка, камни вылезают наружу. Поскольку в городе редко кого-нибудь сажали, тратить деньги на ремонт тюрьмы представлялось бессмысленным.

Дождь не перестал, но теперь он накрапывал мелкими каплями. Чтобы действовать на нервы, этого достаточно. Я устроился под одиноким лимонным деревом, таким же жалким, как живущие в переулках мусорщики. Это дерево не признавало времен года. Но его уныло опущенные ветви были здесь единственной защитой. Я вспомнил, чему нас учили, когда я служил во флоте, и растворился в окружении. Хамелеон Гаррет. Прекрасно.

Я пришел рано, что случается со мной нечасто. Но раз уж на то пошло, я двигался чуть быстрее, чуть энергичнее, чем обычно. Может, стоило потренировать и мозги. Им не помешало бы побольше инициативы и вдохновения.

Моя профессия — мое самое слабое место. Работа сыщика открывает перед тобой грязную изнанку жизни. По природе я человек слабый, но пытаюсь что-то улучшить в этом мире и ловлю в

темноте проблески света. Вероятно, мое нежелание работать происходит от сознания того, что темные стороны жизни все равно будут преобладать, и наставить на путь истинный не удастся почти никого, потому что люди жестоки, себялюбивы и безрассудны, и даже лучшие из нас, если подвернется случай, продадут родную мать.

Огромная разница между хорошими парнями и плохими состоит в том, что хорошим парням еще не представилась возможность совершить зло для собственной выгоды.

Мрачный взгляд на мир, к несчастью, делается все мрачнее из-за ежедневно происходящих событий.

Мрачный пейзаж пугает меня, как бы говоря, что настает мой черед.

Мрачная улица, замусоренная, мощенная булыжником дорожка, проходящая мимо Аль-Хар. Прохожих почти нет. Эта мрачность не исчезает и при хорошей погоде. Даже находясь один в лесу, я не ощущал такой заброшенности и безысходности.

Улица была очень неудобная для работы, кроме того, я здесь неловко себя чувствовал. Я не вписывался в пейзаж. Люди начнут удивляться, что я тут делаю, и еще запомнят меня, хотя и не станут выходить из домов. Наши горожане не любят будить лихо.

Брешущий Пес вышел из ворот тюрьмы, тяжело топая и держась руками за пояс брюк. Он остановился и стал обозревать мир глазами заключенного.

Ростом он был около пяти с половиной футов, лет за шестьдесят, коренастый, с лысеющей головой, на лице выделялись жесткие седящие усы и огромные грозные брови. За десятилетия, потраченные на разоблачение заговоров, кожа его потемнела от загара. Пребывание в тюрьме на нем никак не отразилось. Он носил старую, драную, засаленную одежду, ту же самую, в которой вошел туда. В Аль-Хар заключенным не выдают униформу. Насколько я знаю, у Брешущего Пса не было родственников, и никто не мог ему ничего принести.

Его взгляд скользнул по моей персоне. Никакой реакции. Он подставил лицо под дождь, наслаждаясь падающими каплями, и двинулся в путь. Я подождал, пока он прошел полквартала, и последовал за ним.

У него была необыкновенная походка. Он был кривоногий. Артрит или что-то в этом роде. Он будто катился по дороге: поднимал целиком одну сторону тела и толкал ее вперед, а потом другую. Наверное, у него были сильные боли. Тюрьма не лечит артрит.

Брежуший Пес не торопился. Он шел не спеша, смакуя свою свободу. Если бы я столько времени просидел взаперти, я бы тоже болтался под дождем и получал от этого удовольствие.

Но в эту минуту я не был настроен сочувствовать кому бы то ни было. Я шипел, бурчал и ворчал. Такая непродуманность! Выдающегося сыщика держат под дождем.

Хотя Брежуший Пес тут ни при чем. Я стал составлять план мести Покойнику.

Это всегда интересное упражнение для ума. Как навредить существу, которое уже убили? Возможностей раз-два и обчелся.

Даже мы, мастера своего дела, порой бываем небрежны. Если не чувствуешь угрозы, легко потерять бдительность. Я не чувствовал угрозы. Брежуший Пес не походил на уличных громил, с которыми я привык сталкиваться, они обычно ростом с дом, но туго соображают, и их просто уложить на обе лопатки. Брежуший Пес, пропади он пропадом, похож на маленького старичка. Маленькие старички не прибегают к насилию. А если и прибегают, то нанимают для этого огромных глупых громил.

Я с важным видом повернул за угол и — у-у-уф! — как кур в оцип! К счастью, Брежуший Пес похож на маленького старичка, а маленькие старички не прибегают к насилию.

Я шархнулся в сторону, пытаюсь избежать столкновения. Каким-то чудом мне это удалось. В конце концов Брежуший Пес, пропади он пропадом, похож на маленького старичка. Я закашлялся и чуть не задохнулся. Тем временем Брежуший Пес смекнул что к чему и решил, что, поскольку кулаки у него никудышные, лучше всего как можно активнее поработать пятками.

Довольно мудрое решение, учитывая мое внезапное недомогание.

Я припустил за ним. Мне еще повезло: я тренировался и был в такой хорошей форме, что быстро пришел в себя. Скоро расстояние между нами перестало увеличиваться, а потом я стал его нагонять. Брежуший Пес оглянулся лишь раз. Он экономил энергию, надеясь скрыться.

Что касается меня, я стал осторожнее на поворотах.

Мне не потребовалось много времени, чтобы догнать его, схватить за плечо, сдерживать его слабые удары и силой усадить на ступеньки какого-то дома.

— Какого черта ты это устроил? — рявкнул я.

Он посмотрел на меня, как на придурка. Может, так и есть. Пока я не выказал большого ума. Он не отвечал.

Сбегать он как будто не собирался, и я присел возле него, хотя и не совсем рядом, чтобы он не мог ударить меня снова.

— Мне больно, парень. За что? — Опять этот взгляд. — За кого ты меня принимаешь, головорез?

Да-а. Это побольнее пинка в живот. Я опытный сыщик, а не уличный бандит.

— За чокнутого старика, у которого не хватает ума спрятаться от дождя.

— Я живу в гармонии с природой. Неужели ты это сделаешь?

— Что сделаю?

— Будешь угрожать. Руки выкручивать.

Ха! Теперь моя очередь смотреть на него большими глазами.

— Этим тупым взглядом ты меня не проведешь. Кто-то послал тебя, чтобы ты помешал мне говорить правду.

Я с хитрым видом спросил:

— Какую правду?

Он с еще более хитрым видом отвистил:

— Если тебе не сказали, значит, они не хотят, чтобы ты знал. Не хотят втягивать тебя в это дело, а я уже в нем по уши.

Псих. И я сижу здесь и разговариваю с ним. Под дождем. И ветер в мою сторону. А этого психа перед выходом из тюрьмы даже не вымыли.

— Никаких угроз не будет. Мне все равно, что ты делаешь.

Он не понял:

— Зачем же ты меня преследуешь?

— Чтобы знать, куда ты идешь.

Надо ошарашить его новым приемом. Правдивые ответы на вопросы. Сразу ставят в тупик. Прием сработал. Брешущий Пес был озадачен.

— Зачем?

— Черт возьми, я сам не знаю. Один тип заплатил моему партнеру, и тот согласился на эту работу, не посоветовавшись со мной. Естественно, мой партнер сидит дома. А я тут мокну.

Он мне поверил; вероятно, потому что я не выкручивал ему руки.

— Кому я нужен? — Казалось, он в недоумении. — Никто не принимает меня всерьез. Почти никто.

Я посмотрел, не собираем ли мы толпу. Брешущий Пес мог говорить только в одном диапазоне: очень громко. Он так долго орал, что разучился издавать другие звуки. Мне вдруг стало очень интересно, чем его кормили в тюрьме. Из рта у него пахло, как у хищной птицы. Внешность у него тоже была малопривлекательная: растрепанные брови, усы, нос картошкой и безумные глаза. По крайней мере он не пытался подsunуть мне листовки и не просил подписать прошение.

Доведем эксперимент до конца.

— Типа, который заплатил, зовут Рислинг Гуллера.

— Как? Не знаю никакого Рислинга Гуллера.

— Владелец жульнического дансинга в Веселом уголке.

Он странно на меня посмотрел, будто я или вру, или спятил. Потом он нахмурился:

— Подстав! Ну конечно.

— Что?

— Подстав. Подставное лицо, он нанял тебя для кого-то другого.

Брешущий Пес заулыбался и закивал головой. Кто-то за ним охотится. Ему это нравилось. После стольких лет кто-то идет по его следу! Кто-то принимает его всерьез! Можно сказать, что его преследуют!

— Возможно.

Мне всегда было некогда размышлять о Брешущем Псе. Иногда я задавался вопросом, верит ли он в то, что говорит. Все знали, что его рассказы об их семействе не соответствуют действительности. Ни одно из его утверждений о заговоре не подтвердилось, и это в городе, где каждый, кто что-то собой представляет, стремится разоблачить всех остальных. Никто не пытался его остановить.

— За что тебя посадили?

Вот черт! Я уже так промок, что дальше некуда. И сырость смягчает запах зловонных паров вокруг Амато.

— На шестьдесят дней.

Шут!

— По какому обвинению? Это же записано в протоколе. Я за считанные минуты раздобуду твое дело.

Он что-то пробормотал.

— За что?

— За нарушение общественного порядка.

Он продолжал говорить тихо.

— За это не дают два месяца.

— Третья жалоба.

Радость, что его наконец преследуют, пропала. Теперь он был смущен. Его осудили за нарушение общественного порядка.

— Даже после третьей жалобы больше нескольких дней не дают.

— Я слишком увлекся во время слушания. Пятьдесят пять дней добавили за оскорбление суда.

Все равно слишком сурово. Знакомые мне судьи привыкли к оскорблениям. Заседания суда напоминают кормежку зверей в зоопарке. Надо было очень постараться, чтобы вывести этих судей из себя.

Я вспомнил возмутительные заявления Амато. Да-а. Он наткнулся на человека, лишенного чувства юмора, к тому же этот человек не знал, что Брешущий Пес настоящий псих, совершенно безвредный. Только тронутому могли сходить с рук такие вещи.

— Тебе еще повезло, — сказал я ему. — Ты кого-то здорово уел, тебя могли упрятать в «Бледсо».

В благотворительной больнице есть отделение для умалишенных. Кто туда попадает, не выходит, пока кто-нибудь с воли его оттуда не выгасит. Существует полно историй о том, как людей запикивали туда, а потом забывали о них на десятилетия.

Брешущий Пес побледнел под слоем загара. Он испугался. И собрался уходить.

— Погоди, старик.

Он покорно уселся обратно. Он понял мои слова как угрозу. «Бледсо». Находясь около Брешущего Пса, разговаривая с ним, я все больше чувствовал себя болтуном.

— Отказываешься разговаривать, да?

— Да.

Я покачал головой. Капли дождя скатились по волосам прямо в глаза.

— Мне платят, и возможно, этого достаточно, но недурно бы хотеть немного понять, почему я трачу на тебя время.

После некоторых раздумий я решил: может, он сообразил, что сам не знает? Холодный дождь — великое лечебное средство при большой фантазии.

Мои мысли порхали туда-сюда, как пьяные мотыльки, пытаюсь уловить, что происходит. Ответ напрашивался сам собой: это либо розыгрыш, либо ошибка, либо злые козни, либо еще что-то. Но только не работа.

Я вспомнил слова Покойника: «Три марки в день и оплата всех расходов». Мне не пришло в голову спросить, взял ли он предварительный гонорар.

— Что собираешься делать? — спросил я. — Сейчас?

— Ты промокнешь до нитки, сынок. Перво-наперво я пойду и посмотрю, есть ли мне где жить. Если есть, я пойду куплю бутылку и напьюсь в стельку. Если тебе не жалко времени, можешь подождать, пока я прокрадусь на встречу с тайными врагами твоего босса.

Когда он говорил, что напьется, это звучало убедительно. Если бы я только что вышел из тюрьмы, я бы не поставил пьянку на первое место, но он, видно, уже староват для баб. А на второе место пьянку поставить неплохо.

— А завтра?

— Завтра снова за всегдашнюю работу. Если не будет дождя. А если будет, останусь дома и приложусь еще к одной бутылке.

Я встал:

— Тогда ошли к тебе. Подождем, пока ты заснешь. Потом я встречу с этим Гуляром и выясню, в чем дело.

Никому не нравится выглядеть круглым идиотом, а у меня возникло смутное подозрение, что именно так я и выгляжу. Надо было как следует порасспросить Покойника.

Я решил сделать это на обратном пути, перед тем как идти к Рислингу Гуляру.

7

Дин открыл мне дверь.

— Господи, зачем вы пришли домой?

Он поднял голову и стал смотреть, как с моей шевелюры капает вода.

— Надо посоветоваться с гением.

Я проскочил мимо Дина и неожиданно распахнул дверь маленькой гостиной. Хм! Кошка исчезла. Бесследно. Но я чувствовал, что она где-то здесь.

Дин переминался с ноги на ногу. Я бросил на него как можно более злобный взгляд и, издавая устрашающие звуки, изобразил, что сворачиваю врагу шею. А затем отправился в комнату Покойника.

Он делал вид, что спит.

Я знал, что он прикидывается. Он не заснет, пока не услышит последних известий из Кантарда. Он помешан на Слави Дуралейнике и каждую минуту ждет новостей о похождениях этого генерала-республиканца.

Я все равно вошел. Дин засуетился, притащил рваное одеяло и накинул его на мое кресло, чтобы оно не промокло. Я сел, уставился на Покойника и сказал:

— Жаль, что он прикорнул как раз, когда наконец пришли вести с фронта. Завари мне побыстрее чашку чая, я выпью перед уходом.

«Какие новости из Кантарда?.. Ты коварное животное, Гаррет».

— Коварнее некуда. Такой же коварный, как тот тип, который для смеха послал меня шпионить за сумасшедшим.

«Для смеха?»

— Можешь сказать правду. Я не обижусь. Я даже признаю, что шутка удалась. Ты продержал меня на улице достаточно долго, прежде чем я тебя расколол.

«Мне очень неприятно разочаровывать тебя, Гаррет, но нас действительно наняли, чтобы мы докладывали о передвижениях Брешущего Пса Амато. Клиент заплатил аванс пятьдесят марок».

— Перестань. Я признал, что шутка удалась. Хватит.

«Гаррет, это правда. Хотя сейчас, чувствуя, какие мысли, подозрения и вопросы блуждают в твоём мозгу, я сам засомневался. Может быть, я тоже стал жертвой хитрого розыгрыша».

— Кто-то на самом деле заплатил пятьдесят марок за то, чтобы мы выслеживали Амато?

«А то бы у меня под стулом ничего не лежало».

Я был уверен, что он говорит серьёзно.

— Ты не задавал вопросов?

«Нет. Таких, которые тебя интересуют, нет. Если бы я знал, кто такой Брешущий Пес Амато, я бы задал».

В парадную дверь кто-то стучал. Дин, очевидно, был так занят, что не мог открыть.

— Подожди минуту.

Сначала я посмотрел в глазок. У меня есть горький опыт. Я увидел двух женщин. Одна из них дрожала от холода, обхватив себя руками. Судя по всему, обе были не в восторге от погоды.

Я открыл:

— Чем могу служить, леди?

Слово «леди» я употребил поэтически. Та, что помоложе, была лет на двадцать старше меня. Обе были очень чистенькие и одеты в свои лучшие наряды, но эти наряды истрепались и давно вышли из моды. Сами женщины тоже выглядели потрёпанными и измождёнными.

Одна была явно с примесью нечеловеческой крови.

Обе нервно заулыбались, как будто я напугал их, оказавшись не тем, кого они ожидали. Та, что помоложе, набралась храбрости и спросила:

— Ты спасен, брат?

— Что?

— Ты возродился? Ты признал Миссиссу как своего личного Спасителя?

— Что?

Я не понимал, о чём речь. Я даже не сообразил, что они говорят о религии. Религия не занимает большого места в моей жизни. Я не обращаю внимания на множество разных богов, культы которых наводняют Танфер. И нечасто обманываюсь в своих упованиях, что боги также не будут обращать внимания на меня.

Вероятно, женщин очень обнадежило, что я не захлопнул дверь у них перед носом. Они начали болтать. От природы я очень вежлив. Я слушал вполуха, но наконец врубился. Осклабился и с воодушевлением произнес:

— Входите! Входите!

Я представился. Пожал им руки. Я стал прежним очаровашкой Гарретом. Они почувствовали себя неловко, будто что-то заподозрили. Я копнул довольно глубоко, чтобы убедиться, что их путь к спасению рассчитан не только на людей. Большинство культов у нас расистские. У нечеловеческих существ в основном нет богов.

Я признался:

— Я не свободен и не могу принять новую систему верований, но я знаю тут одного, которому следует с вами встретиться. Вы не представляете, какой безбожник мой партнер. Он нуждается... Но позвольте вас предупредить. Он упорствует в своем элонравии. Сколько я ни пытался... Вы сами увидите. Пожалуйста, пройдите со мной. Хотите чаю? Мой эконом только что поставил чайник.

Они продолжали болтать. Свои фразы я вставлял в промежутках.

Женщины последовали за мной. С большим трудом я сохранял серьезную мину. Я натравил их на Покойника. И не собирался вертеться поблизости, чтобы смотреть, как полетят перья.

Я выскочил под дождь и подумал: интересно, захочет ли он теперь когда-нибудь со мной разговаривать. Но кто, как не он, нуждается в духовном руководстве? Он уже умер и тащится по дороге в рай или в ад.

Но ухмылка на моей физиономии говорила вовсе не о том, как я доволен собственным хитроумием. Ко мне снова пришло вдохновение. Я понял, как превратить дело Брешущего Пса в розыгрыш, который принесет счастье нам обоим.

Старик умест читать и писать. Он делает таблички и плакаты. Он безвреден. И ему нужны деньги. Я это увидел, когда пришел к нему домой. Так пускай он сам себя и выслеживает. Я могу передавать записи Брешущего Пса нашему клиенту, гонорар мы поделим, и мне не надо будет сутулиться под дождем.

Чем больше я думал об этой идее, тем больше она мне нравилась. Никто не заметит подмену.

Так что черт с ним, с Рислингом Гулляром. Я не собираюсь искушать судьбу. Я посижу в сторонке, но от дела не откажусь. Я начинаю новую жизнь.

Я решил сторговаться с Брешущим Псом. Это не сулит никакой беды. Будет наш с ним заговор.

Хорош белый рыцарь, а? Наш герой, профессиональный жулик третьего разряда.

Я не чувствовал за собой вины. Рислинги Гулляры этого мира заслуживают то, что получают. Я шел и посмеивался, пока не пришел к Брешущему Псу.

8

Существует мнение, что мы такие, какими нас представляют другие, но мы сами создаем образ, который другие нам возвращают. Это особенно ясно видно на детях. Так, какой-нибудь несчастный, паршивый родитель без конца пилит своего малыша, талдычит ему, что он никудышник и что он тупой, и очень скоро малыш становится тупым никудышником. По-другому и быть не может. Точно так же можно создать и свой образ.

Я работал над этим, правда, не всегда осознанно, когда хотел, чтобы весь свет считал меня хамом. Не стелил постель. Менял носки раз в неделю. Убирал дом раз в год независимо от того, нужно это было или нет. Чтобы выглядеть настоящим злодеем, переставал чистить зубы.

Брешущий Пес, наверно, тысячу лет занимал свои две комнаты и никогда не делал уборки. В его квартире можно было устроить музей, где матери показывали бы детям, почему нужно наводить порядок.

Судя по запаху, это единственная квартира в Танфере, не зараженная паразитами. Запах принадлежал Брешущему Псу Амато, но застаивался, усиливался от времени и сгущался за счет угнетающей влажности. Брешущий Пес понятия не имел о принципах гигиены.

Слава всем богам, он довольно долго отсутствовал.

Я нигде не видел столько бумаги, даже в канцеляриях королевских чиновников. Если у Брешущего Пса не выходила листовка, он

бросал испорченную бумажку через плечо. Когда он приносил еду, бумажная или целлофановая упаковка летела к отвергнутым листовкам. Повсюду валялись разбитые керамические бутылки из-под вина. Уцелевшие сосуды хранились, вероятно, для пополнения запасов.

Здесь, в этих осадочных слоях, лежала вся история Брешущего Пса Амато; чтобы начать раскопки, нужен был только авантюрист-историк, не боящийся запаха.

Все это я понял с первого взгляда, лишь только Амато пригласил меня войти. Вторым взглядом я окинул его мебель. Она ограничивалась мольбертом, за которым он рисовал объявления и плакаты, и шатким столом, где он писал листовки. В самом чистом углу гордо лежало драное одеяло.

Пройдя два шага, я убедился, что мои выводы ошибочны. На самом деле Брешущий Пес прибирал квартиру. Я увидел дверной проем (без двери) во вторую комнату, куда Амато складывал мусор, когда в первой его накапливалось слишком много.

Брешущий Пес не извинился. Казалось, ему было невдомек, что он как-то не так ведет хозяйство. Он только спросил:

— Ну что ты узнал от своего Гулляра?

— Я к нему не ходил. Я кое-что придумал.

— Ты не очень перетрудился, пока думал?

Видно, у меня на лбу было написано огромными буквами, какой я молодец.

— Тебе понравится. Это на пользу нам обоим. Вот мой план.

Я рассказал ему, как мы можем заработать несколько марок. В глазах у него зажегся недобрый огонек.

— Сынок, может, мы и сойдемся. Ты не такой дурак, как кажется.

— Прикидываюсь для маскировки, — буркнул я. — Ну как, идет?

— Почему бы нет? Мне всегда нужны деньги. Но ты неправильно вычислил, что нам надо делить их пополам. Я ведь должен буду выделить время из своего жесткого расписания и делать всю работу.

— Я вычислил, что лучше всего нам делиться так: две трети мне и одна тебе. У меня контракт. Мне придется переписывать твои заметки. И переться в Веселый уголок, чтобы передать их.

Брежущий Пес пожал плечами. Он не спорил.

— Легкие деньги, — пробормотал он.

— Кстати, о деньгах. Как ты сводишь концы с концами? Я уж не спрашиваю, как ты платишь за всю эту бумагу.

Даже макулатура стоит недешево. Производство бумаги — трудоемкая отрасль.

— Может, кое у кого достаточно мозгов, чтобы понять истину и захотеть ее обнаружить.

Он сердито смотрел на меня. И не хотел говорить правду.

Из него получился бы настоящий верующий. Танфер может похвастаться славной порослью психопатов, и число их растет день ото дня. Хотя, возможно, Брежущий Пес ворует бумагу. Или прячет состояние у банкиров-гномов.

Никогда не знаешь точно. В нашем городе почти все не такие, какими кажутся.

В ответ на его утрюмость я пожал плечами:

— Я буду заходить через день.

— Ага. Эй, знаешь что? Может, ты протянешь мне руку помощи?

Может быть, только на большом расстоянии. Его дыхание приобрело новое свойство, к прежнему зловонию прибавился тяжелый винный запах, и образовался отравляющий газ. Пожалуй, им можно было бы заполнять бутылки и отправлять в Кантард. Одной бутылки хватило бы парализовать целый отряд венагетов.

— Каким образом?

— Пока меня не было, мое место на лестнице захватил какой-то религиозный маньяк.

— Устройся рядом с ним, как можно ближе, и выживи его. — Никакая вера не выдержит аромата, исходящего от Брежущего Пса. — Если не получится, позови меня.

— Хорошо.

Он сомневался. Он не чувствовал собственного запаха. Обоняние совсем притупилось.

— Пока.

Мне надо было выйти на улицу. Глаза у меня слезились. Из носа текло. Голова кружилась.

Я не торопился домой. Я подождал, пока дождь смое с меня этот запах. Интересно, дождь когда-нибудь прекратится? Или надо покупать лодку?

У такой погоды есть и хорошая сторона. С тех пор как начался дождь, Танфер перестали донимать летающие громовые ящеры.

Когда эти чудища впервые появились, все их приветствовали. Они пожирала крыс, кошек, белок и особенно голубей. Голубей мало кто любит. Но у громовых ящеров оказались те же гнусные привычки, что и у голубей. Испражнения чудищ были крупнее и точнее попадали в цель.

Поговаривали об учреждении премии за истребление этих вредных животных. Чудовищ привлекал Холм, где живут богатые и могущественные. Им нравятся возвышенности. И аристократам, и громовым ящерам. Если бы у последних хватало ума держаться поближе к трущобам, им бы ничего не угрожало.

9

Единственным предупреждением мне была полная детского ехидства ухмылка Дина, но я сразу понял: что-то не так.

«Гаррет!»

О-ох! Я забыл, что оставил Покойника наедине с проповедницами.

Я подумал, не смыться ли мне в уборную. Но, черт возьми, это мой дом. Я в замке король. Я шагнул в комнату Покойника.

— Да?

«Сядь».

Я осторожно сел. Он был слишком спокоен.

«Ты когда-нибудь размышлял о своей бессмертной душе?»

Должно быть, я заорал. Когда я пришел в себя, я бежал по коридору, испуганно оглядываясь на закрытую дверь комнаты Покойника.

Где-то мяукнула кошка. «Все это происходит не со мной. Все это сон. Я схожу с ума. Если так будет и дальше, я уйду из дома и буду выть на луну вместе с Брешущим Псом».

Но дальше было еще хуже. Я заглянул на кухню, чтобы выпить пива, и нашел там Дина, который пил чай в обществе давешних маньячек. На коленях у одной из них сидел котенок. Другая будто околдовала Дина, и он глядел ей в рот. Женщина с котенком сказала:

— Вы не посидите с нами, мистер Гаррет? Мы как раз сообщили Дину чудесную новость. Неужели вы не разделите нашу радость?

Радость? Вид у нее был радостный, как на похоронах. Она не знала, что значит слово «радость». Все обман. Она улыбалась, но улыбка была фальшивая. Под этой маской скрывалась кислая мина святоши. Если ей покажется, что где-то кому-то хорошо, у нее тут же сделается запор.

— Извините. В другой раз. Я только возьму печенье и побегу.

Видал я таких, как она. Это хорошо вымытый Брешущий Пес, разница в том, что ее фантазии содержат резкий, металлический привкус насилия. Брешущий Пес полон решимости разоблачить воображаемых демонов. Она стремится искоренить их огнем и мечом. При этом она до ужаса официальна и любезна. Если бы я на секунду перестал двигаться, она пригвоздила бы меня к месту и очень скоро разбудила бы во мне зверя. Она не отпускала бы меня до тех пор, пока я не отпил бы ее так грубо, что мне целый месяц было бы стыдно.

Я схватил печенье и удрал в кабинет. Я спросил Элеонору: «Ты ведь не сделаешь мне никакой гадости, правда?» Она подарила мне прекрасный, загадочный взгляд.

Я сел за письменный стол. У меня все валилось из рук. Надо овладеть положением, прежде чем хаос поглотит нас целиком. Надо вернуть этот побитый штормом корабль на ровный киль.

Сам виноват, что пытался насолить Покойнику.

Я застонал. Едва лишь я устроился поудобнее, как кто-то забарабанил в парадную дверь. Если к нам кто-то заходит, значит, он желает увидеться со мной. Если кто-то желает увидеться со мной, значит, мне хотят подкинуть работу. Если мне хотят подкинуть работу, значит, учуяли, что я только что устроился поудобнее. Но тут меня осенило: вдруг это стучат еще одни проповедники. Я смогу науськать новую свору на тех, что заполнили дом. Они заведут богословский спор. Я буду наблюдать с лучшего места для зрителей, как они сражаются, выдвигая один нелогичный довод за другим.

Видите, оптимист. Кто сказал, что я все вижу в черном свете? Я? Верно. Когда во всем видишь темную сторону, жизнь наполняется приятными сюрпризами и редко приносит разочарования.

Одно из таких разочарований ждало меня, когда я открыл дверь.

10

Сначала я глянул в глазок. И понял, что не особенно обрадуюсь, когда открою. Но выбора не было.

Его зовут Уэстмен Туп. Он из полиции. Какая она ни есть в Танфере. Он капитан той самой Стражи, которая способна поймать разве что такого опасного преступника, как Брешущий Пес Амато. Я немного знаком с Тупом, мне этого вполне достаточно. А он знает меня. Мы друг друга не любим. Но я уважаю его больше других полицейских. Он берет взятки, но соблюдает правила игры. Он не очень жадный.

Я открыл дверь:

— А, капитан, я еле-еле узнал вас, вы не в форме.

Сама вежливость. Иногда у меня это получается. Я огляделся. Он был один. Поразительно. Его собратья ходят стаями. Это у них один из навыков выживания.

— Мы можем поговорить?

Он маленький, тощий, с короткими каштановыми, седеющими на висках волосами. В нем нет ничего примечательного, но на этот раз он был сильно взволнован. И разговаривал почти учтиво. Я тут же насторожился.

Когда общаешься с такими, как Уэстмен Туп, небольшая доза подозрительности не повредит.

— Капитан, у меня гости.

— Тогда пойдемте прогуляемся И, пожалуйста, не называйте меня капитаном. Я не хочу, чтобы люди догадались, кто я такой.

Черт побери, он делал над собой героические усилия. Обычно он разговаривает, как портовый грузчик.

— На улице дождь.

— От вас ничего не ускользает. Неудивительно, что у вас такая слава.

Понятно? Просто не верится. Я закрыл дверь, не призывая на помощь Дина. Нет оснований для беспокойства. Меня охраняет небесное воинство.

— Почему бы нам не выпить где-нибудь пива? Душа требует. И душа требует выпить залпом целый бочонок.

— Будет быстрее, если мы просто прогуляемся.

Его маленькие голубые глазки напоминали льдинки. Он не любил меня, но очень старался не обидеть. Ему что-то очень было нужно. Я заметил, что он отрастил усики, как у Морли. Похоже, что-то происходит.

— Хорошо. У меня достаточно развито чувство гражданского долга. Но, может, вы мне намекнете, в чем дело?

— Вы уже сообщили, Гаррет. Я вас знаю. Я нуждаюсь в помощи, но мне неудобно вас о ней просить. В серьезной помощи. У меня возникли трудности. Нравится мне или нет, но, похоже, только вы знаете, как эти трудности разрешить.

Наверное, это был комплимент.

— Правда?

Меня распирало от сознания внезапно обретенного могущества. И одновременно моя подозрительность переходила в паранойальную форму. Когда мои враги лезут из кожи вон, чтобы сказать мне любезность, я начинаю психовать по-настоящему.

— Да.

Он что-то проворчал, должно быть, на иностранном языке, потому что ни один благородный человек не станет произносить слова, которые мне послышались. А офицеры Стражи все сплошь благородные люди. Пообщайтесь с ними. Они такого вам наговорят, пока будут очищать ваши карманы!

— А в чем дело?

— Лучше я вам покажу. Это недалеко.

Я похлопал себя по разным местам, чтобы убедиться, что оружие все еще при мне. Что-то тихо пробормотав, Туп произнес:

— Борьба за власть достигла предела, Гаррет.

— Что еще новенького?

Года два у нас не было крупных переворотов или низложения короля, но, в общем, смена правителей случается у нас чаще, чем Брешуший Пес меняет одежду.

— Образуется фракция реформаторов.

— Ясно.

Нехорошая новость для его собратьев.

— Вы понимаете, что я хочу сказать?

— Да.

Я и сам слышал недовольное бурчание. Но люди всегда недовольны. Здесь, в реальном мире, мы не принимаем все это всерьез.

Это политика. Никто по-настоящему не хочет перемен. Слишком многим есть что терять.

— Я рад. Потому что у нас возникло одно срочное дело. Мы получили приказ. В случае неисполнения нас подвесят за яйца.

Усекаете? Он даже стал выражаться, как благородный человек.

— А при чем здесь я?

— Мне неловко признаться, но никто из нас не знает, как к нему подступиться.

Проклятие! Он влип. Он напуган. Небось ему уже показали веревку, на которой его подвесят.

— Я долго размышлял. И нашел единственный ответ: обратиться к вам. Вы знаете, что делать, и достаточно законопослушны, чтобы это сделать. Если я смогу вас уговорить.

Я молчал. Я знал, что мне не понравятся слова, которые он собирается произнести. Я закрыл рот, чтобы оставить себе путь для отступления. К старости я обрел потрясающую выдержку.

— Если вы нас выручите, Гаррет, вы не пожалеете. Мы позаботимся о том, чтобы вы получили достойный гонорар. И Стража будет всегда вас прикрывать.

Да. Это было бы неплохо. У меня бывали неприятности со Стражей. Однажды они осадили мой дом. Пришлось потрудиться, чтобы они удалились.

— Ладно. Так о чем же речь?

Меня знобило. Не надо было быть семи пядей во лбу, чтобы смекнуть, что меня ожидает какая-то пакость.

— Лучше я покажу вам, — настаивал Туп. Хотя его предложение звучало заманчиво, оно нравилось мне все меньше и меньше.

11

Мы прошли всего километра полтора, но эти полтора километра привели нас на край света, где царит другая жизнь, в предбанник ада, называемый Дном.

Танфер славится тем, что в нем живут разумные существа почти всех видов. В основном подобные тянутся к подобным и живут общинами, в близком соседстве. Это относится и к людям, которые

не составляют этнического большинства. Метисы живут раздробленно, селятся на свободных землях, где попало, и часто им нигде не рады. Две третьих города занимают трущобы. Бедность в порядке вещей.

Но жители Дна смотрят на трущобы, как жители трущоб на Холм. Обитатели Дна живут в палатках, сшитых из тряпья, или в лачужках, сделанных из палок, грязи и мусора, который надо успеть собрать прежде, чем на работу выйдут мусорщики из крысиного народца. А еще в районе Дна сотня существ нередко ютится в здании, лет двести назад построенном для пяти или десяти обитателей; за это время окна, двери и полы разобрали по дощечке и пустили на растопку. Бедняги ночуют в подворотнях и на улицах; некоторые настолько нищие, что у них даже нет травяной циновки вместо матраца. Они живут в неопикуемой грязи. Мусорщики ходят сюда только с охраной. Солдаты появляются здесь только ротой, не меньше — если вообще появляются. Многие солдаты родом отсюда и теперь не хотят возвращаться даже ненадолго.

Дно — это крайняя степень падения. Нижняя точка, если катился вниз с Холма. Тот, кто докатится до Дна, вряд ли когда-нибудь поднимется снова. Разве что в погребальной повозке.

В районе Дна лишь гробовщики чувствуют себя в безопасности. Они приходят каждый день со своими повозками, одетые в длинные серые одеяния с вуальями, которые скрывают их лица, и подбирают покойников с улиц и переулков. Они работают и монотонно повторяют: «Выносите мертвых! Выносите мертвых!» Гробовщики не заходят в дома. Они нагружают повозки и доставляют их содержимое в городские крематории. Гробовщики работают с восхода до заката, но каждый день на улицах остается все больше и больше неубранных трупов.

Смерть на Дне так же неприглядна, как жизнь.

Жизнь на Дне ценится меньше всего.

На Дне ценится лишь один товар. Молодые люди. Крепкие молодые люди, выжившие на улице. Только эти парни выигрывают от ведения войны в Кантарде. Они вербуются в армию, как только им позволяет возраст, и на свое жалованье вытаскивают из ада всех, кого могут. Несмотря на буйную, недисциплинированную юность, они из всех сил стремятся стать хорошими солдатами. Если они

будут хорошими солдатами, они заработают достаточно, чтобы вытасщить со Дна свои семьи. Они едут в Кантард и мрут там как мухи ради своих семей.

Меня всегда поражало, что в такой клоаке, как Дно, сохранилась и даже часто встречается такая любовь. Честно говоря, я не понимаю, как это может быть. В менее бедных трущобах первыми жертвами молодежи становятся близкие люди.

Дно — это другой мир. Тут все иначе.

Туп остановился. Я замер. Казалось, он потерял дорогу. Я с тревогой огляделся по сторонам. Мы выглядели слишком состоятельными. Но на улицах не было ни души.

Возможно, из-за дождя. Хотя сомнительно. Что-то здесь затевается.

— Сюда, — сказал Туп.

Я пошел за ним, насторожившись еще больше. Никого не видно. Наконец я заметил парочку явных полицейских, правда, в штатском; они выглядывали из узкого прохода между зданиями. Полицейские были огромного роста, такие попадаются только в районе Дна. Они снова скрылись в проходе.

Нервы у меня совсем сдали. Меня заманили сюда вместе с Тупом, который терпеть меня не может. Но не настолько же он меня ненавидит. Не настолько, чтобы завести меня в ловушку для потехи.

Я шагнул в проход и чуть не споткнулся о какого-то старика. Он весил не больше тридцати килограммов. Кожа да кости. Он мог только трястись. Гробовщики очень скоро заберут его отсюда.

— Через весь проход, — сказал Туп.

Я не хотел идти. Но пошел. И пожалел об этом.

Мне нравится думать, что, когда я служил в Морской пехоте, моя душа покрылась прочной защитной коркой, потому что мое воображение не может вместить больших ужасов, чем те, что видел и пережил на войне. Мне все время казалось, что меня больше ничто не удивит.

Я ошибался.

Мы подошли к небольшой открытой площадке, где в стародавние времена грузчики складывали свою ношу. Здесь стояли несколько полицейских. В руках они держали фонари. Вид у стражей

порядка был такой, словно они надеялись, что дождь погасит их огни.

Я мог их понять.

Девушке было около двадцати. Она была обнаженная. И мертвая. В этом не было ничего удивительного. Это случается.

Но не так, как на этот раз.

Кто-то связал ее по рукам и ногам и повесил на бревне вниз головой. Потом ей перерезали горло, выжали кровь и выпотрошили, как дичь. Вокруг не было крови, хотя в человеческом теле ее очень много. Я пробормотал:

— Они собрали кровь и унесли с собой.

Теперь меня месяц будет тошнить, и я не смогу есть.

Туп кивнул в ответ. Ему тоже было не по себе. И его ребятам. Кроме того, они еще злились. Дьявол, я тоже злился, но моя злость не успела вскипеть.

Непонятно, почему девушку выпотрошили. Может быть, нужны были какие-то органы.

Внутренности бросали на землю, но теперь их не было, наверное, растащили собаки. Собаки подходили и к телу, но почти не повредили его. Благодаря их тявканью и обнаружили труп.

Туп сказал мне:

— Это пятая жертва, Гаррет. Всех их вот так...

— И всех на Дне?

— Нет, здесь она первая. Первая, известная нам.

Да. Здесь это может происходить каждый день... Я снова посмотрел на девушку. Нет. Даже на Дне не совершают таких мерзостей. Убийство для обитателей Дна не забава, не ритуал, ими движет страсть или желание достать себе пропитание. Эту девушку убил какой-то сумасшедший.

Я сказал:

— Она не местная.

Слишком цветущая, слишком хорошенькая.

— Все эти женщины были не со Дна, Гаррет. Их обнаружили в разных районах города.

— Я ничего об этом не слышал.

Правда, и не прислушивался.

— Мы пытались это скрыть, но пошли слухи. Поэтому сейчас нам того и гляди оторвут голову. Власти придерживающие требуют поймать этого психопата, и поймать его немедленно.

Я подумал и сказал:

— Капитан Туп, сэр, мне кажется, вы со мной не вполне откровенны. Может, если бы убили пятнадцать или двадцать женщин и люди начали сходить с ума от страха, тогда власти зашевелились бы. Но я не верю, что они поднимут задницу из-за четырех-пяти уличных девчонок.

— Вы правы, Гаррет. Но это не уличные девчонки. Это девушки из лучших семей. В день убийства каждая вышла из дома по совершенно обычному, даже будничному делу. Путешествие, посещение друзей. Полная безопасность.

— Да? В Танфере невозможно быть в полной безопасности. И такие женщины не выходят на улицу без вооруженных телохранителей. Где их телохранители?

— Большинство из них не имели понятия о том, что произошло. Они сопровождали своих подопечных к их друзьям и ушли по своим делам. Что-то здесь не то, но телохранители ни при чем. Хотя, может, на дыбе их память немного прояснится. Но нам не разрешают прибегать к крайним методам. Пока не разрешают.

— Есть какие-нибудь версии?

— Они никуда не ведут. Никто ничего не видел и не слышал. В Танфере всегда так. Никто ничего не видит.

Меня тошнило, я что-то промычал и заставил себя снова взглянуть на жертву. Она была красавицей, стройная, с длинными черными волосами. Горько, но правда, что острее ощущаешь несправедливость судьбы, когда погибают хорошенькие. Туп смотрел на меня так, словно сейчас я изреку что-нибудь умное.

— Так что вы от меня хотите?

Как будто я не знаю.

— Выясните, кто это сделал. Сообщите нам его имя. Мы сделаем все остальное.

Не было необходимости спрашивать, что я за это получу. Он уже сказал. Он держит слово. Я говорил, что он соблюдает правила игры.

— Что еще вы знаете?

— В том-то и дело. Больше ничего.

— Вранье. Ну давайте, Туп!

— Что?

— Этот труп говорит об очень многом. Особенно если и других убили так же.

— Так же.

— Ну вот. Они потрошат жертвы. И собирают их кровь. Здесь пахнет культом дьявола или черной магией. Но если это культ, он не имеет места поклонения, а то тела относили бы туда.

— А если трупы нарочно подкидывают, чтобы их нашли?

— Может, и так. Возможно, нас заставляют думать, что это ритуальное убийство, а на самом деле это дело рук сумасшедших. Или мы думаем, что это дело рук сумасшедших, а это ритуальное убийство. Хотя они наверняка сумасшедшие. В здравом рассудке никто такого не сделает.

— Вы все время говорите «они». Вы считаете, что убийц несколько?

Я задумался. Мне было тошно.

— Да. Кто-то должен был отбить ее у телохранителей. Привезти сюда. Раздеть, и связать, и повесить, и сделать вот это. Сдается мне, псих-одиночка здесь бы не справился.

Мне вдруг припомнилось, как в некий дождливый вечер я помог предотвратить похищение, и у меня захолонуло сердце. Кажется, никакой связи, но...

— У этих девушек есть что-нибудь общее, кроме принадлежности к высшему классу? Они знали друг друга? Может, у них похожая внешность?

Эту девушку не спутаешь с Чодовой дочкой, но у них одинаковое телосложение, черные волосы и темные глаза.

— Возраст от семнадцати до двадцати двух лет. Одна блондинка, все остальные черноволосые, все темноглазые. Рост от ста шестидесяти до ста семидесяти. Телосложение очень похожее, насколько можно судить, когда они в таком виде.

— Их всего пять?

— Пять нам известны.

Вот-вот. В Танфере жертв может быть гораздо больше, но их еще не нашли или нашли, но не сообщили об этом.

— Ну и задали вы себе задачу, капитан. Такие дела очень трудно распутать, так как не за что ухватиться, психически нор-

маленькому человеку это представляется бредом. Если появится еще куча трупов, все это превратится в фарс.

— Я это знаю, Гаррет. Черт побери, поэтому я и пришел к вам. Послушайте, если вы хотите, чтобы я вас умолял, я буду умолять. Лишь бы...

— Нет, Туп. Я не хочу, чтобы вы меня умоляли. — Это очень заманчиво, но я этого не перебарываю. — Я хочу, чтобы вы успокоились. Я хочу, чтобы вы прогулялись со мной под дождем и рассказали мне все, что вы знаете. По-настоящему все. Малейшая подробность, которую вы скрываете, чтобы не поставить в неловкое положение какую-то важную персону, может оказаться ключом к разгадке.

Я не решил, вмешиваться ли мне в это дело. Пока еще не решил. Я хотел задержать Тупа и привести его к себе, чтобы он посидел с Покойником. Покойник разложит по полочкам все, что Туп припрятал в своей глупой башке, и, возможно, даст этому дураку нужные сведения для раскрытия преступления. Таким образом я исполню свой гражданский долг. Я буду доволен собой, и не надо будет рисковать головой.

Но когда мы возвращались по узкому проходу, помощники Тупа с фонарями шли вместе с нами. От дождя фонари шипели и разбрасывали искры, в общем, было гораздо светлее, чем когда мы направлялись к месту преступления. Короче, было достаточно света, чтобы я заметил бабочек.

Их было три. Ничего примечательного. Обыкновенные маленькие зеленые бабочки. Но как попали в этот переулок мертвые бабочки?

Когда мы подошли к узкой улочке, я остановился:

— Вытащите оттуда того старика и накормите его. Вызовите врача, старик нуждается в уходе. Делайте все, чтобы этот старикан пришел в себя и рассказал нам, что он видел. Если он что-нибудь видел.

Туп отдал приказ подчиненным:

— Выполняйте!

Я отправился домой. Туп еле поспевал за мной и на ходу рассказывал мне, что, по его мнению, могло помочь. Я слушал не очень внимательно. Я был ужасно напуган происшедшим и к тому же

ошеломлен тем, что судьба Стражи теперь в моих руках. Я могу уничтожить этих никчемных ублюдков. Или заставить их в несколько раз сократить свои ряды. Черт, они готовы на что угодно, лишь бы сохранить работу. Иногда они даже готовы поработать.

Я не привык обладать такой властью. Вероятно, придется попросить Дина, чтобы он повсюду ходил за мной и шепотом напоминал о том, что я смертен.

Дин заметил, что дверь не заперта. И запер ее. Я орал и бил кулаками до тех пор, пока он с трудом не оторвал от себя проповеднищ. Когда он открыл, в глазах у него горел огонек, не имевший никакого отношения к спасению.

— Ты негодай!

Он прикинулся, что не понимает, о чем я. Проклятие, ему пошла бы на пользу хорошая взбучка, и ему, и этим двум теткам. Если он после этого не помрет.

Я никогда не приглашал Уэстмена Тупа к себе в дом. Он вступил в коридор осторожно, словно солдат на порог вражеской крепости.

Покойник ни от кого не скрывается. Все, кто интересуется, знают, что он живет у меня. Но почти никто его не видел. Посетители идут в его комнату, не отказавшись от всевозможных диких предрассудков, а потом выясняют, что на самом деле все еще хуже, чем они себе представляли.

Я сказал Тулу:

— Сядьте в кресло. Мне надо походить по комнате.

Он так и пялился.

— Что мы тут делаем?

— Старые Кости — гений. Если вы мне не верите, спросите у него. Я думаю, мы сейчас ему все выложим. Он найдет концы и скажет, где искать.

Мешок с костями молчал. Я не мог сказать, хороший это знак или дурной. Я только знал, что, если он захочет помочь, он сделает больше, чем любой гений. Покойник существует на свете очень долго. Разгадка сегодняшнего кошмара может таиться в прошлом. Так уже случалось. Некоторые ужасные события повторяются периодически, как нашествие саранчи, через несколько поколений. Если эти убийства ритуальные, они впишутся в свой период.

Покойник молчал, но слушал. Он нас прощупывал. У него до ужаса тонкие методы, но, когда он начинает ковыряться в мозгах, я чувствую. Если как следует сосредоточусь.

«Гаррет. Отбросим ли мы притворство? Оставим ли детские усилия пощекотать друг другу нервы? Я не утверждаю, что мы должны идти по следу этого чудовища, но, безусловно, дело требует пристального внимания».

— Когда ты решишь, и я приму решение.

Туп странно на меня посмотрел. Он не слышал, что говорит Покойник. Покойника можно услышать, только если он этого хочет. Поэтому наши беседы могут напугать.

«Отлично. Пусть душа твоя пока пребывает в неведении».

Ох! Никак не оставит меня в покое. Эти женщины оскорбили его чувство рационального. Он терпеть не может людей за некритическое отношение к религии. Он-презирает большую часть человечества, хотя, общаясь со мной, в основном это скрывает. Мы, люди, единственный биологический вид из несметного числа обладающих органами чувств существ, который горячо и упорно верит в нечто невероятное с точки зрения логики и чувственного восприятия. Представители других видов, принимающие желаемое за действительное, слынут среди своих соплеменников безумцами, и к ним относятся так же, как мы к Брешущему Псу. Или с еще большим неприятием. Существа других видов не возводят рехнувшихся в сан священников, не говоря уже о том, чтобы давать им деньги и следовать за ними, куда бы они ни повели.

— Я правильно понял, что вы собираетесь взяться за это дело, Гаррет? — спросил Туп.

Он чертовски нервничал. Большинство людей психуют в присутствии Покойника. У Покойника почтенная репутация, вполне заслуженная. За время нашего знакомства он добился поразительных успехов.

— Мы рассматриваем этот вопрос.

Я боролся с собой. Лень и нежелание ввязываться в очередную странную историю сражались с кипящим во мне гневом. Гнев побеждал с большим преимуществом. Белый рыцарь слишком давно был вне игры, лишь раз ему представилась возможность проявить лучшие качества, когда он вызволял загадочную дочь Чодо. Но у

белого рыцаря есть недостатки. Ему нравится поражать врага на полном скаку, размахивая ржавым мечом, но он не любит, когда надо этого врага выслеживать. Беготня губит его решимость вернее, чем насилие и угрозы крутых парней. А чтобы раскрыть это дело, придется побегать.

«Расслабься, Гаррет. Все не так плохо, как тебе представляется».

Я увидел, как Туп подскочил на месте, и понял, что Покойник обратился к нему тоже.

«Капитан Туп. Я вижу, вы придаёте огромное значение предлагаемому вами расследованию».

Туп побледнел и даже слегка позеленел. Когда у тебя в голове звучит чей-то голос, это может вывести из равновесия. Особенно поначалу. И особенно когда в твоей голове спрятана целая энциклопедия продажности, и ты не хочешь, чтобы ее кто-нибудь прочитал. Однако нужда и решимость помогли Тупу оправиться от потрясения. Он быстро пришел в себя.

— Да. На нас давят с вершины Холма. И начнут давить еще сильнее, как только следующая глупая сучка достукается и свернет себе шею.

«Вы уверены, что будут еще жертвы?»

— Точно. А вы как думаете?

«Полагаю, вы правы. — Теперь Покойник разговаривал поделовому. — Убийства будут продолжаться и будут происходить одно за другим, пока преступники не будут уничтожены. Мне кажется, мы впервые столкнулись с подобным случаем. Сведения, которые я собрал по мелочам, изучая ваши умы, свидетельствуют о том, что здесь действует убийца по принуждению, неспособный прекратить свои преступления, и что он будет вынужден убивать снова и снова, все чаще и чаще, чтобы убажить толкающего его дьявола. Но мне также ясно, что у него есть подручные».

Я спросил:

— Ты считаешь, что это связано...

Я хотел сказать: «...с тем, что произошло у Морли». Но Покойник меня прервал.

«Да. — У нас был секрет, и Покойник не хотел, чтобы Туп его узнал. — Гаррет, кажется, тебя смущает, что это дело потребует много беготни. Ты прав. Придется подробно беседовать с каждым,

кто имеет к этому хоть какое-то отношение. С членами семей погибших женщин. С телохранителями. С теми, кто обнаружил тела, и с полицейскими, прибывшими на место преступления. С жителями окрестностей, где нашли трупы».

Покойник умеет сразить наповал. С каждым его словом я все больше съеживался. Я стал величиной с мышку. Я искал дырочку в плинтусе, куда можно шмыгнуть и спрятаться. На то, о чем он говорит, у меня уйдет вся оставшаяся жизнь.

Беготня — необходимая часть моей работы; я беседую и беседую с возможными свидетелями, я всюду сую свой нос, пока что-то не сдвинется с места. Но мне не нравится суетиться отчасти потому, что я ленив, но в основном из-за людей, с которыми мне приходится иметь дело. Я не устаю поражаться и ужасаться человеческой злобе.

«Ты не принимаешь в расчет наши возможности, Гаррет».

Что правда, то правда. Я занят тем, что жалею себя.

«В нашем распоряжении Стража. Тысячи полицейских на побегушках. Разве не так, капитан? Ведь любой сотрудник Стражи с громадным рвением бросится нам помогать».

— Нам крышка, если мы не бросимся. Нам уже намекают: еще пара убийств — и нас всех вышибут.

Ужасное горе!

Я понял, что имеет в виду Покойник. Я слишком сосредоточен на себе. Полиция из кожи вон лезет, лишь бы удержаться на своих тепленьких местечках. Может, даже будет работать. Надо только обратить себе на пользу их инстинкт самосохранения.

«Тогда сделайте, что я скажу. Я хочу сам побеседовать с родственниками и телохранителями погибших. И с теми, кто обнаружил трупы. Ваши помощники опросят население районов, где были найдены жертвы. А также тех мест, где девушки были похищены. Сомневаюсь, что жители захотят с вами сотрудничать, но сотрудничество не обязательно. Даже полицейский, может, и смутно, но чувствует, когда собеседник говорит неискренне. Всех этих свидетелей доставляйте ко мне. Я узнаю, что у них на уме».

Я был изумлен. Покойник меня потряс. Обычно когда есть работа, мне приходится угрожать применением силы, чтобы только привлечь его внимание. А тут он кинулся вперед очертя голову. Я еще не дал согласия. За его воодушевлением скрывается тайный

план. Или он что-то знает, но не говорит. Пока он продолжал разговаривать с Тупом, уточняя, с кем и на какое время назначить беседу, я внимательно его разглядывал.

Подозрительность, перерастающая в психоз, стала в нашем деле привычной. Бывает, что сам себе не доверяешь.

Когда Покойнику взбредет в голову вздремнуть, он может дрыхнуть месяцами. А когда он бодрствует — не отдыхать целыми сутками.

Ему хорошо. А бедному старому Дину придется туго: нужно будет все время открывать дверь.

Туп боялся не запомнить все указания и попросил бумагу и ручку. Он записывал полчаса. Я ходил по комнате, взволнованный и удивленный. Затем Покойник отпустил полицейского. Я проводил Тупа до парадной двери.

— Вы не пожалеете, Гаррет. Слово даю. Если мы разгребем эту кучу, для вас откроются все пути.

— Непременно.

Я знаю цену благодарности. Благодарность стоит столько же, сколько просроченный вексель. Особенно в Танфере. Я знаю лишь одного типа, который не нарушает такие обещания: это Чодо Контагью. Он доводил меня до ручки, возвращая воображаемые долги.

Я вздрогнул от воспоминания. Старый Чодо всегда платит по счетам. А за ним большой должок.

Я выпустил Тупа, закрыл дверь, выбросил из головы мысли о Чодо и пошел обратно, выяснить, что там придумал Старый Плаут.

12

«Еще не время, Гаррет. Дин! — Покойник нечасто сигналил за пределы своей комнаты. Такое внимание он оказывает только нам. — Выпроводи этих старых ведьм. Отправь их к своим племянницам. Мы получили задание».

— К племянницам? — Я быстро вошел в комнату. — Ты жаждешь породить чудовищ?

У Дина целый полк незамужних племянниц, все претендентки на титул «Мисс Уродина». Дин не знает, куда от них деваться. Поэтому он и удрал от них ко мне. Он больше не мог терпеть.

— Представляешь себе, как эта банда набросится на посланника Господа?

«У Дина хватит ума не допустить этого. Пока мы ждем Дина, я скажу тебе, что делать. Надо вернуться к событиям, происшедшим в пивной мистера Дотса. Но сначала приведи ко мне мистера Дотса и мистера Тарпа. Нам потребуется их помощь».

— Может, их помощь «нам» и потребуется, но как «мы» ее получим? Мой гонорар за выслеживание Брешущего Пса не позволит...

«Капитан Туп берет расходы на себя. Тебе следует уделить этому делу побольше внимания. Я назначил огромную цену. Отчаяние заставило капитана согласиться».

— Если они так напуганы, как он изображает, они возьмут деньги, оставшиеся от взяток, и заплатят сколько угодно.

«Вот именно. Нам представилась небывалая возможность. — Для Покойника не имеет значения, откуда берутся деньги. Они никогда не бывают грязными, грязными бывают только люди, которым эти деньги принадлежат. — И я со всем своим энтузиазмом за нее ухвачусь».

Со всем своим моим энтузиазмом.

— Поэтому ты так вцепился в это дело?

Я не верил.

«Скажем так: мой мозг становится таким вялым и ленивым, как твое тело. Мне надо войти в форму, а то будет слишком поздно. Я еще не готов погрузиться в небытие».

В небытие. Я отложил это слово в памяти, чтобы отыскать его в следующий раз, когда Покойник заговорит о моей бессмертной душе.

Его объяснение звучало очень хорошо. Но я не верил. И он это знал. Но не позволял мне настаивать.

«Нельзя терять ни минуты. Приведи мистера Тарпа и мистера Дотса».

Мистер Тарп не желал, чтобы его приводили. Он избавился от Билли и заменил ее маленькой блондинкой, которая походила на Билли как две капли воды. Новая пассия еще не надоела ему. Он хотел сидеть дома и развлекаться.

— И вообще сейчас еще даже не стемнело, Гаррет.

— Ты теперь работаешь только по ночам?

— Привык, выполняя мелкие просьбы Уника.

— А теперь выполни мою просьбу. Поговори с Покойником.

Не хочешь работать, не надо. Я найду кого-нибудь другого. Правда, похуже тебя, да уж перебьюсь.

Никогда не помешает его умаслить.

— А что стряслось?

— Ряд похожих убийств. Убийца — настоящий психопат. Его милость введет тебя в курс. Не знаю, зачем ты ему нужен. Он извергает приказания, словно фонтан.

— Ладно. Поговорю с ним.

Он посмотрел на свою подружку. Она обожгла меня гневным взглядом. Я сказал:

— Мне надо увидеться с Морли, — и вышел прежде, чем женщине пришлось в голову выцарапать мне глаза.

Заведение Морли было почти пусто. Оно только открылось. Его посетители, как звезды, редко появляются до темноты. Сидевшие за столиками ранние гуляки пытались обскакать друг друга.

Мой приход никого не тронул. Никто меня не знал. За прилавком стоял новый бармен. Худощавый маленький полуэльф вроде Морли, смазливый до ужаса, но слишком юный, чтобы воспользоваться своими достоинствами. Он отращивал усы.

Заразительная мода.

— Мне нужен Морли, — сказал я бармену. — Моя фамилия Гаррет. Скажи ему, что я по делу, и дело гнусное.

Мальчишка посмотрел мне в глаза.

— Морли? Кто такой Морли? Не знаю никакого Морли.

Тот еще мальчик.

— Дитя, я учту, что ты новенький. Я учту, что ты молод и глуп и строишь из себя умника. А когда я все это учту, я просто перекину тебя через стопку и буду лупить до тех пор, пока Морли не спустится посмотреть, кто здесь так орет. Возьми переговорную трубку.

Зрителей было немного, но они все же присутствовали. Мальчишка решил показать мне, что он тоже кое-чего стоит. В мгновение ока он показал мне бритву. Эльфы, особенно юные, питают страсть к острым предметам. Действия мальчишки были настолько пред-

сказуемы, что, как только он вытащил бритву, я достал дубинку. И ударил его по пальцам. Он завыл, будто побитая собака. Бритва упала на прилавок. Зрители стали нам помогать. И из кухни тяжелой походкой вышел мужчина-гора.

— Гаррет! Что ты делаешь?

Это был Сарж, один из ребят Морли. Он из того же теста, что и Рохля.

— Я хотел видеть Морли. Мальчик вытащил бритву.

Сарж грустно покачал головой:

— Зачем ты это сделал. Стручок? Этот человек хочет видеть Морли, так скажи об этом Морли. Если Морли нравится иметь таких друзей, это его дело.

— Стручок? — произнес я.

Что за имя — Стручок? Даже гном не назовет своего гномика Стручком.

— Мы его так называем, Гаррет. На самом деле его зовут Нарциссио. Это племянник Морли. Ребенок его сестры. Она никак не может с ним сладить. Морли взял его сюда, чтобы он тут остепенился.

В это время мальчишка говорил в трубку, всдущую в кабинет Морли.

Я покачал головой. Морли Дотс собирается наставить кого-то на путь истинный? Морли, чье настоящее призвание состоит в том, чтобы перерезать глотки, разбивать носы, время от времени мошенничать и даже грабить, если добыча достаточно велика? Мой приятель Морли?

Сарж широко улыбнулся:

— Я знаю, о чем ты подумал. Но ты же знаешь Морли.

Я знаю Морли. Он с одинаковым, почти религиозным пылом может в одно и то же время считать истиной взаимоисключающие идеи. Вся его жизнь — клубок противоречий. Морли все делает с азартом. Он способен продать любой товар, потому что, расхваливая его, верит каждому своему слову. Вот почему Морли так везет с женщинами. И не важно, что через пять минут им может овладеть совершенно новая страсть. В данную минуту он без остатка отдается нынешней.

Морли неплохо влиял на Стручка. Мальчишка расстроился, что показал себя в невыгодном свете, но Морли его успокоил. Мальчишка сказал мне:

— Морли спустится через несколько минут. Хотите чего-нибудь, пока будете ждать?

— Рохля все еще держит здесь свой бочонок? Отлей мне из него. Рохля должен мне несколько литров.

Сарж ухмыльнулся:

— Почему бы тебе его не прикончить? Мне нравится смотреть, как Рохля обнаруживает, что кто-то приложился к его бочонку, и начинает раздуваться, словно большая старая жаба.

— Я буду стараться изо всех сил. У него гости?

Я поднял палец вверх.

— Да. Удача возвращается к нему.

— Я рад, что хоть к кому-то возвращается.

Сарж снова ухмыльнулся.

— Тебе бы жениться на Майе, когда она хотела. Она как раз то, что надо. — Он потрепал Стручка по плечу и сказал: — Ты все сделал правильно. Только не спеши с бритвой. Следующий парень может быть не такой хороший, как Гаррет.

Сарж пошел на кухню. Интересно, что он там делает. Я бы не доверил ему готовить пищу.

Даже это сено для лошадей, которое подают у Морли.

Я подумал, что самолюбие мальчишки не должно страдать, и косвенным образом извинился за жестокое с ним обращение. Публика потеряла к нам интерес, и Стручок, тоже как бы извиняясь, сказал:

— Я здесь всего несколько дней, мистер Гаррет. — Теперь он запомнил фамилию. — Дядю тут прямо достали. У вас вид, как у несчастного мужа.

Я рассмеялся:

— Я не муж, я просто несчастный.

Морли доволен жизнью, только когда неоправданно рискует. Он не хочет крутить романы с незамужними женщинами. Раньше он влипал в истории и из-за азартных игр, но теперь это позади.

Морли сошел вниз с самодовольным видом. Он без слов давал мне понять, какая у него замечательная жизнь. Гораздо лучше, чем у меня. Я не спорю. У множества людей жизнь гораздо лучше, чем у меня.

— Что случилось, Гаррет?

— Надо поговорить с глазу на глаз.

— Ты на работе?

— На этот раз да. Покойник говорит, что, может, нам придется заключить договор. Еще он хочет прощупать твои мозги.

— Сядь за столик в углу.

Я взял пиво, которое Стручок отлил из бочонка Рохли.

— У тебя наверху так много гостей, что ты не можешь всех их спрятать?

Обычно мы обсуждали дела у него в кабинете.

— Нет. Просто у меня там беспорядок. Немножко увлекся.

Звучало неубедительно. Возможно, у него вовсе не женщина. Возможно, они стремятся, чтобы я подумал, что у него женщина, а у него деловая встреча.

Я не стал спрашивать. Я подошел к столу, сел и рассказал ему все как есть. Он внимательно слушал. Когда он хочет, он это может.

— Думаешь, это связано с тем, что произошло на днях?

— Не знаю. Покойник думает, что да. И он знает, как все это прекратить.

— Интересно.

— Если бы ты видел эту девушку, ты бы сказал что-нибудь другое.

— Наверное. Я считаю, что нельзя убивать тех, кто об этом не просит. И я не прочь разок взять деньги у Стражи, вместо того чтобы все время ей давать.

Я поднял бровь. Это у меня здорово получается. Он сказал:

— Вот так оно, Гаррет. Я не нахожусь под покровительством Чодо. Не желаю быть частью Организации. Такова цена независимости.

Вполне разумно, по размышлении решил я. У Стражи тысячи полицейских, а у Морли всего горстка ребят. Пока аппетиты Стражи не станут непомерными, ему легче платить, чем бороться. Правда, нельзя сказать, что ему это нравится. Но он очень практичен.

Разумеется, Чодо Стража не трогает. Слишком многие ему обязаны. И он не потерпит ни малейшей попытки вмешаться в его дела.

Морли обдумал мои слова:

— Дай мне разобраться наверху. И тогда вместе пойдем к тебе.

Я смотрел, как он взбирается наверх. Что ему там делать? А потом собирается уйти вместе со мной. Чтобы я не видел, кто уйдет

после нас? Глупо. Если я захочу узнать, я спрошу Покойника после того, как Морли поговорит с ним. Нужно только предупредить Покойника, чтобы он выяснил.

Да, психоз!

13

Дверь открыл Плоскомордый.

— Дворецкий, — пошутил Морли. — Ты на пути в высшее общество, Гаррет.

Плоскомордый и глазом не повел.

— Как доложить, сэр?

Он загородил проход. Его никто с места не сдвинет. Морли попытался, у него не вышло.

— Эй! В чем дело? Посторонись, верзила! На улице дождь.

Я сказал:

— Думаю, не заняться ли продажей лодок. Может оказаться прибыльным делом.

Плоскомордый изменил выражение огромной безобразной физиономии и сделал вид, что прислушивается. Он ждал сигнала от Покойника. Хотя пришли только мы. Значит, Мешок с костями внушил Плоскомордому, что может произойти что угодно. Плоскомордый из тех, кто разобьется в лепешку, чтобы, пока он на посту, что угодно не произошло.

Покойник убедил его не верить своим глазам? Что за черт? Что подозревает Покойник?

Наконец Плоскомордый с ворчанием отошел в сторону. Как будто сомневался, стоит ли. Бросив на меня недоуменный взгляд, Морли направился вперед по коридору и вошел к Покойнику.

— Гаррет говорит, что в давшем происшествии у меня в заведении есть нечто зловещее.

Минут двадцать я чувствовал себя сиротой.

— Пять? — наконец произнес Морли. — Значит, это держат в тайне. Я слышал только об одной в прошлом месяце в районе Пристани.

Я вмешался:

— После нее были еще одна и та, которую нашли сегодня утром. Этот психопат действует в ускоряющемся темпе. После первого убийства он ждал шесть недель. Между вторым убийством и преступлением на Пристани прошло четыре недели. Потом три недели, потом немного больше двух, и он убил последнюю жертву.

— Может, есть еще, только мы о них не знаем.

— Их трудно не заметить: все висели с перерезанным горлом и распоротым животом. И Стража не получила больше ни одного заявления с Холма о пропавших дочерях.

— Гад, который это делает, ходит по домам и для виду предлагает какие-то услуги. Он не торчит на углу, поджидая подходящую богатую девушку. Он подбирает себе одновременно несколько жертв.

— Почему ты так думаешь?

— Ему не удалось похитить дочку Чодо, но он тут же схватил другую женщину, чтобы успеть повесить ее сегодня утром.

Псих и дурак не одно и то же, говорила моя старая мамочка. Я часто в этом убеждался. Этот убийца все тщательно планировал. Он знал, что его потеха вызовет переполох. И был очень осторожен.

— Морли, вчера вечером этот тип сглупил. Даже очень сглупил. Он действовал при свидетелях. Он покусился на дочь Чодо. Если бы он погнался за сестрой короля, и то было бы меньше шума.

— Помнишь, когда она вошла, вид у нее был испуганный. Наверно, ее уже однажды хотели схватить, и теперь преступники отчаянно пытались замести следы. Зайти так далеко, что преследовать дочку Чодо... С этим типом надо бороться вот как (я так не умею): надо проникнуть в его башку. Попытаться представить себе, что он думает. Он необыкновенный и знает об этом. Он с детства испорчен и выкидывает психопатские штучки, и ему все сходит с рук. Может, он уже не видит в нас реально существующих созданий. Может, мы для него лишь неодушевленные предметы; такими он считал клопов и крыс, которых убивал сначала. Может, он думает, что, если он будет сохранять бдительность, ему ничего не грозит. Может, с его точки зрения, Чодо не более опасен, чем Дин.

Я понимал Морли, но сомневался, что дело обстоит именно так. Я не знал, что думать. Танфер кишит убийцами, но такого еще не

было. Изуверы и хладнокровные наемные убийцы — этих я знаю. А это чудовище — какой-то гибрид, мутант.

— Вчерашний вечер для нас — единственная исходная точка, — сказал Морли. — Надо поговорить с девушкой.

Я недовольно фыркнул:

— Я знаю. И значит, Организация тоже пойдет по следу.

Удивительно, что до сих пор не пошла. Я так и сказал. Морли заметил:

— Должно быть, когда дочка Чодо пришла домой, она не упомянула об этом происшествии. Видно, ее папочка не одобрил бы то, чем она занималась.

Он нахмурился, словно не был уверен, что прав.

— Дружок?

— Она женщина.

Вдруг у меня возникло подозрение, я сосредоточился и стал думать. Она попала в беду и побежала к Морли. Она не подала виду, что знакома с ним, но... Нет. Он не станет. Его любовь к риску не настолько сильна. Или настолько?

Тут встрял Покойник:

«Господа, я чувствую приближение свидетелей, которых мне надо опросить. Я буду занят этим всю ночь. Гаррет! Я советую тебе отдохнуть до утра. Утром я изложу тебе свои предложения».

Очевидно, он порылся в голове у Морли и получил то, что ему было надо. Если голова у Морли не совсем пустая.

Иногда это неясно.

Я распалился больше, чем думал:

— Я могу начать...

Будто я так и жаждал приступить к работе.

«Если я рассчитал верно, в нашем распоряжении одиннадцать или двенадцать дней, прежде чем убийца ударит снова. Времени достаточно. Жернова закона и Организации успеют перемолоть все улики. Нет нужды торопиться и рисковать здоровьем».

Что? Он будет указывать, выходить ли мне на улицу! Я выпроводил Морли, впустил стоявшую на пороге пару, представил этих людей Покойнику как родителей первой жертвы и отправился наверх.

14

Едва я лег в постель, у меня возникла куча вопросов к Морли. Например, имеет ли он понятие, кто эти бандиты, которые ворвались в его заведение вслед за дочкой Чодо? Он наверняка пытался выяснить. Я знаю Морли. Поразмыслив, он точно решит, что избить их и вышвырнуть на улицу под дождь недостаточно. Надо попробовать узнать, кто их послал.

Должно быть, Морли знает много больше меня.

Я мысленно вернулся к тому, что произошло, и в поисках ключа к разгадке вспомнил все подробности.

В тех троих мужчинах не было ничего примечательного. Если иметь деньги, можно нанять тысячу таких. Странно только, что они дерзнули вломиться в заведение Морли Дотса. Местные профессионалы никогда бы этого не сделали. У этих троих было городское произношение. Значит, они не профессионалы. Во всяком случае, не знакомы с жизнью улицы. Хотя преступление, несомненно, их профессия.

Ничего не понимаю. Кто нанимает бандитов, которым по роду работы не приходится мотаться по улице? Только священники и обитатели Холма. Версия со священником настолько бредовая, что я пока ее отмел и решил сначала рассмотреть вторую.

Сумасшедший с Холма? Там у него отличная возможность наблюдать за передвижением будущих жертв. Я попытался припомнить, как выглядел старый гнусняк, который отрывивал бабочек. Он не похож на жителя Холма.

А карета? Я вспомнил ее, правда, в общих чертах. Большая, черная и нарядная. Изготовлена на заказ, запряжена четверкой лошадей. Серебряные украшения. У убийцы есть деньги.

Таких карет немного.

Пятнадцать минут я боролся с собой, но исход борьбы был предрешен. В конце концов я сел, спустил ноги с кровати, встал и поспешил вниз. Прощайте, добрые намерения. Я надел плащ и (о чудо из чудес!) шляпу. Шляпа принадлежала Дину. Не думаю, что он будет по ней скучать.

Плоскомордый подошел посмотреть, чем я занимаюсь.

— Я выйду погулять. Ненадолго. — Я сердито взглянул на закрытую дверь маленькой гостиной. — Скажи Дину, что, если,

когда я вернусь, кот будет еще здесь, они оба вылетят на улицу под дождь.

Я отправился навестить приятеля. Его зовут Плеймет. Он черный как уголь и почти трехметрового роста, такой крупный, что даже Плоскомордому стало бы не по себе. Но Плеймет кроток как ягненок и к тому же верующий. Он торгует лошадьми. Плеймет передо мной в долгу. Когда мы делали лишь первые шаги на своих попрощах, я спас его от мошенников.

Я не перестаю ему удивляться. В какое бы время я ни пришел, кстати или нет мой приход, он всегда рад меня видеть. Вот и на этот раз тоже.

— Гаррет! — прогремел его голос, как только я вошел в конюшню.

Он бросил скребницу, пошел мне навстречу и заключил меня в свои железные объятия. Отпустил он меня, только когда я застонал, словно волынка.

— Черт возьми, Плеймет, иногда я жалею, что ты не женщина. Только ты встречаешь меня с таким пылом.

— Сам виноват. Приходи почаще. Может, я немного поостыну.

— Да. Тяжелый был год. Я забросил друзей.

— Особенно крошку Майю.

Я тут же забыл о цели своего прихода:

— Ты видел Майю? Я думал, она уехала из города.

— Она тут бывала. Приходила мне помогать, она любит лошадей.

— Я слышал, что у нее что-то случилось.

Его взгляд поведал мне больше, чем могли бы сказать слова. Майя плакалась Плеймету в жилетку. Мне стало стыдно смотреть ему в глаза. Он проговорил:

— Я слышал, у тебя кругом неприятности. И с мисс Тинни. И с какой-то Уингер.

Я договорил за него:

— Да. У меня особый подход к девушкам. И этот подход неправильный.

— Проходи, садись. Я приберег небольшой бочонок. На несколько глотков нам, пожалуй, хватит.

Это меня устраивало, только пойло будет теплым. Плеймет любит теплос пиво. Я предпочитаю холодное, такое, что вот-вот превра-

тится в кусочки льда. Но все же пиво есть пиво. Я был готов выпить литров десять. Я примостился на старом седле и взял из рук Плеймета большую оловянную кружку. Свою он плюхнул сзади на козлы.

— Беда в том, — произнес он, — что девчонки взрослеют и им становится нужна не только развлекуха.

— Я знаю.

Черт возьми, они взрослеют, а я старею.

— Не обижайся. Из меня прет проповедник. Это я тоже знал. Давным-давно, когда я спас его от мошенников, он хотел пойти по религиозной части, по мне это то же самое мошенничество. Он стал бы хорошим священником, но не очень бы преуспел. Танфер — город тысячи культов. И всегда находится множество разочарованных верующих, которые желают учредить тысячу первый. Плеймет оценил положение и решил, что он не настолько бесчестен и циничен, чтобы взяться за такое дело. Религиозность не мешает Плеймету быть практичным.

— Проповедник прав, Плеймет. И возможно, он-то мне и нужен.

— У тебя затруднения?

— Да.

— Я так и подумал, как только тебя увидел.

Просто гений! Перед Плейметом у меня такая же вина, как перед Морли. Я прихожу к ним, лишь когда нуждаюсь в их помощи.

Я дал себе слово в будущем поступать лучше.

Правильно, Гаррет. Пригнись! Прямо над головой летит свинья.

Я выложил Плеймету все. Ничего не утаил. Мой рассказ огорчил его до глубины души. Я даже жалел, что не опустил некоторые подробности.

— Кто на такое способен, Гаррет? Убивать маленьких девочек!

Девочки были не маленькие, но это не важно.

— Не знаю. Собираюсь выяснить. Я подумал, что ты можешь мне помочь. Эта карета на улице у заведения Морли была не старая и явно не наемная. Мне кажется, другой такой не найти. Она может сравниться только с каретой Чодо Контагью. И то Чодова карета не так пышно украшена серебром.

Плеймет хмурился при каждом упоминании о Морли Дотсе. Плеймет осуждал Морли. Когда я упомянул Чодо, Плеймет опять

сдвинул брови. Если бы Плеймет составлял список неприятных ему людей, Чодо Контагью был бы в этом списке первым номером. Плеймет считает Чодо причиной общественных зол, а не их следствием.

— Карета сделана на заказ?

— Вероятно, да.

— И похожа на карету Чодо Контагью?

— Немного побольше и еще более фасонистая. Серебряные украшения и полно резьбы. Говорит тебе это о чем-нибудь? Знаешь, чья она?

— Чья, не знаю, но легко догадаться, кто ее сделал. Если ее сделали в Танфере.

Эврика! Я чуть не закричал. Может, даже закричал. Мгновение Плеймет странно на меня смотрел, а затем застенчиво улыбнулся:

— Ну как, помог я тебе?

— Только скажи, как зовут мастера.

— Тополь. Лео Тополь.

Это имя ничего для меня не значило. Мой доход не позволяет покупать сделанные на заказ кареты. И я не вожу дружбу с теми, кто их покупает.

— Где мне найти мистера Лео Тополя, каретного мастера?

— В Лудильном ряду.

Прекрасно. Это целый, район, где лудильщики лудят, бочары бочарничают и хотя бы один кожемяка мнет кожу. Эта местность лежит к югу от Веселого уголка и к северу от пивоварен, она простирается с востока на запад, начинаясь в нескольких кварталах от реки, и идет параллельно улице, называемой Медников переулок. Это самая старая часть города. Некоторые семьи ремесленников живут здесь уже несколько столетий.

Плеймет поглядел на дверь:

— Скоро стемнеет. Хочешь пойти туда прямо сейчас?

— Да.

— В этом районе нет ночной жизни. Очень скоро все закроют лавки, поужинают, а потом мужчины отправятся в трактир на углу.

— Значит, я опоздал. И спасти тех пять женщин я тоже опоздал. Покойник говорит, что этот тип попытается убить снова не раньше, чем через одиннадцать-двенадцать дней, но я сомневаюсь.

Плеймет кивнул, он уступил:

— Я пойду с тобой.

— В этом нет необходимости. Только скажи мне, где...

— Беда идет за тобой по пятам. Лучше я пойду с тобой. Чтобы поладить с Тополем, нужен хитрый ход.

— С тебя хватит. — Я не хотел подвергать Плеймста опасности. Он этого не заслуживал. — Мне по штату положено ладить со всеми.

— Ты действуешь слишком прямо и напористо. Тополю это может не понравиться. Я тебя провожу.

Спорить с Плейметом — все равно что спорить с лошадьё. Толку никакого, только злить лошадь.

Может, если бы Плеймет занимался другим делом, я бы навещал его чаще. Любым делом, где поменьше лошадей. Мы с ними друг друга терпеть не можем. Все их племя против меня.

— Пойду надену плащ и шляпу, — еще до того, как я согласился, зная, что победа за ним, сказал Плеймет.

Я огляделся вокруг в поисках огромной палатки, которую он носит вместо плаща. И заметил, что за мной наблюдает лошадь. Она думала о том, как бы ей опрокинуть стойло, подбежать ко мне и сплясать что-нибудь зажигательное на моих усталых костях.

— Нельзя терять время. Демоны меня засекли. Они что-то замышляют.

Плеймет усмехнулся. Одного он не может понять. Он думает, что мои разногласия с лошадьми — это шутка. Господи, неужели они его так заморочили?

15

Мы закончили ужин, естественно, за мой счет. Что основательно подорвало мой бюджет. Плеймет жрет, как лошадь, но не такую дешевую пищу, как сено.

— Ты вошел в расход, Гаррет.

— Я как раз прикидывал, как бы мне вытрясти карманы Стражи, но не разорить ее дочиста.

Плеймет засмеялся как ребенок. Простую душу легко убажить.

В Лудильном ряду все заняты чистым ремеслом, семейные мастерские производят товары, не производя много дыма. Дальше к югу располагаются более грязные производства, чем ближе к реке, тем грязнее. В воздухе сгущается дым, ветер несет с востока смрад плавилен и дробилок. Эта вонь заставляет с тоской вспоминать зиму и терпкий дух тлеющих дров и угля или лето и запах горящих мусорных куч.

Лудильный ряд занимает четыре квартала в ширину и восемь в длину, если иметь в виду городские кварталы обычной величины. В Танфере таких немного. Город рос как попало без всякого плана. Может, если бы случился великий пожар и сжег все дотла, мы бы начали строить заново уже как надо.

Плеймет настоял и остался со мной. Он сказал, что знает этот район и знает Лео Тополя. Я сдался. Я был рад провести время с другом, который не станет меня изводить.

Он шел впереди, а я пытался не отставать. Я не поспевал за его громадными шагами. Он прогуливался. Я бежал. Как только мы оказались в Лудильном ряду, Плеймет начал болтать с владельцами лавок, которые не закрывали двери в надежде на позднюю торговлю. Я запыхался и не мог отдышаться. Лудильный ряд — безопасный район. Грабители обходят его стороной, потому что местные жители имеют обыкновение держаться вместе. Правосудие отправляется быстро и без соблюдения формальностей, приговор приводится в исполнение с большим энтузиазмом.

Казалось, Плеймета здесь знали все. Меня не знал никто, но я был не в обиде. В моей работе это плюс. Я пропыхтел:

— Ты проводишь тут много времени?

— Я здесь вырос. На соседней улице. Папочка делал гвозди. — Может, отсюда интерес к лошадям. — А меня изменила война. Я вернулся слишком психованный, не мог приспособиться. Здесь время течет медленно. Люди не меняются. Коснеют в своих привычках. Я, наверно, мог бы тебе сказать, кто где сейчас находится и что делает, хотя и не был здесь много месяцев. Сейчас Лео Тополь ужинает дома с женушкой. Его сыновья ужинают вместе со своими семьями, а ученики убирают мастерскую и жуют хлеб с сыром. Примерно через полчаса они начнут собираться у «Скандала и Щелчка». Каждый возьмет пол-литра темного пива. Все усядутся в

угол и будут целый час попивать из кружек, потом кто-нибудь скажет, что ему пора домой, ложиться спать, так как утром надо рано вставать. Старый Лео попросит приятеля остаться и выпить еще и закажет каждому еще по кружке. Все просидят еще час, одновременно допьют кружки, встанут и пойдут домой.

Захватывающая жизнь в Лудильном ряду!

Я никогда не слышал от Плеймета такой длинной речи. Пока он говорил, мы добрались до угла и вошли в трактир с непонятым названием. У большинства трактиров странные названия, например, «Дельфин и роза», но это потому, что большинство людей не умеют читать. Над дверью вешают вывеску с парой рисунков, и эта вывеска является и названием, и адресом. На «Скандале и Щелчке» не было вывески, и, когда я наконец спросил Плеймета, что это за название, он ответил, что это фамилии владельцев.

Некоторые загадки не стоит и разгадывать.

Плеймет принялся изучать обстановку. Народу было немного. Пока он выбирал столик, я держался в стороне.

— Мы не будем занимать столы завсегдатаев.

Очевидно, они очень огорчаются, когда случайные посетители незаконно захватывают их привычные места. Плеймет выбрал маленький столик, стоящий посреди маленькой комнаты. Столик казался не таким обшарпанным, как другие.

Плеймет сделал заказ, но платил я. Он попросил подать темное пиво.

— Ты можешь получить любое пиво, если не согласишься прогуляться до следующего трактира, где есть светлое и лагер.

— Разумный подход.

Мне нравится время от времени выпить темного пива. А это оказалось отличным напитком с крепким ароматом солода. Солод я люблю больше, чем хмель.

— Они очень практичны. Вон идет Тополь, я выберу время, когда с ним лучше заговорить.

Я кивнул. Это разумно.

Трактир начал заполняться. Все его посетители, молодые и старые, были как будто на одно лицо. Мне стало интересно, не будет ли у нас трудностей из-за того, что Плеймет здесь единственный черный. Но нет. Скоро эти ребята начали к нам подходить, чтобы

поздороваться, при этом они искоса с любопытством поглядывали на меня, но понятия о приличии не позволяли им выказать любопытство открыто. Как только появились подмастерья каретника, Плеймет их сразу узнал.

— Тополь взял подмастерьев только несколько лет назад. Это все война виновата. Он потерял двоих сыновей, внуки тоже не вернулись. Правда, трое еще дослуживают свои пять лет. Может, им повезет.

Подмастерья были далеко не мальчики. Лет по двадцать пять.

— На месте Тополя я бы брал в учение малолеток и воспитывал их, чтобы им не надо было вступать в профессиональные объединения. Подразделения снабжения всегда нужны каретники.

Плеймет посмотрел на меня так, будто я ничего не понял из того, что он рассказывал мне весь вечер.

— Где он возьмет малолеток? В Лудильном ряду всю ребяtnю обучают семейному ремеслу.

Ясно. Выходит, я и впрямь ничего не понял.

Вошли уцелевшие на войне сыновья каретника, а затем сам Лео Тополь. Такие существа, как Лео Тополь, большая редкость, этому человеку очень подходило его имя, и он выглядел так, как должен выглядеть каретный мастер. В моем представлении. Тощий старичок, волосатый, с грубой, словно дубленой кожей, умными глазами и огромным запасом жизненной силы. Натруженные руки говорили о том, что он все еще работает. Он стоял очень прямо и уверенно занимал свое место в жизни. Он и его ученики были одной большой счастливой семьей. Он не изображал безразличного ко всему патриарха. Он затеял горячий спор с тремя сыновьями и четырьмя подмастерьями о том, правда ли, что королевские правила превращают танферских футболистов в группки ноющих, трусливых слабаков.

Есть о чем поспорить. Королевские правила вступили в силу до моего рождения.

Карентинский футбол, или регби, теперь такой грубый, что я не пожелал бы стать футболистом даже своему врагу. А единственным правилом старого футбола было не применять холодного оружия.

— Я смотрю, здесь увлекаются футболом.

— Да, это серьезно. Лучшие игроки вышли из Лудильного ряда. В каждом квартале своя команда. Мальши начинают играть в футбол, едва научатся ходить.

Может, жители Лудильного ряда и очень практичны, но умом не блещут. Однако я оставил это соображение при себе. Обычно эти два качества сочетаются с третьим: «Не очень терпимы».

— Я и сам играл, когда был помоложе, — сказал Плеймет.

— Вот это да!

Он один стоит целой команды.

Плеймет хитер. Он ловко ввернул замечание в этот старый, вероятно, вошедший уже в обычай спор и получил ответ, так как в свое время, очевидно, был звездой. Прежде чем я сообразил что к чему, мы уже сидели с компанией Тополя. Я прилежно следовал совету Плеймета. Покойник поразился бы, как долго я не раскрывал рта.

Через некоторое время компания завершила обсуждение вечной футбольной темы и вежливо поинтересовалась причиной появления Плеймета. Плеймет широко улыбнулся, будто смеялся над тем, что принимает всерьез какие-то пустяки.

— Мы с моим приятелем Гарретом собрались в крестовый поход.

Наши собеседники понимали, что такое крестовый поход. Они были религиозны. Настоящая соль земли и становой хребет нации. Ни у кого из них до седьмого колена не было ни одной собственной мысли.

Извините. Иногда я перебарщиваю с критикой.

Любопытство усилилось. Плеймет с минуту подразнил их, а потом сказал:

— Пусть лучше Гаррет расскажет. Он сам с этим столкнулся. Я просто стараюсь ему помочь.

Я представил, как разъярился бы Туп, если бы узнал, что я в присутствии всего города копаюсь в его грязном белье. Тополи, как положено, пришли в ужас. Я этого и добивался; я заметил, что старика это волнует больше других, молодежь воспринимает мой рассказ просто как страшную историю.

Я сказал:

— Так что теперь единственный способ напасть на след этого чудовища — найти его карету.

Тут все уразумели, в чем дело. Вся компания притихла и померкла. Все глаза устремились на старика. Он бесстрастно смотрел на меня:

— Мистер Гаррет, вы считаете, что эта карета вышла из моей мастерской?

— Мистер Тополь, Плеймет говорит, что вы лучший каретный мастер в Танфере. Значит, если карету сделали в городе, только вы способны смастерить такой красивый экипаж.

— Надеюсь, что так. Опишите ее еще раз.

Я описал, вспоминая мельчайшие подробности.

Сыновья не так умело, как старик, скрывали свои мысли. Я понял, что карету сделал Лео Тополь. Вопрос был только в том, назовет ли старик заказчика.

Он назвал.

— Мистер Гаррет, мы сделали эту карету в точном соответствии с пожеланиями заказчика около трех лет назад. Я не сторонник ложной скромности. Это была самая красивая карета в Танфере. Я беру на себя ответственность за ее изготовление, но не признаю за собой никакой вины.

— Простите?

Один из сыновей пробормотал:

— Эта проклятая штука приносит несчастье.

Старик метнул на него свирепый взгляд.

— Карету заказала мадам Таллия Лета, жена и мать Ледовых Лоцманов СтрахКошмаров. Через три месяца после покупки с мадам Лета произошел несчастный случай. Она выпала из кареты. Ей размозило голову колесом.

О Боже! Я боялся, что здесь могут быть замешаны колдуны, обладающие огромной силой.

Карентинские чародеи в основном принадлежат к школам четырех стихий: Земли, Воздуха, Огня и Воды. Заклинатели Ветров и Властители Бурь, относящиеся к Школе Воздуха, встречаются очень часто, еще больше Повелителей Огня. Волшебники, представляющие Школу Земли, может, и есть в Каренте, но в Танфере я не знаю ни одного. Так же трудно найти приверженцев Школы Воды.

— Я не знал, что у нас в городе есть Ледовые Лоцманы.

— В городе нет, — ответил старик. — Эта женщина жила здесь. А Ледовые Лоцманы все умерли. В Бухте Скрещенных Костей.

Ага. Там было большое морское сражение. Нам дали пинка под зад. Однако венагетам тоже не повезло: победа на море не имела стратегического значения.

— Понятно, — сказал я, хотя ничего не было понятно.

— У мадам не осталось наследников. Состояние перешло к Короне. Королевские чиновники продали все с молотка. Карету купил лорд Мукиадан.

— Такой фамилией можно напугать. Я припомнил одного Мукиадана, он был не счастливее мадам Лета.

— Его тоже постигла злая судьба, так?

— Его убили. Преступник скрылся.

— Это случилось в карете, — вставил один сын.

— Стрелой из арбалета прямо в глаз, — прибавил другой.

И изобразил все это энергичными телодвижениями со звуковыми эффектами.

— Кому потом досталась карета?

— Герцогине Сумерханской. Леди Гамильтон.

Я ее знал.

— Кажется, ее тоже постигла неудача.

Сестра бабки короля леди Гамильтон решила посетить фамильное поместье в Оккоке. Она не позаботилась об охране, хотя на небе стояла полная луна. Оборотни зацеловали ее до смерти.

Лео Тополь фыркнул, но ничего не сказал.

— Это было полтора года назад. С тех пор карета, наверно, еще не раз сменила владельца?

— Нет. Наследный принц Руперт привез ее обратно в город и поставил в каретный сарай, за домом леди Гамильтон. Насколько я знаю, с тех пор на ней никто не ездил.

Старик вытащил табак и трубку. Набил ее, зажег, откинулся на спинку стула, закрыл глаза, выпустил колечки дыма и задумался. Семья спокойно ждала. Я тоже. Плеймет подавал знаки официанту, чтобы заказать на всех еще по кружке темного. Разумеется, за мой счет.

Как только принесли пиво. Тополь проснулся. Он подался вперед, отпил полкружки, вытер губы тыльной стороной ладони, рыгнул и произнес:

— Я не верю в колдовство, Гаррет. — Теперь мы были друзьями. Я угощал его пивом. — Но на твоем месте я бы поостерегся. Похоже, кто приблизится к этой карете, отправится на тот свет.

Он нахмурился. Ему это не нравилось. Вдруг пойдут слухи? Что, если все подумают, что виноват каретник?

— Я тоже не очень верю в проклятия и злых духов. Но если карета действительно заколдована, как это могло получиться?

— А хрен его знает! — Он жадно выплеснул в горло вторую половину кружки. — Хрен знает что творится! Ерунда какая-то.

Тут вмешался Плеймет:

— Спасибо, мистер Тополь. Вы поговорили с нами и совершили доброе дело.

Он толкнул меня коленом и встал. Я удивился, почему он так заторопился, но вспомнил, что обещал его слушаться. Я прибавил свою долю благодарностей, извинился и пошел за Плейметом в дождь.

— Что случилось? Куда ты так спешишь?

— Тополь стал пьянеть. Сейчас он начнет оплакивать своих мальчиков, не вернувшихся из Кантарда. Я думал, ты хочешь сегодня хоть немного поспать.

— О-ох!

— Да. Его очень жалко. Но это не значит, что ты должен мучиться вместе с ним. Пусть он сам борется со своими призраками.

Справедливо. Но я не ожидал, что Плеймет так думает. Я потуже завернулся в плащ. Ночной ветер нес холод.

— Мне уже давно пора спать, Гаррет. Надеюсь, я тебе помог.

— Надеешься? Черт возьми, наш разговор решает все дело. Теперь надо только выяснить, кто разъезжает в этой карете.

Вряд ли это будет легко. Видите ли, в обязанности наследного принца входит обеспечение внутренней безопасности Каренты. Стража Танфера — одно из подчиняющихся принцу загадочных подразделений. И если Туп сказал правду, то за всем давлением на Стражу стоит старый добрый Руперт.

— Заходи почаще, Гаррет, — сказал Плеймет. — По крайней мере давай мне знать, как продвигается дело.

И он припустил так, словно опаздывал на свидание с одной из своих кобыл. Минуту я стоял и от удивления мок под дождем, затем пожал плечами. Плеймет и раньше так поступал. Он не понимает, что ведет себя, как дикарь и грубиян.

А теперь куда?

16

Теперь к Морли.

Это было мне по пути. Я просто заскочил. Меня встретили не с большим радушием, чем раньше. Может быть, с меньшим. Многие посетители ушли. Другие, казалось, были встревожены, лишь приятель Плоскомордого Уник спокойно сидел в тени за тем же угловым столиком и где-то витал.

Рохля глянул на меня волком и скосил глаза на свой бочонок. Я сказал ему:

— Этот мерзавец Сарж предупредил, что все свалит на меня. Морли здесь?

Рохля сразу же поднял вверх палец и задрал бровь. Я мотнул головой, чтобы убедиться, что он меня понял: мне нужно не только узнать, дома ли Морли, но я хочу его видеть. С Рохлей надо все уточнять. Он туповат.

Он из тех парней, которые думают, что если задачу нельзя решить с помощью обмана или дубинки, значит, это не первоочередная задача и ее не стоит решать вовсе. Надо не обращать на нее внимания, и она исчезнет сама.

Рохля что-то промышчал в переговорную трубку, а затем взмахнул рукой, показывая, что я могу подняться на второй этаж. Очевидно, у Морли не было гостей.

Я взобрался по лестнице, подкрался на цыпочках к двери Морли и, прежде чем постучать, прислушался. Ни звука. Обычно за дверью начиналась беготня, как будто чья-то жена искала, куда спрятаться. Сейчас я услышал только голос Морли, приглашающий меня войти.

Я открыл дверь. Что-то скользнуло в воздухе перед моим носом. Морли сидел за письменным столом, откинувшись назад и задрав ноги, и метал дротик. Я не узнал разрисованное лицо, которое служило ему мишенью.

— Ты что, хочешь наслать на кого-то порчу?

— Нет. Я нашел все это в лавке старьевщика. Вышитое на бархате лицо напоминает мне мужа моей сестры. — Вжик. Шмяк. Опять в глаз. — Что случилось?

— Гости нет?

— На улице слишком мокро. Пока погода не наладится, гостей ждать нечего. — Вжик. Шмяк. Прямо в кончик носа. — Хочешь собрать дротик?

— Ты сегодня такой энергичный.

— Да. Раз уж ты бегаешь вместо меня, не видел, этот зануда Уник внизу? Мне лень спускаться.

— Он там сидит. По-моему, без сознания. Дым довольно густой. Морли схватил переговорную трубку:

— Рохля, вышвырни отсюда этого зануду Уника. Но не оставляй там, где его переедут колеса. — Морли положил трубку и посмотрел на меня. — Надеюсь, он получит воспаление легких.

— У тебя неприятности с этим человеком?

— Да. Он мне не нравится.

— Ну так не впускай его сюда.

— Его деньги так же хороши, как и твои. Может, даже лучше. Он тратит их здесь. — Морли не удалось меня разозлить, и он спросил: — Что с тобой? У тебя такой вид, будто ты ждешь не дождешься поскорей облегчить душу.

— Я знаю, откуда карета.

— Карета? Какая карета?

— Та, что стояла на улице, и куда пытались затащить дочку Чодо. Я нашел мастера, который сделал эту карету. Он сказал мне, где ее найти.

Я объяснил. Морли вздохнул и спустил ноги на пол.

— Как это на тебя похоже! Вот я тут сижу и наслаждаюсь жизнью, а ты приходишь и все портишь.

Он встал, открыл стенной шкаф, достал плащ и модную шляпу, которая, должно быть, стояла ему десятка переломанных.

— Что ты делаешь?

— Пошли проверим.

— Что?

— Насколько я понимаю, это поможет нам увидеть Чодо. Оружие при тебе?

— Кое-что при мне.

— Хоть чему-то ты научился, а?

— Надеюсь! Какие трудности с Чодо? Я думал, ты сидишь крепко. Это я у него в черном списке.

— Не знаю. Я послал ему записку, что мне нужно с ним поговорить. По важному делу. Ответа я не получил. Раньше такого не было. Потом мне окольным путем намекнули, что обо мне не хотят слышать, и если я не дурак, то больше не стану никого беспокоить.

— Странно.

Это не укладывалось у меня в голове. Морли — крупный независимый предприниматель. Чодо должен был его выслушать.

— С тех пор как вы с Уингер там побывали, все очень странно. И становится все страннее.

Мы спускались по лестнице. Я сказал:

— Вы помешались на усах. В чем тут дело?

— А что?

— Они везде. Тебе они идут. Стручку тоже пойдут, если он сумеет их отрастить. Но на роже Рохли они выглядят, как гнездо гадкой хищной птицы.

— Он за ними не ухаживает.

Морли метнулся к прилавку и сказал несколько слов Рохле. Я заметил отсутствие Уника и мокрые плечи Рохли. Но дух Уника оставался с нами. Дым стоял такой, что хоть топор вешай.

17

Когда идет дождь и дует ветер, в Танфере становится темно. Уличные фонари отказываются светить. Впрочем, они и стоят лишь на Холме и в Веселом уголке, а воры и хулиганы, опасаясь гнева наших повелителей, как светских, так и из преступного мира, уходят искать удачу в другие части города. В ту ночь на Холме было темнее, чем в душе священника. Мне это не понравилось. Я предпочитаю видеть приближающуюся беду.

Морли был возбужден, как ребенок, который собирается напасть. Я спросил:

— Что ты об этом думаешь?

Я беспокойно озирался вокруг. Мы беспрепятственно приближались к дому леди Гамильтон, и от этого я встревожился еще больше.

Я не верю в удачу. Я верю в умножающиеся неудачи, в несчастья, которые затаились и накапливаются, а потом посыплются на голову одно за другим.

— Перелезем через стену и посмотрим, там ли карета.

— Ты мог бы давать уроки по применению тактических новинок Слави Дуралейнику.

Мне было не по душе его предложение. Нас могли арестовать. Нас могли ранить. Нам могли нанести непоправимый вред. Частные охранники на Холме гораздо более несдержанны, чем караульные, оплачиваемые государством.

— Не сходи с ума, Гаррет. Ничего не случится.

— То же самое ты говорил, когда обманом уговорил меня помочь доставить Большому Боссу того вампира.

— В тот раз ты не знал, что делаешь.

Ну да. Как будто теперь я знаю, что делаю!

— С твоим оптимизмом долго не проживешь.

— Оптимизм — следствие правильной жизни.

— Оптимизм — следствие лошадиного корма, который превращает тебя в мула.

— Тебе бы тоже неплохо поесть лошадиного корма, Гаррет. Мясо наполнено соками животных, которые умерли в страхе. Поэтому ты становишься таким робким.

— Да, признаться, никогда не слышал, чтобы капуста испытывала страх.

— Вот они идут. Путь свободен.

Вот идет кто? Мы слоняемся и мокнем под дождем, потому что он кого-то увидел? Почему он мне об этом не сказал? Ночью он видит лучше меня. Это одно из преимуществ, которое дает ему кровь эльфов. Она определяет и главный недостаток Морли: он уверен в собственном бессмертии. Это неправда, что эльфы бессмертны. Они просто думают, что это так. Только стрела, пронзившая сердце, может их в этом разубедить.

Морли направился к дому леди Гамильтон. Я пошел за ним, то и дело оглядываясь, но не смотря себе под ноги. Я услышал какой-то звук, стал искать, откуда он идет, и, подпрыгнув на три метра, врезался прямо в стену.

— Наверно, ты был хорошим матросом, — проворчал Морли и завел волюнку: как закономерно, что Карента не может победить в

Кантарде, если я представляю лучших и умнейших людей королевства.

— Вероятно, сотни тысяч сражающихся там парней были бы счастливы, увидев, как ты влетел в стену.

Морли не был на фронте. Полукровки не обязаны служить в армии. Все, в ком есть хотя бы одна восьмая нечеловеческой крови, могут получить освобождение от военной службы. Представители других биологических видов в Кантарде — это либо туземцы, либо наемники, часто наемники и есть туземцы. И к тому же они агенты Слави Дуралейника. Встречаются также вампиры, оборотни и стада единорогов, но они есть везде и нигде никому не дают прохода.

В Кантарде веселая жизнь.

Морли присел на корточки и выставил вперед руки.

— Я тебя поддержу.

Стена была около трех метров высотой.

— Ты легче, лезь первым.

Я мог просто перебросить его.

— Я легче, поэтому первым полезешь ты. Я могу вскарабкаться без посторонней помощи.

Опять он меня поддел. Он прав, подбивая меня лезть первым, но все же обидно. Это дело было больше в его духе, чем в моем. Морли отверг мой план постучать в парадные ворота и попросить показать смертоносную карету. Это слишком прозаично для заядлого искателя приключений.

Я пожал плечами, встал на его сложенные ладони, неохотно подтянулся и ухватился за край стены, предполагая, что могу ободрать пальцы о битое стекло. Битое стекло — старый трюк для отпугивания незваных гостей.

О Господи! Теперь я совсем пришел в уныние. Битого стекла не было. Я задрал подбородок вровень с гребнем стены и заглянул вниз. Где ловушка? Разбитого стекла нет, значит, будет что-нибудь особенное.

Морли стал колотить меня по пяткам:

— Пошевеливайся, Гаррет. Они возвращаются.

Я не знал, кто такие «они», но слышал их шаги. Быстро провел голосование. Мнение было единодушным: не узнавать, кто они такие. Я полез вверх и прыгнул, мягко приземлившись в маленьком саду и даже не вывихнув лодыжку. Морли шлепнулся рядом со мной. Я сказал:

— Это слишком просто.

— Успокойся, Гаррет. Чего ты хочешь? Дом на замке. Кто будет его охранять?

— Вот это мне и интересно.

— Когда ты станешь оптимистом, я покину эту страну. Пошли. Чем быстрее мы все сделаем, тем раньше ты отсюда уйдешь.

Я с ворчанием согласился.

— Кажется, каретный сарай вон там.

Я не люблю пробираться тайком. Я по-прежнему думал пройти прямо к парадному входу.

Морли подбежал к боковой двери. Я пропустил его вперед. Я заметил, как осторожно он двигается, несмотря на быстроту. Что бы он ни говорил, он не хотел рисковать.

Морли считает, что нельзя ничто принимать на веру. Здесь наши взгляды совпадают.

Мы не захватили с собой фонарик. В спешке всегда сделаешь глупость. Но из ближайших домов просачивалось достаточно света, и Морли все видел. Он сказал:

— Кто-то был здесь до нас. Замок взломан

Он потянул за ручку. Дверь открылась.

Я смотрел из-за его плеча. Внутри было темно, как в желудке у великана, и так же приятно. Кто-то там шаркал и издавал звуки. И дышал. Кто-то гораздо крупнее меня. Со своей всегдашней любезностью я сказал Морли:

— Только после вас, сэр.

Морли засомневался в своем бессмертии.

— Нам нужна лампа.

— Теперь ты сообразил. А в Кантарде тебя бы научили все планировать заранее.

— Я вернусь через пять минут.

Он исчез прежде, чем я успел возразить.

18

Пять минут? Они растянулись до двадцати. До самых долгих двадцати минут в моей жизни, если не считать время, когда я слу-

жил во флоте и на островах танцевал пляску смерти вместе с солдатами-венагетами.

Не прошло и десяти из этих пяти минут, как из укрытия под корявым лимонным деревом, где надеялся не так быстро промокнуть до нитки, я заметил, что в окне первого этажа дома леди Гамильтон промелькнуло пятно света. Вероятно, свеча. Свет был какой-то призрачный, и тут же на закрытой шторе показалась огромная тень, смутно напоминавшая человека.

У меня перехватило дыхание.

Черт побери, кажется, я пропал? Кто-то вышел из дома и пошел напрямик к каретному сараю. Я услышал шепот — значит, их двое. Тип со свечой шел впереди.

Они приближались. Первым шел мой старый приятель со слабым желудком. Сейчас в нем не было ничего особенного: невинного вида коротышка в одежде, вышедшей из моды, когда мой папаша был сосунком. На коротышке была войлочная шляпа, называемая охотничьей. Я видел такие только на картинках. Он был сутулый, неповоротливый, нетвердо держался на ногах и чертовски соответствовал моему представлению о том, как должен выглядеть педераст.

Позади, сгорбившись и с трудом переходя через лужи, плелся Шрам, тот самый, которого так основательно отдалел Плоскомордый. Он двигался медленнее старика, словно за один день прибавил лет сто. Плоскомордый не переломал им кости, но, без сомнения, оставил о себе память.

Ну и что теперь делать? Подскочить к ним и сказать, что они арестованы? Обвинить их в чем-нибудь и добиться того, что мне самому пересчитают ребра? Вызвать у странного старикашки еще один приступ несварения желудка, чтобы он изрыгнул на меня полчища плотоядных бабочек? Дело может кончиться тем, что я попаду под суд за словесные оскорбления и угрозы физическим насилием. В такие минуты мой ум блуждает, изучая самые худшие варианты. Жаль, что я не умею действовать без оглядки, как Плоскомордый.

У простаков есть свои преимущества.

Пока я искал решение и удивлялся, где черт носит Морли с фонарем, избитая парочка дотащилась до каретного сарая. Они зажгли фонари или лампы, и в щели проник свет. Разговор продолжался, но я не различал слов.

Я подкрался к двери, но все равно не мог ничего разобрать. Услышав лошадиный хrap, я подскочил на месте. Бог ты мой, как я был рад, что не вошел туда первым! Они бы наверняка устроили мне засаду.

Слышно было, как они там запрягают. Поток ругательств наводил на мысль, что, когда все тело ноет, запрягать нелегко. Цветистая брань впечатляла. Я хотел услышать получше. Мне нужно расширять свой словарь.

Я просунул пальцы в щель между дверью и косяком и медленно потянул дверь к себе. Теперь я мог следить за всеми стойлами и яслями, но там ничего не происходило. Скудное занятие. Не тот угол зрения.

Однако когда я решил прикрыть дверь, кто-то сразу это заметил. Я услышал, как внутри заговорили тихими, испуганными голосами. В мою сторону направились тяжелые ноги, будто топал в каменных ботинках тролль. Я подумал, как бы побыстрее слить, но думал слишком долго. Едва я успел отскочить, как дверь распахнулась.

Поскольку бежать я не мог, то воспользовался вторым средством, похуже. Я трахнул Шрама дубинкой по голове. Его череп хрустнул, как треснувшая дыня. Шрам осел на землю и посмотрел на меня, будто говоря, что я играю не по правилам. А почему я должен играть по правилам? С такими, как он, это неразумно. Если бы я делал все по правилам, я бы сам пострадал. На всякий случай я ударил его еще разок.

Я перепрыгнул через Шрама, юркнул внутрь и бросился на коротышку со слабым желудком в старомодной одежде. Не спрашивайте, почему я это сделал. Сейчас это кажется глупостью. А тогда я считал это хорошей идеей.

Он пытался открыть двери, ведущие на улицу. Не пойму зачем. Четверка еще стояла в стойлах. Он не смог бы уехать. И далеко бы не убежал. И все же он отчаянно дергал дверь, плюясь зелеными бабочками.

Он услышал, как я вошел и закружился на месте. Точнее, он не кружился, а медленно поворачивался. Одной рукой он уцепился за истрепанную веревку, служившую ему поясом для штанов. Глаза загорелись зеленым огнем. Я двинул промеж них дубинкой.

Одна из бабочек меня укусила. Больно, как оса. Я отвлекся, и старик скользнул в сторону, так что я смазал его по плечу, вместо

того чтобы заехать по черепушке. Он взвыл. Я разбушевался и стал дубинкой разгонять насекомых. Глаза старика сверкали, рот широко раскрылся. Я старался избегать его взгляда и огромной зеленой бабочки, которая вылетела из его утробы. Я размахивал дубинкой крест-накрест и заехал ему по челюсти.

Я перестарался. Кость затрещала. Старик согнулся пополам и упал, как выброшенный из шкафа костюм.

Во мне все кипело. Я носился по сараю, как псих, опасаясь новых неприятностей, заставляя лошадей метаться в стойлах и с надеждой ждать, когда я уйду. Я бросился проверить, как там Шрам. Он хрипел и, казалось, весь пропитался дождевой водой. Я метнулся обратно к старику...

Он не хрипел. Он издавал странные звуки, и было видно, что скоро он замолчит навсегда. Я сломал ему не только челюсть.

Гигантская зеленая бабочка наполовину выползла из раскрытых губ и застряла. Старик бился в судорогах, продолжая держаться обеими руками за грубый веревочный пояс, будто боялся потерять штаны.

Я не привык убивать. Конечно, это случалось, но не намеренно и не по моей воле.

Теперь я в самом деле переполошился. Это Холм. Блюстители порядка здесь не те полуслепые, нечестобливые полицейские, которым лишь бы содрать деньги. Если меня поймут где-нибудь поблизости...

— Что здесь такое, черт возьми?

Я не запрыгнул на сеновал. Хотя всего-то футов десять. Даже не рекорд для прыжков в высоту. Но я выскочил за дверь, которую открыл старик, искупался по уши в луже и лишь после этого узнал голос Морли.

Все еще дрожа, я вернулся и рассказал ему, что произошло. Присутствие умирающего ничуть не смутило Морли. Он заметил:

— Ты кое-чему научился.

— Что?!

— Расследование завершено, и дело раскрыто за один день. Остается разыскать твоего приятеля Тупа, объяснить ему, где найти злоумышленника, и набить карманы золотом. Тебе везет.

— Да.

Но я не чувствовал, что мне повезло. Мне не верилось, что этот маленький старикашка находил удовольствие в том, чтобы резать хорошеньких девушек.

Морли закрыл дверь, ведущую во двор, и осторожно двинулся к двери на улицу. Я сказал:

— Подожди. Мне надо осмотреть дом.

— Зачем?

Он произнес это резко, будто не хотел, чтобы я туда ходил.

— Там могли остаться улики. Я должен знать.

Морли взглянул на меня с подозрением, покачал головой и пожал плечами. Еду чуждо такое понятие, как совесть.

— Должен — значит должен.

— Да, должен.

19

Я вошел в сад и споткнулся о дружка старикана. Ну вот! Еще одна загадка. Пока Шрам лежал без сознания, какой-то злодей пырнул его ножом.

Я хмуро посмотрел на Морли. Он и бровью не шевельнул.

— Он им не нужен, Гаррет. И тебе теперь нет нужды о нем вспоминать.

Морли не мог простить, что этот парень устроил сцену в «Домике Радости».

Я не стал спорить. Мы спорили уже много раз. Морли не знает ни жалости, ни раскаяния, для него существует лишь здравый смысл. Именно поэтому — не устает напоминать он мне — я так часто и обращаюсь к нему.

Возможно. Но мне кажется, я обращаюсь к нему, потому что доверяю ему меня подстраховывать.

Я схватил фонарь старика. Фитиль потух. Я отставил фонарь, втащил Шрама в каретный сарай, закрыл дверь и в сопровождении несущего другой фонарь Морли направился к большому дому. По дороге я наткнулся на погасший фонарь.

Дом был не заперт. Нам потребовалось всего несколько минут, чтобы проникнуть внутрь и кое-что найти.

Мы вошли в пыльную кухню. Дальше идти уже не понадобилось. Через пару секунд Морли сказал:

— Взгляни на это, Гаррет.

«Это» была десятилитровая бадья. Ее облюбовала колония мух. Их удивленное жужжание и запах, идущий от ведра, говорили о том, что в нем была не вода. К стенкам прилипли рыжие комочки засохшей крови.

— Им нужно было во что-то собирать кровь.

Я осветил кухню фонарем и обнаружил на сушилке набор ножей.

Это были не обычные кухонные ножи. Их украшали причудливые значки. И засохшая кровь.

Морли заметил:

— Плохо они чистят свои инструменты.

— Ты не видел, как они передвигались. После встречи с Плоскомордым им, наверно, было не очень легко возиться на кухне.

— Теперь ты доволен?

Я должен был быть доволен.

— Да.

Совершенно нет смысла болтаться здесь дальше, а то нас еще повесят со всеми этими уликами.

Морли усмехнулся:

— Ты правда кое-чему научился, Гаррет. Я думаю, еще лет сто, и ты сможешь обойтись без няньки.

Мне показалось, что он слишком оптимистичен.

Мудрый Морли пошел своей дорогой. Я нашел капитана Тупа там, где меньше всего ожидал: в казармах, где он живет в общежитии для холостых офицеров; эту казарму Стража делит с местным армейским гарнизоном. Войска используются гораздо реже Стражи, выходят только на парады и для охраны королевских резиденций.

Как обычно, прежде чем провести к Тупу, меня гоняли туда-сюда, но без всякой злобы. Возможно, он предупредил, что иногда его будет навещать некий бывалый, старый моряк.

Он одесался, когда я вошел, и капли дождя потекли с меня на его ковер.

— Надо полагать, у вас новости, Гаррет.

Хоть убей, не пойму, почему его не взволновало мое появление, — ведь было уже за полночь

— Я нашел вашего человека.

— А?

Вот что значит онеметь от удивления.

— Вы хотели, чтобы я нашел злодея? Типа, который забавлялся тем, что кромсал хорошеньких девушек? Если он вам нужен, я его нашел.

— Угу... да?

Он все еще не верил.

— Наденьте макинтош, капитан. У меня был долгий, трудный день, и я хочу домой.

— Вы нашли его?

Да-а! Никак не возьмет в толк.

— Ага. Но вы пошевеливайтесь, если хотите поспеть.

— Угу. Конечно.

Он был ошеломлен. Не мог поверить. Внезапная мысль омрачила мне радость победы. Они не слишком-то сопротивлялись.

— Но как? Я задействовал сотни людей. Они не нашли и следа.

— Они не знали, где смотреть. Чутье развивается лишь тогда, когда становится средством пропитания

— Похоже, вам просто повезло.

— Удача мне помогла.

— Мне взять с собой людей?

— Не надо. Они не причинят вам неприятностей.

Должно быть, я произнес это с особым выражением. Он неодобрительно посмотрел на меня, но был слишком потрясен, чтобы начать расспросы. Он влез в армейский плащ и напялил непромокаемую шляпу.

— Вы не представляете себе, как мы ценим ваши услуги, Гаррет.

— Слегка представляю. Я увижу, как вы цените мои услуги, если вы не забудете выдать мне гонорар.

— Что? — Ему удалось принять обиженный вид. Кто-то имеет наглость подвергать сомнению честность Стражи? — Вы думаете, мы поскупимся?

— Боже сохрани! Я? Как я могу подумать такое о нашей славной Страже? Вы шутите, капитан.

Он почувствовал насмешку, и ему это не понравилось, но он слишком разволновался, чтобы оскорбиться. Черт возьми, он помчался, как летучая мышь из детского стишка, храбро бросившись прямо в дождливую ночь, и тут сообразил, что не знает, куда бежит.

— Быстрее я не смогу, капитан, у меня не хватает сил, — сказал я ему. И это правда. Я хотел поскорее вернуться домой. Надеялся поспать. — Я сегодня набегался, пока накрыл этих чудовищ.

— Чудовищ? Их что, больше одного?

Он меня не слушал. Я покачал головой. Он зашагал со мной в ногу, резвый, как пятилетний ребенок.

— Был? — Теперь он занервничал, даже насторожился. — Вы все время говорите «был».

— Вы увидите.

20

Он увидел. Зрелище не слишком его тронуло.

— Вам пришлось их убить?

Он таращился на старика, будто надеясь, что этот безумный ублюдок восстанет из мертвых.

— Нет. Я мог позволить им убить меня. Но тогда вы бы все еще их разыскивали, правда?

Я тоже уставился на старика, и мне стало страшно. Туп этого не заметил.

Во-первых, прежде чем откинуть копыта, дедок подполз к двери, ведущей в сад. Потом он разделся. Он настолько ссохся, как будто кто-то высосал из него все соки. Кожа была мертвенно-бледной. Я засомневался, что он восстанет из мертвых. Хотя, похоже, он уже несколько раз это делал. Я поборол приступ суеверного страха и сосредоточился на вопросе, который в данную минуту встал ребром.

Кто-то побывал в каретном сарае в мое отсутствие. Этот кто-то раздел покойника и стащил всякую всячину с полок и подставок для инструментов. Это выглядело, как случайное преступление, совершенное обнищавшим и отчаявшимся дилетантом. Кто-то заметил, что дверь открыта, бросился внутрь и, окинув сарай быстрым взглядом, взял то, что может пригодиться, да еще и прихватил все, что

мог унести и продать за бутылку дешевого красного вина. Если бы мне пришлось выслеживать этого вора, я бы искал низкорослого тощего пьяницу, который с ног до головы разделся в старомодное тряпье и нахлобучил дурацкую охотничью шляпу.

Туп пожаловался:

— Было бы гораздо эффектнее, если бы я смог отдать их под суд.

— Не сомневаюсь. Это был бы цирк. Лучшее представление года. С удовольствием посмотрел бы. Но старик отрывал бабочек, метал из глаз зеленые молнии и собирался опутать меня какими-то сильными чарами. Я не мог уговорить его этого не делать. Пойдемте. Я покажу вам улики.

Я провел его на кухню и показал ведро. Я хотел показать ему ножи, но их не оказалось на месте. Этот проклятый Морли со своими сувенирами. Теперь в присутствии представителя закона, который может объясниться с местными охранниками, я чувствовал себя в доме более спокойно. Я смог внимательно все осмотреть. И не обнаружил ничего нового.

— Вы удовлетворены?

— Пожалуй, да.

Он держал в руках большой стеклянный сосуд, который мы с Морли не заметили. Внутри в прозрачной жидкости плавало человеческое сердце.

— Я пришлю людей, чтобы они обыскали дом.

— Вы знаете, кто владелец?

— Да. Ирония судьбы. Но никаких трудностей не будет. Принц настроен решительно. Он прямо взбесился от того, что кто-то дерзнул... Принц будет овать и метать.

Я усмехнулся:

— Пусть все награды достанутся вам, капитан. Я хочу остаться незамеченным. Позаботьтесь только о том, чтобы мне заплатили. И тогда все закончится к вашему удовольствию, к моему и всего Танфера, который облетит радостная весть. А теперь, если вы не нуждаетесь в моей помощи, я потащусь домой и задам храпака.

— Пожалуйста, — рассеянно произнес он, — И еще, Гаррет!

— Что?

— Спасибо. Вы получите свои деньги. И я буду обязан вам за чудо, которое вы сотворили.

— Вы говорили это уже раз десять.

И я смылся оттуда, пока все было хорошо.

Когда я пришел домой. Покойник все еще беседовал с посетителями. Одни были у него в комнате, другие ждали в маленькой гостиной. Дин нес вахту у двери. Я одарил его ехидной улыбкой и зачихикал.

— Теперь ты видишь, что значит быть на ногах в такую рань.

Я быстро заскочил в маленькую гостиную и стал искать кошку, но добыча от меня ускользнула. Дин с тревогой следил за мной и молчал.

«Прекрасно», — подумал я и поплелся наверх. Утром я первым делом поговорю с Дином об этой кошке.

21

Утром я ни о чем не поговорил с Дином. Мне было не до кошек. Дин растолкал меня ни свет ни заря, еще до полудня, и сказал:

— Его милость требует вас к себе. Я принесу туда завтрак.

Я застонал и повернулся на другой бок.

Дин не расшумелся, как обычно. Это должно было меня насторожить. Но не с утра. У кого с утра варит голова? Я только пробормотал какую-то неуместную благодарность, обращенную к небесам, и зарылся в подушку.

Тут меня одолели клопы.

По крайней мере я чувствовал, как они меня кусают. Но когда я начал хлопать и размахивать руками, и ругаться, и вертеться, я не нашел ни одного кровососа. Но покусывание продолжалось.

Было утро. Прошло немало времени, пока я догадался, что к чему. Старый Дин не посыпал мою постель насекомыми. Это меня вызывает Покойник.

Все еще ругаясь, подпрыгивая и шлепая себя по разным частям тела, я вылез из кровати. Бодрствующая часть моего мозга открыла неведомое мне раньше качество моего партнера. Он преследует своих друзей с тем же вдохновением, что и врагов.

Хотя мои глаза лишь притворялись открытыми, а ноги сопротивлялись каждому шагу, я сошел вниз, ничего себе не сломав. Я приковывал в комнату Покойника, плюхнулся в кресло и стал вяло озиаться по сторонам, думая, к чему бы придаться, как только я приду в себя.

«Доброе утро, Гаррет».

Стиль общения Покойника нельзя назвать выразительным, но он сумел сделать свой голос счастливым, как у устрицы, которая не знает, что ее откармливают, чтобы бросить в рассол.

«Я так рад, что ты присоединился ко мне».

Я питал к нему не такие дружеские чувства.

— Что ты там бормочешь, черт побери? Зачем ты меня сюда притащил? Солнце еще не встало.

Это было не совсем так. На улице над дождевыми облаками уже много часов стояло солнце. Просто мне этих часов было мало.

«Я не мог долее сдерживать любопытство. Сегодня утром господа из городской Стражи пришли засвидетельствовать свое почтение и отдать долги. Они были невероятно щедры».

— Не придавай этому значения. Содрали взятки с каких-нибудь мошенников и стали невероятно щедры. Сколько они заплатили?

«Тысячу марок. И кроме того...»

— Всего тысячу? — Я был недоволен. Разумеется, я был недоволен. Тысяча — это немало, но я был бы недоволен, даже если бы они приволокли вагон и маленькую тележку с деньгами. — И ты не мог подождать, пока я проснусь.

«И кроме того, — не обращая внимания, продолжал он, — они сообщили мне последние новости из Кантарда. Наконец мои соображения подтвердились. Те, кто ожидал поражения революции, возглавляемой Слави Дуралейником, и считал предвестниками этого поражения все последние неудачи и дезертирства, оказались не правы. Слави Дуралейник просто ждал благоприятного случая».

— О черт!

Теперь я понял, почему он меня сюда притащил. Вовсе не из-за денег. Он получил возможность излить на меня свою радость, когда я не в состоянии с ним спорить.

Я полагал, что Дуралейник на последнем издыхании. Все признаки были налицо. Неудачи и дезертирство ясно показывали, что

бунту приходит конец. Черт возьми, беженцы из Кантарда рассеялись теперь по всей Каренте. Я видел многих в Танфере.

Я не стал спрашивать, как Дуралейнику удалось сотворить очередное чудо. Он это умеет. А просто приступил к завтраку, который принес Дин, и ждал, что еще скажет Покойник. Он не успокоится: любит, когда я проигрываю ему вчистую.

Он обрушивал на меня удар за ударом, не жалея сил. Как я, когда хочу его помучить.

Он утверждал, что большинство неудач и дезертирств было обманом. Более того, Дуралейник просто затаился, расположившись впереди всех армий, и время от времени стравливал войска Каренты и Венагеты друг с другом, а сам дожидался одного из редких в Кантарде, но чрезвычайно разрушительных ураганов, которые налетают с моря. Когда я был на фронте, я несколько раз попадал в такие ураганы. Оставалось только бежать в укрытие и надеяться, что оно устоит под ветром и дождем.

Пока враги Дуралейника были парализованы, он пошел в атаку. В обоих направлениях. Одна часть армии ударила по Фулл-Харбору, крупнейшему военному плацдарму Каренты в Кантарде. Дуралейник и раньше пытался атаковать Фулл-Харбор, но неудачно. На этот раз он преуспел, город был взят со всеми запасами и военным снаряжением.

Другая часть армии нанесла удар по Марачи, тыловому бастиону венагетов в южном Кантарде. Марачи — гораздо более крупный и важный пункт, чем Фулл-Харбор. Он построен вокруг единственного большого и надежного оазиса в этой части пустыни. Военные успехи Венагеты зиждутся на их владении Марачи. Без этого Венагета не смогла бы продвинуть войска настолько далеко, чтобы угрожать серебряным рудникам.

Потеря Фулл-Харбора нанесет урон Каренте, но не подорвет ее мощь. У Каренты есть и другие базы на побережье. У Венагеты их нет.

Я попробовал слабо сопротивляться:

— Твой любимчик теперь сел в лужу, Плут. На выручку Фулл-Харбору послали моряков. Дуралейнику никогда не сладить с Морской пехотой.

Он пропустил мои слова мимо ушей, только хитро усмехнулся. И продолжал рассказ.

Марачи не стал такой же легкой добычей, как Фулл-Харбор. У Дуралейника не хватило сил взять его целиком. Сражение продолжалось, венагеты получали подкрепление отовсюду и стремились отбить город в затяжных, отчаянных и кровопролитных уличных боях.

Как большинство рядовых карентинцев, я испытываю симпатию к Слави Дуралейнику. Я не то что хочу, чтобы мое королевство проиграло войну. Но когда всю жизнь сталкиваешься лишь с продажностью, некомпетентностью и жадностью правителей, поневоле станешь восхищаться парнем, который плюет им в физиономии и бесстыдно не обращает внимания на их пакости, а потом издевается над ними, когда они не могут удержаться на ногах. Кажется, многие из нас втайне питают надежду, что шалости Дуралейника позволят положить конец бесконечной войне.

— Из-за этого ты меня выгнал из постели?

«Да, и еще хочу услышать подробности событий этой ночи».

Похоже, ему и вправду было очень интересно. Я вспомнил, что он с самого начала как будто что-то подозревал, но не желал говорить.

«Как тебе удалось так быстро завершить это дело?»

— А? Мне, кажется, послышалась нотка зависти. Легкое недоверие.

«Теория вероятности предполагает, что иногда ты можешь пробиться вперед без моей помощи. Ты прав, я поражаюсь твоей способности так часто опровергать эту теорию».

Да. Он был уязвлен. Он потратил столько времени на все эти беседы, которые мы даже не обсудили, ожидая ошеломить всех сенсационным обвинительным актом. А я испортил ему всю игру, разыскав эту заколдованную карету. Гаррет, отравляющий удовольствие, — вот кто я.

— Ты хочешь мне сообщить, что ты подумал, когда Туп впервые рассказал нам об этих женщинах?

Кто-то постучал в дверь как раз вовремя, будто сидел в кулисе и ждал выхода.

«Это мистер Тарп. Вчера вечером я разрешил ему отлучиться домой. По личным делам. Сиди. Дин откроет».

Я завопил:

— Дин, когдапустишьПлоскомордого,выкиньзадверькошку.

Я подождал Плоскомордого и начал свою историю.

— Тебе повезло, — когда я замолчал, сказал Плоскомордый.

— Черта с два, повезло. Расследование преступления потребовало применения дедуктивного метода.

Тарп заворчал, его не убедишь.

— Никто не подумал начать с поиска кареты.

— И все-таки тебе повезло, Гаррет. Что, если бы старикашка ездил в обычной карете? Что, если бы он ходил пешком?

— Но он ездил в этой карете. В этом все дело. И за это он поплатился. Он решил вломиться в запретный дом и устроить там свою базу, увидел великолепную карету и просто не смог устоять. И поплатился.

На мгновение я задумался, повинна ли заколдованная карета в смерти старого клоуна. Но мне все равно. Теперь я не очень терзался, что кокнул его. Много существ довелось мне встречать, но мало кто заслуживал, чтобы его убили, больше, чем он. Я оказал миру услугу, у меня не должно быть угрызений совести.

— Тебе повезло, — настаивал Плоскомордый.

Его с места не сдвинешь. Так же, как Покойника.

«Мистер Тарп, если вы хотите продолжить службу, у меня есть для вас поручение».

— Деньги ваши — служба наша!

Плоскомордому почему-то нравится Покойник

«Из этого здания подозрительно исчезли все паразиты. — Они исчезли, потому что однажды во время его полуторамесячного сна я сжег десяток серных свечей. Я думал, что сделал ему одолжение. Клопы любят его донимать. — При изучении различных вариантов перемещения войск в Кантарде я привык использовать большие количества насекомых. Без них я не могу удовлетворить свое любопытство».

— Значит, вы уже слышали, что сделал Слави Дуралейник?

«Да. Меня это взволновало. Чтобы исследовать возможности, имеющиеся в распоряжении уцелевших участников сражения, мне нужно несколько тысяч насекомых».

Он имеет привычку выстраивать клопов на стене, как солдат, и производить с ними боевые действия. Отвратительный порок.

— Подождите, — возразил я. — Я только что очистил этот дом от заразы.

Клопы и мыши — худшие враги Покойника. Если им не мешать, они вмиг его сожрут.

«Так. Значит, ты в ответе за это черное дело».

Он прекрасно знал это, просто раньше не говорил.

— Да, я. Я также владелец этой мусорной кучи. Я также страдаю от того, что мой эконо́м въехал без приглашения и считает своим долгом тащить в дом всех приبلудных кошек. Я также терпеть не могу, когда по ночам он выходит искать ночной горшок, и тут по лапам его любимиц начинает скрипеть пол. Не ходи за клопами Плоскомордый. Пускай Покойник развивает воображение.

Покойник послал мне преувеличенный мысленный вздох.

«Пусть будет так. В таком случае, мистер Тарп, боюсь, мы больше не нуждаемся в ваших услугах».

Я с подозрением взглянул на Покойника. Уж очень скоро он сдался.

— Покойник прав. Сколько мы тебе должны?

— Не так уж много, придется опять идти дурачить клиентов для этого зануды Уника.

Печальная история. Уник никому не нравится. И мне тоже хотя я с ним не знаком.

— Надо же Унику тоже зарабатывать на жизнь.

Я отсчитал несколько монет. Тарп вроде был доволен. Вся его работа состояла в том, чтобы открывать дверь.

— Может, добавишь немножко за личные неудобства, Гаррет?

— Какис личные неудобства?

— Я находился здесь, вместо того чтобы быть дома. Хотя я слышал, что тебя уже не интересуют женщины.

— Это не совсем так. Еще интересуют. Но все меньше и меньше.

— Не будь циником. Извинись перед Тинни.

Ему нравилась Тинни. Черт возьми, мне она тоже нравилась. Я просто не мог сладить с ее нравом: что с нее взять — рыжая. А теперь... Теперь я запел по-другому. Воздержание смягчает сердца.

Плоскомордый, казалось, не торопится уходить. Они с Покойником стали рассуждать, какой бзик был у странного старикана и что заставляло его резать женщин. Я решил воспользоваться случаем. Собрал остатки завтрака и отнес их на кухню. Избавившись от улик, я намеревался проскользнуть наверх и чуточку вздремнуть.

Кто-то постучал в дверь.

22

Кто это? Я так старался отвадить клиентов, что у меня теперь немного посетителей. Дин сделал вид, что слишком занят мытьем посуды, и мне пришлось идти к двери самому.

Я надеялся увидеть тепленькую секс-бомбу, но передо мной предстал Брешущий Пес Амато. Я начисто о нем забыл.

— Ты совсем позабыл обо мне, Гаррет, — вламываясь в коридор и оттесняя меня назад при помощи личного химического оружия, с обидой сказал он.

— Нет, — соврал я. — Я думал, ты еще не успел ничего сделать.

— Шел дождь. Мне больше нечего было делать. Плакаты и листовки быстро устаревают.

Считается, что промывание убивает зловоние. Это не так. Вода только усиливает запах.

Я подумал было оставить распахнутой дверь, открыть несколько окон и устроить сквозняк. Если бы я жил на Холме, сделал бы это не задумываясь. Но в нашей округе это большой риск. Даже во время тайфуна всегда найдется какой-нибудь удалец, готовый ухватиться за представившуюся возможность. Кроме того, на первом этаже у меня всего одно окно.

Пройдя мимо меня, Амато остановился и начал озираться вокруг; дождевая вода капала с него на пол, ядовитые испарения стояли в воздухе.

— У тебя тут есть такая штука, все называют это чудо Покойником. Я очень хочу взглянуть на него, понимаешь?

Я старался почти не дышать. Суетиться ни к чему. Все равно никакого толку.

— Конечно. Ему стоит познакомиться с таким человеком, как ты.

Жаль, у Мешка с костями нет обоняния. Я бы запер его наедине с Амато и не открывал, пока Брешущий Пес не выложил бы Покойнику все свои бредовые теории о тайном сговоре.

Я открыл дверь комнаты Покойника и впустил Амато. Сидящий вполоборота в моем кресле Плоскомордый увидел Брешущего Пса. Лицо его мгновенно сморщилось. Но он ничего не спросил.

Он учуял запах. Задыхаясь, Плоскомордый произнес:

— Я вижу, к вам пришел клиент, мне лучше откланяться.

Едва я успел войти, Плоскомордый выскользнул за дверь. Он бросил на меня взгляд, говорящий, что он хотел бы получить объяснения. После. После того, как зловонные пары рассеются.

Я ему подмигнул:

— Проследи, чтобы парадная дверь была закрыта.

Брешущий Пес сказал:

— Бог мой, какой гадкий тип. Хобот, как у слона, да?

«Это еще один миссионер, Гаррет?»

— Это Кропоткин Амато. Ты помнишь нашу предыдущую договоренность?

«Ты знаешь, что я имею в виду. Ты по-прежнему собираешься меня мучить? Ты припоминаешь, что твоя прошлая попытка закончилась полным провалом?»

— Тебя мучить? Нет...

«Тебе также нет нужды упоминать о какой-то договоренности; я узнал все подробности, порывшись в твоих мозгах. Мы не договаривались, что этот человек будет сам за собой следить».

— Мы не договаривались ни о чем, Весельчак.

Брешущий Пес пришел в замешательство. Если бы я слышал только половину разговора, я бы тоже смутился. Я переменял тему:

— Ты поймешь, почему я это сделал.

Я не хотел задевать чувства Амато. Покойник мог залезть к нему в башку и увидеть, почему не стоит устраивать крупную кампанию.

«Ты прав, Гаррет. На этот раз прав. Как ни странно, он верит в свои теории. И, как ты понимаешь, для него они реальность, в которой он живет. Я советую тебе встретиться с нашим нанимателем и попытаться узнать, почему он считает необходимым следить за мистером Амато»

Доброе утро, мистер Амато. Я жажду с вами познакомиться с тех самых пор, как мистер Гаррет принялся следить за вашими передвижениями».

Этот гад решил все свалить на меня.

— Уф... хм.

Брешущий Пес не мог найти слов. Может, следовало проверить, он ли это.

Но уже через секунду стало ясно, что проверки не требуется.

— Послушайте, Весельчак, разве вы...

«Нам с мистером Амато нужно обсудить кучу дел, Гаррет. Я предлагаю тебе пойти к мистеру Гуллярю и попробовать выяснить причину его интереса».

— Да, Гаррет. Чем ты занимался? Тебе надо было...

Я бежал, я потерпел поражение. Какое дело Брешущему Псу до того, что я не уделял ему внимания потому, что спасал Танфер от жуткого убийцы? Он уверен, что «они» меня купили. Даже несмотря на то, что я должен был за ним шпионить по «их» заданию.

Я окинул лестницу тоскливым взглядом, затем облачился в плащ. Посмотрел, сколько у меня денег в карманах. Может, снять комнату и немного соснуть?

Перед уходом я совершил внезапную вылазку в маленькую гостиную в надежде поймать кошку Дина и выволочь ее на улицу. Но кошки видно не было, видны были только следы ее когтей на моей мебели.

И тут я понял, что мне не о чем докладывать Гуллярю. Я плелся назад и с трудом отобрал у Брешущего Пса его отчет. Они с Покойником уже распутывали нити какого-то бредового заговора.

23

Веселый уголок — это часть города, где проявляются те черты натуры, которую разумные существа стараются скрывать. Здесь можно найти любой порок, совершить любой грех, удовлетворить почти любую потребность. Проститутки, притоны наркоманов и игорные дома — это лишь глянцевая поверхность, романтика. Та гляцевая поверхность, которую видно с улицы.

Это улица мишурного блеска. Или, вернее, улицы. Район этот больше по площади, чем Лудильный ряд. И более прибыльный. Ничто так хорошо не продается и не покупается, как грех. Если не считать Холм, Веселый уголок — наиболее процветающая, безопасная, чистая и аккуратная часть города. Некоторые очень неприятные люди следят за тем, чтобы поддерживать здесь порядок.

Веселый уголок целиком прямо или косвенно принадлежит империи Чодо Контагю.

Дансинг Рислинга — место, где только танцуют, разговаривают с одинокими парнями и ненавязчиво подбивают их покупать выпивку. Может быть, некоторые и назначают свидания, но помещение не оборудовано для такого рода занятий. Это самый обшарпанный подвал в округе. Откровенно говоря, я не понимаю, как Гулляр держится на плаву, ведь его соседи предлагают гораздо больший выбор услуг.

Когда я вошел, помещение не содрогалось от плясок, Впрочем, в полдень это неудивительно. За столиком сидели два грустного вида матроса и беседовали с грустного вида девушкой, которая потягивала подкрашенную водичку и не особенно притворялась, что ее интересует беседа с матросами. Трясущийся гнусный тип мыл шваброй пол вокруг остальных столиков. Стулья лежали на столах вверх ножками. На танцплощадке не было ни души, хотя еще пара девиц шаталась около эстрады, где время от времени просыпались три потасканных старых музыканта. Обе девицы взглянули на меня, прикидывая, стоило ли ради меня столько времени стоять на ногах. Одна из них (вид у нее был такой, будто она вот-вот покроется прыщами переходного возраста) стала лениво набивать трубку.

За прилавком стоял, должно быть, самый старый гном во Вселенной. Он был при полном параде, даже в остроконечной шапочке с фазаньим пером. Его бородой можно было подметать пол.

— Что будете пить, шеф?

Он вытер стойку передо мной той же тряпкой, которой вытирал кружки.

— Пиво.

— Пол-литра?

— Да.

— Светлое? Темное?

— Светлое.

— Лагер? Пильзенское?..

— Просто налейте что-нибудь. Вейдерское, если оно у вас есть.

Я решил, что должен хранить коммерческую верность старику Вейдеру, тем более что он позволяет мне так долго тянуть на предварительном гонораре.

— Спешим. Всегда спешим. — Он нацедил мне пол-литра. —
На улице очень сыро?

О черт! Разговорчивый попался бармен.

— Очень. Гулляр здесь?

— А кто спрашивает?

Он вдруг насторожился.

— Фамилия Гаррет. Я вроде бы на него работаю.

— Да? — Он обдумывал мои слова и вытирал рядом со мной стойку. Прошла минута, и он сказал: — Я проверю.

И медленно поплелся прочь. Я в изумлении встал на цыпочки посмотреть, не споткнется ли он о бороду.

— Привет! Я Бренда.

Курильщица вместе с дымом набралась храбрости и подошла поближе. Я взглянул на нее и продолжал изучать валяющийся у стойки мусор. Женщина была не так интересна.

Вблизи было видно, что она далеко не ребенок, что это лишь приманка. Уличной девчонкой она была давным-давно. Я сказал:

— Я пришел, потому что мне нужен Гулляр. По делу.

— А-а.

В ее голосе и раньше было мало жизни. Теперь она утасла совсем.

Я оглядел музыкантов:

— Я готов расстаться с несколькими медяками, если ты мне объяснишь, почему эти джазисты торчат здесь в такое время дня.

Я плохо знал заведение Гуллара, но не думал, что здесь днем играет музыка.

— Вчера вечером после работы кто-то вытряс из них душу. Они ждут одного парня, чтобы разобраться.

Может, это Уник приходит их допекать.

— Вас примут, шеф. Босс сказал, чтобы вы прошли.

Я бросил в ладонь женщины несколько монет. Она попыталась улыбнуться, но не смогла вспомнить, как это делается. Я хотел сказать ей что-нибудь ободряющее, но ничего не придумал. Только сказал «спасибо» и поспешил за гномом. Если бы я пропустил его слишком далеко вперед, я бы упустил тот миг, когда он споткнется о бороду.

Рислинг Гулляр оказался ростом пять футов и толщиной три, лысым как коленка, лет за шестьдесят и страшным как смертный грех. Толстым он был не от жира. Я слышал, что в молодости он работал вышибалой и поддерживал форму на случай, если возникнет нужда в его мускулах.

— Садитесь, Гаррет. — Он указал мне на расшатанное допотопное кресло. Голос его напоминал перекачивание камешков в жестяном барабане. Кто-то когда-то вставил ему в горло свинцовую трубку.

— У вас есть что-нибудь для меня?

Я подал ему отчет Брешущего Пса. Он взял его и стал читать.

— У меня есть вопросы, — предупредил я, оглядывая его рабочее место. Эту комнату нельзя было назвать кабинетом. Он сидел за столом, на котором лежали письменные принадлежности и рядом баночки с косметикой, то есть девушки пользовались этой комнатой как грим-уборной. В целом она была такой же убогой, как и остальные помещения.

— А?

Он поднял голову, маленькие серые пороссячьи глазки сузились.

— Вопрос по существу; моему партнеру не пришло в голову его задать, потому что он думал, что эта работа — просто шутка.

Глазки Гуллера сузились еще больше.

— Шутка?

— Брешущий Пес Амато. Никто на свете не станет нанимать платного агента шпионить за сумасшедшим. В последнюю очередь это станет делать владелец такого заведения, как ваше. Я даже не могу себе представить, что вы знакомы с Брешущим Псом.

— Я не знаком. Не узнаю его, даже если он войдет сюда и вонзит в меня клыки. Но вам-то что? Вам же платят.

— Я подставляю свою задницу под огонь и град стрел, Гулляр. И мне хотелось бы знать, зачем я это делаю и для кого. Чтобы сообразить, откуда ждать беды.

— Вам неоткуда ждать беды.

— Все так говорят. Но если бы неоткуда было ждать беды, вы бы ко мне не пришли. Я не играю вслепую, Гулляр.

Он отложил отчет и посмотрел на меня так, будто решал, не дать ли мне пинка, и решил не давать.

— О вас идет добрая слава, Гаррет. Поэтому я вас и выбрал. Я рискнул.

Я ждал. Он размышлял. Гном-бармен стоял у двери, возможно, ожидая, что боссу потребуются помощь. Однако напряжения не было. Я не чувствовал угрозы.

— Я здесь много не зарабатываю, Гаррет. Мы много не зарабатываем. Но мы все как одна семья. Мы заботимся друг о друге, потому что, кроме нашей семьи, у нас никого нет. Здесь наше последнее прибежище, дальше только падение в пропасть.

С этим я был согласен. Но оставил свое мнение при себе. Моя старая матушка неустанно говорила мне, что, если я хочу что-то узнать, мне придется достаточно долго молчать и слушать. Мамочка была права, но я много лет не мог этого понять, да и теперь часто забываю ее слова.

— Если кто-то из моих сотрудников приходит ко мне со своими трудностями, я обычно стараюсь помочь. Если могу. И может, когда мне понадобится, они тоже немного мне помогут. Правильно?

— Разумно. — Только в действительности так бывает нечасто. — Один из ваших сотрудников хочет, чтобы следили за Брешущим Псом?

Он продолжал мерить меня взглядом.

— Вы циник. Вы ни во что не верите. Особенно в людей. Может, в вашей профессии это достоинство, если учесть, с кем вам приходится общаться.

— Да.

Я был горд. Я сохранял непроницаемый вид.

Гулярр взглянул на гнома и получил ответ, я не понял какой.

— Ладно. Дело обстоит вот как, Гаррет. У меня работает дочурка Амато. Когда он загремел в Аль-Хар, она...

— У него есть дочь?

Знаете такое выражение: «соплей перешибить»? Вот хоть я и не хилый, меня такой соплей перешибло.

— Ага. Этот Амато, он полоумный. Но безвредный. Вы это знаете. И я это знаю. Но у него есть привычка называть имена. Дочка боится, вдруг он назовет кого-нибудь не того, какую-нибудь шишку с Холма, у которой нет чувства юмора? Вдруг старик влипнет по-крупному? Девочка и сама немного легкомысленная, понимаете?

Но здесь она член семьи, и, если мои сотрудники о чем-то беспокоятся, я стараюсь это уладить. Поэтому я нанял вас приглядывать за старым психом и прошу дать мне знать, если он вяпается в какое-нибудь дерьмо, чтобы я успел его оттуда вытащить прежде, чем он завязнет по уши. Ясно?

И да. И нет. Брешущий Пес отец? Как это у него получилось?

— Верится с трудом.

— Да? Вам что-то не нравится? Можете отказаться. Я найму кого-нибудь другого. Я выбрал вас, потому что все говорят, что вы почти честный. Но я без вас обойдусь.

— Это слишком невероятно. Вы не знаете Брешущего Пса. Если бы вы знали, вы бы поняли. Я не могу поверить, что у него есть ребенок.

— Хруст! Пусть Сас принесет нам по кружке пива.

Гном вышел. Мы молчали. Через несколько минут вошла женщина с двумя кружками пива: светлое — для меня, темное — для Гуллара. Я видел ее вместе с беспризорницей, девица шепталась с музыкантами. Я тогда ее не разглядел, но теперь вблизи сходство с Амато было явное. У нее даже были такие же сумасшедшие глаза навывкате, они как будто видели то, чего никто не видит. Она прикинулась, что не смотрит на меня, а я — что не смотрю на нес.

— Спасибо, Сас.

— На здоровье, Рио.

Она вышла.

— Очень похожа на него, — признался я.

— Что и требовалось доказать. Теперь вопросы есть?

— Почти нет. — Интересно, она рассматривала меня, потому что гном ей сказал, кто я такой? Видимо, так. Может, он ее прислал, чтобы она увидела меня, а не чтобы я увидел ее. — Это тайна?

— Тайна?

— Конечно, я расскажу своему партнеру. Он не будет трепаться. Но от всех остальных это надо хранить в тайне?

— Тайна не повредит. Похоже, у парня и в самом деле есть враги.

— А если, скажем, он меня засечет? Могу я сказать ему почему я за ним слежу?

— Думаю, Сас от этого вреда не будет. Послушайте, я знаю, это не совсем по вашей части. Слишком скучно, вы привыкли иметь дело с чародеями, с гангстерами, с шишками с Холма. Но для нас это важно. На этой слежке вы не сделаете карьеры. Я плачу немного. Но мы все будем вам благодарны, если вы нам сообщите, когда он вляпается. Ясно?

Я встал:

— Вполне. — Я поверил ему, потому что хотел поверить. Не так много разумных существ делают приятное ближним. — Одна из ваших девушек говорит, что у здешних музыкантов трудности.

— Не беспокойтесь. О музыкантах уже позаботились. — На миг он стал таким гадким, каким я представлял его себе до нашего знакомства. — Или скоро позаботятся. Вы не отнесете мою кружку обратно Хрусту?

Я отнес обе кружки.

24

Когда я вручил гному кружки, он заворчал. Для старика, особенно для гнома. Хруст был удивительно всжлив.

По пути к двери я взглянул на эстраду. И чуть не упал.

К музыкантам подсел мужчина. Я надеялся, что больше никогда не встречу с этим человеком. Он уставился на меня. Я на него.

Он не выше меня и лишь немного превосходит в весе, но дело не в размерах. От него веяло угрозой, как от Брешущего Пса Амато несоблюдением личной гигиены. Само присутствие его внушает страх, даже когда он улыбается. Зовут его Краск. Он один из главных помощников Чодо Контагью. Зарабатывает на жизнь тем, что истязает другие существа. Ему нравится его работа.

Я сообразил, что надо перестать на него пялиться. Он тоже не мог оторвать от меня взгляда. Каждый терялся в догадках, какого черта другому здесь надо. Он пришел позаботиться о пострадавших музыкантах.

У старины Уника не было разрешения Организации. Если он и его дружки попадутся Краску, им придется туго. Особенно туго

потому, что они пристают к музыкантам из Веселого уголка. А Веселый уголок принадлежит Чодо. Даже король не лезет в эти дела.

Я уже совсем подошел к двери, как вдруг снова застыл от изумления.

Пока я искал задвижку, в дверь впорхнула девушка. Я подался назад и разинул рот. Она не обратила на меня ни малейшего внимания.

Это была та самая девушка, которую негодяи выволокли из заведения Морли. Та самая, про которую Морли говорил, что она дочь Большого Босса. Я обернулся, вытаращил глаза и, похоже, вздохнул; она прошла мимо меня прямо к Хрусту.

Лицо Краска застыло, как маска смерти. У меня екнуло сердце. Но он наблюдал не за мной.

Девушка посмотрела в его сторону, остановилась, вскрикнула от удивления, быстро повернулась и бросилась на улицу. По дороге она столкнулась со мной и мгновенно отскочила. Я замурыкал от нежности. «Твои удары для меня как ласка...»

Я кинулся в дождь поглядеть ей вслед, и тут меня настигли тяжелые шаги Краска. Он встал рядом со мной.

— Что это было, черт возьми? — спросил я.

— Что ты здесь делаешь, Гаррет?

Это прозвучало очень неприятно. Как угроза переломать руки и ноги.

— Это ты что здесь делаешь? Я думал, ты слишком большая шишка, чтобы бегать по городу. Она назначила тебе тут встречу?

— Что? — Голос был удивленный. — Угу. Не прикасайся. Могу что-нибудь сломать.

Краск страшный тип, но биться с ним врукопашную я не боюсь. Я рассчитал, что, если мы начнем прыгать друг перед другом и размахивать кулаками, наши шансы будут равны. Он страшен, потому что он убийца, и хитрый убийца. Если он решит отправить вас на тот свет, можете начать читать себе отходную.

— Держись подальше, Гаррет. Или костей не соберешь.

— Я не знал, что у тебя есть женщина. Кто она?

Я и в самом деле считал, что он и его приятель Садлер не интересуются женщинами.

— А?

— Вот что я тебе скажу, Краск. Я не знаю эту девушку. Я видел ее прежде один раз. Позавчера вечером она вошла в заведение Морли Дотса. Через две минуты туда вломились несколько парней и попытались ее похитить. Мы с Морли и Плоскомордым показали им, как мы относимся к ребятам, которые грубо обращаются с девушками. Она исчезла, не дождавшись конца представления. Вот и вся история. Теперь твоя очередь. Кто она? Как это ты так врезался по уши?

— Не твое дело. — Девушка уже пропала из виду. Краск недоуменно и сердито хмурился ей вслед. Он поверил моему рассказу, вероятно, потому, что раньше я его не обманывал. — Что она делала у Дотса?

— Спроси чего-нибудь полегче. Она не проронила ни слова. Просто вошла с испуганным видом, села одна, и тут влетели три типа и потащили ее на улицу.

Краск заворчал:

— Я об этом не знал. Спасибо, Гаррет. Я твой должник. Скажи Тарпу, что для его здоровья вредно водить дружбу с парнями, которые цепляются к музыкантам.

— После того как я тебя здесь увидел, я и сам собирался ему об этом сказать.

Я потихоньку двинулся прочь, чтобы, когда он вспомнит о старых обидах, между нами уже было порядочное расстояние.

— Гаррет!

Черт побери!

— Что?

— Если ты снова ее увидишь, сообщи. Нам интересно знать.

— Сообщу. Но зачем? Кто она?

— Просто сообщи, и все.

И он, не оборачиваясь, ушел обратно.

Тяжело дыша, я поспешил вперед. Возможно, я зря так боялся этой встречи. Возможно. Возможно, площадка перед дансингом Гулларя и не рисовалась Краску как лучшее место моего упокоения.

25

Везде воцарились мир и гармония. Мне нечего было делать, только лодырничать, изредка доставлять отчеты Гуляру и следить за приятелями Дина, когда он приглашал их на очередную вечеринку по поводу новоселья. Вы себе не представляете, как могут расхулигаться эти старики. Кошек видно не было, а Дин, отпустив несколько колкостей, которые я пропустил мимо ушей, не стал навязывать мне свое общество. Покойник заснул, и во сне ему явился Славилейник. Плоскомордый бросил аферу с приставанием к музыкантам как раз перед тем, как Морли объявил, что больше не станет терпеть привычки этого человекообразного дымохода Уника. Я стал выходить, и навещать друзей, и покупать им пиво, и налаживать старые связи, и даже заскочил на пивоварню и потратил несколько дней на то, чтобы по просьбе Вейдера разоблачить служащего-вора. Как всегда, он предложил мне перейти к нему на службу. Как всегда, я отказался: меня ужасала перспектива взяться за настоящую работу.

Ничья жизнь не может долго протекать так весело и расслабленно. Особенно моя. У богов есть специальное подразделение для Гаррета, в задачи которого входит преследовать меня и только меня.

Так что в то утро, когда я вышел на пробежку и снова попал под дождь, мне следовало смекнуть, что хорошие времена позади.

Я сидел в кабинете, наморщив лоб, и изо всех сил старался подтасовать цифры так, чтобы разбойники из налогового управления прониклись сочувствием к моей крайней нищете. Кто-то заколотил в дверь. Я взвыл. Время подходило к ужину, и Дин ставил жарить на плиту грудинку с ребрышками; он готовит ее очень редко, и она тает во рту вместе со всеми специями. От идущих из кухни ароматов у меня уже текла слюна.

Дин спросил:

— Не открывать?

— Открой. Это, наверно, Плоскомордый. — В последнее время Тарп заходил часто. Его пассия ушла. Удача тоже ему изменила. — У нас хватит еды, чтобы его накормить?

— Еле-еле. — Плоскомордый обычно уплетает за обе щеки. — Ничего не останется.

Я пожал плечами:

— Когда-нибудь я с ним поквитаюсь.

— Вы просто хотите увильнуть от того, чем вы сейчас занимаетесь.

Он заковылял по коридору под аккомпанемент возобновившегося стука. Кому-то не терпелось ворваться ко мне в дом.

Дин был прав. Я хотел увильнуть. Я ненавижу платить налоги. Что я за все эти годы получил от Короны? Снаряжение, оружие и пять лет приключений на войне. Снаряжение и оружие пришлось вернуть. Меня просто решили обшипать, чтобы дать какому-нибудь другому молокососу возможность увидеть прыщи на заднице мира.

Я разучился проявлять изобретательность, но, учитывая положение дел, я оставил бы налоги себе.

Это был не Плоскомордый. Этого человека я надеялся больше никогда не увидеть, это был капитан Туп. Дин провел его ко мне в кабинет. Вид у Тупа был измочаленный.

Я не мог сдержаться:

— Что еще?

Туп опустился в кресло, упер локти в колени и закрыл руками лицо.

— То же самое. Вам надо посмотреть.

— Послушайте, я уже однажды вас выручил. Разве этого недостаточно? Дин готовит ужин. Через полчаса сядем за стол.

— Он мне так и сказал. Еще он мне сказал, что вы заняты подсчетом налогов.

— Да.

— И вы, разумеется, забудете учесть ту изрядную сумму наличными, которую вы получили от Стражи, не так ли?

Разумеется, так.

— Ну?

— Одна из задач Стражи заключается в том, чтобы расследовать предполагаемые случаи уклонения от налогов. Мы не очень усердствуем в этом, но, когда идет молва, мы обязаны проверить, чтобы нас не обвинили в бездействии.

— Я сейчас найду шляпу. Далеко идти?

— Недалеко. — Он слабо улыбнулся. — Я знал, что могу на вас рассчитывать. И уверен, что и на этот раз ваш кошелек не пострадает.

Улыбка у него была невеселая. Он выглядел еще более прибитым, чем в прошлый раз. Что его сейчас мучает?

Наверняка что-то связанное с политикой. Когда я выходил на улицу, до меня доносились разговоры о том, что Туп превратил поимку старого клоуна в крупное достижение.

За кулисами началась какая-то возня. Принц Руперт прикрывал Уэстмена Тупа. Туп пустил в ход припрятанные козыри. Преступный мир взволновался.

Я проверил, есть ли у меня что с собой на случай неприятностей, а все потому, что шел с Тупом. А Туп всегда притягивает неприятности.

Мы шли и говорили о Кангарде. Слави Дуралейник отказался от намерения захватить Марачи, но Венагета уже не могла распространить свою власть далеко в пустыню. Я также поинтересовался, как Морская пехота отбивает Фулл-Харбор. Операция началась. Мною овладели смешанные чувства. Наши военные гордятся тем, что если они делают кого-то моряком, то он остается моряком навеки.

Пока мы беседовали, я все больше убеждался, что Туп ужасно напуган. И какова бы ни была причина его испуга, я знал, что мне все это не понравится.

26

Теперь я тоже был напуган.

— То же самое, — уставившись на обнаженную девушку, у которой были вырезаны внутренности, сказал я.

Она висела в переулке за опустевшими многоквартирными домами в южной части города, недалеко от центра. Еще несколько часов назад эти дома населяли мусорщики из крысиного народа. Теперь тут никого не осталось.

При тусклом свете висящая под дождем мертвая девушка в точности напоминала ту, которую Туп показывал мне на Дне.

— Этого не может быть, Туп. Я их поймал.

Я должен был верить, что я их поймал. Нелегко думать, что я убил не того, кого надо.

Как Туп ни был напуган, он понял, что меня беспокоит.

— Вы поймали того, кого надо, Гаррет. Не сомневайтесь! Лишь только мы получили разрешение принца, мы сразу же обыскали дом. Вы не поверите, что мы нашли. Преступники жили там долгое время. Они хранили в доме внутренности всех жертв. В подвале лежали тела девушек, но не такого типа, как эти. Я считаю, что злодеи тренировались на них, прежде чем вышли на настоящее дело.

Я не сводил глаз с нового трупа и слушал, как жужжат мухи.

— Там была одна...

И я рассказал ему о пропавшей одежде и ножах. Морли уверил меня, что не взял с собой никаких сувениров. Я не упоминал Морли. Тупу это не понравилось бы.

— Раньше вы об этом не говорили.

— Раньше я думал, что все уже закончилось. Но...

— Вот именно «но». Элвис!

К нам приблизился неприметного вида полицейский.

— Слушаю, капитан.

— Покажи мистеру Гаррету, что ты нашел.

Элвис достал из кармана непромокаемой накидки свернутый клочок бумаги. Внутри оказались три зеленые бабочки. Я вздрогнул, словно дождь сменился снегом.

— Сколько дней прошло после предыдущего убийства?

— Двенадцать. Это произошло точно по расписанию.

— Этого я и боялся. — Не знаю, зачем я спросил. Может, надеялся услышать, что ошибаюсь.

— Убийца мертв, но убийства продолжают. Как это может быть, Гаррет?

Теперь я понял, почему Туп так разволновался. Вовсе не потому, что его карьере грозил крах.

— Не знаю. Что случилось с телом старика?

— Его кремировали. Я видел, как оба тела скрылись в печи.

— А где этот дед со Дна? Вы у него что-нибудь выпросили?

Туп смутился:

— Он умер.

— Почему?

— Мы перестарались. Кормили его слишком обильно. Он переед и умер.

Я лишь покачал головой. Только со мной может такое произойти.

— После того как вы нашли это тело, вы обыскали заново дом леди Гамильтон?

— Я получил отчет как раз перед тем, как пошел за вами. Там ничего нет. Никакой связи.

— А карета?

— Не двигалась с места. Колеса привязаны цепями, так что это невозможно. А лошади проданы. Они не принадлежат владельцам дома. Конюшню сдавали внаем.

— Вы уже узнали, кто эта девушка?

— Нет. Но скоро узнаем. Кем-нибудь она окажется.

Он имел в виду, что она окажется родственницей какой-нибудь важной особы. Ни одна из убитых девушек ничего не представляла сама по себе, но все они были с Холма.

— Если общая схема сохранится.

Я был испуган, сбит с толку. Я сказал Тупу:

— Я испуган, сбит с толку и не знаю, что делать, но прежде, чем что-то делать, надо посоветоваться с Покойником. Он беседовал со всеми свидетелями.

Туп воспрял духом:

— Да. Если есть за что зацепиться, он знает.

Я вспомнил жареную грудинку. Чудесную, дорогую жареную грудинку, от запаха которой у меня часами текли слюнки.

Теперь аппетит пропал.

— Вероятно, теперь это не имеет значения, — сказал я, — но вы выяснили, кого мы поймали?

— Имя старика?

Нет, черт тебя побери! Коренной кобылы в упряжке...

— Да.

Туп огляделся по сторонам и прошептал:

— Идрака Матисон.

— Фу! Жуть. Кто такой... был... Идрака Матисон?

— Потихе, пожалуйста.

— Ясно, какая-то шишка.

Шепотом:

— Идрака Матисон, виконт Нетле. Любовник леди Гамильтон. С самого начала слыл чудачком, поэтому мы замяли это дело, а другие источники объявили, что он умер от болезни. Он все время уезжал и возвращался в этот дом, и никто не обращал внимания,

потому что он всегда там жил. Теперь, когда мне это известно, я вернусь к прошлому и, если принц разрешит, более тщательно расследую несчастный случай с леди Гамильтон.

— Я так и не знаю, о ком речь. Я не слежу за великосветскими скандалами. Думаю, сейчас это все равно не имеет значения.

Я охотно бы все забыл, но взглянул на лишенную внутренностей молодую женщину и понял, что не смогу. Я промолчал и не стал допытывать Тупа, хотя мне было интересно, какая женщина может взять в любовники такую развалину, как старый клоун.

27

— Твоя мечта осуществилась, — сказал я Дину, когда он открыл нам дверь. — Я работаю. Будь поосторожнее со всеми пожеланиями.

— Случилось что-то нехорошее?

— Хуже некуда. Пойди разбуди Покойника.

— А как же ужин? Все уже пережарилось.

Дин чуть не плакал. Он гордился своей стряпней.

— Если бы ты видел то, что я, ты бы тоже не захотел есть.

— Ох! Тогда я прямо сейчас все сниму с плиты и уберу.

Так он пытался уклониться от общения с Покойником. У Дина настоящий талант избегать неприятных положений, находя себе какое-нибудь срочное занятие.

Я сказал Тупу:

— Возможно, придется разжечь под Покойником костер. Кажется, он спит всего неделю. Иногда эта спячка длится месяцами. Дин! Если ты не хочешь иметь дело с Его милостью, сходи за Морли.

Это на него подействует. В заведении Морли он чувствовал себя хуже, чем в комнате Покойника.

Храбрый капитан Туп стойко, не говоря ни слова, переживал наши детские пререкания. Может, со временем я даже буду хорошо к нему относиться, несмотря на всю его некомпетентность.

Я пошел вперед, беря штурмом крепости. Или не крепости.

В последний раз я был в комнате Покойника задолго до того, как он заснул. С тех пор все изменилось.

— Черт! — выругался Туп.

Я издал неопределенный звук, похожий на визг.

Комнату заполонили клопы. Большие клопы, маленькие клопы, столько клопов, что, если бы они стали трудиться вместе, они смогли бы вынести Покойника вон из комнаты. И я знал, кто их напустил.

Толстяк за моей спиной сговорился с Плоскомордым. Не ясно только, как он сделал так, что ползучие гады не распространились по всему дому и не выдали его. Я пробурчал:

— Надеюсь, ты наслаждаешься снами о Кантарде.

Как я ни старался, я не мог на них не наступать.

— Что это? — спросил Туп.

— Он собирает клопов. Хотите верить, хотите нет. И не торопитесь от них избавиться, когда закончит с ними играть. Придется снова жечь серные свечи. Терпеть не могу это занятие.

Интересно, замешан ли во всем этом Дин. Возможно. Поэтому в доме нет кошки. Дин знает, что, как только я обнаружу клопов, я начну их травить. Ни одна кошка не выдержит запаха серных свечей.

Я уже подумывал, не начать ли жечь серные свечи. Прошло полчаса.

— Он умер? — спросил Туп. — Насовсем?

Его милость не пошевелил ни одной извилиной.

— Нет. Просто дремлет. Правда. Он выбирает самое неподходящее время.

— Почему?

Я пожал плечами:

— Так получается.

— Ну и что вы делаете?

— Выхожу из себя и угрожаю разжечь под ним костер. Бегаю кругами с визгом и воплями.

— А если это не действует?

— Кос-как довожу дело до конца по собственному разумению.

Я стал разминаться, чтобы начать вопить и бегать кругами. Из себя я уже выходил и угрожал, но это ни к чему не привело.

Туп начал вытряхивать клочки бумаги из мусорной корзинки, которую лет сто никто не опорожнял. И бросать обрывки под кресло Покойника. Я присмотрелся:

— Что вы делаете?

Под креслом лежали мои деньги. Я надеялся, что Туп не заметит.

— Собираюсь разжечь костер.

— Черт возьми, вы все-таки соображаете.

Я только болтал насчет костра, но никогда серьезно не думал его разжечь. Я оперся на дверь и стал смотреть. Это интересно.

Клопы заволновались сильнее, чем обычно, когда кто-нибудь топает по полу. Я заподозрил, что мой партнер не так далеко, как хочет изобразить.

Туп схватил лампу.

Черт! Он не отступает. Собирается идти до конца. Я решил не вмешиваться, что бы ни случилось. Усмехаясь, я следил за ними.

— Надеюсь, он заметит костер прежде, чем огонь разгорится слишком сильно и перекинется на дом. За четыреста лет Покойник изрядно высох. Помните, когда Дежен вторгся в Польку, они не могли найти топлива для своих самогонных аппаратов (в Польке нет деревьев) и тогда вытащили из древних склепов старые мумии и стали их жечь?

Туп помолчал:

— Правда?

Его лоб украсила большая вялая морщина.

— Правда. Тело, высохшее за несколько сотен лет, неплохо горит. Не бог весть как, но достаточно, чтобы получить драгоценную влагу.

— О!

Тупа не интересовали исторические анекдоты. По правде говоря, он был сбит с толку. Какое отношение имеют наши дела к шайке пьяных варваров, грабивших склепы далекой страны сто лет назад? Он меня удивлял. И опрокидывал сложившиеся у меня представления о Страже. Возможно, я ошибался. Возможно, там служат не только лентяи и взяточники. Возможно, у некоторых из них, как у Тупа, добрые намерения, просто они чересчур глупы, чтобы выполнять свои обязанности.

Туп сел на корточки и стал совать лампу под кресло Покойника.

«Вели ему прекратить, Гаррет».

— Он живой. Бросьте, капитан. Он начинает подавать сигналы.

«Гаррет».

— Загляни-ка в наши головы, Старик. У нас возникла сложность.

Туп замер, пламя меньше, чем в полуметре от бумаги, глаза лишь чуточку выше моего тайника.

«Ты проклятие, посланное мне под конец моих дней, Гаррет. Я был чрезмерно добр. Не однажды я испытывал искушение прервать наше сотрудничество. Я жалею, что не поддался этому желанию. Ты плохо воспитан, нагл, безрассуден и неотесан. Тебя спасает лишь твое грубоватое обаяние».

— Мамочка меня любила. Но что она понимала?

«Я могу часами перечислять твои недостатки. Но сейчас не время».

— Ты так часто это делал, что я знаю их наизусть.

«Прекрасно. Ты не лишен добродетелей, возмещающих эти недостатки».

Я впервые услышал от него такое. Тинни, Майя и еще одна, а может, десяток дам поминали мои немногочисленные добродетели и многочисленные недостатки, но...

«Включая всепоглощающую лень. Однако на этот раз ты был прав, что меня разбудил».

— Боже, заberi меня отсюда. С меня достаточно.

«Твои манеры достойны сожаления. Ты мог найти более пристойные способы привлечь мое внимание. Но ты правильно оценил положение. Ты не справишься с этим делом без моей помощи».

Самодовольный тип, а? Я дал Тупу сигнал к отступлению.

— Он проснулся.

Мне дышалось легче, когда Стража не покушалась на мое имущество и состояние.

«Я опасался, что дело примет такой оборот. Были намеки. Но под воздействием твоего молниеносного и, казалось, окончательного успеха на Холме я позволил себе обмануться. Потому что я хотел, чтобы это было правдой. Да. Даже такие реалисты, как я, время от времени поддаются соблазну принять желаемое за действительное. Сердце и ум естественным образом избегают страшного».

Громко, пространно и со смиренным видом хвастайся своими провалами, и они превратятся в достижения. Все увидят, какой ты молодец. Я сказал:

— Мне кажется, ты вообще не спал, а только прикидывался. Перестань ломать эту чертову комедию, Весельчак. Девушки умирают четко по расписанию. Пора положить этому конец. Ты беседовал со всеми, кто имеет хоть какое-то отношение к делу. Что-нибудь ты узнал? Изложи нам свою точку зрения. Скажи, как прекратить это раз и навсегда.

«Вряд ли это получится. В том смысле, как ты это понимаешь. Если мое первое впечатление верно. Капитан Туп! Мне нужны сведения о человеке, которого вы выбрали на Дне. Гаррет, я хочу узнать об этих ножах для жертвоприношений».

Я почувствовал, как он проникает в мои мозги глубже, чем обычно. Вероятно, в то же самое время он забрался в голову Тупа. У Тупа глаза полезли на лоб. Я понял, что в моей башке он ищет то, что я увидел на месте последнего преступления, но не уразумел.

Это не забава и не развлечение, когда кто-то копается у тебя в мозгах. Я терпеть этого не могу. Вам бы это тоже не понравилось. Там есть такое, чего никто не должен знать. Но я не стал закрываться от Покойника.

Я могу это сделать, если как следует постараюсь.

Он меня удивил.

«Бабочки?»

— Да. Ну и что?

«Уже третий раз. Это новый поворот. Хотя никто не упоминал бабочек в связи с другими жертвами, я чувствую, что мы имеем дело с одним и тем же убийцей».

— Серьезно?

Я не мог представить себе десяток парней, одержимых одним и тем же пунктиком: как бы найти себе молоденькую, хорошенькую брюнетку, повесить ее, выжать кровь и выпотрошить.

«Да, Гаррет. Вот именно. В ходе моих многочисленных бесед выявилась одна очень интересная подробность: белокурая девица Таня Факен была не натуральной блондинкой. Блондинкой она стала за несколько часов до гибели».

— А существуют вообще натуральные блондинки? Я их почти не встречал.

«Да, их немного. Я хочу сказать, что на цвет волос жертв следует обратить внимание».

Это сообразил даже Туп. Я так и сказал.

«Конечно. Но, разоблачив убийцу, мы на радостях об этом забыли. Так?»

— Когда злодей схвачен и все закончено, детали уже не имеют значения. Ты сказал, что опасался этого. Ты понял, что происходит, еще до того, как я все испортил своим обманчивым успехом?

«Да. Ты правильно думаешь, что такого рода убийства случались и раньше. Я знаю в прошлом три серии подобных убийств, хотя о первых двух сериях мне известно лишь понаслышке. Эти преступления происходили, когда я еще был на ногах и окружен существами, чьи причуды и горести представляли в лучшем случае академический интерес. Типы жертв и способы убийства совпадают, но, насколько я помню, до сих пор не было речи о бабочках».

— Может, никто их не замечал. Обычно, видишь то, что ожидаешь найти.

Но один из подчиненных Тупа заметил.

«Возможно, ты прав. Незачем было искать бабочек. Хотя, как я уже отметил, меня не очень интересовало поведение немых, невежественных и недоразвитых варваров, способных топить перегонные кубы останками своих предков».

Он любит иногда подпустить шпильку.

— Ладно. Ты кое-что знаешь. Говоришь, что этого опасался. Может, ты перейдешь к делу до того, как в городе будут перебиты все брюнетки? Признаюсь, я питаю слабость к рыженьким, но брюнетки тоже имеют свои достоинства и представляют большую ценность.

«Кошмары старых времен, Гаррет».

— Это уже было. Ну? Выкладывай свой сюрприз.

«В предыдущие разы я близко не сталкивался с этими преступлениями. Однако события были столь драматичны, что застряли в памяти, хотя и без некоторых полезных подробностей».

— Ясно. — Я начинал злиться. И ему это доставляло удовольствие. — Может, вспомнишь, что у тебя там застряло в памяти?

Он мысленно вздохнул и, презрев мое нетерпение, храбро продолжал:

«Тогда, как и теперь, жертвы обладали однотипными физическими особенностями. Это были молодые брюнетки, привлекательные по человеческим представлениям, с очень похожими чертами лица. В сущности, сходство лиц казалось более важным, чем рост и вес».

Перед моим мысленным взором промелькнуло множество лиц: тех, которые Покойник представил себе из бесед с родственниками женщин, и тех, что с давних пор остались в его памяти. Все эти женщины были из разных семей, но могли сойти за сестер. Все походили на дочку Чодо, может, только не такие бледные, и прическу носили такую же, как она, когда я увидел ее у Гуллара...

Стоп. Мне впервые пришло в голову, что там у нее была другая прическа. Она распустила волосы, а в заведении Морли они были уложены короной вокруг головы.

«Прическа может быть ключом к разгадке».

Покойник показал мне несколько причесок из прежних времен. Лица и фигуры вырисовывались смутно, но волосы были причесаны, как у дочки Чодо в дансинге у Гуллара. У всех недавних жертв были пышно взбитые волосы.

— Итак, возможно, перед нами несчастливый парикмахер, — сказал Туп. — Он крадется по коридорам истории, уничтожая неудачные и вышедшие из моды прически.

Все-таки у него есть чувство юмора. Правда, весьма своеобразное.

Я сказал:

— Все это как-то жутко, Весельчак.

И так думал не только я. Несмотря на кажущееся легкомыслие, Туп позеленел от страха.

«Здесь замешано колдовство, Гаррет. Древнее, мрачное, мерзкое колдовство. Самая отвратительная форма черной магии. Кремнированные покойники не могут воскреснуть и снова взяться за свои зверства».

— В самом деле? — Какой гений. — Я тоже так думаю.

Я все-таки сыщик. И применяю дедуктивный метод. А может, индуктивный. Я всегда их путаю.

«Тут действует проклятие. Если теперешняя серия убийств на самом деле связана с предыдущими, это очень сильное проклятие. В

прошлом после ареста и казни преступников убийства прекращались».

— Но потом опять возобновлялись.

«Со временем. Случайно. Через много лет».

— А сейчас они возобновились сразу же, — сказал Туп.

«На этот раз впервые преступника поймали быстро. На этот раз впервые обошлись без судебного процесса и казни. На этот раз впервые тело преступника кремировали».

— Ну и что? — спросил Туп.

Теперь он тоже включился в игру. К тому же он снова подошел к лампе, будто раздумывая, не стоит ли разжечь костер, просто чтобы поторопить Покойника.

Туп не так глуп, как прикидывается.

«Насколько я помню, раньше убийц ловили, судили, приговаривали к смерти и вешали. Повесили двоих. Самому первому, кажется, отрубили голову. Тогда рубить головы было в моде. В каждом случае останки хоронили в общей могиле».

Казненных преступников до сих пор хоронят в общих могилах. Это составная часть наказания.

— Ну? — сказал я.

— И что? — сказал Туп.

«Гаррет, Гаррет, неужели тебе настолько лень пошевелить мозгами? Я сказал тебе все что нужно. Ты превратил свою голову в мусорную свалку и место для прикрепления ушей».

Все те же старые штучки. Я должен воспользоваться данными мне богами мозгами и талантами и докопаться до всего сам. Он не шутит. Он думает, что так он меня воспитывает.

Туп схватил лампу и направился к креслу Покойника.

Я помахал рукой, чтобы он вернулся:

— Покойник прав. Отчасти. Он сообщил нам все что нужно. Так или иначе, если вы будете ему угрожать, он заупрямится. Он гордый. Скорее позволит вам сжечь его самого и весь дом в придачу, чем даст более прямой ответ.

С минуту Туп глядел на меня, потом решил, что я говорю правду.

— Чертов оракул, а? — Он поставил лампу на место. — Так что он сказал? За что нам зацепиться?

Я не имел понятия. Знал только, что Покойник видел какую-то зацепку, и она, по всей видимости, была прямо у меня перед глазами.

Разумеется, он не был в самой гуще событий, он не был подавлен и смущен, и его ноздри не щекотал до сих пор запах, идущий от умершей в муках девушки. Он все вычислил и теперь говорит себе, что Гаррет бестолков до невероятия.

28

Меня уже почти осенило. Я чуть не воскликнул: «Эврика!» Подсознание намекало мне, что, если я буду хорошим мальчиком, оно оплатит мне тем же. Но тут кто-то заколотил в дверь. Парадная дверь — это просто бич. Надо заложить ее кирпичами. Входить и выходить украдкой через черный ход. Если какой-нибудь надоеда обнаружит вместо двери кирпичную кладку, неужели он станет продолжать навязывать мне свое общество?

Догадка ускользнула от меня. Я взглянул на Тупа. Он был в таком недоумении, что, наверное, не смог бы написать собственное имя. Помощи ждать не приходится. Я поплелся к двери посмотреть в глазок. И увидел Морли и Дина, которые, в свою очередь, пялились в щелочку на меня. Мне очень хотелось оставить их за дверью. Но Морли ведь пройдет сквозь стену; если его заставить ждать. И он, пожалуй, не заслуживал мокнуть под дождем. А я не мог придумать, как бы мне его впустить, а Дина оставить на улице, так что пришлось открыть и впустить всю компанию и еще выслушать их неблагоприятные замечания насчет того, сколько нужно времени, чтобы отпереть дверь.

Мне пришло в голову, и не впервые, что я мог бы продать свой дом гораздо дороже, чем сам заплатил за эту развалюху. И переехать куда-нибудь, где меня никто не знает. Я мог бы устроиться на настоящую работу, вкалывать десять или двенадцать часов в день, а в остальное время не терзаться всякими неприятностями. Покупатель будет наслаждаться тем, что я ему оставляю в доме. Я сделаю покупку более привлекательной, предложив все содержимое в придачу бесплатно. *Savcat empor**! Пока, Дин. До свидания, Покойник.

* Покупатель, остерегись! (лат.).

— Если уж ты меня вызвал, давай побыстрее, — сказал Морли. Нет чтобы поинтересоваться моим здоровьем. Для того, верно, и существуют друзья, чтобы в их присутствии мы чувствовали себя незащищенными и нелюбимыми. — У меня свидание...

— В самом деле? — Я попробовал перенять манеру Покойника. — Ты припоминаешь некий труп, не так давно оказавшийся в некоем каретном сарае на некоем Холме? Это тело имеет отношение к некоей серии крайне неприятных убийств.

— Которые были для кого-то любимым развлечением?

— Возможно, для кого-то гораздо менее достойного, чем ты или я, но ты прав. На этот труп мы наткнулись однажды во время вечерней прогулки.

Зачем мы все это говорили? Я сам начал неизвестно зачем, разве что Дин стоял поблизости и слышал наш разговор. Но какая разница, что думает Дин? Дин любит кошек. С типами, которые любят кошек, определенно не все в порядке. Кого интересует мнение Дина?

— Ну и что с этим трупом?

— А с ним вот что. Джентльмен, который той ночью получил по заслугам, не оставил своего занятия, несмотря на то, что попал в городской крематорий.

— Что?!

Морли не мог больше поддерживать игру.

— Произошло еще одно убийство. Такое же, как и все остальные. Точно по расписанию. Мы еще не знаем, кто эта девушка, но скоро узнаем. — Я повернул голову в сторону комнаты Покойника. — У нас в доме официальное лицо. Покойник сказал, что здесь действует проклятие. Колдовство.

— Не может быть! Правда?

— Не надо говорить в таком тоне, Дин! У тебя есть работа. Чем торчать тут двадцать шесть часов в сутки, лучше бы...

Хоть Дину и под семьдесят, годы над ним не властны. Он показал нам язык, как шестилетний карапуз. И пулей бросился на кухню, только пятки засверкали. Пока он бежал, я поведал Морли о своих планах продать дом со всем имуществом в придачу. Морли не ухватился за возможность покупки. Угроза не произвела на Дина

ни малейшего впечатления. Надо бы мне проводить больше времени на улицах и снова учиться быть гадким.

Дин был осужден на семилетнее пребывание на кухне. Я отметил наступление новой эры тем, что уговорил Морли пройти ко мне в кабинет и объяснил ему, как обстоят дела. Поскольку Морли наполовину эльф и знаком с мистикой и колдовством, он сразу усек, в чем суть, и немедленно нашел то, что не давало мне покоя с тех пор, как Покойник, по его утверждению, дал мне необходимые сведения.

— Когда ты привел капитана Стражи, человек, которого ты тюкнул, был голый. В старые времена преступников хоронили в той одежде, в которой их казнили. Одежда может быть ключом к разгадке. Или некий предмет, который старик носил с собой. Амулет. Украшение. Незнакомец, проникший в каретный сарай, взял этот предмет, когда раздевал труп.

— Достаточно!

Я понял. Проклят не человек, а предмет, который этот человек носит с собой. Может быть, ножи.

Я вздрогнул. Передернул плечами. Весь похолодел. Мне стало страшно.

Придется побегать. Очень много побегать. Раскопать судебные протоколы еще имперских времен и посмотреть, что было общего у всех этих злодеев. Какое украшение, какой предмет одежды может нести проклятие, заставляющее разумное существо убивать девиц, обрекая их на участь, котоою некоторые считают хуже смерти.

Да, девочки?

29

Дело развивалось в своем ритме. Когда я собрался вернуться к Тупу и Покойнику, я уже знал, что сейчас произойдет. Это было неизбежно.

Кто-то постучал в дверь.

— Три бородатых разбойника, — пробормотал я и пошел открывать, так как Дин объявил, что он не может, еще до того, как стук прекратился.

Я посмотрел в глазок. Лучше бы это были три бородатых разбойника! Я решил изобразить, что никого нет дома. Но Брешущего Пса не так легко обмануть. Он приходил достаточно часто и знал нашу страшную тайну. Кто-нибудь всегда дома.

Я открыл:

— Что тебе надо?

— Прошло больше недели, Гаррет. Ты не берешь мои заметки.

Он протиснулся в коридор вслед за разгоняющими врагов защитными ароматами, на пол потекла дождевая вода. Он вытащил последний отчет.

— Ты пишешь всемирную историю?

— Что мне еще делать? Дождь не прекращается. Я не люблю, когда на меня льется вода.

— Я это заметил.

— Что?

— Ничего. Ничего. Одиночество расшатало мои нервы. Может, тебе стоит поработать над стилем своих речей? Дождь не может идти без конца.

— Не может и не идет. Каждые сутки льет только днем. Ты обратил внимание? Дождь идет только в дневное время. Почему погода так испортилась, Гаррет?

Я хотел подкинуть ему идею насчет Кантарда и управления ураганами, но боялся, что он разразится новой безумной теорией.

— Можно подумать, что сами боги мешают мне распространять правду.

— Боги, пожалуй, мешают даже больше, чем смертные.

Я промолчал, точнее, не успел ничего сказать.

Брешущий Пес оцепенел. Глаза его округлились, дыхание участилось. Он поднял руку в жесте, призванном защитить его от глаза. Он произнес:

— Чур меня! Чур! Чур! — и с визгом стал отступать к двери. — Это он! — прохрипел Брешущий Пес. — Гаррет! Это он!

«Он» был капитан Туп, который, широко разинув рот, стоял на пороге комнаты Покойника. Повернувшись к Амато, я увидел, как за ним закрывается дверь.

— Чур! Чур! — показывая пальцами рожки, сказал я. — Что это было?

Туп спросил:

— Что здесь делал Амато?

— Они с Покойником приятели. Встречаются и сочиняют истории про тайные сговоры. Удивительно, как они ладят друг с другом. Теперь ваша очередь. Откуда вы знаете Брешущего Пса?

У Тупа дернулась щека. Вид у него был такой, будто он не знает, где находится.

— В ходе моей работы я был вынужден ограничить свободу мистера Амато как приспешника тайных махинаторов, кукловодов, дергающих за веревки судей и чиновников-марионеток.

Я рассмеялся:

— Вы его арестовали?

— Я его не арестовывал, Гаррет. Что бы он ни говорил. Я просто попросил его пойти и поговорить с человеком, которого огорчили его слова. Все было бы прекрасно, если бы он заткнулся хоть на минуту. Но, увидев лучшую в своей жизни публику, он не устоял и толкнул пламенную речь. Слово за слово, и мне пришлось отвести его к судье, чтобы его официально предупредили, что он может быть обвинен в клевете. Амато не успокаивался. У судьи Грома нет чувства юмора. Он не считает Брешущего Пса забавным уличным персонажем. Чем больше свирепел Гром, тем больше Амато распускал язык. Наконец Гром взбесился и дал Амато пятьдесят пять дней за оскорбление суда. И во всем виноват этот Пес. Как он рутался, когда его вели в Аль-Хар, вы в жизни не слышали такой рутани! Черт возьми, если бы он хоть тогда попридержал язык, я бы, возможно, скрепя сердце выпустил его. Но он обругал и меня.

— Другой взгляд на события, — сказал я. — Хотя его версия не особенно отличается. Он тоже говорит, что сам виноват.

Туп усмехнулся, но мрачно.

— Жаль, что не все наши бунтовщики так безобидны.

— А?

— Принц полагает, что мы находимся на пороге хаоса; эта причина, среди прочих, заставляет его относиться ко всему так серьезно. По его словам, если Корона не проявит готовности в доступной и понятной форме выполнить общественный договор, заключенный ею с карентинским народом, мы вступим в период растущей нестабильности. Первым признаком этого будет появление в округе групп, осуществляющих самосуд.

— В некоторых районах такие группы уже есть.

— Я знаю. Принц считает, что эти группы будут усиливаться и политизироваться. И это будет происходить быстро, если только Славн Дуралейнику не изменит счастье. Каждый раз, когда он оставляет нас в дураках, все больше патриотов направляется в Кантард, чтобы помочь укротить мятежника. Чем больше законопослушных граждан уезжает, тем меньше остается, чтобы поддерживать порядок здесь.

Принц думает, что группы линчевателей могут объединиться в своего рода неофициальную милицию. А потом эти группы из-за политических разногласий начнут разбивать друг другу головы.

— Ясно. Некоторые даже могут захотеть избавиться от теперешних властей.

— Королевская семья может оказаться в одном ряду с уличными шайками.

Я промолчал и очень этим гордился.

В целом мы, карентинские обыватели, не проявляем интереса к политике. Мы хотим только, чтобы нас оставили в покое. Мы избегаем платить налоги, но все-таки расстаемся с деньгами в надежде, что власти нас защитят. Немножко денег туда, немножко сюда, бандиты из налогового управления не отбирают всего. Насколько я могу судить, таковы традиционные отношения обычного гражданина с государством, если только этот гражданин сам не является государственным жуликом.

Я сказал:

— Надо как следует присмотреться к этому принцу, если он действительно считает, что Корона — это не только механизм для вытягивания денег из населения и кормежки привилегированных классов.

Я вложил в свои слова слишком много язвительности. Туп не уловил, что я просто циник и зубоскал, а не бунтовщик. Он одарил меня чрезвычайно гадким взглядом.

Я добавил:

— Возможно, мне стоило обратить больше внимания на басню о длинном языке Брешущего Пса.

— Возможно, Гаррет.

— Что вы делали там?

Этот вопрос понятен каждому ветерану. А в Танфере все взрослые человеческие существа мужского пола, которые могут стоять на ногах, и множество тех, кто уже не может, — ветераны. Корона хорошо умеет лишь признавать всех мужчин годными для военной службы.

— Я был в армии. Сначала в боевой пехоте, затем в дальней разведке. После ранения меня перевели в военную полицию. Однажды я спас одного баронета и таким образом получил этот пост.

Герой! Но это ничего не значит. Почти все, кому удастся прожить достаточно долго и выкарабкаться, совершают когда-нибудь героический поступок. Даже такие отъявленные подонки, как Краск, щеголяют медалями. В Кантарде другой мир. Иная реальность. Мужчины, будь они герои или злодеи, с гордостью показывают свои награды.

Противоречивость. Человек полон противоречий. Я знал убийц, которые были артистическими натурами, и артистических натур, которые были убийцами. Художник, написавший портрет Элеоноры, был гением и в той, и в другой области. Двойственность его натуры доставляла ему мучения. Его страдания закончились лишь тогда, когда он встретил еще более безумное существо.

Я сказал:

— Мы отклонились от темы. Давайте решим, что нам делать с этим убийцей.

— Вы верите, что эти убийства достались нам в наследство?

— Вы имеете в виду прошлые вспышки?

Туп кивнул:

— Да, Покойнику я верю. Нам надо покопаться в старых документах. У вас есть к ним доступ и хватит сотрудников и власти над чиновниками.

— А что искать?

— Не знаю. Общую нить. Что-нибудь. В прошлом, когда один и тот же призрак возвращался снова и снова, его ловили и останавливали. Мы посмотрим, что они делали, и подумаем, что делать нам. И, может, поймем, в чем была их ошибка и почему лечение не помогало.

— Если ваш приятель не понабрался сведений у Брешущего Пса:

— Да. Если.

— Что вы собираетесь делать?

— Я видел первого типа живым и одетым. Я ставлю на одежду и надеюсь, мне опять повезет.

Туп пристально на меня посмотрел. Он думал, что я знаю нечто важное. Я знал, но какой толк говорить ему, что есть уцелевшая жертва покушения и эта жертва — дочь Чодо Контагью? У Тупа сделается сердечный приступ, да еще и геморрой.

— Хорошо. Скажите мне только одно, Гаррет: что здесь делает Морли Дотс?

Туп не такой дурак, чтобы не знать, что мы с Морли давние друзья.

— Мне известно, на что способен Морли. И известно, на что нет. — Как объяснить Тупу, что профессиональный убийца Морли никогда не убивал тех, кто на это не напрашивался? Как объяснить, что у Морли более твердые принципы, чем у большинства стражей закона? — Он для меня окно в другой Танфер. Если понадобится там что-либо отыскать, он найдет.

Я на это надеялся.

Теперь я уже забыл, почему послал Дина за Морли, хотя в то время мне казалось, что так надо. Может, Морли удастся связать меня с дочкой Чодо. Она должна что-нибудь знать. В ее хорошенькой головке могла остаться та самая подробность, которая позволит нам схватить этого выродка.

Хотя, конечно, она из тех, кто не видит ничего, кроме себя. Вероятно, она забыла о старикане, изрыгавшем бабочек, как только страх у нее прошел.

Туп нахмурился, ему не нравилось, что в расследование втянут Морли. Даже если офицеры Стражи начнут совершенно новую жизнь, они все равно будут думать только о своей заднице.

— Умерьте свой праведный гнев, — сказал я. — Он вам не поможет.

Однако как он узнал? Морли старался сидеть тихо.

Туп нахмурился еще больше:

— Пойду отдам приказания. И сообщу вам, если что-нибудь обнаружим.

Разумеется, сообщит. После того, как перепробует все средства. Мое мнение о нем улучшилось, но я все равно считал его

прирожденным чиновником. Он прибегал к моим услугам от отчаяния.

— Договорились.

Я проводил его до двери, он ушел в дождь, а я отправился выяснить, что думает Покойник.

30

— Еще тысяча марок, если все прекратится насовсем?

«Так он обещал. Прежнее обязательство он выполнил».

Покойник был очень горд собой, потому что ухитрился получить еще одно обещание от Тупа.

— Иногда я выражал недовольство из-за того, что ты...

«Иногда? Почему не сказать «часто»? Или «постоянно»? Даже, быть может, «всегда» или «непрестанно»?»

— Очень редко, в кои-то веки. Но сейчас я хочу сказать совсем не то. Это удачный ход — заставить его раскошелиться еще раз.

«Он в отчаянии».

— А время отчаяния — лучшее время для тех, кто хочет этим отчаянием воспользоваться. Понятно. Как ты относишься к тому, чтобы побеседовать с дочерью Чодо?

Морли вышел из кабинета и, не спросив разрешения, вошел в комнату Покойника. Теперь он, не спросив разрешения, встрял в разговор.

— Об этом уже шла речь. Мои попытки не приветствовались.

— Предоставь это мне. У меня есть подход. Передай Краску, что мне нужно поговорить о девушке. Не говори о какой. Он не знает, что мне известно, кто она.

— Не понял. Как он может не знать?..

— Не надо понимать. Просто скажи ему, что мне нужно поговорить с ним о девушке. Не уточняй о какой, он сообразит, что я имсю в виду. Мы с ним друг друга понимаем.

— Тобой движут личные мотивы, Гаррет. Остерегись. Ты, как всегда, хочешь вляпаться по уши. Тебе что, неинтересно? Не вздумай

приставать к дочке Большого Босса. Если у тебя руки чешутся, лучше отруби их, но избавь нас от горя.

— Что ты об этом думаешь? — спросил я у Покойника.

«Беседа с девушкой может оказаться бесполезной, но это выяснится только после самой беседы. Если возможно, договоритесь, чтобы она пришла сюда».

— Это и есть суть моего великого плана.

«Ты лжешь. Но я верю, что инстинкт самосохранения возобладает над твоими влечениями».

— Я зрелое человеческое существо, сэр. Я не рассматриваю всех особей противоположного пола как объект желания.

Морли съехидничал:

— Только тех, кто старше восьми и моложе восьмидесяти.

— Хорош друг! Разумеется, если я окажусь в постели с женщиной, я не растеряюсь. Но я не окажусь в постели с женщиной в ближайшие лет сто.

Ха. Я себя убедил. Почти всего себя, осталась лишь совсем крошечная неуверенность, что я сделаю, если с дочкой Чодо произойдет чудесное преображение и она не только наконец заметит меня, но я начнет шептать мне на ухо сладкую белиберду. Иногда даже у самых стойких белых рыцарей веления разума, совести и навыки выживания теряют силу перед чувствами, не поддающимися воздействию ума. В каждом из нас сидит антиобщественное существо, которое только и думает, как бы нарушить связь между действием и его последствиями.

— Да, конечно.

Морли мне не верил. Мне показалось, что и Покойник тоже.

Мои собственные сомнения не были такими мрачными. Я повидал немало женщин и уже не откликаюсь на зов этих сирен. Я могу беситься и чертыхаться, но голову не потеряю. Дочь Чодо не в моем вкусе.

Мы поговорили о том о сем, наконец Морли решил, что с него хватит плохих новостей:

— Если меня слишком долго не будет, Рохля, Сарж и малыши решат, что я попал в дом призраков.

— Ну да. Ступай успокой их. — Я поглядел ему вслед и вернулся к Покойнику.

«Что еще, Гаррет?»

— Я серьезно подумываю о том, чтобы вздремнуть.

«В самом деле? А что принес мистер Амато? Надеюсь, ты помнишь, что у нас есть еще одно дело?»

— Оставь. Ты хочешь, чтобы я отдал этот бред Гуллэру?

«Мне пришло в голову, что это может принести пользу, но не непосредственную. Когда ты отнесешь отчет, задержись на несколько минут и попытайся выяснить, знает ли кто-нибудь, почему там оказалась эта мисс Контагью».

— Я тоже об этом думал.

«Но ты не настолько любопытен, чтобы это сделать. Тебе определенно надо взять себе девиз НОНЗ, Гаррет.

— НОНЗ?

«НЕ ОТКЛАДЫВАЙ НА ЗАВТРА!» Поверь знатоку. Стараться отложить нужно только последнее свидание со смертью».

Если подольше пообщаться с Покойником, можно научиться разбирать его сигналы, не облеченные в слова. Он не сказал, но имел в виду, что, если я не пойду донимать Гуллэра, мне не будет покоя дома.

Мы всегда идем на компромисс. Такова жизнь. Каждый день приходится заключать сделки, чтобы обеспечить себе покой или возможность выспаться.

Я решил, что линия наименьшего сопротивления пролегает через дансинг Гуллэра.

31

Мы с Хрустом уже становились приятелями. Он размышлял, бросал на меня взгляды украдкой всего минут пять и сразу вспоминал, что я люблю пиво. Этим он сделал ненужным один вопрос из всегдашнего перечня. Я сделал ненужным все остальные, попросил пол-литра вейдерского светлого лагеря, а потом сказал:

— Передай Гуллэру, что пришел Гаррет.

— Гаррет. Так.

Хруст удалился на цыпочках. Я ждал, когда ноги его придут в противоречие с бородой. Этого не случилось. Этот гном опровергал законы природы.

Хруст пропал надолго. Я потягивал пиво и оглядывал помещение. Здесь царило оживление. Пол сотрясаясь от плясок. Три пары танцевали под аккомпанемент хрипящего оркестра, который наигрывал какую-то неизвестную мелодию; я бы узнал эту пьесу, если бы ее исполняли настоящие музыканты. За тремя столами сидели клиенты. Все девушки были заняты, для меня не осталось ни одной, хотя они и так уже махнули на меня рукой. Память у них лучше, чем у Хруста.

На одну я обратил внимание. Новенькая. Очевидно, в прошлом у нее была другая жизнь. Эта девушка была великой актрисой, а может, она действительно развлекалась. Моложе остальных, привлекательная брюнетка, весьма похожая на ту, которую я видел совсем недавно, что тут же остудило мой пыл.

— Он придет через минуту, — послышался сзади голос Хруста.

Я стоял спиной к стойке и изучал нравы. Я взглянул через плечо. Хруст вернул мне взгляд, взгляд был озадаченный. Он не понимал, что происходит. Он думал, что я собираю дань от имени Организации, а я приносил, вместо того чтобы отбирать.

Сейчас я впервые видел этого гнома в по-настоящему удачный для заведения день. Почти всегда у Хруста было одно и то же выражение. Озадаченное. Всем.

— Кто эта брюнетка вон там, Хруст?

Он скосил глаза, но не мог ее разглядеть. Нашарил в кармане очки, прилепил их к носу и прижал пальцем ко лбу, как высохшую картофелину. Я удивился. Очки стоят дорого.

— Это новая девушка, мистер.

Так и есть.

— Сказать имя?

Ей мое или мне ее?

Он был озадачен, однако больше не высказывался, а тут появился Гулляр и сел рядом со мной на табурет спиной к стойке. Гулляр взял у Хруста кружку.

— Лучше уже не будет, Гаррет.

Я смерил его взглядом. Его лицо так же ничего не выражало, как и его тон. Может, он хотел сказать, что здесь рай на земле? Может, говорил о том, как идут дела в дансинге? Или это издевка? А может, он сам не знает что.

Я передал ему последний отчет Брешущего Пса. И сказал:

— Когда я сюда зашел в первый раз, здесь был Краск.

— Краск? — с внезапно возникшей подозрительностью переспросил Гулляр.

— Краск. Из Организации. Он разговаривал с музыкантами.

— Если вы так говорите, значит, так и было. Я ничего не помню.

Все он прекрасно помнил, а то бы вдруг не потерял память.

— Как раз когда я собирался уходить, вошла девушка. Она направилась к Хрусту, как будто что-то хотела ему сказать, но тут заметила Краска и неожиданно бросилась бежать.

— Если вы так говорите, значит, так и было. Я ничего не помню.

— Что вы можете о ней рассказать?

— Ничего.

Он сказал это очень твердо. Так твердо, что, если бы я стал настаивать, его твердость воздвигла бы между нами стену и я уперся бы в эту стену головой. В свое время я пробил башкой несколько стен. Теперь я знаю заранее, что разобьется быстрее: голова или стена.

Я бросил эту тему:

— Кто эта новая девушка?

Он пожал плечами:

— Они приходят и уходят. Они здесь не приживаются, никогда не знаешь, кто из них кто. Она называет себя Конфетка. Это не настоящее имя. А зачем вам?

Пришла моя очередь пожимать плечами.

— Не знаю. Она какая-то другая. Она тут развлекается.

— Бывают и такие. Делают это ради удовольствия. У всякой пташки свои замашки. Гаррет, — он постучал ногтем по отчету Брешущего Пса, — что в этой писульке? Старый хрен жив?

— Старый Брешущий Пес все тот же, только злится, что дождь не позволяет ему проповедовать.

— Хорошо. В следующий раз просто скажите мне об этом. Нет нужды каждый раз описывать на пятистах страницах, как он выдавил прыщ. Я оплачиваю расходы, но не на такое количество бумаги.

Я не смотрел на Гулляра. Он был не в лучшем настроении, но не хотел оставаться один. В Веселом уголке все такие. Они любят

проводить время с посторонними, не с клиентами и не с какими-нибудь опустившимися существами. Обитатели Веселого уголка просто хотят иногда почувствовать себя не хуже всех остальных.

Они и на самом деле не хуже. Может быть, даже лучше. Они знают жизнь лучше, чем те, кто покупает их время, или те, кто их осуждает. Они хуже лишь тем, что утратили иллюзии.

Гуляр тосковал по иллюзиям. Он желал отвлечься от этих вечеров, лучше которых не будет.

— Хотите, я расскажу вам историю? — спросил я.

— Какую?

— О хороших и плохих парнях и множестве смазливых девушек. О том, чем я занимаюсь, когда не подглядываю за Брешущим Псом.

— Давайте. Но не ищите у меня помощи.

Я изложил ему почти все, отредактировав некоторые подробности.

— Это страшно, Гаррет. По-настоящему жутко. Я думал, что знаю всех негодяев на свете, но это что-то новое. Бедные девочки. А эти бабочки!

— Бабочки. Не знаю, при чем они тут.

— Странно. Это действие проклятия. Или еще что-то. Может, вам надо найти какого-нибудь некроманта. Вот! Я знаю одного типа, он чудак, но хороший, называет себя доктор Рок...

— Мы встречались. Вряд ли он поможет.

Уж точно чудак! Рок скорее шарлатан, а не эксперт. Я так считаю. Но он и вправду наловчился успокаивать привидения. Если потребуется, я его приглашу.

Гуляр пожал плечами:

— Вам лучше знать.

— Да. Положение отчаянное. — Я посмотрел на счастливую брюнетку. — Во всех отношениях.

Я подумал, не извиниться ли перед Тинни. Судьба не хочет подкинуть мне что-нибудь взамен. Гуляр проследил за моим взглядом. И захихикал.

— Вперед, Гаррет! Может, повезет. Но вот что я тебе скажу. Конфетка любит поболтать, и этим все кончается. Она такая, ей достаточно знать, что, если она захочет, мужик будет ее. Она немножко подинамит тебя и начнет искать следующего.

— У меня так всю жизнь. — Я поднялся с табурета. — Зайду позже. У меня свидание с подгоревшей грудинкой

32

Когда Дин хочет, он творит чудеса. Несмотря на все обстоятельства, грудинка не пострадала. Специи и гарнир были выше всяких похвал. Я ел, пока не почувствовал, что скоро лопну. Затем, хотя было еще рано, я прогулялся по коридору и, стремясь поскорее забыться в мечтах, пошел наверх. Долгое путешествие в одинокую, холодную постель. Но вместо полных светлой печали звуков я услышал (мне всегда везет как утопленнику), как оркестр грянул увертюру.

Да. Это была не музыка души, это раздавалось: «Гаррет! Я жду твоего доклада». Не совсем увертюра. Но вроде того.

Спорить бесполезно. Чем быстрее отделаешься, тем раньше ляжешь спать.

Какое там спать? Едва я закончил рассказ о своем визите к Гуллэру, как получил:

«Я хочу, чтобы ты туда вернулся. Следующие девять вечеров ты должен посвятить Веселому уголку. Проводи время с этой Конфеткой».

— Зачем?

«У меня возникла любопытная мысль. Когда ты сказал, что Конфетка выглядит как не местная, я укрепился в своих подозрениях».

— Вот как! — Ловко. — А кто будет бегать по делам? Разыскивать наших злодеев?

«Думай о сегодняшнем дне. Ты будешь проводить вечера в Веселом уголке в поисках юных дамс Холма, которые забавляются тем, что изображают простолюдинок».

Он попал в точку. Конфетка. Дочка Чодо. Девушки из высшего общества, торчащие в низкопробных притонах. Ради удовольствия? Весьма вероятно.

— Если это какая-то прихоть...

«Я попрошу капитана Тупа еще раз посетить семьи убитых девушек. Видимо, я беседовал не с теми людьми. Сестры и подруж-

ки, должно быть, знают больше. Родители последние узнают о похождениях своих чад».

— Похоже, ты попал на след.

Только несколько жертв были знакомы друг с другом, да и то слегка. Но если сюда добавить сестер и подружек и страсть мотаться по трущобам, может сложиться общая картина.

«Может, ты и прав».

— Кого я должен искать?

«Девушек, внешность которых привлекает убийцу. Не исключено, что мы сможем угадать следующую жертву до того, как произойдет преступление. Через девять дней убийца снова почувствует необходимость утолить жажду. Если схема верна, если эти девушки просто играют, мы узнаем, как и где убийца выбирает жертвы. С помощью капитана Тупа мы будем следить за возможными жертвами и схватим преступника, когда он соберется нанести удар».

— Теперь я тебя обскачу. Но неужели обязательно начинать прямо сейчас?

«НОНЗ, Гаррет. Ты все время только и делал, что спал».

И то правда. Да и теперь я все равно слишком завелся, чтобы заснуть. Вполне можно по долгу службы выпить пива и поглазеть на девушек.

Черт возьми! Внезапно из этой путаницы проклюнулось кое-что интересное.

Ночью Танфер полностью преображается. Особенно когда нет дождя. Дождь перестал. На время. Я повесил плащ на руку и шел не спеша, изучая ночной пейзаж.

Ватаги мусорщиков из крысиного народца приступили к своим законным обязанностям — убирать территорию — и незаконным — тащить все, что плохо лежит. Домовые, гномы и прочие разновидности маленького народца сновали туда-сюда по своим делам. Порой меня удивляет, как столько народов могут жить бок о бок, почти не общаясь между собой. Порой я думаю, что в Танфере сосредоточилось множество городов и все они просто помещаются в одной и той же географической точке.

Я видел, как семейство троллей (видно, что деревенщина) тарашилось на достопримечательности. Я получил некое предложение от великанши с дурной репутацией, вероятно, эта женщина страдала от

простоя. Я столкнулся с шайкой орков, оседлавших красноглазых собак, которые больше напоминали волков. Раньше я никогда не видел орков. Нам было по дороге. Мы шли, обмениваясь байками.

Они были охотниками-следопытами. Специализировались на выслеживании беглых жен. Свирепые, несимпатичные существа, неуклонно идущие по старому следу. Орка, которую они разыскивали, была находчивее всех их, вместе взятых.

У них был план поимки. Они ни на секунду не допускали, что их может перехитрить какая-то женщина.

Похоже, жены у орков на вес золота, на одну женскую особь у них приходится пять-шесть мужских. Орки не признают многожужия, обобществления жен, гомосексуализма и тому подобного. Орки — настоящие мужчины. Треть из них погибает в поединках за женщину, не достигнув двадцатитрехлетнего возраста.

Я смотрел, как удаляются охотники, и у меня не было желания осуждать оркских жен за то, что они при первой возможности дают деру.

Мне встретилось несколько семей кентавров, беженцев из Кантарда, они работали носильщиками. Отличная мысль! Ослы с мозгами и руками, и не нужно грузчиков.

К кентаврам я отношусь не очень хорошо, так же, как к крысиному народу. Мой единственный знакомый кентавр был отъявленным негодяем.

Гномы шныряли повсюду. Днем и ночью Танфер кишит гномами. Трудолюбивые шельмы. Они помешаны на работе. Если бы они могли, они бы и спать перестали, только вкалывали.

Кого трудно увидеть ночью за пределами отдельных районов, так это людей. Если вы заметили человека, будьте осторожны. Вполне может быть, что его намерения не очень честны и благородны.

Обычно пропуском является внешность: если вы молоды, сильны и не выглядите, как легкая добыча, можете идти спокойно. Большинство людей будет вас сторониться. Только самые скверные и безумные сорвиголовы нападают на себе подобных.

Черт! У вас может создаться неправильное впечатление. Я говорю о поздней ночи, когда заканчиваются все увеселения. А сейчас еще рано. Люди гуляют повсюду. Я просто не видел их, потому что шел не по тем улицам, которые обычно выбирают для безопасности.

Иногда я искушаю судьбу.

В глухом переулке я присоединился к нескольким мусорщикам. Мимо нас, ворча и чертыхаясь, протопала группа великанов. Они шагали к северным воротам охотиться за громовыми ящерами. Ночь — лучшее время для охоты за этими тварями. Ночью они становятся медлительными. За шкуру громового ящера платят большие деньги. Из нее получается самая прочная кожа.

Великанов я тоже не очень люблю, но я пожелал им удачи. Перелет громовых ящеров на юг тяжело сказывается на фермерах, которые теряют поля и скот. К тому же всегда приятно, когда великан делает доброе дело. Это бывает не так уж часто.

33

Хруст узнал меня тотчас же. Он плюхнул на стойку кружку пива:

— Вы вернулись?

— Нет. Это мой гадкий двойник.

Он поразмышлял на эту тему и, так и не поняв, спросил:

— Хотите поговорить с Гулляром?

— Не возражаю. Если он не занят.

— Гулляр никогда не занят. Ему нечего делать.

И ушел. И опять не наступил на бороду. Хруст-волшебник.

Я бегло оглядел помещение. Народу стало меньше, но девушки были все заняты. Двух я видел впервые. Две из тех, что работали днем, ушли. Новенькие были блондинка и брюнетка, но иного типа, чем жертвы. Обе девушки на вид были не местные.

Возможно, Покойник прав. Возможно, эти девицы в поисках приключений околачиваются по трущобам.

Улицы не место для игры, разве что знаешь их как свои пять пальцев. Если спуститься с Холма и принести с собой тамошние высокомерие и самонадеянность, то лишишься не только их, но и жизни. На местный люд трудно произвести впечатление.

Конечно, на время спектакля актер забывает о своем превосходстве. Но только пока все идет гладко.

Гуляр проковылял утиной походкой к стойке, взгромоздился на табурет, отпил пива из поданной Хрустом кружки, осмотрелся по сторонам и пожал плечами. Рислинг Гуляр не знает разочарования. Этот человек мне по сердцу, он всегда ожидает худшего.

— Таскаешься по значным местам, Гаррет?

— Не совсем угадал.

— Не могу поверить, что тебе нравится наше заведение. Человеку с такой репутацией, как у тебя!

— Верно. Я сижу здесь из-за того, второго дела.

— Убийства? Ты не сказал мне, что вчера ночью произошло еще одно.

Все уже знали.

— За ужином я пораскинул мозгами. Я думал о Конфетке и другой девушке, которой здесь на днях не было и которую вы с Хрустом никогда не видели и не знаете. Мне пришло в голову, что богатые девицы просто для удовольствия изображают скверных девчонок. Как вон те блондинка и брюнетка. Они не похожи на здешних девочек.

— Что?

— Ты знаешь Вессель уголок, Гуляр. Ты знаешь, что здесь происходит. Ходят сюда богатые девушки, которые помирают со скуки, потому что их парни ушли на войну?

— Почему мне знать?

— Может, убийца, которого я ищу, выслеживает своих жертв здесь? Может, если я найду следующую мишень, я выслежу его самого.

— Ты что, нанялся в ангелы-хранители?

Я фыркнул.

— Ты отстал от жизни, Гаррет. Да, здесь околачиваются богатые девки. И не только малолетки. Те, кто хочет лишь прогуляться по краю пропасти. Такие идут в мое заведение. Есть и другие, бешеные, постарше, они под конец просиживают задницу в «Страстной ведьме», или в «Черном громе», или еще где-нибудь. Организацию они устраивают. Они нужны для дела. Клиенты хорошо клюют на благородных дамочек.

— Я разбираюсь в психологии.

— К сожалению, не все такие знатоки. К сожалению, не все. И это чревато бедой.

— Гм-м?

— Для дела полезно, чтобы все эти красивые барышни здесь крутились. В любую погоду куча денег. А когда узнают их отцы и мужья? Что мы получим тогда? А?

— Дельное рассуждение. — Родители будут не в восторге. И такова уж человеческая природа, что девушки свалят вину на других. Чем люди богаче, тем меньше им удастся привить отпрыскам ответственность за свои поступки. — Можешь прикинуть, сколько их здесь?

Много быть не может, а то бы на Холме уже забили тревогу.

— Я не шатаюсь повсюду, Гаррет. Я не пересчитываю всех головам и не вычисляю, кто и почему работает в Веселом уголке. Понимаешь, что я хочу сказать?

— Да.

— Но они выделяются. Люди болтают. По моим подсчетам, их не больше сотни. Большинство уже завязали. Осталось лишь несколько поздних пташек и таких, которые получают особый кайф от того, что их считают беспутными. Сейчас их едва наберется тридцать, в основном неисправимые. Девочки вроде моей Конфетки нынче редкость. Месяца через два все вообще заглохнет.

— Они найдут себе другую забаву.

Гуляр пожал плечами:

— Возможно. Я не беспокоюсь за богатых девиц.

— Взаимно. Они не беспокоятся за тебя.

Я наблюдал за Конфеткой. Вряд ли мне представится случай с ней поговорить. Она заарканила двух матросов. Если они позволяют себе лишнего, Гуляру или Хрусту придется их вышибить.

— Далеко собрался?

Орлиный взгляд Гуляра подметил, что я встаю.

— Думаю поглазеть на других девушек, если найду. Есть соображения, где искать?

— Тебе нужны только брюнетки? Типа Конфетки?

— В основном.

Гуляр задумался. Однако он не целиком сосредоточился на моем вопросе. Одним глазом он следил за матросами, с которыми сидела Конфетка. Он начинал злиться.

— «Хрустальная люстра». «Человек в маске». «Страстная ведьма». «У мамы Сэма». Время от времени я видел то, что тебе надо

во всех этих заведениях. Не ручаюсь, что ты встретишь этих девиц сегодня. Они приходят и уходят. И не отрабатывают полностью рабочий день.

— Спасибо, Гулляр. Ты настоящий гранд.

— А? В чем дело? — вдруг рявкнул Хруст. Он вышел из-за стойки с тяжелой дубинкой. — Что ты себе позволяешь, парнишка?

Гулляр покачал головой.

— Гранд! — крикнул он в ухо Хрусту. — Он назвал меня грандом. Извини его, Гаррет. Он читает по губам. Иногда не все разбирает.

Хруст отложил палку, но продолжал хмуриться. Он больше доверял своему воображению, чем словам босса.

Куда бы я ни пошел, мне всюду попадаются чудаки.

34

«Хрустальная люстра», судя по названию, претендовала на то, чтобы считаться заведением высокого класса. Девушки с Холма должны быть находкой для владельцев. В этот дансинг я отправился первым делом. Я пробыл там ровно столько, сколько потребовалось, чтобы проглотить кружку пива. Я понял лишь, что кому-то там знакомо мое лицо и не нравится моя профессия.

В «Человеке в маске» мне повезло больше. У меня там оказался приятель.

Это заведение тоже соответствовало названию. Перед тем как войти, посетители надевали маски. Обслуга тоже вся была в масках. «Человек в маске» стремился отвечать вкусам избранной публики.

Мой знакомый работал вышибалой, это был метис ростом под три метра, обладающий огромной силой, при наличии которой, как известно, не надо ума. Прежде чем он сообразил, о чем я его спрашиваю, я опорожнил три кружки пива. Но даже после этого он не стал бы со мной разговаривать, если бы не был мне обязан. Его слова ничего мне не дали. В «Человеке в маске» ошивалась лишь одна девушка, которая могла быть с Холма, — блондинка и такая испорченная, что владельцы ее боялись. Брюнеток он не видел уже давно. Последняя ушла, проработав всего два дня. Но он помнит, что ее звали Дикси.

— Дикси. Хорошо. Полезная информация. Спасибо, Клоп. Вот. Купи себе пива.

— У-ух, спасибо, Гаррет. Ты молодец.

Клоп всегда удивляется, когда ему делают что-либо приятное, даже какой-нибудь пустяк. Стоит посмотреть, как он удивляется, мне кажется, ради этого зрелища весь мир с радостью доставил бы ему удовольствие.

Я поплелся в «Страстную ведьму». «Ведьма» была странная даже для Веселого уголка. Я так и не понял, что это за лавочка. В заведении трудилась куча девиц, почти все они танцевали, почти все были не слишком обременены одеждой. Они были очень дружелюбны. Когда они думают, что вы сунете им в трусики лишнюю марку, они готовы ползать на брюхе. Они были доступны, но не для всех. Здесь действовала своего рода система повышения ставок. Девушки работали с посетителями: заставляли их напиваться, разжигали их похоть и набивали себе цену до самого закрытия. Ловкая девица могла при помощи уловок вытянуть из клиента больше, чем если бы она работала всю ночь обычным образом.

Чтобы выманить деньги у простаков, здесь применялись любые средства. Это Веселый уголок.

— Видал когда-нибудь столько голых баб сразу, Гаррет?

Я подскочил на месте. В таком заведении не ожидаешь встретить друга. Но это был не друг.

— Сити! Сколько лет, сколько зим. Нет. Никогда я не видел столько голых баб. И глаза бы мои на некоторых из них не смотрели.

Сити Билли Сумасброд вылитый шпик. Вид у него гнусный и трусливый. И он такой и есть. Сити шпионит за людьми и продает сведения всем, кто заплатит. Я тоже прибегал к его услугам, так мы с ним и познакомились.

Сити носил яркую одежду и уйму побрякушек. И курил трубку с длинным черенком. Он постучал черенком по зубам и показал трубкой на какую-то женщину.

— Вот на такую?

— Да. Толще не значит лучше.

— До первого потопа она была ничего. — Сити Билли Сумасброд думает, что уже был второй потоп. — Гаррет, ты здесь по работе?

Я не очень нуждался в помощи Сити, но сохранил с ним хорошие отношения. Это почти ничего не стоило. Для пользы дела мне лучше держать я поближе к кому-нибудь, кого все знают как дешевку.

— Торчал бы я здесь, если бы не по работе!

— Половина здесь присутствующих сказала бы то же самое.

Тут я понял, что Сити делает в «Страстной ведьме». Он работает: выматривает, кого бы потом заложить.

Я повторил:

— Да, я работаю.

— Может, я пригожусь?

— Может. Я ищу девушку. Особенную. Брюнетку от семнадцати до двадцати двух лет, рост от пяти футов двух до пяти футов десяти дюймов, привлекательную, с длинными волосами, из высшего общества.

— Скромные у тебя запросы, ничего не скажешь! Имя у нее есть?

— Нет. Это общая характеристика. Мне нужна любая женщина такого типа, которая работает в Веселом уголке.

— Да? А зачем?

— А затем, что какой-то гнусняк похищает их и выпускает из них кишки. Я хочу его разыскать и объяснить ему, почему общество считает такое поведение неприемлемым.

Сити так и впился в меня глазами, приоткрыв от возбуждения рот.

— Давай пройдем к столику, Гаррет. Я тут сижу с приятелями.

Я пошел за ним с опаской, это могло быть ошибкой. Сумасброд тепло. Начнутся сплетни. Если все девушки попрячутся и злодеи затаятся, я никого не поймаю.

Сити подвел меня к худшему столику в притоне. К стойке надо было посылать почтового голубя. Официанты могли заблудиться по дороге.

Два приятеля Сити выглядели еще противнее его. Дешевая показуха да еще усы.

Он закупил напитки на всю ночь еще до того, как стало темно.

— Садись, Гаррет. — Один стул был свободный. — Миксер, дай этому парню пива.

— Проклятие! — У Миксера тряслись руки. Лицо у него было, как у крысы. Оно вызывало отвращение с первого же взгляда. — Сити, ты что раздаешь наше пиво?

— Не будь болваном. Миксер. У нас дело. Может, потом он купит нам. Не плюй в колодец.

Миксер и Сити свирепо смотрели друг на друга, а третий мужчина пытался разгадать тайны пивной бутылки. Затем Миксер толкнул бутылку в мою сторону. Это была старинная каменная бутылка, коммерческие пивоварни больше такими не пользуются. Это означало, что внутри самое дешевое пиво, изготовленное каким-то мошенником-одиночкой у себя в погребе, напиток для самых бедных. Мой желудок взмолился еще до первого глотка.

Но меня не испугаешь. Нам, сыщикам, не страшно никакое пиво. К тому же я уже столько всего вылакал; мне, пожалуй, все равно что пить дальше.

Сити никого не представил. Так всегда бывает при уличных знакомствах. Никто не хочет, чтобы знали, как его зовут. Но обо мне Сити не заботился.

— Гаррет ищет типа, который умыкает девиц. — Он посмотрел на меня. — И режет их на части, да? Тот, о котором все говорят!

Я кивнул, глотнул из бутылки и был приятно удивлен. Чертовски хорошее пиво. Я нашел торговую марку. Она была не такая, как на других бутылках, значит, пивовар клеил на свое изделие любую этикетку, что попадется под руку. Плохо. Я сказал:

— Как я понимаю, он хватает богатых девочек, которые работают здесь для развлечения. Думаю, он сначала их отслеживает. Я хочу засечь его за этим делом, прежде чем он похитит еще одну.

Сити поглядывал на Миксера.

— Что теперь скажешь, болван?

— Я что-то упустил, Сити?

— Одну минуту, Гаррет.

Сити продолжал смотреть на Миксера.

— Ну?

Минута прошла.

— Я чувствую, за тобой стоит какая-то шишка, Гаррет. Отец какой-то девушки. А может, целая куча отцов. У кого-то больше денег, чем ума, и он готов заплатить, чтобы отомстить. Так?

— Что-то вроде того.

Если бы я сказал, кто мне платит, Сити с друзьями тут же задал бы стрекача.

— Кто-то отвалит чертовски крупную сумму, если ему принесут все на блюдецке с голубой каемочкой, да?

— Сомневаюсь, что ты с этим справишься, Сити. Ты морочишь меня. Просто слышал, что я всех расспрашиваю. И решил меня подоить.

Я ранил его в самое сердце. Сити Билли обиделся до глубины души.

— Гаррет! Дружище! Это же я! Твой старый приятель. Сити Билли Сумасброд. Я никогда тебя не подводил.

— Тебе не было смысла это делать.

— Ты просто не в духе. Ты же знаешь, я так не работаю.

Его ни разу не схватили за руку. Он работал по-всякому, если думал, что ему все сойдет с рук.

— Ладно. Я готов оправдать тебя за недостатком улики. Что ты знаешь?

— Я уже сказал: если ты не согласен, я ничего не знаю.

— Я не покупаю свинку в корзинке, Сити. Хватит с меня кошек.

Он до боли наморщил лоб. До него не дошло. В старые времена бессовестные крестьяне продавали легковерным гражданам молочных поросят в туго завязанных мешках. Как только мешок раскрывали, из него выпрыгивал кот.

— Хорошо, Гаррет. Я понял. Дело обстоит так. До вчерашнего вечера здесь работала девушка по имени Барби, как раз такая, как тебе нужна. Сегодня ее нет.

— Почему?

— Ставки поднимались до потолка, дьявольски высоко. И когда ей пришло время отработать свои деньги, вошли два парня, схватили ее и куда-то уволокли, но не наверх.

Может быть, эта ниточка куда-нибудь приведет. Но я не очень обнадежился. Я знаю Сити. Он сделает из мухи слона и продаст его за целое состояние.

— Ну и что? Ничего удивительного, что клиент, который столько заплатил, забрал свою добычу домой. И неудивительно, что он старался никому не показываться на глаза.

— Когда он повышал цену, он всем показывался на глаза. Грязный пьянчужка. Будто жил в канаве, а потом его немножко помыли, но не дочиста. Такие не делают большие ставки.

— Он жил в канаве.

Это сказал третий мужчина. Сити осклабился.

— Воробей рассказывал, что видел этого типа раньше, он был на самом дне. Что ни говори, это странно. Мы решили разнюхать, что к чему. Никогда не знаешь, что в жизни пригодится. А тут и ты, и тебе как раз интересно, что мы видели.

— Возможно, интересно. А что вы видели?

— Хочешь все за бесплатно, да? Хрен тебе, Гаррет. Нам тоже жить надо. Ты, видно, не знаешь, что тот, кто много хочет, мало получит.

Я сделал вид, что задумался. Потом выудил из кармана несколько мелких монет.

— Мне это интересно. Но тебе придется рассказать гораздо больше, чем ты поведал мне сейчас.

Сити обменялся взглядами с друзьями. Им пришлось положиться на его мнение. Это поставило их в такое положение, в которое, как я надеюсь, я никогда не попаду. Хоть убей, не пойму, как Сити удалось уцелеть за пять лет в Кантарде.

— Мы рискуем, Гаррет. Мы расскажем тебе больше, чем кому бы то ни было, только потому, что я тебя знаю. Потому что у тебя репутация честного человека.

— Не тяни резину.

— Я и не тяну. Какой нетерпеливый!

— Говори, Сити.

— Ладно. Всегда ты торопишься. Вот как было дело. Два типа увели Барби и запихнули ее в карету вместе со слизняком, который делал ставки. Только он как-то изменился. Стал жуткий. Она не хотела идти, но он ее схватил. Я подумал, может, ее выручить, но глаза у этого пьяницы стали странные.

— Зеленые?

— Да. Как зеленый огонь.

— Мне очень интересно, Сити. Но если это все...

— Миксер знает одного из типов, которые помогали запихивать ее в карету.

— Вот как!

— Я не то что знаю его, имей в виду, — сказал Миксер. — Но я его здесь видел. Он мне не приятель, как Сити. Просто я часто его видел.

— Теперь, ребята, вопрос на засыпку. Вы знаете, где его найти? Миксер сказал:

— Я знаю, где его конура.

Я бросил монеты на стол:

— Я скоро вернусь. Приведу одного парня, он с вами потолкует. Если вы свяжете нас с тем типом, мы набьем ваши карманы.

Я вышел, не дав им и рта раскрыть.

35

У Морли были гости. Мне пришлось ждать. Потом еще ждать. Потом еще. Пока я ждал, пришел Плоскомордый. Я помахал ему рукой. Он с хмурым видом подсел ко мне.

— Приободришься. Мне понадобится твоя физическая сила, — сказал я ему.

— Скоро?

— Прямо сейчас. Если только твои средства...

— Это не может подождать?

— Почему?.. Что случилось?

— Просто не хочется, Гаррет. Я не в настроении.

— С каких это пор настроение мешает тебе заработать?

— Ну, надавать кому-нибудь по морде не так приятно, как ты думаешь, Гаррет.

— Я знаю. Знаю.

— Откуда тебе знать? Ты никогда не лезешь в драку, разве только...

— Настроение позволит тебе получить несколько монет, передав сообщение?

— Наверное. Да, пожалуй. Это я осилю.

Я послал его за капитаном Тупом. Чем ждать до скончания века, когда Морли закончит свои игры, я пока обращаюсь к заинтересованному лицу.

Я ждал. Потом еще ждал. И еще. Я ждал столько, что успел протрезветь. Пришли Туп и Тарп, с них капала вода. Дождь полил снова. Я опять подумал, не начать ли торговать лодками. Морли, как видно, еще не устал от гостей, и я сказал:

— Черт с ним! Обойдемся без него. Пошли.

У Тупа полегчало на душе. Он считал, что сотрудничество с профессиональным убийцей может повредить его продвижению по службе.

Плоскомордый сказал:

— Я пойду с вами.

— Я думал, ты не в настроении.

— Может, настроение переменится.

— Там дождь.

— Там всегда дождь. Плевать.

Выходя под дождь, Туп тихо проговорил:

— Надеюсь, нам повезет. Мне это очень нужно.

— Да?

— На меня опять давят. Здесь это не чувствуется. На Холме сходят с ума. Некоторые переполошились так, будто венагеты уже у ворот. Мне надо что-то быстро предпринять. Что угодно.

— Вот что я вам скажу. Если у нас сейчас ничего не получится, передайте этим шишкам, чтобы держали своих дочек подальше от Веселого уголка.

— Дайте мне хоть какую-то надежду, Гаррет.

— Я не шушу. У светских девиц повальное увлечение. Шататься по трущобам и изображать шлюх. Их родителей это не обрадует, но это правда. Похоже, что наш убийца выбирает жертвы из богатых девушек, работающих в Веселом уголке.

— Это никого не обрадует.

— Пока еще это не вышло наружу. Вспомните, ни в одном рассказе о жертвах не говорится ни о чем подобном. Думаю, мы беседовали не с теми людьми. Наши свидетели ни о чем не знали и не догадывались, потому что трупы находили в других частях города.

— Возможно, кто-то что-то подозревал. Некоторые истории звучали так, будто свидетели очень старались представить умерших в хорошем свете. — Туп засопел, хмыкнул и откашлялся. Он был

простужен. — Если нам повезет, может, больше не придется иметь с этим дело.

— А если не повезет, может, нам удастся пустить слухи, так, чтобы вас не обвинили в недосмотре. Если девочки будут продолжать забавляться, все всё узнают.

Туп снова хмыкнул.

Я глянул через плечо. Чутье меня не обмануло. За нами следили.

— Вы взяли с собой помощников?

Туп оглянулся:

— Угу. Это мои подчиненные. Топорная работа, да?

— У них нет опыта.

— Я подумал, неплохо, если нас прикроют несколько ангелов-хранителей.

— А-а! Вы чувствуете себя неловко в Весслом уголке?

— Смейтесь, пока можете, Гаррет. Скоро все переменится.

Приятно слышать, да верится с трудом. Хорошим намерениям не пересилить многолетнюю косность.

Мы подошли к «Страстной ведьме». Перед тем как войти, я оглядел своих спутников. Тарп был на высоте. И Туп не выглядел, как блюститель закона.

— Нам предстоит беседа с настоящим отребьем. С вашего разрешения говорить буду только я. О чем бы ни шла речь. Ясно?

Плоскомордый сказал:

— Это камешек в ваш огород, капитан. Стоит этим ребятам заподозрить, кто вы такой, и они сразу слинянут. — Я с удивлением взглянул на Тарпа. — Я знаю Сити Билли Сумасброда, Гаррет. Это подонки из подонков.

— Я попытаюсь привести их сюда. Вы взяли с собой деньги? — спросил я Тупа.

— Немного. Я не дам им меня ободрать.

— У них не настолько развито воображение. Что для них состояние, для вас просто чаевые.

Я прошел в «Страстную ведьму». Веселье шло на убыль, но Сити и его дружки все еще сидели, посасывая пиво из каменных бутылок и выискивая, к кому бы придраться. И тут появился я. Сити проворчал:

— Я думал, ты о нас забыл.

— С трудом нашел нужного человека.

— А?

— Парня, на которого я работаю. Он хочет знать, что вам известно. Он тут на улице. Жаждет послушать. Деньги принес. Вы готовы с ним пообщаться?

— Сейчас?

— А ты хочешь ждать до бесконечности? У него нет времени.

— Почему он не хочет войти? На улице дождик.

— Он не хочет, чтобы его видели. Вам все равно мокнуть. Вы ведь покажете нам дорогу?

— Придется. Миксер! Позаботься о бутылках. — Это значит пополнить запасы. — Воробей! Пошли.

Я двинулся вперед. Сити и Воробей за мной, они будто ждали беды. У каждого рука в кармане рубашки. Там нож. Миксера не было у стойки, где он должен был пополнять запасы. Он исчез.

— Что психуешь, Сити?

— Подумай, Гаррет! Тут полно мокрых дел, кончают девок с Холма, а их папаши небось не хухры-мухры, не то что мы с тобой. Запросто напугаешься.

— Да, запросто. — Мне не очень понравилось, что он причислил меня к «хухры-мухры». Вот еще. — Но пока нет причин. Ваш рассказ поможет нам сделать так, что больше пугаться будет нечего.

— Да?

Он задумался, как бы выудить из меня побольше денег.

Из тени выступил Туп.

— Эти люди?

Плоскомордого видно не было. Кому-нибудь надо было следить за Миксером. Туп выглядел зловеще при тусклом свете. Это хорошо.

— Да. Они говорят, будто видели, как похитили последнюю жертву, которая называла себя Барби. Им показалось, что они узнали одного из похитителей.

Туп оглядывал Сити и Воробья.

— Ваши условия?

— А?

Я спросил:

— Сити, изложи свой план? И назови цену.

— Уф! Ох? — Сити стал смотреть по сторонам, не подслушивает ли кто, а может, прикрывает ли его Миксер. — Да. Значит, так. Половину платите сейчас. Мы показываем вам, где найти этого типа. Он дома, я знаю. — Видимо, он проверил, пока я ходил за Тупом. — Он никуда не уйдет. Вы платите вторую половину. Мы смываемся. И вы забываете, что когда-то нас видели.

— Неплохо, — сказал я. — Только вторую половину вы получите после того, как мы схватим этого парня и убедимся, что это тот, которого вы видели.

— Гаррет! Пощади! Он смекнет, кто на него навел.

— Если это окажется тот, кто надо, вам нечего беспокоиться о том, что он смекнет, — сказал Туп. — Сколько?

Сити пытался получше рассмотреть Тупа:

— Это шишка с Холма, Гаррет?

— Не думай, кто откуда. Думай о том, как заработать деньги.

— Ладно. Хорошо. Мы решили, что тридцать марок — это по-честному. По десять на каждого.

У скромных людей скромные мечты. Туп еле сдерживал улыбку. Он звякнул монетами и протянул мне три золотых по пять марок. Я передал их Сити, который принялся разглядывать их на свету, идущем от ламп «Страстной ведьмы».

— Че-ерт!

Его вдруг осенило, что он упустил редкую возможность.

— Слишком поздно, сынок, — сказал я, когда он начал что-то мямлить. — Ты сам назначил цену. Теперь пора отрабатывать.

— Уф! Ага.

И он пошел вперед.

36

Мы прошли, наверно, километра полтора и вступили в квартал, густо населенный в основном жителями, которые недавно приехали в Танфер. Вполне логично. Человек, которого мы искали, не мог быть старожилом. Только по неведению он впутался в такое дело.

Сити и Воробей подвели нас к узкому четырехэтажному дому, стоящему в середине сплошного ряда зданий с общими боковыми

стенами, муравейнику для бедняков, хотя и повыше рангом, чем другие. Тоска.

Облака разошлись, пропустив лунный луч. Никакого другого света не было, но я не жаловался. Хорошо, что дождь перестал, пусть даже ненадолго. Сити сказал:

— Верхний этаж, дальняя дверь. Снимает спальню, живет один.

— Сити, ты провел целое исследование.

Лицо хоряка растянулось в гаденькой улыбке.

— Я знал, что кто-нибудь заинтересуется этим субчиком.

Туп заворчал, но оставил свое мнение при себе. Даже неисправимые идеалисты знают, что жителям Танфера нельзя внушить мысль о гражданской ответственности. После того как они столетиями видели, что сливки общества заботятся только о себе, этот номер не пройдет.

— Верхний этаж, дальняя дверь, — думая о тяжелом подъеме по лестнице, пробурчал я. — Вот ублюдок — нет, чтобы облегчить людям жизнь.

— Твоя правда. Вытащите его на улицу, мы его опознаем, и все разойдемся по домам. Ладно?

— Ладно. Где Плоскомордый?

Тарп возник откуда-то из пустоты. Он тащил за руку прихрамывающего Миксера.

— Тут.

— Я просто хотел убедиться, что ты здесь.

За что он побил Миксера? Может, просто в сердцах.

Туп сказал:

— Рипли, осмотрите комнату.

Из темноты выплыли тени. Когда двое полицейских вошли в здание, Сити с дурацким видом вытаращил глаза. Он встал на колени рядом с Миксером и забормотал о жестоком обращении и недоверии. Я спросил:

— А если бы ты был на нашем месте, ты бы доверял такому, как ты?

Он не нашел ответа.

Подчиненные Тупа вернулись, тяжело дыша.

— Кто-то там есть. Он храпит. Там только одна дверь. Запасного выхода нет. Разве что через окно.

Тут встрял Сити:

— Есть еще выход. Если у него крепкие ноги, может прыгнуть на соседнюю крышу.

Я сказал:

— Если он спит, у него не будет времени, чтобы встать, открыть окно и прыгнуть.

— Сейчас проверю, — ненавязчиво намекая, что он знаток в таких делах, предложил Плоскомордый.

— Хорошо.

Мы с Плоскомордым и Тупом пошли наверх, а Рипли на всякий случай встал внизу. Мы старались не шуметь, но от предчувствия беды шаги становятся тяжелыми. Проходя мимо всех этих дверей, я ощущал внезапный страх и тревогу.

Второй полицейский ждал наверху. Туп прошептал:

— Все еще храпит?

Надо ли было спрашивать? Да, человек за дверью все еще храпел. Я в жизни не слышал ничего подобного. Эти сопение и рык достойны были считаться одним из чудес света.

— Осторожно, — предупредил я Плоскомордого.

Он кивнул.

Все расступились. Казалось, Тарп раздается в размерах, затем заряжается. Дверь взорвалась. Хотя я стоял прямо за Плоскомордым, не успел я оглянуться, как все было кончено. Тело ударилось о тело, храп перешел в приглушенный стон. Раздался голос Плоскомордого:

— Он у нас в руках.

— Тащи его вниз.

Тарп фыркнул. Туп осторожно прошелся по комнате и открыл окно.

— Рипли, мы поймали его. Иди к двери.

Мы гулко зашагали вниз. Я чувствовал, как за остальными дверями люди замерли от страха.

Чем больше я думал об этих людях, тем меньше мне нравилось то, что я делаю.

Когда мы вышли на улицу, наш пленник едва держался на ногах. Туп властным тоном спросил:

— Это он?

Сити и Воробей придвинулись ближе и снова спрятались в тень.

— Да, — сказал Воробей. — Это он.

Я спросил:

— Вы видели, как этот человек помогал затаскивать в карету девушку?

Я притворялся, и Плоскомордый мне подыгрывал. Я верил Воробью. Наш пленник был одним из громил, которые пытались увезти дочь Чодо. Очевидно, убийца был другой, а помощники те же.

— Это он, Гаррет, — настаивал Сити. — Чего тебе надо? Успокойся. И расплатись.

Подчиненные Тупа увели пленника. Туп расплатился.

— Вы знаете эту троицу, Гаррет? Если окажется, что это обман, я смогу их найти?

— Я их знаю.

Я все еще приберегал рассказ о том случае у Морли и не мог объяснить, почему я так верю Сити и его друзьям.

— Эй, Гаррет! Я хоть когда-нибудь тебя надул?

— Пока нет, Сити. Вы свободны. Гуляйте в свое удовольствие.

В этой части города десять марок — большие деньги.

Сити и его приятели вмиг исчезли, только их и видели. Пока у них есть деньги, их трудно будет найти. Пока.

— Хотите участвовать в допросе? — спросил Туп.

— Не очень. Только если вы считаете это необходимым. Я хочу лечь спать, больше ничего. Я переутомился, пока нашел эту ниточку. Мне будет интересно узнать, что он вам расскажет.

— Конечно, я вам сообщу. — Туп пожал мне руку. — Еще раз спасибо, Гаррет. Уинчелл! Пошли.

Я не сказал: «Всегда к вашим услугам, капитан», — боясь, что он поймает меня на слове.

37

Покойника все это нисколько не поразило. Он вообще поражается только, какой он умный. Он боится, что я зазнаюсь.

Однако когда я вернулся после того, как Туп и его команда с огромной помпой в присутствии многочисленных официальных сви-

детелей устроили налет на заброшенную пивоварню и схватили жутковатого старика, который, вне всякого сомнения, совершил недавнее убийство, Покойник смягчился. Нашли одежду и внутренние органы жертвы. Эти чудовища любят собирать сувениры. Нет нужды упоминать о том, что, прежде чем старика утихомирили, он выплюнул на всех целую кучу бабочек, и некоторые были ядовитые.

Утихомирили — значит умертвили. Еще раз. Я не углядел, как это произошло, но вид десятка полицейских, которых унесли на носилках, призван был показать, что Туп принял единственное правильное решение.

Покойник заметил:

«Надеюсь, капитан Туп предпринял должные меры предосторожности».

— Я тоже надеюсь.

«Прекрасно. Итак, дело, кажется, закрыто».

— Осталось только получить гонорар от Тупа.

«В самом деле. Остаток ночи в твоём распоряжении. Можешь спать да утра».

— Мы очень щедро распоряжаемся чужим временем, да?

«Утром ты должен возобновить расследование, как будто ничего не закончилось. Продолжай поиски мисс Контагью. Попытайся определить возможные жертвы. И попристальнее присмотришься к тому субъекту, которого вы сегодня задержали. У него могут быть сообщники».

— У него был сообщник. Но второй тип сбежал из города, пока мы арестовывали первого. Он жил в том же бараке. Но какого черта? Ты что, под конец свихнулся? Думаешь, мы взяли не того убийцу?

«Я уверен, что удача не изменила тебе и вы схватили того самого злодея. Но и раньше ты тоже поймал того, кого надо, а Смерть снова взмахнула косой».

— Ты думаешь, опять не подействует?

«Я бы очень хотел, чтобы подействовало. Но мудрость велит готовиться ко всему заранее: и к ухищрениям зла, и к беспомощности Стражи. Было бы замечательно, если бы все завершилось благополучно. Но если нет, нельзя будет терять ни минуты. Разве не так?»

— Как сказать! Я не сижу тут сложа руки и не фантазирую. Я бегаю взад и вперед, пока не упаду от усталости. Я иду спать. Разбуди меня, когда закончится война.

«Если случится худшее, ты пожалеешь, что вовремя не принял меры».

Конечно. Хорошо, я согласен. Можно поиграть еще. Просто на всякий случай. Это не повредит. Все равно больше делать нечего. А тут несколько очень миленьких милашек. Может, удастся подцепить одну, общительную и без бзиков.

Если остаться дома, придется проводить время с приятелями Дина. Когда эти старики уходят наверх и будто бы делают там ремонт, они выпивают столько пива, что дешевле нанять настоящую экономку.

38

В моей практике такого еще не было. Уму непостижимо. Покойника заело. Он держал дело мертвой хваткой, как голодная собака кость. И не отпуская.

Я предпочитал ходить по улице, мокнуть под дождем и заниматься беготней, чем сидеть дома и спорить. Особенно с Дином, который всегда принимал сторону Покойника.

Может, пришло время подумать о переезде?

Покойник заставлял Тупа рыться в протоколах. Туп теперь был нашим лучшим другом. Мы называли его белокурым пажем принца. Он был героем Холма. Его имя стояло первым в коротком списке кандидатов на пост главы новой, преобразованной, серьезной и многообещающей Стражи. Его нельзя было заставить только нам заплатить. Он решил зажать наши деньги.

Я не возражал, что он дружит с Покойником. Я не возражал, что он крепко завязан с принцем Рупертом. Но я собирался передать его дело в агентство по сбору долгов Плоскомордого Тарпа.

В то же время, кроме всего прочего, я продолжал захватывающую слежку за грозным возмутителем спокойствия Брешущим Псом Амато, которая заключалась в том, что я брал его отчеты, убирал из них «воду» и с несколькими уместными замечаниями отдавал Гулля-

ру, а тот, в свою очередь, — дочери нашего психа. Предвидя наступление хорошей погоды, Брешущий Пес уже с меньшим пылом писал автобиографические заметки. Я был ему за это благодарен; особенно он сократил свои записи после того, как начал готовиться к новому, более действенному, чем прежде, мероприятию, разработанному им с помощью Покойника.

Дни пробегаали быстро. Я слонялся по городу, пытаясь раздобыть сведения о преступлениях былых времен. Но ничего не нашел. Если этот путь и мог куда-нибудь привести, Туп хотел, чтобы успех принадлежал его гаврикам. Меня даже не допустили к общественным документам.

Вечера тоже пролетали мгновенно. Я заводил и терял друзей в Веселом уголке. Обитатели притонов с ужасом обсуждали то, что произошло с несчастными девушками, но еще с большим ужасом думали о том, что, если возможные жертвы будут сидеть в безопасности, благополучию заведений может прийти конец.

Общее мнение было таково: вы поймали убийцу. И не приставайте к нам.

Чтобы выгадать некоторых женщин из Веселого уголка, Покойник прибег к старому детскому средству — он стал посылать родителям анонимные письма.

Через шесть дней после удачного похода с Сити Библи Сумасбродом я сказал Покойнику:

— Я нашел девушку. В сущности, даже двух. Одна из них точно стала бы жертвой.

«Конфетка из заведения Гуллара, это ясно. А вторая?»

— Дикси Старр. Она работает в казино «У мамы Сэма».

«Дикси Старр?»

— Да. Она говорит, что это ее псевдоним. Барби единственная жертва, которая почти не изменила свое имя.

Последняя жертва оказалась некоей Барбарой Теннис, дочерью виконта, дальнего родственника королевской семьи, к которой принадлежал и принц Руперт. Мать Барбары была на дежурстве в Кантарде и наблюдала там за ураганами. Отца никакими силами нельзя было убедить, что его дочь продает свои прелести на аукционе и получает от этого удовольствие, но суровая действительность сразила его наповал.

— О Дикси я уже слышал в «Человеке в маске». Эта девушка непростая. Конфетка, наоборот, совсем бесхитростная девчонка. Думаю, будет нетрудно выяснить, кто она на самом деле. Мне кажется, она даже не заметит, если я прослежу, где она живет.

«А что с этой Дикси?»

— Я уже знаю, кто она. Это Эмма Сетниз. Ее отец и дед работали на мясоконсервном заводе и изобрели новый способ упаковки сосисок, продлевающий срок их годности. Они сколотили состояние на военных поставках.

«А о прежних преступлениях ты не узнал ничего полезного?»

— Туп не допускает меня к официальным документам. И, насколько я могу судить, он тоже не проявляет усердия. Что бы он ни говорил. Он слишком занят тем, что зарабатывает политический капитал и распространяет свое влияние на всю Стражу.

«Надеюсь, он изменит свое отношение».

Я готов был биться об заклад: Покойник что-то знает, но не хочет говорить.

И вот наступил рассвет, когда дождь перестал. Дин так разволновался, что разбудил меня. Я ругался и угрожал ему, но он победил. Он меня заинтриговал. Мне стало любопытно, как выглядит мир без дождя. Тело ныло и сопротивлялось, но я вылез из кровати и потащился завтракать.

На кухне Дин распахнул шторы и открыл окно.

— Здесь нужно проветрить.

Возможно. Я пожал плечами и стал пить чай.

— На улицах будет столпотворение.

Дин кивнул:

— Я должен выйти в магазин

Я кивнул в ответ:

— Если дождя не будет. Брешущий Пес устроит новое представление. Я не могу его пропустить.

Каждый горожанин найдет предлог, чтобы выйти на улицу, хотя знает, что все остальные тоже найдут предлог и тоже выйдут.

— По крайней мере город станет чистым, — заметил Дин.

— Да уж. Дождь шел достаточно долго, чтобы все промыть.

— Только бы снова не замусорили.

Он поставил на стол тарелку с сухим печеньем, горячим, только из духовки. У меня потекли слюнки, и я предоставил говорить ему одному.

Я не слышал, что он болтает, потому что отвлекся. Это случилось все чаще я чаще, по мере того как все больше и больше дам моего сердца становились дамами моего воображения. Подняв голову, я увидел, что старик пропал. Я в недоумении приподнялся на стуле. И тут услышал, как он идет по коридору и с кем-то разговаривает. Он открыл дверь. И кого-то впустил.

Надо с Дином поговорить как следует.

«Кто-то» просто должен был оказаться капитаном Тупом.

— Опять? — пробормотал я, но получилось довольно громко.

Дин поставил второй прибор и налил чай. Туп уселся и стал намазывать печенье медом. Я не обращал на него внимания.

— Я не уверен, Гаррет, — набив рот печеньем, сказал он, — но может опять случиться беда.

— Меня это не волнует. И не будет волновать. Меня волнуют только злостные неплательщики.

Туп вдруг по-настоящему разгорячился. Он решил, что мы пытаемся нажиться на его несчастье. Он прав. Но он сам определял условия.

И, учитывая его положение, я считаю, что он еще дешево отделался.

Перед тем как раскрыть рот, он постарался успокоиться:

— Гаррет, вы помните ножи из дома леди Гамильтон?

— Эти штуки для ритуальных жертвоприношений? Что с ними случилось?

— Они исчезли. Мы забрали их, когда обыскивали жилище Мота.

Мот был проклятый бродяга, которого нашли в заброшенной пивоварне.

— А дальше?

— Мы их заперли в арсенале при казармах. У меня там есть место для хранения улики. Позавчера я их там видел. Вчера вечером они пропали.

— Ну и что?

— Этой ночью убийца нанесет следующий удар.

— Фюйть! Правильно.

Я принял насмешливый тон, будто меня поразило, что полицейский оказался таким сообразительным.

— Капрал Элвис Уинчелл, который участвовал в облаве, вчера исчез. У него был доступ к складу оружия. Уинчелл и рядовой Прайс Рипли минут семь оставались одни с трупом убийцы, перед тем как он пошел в печь.

— И вы боитесь, что Уинчелл...

— Да. Мне снова нужна ваша помощь, Гаррет.

— Приятно, когда тебя ценят. Действительно приятно. Но вы обратились не по адресу. Разговаривайте с моим бухгалтером.

— С кем?

Он не понял.

— С Покойником. Но он тоже вас видеть не может. Я из-за денег, а он из-за того, что вы скрывали информацию.

— А-а. Опять об этом.

— Да, об этом. Это предел. У меня такое чувство, что, если вам удастся уговорить Покойника, он потребует плату вперед.

Туп не стал спорить. Он не осмеливался. Мы поняли, в каком он отчаянном положении. Я передал его Покойнику.

39

Я выскользнул из комнаты, пока они на меня не смотрели. Намечался долгий, скучный спор. Туп оказался еще недостаточно напуган.

Вести переговоры для Покойника развлечение. У меня более земные, более грубые вкусы. Может, не такие уж примитивные, но не интеллектуальные. Мне это всегда помогает в общении с дамами. Особенно если они не дамы.

Брешущий Пес пришел пораньше и не пустил религиозного маньяка, который занимал его место в последнее время. Когда я появился, маньяк стоял тут же. Он был мрачен и что-то бормотал. Амато возился со своими плакатами и не обращал на него внимания. Брешущий Пес был уверен в себе. Он хорошо подготовился.

Возвращение Брешущего Пса не прошло незамеченным. Обычно его зрителями становились чиновники, которые работали в этом районе. Они поглядывали на него и ждали, когда он начнет бушевать. Заключались пари. За время отсутствия Амато загорелся новой сумасшедшей идеей. Когда он объявился снова, лишь одному существу это пришлось не по душе.

В конце концов святой полоумный в ярости удалился.

Брешущий Пес стоял на ступенях Королевской канцелярии. В некотором смысле место он выбрал правильно. В прежние дни здесь еще заседал Суд справедливости, но времена изменились. Сейчас тут в основном занимаются хранением официальных документов, гражданских, герцогских и некоторых королевских бумаг. Пол-этажа присвоили чиновники, которые осуществляют набор в армию в этой части Каренты. Много лет назад эти служащие переехали из Военной канцелярии, их вытеснили конторы, отвечающие за военные поставки; эти конторы растут как на дрожжах, пока война разгорается все сильнее.

Здание Канцелярии это все, что осталось от империи, оно строилось в позднюю эпоху, очевидно, с намерением произвести впечатление. Чтобы достичь огромной медной двери главного входа, надо одолеть восемьдесят темных гранитных ступеней, которые тянутся вдоль всего фасада. Каждые двадцать ступеней заканчиваются ровной площадкой шириной футов десять. На площадках устроились торговцы и типы вроде Брешущего Пса. На ступенях Канцелярии вы найдете все, что можно продать с лотка.

Амато занимал место на первой площадке слева. Мимо него проходил основной поток людей, идущих в здание и обратно, к тому же Брешущий Пес стоял достаточно высоко, и его было хорошо видно и слышно с улицы.

Я пристроился у каменных перил на следующей площадке и кивнул Брешущему Псу. И получил в ответ улыбку. Он расставил плакаты. Всего их было четыре, каждый на палке с подставкой внизу, чтобы не упал.

Направляющиеся в Канцелярию и просто прохожие замедляли шаг и останавливались в ожидании начала представления. Несколько мелких служащих жались друг к другу и явно чувствовали себя неловко. Начальники прислали их сюда, чтобы они не упускали Амато из виду и дали знать, когда начнется потеха.

Брешущий Пес был не в себе и вел себя, как десяток котов, напившихся валерьянки, но у него есть свои почитатели.

Плакаты содержали традиционные надписи, которые должны были понравиться толпе, они повествовали о международном заговоре, в результате которого Брешущий Пес Амато лишился прав и состояния.

Перед тем как разразиться речью, Брешущий Пес убедился, что слухи о его возвращении передаются из уст в уста. Он подождал начала рабочего дня. Затем он заговорил медленно и негромко без мегафона, и пошел шепоток, что веселье начинается.

Я заметил то, что ускользнуло от моего беглого взгляда в прошлые разы. Рядом с Брешущим Псом стоял чайник для денежных пожертвований. Прохожие поражали меня своей щедростью.

Может, Амато не такой дурак, как я думал. Может, этих денег ему хватает на жизнь. Может, как раз деньги — цель его выступлений... Нет. Этого не может быть. Он бы жил гораздо лучше.

Он заговорил негромко, медленно и мягко, будто обращаясь к друзьям. Беседы с Покойником принесли плоды. Мягкий голос Амато привлекал публику, заставлял ее прислушаться. Я стоял сзади и не мог расслышать, что он говорит.

— Чудеса и знамения, — слегка повысив голос, произнес он. — Да! Чудеса и знамения! Время настает! Оно уже близко! Нечестивцы предстанут во всем своем безобразии. Их разоблачат и искоренят, а мы, кто столько страдал, кто нес на плечах непосильное бремя, так что спины теперь сгорблены, мы получим воздаяние за свои муки.

Я огляделся по сторонам. Что, если кто-нибудь тут меня знает? Слова Брешущего Пса звучали подозрительно, словно он собрался подстрекать народ к бунту. Присутствие здесь может испортить мне карьеру. За подстрекательство к бунту можно на самом деле загнать в тюрьму, если по глупости вести такие разговоры на ступенях Канцелярии, а не в ближайшем трактире у стойки бара. На улице середь бела дня эту трепотню могут принять всерьез, не как простое брюзжание.

Ха! Обдурили тебя, Гаррет!

Все услышали про сгорбленные спины и пришли к тем же выводам, что и я. Толпа притихла и ждала, когда Брешущий Пес провалится в болото по колено, а затем завязнет по уши.

Почему разумным существам доставляет такое удовольствие смотреть, как гибнут их ближние?

И тут Брешуций Пес повернулся на девяносто градусов.

— Они украли мои дома. Украли мои земли. Украли мои фамильные титулы. Ныне они стремятся украсть у меня доброе имя, чтобы заткнуть мне рот. Надеюсь заставить меня замолчать, они посадили меня в Аль-Хар. Они запугивали меня. И, лишив меня всего, они забрали даже плакаты, напоминающие им, кто я такой. Они забыли, кого они приговорили к заточению. Но Кропоткин Ф. Амато не сдается. Кропоткин Ф. Амато будет бороться до последнего вздоха.

Все это были старые фокусы, кроме упоминания о тюрьме. Публика начала расходиться. Но тут он сделал то, чего еще никогда не было. Он назвал имена. И начал с гордым видом покачиваться взад и вперед, размахивать руками и кричать от гнева. Я опять подумал, что он роет себе могилу, но потом понял, что он лишь назвал имена, которые у всех на слуху. И не сказал об этих людях ничего предосудительного; он просто назвал их в таком контексте, что мысль об их виновности возникала сама собой.

Этот человек чертовски умен.

40

— Этот человек чертовски умен.

Я подскочил так, что чуть не стукнулся головой о низкие облака.

— Я хочу сказать, что он, ловко пользуясь правдой в мелочах, создает большую ложь.

У меня за спиной вдруг откуда-то появился Краск. Я рявкнул:

— Какого дьявола ты меня пугаешь?

Он усмехнулся:

— Потому что смешно смотреть, как ты прыгаешь.

Ему и впрямь было смешно. Он будет все время меня пугать, пока в один прекрасный день не встретит с ножом и не напугает настоящего.

— Чего тебе надо?

Настроение у меня испортилось.

— Мне ничего не надо, Гаррет. Мне никогда ничего от тебя не надо. Надо Чодо. Ты ведь знаешь, я просто мальчик на посылаках.

Правильно. А саблезубый тигр — просто маленькая киска.

— Ладно. Чего надо Большому Боссу?

Я старался одним глазом следить за Брешущим Псом. Теперь Амато с пеной у рта обличал и поносил всех и вся и привлек, кажется, самую большую аудиторию за все время своей деятельности. Но я не мог думать об Амато, когда так близко был Краск.

Краск сказал:

— Чодо хочет поговорить о девушке.

— О какой девушке?

— Не прикидывайся. Это его дочка. Неправильно, что она торчит в Веселом уголке, что бы она там ни делала. Это нехорошо. И может открыться.

— Если тебе это не нравится, скажи ей, чтоб прекратила.

— Вот опять. Какой умный! Ты ведь знаешь, что все не так просто, Гаррет.

— Разумеется. Она не какая-нибудь уличная девчонка, чтобы отшлепать ее по попе да пересчитать несколько ребер за то, что плохо себя ведет.

— У тебя слишком длинный язык, Гаррет. Я уже давно говорю Чодо, что надо укоротить тебе язык. Сначала Чодо этого не замечал. Но теперь, наверное, заметит. Если во время встречи с ним ты не будешь держать свой длинный язык за зубами.

Я всегда так и делал... Во время встречи? Еще одна встреча со старым хрычом не входит в мои планы. Я так и сказал Краску.

— Всем разрешается иметь свое мнение и даже мечтать. Но иногда мечтам приходит конец, Гаррет.

Я быстро огляделся. Краск был не один. Само собой. Он привел на подмогу столько дружков, что они смогут притащить силой трех-четырех несговорчивых парней моего роста и веса.

— Думаю, в твоих словах есть доля истины.

Я выпрямился и махнул ему рукой, чтобы шел вперед.

Я прикинул, не пуститься ли наутек. Смешавшись с толпой, обступившей Брешущего Пса, побег совершить легко. Но я чувствовал, что мне ничто не угрожает. Пока. Если бы я возглавлял список врагов Большого Босса, меня бы уже убрали. Чодо и его

главные помощники убивают сразу, не рассусоливают. Они не теряют времени, не мучают своих жертв, разве только изредка, когда им выгодно убивать кого-то через час по чайной ложке.

— Жалко пропустить конец представления.

Я кивком показал на Брешущего Пса.

— Ага. Старый дурак в ударе. Но дело есть дело. Пошли.

Наша ближайшая цель стояла у обочины дороги на углу Канцелярии. Это была черная карета, похожая на ту, в которой разъезжал старик, изрыгавший бабочек. Личная карета Чодо Контагью.

— Сколько у него таких?

Не так давно я выпрыгнул из подобной кареты за несколько секунд до того, как на нее опустился позавтракать громовой ищер вышиной с трехэтажный дом.

— Это новая.

— Я так и думал.

Карета выглядела и пахла, как новая. Опытного сыщика не обманешь.

Та, предыдущая, поездка произошла по недоразумению и очень меня раздосадовала. До такой степени, что я решил пристукнуть Чодо прежде, чем он снова пришлет за мной. Я объединился с Краском, чтобы сделать дело наверняка.

Но Чодо был все еще жив и продолжал вершить делами.

Я не мог этого постичь.

Краск умен, но не очень разговорчив. От подножия Холма до поместья Чодо длинный путь. Уйма времени, чтобы подумать о смысле жизни. Путешествуя с Краском и еще парочкой ребят, лишенных даже мозгов, поневоле ударишься в философию. Выбор развлечений у них небогат: кто дальше плюнет да обмен нелепыми сведениями из области женской анатомии.

Как я ни старался, дальше этого мы не пошли. Из беседы с Краском я вынес лишь неопределенное впечатление, что все гораздо сложнее, чем он мне сообщил.

Вполне разумно с его стороны, если он собирается свернуть мне шею. Свинью не предупреждают, что пришло время коптить колбасу. Остается лишь утешаться тем (если это можно назвать утешением), что, насколько я знаю Краска, он не стал бы тратить столько усилий на то, чтобы меня пришить.

Я не был у Чодо с той ночи, как мы с Уингер ворвались в поместье Чодо с желанием ускорить отбытие Большого Босса в мир иной. За это время ничего не изменилось, только отремонтировали то, что мы тогда сломали, да поставили охранять территорию новое стадо маленьких громовых ящеров, которые должны были питаться незваными гостями.

— Все как в старые времена, — пробормотал я.

— Мы добавили парочку новых штучек, — злоредно усмехаясь, поведал мне Краск; он словно надеялся, что я не поверю и начну проверять.

Ему было бы очень смешно, чувство юмора у него специфическое.

41

Как и в старые времена, гости ожидали Чодо в бассейной. Эту комнату так называли, потому что в ней помещалась огромная ванна. Я видел океаны меньше этой ванны. Она была с подогревом. Обычно (этот раз был исключением) по краю ванны в качестве украшения стояли несколько голых красоток, добавляя последний штрих к атмосфере декаданса.

Пока мы ждали, я спросил:

— А где милашки? Мне их не хватает.

— Их нет. Чодо не хотел, чтобы они тут вертелись, пока в доме жила его дочь. А теперь он так и не собрался взять их обратно.

Что это значит? Что дочь здесь больше не живет?

Терпение, Гаррет. Все выяснится.

Появился Чодо, слегка изменившийся. Он ехал в своем инвалидном кресле, колени завернуты в одеяло, оно спускалось и закрывало ноги. Руки, похожие на заплывшие жиром клешни, сложены на коленях. Я не видел его лица. Голова свесилась вперед и раскачивалась из стороны в сторону.

Кативший кресло Садлер остановился в дальнем конце бассейна, наклонился и откинул голову Чодо назад, чтобы она не болталась. Я никогда не видел Чодо в добром здравии, но теперь он, казалось, просто разваливается. Он выглядел так, будто его отравили мышьяком, и вдобавок он страдает от сильного малокровия,

так как к нему привязались вампиры. Кожа у него была почти прозрачная.

Он был тщательно подстрижен и одет так, точно собирался на обед к королю, и от этого вид его ужасал еще больше.

Я двинулся вперед. Краск схватил меня за руку.

— Стоп, Гаррет!

Садлер склонился к правому уху Чодо:

— Мистер Гаррет здесь, сэр.

Садлер говорил тихо. Я едва слышал его.

Выражение глаз не изменилось. Никаких признаков того, что он меня узнал. Не похоже, что он вообще меня видит. Зрачки не двигались, взгляд ни на чем не сосредотачивался.

Садлер наклонился вперед, как будто для того, чтобы Чодо что-то сказал ему на ухо. Послушав, он выпрямился.

— Он хочет узнать о своей дочери. — Теперь игра шла в открытую. — Все, что тебе известно. И все твои соображения.

— Я уже сказал...

— Он хочет услышать сам. Со всеми подробностями.

Бред какой-то. Может, они считали, что я не замечу. А может, им было все равно, замечу я или нет. Губы Чодо не пошевелились.

Он не произнес ни слова, только слюни текли.

Я вспомнил тот вечер, когда мы попытались дописать последние строчки в истории Чодо. Мы — Краск, Садлер, Уингер и я — обложили Большого Босса вместе с ведьмой, за которой он охотился. Прежде чем мы с Уингер вломились в дом, ведьма улетела, на прощание нанеся последний удар — она стукнула Чодо кулаком по лицу. На пальце у нее был перстень со змеиным ядом.

Вот так. Чодо не убили, но яд сделал свое дело.

К радости Краска и Садлера. Когда это случилось, они должны были счесть себя любимцами богов. Их первоначальный план состоял в том, чтобы прикончить Чодо и, пока никто не очухался, захватить власть в Организации. Как известно из истории, это наиболее часто встречающийся способ передачи власти в преступном мире. Но этот способ означает длительную борьбу, в ходе которой уничтожаются возможные соперники.

А в данном случае не возникало вопроса о наследниках. Чодо был жив. Краск и Садлер делали вид, что он все еще руководит, а сами понемногу брали бразды правления в свои руки.

Театр абсурда.

Я стал им подыгрывать.

Не подыгрывать им было бы, с их точки зрения, особо тяжким преступлением.

Обычно в сложном положении я действую правильно. Я себя не выдавал. Я разговаривал с Чодо через Садлера, словно не видел в этом ничего странного.

Я подробно рассказал им о серии убийств и о молодых женщинах, зачистивших в Веселый уголок. Иногда лучше всего сказать правду.

— Ты видел ее в последнее время? — спросил Садлер.

— После того случая у Гуллера — нет.

— Ты не пытался ее выследить?

— Зачем? Нет. Когда я узнал, кто она такая, я потерял к ней интерес.

— Ты не так глуп, как кажется, — проронил Красск.

— Как и ты. Это защитная окраска.

Садлер взглянул на меня с подозрением:

— Ты должен был знать, кто она, после того, как видел ее в заведении Дотса.

— Я просил Морли связаться с вами, потому что девушка может что-то знать и ее показания позволят остановить убийцу. И я не думал, что надо ее выслеживать для того...

Садлер меня перебил:

— Ты сказал, что убийца мертв.

Он твердо решил меня подловить.

— Может быть. Мы надеемся. Но раньше убийца тоже был мертв. Однако убийства продолжались.

— А сейчас?

— Ножи для ритуальных жертвоприношений пропали. Полицейский, который находился рядом с трупом и имел доступ к ножам, исчез. Возможно, это ничего не значит, но зачем рисковать? Я нашел двух женщин, которые напоминают предыдущих жертв. Мы будем их охранять.

Интересно, достаточно ли убедительно это прозвучало?

Садлер наклонился к Чодо и долго простоял так, хотя губы Чодо даже не дрогнули.

— Да, сэр. Я скажу ему, сэр. — Он выпрямился. — Чодо говорит, что для тебя есть работа, Гаррет. Он хочет, чтобы ты нашел его дочь. Он хочет, чтобы ты привез ее домой.

— При всех своих возможностях он не может ее найти?

— Он не желает, чтобы знали, что он ее ищет.

Краск сказал:

— Он не может сам ее искать, Гаррет. Это значит признать, что он не хозяин в семье.

Да. И все начнут интересоваться, почему она сбежала.

— Понятно. — Я повернулся, походил для вида взад и вперед и наконец остановился. — Я берусь за это дело. Но для начала мне надо опереться на какие-то сведения. А я не знаю даже, как ее зовут.

— Белинда, — сказал Краск. — Но она будет под другим именем.

Яйца курицу учат.

— Белинда? Ты шутишь? Кого сейчас зовут Белинда?

— Это в честь старенькой бабушки Чодо. — Краск даже не улыбнулся. — Она воспитывала его, пока он не смог позаботиться о себе сам.

У Краска сделался отсутствующий взгляд. Уж не тоскует ли он по старым временам? Чодо лет на десять старше его, так что они не могли вместе носиться по городу, но Краск и Садлер, как большинство подручных Чодо, до того как прийти в Организацию, были уличными мальчишками, а потом проходили специальное обучение за счет Короны в университетах Кантарда.

— Я берусь за это дело, — повторил я.

Оказавшись лицом к лицу с Большим Боссом, я обычно веду себя решительно. Единственная моя слабость — любовь к жизни.

Садлер наклонился к Чодо и с показным удивлением слушал.

— Да, сэр. Я прослежу за этим, сэр. — И, выпрямившись, добавил: — Я получил указание выдать тебе сто марок вперед в счет гонорара и оплаты расходов.

И чего все эти люди суют мне деньги, может, пришла такая пора?

— Считайте, что я уже приступил к работе, — сказал я. — Только надеюсь, мне не придется переться домой пешком, это километров пятнадцать.

Вот так — намеками, намеками. Но не настаивать. Мне ужасно хотелось смыться. И поскорее. Пока не возникло что-нибудь еще.

42

На обратном пути я долго размышлял и пришел к выводу, что, если я разыщу прекрасную Белинду Контагью, это может обернуться против меня.

Как только Краск и Садлер до нее доберутся, они захотят от меня избавиться.

Возможно, именно потому, что они решили отправить меня к праотцам, они и выбрали меня на эту роль. Хотя могли бы и догадаться, что я и так уже слишком много знаю. Чтобы придать себе оптимизма, я решил полсжиться на их сообразительность.

Итак, меня спасает лишь то, что я еще не нашел девушку. Пока она будет в бегах, мне обеспечена чудесная жизнь.

Чем дальше я думал, тем больше убеждался в том, что мне надо упростить свою жизнь. За всеми следить глаз не хватит.

Когда я вернулся домой, была уже ночь. С наступлением темноты пошел дождь, и это меня почему-то удивило. Вроде ничего странного.

Я взошел по ступенькам крыльца, вычисляя, как бы мне отыскать Белинду Контагью и скрыть это, пока я не разберусь с Краском и Садлером.

— Где вы были? — спросил Дин, прежде чем дверь открылась достаточно широко, чтобы меня впустить.

— Ты мне кто, мать родная? Тебе до всего есть дело? Почему ты встречаешь, когда я разговариваю с Его милостью?

Неплохо бы еще отпустить несколько колкостей насчет ведения хозяйства. Так хочется, чтобы в доме было чисто, но при этом чтобы ничего не делать самому.

Дин видел меня насквозь. Он был стар и медлителен, но отнюдь не дряхл. Он фыркнул и отправился на кухню, но у двери кабинета остановился:

— Чуть не забыл. К вам пришли. Ждут в маленькой гостиной.

— Да?

Небось новая кошка, которая исцарапает мне все ноги? Или Брежуший Пес с ночным донесением?.. Нет. Амато был бы в комнате напротив, они с Покойником обмениваются безумными идеями. Проповедники?

Есть только один способ выяснить.

Я открыл дверь.

Время шло. Я пришел в себя, лишь когда женщина вспыхнула:

— Что, так понравилась? Или ты язык проглотил?

— Простите. Я ожидал увидеть не вас.

— Тогда нечего пялить глаза, как шимпанзе. Невидаль какая!

— Ваш отец только что нанял меня для того, чтобы я вас разыскал, Белинда. В своей обычной вкрадчивой манере он предложил мне эту работу и лишил меня всякой возможности отвергнуть его предложение.

Она тут же притихла и уставилась на меня.

— Его кучер привез меня домой. — Я вернул ей взгляд. Мне понравилось то, что я увидел. Ее внешность радовала глаз. Она по-прежнему любила черный цвет. И он по-прежнему ей шел.

— В черном вы выглядите замечательно. Немногим женщинам так идет черный цвет.

Она была хороша в чем угодно или без всего. У нее все было на месте, хотя у меня создалось впечатление, что она старается спрятать свои формы.

И тут замяукала кошка.

Интересно, где Дин прячет эту зверюгу.

В этот вечер Белинда не была похожа на жертв нашего маньяка. Короткие, цвета воронова крыла волосы оттеняли бледность кожи и яркость губной помады и по контрасту с ними выглядели совершенно необыкновенными. Я подумал, что, возможно, эта бледность — семейная особенность, и через несколько лет Белинда будет походить на своего отца. Сейчас она была такая, как у Морли, а не такая, как у Гуллара, хотя и там, и там она была очень хороша. У Гуллара она, наверное, носила парик, и он делал ее в точности похожей на жертвы убийцы.

О эти женщины, они загадочны и многолики!

И все-таки я люблю их, да, люблю, несмотря на все их хитрости. Белинда встала, будто собираясь удрать.

— Мой отец? У моего отца...

— Ваш отец не вполне в твердой памяти и утратил способность самостоятельно передвигаться. Его помощники напали на меня, привезли к нему в поместье и разыграли целый спектакль, чтобы показать, что они исполняют его волю. Ах! Извините меня. Я Гаррет. Дин сказал, что вы хотите меня видеть. Я очень рад. Я мечтал с вами встретиться с того самого вечера в «Домике Радости».

Она была в недоумении:

— В «Домике Радости»?

Она начала боком, едва заметными шажками двигаться к двери. Она уже не хотела меня видеть.

— Несколько недель назад. В Зоне безопасности. Вы вбежали и похитили мое сердце. А потом какие-то хулиганы пытались похитить вас. Помните? Большая черная карета. Старик с зелеными глазами, изрыгающий бабочек. Похищение кончилось как в сказке: доблестный странствующий рыцарь спасает несчастную девушку.

— Вы, наверное, сидели на диете. Тогда вы были сантиметров на десять выше и весили килограммов на двадцать пять больше.

— Ха! Ха! Это Плоскомордый. Мой приятель. Он мне немного помог. Когда вы убежали, даже не сказав «спасибо», мое сердце разбилось.

— Спасибо, Гаррет. Вы загораживаете проход.

— Серьезно? Вы шустрая. Я сказал Плоскомордому, что вы шустрая. И я всем сказал, что вы умная. В чем дело? Я загораживаю проход? Но я думал, вы хотите меня видеть.

— Это было до того, как вы сказали, что работаете на мерзкую парочку.

— Разве я так сказал? Я этого не говорил. Я не мог этого сказать. Обо мне давно всем известно, что я отказываюсь работать на них и на вашего отца, хотя несколько раз я по недоразумению кое-что для них делал.

Я попытался растянуть рот в своей знаменитой мальчишеской улыбке, от которой девичьи сердечки начинали выскакивать из груди.

— Хватит молоть чепуху, Гаррет. Выпустите меня.

— Не вижу необходимости.

— Вы не потащите меня к этим мерзавцам?

— Ни в коем случае. Зачем мне это? Если я это сделаю, за мою жизнь никто не даст и ломаного гроша.

— За мою тоже. За мою особенно. Не знаю, как за вашу. Выпустите меня отсюда.

— Не выпущу, пока не услышу, зачем вы пришли.

— Теперь это не имеет значения. Вы не тот человек, который мне нужен.

— Потому что я знаком с Краском и Садлером? — Я пожал плечами, будто пытался встряхнуть разбитое сердце. — Что подлаешь, я не идеал. Но вы как раз та девушка, которая мне нужна. Я искал вас несколько недель.

— Зачем?

— Хотел расспросить о людях, пытавшихся вас похитить. Вы единственная жертва, которой удалось бежать.

Она побледнела по-настоящему. Я не ожидал такой реакции. Она спросила:

— Что вы имеете в виду?

— Вы слышали об убийце, который вешает девушек и вырезает у них внутренности?

— Что-то слышала. Но не обращала на эти слухи внимания.

— Странно. Я бы на вашем месте обратил на них внимание после того, как кто-то чуть не увез вас силой.

— Это были они?

Она вдруг помрачнела. Стала суровая, как ее отец.

— Да.

— О-о.

Она произнесла это тихо. И каким-то дурашливым голосом.

— Только мы с вами видели убийцу и остались живы. — Зачем ей напоминать о Плоскомордом? — И я видел его всего секунду. Вы, должно быть, больше общались с ним и его подручными. Ведь вы появились у Морли, потому что они за вами гнались.

— Время от времени я работала в танцзале у Рислинга Гуллара. Не знаю зачем. Просто так. Я там только танцевала. Я знала, что некоторые девушки назначают там свидания.

— Я слышал об их проделках.

— Однажды вечером... в тот вечер двое мужчин пытались меня увезти. Они сказали, что их босс меня приметит. И хочет со мной встретиться. Мне хорошо заплатят. Я сказала «нет». Они настаивали. Я послала их подальше. Они меня не слушали. Гулляр вынужден был их вышвырнуть. Но они не ушли. Они попробовали схватить меня после работы.

Весьма правдоподобно. Есть мужчины, которые думают, что женщина говорит «нет» просто от застенчивости, потому что есть женщины, которые действительно говорят «нет» просто от застенчивости. Судя по тому, что я видел в тот вечер у Морли, у тех ребят не было большого опыта.

— Но при чем тут «Домик Радости»? Бежать в такое место!

— Морли Дотс. Я надеялась, что его репутация их отпугнет и у меня будет время подумать. Потом, когда они вошли, я надеялась, что Дотс взбесится из-за того, что они вторглись в его заведение.

— Так и было.

— Я не могла бежать к людям отца. Мне пришлось бы объяснить, что я делала в Веселом уголке.

— А тот тип, который так хотел с вами встретиться?

— Я думаю, это он был в карете. Я видела его один раз.

Так! Замечательно! От нее не будет никакого толка, если только Покойник не найдет чего-нибудь такого, что она знает, но не помнит.

— Прекрасно. Теперь начнем все сначала. Итак! Хотя вы потом и передумали, зачем вы ко мне пришли? Что случилось?

Она пристально меня разглядывала.

— Мне кажется, он опять за мной охотится. По крайней мере этот тип такой же учтивый и посылает вместо себя слуг. Я испугалась. Я слышала, что вы честный. И подумала, что вы сможете его отвадить.

У Изрыгателя бабочек, правда, не было хороших намерений, но был хороший вкус. Белинда была одета скромно, но все равно видно, что она красавица. Красота, наверное, досталась ей от матери. Чодо красотой не отличался.

— Я помогу его отшить. Но почему вы передумали? Потому что я упомянул вашего отца?

— Из-за Краска и Садлера. Я не позволю им извлекать выгоду из того, что произошло с отцом. И они это знают.

Сказать ли ей, какую роль в этом сыграл я? Что. Краск и Садлер лишь воспользовались стечением обстоятельств? Нет, не стоит, это не лучшая стратегия.

— Мы с этими мерзавцами всегда друг друга терпеть не могли. Еще когда они ходили в главных помощниках вашего папаша и все норовили вырваться из узды, они мечтали со мной рассчитаться. Теперь они дорвались. Жаль, у меня нет времени ими заняться. Я должен сосредоточить внимание на этом убийце. Он готов ударить снова.

Она опять расстроилась.

— Значит, Стража его не арестовала. А только недавно капитан, как его там, устроил вокруг этого столько шума.

— Капитан Туп. Его радость была преждевременной.

Я поведал ей о двух убийцах и попросил рассказать о парочке, чья сладкая болтовня произвела на нее такое впечатление, что она прибежала ко мне.

Я кое-что узнал. Белинда Контагью была так же невнимательна, как ее отец.

— Я не поняла. Почему убийства продолжаются?

Я пожал плечами:

— Творится черт знает что.

— Черт знает что творится кое у кого в голове. Вы поймали не того, кого надо.

Странно. Почти все время Белинда вела себя, как уличная девчонка, и, казалось, чего еще можно ожидать от дочери головореза? Но неожиданно в ее манерах проскальзывало что-то, подозрительно напоминающее утонченность. Она всегда жила вне дома, местонахождение ее скрывалось, потому что Чодо не хотел, чтобы его дочь стала заложницей его богатства. Я подумал, что именно в то время ей и привили замашки светской дамы.

— Мы поймали того, кого надо, Белинда. Оба раза. В этом нет сомнения. Убийцы любили собирать сувениры, и у людей, которых мы взяли, обнаружили эти улики. В этот раз мы представляем, на кого могло перейти проклятие, если оно переходит от одного человека к другому, но не можем найти этого человека. Мы примерно знаем,

когда у него возникнет желание убить. Мы отыскиали трех наиболее вероятных жертв. Вы одна из них. И вас кто-то преследует.

— На самом деле я думала...

Еле заметная кислая улыбка.

— Вы думали, что они шпионы Краска и Садлера и вы выставите меня вперед, как щит, а сами быстренько дадите стрелкача.

Она кивнула:

— Вы не такой противный, как я думала.

— Вот так все время. Я стою впереди, как щит. Но мне легче стоять оттого, что меня выставляет хорошенькая женщина.

— Прекратите этот треп, Гаррет. Меня этим не проймешь. Я знаю о вас все.

Проверка? Я принял очень обиженный вид.

— Обо мне? Что? Я Белый рыцарь.

— Меблированные комнаты, где я живу под именем, которое хотела бы оставить при себе, сдаются одиноким женщинам.

Это звучало как приглашение в рай... Я сохранил безразличное выражение.

— Ну я что?

— То, что я о вас наслушалась. Вы помните некую Розу Тейт?

Я замер, от удивления раскрыв рот. Злиться мне или смеяться?

— Добрая старая Роза. Конечно, я знаю Розу. Я оставил ее без состояния, сделав все возможное, чтобы его получила дама, которую брат Розы назвал в завещании наследницей. Я не позволял Розе добиться своего, виляя передо мной хвостом. Да, я ее знаю. Со мной она дала маху. Я не знал только, что ее выпустили.

Разгуливающая на свободе Роза Тейт хуже десятка убийц. Скверная женщина. Красивая, ничего не скажешь, но скверная.

— Вы думаете, она шутит?

— Едва ли. Роза не шутит. Ее шутки похожи на шутки голодного саблезубого тигра. Когда у саблезубого тигра болит зуб. — Я натужно рассмеялся. — Значит, она до сих пор на меня дуется.

— Эта женщина жаждет вашей крови. О деньгах вообще нет речи.

— Когда нужно произвести впечатление на публику. Роза никогда не заботится о таких пустяках, как точность и соответствие действительности.

— Расскажите мне о ней. Не прошло и двух недель после ее приезда, как все девушки уже были готовы ее придушить.

— С ней так обычно и бывает. При моей профессии трудно всем угодить. Так что же Краск и Садлер?

— Гаррет, я не знаю. Было время, когда и тот и другой охотно отдали бы жизнь, защищая меня или доброе имя нашей семьи. Они бы сделали что угодно, только бы меня не коснулась тень скандала. Вот так поступают эти люди. У них сложный кодекс чести.

— Я знаю. Он гласит, в частности, что женщины и дети пользуются особыми привилегиями. Однако последние слова, что я услышал от вашего отца, были: «Оберегай эту малышку». — Не знаю, зачем я ей это сказал. Неумный ход. Ей не следовало об этом знать. Не нужно давать ей понять, что мной можно вертеть, как ей вздумается. — Я ответил: «Хорошо». Я не думал, что это понадобится. Краск и Садлер обещали о вас позаботиться. Может, держа при этом фигу в кармане.

— Это на них похоже. На них и на него тоже. Отец был о вас очень высокого мнения, Гаррет. Он любил разглагольствовать о чести. О том, что честных людей не осталось, разве что вы, а вас скоро убьют, потому что вы лезете на рожон.

— Он не очень хорошо меня знал. Я тоже бываю не на высоте.

— Он был немного со странностями, Гаррет. Он постоянно говорил со мной о вас, он вообще был всегда честен со мной.

— То есть?

— То есть я никогда не заблуждалась насчет того, чем он занимается. В отличие от большинства женщин нашего круга. Сколько я себя помню, он всегда рассказывал мне, что, где, как и почему обо всей грязи, с которой связаны его дела. Я не видела в этой грязи ничего особенного, пока он не отослал меня в школу. Там я растерялась. По ночам лежала без сна. Молилась до изнеможения. А потом узнала, что все остальные девочки тоже стыдятся своих отцов и многие школьницы сочиняют самые дикие истории, чтобы объяснить, почему... И я поняла, что не важно, чем занимается мой отец, а важно, что он меня любит. Большинство моих одноклассниц не могли этого сказать.

Вступайте, скрипки! Большой Босс был любящим папашей. Когда черти будут считать его грехи у ворот ада, он им скажет: «Я делал все это ради моей малышки».

Чодо был живым трупом, но продолжал меня поражать.

— Белинда, признаться, я восхищался вашим отцом, хоть и ненавидел его и то, что он делал с людьми. Но обо всем этом мы поговорим позже. Сейчас с каждой минутой мы приближаемся к тому мгновению, когда убийца должен будет утолить свою страсть, чтобы продолжать существовать.

— Как это?

— Это как наркотик. Некоторые люди нуждаются в более грубых стимуляторах, чем все остальные. Для таких и существует Веселый уголок. Здесь есть товары для странных клиентов.

Милая Белинда удивила меня, заговорив по-новому: не как уличная девчонка, но и не как барышня с Холма.

— Папочка гордился бы вами, Гаррет. Некоторые... Некоторым людям просто скучно, и они не могут этого преодолеть.

— В этом все дело, правда? Где проходит черта между необычным и неприемлемым? Когда причудливое становится извращенным?

Она посмотрела мне прямо в глаза:

— Я дам вам это понять.

— Я...

«Гаррет»:

Конечно, именно сейчас Покойнику понадобилось дернуть меня за ошейник.

43

— Он хочет вас видеть.

Белинда вытаращила глаза:

— Кто хочет меня видеть?

— Мой партнер. Будьте с ним осторожны. Он не очень проворный, но хитрый.

— Это Покойник?

— Вы о нем слышали? Это польстит его самолюбию.

«Гаррет, поторопись перейти к делу».

— Я и так торопился перейти к делу.

Белинда странно на меня посмотрела. От Покойника я получил:

«Твоя личная жизнь меня не интересует. Приведи девушку сюда».

— Не слишком ли ты спешишь, а?

— Что с вами, Гаррет? Вы разговариваете со стенами?

«Мисс Контагью, я желал бы с вами побеседовать».

— Какого черта, Гаррет? Не лезьте ко мне в голову!

— Это не я, маленькая. Я думал, вы знаете о Покойнике. — Она не пошла к двери, а стала жаться поближе ко мне, и я, разумеется, ее не отталкивал. Я провел ее по коридору. — Я понимаю. Понимаю. Вы не ожидали, что вам придется с ним общаться. Вы думали, что слухи о нем преувеличены. В основном они действительно преувеличены. Правда только, что он очень уродливый.

«Гаррет!»

— И вспыльчивый. Он ужасно вспыльчивый. Он похож на барсука с плохими зубами.

— О Боже! Какой нос!

Она ухватила за мою руку. Я растаял. Я попытался обнять ее за талию и немного утешить, но она вцепилась в мою руку и не отпускала. Утром будут синяки.

«Гаррет, уберись вместе со своим злорадством на кухню, ты тоже не слишком очарователен. Пока мы с дамой будем обмениваться воспоминаниями, можешь ублажить свою истинную натуру и выдуть кружку пива».

— Эй! Зачем переходить на личности?

Я отправился на кухню и стал грустно поглощать свой любимый напиток — вейдерское светлое пиво.

«Гаррет!»

Черт! Я едва успел выпить четвертую кружку, а он опять дергает меня за веревочку. Не дают человеку отдохнуть! Я приковывал в комнату Покойника и встал за Белиндой. Она весело спросила:

— Где мне найти Дина?

— На кухне. Чего тебе, Плут?

«Девушка точно такая, какой кажется. — Покойник явно был потрясен. — Я поражен ее честностью и откровенностью».

— Так это не наследственная черта?

«Я имел в виду другое».

— Ты имел в виду, что она на самом деле ничего не знает. И это привело тебя в восторг.

«В некотором смысле. Я ее убедил, что в ее интересах оставаться здесь, подальше ото всех, в качестве нашей гостьи, пока мы не найдем убийцу».

— Что?! — Покойник не любит женщин всех биологических видов. Ему не нравится даже, когда они приходят ненадолго, а уж о том, чтобы спрятать кого-то из них в доме на неопределенное время, и говорить нечего. — Твои взгляды изменились? Чтобы в доме находилась женщина?

Ясно, что он сделал это не из любви ко мне.

«Разве это впервые?»

— Это как посмотреть!

«Я бы очень желал помериться с тобой силами, но сейчас эта игра неуместна. Я хочу, чтобы ты попробовал обворовать либо Конфетку, либо эту Дикси и уговорил одну из них тоже провести ночь в этом доме».

— Зачем?

Он больше верил в меня, чем я сам.

«Я уже отчаялся научить тебя швелить мозгами. Затем, что, если тебе удастся заманить вероятную жертву к нам в дом, я смогу удержать ее завтра вечером, когда убийца выйдет на охоту. Затем, что, если под моей защитой будут две из трех наиболее возможных мишеней, вы с капитаном Тупом сможете сосредоточить все внимание на третьей».

— Оставь. Я видел этих двух женщин в деле, Вессельчак. Конфетка не играет в такие игры, а Дикси мне не по карману. Ставки слишком высоки.

«Я в тебя верю. Ты найдешь путь».

— Оставь.

«Меня удивляет пораженческое настроение у мужчины, который постоянно тревожит мой сон доносящимися из спальни взрывами смеха и радостными воплями».

— Постоянно? Я могу по пальцам пересчитать, сколько раз...

«Гаррет, я мертвец, а не дурак».

— Да? Ладно. Возможно, я преуменьшил. Но мне хотелось бы, чтобы дела обстояли хотя бы в половину так хорошо, как ты думаешь.

«Я бы тоже этого желал. С тобой гораздо легче сладить, когда...»

— Заткнись! Как мы тут поселим кучу женщин? У нас нет...

«Дин позаботится о том, чтобы они ни в чем не нуждались. Я позабочусь об их безопасности. Иди в Веселый уголок и приведи еще одну».

— Если они сегодня работают. Не забывай, что они занимаются этим не ради заработка. Они работают неполный день, для удовольствия. И вообще чего суетиться? Туп отдал долг?

«Мы пришли к соглашению, финансовых препятствий больше нет».

— Правда? Спасибо, что сказал. Надеюсь, ты так его ободрал, что он здесь больше не появится.

«Советую тебе поспешить в Веселый уголок и заняться делом». Хорошенькое дело!

— Но мне надо...

«Все остальное подождет. Мистер Гуллар не умрет, не получив один раз отчет о похождениях Брешущего Пса. Если убийца цел, я хочу накрыть его на месте преступления. Я настаиваю».

Я бы с удовольствием устроил ему все, что он хочет, только вот не знаю, как его вынести на улицу, разве что нанять повозку и десяток крепких грузчиков. Легко представить себе, как он будет смело мчаться по городу, проявляя чудеса присущей ему храбрости, которые повернут в трепет злодеев и вызовут ликование угнетенных.

«У тебя извращенный ум».

— Хорошо что только ум.

Я удалился и легко взбежал по лестнице посмотреть, как устраивается моя случайная гостья. Я увидел, что ей помогает Дин. Он во все вмешивался, будто он незамужняя тетюшка Белинды.

Вечеринки под видом ремонта у Дина длятся неделями. Мою спальню, находящуюся со стороны фасада, и спальню для гостей он еще убирает, но, пока он и его дружки не разойдутся, две другие комнаты остаются нетронутыми и становятся складом для барахла, которое давно нужно выбросить в подвал или на улицу. Вечеринки проходят в дальней комнате, предназначавшейся для Дина. Она еще не отделана. Но с тех пор как у него завелись гости, он уже не спал на кушетке внизу. Однако чтобы комната наверху стала по-настоящему пригодной для жилья, там надо еще как следует поработать.

Сейчас чем больше Дин встревал между мной и Белиндой, тем больше я склонялся к тому, чтобы в его комнате оставить дыры во внешних стенах — пусть покрутятся, когда придет зима.

— Послушай, мне очень нужно у тебя выяснить, что ты знаешь о девушке, которую называют Конфетка. У Гуллара. Мне надо как-то уговорить ее провести у нас завтрашнюю ночь.

— Я с ней не работала. Мы с ней за все время двух слов не сказали.

— Дьявол! Я думал, что вы все друг друга знаете. Как мне это надоело. Так ты мне ничего не дашь?

Дин нахмурился, хотя даже он понял, что я не имел в виду ничего неприличного. Белинда поймала его сердитый взгляд, подняла бровь (тут я влюбился в нее снова, потому что я очень ценю искусство поднимать брови) и, когда Дин отвернулся, подмигнула мне.

— Нет.

Не переставая удивляться, я пошел прочь.

44

— Послушай, я сделал все, что мог, — огрызнулся я, когда Покойник напустился на меня во время моего отчета. — Я слушал до умопомрачения, как Брешущий Пес провел день, чтобы хоть что-то передать Гуллари. Затем я убил два часа, пытаясь чего-нибудь добиться от крайне глупой дамочки, которая решила, что разговор о спасении ее жизни — это новый прикол. В конце концов она послала меня куда подальше. Это не очень повысило мою самооценку. Но я выяснил, что завтра вечером она не работает. У нее есть семейные обязанности.

«Прекрасно. Если завтра мы потерпим неудачу, то оставим эту женщину как приманку на следующий раз».

— Почему ты так уверен, что нас еще ждут неприятности с этим убийцей?

«Я не уверен. Я беру пример с тебя, вижу все в мрачном свете и ожидаю самого худшего. Если ничего не произойдет, это будет для меня чрезвычайно приятным сюрпризом».

— Да? Надеюсь, тебе преподнесут этот чрезвычайно приятный сюрприз. Я иду спать. Это был ужасный день.

«А пиво, выпитое по долгу службы?»

— Всему есть предел. Сохраняй бдительность. Если эта женщина не сможет сдержать свои порывы...

«Ха! Она крепко спит, и в ее головке нет ни единой мысли о ком-то по фамилии Гаррет».

— Кто же она тогда? Монашка? Ну не важно. Не хочу ни о чем знать. Хочу только спать. Спокойной ночи. Приятных снов в компании клопов. И все такое.

Я уже был наверху, когда меня снова вызвали.

«Гаррет. Спустиись ко мне».

Я не смог бороться и пошел вниз.

— Что?

Надо было побороться.

«Ты не рассказал мне о другой женщине, Дикси. Из казино «У мамы Сэма». Помнишь?»

— Помню. Она не явилась на работу. Ее ждали, но она не пришла. Никто не удивился. Это в ее духе. Ясно? Всех продинамила. Но завтра она должна прийти точно. Она будет нашей приманкой. Спокойной ночи.

На все вопросы он получил прямые ответы и не стал заставлять меня тратить время на наши знаменитые словесные перепалки. Я вскарабкался по лестнице. На этот раз я успел подойти к своей комнате, и тут он меня догнал.

«Гаррет! Кто-то стучит в дверь».

Ну и черт с тем, кто стучит. Пускай придет еще раз, когда люди не спят. Я присел на край кровати и наклонился вперед, чтобы развязать ботинки.

«Гаррет, у двери капитан Туп. Кажется, у него плохие новости, но он так взволнован, что я не могу сказать с определенностью».

Здорово. Для Тупа я оставляю специальное указание. Пускай зайдет через неделю.

Тем не менее я с трудом поднялся с кровати, проковылял к двери и посмотрел в глазок. Покойник был прав. За дверью стоял капитан Туп. Я еще разок вступил в короткий спор насчет того, стоит ли его впускать. Наконец сдался и отпер дверь.

Я был откровеннее, чем обычно:

— Ну и вид у вас — краше в гроб кладут.

— Я хочу покончить с собой.

— И вы пришли сюда, чтобы я помог вам это сделать? Я не оказываю такие услуги.

— Ха! Ха! Он нас опередил, Гаррет.

«Приведи его сюда, Гаррет».

— Что? Ночь не время для обсуждения. Я так устал, просто измотан.

— Уинчелл. Он похитил эту Конфетку. Сегодня вечером. Потому что он знает, что завтра мы устроим ему ловушку. С ним Рипли.

— Откуда вы знаете?

— Я их видел. Ходил на разведку, прикидывал, как завтра вечером устроить засаду. И увидел, как они похитили ее, когда она шла с работы. Я гнался за ними, сколько хватило сил. Они тоже меня заметили. Они смеялись надо мной.

— Вы потеряли их из виду?

— Да. Я покончу с собой.

Я сказал Покойнику:

— Хочешь, чтобы он сделал это сейчас, тогда я смогу немного выспаться? От трупа избавимся завтра.

«Чушь. Капитан Туп, вы должны вернуться в казарму и вызвать всех, кто знаком с капралом Уинчеллом и рядовым Рипли. Установите, не знает ли кто-нибудь, где они прячутся. Пошлите наряды проверить эти укрытия. Думайте о том, как спасти девушку, а не о том, чтобы поймать злоумышленников. Если вам удастся ее спасти, вы добьетесь и расположения общества, и одобрения вашего начальства. Я советую вам отправиться тотчас же. Если вдобавок вы сможете настичь злодеев, арестуйте их, но не убивайте. С проклятием легче будет справиться, если его носитель останется жив».

— В прошлый раз я пытался. Но этот дурак сделал все, чтобы мы его убили.

«Я полагаю, это тоже заложено в проклятии. Тот, кто его для чего-то породил (вы слишком долго изучаете официальные документы), так вот, этот колдун был гением. Он не просто выдумал заклинание, понуждающее убивать женщин с определенной внешностью.

Он изобрел проклятие, которое изменяется вместе с условиями жизни, учится на своих ошибках, умирает, а затем воскресает снова и снова и становится все более жестоким, преодолевая время».

Туп побледнел:

— Значит, нет никакого способа его победить? Если сегодня я его уничтожу, завтра оно возродится и будет в десять раз сильнее?

«Я могу назвать несколько способов победить проклятие. Но ни один из них мне не нравится. Например, можно сделать так, чтобы теперешний носитель проклятия умер в присутствии какого-нибудь калски, который просто физически не сможет совершить убийства, или на глазах у заключенного, который осужден пожизненно. Впрочем, я убежден, что проклятый не должен умереть, пока его не осмотрят специалисты и не решат, какое заклинание может лишить данное проклятие способности переходить от одного человека к другому, то есть вышибить клин клином.

Или другой путь: поскольку проклятие переходит при непосредственном контакте мертвого с живым, мы сможем попробовать похоронить преступника заживо. Лучше всего в море. Возможно, в гробу, если быть уверенным, что гроб никогда не откроют».

— Значит, проклятие нельзя уничтожить, только его носителя? — спросил я.

«В настоящее время — да. На самом деле погребение лишь предоставит искать разгадку последующему поколению».

— Чувствую, тут придется побегать.

«Ты прав. Эту работу нужно было сделать раньше. Я считаю, что по-настоящему лишить это проклятие силы можно, лишь установив изобретателя-чародея и обстоятельства, при которых оно было впервые применено. Причина, с моей точки зрения, так же важна, как способ. Если мы узнаем, почему возникло это проклятие, мы сможем понять, как его обезвредить и с чего начать».

Я сказал Тупу:

— Бьюсь об заклад, он знал все это, еще когда вы пришли в первый раз. А вы увиливаете от изучения документов под тем предлогом, что это будто бы слишком большая работа.

Туп не стал спорить, Покойник тоже. Я сказал:

— Что бы сейчас ни происходило, на меня не рассчитывайте. Мне надо отоспаться.

Туп раскрыл рот.

— Не взывайте к моей совести, капитан. Сколько раз я вытаскивал вас из дерьма, а вы все недовольны! В вашем распоряжении те же средства, что и в моем. Старик сказал вам, что делать. Идите и делайте. Спасите девушку. И прославьтесь. Где Дин? Он может выпроводить Тупа? Что, спать пошел? Идите сюда. — Я схватил Тупа за локоть. — Делайте, что говорит Покойник. Ведите расследование. Спокойной ночи.

Туп вылетел за дверь, брызгая слюной.

45

Я получил несколько часов передышки, но этого было явно недостаточно. Меня разбудили звуки, похожие на бомбежку. Я почувствовал запах пищи, значит, уже рассвет, но ни одно разумное существо в это время еще не встает.

Сам не пойму, почему, но я надел трусы и пошел вниз. Припелся на кухню и плюхнулся в свое обычное кресло.

— Я думал, всех этих маленьких вшивых морКаров забрали в армию служить воздушными разведчиками в Кантарде.

МорКары — летающие существа, ростом они человеку до колена (самые высокие до бедра) и напоминают старинных красных дьяволов с крыльями, как у летучей мыши, только морКары не красные, а бурые. У этого вздорного, шумливого несносного племени нет никаких сдерживающих центров. Они прилетели с севера, спасаясь от громовых ящеров. Они заполонили Танфер, и тут кого-то вдруг осенило, и их наняли по контракту в армию. Если они выполняют работу, за которую им платят, эффект будет впечатляющий.

— Это новая волна иммигрантов, мистер Гаррет. — Дин подал мне чашку чая. — По крайней мере так говорят. Но мне сдается, это возвращаются наемники, они надеются, что им заплатят и они улетят снова.

— Весьма возможно. И что нам не жилось спокойно при императоре? А теперь одна напасть за другой. Посмотри на всю эту гадость. На крышах МорКары. Повсюду громовые ящеры. В про-

шлом месяце одна из пяти пятирогих тварей переплыла реку и, как безумная, носилась по Пристани.

— Мне очень ее жалко.

— Что?

Я пошире раскрыл глаза, скосил их налево и обнаружил, что со мной за столом сидит наша гостья. А я в одних трусах.

— Мне было жалко эту глупышку. Она не понимала, что происходит. Она была в ужасе оттого, что какие-то странные маленькие существа кричат и бросают в нее острые предметы.

— Слышишь, Дин? Вот что значит женщина! Чудовище будто с цепи сорвалось, потопило людей, разнесло в щепки все вокруг, а ей его жалко.

— Правду сказать, мне тоже было его жалко.

Да. И мне тоже. И, наверное, всем, кто не пострадал от этой бедной, напуганной и смущенной зверюги. Теперь, когда ее поймали и поместили в большой загон на свободном участке земли, она выглядит, как огромный симпатичный щенок, на котором вместо шерсти выросли мох и лишайник. Я не знаю, можно ли назвать существо, которое весит тонн пятнадцать, очаровашкой, но эта зверюга была очаровашкой.

— Думаю, мы приобрели полезный опыт, на случай если кто-нибудь из крупных плотоядных попробует проделать тот же фокус.

— Дин, он всегда изображает такого болвана?

Вот это да! Уже по имени! Старик с ума меня сведет.

— Всегда, мисс Белинда. Не обращайтесь на него внимания. Он никому не желает зла.

— Дин, как ты себя в последнее время чувствуешь?

— А что, сэр?

— Ты меня похвалил.

— Это милая юная дама, мистер Гаррет. Она мне очень нравится. Я хотел бы, чтобы вы с ней лучше познакомились.

О боги!

— А! Да, сэр. Я знаю, кто ее отец. Мы не выбираем предков. Я знаю, кто был ваш отец. — Это для меня новость, если он имел в виду, что знал старика лично в те далекие годы, когда папа отправился в Кантард и был там убит. — Насколько я понял, отец не

помеха. Мистер Контагью, извините меня, мисс Белинда, все равно что умер, а все дело в мистере Краске и мистере Садлере.

— В двух любителях развлечений, которые стали еще опаснее, когда начали хозяйничать, прикрываясь именем Чодо. Чего ты добиваешься, Дин?

— Как всегда, мистер Гаррет. Хочу вас сосватать.

От такого признания я лишился дара речи. Белинда тоже не нашлась что сказать. Мы обменялись беспомощными взглядами. Я пожал плечами, извиняясь.

Дин сказал:

— Я много разговаривал с мисс Белиндой и понял, что ее вызывающее поведение на людях — только маска, а на самом деле эта девушка очень вам подходит.

Белинда огрызнулась:

— Вы что, сговорились меня соблазнить, Гаррет?

Я возразил:

— Вы должны меня извинить. Это у него пунктик.

Дин не слушал. Мы обменивались обвинениями и извинениями, а он тихо напевал и убирал на кухне, а потом объявил:

— Покойник дремлет. Вы бы пошли наверх и занялись любовью, а спорить закончите позже, за вторым завтраком.

Я не верил своим ушам. Дина как будто подменили.

Его предложение не вызывало у меня протеста. Что-то в Белинде очень меня привлекало.

Белинда долго сидела, глядя в одну точку широко открытыми глазами. Дин улыбался, а потом подмигнул ей. У меня возникла слабая надежда, что Белинду предложение Дина тоже не очень возмутило.

Однако мы попали в такое положение, из которого трудно найти выход, даже если обе стороны похотливы, как мартовские кошки.

Я сказал:

— Дин, ты искушаешь судьбу. Я собираюсь снова лечь спать. Извините, мисс Контагью. Пожалуйста, не думайте обо мне плохо из-за нахальства Дина.

Казалось, Дин сейчас разразится смехом. Ну и проделки у него!

Белинда не произнесла ни слова. Когда я бросился наутек, мне почудилось в ее взгляде легкое разочарование.

Вы знаете, как это всегда бывает. Как только я остался один и перестал думать, что она ответит, я уставился в потолок и начал жалеть об упущенной возможности, а Белинда Контагью казалась мне все привлекательнее, и все препятствия волшебным образом исчезали.

Неисправимый романтик. Это про меня.

46

Я собирался пойти посмотреть, чего добился Туп. Или скорее, чего он не добился, хотя в этом случае он бы вернулся. Белинда вприпрыжку взбежала навстречу.

— Можно, я тоже пойду?

— Нет.

— Почему?

— Тебя кое-кто разыскивает. Вряд ли для того, чтобы пожелать тебе доброго здоровья. И потом, у тебя такой вид, что мы не пройдем и двух кварталов, как влипнем в историю.

— Чем тебе не нравится мой вид?

— Мне очень нравится. В этом все дело. Если я сейчас выйду с тобой на улицу, соседи возненавидят меня на всю жизнь. Кроме того, Краск и Садлер, наверно, следят за домом, и их шпион точно тебя узнает. Они не доверят мне самостоятельно рыть себе могилу.

— О черт!

Она топнула ножкой — изящный жест, такое нечасто увидишь. Верно, долго репетировала.

— Если бы ты была рыжая, никто не обратил бы внимания. По крайней мере Краск и Садлер. Правда, соседи возненавидели бы меня еще больше. Но если бы ты была к тому же и рыжая, я бы не устоял.

Дин высунулся из кухни и посмотрел на меня, будто говоря, что моя лесья слишком груба.

Белинда сказала:

— Твоя лесья слишком груба, Гаррет. Но мне она нравится. Я не люблю сидеть взаперти. Я подумаю о том, чтобы стать рыжей. А может, блондинкой. Тебя это устроит?

Завтрак был забыт.

— Конечно. Стань какой угодно. Я очень покладистый. Только не надо толстеть на пятьдесят килограммов и отращивать усы.

Она подмигнула мне. Я размяк. Но я все-таки не такой дурак. Интересно, с чего это она вдруг так ко мне прониклась. Я предложил:

— Если хочешь, можешь изменить внешность. Особенно сейчас, когда черные волосы как клеймо.

— Интересная мысль.

Она послала мне воздушный поцелуй. Я долго смотрел на Дина, он отвернулся, пожал плечами и покачал головой. Я не понял, то ли он хотел сказать, что никак не возьмет все это в толк, то ли что он тут ни при чем.

Я снова пошел к двери.

«Гаррет».

Вот всегда так. Как только я соберусь куда-нибудь пойти и что-нибудь сделать, так все начинают отнимать у меня время.

Я вошел к Покойнику:

— Что?

«Скажи капитану Тупу, что по размышлении я пришел к выводу, что вчера произошло лишь похищение. Конфетка будет убита только сегодня вечером в урочный час. Так что если капитан, что весьма вероятно, оставил усилия и ждет, когда обнаружится труп, то он...»

— Бегу.

Я помчался на улицу. Через квартал я заметил хвост. Какой-то мальчишка, мелкая сошка в Организации, еще не научился вести себя неназойливо. Красс и Садлер хотели, чтобы я знал, что они за мной следят. Опытный хвост оставался бы в тени, пока я не приступлю к серьезным поискам.

Я их обдурю. Я вообще не буду искать.

Найти Тупа оказалось несложно.

Я пошел в Управление Стражи, чтобы узнать, где его разыскивать, и — здрасьте, пожалуйста! Там он сидел как ни в чем не бывало.

— Какого черта вы здесь торчите? — спросил я.

— Вчера мы ничего не достигли. Я задействовал пятьсот полицейских, чтобы прочесать все улицы. Они ничего не нашли. После полуночи я всех отозвал. Надежды не осталось. Насколько мы знаем, все убийства происходили около полуночи.

— Вы ждете, пока найдут труп. Покойник так и сказал.

Туп пожал плечами:

— Я жду ваших предложений. Если только вы не потребуете еще тысячу марок за то, что вам придется раскрыть рот.

— На этот раз услуга бесплатная. Покойник просил вам передать, что девушка жива. Ее не убьют до сегодняшнего вечера. Убийца никогда не нарушает расписания. Вчера он лишь похитил ее, так как знал, что позже мы будем настороже.

— Все еще жива? — Туп схватился левой рукой за подбородок и принялся его потирать, раздумывая над моими словами. — Все еще жива. — Снова молчание и раздумья. — Я опросил всех знакомых Уинчелла, пытаюсь разгадать, где он прячется и кто ему помогает.

— Возможно, никто, кроме Рипли.

— Возможно. Лаудермилл!

Появился типичный штабной сержант. Классический экземпляр, задница вдвое шире плеч.

— Вызывали, сэр?

— Есть что-нибудь об Уинчелле и Рипли?

— Уинчелл не пытался связаться ни с семьей, ни с друзьями. Рипли еще проверяют, но пока о нем тоже нет сведений.

И тут меня осенило.

— Может, попробуем подойти с другой стороны. — Неожиданная мысль всегда поражает. Моя мысль поразила меня самого. — Над чем работал Уинчелл?

— А?

— Чем он занимался по службе? Послушайте, Туп, я в курсе, что в ваши обязанности входит больше, чем вы говорите всем, кроме, пожалуй, принца. Хотите произвести сенсацию, когда вам дадут волю. Как бы то ни было, мне все равно. Но в последнее время некоторые ваши подчиненные, как и положено настоящей полиции, проводили серьезную работу. Был ли среди них Уинчелл? Что он делал? Может быть...

— Я понял. — Туп никак не мог решиться, по выражению его лица было видно, что он очень не хочет выкладывать карты на стол. Наконец он произнес: — Лаудермилл! Вызовите Шустера и Шипа. Пусть явятся сюда. Как можно скорее.

Лаудермилл удалился с невероятной для человека такого телосложения быстротой. Он наверняка прослужил уже лет двадцать и беспокоился о пенсии.

Туп сказал:

— Эти два парня, Шустер и Шип, вместе с Уинчеллом и Рипли готовили операцию «Ловушка». Шустер и Шип вольнонаемные. Сейчас не их смена, так что, может, мы их не так скоро найдем. Мне не пришло в голову опросить вольнонаемных сотрудников.

Вольнонаемные полицейские явились быстрее, чем ожидал Туп, по-моему, даже слишком быстро, потому что я еще не успокоился. Оба были нелюди. Шустер — метис, какие встречаются редко: наполовину гном, а наполовину смесь еще каких-то кровей. На вид он был безобразный. Но к моему удивлению, он оказался порядочным и приятным в обращении, наследственность и внешность не повлияли на его характер. Видно было, что он фанатично предан идее создания новой Стражи.

Таким же фанатиком был и Шип, происходивший из крысиного народа. Мне не нравится крысиный народец. Моя неприязнь граничит с предрассудком. Я не мог поверить, что передо мной действительно стоит представитель этого вида. Честная крыса — немыслимое сочетание, нонсенс.

Туп сказал:

— Шустер и Шип останутся вольнонаемными, пока нам не увеличат бюджет. Я уже договорился, что нам отпустят достаточно средств, чтобы взять в штат четыре сотни тайных агентов. Эти двое возглавят операцию в одной из частей города, они вас туда отведут.

Страшная штука — тайная полиция. Сначала это будут великие борцы с преступностью — возможно, но пройдет немного времени, и честолобивый принц поймет, что этих агентов легко использовать для уничтожения существ с сомнительными политическими взглядами. Все будет хорошо до того дня, как...

— Так что же с нашими ребятами?

Туп расспросил Шустера и Шипа. Они знали, где могут прятаться Уинчелл и Рипли. При разработке операции они нашли одно укрытие. Они им не воспользовались, но теперь это Уинчелла не смутит.

Туп буркнул:

— Гаррет, идите с ними. Следите за выходом из домика. Произведите разведку. Я подоспею с подкреплением.

И он вылетел за дверь.

Шустер и Шип выжидательно поглядывали на меня, вероятно, принимая за офицера Стражи. Они волновались. Они сделались участниками настоящей крупной операции еще до того, как официально стали полицейскими.

Кивком головы я указал на дверь:

— Пошли.

47

Элвис Уинчелл и его сообщник были смелыми парнями. Шустер и Шип рассказали мне о предприятии, которое они затеяли, прежде чем волею случая капрал Уинчелл и рядовой Рипли столкнулись с тем, что оказалось им не по зубам.

Территория, где они собирались провести операцию, пролежала вдоль берега и огибала городок великанов. Настоящая бесплодная земля. В самых опасных местах Уинчелл должен был плестись, притворяясь пьяным. А Рипли, Шустер и Шип пытались раствориться в унылом пейзаже, чтобы потом, как только кто-нибудь бросится на Уинчелла, выпрыгнуть из тени.

Я восхищался мужеством Уинчелла, но не принимал его методов. Он произвел всего два ареста, да и то арестованы были довольно безобидные молодые грабители. Но отправил домой группу головорезов, перебив им колени, так что они стали калеками на всю жизнь. Уинчелл решил, что об этом наказании пойдут слухи и другим уголовникам неповадно будет.

— Может быть, — сказал я. — Но я думаю, они просто попытаются вас убить.

— Всех четверых? — спросил Шип.

Я пришел в замешательство, я просто не привык, чтобы крыса обращалась ко мне как к равному. Через секунду я уже готов был смеяться над собственными предрассудками. Шип продолжал:

— У грабителей нет своей организации, и они не работают бандами. Я много лет жил в этом районе. Грабители никогда не ходят больше, чем вчетвером. В основном по двое. С теми, кто работает по четыре, мы легко справились. Капитан Тун дал нам инструменты.

— Может, лучше не надо? Я не хочу об этом знать.

— Гаррет, грядет Новый Порядок, — сказал Шустер. — Большинство граждан сыты по горло. Маятник качнулся в другую сторону. Некоторые говорят, что, если Корона не решит социальных проблем, граждане сами о себе позаботятся.

Он продолжал распространяться, и я был уже готов послать его вести беседы с теми женщинами, которых однажды натравил на Покойника. Шустер, хоть и был нечеловеческого происхождения, намеревался играть важную роль в обществе.

Я сказал:

— По-моему, вы преувеличиваете, приятель. Нелюди находятся в Каренте только по договору. Если они не хотят подчиняться карентинским законам, то не могут требовать защиты от государства.

— Я понимаю вас, Гаррет. И вы правы. Закон должен быть один для всех. Если ты родился в этом городе и живешь в нем, ты обязан помочь сделать этот город достойным местом для жизни. Я внес свой вклад. Отслужил пять лет в Кангарде и принял карентинское гражданство.

Мне стало ясно, что он хочет сказать. Нечего смотреть на него свысока: мол, метис. Он исполняет свой долг так же, как и я.

Я отодвинулся подальше от Шустера. Он был законченным активистом. В каждом третьем предложении говорилось о Новом Порядке с большой буквы.

Политики действуют мне на нервы.

Вернее, я боюсь их до смерти. Они очень странные и верят, что странный бред, который они несут, не думая о его смысле, приведет их к успеху. К счастью, в Танфере политиков немного, да и тех общество презирает и отвергает.

Им надо научиться быть менее опасными, как Брешущий Пес Амато.

Теперь я сообразил, что Шустер просто безотчетно нашел выход гневу и ненависти, которые накопились в нем от унижений из-за того, что он редкого происхождения и к тому же очень уродлив. Он будет продолжать улыбаться, но перекроит мир, чтобы стать в нем звездой.

Прекрасно. Дерзай, приятель. Только избавь меня от революции и ее последствий. Мне и так хорошо.

Шустер и Шип подвели меня к дому, который недавно сгорел, но не целиком. Дом бросили, но подвалы были пригодны для жилья, хотя, конечно, относительно.

Я спросил:

— Как бы нам выяснить, есть ли там кто-нибудь?

Был день. Я прогуливался с двумя типами, которых Уинчелл знал и которые не способны что-либо придумать. Мир у них состоял из ангелов и злодеев. Час назад Уинчелл и Рипли были их закадычными друзьями. Теперь это просто фамилии в списке мерзавцев, подонки, которых надо уничтожить.

Шустер с подозрением осмотрел развалины:

— Шип, ты бы обошел все по-тихому. И проверил.

Крысиный народец крадется незаметно. Шип неслышно, как призрак, двинулся с места, но совсем не в сторону дома. Мы с Шустером слились с окружающим пейзажем и стали ждать. Шустер оказался очень болтливым, и нос у него был длиной в фут. Он хотел знать все обо мне и о том, почему меня интересует это преступление.

— Не ваше дело, — сказал я ему.

Шустер обиделся и проговорил:

— По крайней мере вы могли бы соблюдать приличия. Могли бы проявить учтивость. При Новом Порядке я буду занимать важный пост.

— Я неучтив с Тупом. И не' буду учтивым с его начальником. И не собираюсь быть учтивым с вами и с Крысой. Я сюда не рвался. Это судьба меня забросила.

— Я вас понимаю. Со мной происходит то же самое. Даже хуже, если учесть мою внешность.

— У вас нормальная внешность, — соврал я. — Вон Крыса. Что он там показывает?

— Думаю, подаст знак, что они здесь. Он хочет знать, что теперь делать.

— Теперь будем ждать Тупа. Я чувствую, что с этим Уинчеллом хлопот не оберешься.

Мне не очень понравится, если он перешагнет через мой труп.

— Я знаю, откуда вы, Гаррет. — Шустер помахал рукой и ткнул пальцем вверх. Шип ответил тем же. — Мне тоже не улыбается стать мертвым героем. Я хочу увидеть наступление Нового Порядка. При Новом Порядке вы ведь будете прежним Гарретом, сыщиком?

— Наверно, буду. А что? Я никогда не навредил никому из ваших родных или приятелей, так ведь?

— Нет. Никогда. Вот вы смотрите на меня и думаете, что такого не может быть. Я единственный из несметного множества. Выродок. Честный метис, происходящий из семьи, ни один член которой никогда не попадал в полицию даже в качестве свидетеля.

Он говорил вызывающим тоном, и неудивительно, потому что мое отношение отражало общее предубеждение. Я смутился: на самом деле мои чувства были гораздо сложнее.

— Если мы не поладим, то по моей вине, Шустер. Я ничего против вас не имею. Просто с утра встал не с той ноги. Обычно вся моя желчь изливается на крыс-мусорщиков.

— Станный вы, Гаррет. Вон идет человек.

Он имел в виду Тупа. Очевидно, в некоторых кругах Тупа высоко ценят.

48

А Туп все еще высоко ценил меня и нуждался в том, чтобы я одобрил его план.

— Дом окружен. Выбраться из него будет нелегко.

— Покойник говорит, что, если можно, надо взять их живыми. Скорее всего, пока они живы, проклятие ни на кого не перейдет.

— Они?

— Должно быть, проклятие частично затронуло и Рипли. Или частично Уинчелла; не знаю, кто из них главный.

— Ясно. Понял. Думаю, нет смысла ждать дальше. Пора действовать.

За эти часы мне несколько раз приходила в голову одна мысль. Я ее отбрасывал снова и снова. Теперь она возникла опять. Возможно, я пожалею, но я все-таки сказал:

— Наверно, мне надо пойти вперед. Девушка меня узнает. Если она поймет, что это спасение, мы избежим лишней паники и пострадает меньше наших людей.

— Дело ваше. Хотите идти, идите. Я посылаю вперед Шустера. Скажите, что вы собираетесь делать, и потом не мешайте ему выполнять свою работу. Он лучше всех моих штатных сотрудников.

— Хорошо. — Я подошел к Шустеру: — Я иду с вами. Девушка меня знает.

— Вы вооружены?

— Легко.

Я показал ему дубинку. Он пожал плечами:

— Тогда не болтайтесь под ногами у настоящей полиции.

Какая прямолинейность! Что мне было еще делать, как не болтаться под ногами у полиции?

Штурмовой отряд Шустера был вооружен так, что мог бы отбить целый город у дивизии венагетских гвардейцев. Если бы у этой группы захвата оказался еще хоть какой-нибудь опыт! После армии они не проходили никакой подготовки.

— Вы думаете, у нас будут такие неприятности?

— Нет, — ответил Шустер, — но от этой компании ничего хорошего ждать не приходится.

— Ход мысли правильный. Чтобы не заработать нагоняй за неподготовленность, надо подготовиться ко всему.

Шустер улыбнулся:

— Именно так.

Я бросил взгляд на противоположную сторону улицы. Шип места себе не находил.

— В такие минуты все видится по-другому.

— Вы бывали в подобных передрягах в Кантарде?

— Даже хуже. Гораздо хуже. Я был тогда напуганным сопляком.

— Я тоже. Вы готовы?

— Насколько можно.

— За мной!

Он пошел вперед. Белый рыцарь Гаррет шествовал по булыжникам на шаг позади, а за ним крались полдесятка облаченных в форму блюстителей порядка, которые не имели понятия, как выполнить поставленную перед ними задачу. Они поступили на службу в Стражу не для того, чтобы ловить сумасшедших или охранять Танфер от негодяев.

Крысеныш нашел крошечное подвальное окошко. Когда мы приблизились, он юркнул внутрь, подрагивая отвратительным голым хвостом. Кажется, я понял, почему мне так не нравится крысиный народец. Из-за хвостов. Хвосты у них омерзительные.

— После вас, — как только исчез хвост, произнес Шустер.

— Что?

Окошко было слишком маленькое. Оно не предназначалось для человека. Какие-то небольшие существа пробили его, чтобы залезть и обчистить помещение. Или уж не знаю для чего.

— Вы сказали, что вы герой, которого она знает.

— Дьявол!

И я сам на это напросился.

Я шлепнулся на живот и всунул ноги в окно. Шип стал тянуть. Шустер толкать. Я протиснулся внутрь, коснулся ногами пола, встал, споткнулся о валяющийся кирпич и пробормotal:

— Где они?

— Вон там, откуда идет свет, — прошептал Шип. Понять его было трудно. Крысиный народец всегда говорит шепотом. Горло у них не приспособлено для человеческой речи. — Вы нас прикроете, пока мы втащим побольше людей.

Шип всю жизнь провел рядом с людьми. Он не прятался от общества, он довольствовался скромным существованием и брал лишь то, что не нужно было никому другому. Я начал его уважать.

Я вытащил дубинку и пошел на свет, сочащийся из щелей в двери. Мне показалось странным, что Уинчелл и Рипли не напали на нас или не бросились бежать. «Готовится великое побоище», — подумал я.

Вдруг за мной появились трое полицейских, и Шустер проговорил:

— Второй выход перекрыт. Приступайте, Гаррет!

Я набрал в легкие побольше воздуха и долбанул дверь. Кинулся на нее со всей силой и подумал: сейчас разобью плечо.

Дверь подалась. Я и не знал, какой я сильный. Что твой Плоскомордый Тарп. Высадил дверь.

Сделав два нетвердых шага, я упал на кучу битого кирпича.

Элвис Уинчелл и Прайс Рипли тяжело храпели на подстилках из мешков и тряпья. Вероятно, нести проклятие очень утомительно. Только у Конфетки глаза были открыты. Она заметила мое появление, но диких воплей радости не последовало.

Черт, она не поняла, почему мы пришли. Она решила, что мы дружки Уинчелла и его сообщника. Я с трудом поднялся на ноги:

— Мы спасатели.

Тут Уинчелл и Рипли начали приходить в себя. Пресжде чем бедный Рипли успел открыть глаза, Шустер стукнул его по башке, легко обойдя груды кирпича. Он двигался почти грациозно.

Шип не вполне успешно стремился уложить Уинчелла обратно спать. Уинчелл уклонялся от его ударов, пытаясь метать из глаз зеленые искры. Кажется, он еще не очень хорошо умел это делать.

Боже, вид у него был ужасный. С тех пор, как он помогал брать негодяя, которого выдал Сити Сумасброд, Уинчелл постарел лет на пятнадцать. Рипли тоже выглядел плохо, но не так, как Уинчелл.

— Спасатели? Правда? Вы больше похожи на бродячих циркачей.

Шип и двое полицейских ловили Уинчелла. Уинчелл не желал быть пойманным. Шустер и еще один полицейский запикивали Рипли в огромный мешок.

У другого входа в подвал появился Туп, он старательно избегал опасности. Я окликнул его:

— Эй, капитан! Ее не надо освобождать. Она уже сама справилась. Конфетка сказала:

— Вы тот парень, который околачивался у Гуллара.

Я пререзал веревки, стягивающие ее щиколотки. Красивые щиколотки. Раньше я не замечал, какие они красивые. А выше них все было еще красивее, прямо с ума сойти.

— Гаррет?

— Да. Верный странствующий рыцарь. Неизменно отвергаемый и оскорбляемый за желание предупредить людей, которым угрожает опасность.

— Убери руки, парень. Я о тебе наслышана.

Рипли теперь выводили на улицу, но Уинчелл не сдавался, хотя Шустер и Шип уже накинули ему на голову мешок и скрутили руки. Рипли и Уинчелл были не в полицейской форме. Жалованье позволяло им одеваться, как состоятельным горожанам. Поэтому я с некоторым удивлением увидел, что Уинчелл повязал вместо пояса толстую веревку.

— Я о себе тоже наслышан. Иногда в этих рассказах я себя не узнаю. Что ты слышала? Очевидно, что я не подарок.

Шипу, Шустеру и их команде удалось повалить Уинчелла и натянуть на него мешок. Шустер старался завязать его потуже.

— Что ты подарок врагу. Ты помнишь некую Розу Тейт?

Шустер наподдал ногой по прыгающему мешку.

— Это лучше, чем клетка на колесах, — ни к кому непосредственно не обращаясь, сказал Шустер.

— А-а, снова милая Роза, — проговорил я. — Да. Позволь мне рассказать тебе о ней. Это правдивая история, и если ты знаешь Розу, то поверишь мне, а если нет, назовешь все это сказкой.

Времени было достаточно. Ребята прекрасно управлялись без меня. Чтобы заручиться вниманием слушательницы до конца рассказа, я вдруг совсем разучился развязывать и разрезать веревки. Шустер и все остальные поволокли Уинчелла к двери. Уинчелл все время корчился в мешке и ругался. Кроме него, в мешке были еще пленники. Зеленые бабочки летали и по всему подвалу, их очень смущал свет единственной свечи. Мне снова стало интересно, какое отношение ко всему этому делу имеют бабочки, может, вообще никакого. Может, это просто защитная реакция, как вонючие выделения у скунса.

В помещении остались только мы с Конфеткой, и ее, казалось, вовсе не огорчало, что я так неторопливо рассказываю о Розе Тейт. По ходу дела я стал искать ножи, которые мы видели в доме леди Гамильтон. Но мне было любопытно, откуда Конфетка знает Розу. Завершив повествование, я спросил:

— Как ты познакомилась с Розой?

— Тебе же известно обо мне все! Я знаю, ты обо мне расспрашивал. Мне сказал Гулляр.

— Я просто пытался уберечь тебя от встречи с тем типом, которого только что отсюда выволокли. Он любит кромсать на ку-сочки богатых девушек.

— Это я уже поняла. Наверное, я должна тебя поблагодарить за то, что ты не дал ему сожрать мою печеньку.

— Поблагодари, это будет замечательно.

Наконец я нашел ножи под кучей тряпья, которая служила Уинчеллу постелью. Я не хотел к ним притрагиваться, хотя считал, что, пока Уинчелл жив, от них не может быть вреда.

— Спасибо, Гаррет. Я говорю это искренне. Когда мне страшно, я начинаю язвить.

Заметили, как она увилинула от вопроса, откуда она знает Розу? Я тогда не заметил.

— Значит, у Гуллера тебе все время было жуть как страшно.

У Гуллера ее так и называли — «Маленькая язва».

— Ты лишаешь себя всякой возможности добиться моего расположения, Гаррет.

Я присвистнул, как паровоз:

— Ты красивая, но я быстро остываю. Я уже начинаю думать, зачем я потерял с тобой столько времени. Твой характер уничтожает преимущества, данные тебе природой.

— У меня так всегда, Гаррет. Только дела начинают налаживаться, я сразу все порчу. Мама говорит, я прирожденная неудачница. Ладно. Я обещаю. Постараюсь. Спасибо. Ты спас мне жизнь. Что я могу для тебя сделать, кроме того, что напрашивается само собой.

В двери показался Туп и тут же вмешался:

— Что вы здесь затеяли, Гаррет?

— Ищу улики.

— Что-нибудь нашли?

— Да. Ножи. Покойник сказал, что их нужно сломать.

Туп приблизился на несколько шагов и взглянул на четыре об-наженных лезвия.

— Не опасно к ним прикасаться?

— Уинчелл и Рипли невредимы?

— Да.

— Тогда не опасно. Только не порежьтесь.

Туп выругался и взял ножи.

— Я сразу же их сломаю.

И вышел. Я сказал Конфетке:

— Кроме того, что напрашивается само собой, хотя оно не так напрашивается, как ты думаешь, ты можешь зайти ко мне и побеседовать с моим партнером. Он у нас мозговой центр. Он хочет тебя видеть.

— Он что, калека? Не может сам прийти?

— Он нездоров.

Я спрятал улыбку. Покойник нездоров более чем кто-либо другой.

Мы выбрались из подвала. Конфетка болтала без умолку. Я признал себя побежденным. Я пытался представить ее Тупу, чтобы она знала, кому официально принадлежит честь ее освобождения. Это не помогло. Она продолжала трепаться, обращаясь ко мне. Тупа интересовали только ножи, он трудился весьма старательно и разломал каждый нож на четыре части.

— Об этом мы позаботились.

Туп был ужасно счастлив и доволен собой. «Дьявол гордился да...» — подумал я.

— Лучше проверьте, не взяли ли они у того бродяги чего еще. Мы не знаем точно, что проклятие передается через ножи.

— Бродягу кремировали, и вся его одежда тоже сгорела. А теперь мы кремируем этих... Ах да! Правильно. После того, как узнаем насчет проклятия.

— Да, после.

Конфетка не унималась. Я сказал:

— Женщина, я больше не могу. Я не мазохист. Но я хочу, чтобы ты пошла со мной и поговорила с моим партнером. По дороге к тебе на Холм мы как раз будем проходить мимо нашего дома.

Я примолк и уставился на пленников. Оба лежали в джутовых мешках. Уинчелл бесился. Рипли лежал спокойно, но это внушало мне смутные подозрения. Пока я смотрел, мимо пролетела крохотная мошка, похожая на моль.

В это время Конфетка спросила:

— Откуда ты знаешь, что твой дом находится по дороге ко мне?

— Признаюсь, я еще не выяснил, кто ты на самом деле. Но я знаю, что с Холма. Этому убийце нравились только богатые девуш-

ки. Так что если ты собираешься вернуться домой, спрятаться от реального мира и думать, как тебе повезло, что можно позабыть обо всем, что было, и относиться к беднякам...

— Ты акмеист? Или анархист?

— Что? Ты упустила смысл.

Это ничего, главное, что я не упустил ее. Я тащился домой, и она шла за мной по пятам. Покойник будет доволен.

— Полно чокнутых подпольных групп, Гаррет. Их десятки. Пуантилисты. Деконструктивисты. Калибраторы. Аватаристы, атеисты, реалисты, постмодернисты. Ты так говоришь...

— Я не касаюсь политики в надежде, что политика не коснется меня. По моему мнению, хорошо обдуманному, хоть и циничному, пусть мы даже перезрели для перемен, все перемены, проводимые людьми, приведут только к худшему, пойдут на пользу все более немногочисленной и продажной правящей верхушке. — В эту минуту я понял, чем она увлечется теперь: революцией. — Кстати, у тебя есть имя? Настоящее имя?

Все эти «исты» соберут под свои знамена несчастных, скучающих богатых барышень.

— Конни.

— Правда? Значит, ты почти его не изменила?

— Почти. Конни меня называл только брат. В прошлом году он погиб в Кантарде. Он был капитаном кавалерии.

— Прими мои соболезнования.

— А ты мои, Гаррет.

— Что?

— Ты тоже там кого-то потерял.

До меня дошло.

— Да. Типичный случай. А как называют тебя другие люди?

— Микки.

— Микки? Как они ухитрились из Конни сделать Микки?

Она рассмеялась. Когда она ничего не делала, а просто веселилась, у нее был чудесный смех. Я чуть не ошалел.

— Не знаю. Это моя няня. У нее были для всех нас ласковые прозвища. А что?

Я захихикал:

— Ты мне напомнила о моем младшем брате. Мы звали его Фуба.

— Фуба?

— Не знаю почему. Это моя мама. Меня она называла Прыщ.

— Прыщ? Да. Ну конечно. — Конфетка закружилась и стала показывать на меня пальцем. — Прыщ! Прыщ!

— Эй! Прекрати!

Люди таращили на нас глаза. Она сделала пируэт:

— Прыщ! Знаменитый сыщик Прыщ!

Конфетка засмеялась и помчалась вперед.

Побежала, потому что я припустился за ней. Она неплохо бежала. Ноги у нее были что надо. Красивые ноги, я не очень-то старался ее догнать, просто бежал сзади и наслаждался зрелищем.

Мы пустились бегом, когда были уже недалеко от дома. Начинаясь Макунадо-стрит, я поравнялся с Конфеткой и сказал:

— Осталось два квартала по этой улице. Это мой район. Здесь меня знают.

Она смеялась и пыталась отдышаться.

— Есть, сэр, мистер Прыщ. Я постараюсь, чтобы вы не уронили свое достоинство.

Когда Дин открыл парадную дверь, она все еще смеялась, и мне было не по себе.

49

Белинда стояла в коридоре. Она хмуро посмотрела на Конфетку. Конфетка хмуро посмотрела на Белинду. Они, без сомнения, узнали друг друга. Конфетка напоследок еще раз подколола меня:

— Ты знаешь, что его прозвище Прыщ?

— Дин, — прорычал я, — принеси закуски в комнату Покойника. А также нюхательную соль на случай, если я дам этой девице по башке и она отключится.

У меня вдруг возникла трудность. Я оказался меж двух восхитительных женщин, обе очень интересные и разглядывают друг друга, как кошки, собирающиеся вонзить когти. В меня.

Я давно не тренировался, но вспомнил, как это бывало. Когда они поднимут бучу, я все возьму на себя. Их счастье, что напали на такого, как я.

Я услышал шум в маленькой гостиной, и меня осенило. Я вбежал в комнату до того, как последний приبلудный кот Дина успел спрятаться. Это был крошечный пушистый комочек, такой ласковый, что даже я, если бы меня приперли к стенке, признал, что он душечка. Я метнулся обратно в коридор, где мои дамы обменивались убийственными взглядами. Котенок замурлыкал.

— Вижу, что вы, девочки, знакомы. — Я сказал Конфетке: — Она здесь прячется. От убийцы. — И Белинде: — Вчера вечером убийца ее похитил. Мы только что ее освободили. Я привел ее на беседу с Покойником.

— Я так и думала. Я слышала, что ее похитили.

Белинда посмотрела на котенка без того огонька, который загорается при виде этих животных в глазах их поклонников. Черт возьми! Такая мысль, и все зря.

— Какой хорошенький, — проворковала Конфетка.

Здорово! Хоть одна проявила интерес.

— Хочешь поддержать его, пока я посоветуюсь с партнером?

Конфетка не понимает, когда я называю его Покойником. Я передал ей котенка и направился в комнату Его милости. Едва я подошел к двери, Конфетка подскочила и нахмурилась, как это происходит со всяким, кто впервые непосредственно слышит слова Покойника.

Я шагнул в комнату:

— Чувствуешь, кто у меня здесь? Будут какие-нибудь особые указания?

«Просто приведи ее сюда».

Что-то его очень сильно забавляло. Я догадывался что. Две женщины. И я, бесстыдно задыхаясь от страсти, пытаюсь придумать, как сохранить при себе обеих: и Белинду, и Конфетку.

«Это будет настоящая проверка твоего легендарного обаяния. Особенно если учесть, что твоя старая подруга Роза Тейт предостерегла обеих».

— Потешаешься над моим несчастьем.

«Подготовь ее. Она все еще не оправилась от потрясения. Моя внешность может оказаться для нее слишком большим сюрпризом».

Я подумал, что Конфетка очень ловко преодолевает потрясение, разряжаясь на мне.

Котенок сделал свое дело. Теперь женщины сидели вместе и, глядя котенка, обсуждали приключения Конфетки. Я сказал:

— Он хочет, чтобы ты вошла прямо сейчас. Но я должен тебя предупредить: он не человек. Не путайся, когда увидишь его.

Конфетка как будто не удивилась:

— Он такой противный? Как великан?

— Нет, он просто толстый. И у него длинный нос.

— Он лапочка, — сказала Белинда.

— Кто лапочка? — спросил я.

— Можно я возьму с собой Шутника? Конфетка имела в виду котенка. Уже имя придумали. Белинда кивнула, даже не посоветовавшись со мной.

— Ладно, — сказал я, будто в этом доме кого-нибудь интересовало, что думает его хозяин. — Хорошая мысль.

На кошку бывают направлены добрые чувства и мысли, которые иначе остались бы глубоко внутри.

Конфетка пошла в комнату Покойника. Криков не последовало. Белинда заметила:

— Я правда думаю, что ты, наверно, хороший парень, Гаррет.

— А?

Она махнула рукой, словно говоря, что слышала обо мне много чего, но не хочет повторять это в моем присутствии. Я пришел в недоумение. Сколько они могли рассказать друг другу, пока я заходил к Покойнику?

Женщины. Кто их разберет?

Белинда взяла меня за руку и прижалась ко мне.

— Сейчас не слишком рано для того, чтобы ты повел меня на кухню и угостил пивом?

Дин заканчивал стряпать горячее.

— Что это такое? — спросил я.

— Вам надо поесть. И юная дама, которую вы привели, видно, давно не ела хорошей пищи.

Еда для Дина — дело серьезное. Была бы его воля, каждое блюдо стало бы произведением искусства. Его ужасает мое отноше-

ние к еде просто как к горячему, хотя, когда я ем, я получаю удовольствие от вкусной пищи. Но я не буду ради этого лезть из кожи вон или тратить лишние деньги. Можете считать меня ди-карем.

Я налил Белинде пива. Она сказала:

— Я думала, как мне поступить с Краском и Садлером.

— Хорошо.

У меня не было на это времени.

— Вы не подойдете к двери, мистер Гаррет? — спросил Дин.

Кто-то прямо ломится внутрь. — Я не могу отойти от плиты.

— Извини, — сказал я Белинде.

Она только улыбнулась и подмигнула.

50

— Ну что еще? — простонал я, отступив на шаг, чтобы дать войти Тупу. — Только не говорите, что вы опять сели в калошу. Я не выдержу, если вы скажете, что опять сели в калошу.

— Гаррет, Уинчелл сбежал.

— Я просил вас не говорить, что вы опять сели в калошу.

— Я не виноват.

— А кто виноват? Вы за это отвечаете. Этот тип сидел в прочном мешке. Как он мог удрать?

— Один чертов придурок захотел посмотреть на преступника и развязал мешок.

Я чуть не завопил:

— И тут из мешка выскочили бабочки, а вслед за ними деликатно вылез Уинчелл и удалился. Так?

— Так.

— Я бы схватил вас и того, другого чертова придурка, запихнул в мешок и утопил в речке, поделом бы вам досталось!

— Тот, другой чертов придурок — принц Руперт. И он настолько порядочен, что не пытается снять с себя вину.

— Ну ладно... Когда его коронуют, я буду кричать «Ура!». Ну и что? Чего вам от меня надо?

Туп усмехнулся:

— Ничего. Я хочу видеть вашего партнера. Он хорошо угадывает действия убийцы.

— Потому что у Покойника тоже извращенный ум. Он наверняка знает, что вы пришли. Сейчас у него посетитель. Посидите вон там. — Я показал на маленькую гостиную. — Он вас вызовет. У меня второй завтрак.

А тебя не приглашали, никудышный сукин сын!

Я сел напротив Белинды:

— Почему бы нам не распрощаться с Танфером? Давай поженимся, уедем на Карнавальские острова и откроем там бюро предсказаний.

— Интересное предложение. Как ты до него додумался?

— Стража упустила убийцу. Псих опять на свободе, и в его распоряжении восемь или десять часов, чтобы проделать свой маленький фокус.

— Но если Конфетка и я здесь...

— Он убьет кого-нибудь другого. Ему надо кого-то убить.

Нравилось мне это или нет, но каким-то образом мой дом превратился в тактический штаб, руководящий поимкой Элвиса Уинчелла. К концу дня явился сам принц Руперт. Я не мог его выставить, но твердо решил не впускать его свиту. Я подскочил к нему и со свирепой, вызывающей улыбкой сказал:

— Ваше величество, у меня нет возможности обслуживать всех этих людей. — Он не настолько обиделся, чтобы позвать палача, и я продолжал: — Такая тьма народу...

Дело шло к вечеру, но улицы не были пустынные, и толпа привлекала внимание.

Мы договорились. Никто из свиты не вошел внутрь.

Принц Руперт стал первым членом королевской семьи, с которым я познакомился. То, что я увидел, не произвело на меня никакого впечатления, хотя позже Покойник и болтал о том, какие добрые намерения он обнаружил в голове принца. В то время я был не в настроении, так что просто заметил, что дорога в ад вымощена... и так далее.

Солнце еще не взошло, когда объявили, что Эмму Сетниз, известную под именем Дикси Старр, нашли в прискорбном виде. По-

лиция прибыла, когда обряд уже был завершен. Уинчелл опять скрылся, но его сообщника задержали. Ножи обнаружались снова.

— Ножи? — закричал я. — Какие ножи? Мы же их сломали.

Въяснилось, что найдены простые старые кухонные ножи, не очень пригодные для совершения жертвоприношений.

Покойник заметил:

«Я полагаю, что ножи не являются орудием проклятия».

— Черт возьми! — проворчал я. — Я это еще раньше сообщил. А то бы Уинчелла уже не было в живых.

«Ножи сломаны, распилены на кусочки, но ножи кровавого железа продолжают».

— Остроумно. А кто этот парень, которого схватили?

Сообщник оказался умственно отсталым крысенышем (опять немыслимое сочетание); он признался, что сторожил Дикси после похищения, которое произошло задолго до того, как умыкнули Конфетку. Значит, Уинчелл решил держать несколько брюнеток про запас. Удрал от Тупа и принца, он просто побежал туда, где прятал Дикси.

Я пробормотал:

— Не нравится мне это все. Этот Уинчелл чертовски смелый.

— Уинчелл? — усмехнулся Туп. — Да он сам не может ботинки зашнуровать.

«Это проклятие в действии, господа. На этот раз, возродившись в наше время, оно достигло опасной стадии развития. По моему мнению, можно утверждать, что оно начало самообучаться, а не просто медленно усваивать новое, как собака, путем многократных повторений. Не исключено, что нам придется рассмотреть самый страшный вариант, — что оно обретет способность мыслить».

— Подождите минуточку. Подождите минуточку. Из-за проклятия корова может перестать давать молоко, или ребенок начнет косить, или вы покровестесь лишаем. Это не то что...

«С точки зрения деревенского колдуна, вы правы. Возможно, ни один из ныне живущих чародеев не смог бы наслать такое проклятие. Но это заклинание возникло в те времена, когда по земле ходили титаны».

Титаны, или великаны, до сих пор ходят по земле — достаточно выглянуть на улицу. Ну, может, не здесь, но в километре отсюда —

точно. Но я не стал спорить. Общение со Старыми Костями давно научило меня: нельзя давать ему разглагольствовать о добрых старых временах.

— Титаны? Возможно. Но сейчас мы разрабатываем стратегию.

Для принца и капитана Тупа эта стратегия носит политический характер, хоть и имеет целью выловить ужасного злодея.

Покойник согласился:

«Уинчелл будет показываться на улице как можно реже, но он не сможет все время прятаться. Возможно, недолго ему удастся обойтись без помощника, но жажда убийства будет возникать у него все чаще и чаще. Через шесть дней он почувствует необходимость убить снова. Поскольку мисс... Альтмонтиго... освобождена, ему придется начать поиски жертвы сначала, если, конечно, мы сможем удержать наших квартиранток дома. — Это он сказал только мне. Нашим гостям незачем знать, что мы от них что-то скрываем. — Уинчелл выйдет на охоту. Если на этот раз он и сумеет похитить жертву один, ему все равно понадобятся подручные. Он не может перестать убивать и не может сделать так, чтобы промежуток между убийствами не сокращался все больше».

— Стоп! Стоп! — сказал Туп. — К чему вся эта болтовня?

«А вот к чему. Финансовые возможности Уинчелла невелики. Он будет нанимать сообщников, а вы назначьте вознаграждение за его поимку».

— Кто такая мисс Альтмонтиго? — спросил я и тут же пожалел.

Мне было интересно, почему Покойник слегка замешкался перед тем, как назвать фамилию, и после. Из-за Тупа и принца?

«Твоя Конфетка. Или Микки».

Мне стало как-то не по себе. Альтмонтиго — древний род с самых вершин Холма. Куда я влип? Одновременно у меня в гостях принц крови и одна из самых высокопоставленных молодых аристократок. Не говоря уж о том, что я предоставил убежище принцессе преступного мира.

Все это привлечет ко мне внимание. А я не люблю, когда на меня обращают внимание власть имущие.

Спор продолжался. Рассвет наступил и остался позади. Я сказал себе: к черту все это. От меня не было никакого толка, и я не

услышал ничего полезного. Моих предложений никто даже не заметил. Пусть большие шишки решают все по-своему. После того как они опростоволосятся и выставят себя в дурацком виде, я самодовольно откинусь в кресле и заявлю, что надо было слушать меня с самого начала.

Я остановился у лестницы. Белинда не спала. Конфетка тоже. Дин спал на кушетке в маленькой гостиной.

Чертов котенок стал тереться о мои ноги, мурлыча и пытаясь зацепить меня коготками. Я поднял его:

— Ну, дружок, с самого утра ты получишь хороший урок. Нельзя жить, полагаясь на симпатичную мордашку и доброту чужих людей. Сейчас ты вылетишь на улицу.

Котенок мяукнул. Кто-то постучал в дверь.

51

Я не спешил. Я зашагал к парадной двери, размышляя, нельзя ли устроить на крыльце такую ловушку, чтобы тот, кто не нажмет потайную кнопку безопасности, провалился в бездонную пропасть.

Прекрасный замысел, но, к сожалению, неосуществимый. Осушествоимо только одно: не подходить к двери. Хотя большинство людей, которые хотят меня видеть, знают, что я имею такую привычку и что, если они будут долго и громко стучать, я в конце концов прибегу.

Теперешним кошмарным посетителем оказался некий всеми забытый субъект, рьяный разоблачитель заговоров по имени Бре-шущий Пес Амато. Как раз то, что надо посреди ночи. Ну хорошо, ранним утром. Это дела не меняет.

— Я вас не разбудил, правда?

— Меня? Нет. Я еще не ложился. Только собирался. У меня был скверный день на этой скверной неделе в этом скверном месяце.

— Убийца девушек? Я слышал, что убили еще одну.

— Уже все знают?

— Когда что-либо интересное, молва распространяется быстро.

— Ясно. Пошли на кухню. — Я показал пальцем на дверь Покойника.

— Твой старый приятель Туп изобретает с помощью Его милости какой-то план. — Я усадил Амато за кухонный стол. — Хочешь пива?

— Конечно.

— Что случилось? — налив две кружки, спросил я.

— Ну... Это суеверие, я знаю. Я встал, шел дождь, мне надоело писать плакаты и листовки. Я вышел на улицу и пошел. Ноги сами привели меня сюда.

Что за черт! Мне не хотелось спать. Кто хочет спать, когда ведет праведную жизнь?

— Тут остался яблочный пирог. Хочешь?

— Конечно. Я плохо питаюсь. Что ты думаешь о моем вчерашнем выступлении?

— Очень удачное начало. Но мне не довелось увидеть все целиком.

— Я заметил, что ты исчез.

— Не по своей воле. Ко мне подошли бандиты Чодо Контагью и сказали, что их босс хочет меня видеть.

— Кажется, я видел этих парней как раз перед тем, как ты пропал.

— Ты знаешь людей Чодо?

— Слава Богу, не по собственному опыту. Но я годами следил за Организацией и собирал информацию. Они не пытались пожить за мой счет, но, если они попробуют, я буду наготове.

Что это значит? Кто-то в Организации страдает милосердием и терпимостью? Едва ли.

Вошла Белинда, за ней Конфетка. Обе были полуодеты. Брешущий Пес тут же доказал, что он не совсем полоумный. Он сразу вылутился. У него потекла слюна. Если бы сейчас была луна, он бы на нее завыл. Он пропищал:

— Кто эти прелестные дамы, Гаррет?

— Они связаны с делом об убийде девушек. Это Белинда, а та Конфетка. Девочки, это Кропоткин Амато.

Белинда и бровью не повела, но Конфетка чуть не выскочила из штанишек. С огромным воодушевлением она спросила:

— Брешущий Пес Амато? — И глядя мне прямо в глаза: — Отец Сас?

В мгновение ока Амато стал другим человеком.

— Сас? Это прозвище Лони. Вы знаете Лони Амато?

Белинда поняла и схватила Конфетку за руку. Конфетка побледнела как полотно, но, очевидно, Белинда не успела ее остановить. Конфетка сказала:

— Конечно. Мы работаем вместе с Сас. Да, Белинда?

Так я и думал. Девочки провели ночь наверху, сплетничая обо всем на свете. Надеюсь, что тип по фамилии Гаррет не был главным действующим лицом их разговора.

Брешущий Пес сказал:

— Лони моя дочка. Об этом знают немногие. Когда я в последний раз видел ее, ей было пять лет. Моя жена... Она никогда не верила в то, что я делаю. Она считала меня сумасшедшим. Может, так и есть. А может, нет. Это не важно. Она ушла. С Лони. Вы знаете Лони? Вы правда знаете Лони?

Даже психи иногда плачут.

Девочки не знали, что сказать. Я сделал им знак молчать.

— Старина, я должен тебе признаться. Насчет тех отчетов, что мы пишем. Гулляр передает их твоей дочери. Да. Он подставное лицо, но не злодей.

— Передаст Лони? Правда? Ты знаком с моей дочкой, Гаррет?

— Однажды ее видел, только и всего. Я с ней незнаком.

— С ней все в порядке? Расскажи мне о ней. Расскажи мне все.

— Вынужден разбить твое сердце, дружище. Мы с тобой ладим, мы вместе кое-что разработали, но ты не мой клиент. Мой клиент Гулляр представляет интересы твоей дочери. Без одобрения этих людей я не могу тебе ничего рассказать. Я могу сказать только, что она здорова. Она не светская дама, но и не нищенка. Если ты хочешь знать больше, я спрошу разрешение у Гулляра.

Белинда сказала:

— Я изменила мнение о тебе. Ты полное дерьмо, Гаррет.

— А если бы я работал на тебя? Ты бы хотела, чтобы без разрешения обсуждали твои дела?

Она заворчала, зафыркала. Но поняла. Брешущий Пес страстно желает, чтобы ему рассказали о его дочери, но, может, дочь вовсе не желает, чтобы он лез в ее жизнь.

Надо спросить у Лони.

Брешущий Пес пришел к тому же выводу. Может быть, даже раньше меня. Он сказал:

— Гаррет, поговори с ней. Спроси, хочет ли она меня видеть. Если ты устроишь нам встречу, я буду твоим рабом по гроб жизни. Я сделаю все, что ты захочешь. Я любил эту девочку. И я не видел ее с тех пор, как она была почти младенцем.

Белинда и Конфетка смотрели на меня так, словно ожидали, что сейчас из моих уст посыплются перлы премудрости, как будто взмахом ржавого рыцарского меча можно воссоединить Брешущего Пса с его давно потерянным ребенком. В воздухе повеяло сентиментальностью. Если я желаю добиться благосклонности одной из этих красоток, надо устроить встречу.

Я циник. И признаю это. Мне придется помочь Брешущему Псу, чтобы потом добиться успеха у баб. Я ни в коем случае не стал бы тратить драгоценное время на это дело из каких-то чувств. Я парень крутой. Меня всякой чепухой не проймешь.

Надеюсь, Амато не хватит удар, когда он узнает, чем занимается его дочь.

Черт возьми, я сам не знаю, чем она занимается. Правда, не знаю. Она танцует в заведении Рислинга Гуллара. Это не значит, что она шлюха. А даже если так, это не мое дело.

Я сказал:

— Не хочу быть невеселым, ребята, но я ужасно устал. Я суетился весь день. Дамы, если вы не хотите спать, а желаете побеседовать с мистером Амато, пожалуйста. Когда пойдете в постель, проверьте, заперта ли парадная дверь. Это означает, что кто-то из вас не должен ложиться, пока мистер Амато и эти дураки, что разговаривают с Его милостью, не уйдут.

И тут Покойник показал, что, развлекая членов королевской семьи, он не забывает обо мне.

«Не беспокойся, Гаррет. Мне кажется, я не смогу отделаться от этого принца, пока он не увеличит нам сумму на расходы. Я уверен, что тогда Дин уже проснется и проводит нашего последнего гостя. Можешь немного поспать».

Это звучало подозрительно. Покойник бывает ко мне добр, только когда он уже приготовил для меня задание. Если он хочет, чтобы я отдохнул, значит, потом он загоняет меня до смерти.

Я похлопал Амато по плечу:

— Поболтай с девочками. Я поговорю с твоей дочерью.

Две минуты спустя я лежал в постели. Я погасил лампу и вырубился прежде, чем голова моя коснулась подушки.

52

Несколько дней Покойник гонял меня по делам с утра до ночи. Мне пришлось выполнять всю черную работу, которую подчиненные Тупа должны были сделать уже давно.

Правда, они на самом деле снесли все соответствующие документы в одну комнату, находящуюся в подвале Канцелярии. Просто они так и не начали просматривать эти бумаги. Так что мне пришлось разбираться в них самому, но это не всегда было возможно. Чтобы прочитав самые древние рукописи, написанные вышедшим из употребления одельским шрифтом, мне потребовалась помощь; я все равно не понял бы эти документы, потому что язык очень изменился.

Пока я таким образом убивал дни и проводил разгульные вечера в Веселом уголке, Туп, стараясь не привлечь внимания публики, выслеживал Уинчелла. Говорили, что Тупу поручили положить конец убийствам. Также было известно, что у него это не очень получается. Масштабы происходящего преувеличивались, подробности сгущались. Общество охватывала истерия, что совершенно неправомерно, так как убийства совершаются каждый день и без всякого проклятия.

Мне кажется, Туп ошибся, когда предложил вознаграждение за поимку Уинчелла, хотя эту мысль подал Покойник. Объявление награды привлекло внимание. В итоге бедный дурак Туп заработал язву. Его приятель Руперт не мог защитить Тупа от всех высокопоставленных болванов, которые считали своим долгом объяснить ему, что ему делать. Сам принц забыл, что мы имеем дело с не совсем обычным преступником.

— Скажите ему. Он меня не слушает, — жаловался Туп.

— Он разуверился в успехе?

— Еще нет. Но почти. Я понимаю, у него тоже трудности, и он не может нам помогать. Мне просто немного неприятно, как он отгораживается от всего, что не хочет слышать.

Я пожал плечами жестом умника. Принц не внушал мне доверия. Туп оправдывал его.

— У него действительно есть враги, Гаррет. Множество людей думают, что в Танфере и так все прекрасно. В основном это те, кто пострадает, если восторжествуют закон и порядок.

— Что-нибудь обязательно восторжествует: либо закон и порядок, либо что-то еще. — Признаки проявлялись все отчетливее. — Я встретил нескольких старых дам, которые призывали уничтожить все пивоварни, винные и водочные заводы.

— Старушки хватили через край.

— Я пытался им это сказать, — проговорил я. — Без пива нет цивилизации. Пиво — источник жизненных сил общества. Они не стали меня слушать.

Туп улыбнулся:

— Фанатики. Что с ними поделать? Мы получаем по пятьдесят жалоб в день на этих религиозных маньяков, последователей Миссиссы, или как их там.

Ухмылка Тупа означала, что он не верит в действительное существование старых дам, о которых я говорил. Однако они существовали. Они стояли кучкой на ступенях Канцелярии, на несколько маршей выше Брешущего Пса, на их место никто не претендовал. Они меня не беспокоили. В разумном обществе их идеи не найдут отклика.

Пока я работал в Канцелярии, я часто виделся с Амато. Брешущий Пес изменился. Прежний пыл исчез. Я поймал его в перерыве между двумя представлениями и сказал ему об этом.

— Что происходит? Что-нибудь стряслось?

— Я боюсь.

Он не стал ходить вокруг да около.

— Боишься? Ты? Брешущий Пес Амато?

— Да. Я. Никто еще не заметил, но заметит. Ты же заметил. Что тогда со мной будет?

— А в чем дело? Что случилось?

Может быть, кто-то начал преследовать его по-настоящему.

— Это из-за дочки. Я вдруг стал уязвимым. Когда я ничего о ней не знал, мне было на всех наплевать.

— Тебе ничего не грозит. Вряд ли кто-нибудь знает о ее существовании. Мы небогаты.

Я принялся. Что такое? Ага! Амато стал не таким пахучим, как прежде.

— Да. Я тоже так думаю. Я говорю себе: те, кто знает, порядочные люди. Тогда я начинаю бояться ее.

Я поднял бровь.

— Я обошел Веселый уголок. Я понял, что она иногда бывает в заведении этого Гуллара, а то как бы он тебя нанял. Так? — Наверняка все принимали Брешущего Пса за сыщика. — Я там торчал и торчал, и наконец мне показали девушку, которую называют Сас.

— Ну и что?

— Она выглядит неплохо.

— Я тебе так и говорил. О ней заботятся.

— Теперь я о ней знаю, но как я с ней встречу? Я боюсь этой встречи до смерти. Что бы ты сказал своей малышке, если бы ты не видел ее с тех пор, как она пешком под стол ходила?

Сас тоже придет в ужас. В свое время. Она не знает, что ему известно о ее существовании. Я не мог решить, говорить или не говорить Гуллари. Он страшно разозлится, но я чувствовал, что лучше сказать.

— Я тебя понимаю. Но нельзя поддаваться унынию. Возможно, впереди тебя ждет важная миссия.

— Какая?

— Ты должен пойти в народ. Ходить по барам и открытым кафе.

Городские низы не помышляют о революции. Бедняки слишком заняты работой, думают только, как свести концы с концами.

Амато покачал головой:

— У меня не получится. Это не для меня.

— Как раз для тебя. Достань какую-нибудь новую одежду. Потрать немного времени и изучи сегодняшние настроения масс.

— Зачем?

Он произнес это с легким подозрением. Он все еще не вполне мне доверял.

— Зарождаются новые веяния. Пока они не очень заметны, но, возможно, за ними будущее. Тебе надо об этом знать.

Я подумал, что если он будет говорить о невыдуманных тревогах и безобразиях, то сможет стать настоящим уличным агитатором. Он знает множество людей. Он народный герой. Когда он перестал говорить о самом себе, к нему начали прислушиваться.

Сейчас он все больше рассказывает о воображаемом прошлом, но почему бы ему с такой же страстью не начать говорить о пока что невообразимом будущем?

53

Мы трепались с Брешущим Псом, и тут меня поймал капитан Туп. Он меньше всего походил на офицера Стражи, хотя и был хорошо одет. Его приспешники тоже сменили полицейскую форму на штатское платье. Одежда стала показателем намерений. Тот, кто сбрасывал красно-синий мундир, собирался работать не за страх, а за совесть. Остальные будут уволены, если только принц Руперт получит власть над городской полицией.

— Как дела? — спросил Туп.

Он даже не взглянул на Амато. Брешущий Пес притворился, что Туп невидимка. Это было хорошо придумано.

— Кое-что я вычитал. Немного. Не все так ясно, как хотелось бы. И от всего этого мало проку. В документах написано: «Мы сделали то-то и то-то, но эту женщину убили, другую тоже, мы схватили злодея, повесили его и похоронили его на месте казни» — и еще что-нибудь в таком духе. Ни намек на то, как остановить проклятие. В те времена проклятие не переходило от одного негодяя к другому, как сейчас. Проклятию не давали такой возможности. Наверно, заинтересованные люди лучше понимали, о чем идет речь. И само оно не было таким изощренным. И местных волшебников можно было заставить в городе. На Стражу не сваливали всю работу. Когда убийства пошли по второму кругу,

все поняли, что имеют дело с проклятым человеком, который вскрыл могилу первого убийцы.

И мы оказались такими же сообразительными, как наши предки. Ура!

— И с проклятием ничего не сделали?

— То-то и оно. Преступника повесили и похоронили так, чтобы могилу никто не нашел. Но, увы! Я плохо разбираюсь в колдовстве, но могу поспорить, что это проклятие обладает силой притягивать людей, пока один из них не откликнется на его зов и не примет его на себя. При этом с каждым разом оно становится хитроумнее и сквернее.

Туп задумчиво проговорил:

— А сейчас мы ничего не сможем сделать, даже если захотим. Проклятие просто некому обезвредить из-за войны.

Да, все наши настоящие, могущественные волшебники в Кантарде.

— А у вас какие новости? — спросил я.

Кто знает? Может, он или его ребята выследили Уинчелла.

— Никаких следов. Мы устроим ему засаду. Уже договорились. Сегодня вечером девушка возвращается на работу. Завтра у нее выходной, следующие два вечера она работает. Дополнительный вечер на случай, если Уинчелл отложит похищение. Ваш партнер говорит, что убийца не может опоздать на два дня.

Я подумал, что Уинчелл не такой дурак, чтобы вообще идти туда, где его ждут.

Туп продолжал:

— В заведении, кроме группы прикрытия, будут лишь Гулляр, гном и три девушки, которым Гулляр доверяет, как самому себе. Уинчелл никак не сможет схватить приманку. А если он попытается это сделать, то попадется на нашу удочку.

Это если ему нужна или Конфетка, или Белинда. Но я вовсе не уверен, что Уинчелл не сможет найти других жертв. Разве только ему не везет с девушками так же, как мне.

Я не стал возражать. Этот план разработал Покойник. По всем правилам военного искусства. Мы затаимся и будем ждать, когда проклятие проявит себя. Я уже указал на очевидные недостатки такого подхода.

— А если он удерет и схватит другую девушку?

— Как только обнаружат труп, мы возьмем след преступника.

Шип нанял лучших охотников из крысиного народца во всем городе. Они ждут вызова. Сейчас они бродят повсюду в надежде случайно напасть на след.

Когда все, что ни делаешь, не помогает, начинаешь делать все, что можешь. Надо отдать Тупу должное. Теперь он выкладывался на все сто.

Он спросил:

— Вы установили чародея, который создал заклинание?

— Только приблизительно. Это было давно. Раньше, чем мы думали. Чтобы сказать точно, мне надо еще кое-что перевести.

— Черт побери, скажите не точно!

— Да успокойтесь! В показаниях свидетелей, относящихся к тем далеким временам, когда впервые произошли убийства, упоминается некий Дракир Неветц. Я справился у историка. Он никогда не слышал ни о каком Дракире Неветце, но знает, что существовал некий Лопата Дракир Неветцкий, настоящий древний чернокнижник, который всегда соперничал с другим чародеем, по имени Лубок Простодушный. Коньком Дракира являлось составление столь сложных проклятий, что никто не мог их избежать.

Туп заворчал, с минуту подумал и поразил меня знанием имен. Он был лучше образован, чем я считал.

— Почему именно такое проклятие? Есть какие-нибудь намеки?

— Очень смутные. У Простодушного была дочь.

— Арахна.

— Да. Самая могучая ведьма. Если только переводчик меня не разыгрывает, оба — и Дракир, и Простодушный — гонялись за ее милостями, чтобы основать династию могущественных колдунов. Арахна предпочла собственного папочку, что привело Дракира в ярость. И, сдается мне, после этого он ее проклял.

— Но это было задолго, очень задолго до первых убийств.

— Да. Я думаю, что самые первые убийства просто не нашли отражения в документах.

— А может быть, Арахна отвела от себя проклятие, приостановила его действие и никому не сказала.

— Возможно и так. — Ведь может человек думать, когда захочет. — Неплохо бы выяснить, остались ли какие-нибудь портреты Дракира и Простодушного. И особенно Арахны.

Туп опять заворчал, уставясь в пространство отсутствующим взглядом.

— Все это не так просто сделать, правда?

— Не особенно. — Господи, все это надо обсудить с Покойником. А он не в духе, так как новости из Кантарда указывают на затишье перед бурей. — Кстати, о том, что не так просто сделать: взгляните на того типа, который следит за нами с верхней площадки, где старушки призывают вести трезвый образ жизни.

Туп посмотрел:

— Это Краск, человек Чодо.

— Правильно. Сейчас я вам доверю одну тайну. — Брешущий Пес снова приступил к работе, не желая пребывать в обществе прихвостня своих притеснителей. Никто не услышит. — Вторая девушка у меня в доме — Белинда. Ее полное имя Белинда Контагью. Это дочь Чодо Контагью. Она скрывается у меня, потому что Краск и Садлер хотят ее убить.

— Что? Почему?

— Потому что они что-то сделали с Чодо. Отравили или что-то еще. Я его видел. — Какого черта! Полиции все лгут. — Он не жилец. Они только притворяются, что он отдает приказания. Белинда это знает, и поэтому они хотят от нее избавиться.

— Кажется, я не вполне понимаю, Гаррет.

— Белинда может их разоблачить. Они должны скрыть обман, иначе они потеряют власть в Организации. Я знаю об этом, потому что они хотели, чтобы я нашел им Белинду.

— Ту девушку, одну из основных мишеней нашего убийцы?

В этом и была вся трудность.

— Мне казалось, что все это просто дурацкое совпадение, но потом я понял, что смотрю на дело не с того конца. Мы оцениваем все с точки зрения поимки Уинчелла. А тут надо смотреть по-другому. Борьба между Белиндой и Краском длится уже несколько месяцев. А с убийцей девушка столкнулась ненароком. Она бы вообще не влипла в историю с этим душегубом, если бы Краск не

вынудил ее бежать из дому. Случай бросил меня в гущу событий, и хорошо, что я не опоздал. Игроки отвели мне место в своей игре.

Тупу было немного не по себе.

— Зачем вы мне об этом рассказываете? Опасно знать слишком много о делах Чодо.

— Я вам рассказываю, потому что на верхней площадке стоит очень влиятельный и гадкий человек и бросает на меня недобрые взгляды. Ему не нравится, что я не бегаю, высунув язык, чтобы найти Белинду, а валяю дурака и расследую никому не нужные убийства. Насколько я помню, мне разрешается позвать на помощь полицию. Не говоря уж о том, что вам доставит удовольствие поддеть мерзавца такого масштаба, как Краск, зная, что за ним не стоит Чодо.

— Сказать по правде, Гаррет, я думаю, что убрать Краска с улицы — замечательная мысль. — Он сердито забурчал, он был в смятении. Что я наделал? — Но я не уверен, что мы ничем не рискуем. Что он делает?

— Мечет икру. Наверно, думает, как было бы хорошо затащить меня в какую-нибудь дыру и пересчитать ребра.

— Почему?

— Из-за девушки. Он не знает, что она у меня в доме. Он думает, что я палец о палец не ударил, чтобы ее отыскать. А они с Садлером очень прозрачно намекнули, что найти ее в моих интересах.

— Вы уверены, что Чодо в этом не участвует?

— Совершенно уверен.

— Тогда можно поиграть с Краском. Но не ждите чего-нибудь серьезного. У этих людей всегда находятся влиятельные друзья.

— Мне ли этого не знать, — пробормотал я.

Туп подмигнул мне:

— Желаю вам хорошо провести день.

Он с задумчивым видом пошел прочь, а я остался беситься на лестнице.

Я заметил в толпе приятелей Тупа, в основном вольнонаемных. Туп наслаждался ролью честного полицейского. Мне стало интересно, перестал ли он вообще брать взятки или отвергает только самые сомнительные.

Я надеялся, что он не станет приверженцем Нового Порядка. Ведь закона и порядка тоже может быть слишком много, хотя я не думаю, что Танферу это грозит.

Я тихо попрощался с Брешущим Псом. Он разорялся вовсю, даже не мог отложить мегафон. Он показал на свой последний отчет. Я схватил его, отошел, поджидая Краска.

54

Краск был мною недоволен.

— Какой же ты гнусняк, Гаррет, если якшаешься с таким дерьмом собачьим, как Туп!

— Он не так уж плох. Мы старые друзья. Ты разве не знал? У нас общее дело. Новый Порядок называется. — У меня не получилось, как у ставленника Тупа Шустера: «Новый Порядок». — У тебя трудности с Новым Порядком?

— У меня трудности с тобой. Тебя наняли кое-что сделать. Ты не делаешь ничего.

— Ты ошибаешься. Хотя вы и навязали мне деньги, я не оговаривал конкретные условия. Я не отказываюсь от работы. Но прежде надо закончить парочку других дел. Так что привет!

— Нет. Тебя нанял Чодо, и работа срочная. Это у тебя единственное задание.

— О черт! Опять двадцать пять! Ты давно со мной знаком, Краск? Достаточно давно. Знаешь, что ты можешь, сколько хочешь, строить рожи и играть мускулами, а я буду все равно делать по-своему. Я тебе сказал: мне надо закончить работу. Жди, пока подойдет твоя очередь, как все нормальные люди.

— Не буди во мне зверя, Гаррет.

— Э-эх! — Неплохая мысль. — Я всегда так действую на людей. Особенно на тех, которые лезут без очереди и думают, что они заслуживают особого внимания — Если он собирается мне что-то сделать, пускай сделает при всех какую-нибудь глупость. — Послушай. Подойди поближе. Я хочу, чтобы ты понял, как я страдаю оттого, что пришлось тебя огорчить.

— Я пришел сюда, чтобы нежно предупредить тебя, Гаррет. Просто, так сказать, попенять тебе на ошибки. Но теперь я чувствую, что надо нам куда-нибудь пойти и поговорить.

— Какой ты хитрый, Краск!

Вдруг откуда-то появился Туп:

— Почему бы нам всем вместе не посидеть здесь, на ступеньках, как старым друзьям?

— Отвали, задница, — ответил Краск. — Не твое дело, о чем мы говорим.

— Может, ты и прав. Может, я интересуюсь совсем другим. — Туп поднялся на несколько ступеней, уселся на каменный барьер, идущий по краю лестницы, и помахал рукой. Из толпы вышел человек. Даже я был ошеломлен. Человек возник как будто ниоткуда. — Ну, Моргун?

Моргун ответил:

— Мы убрали карету. Арестовали тронх.

— Ну! Что ты на это скажешь?

Краск не смотрел на Тупа. Он обратился ко мне:

— Что происходит, Гаррет?

— Ты знаешь столько же, сколько и я.

Туп сказал:

— Спускайся, Краск!

— Черта с два! Что за фокусы!

Туп улыбнулся:

— Времена меняются, Краск. Я ждал, когда это случится. — Он поднял на меня глаза, на губах играла злая улыбка. — Мы с Краском старые знакомые. Из одной окрuti. Одно время служили в Кангарде в одном подразделении. У нас много общих воспоминаний.

Краск неловко переминался с ноги на ногу. Напряжение в голосе Тупа свидетельствовало о старых счетах. Краск чувствовал себя неуверенно. Казалось, что-то и впрямь изменилось.

— Только тронь меня, Туп, — костей не соберешь!

— Сомневаюсь. Я уже сказал, времена меняются. Друзей у тебя все меньше. Я ждал. В тот день, когда меня произвели в капитаны, я присмотрел для тебя в Аль-Харе особую камеру. Я ишу предлог, чтобы тебя туда поместить, и надеюсь, если ты будешь сопротивляться, переломать тебе кости. Я не знаю, почему так

получается, но почти все заключенные, отмеченные в списке Стражи как пятьдесят самых злостных преступников, покончили с собой. Может, в тюрьме с ними грубо обращались. — Туп подмигнул мне и сказал: — Спасибо, Гаррет. Я почти забыл, что должен расквитаться с этим олухом.

Краск скорчил самую страшную рожу, на какую был способен:

— Рвешься сыграть в ящик, Гаррет? Со мной шутки плохи.

— Мне терять нечего. Ведь вы хотели пришить меня и дочку Большого Босса, как только я ее найду!

— Уймись, Гаррет!

— Ты думаешь, я слабак. По твоим меркам. Но неужели ты считаешь, что я болван?

Краск готов был ломать и крушить все вокруг. Мой план привести его в бешенство сработал. Только...

Один из подчиненных Тупа вышел из толпы и стукнул Краска сзади по голове дубинкой, похожей как две капли воды на мою. Первая попытка не удалась, Краск не упал. Полицейский секунду удивленно рассматривал свой инструмент. Затем, прежде чем Краск пришел в себя, человек Тупа врезал ему раз пять по-настоящему и удостоверился, что добился желаемого результата.

Толпа, идущая по лестнице, расступилась. Забавно. Никому не пришло в голову позвать Стражу.

Туп спросил:

— Как вы считаете? Убрать его отсюда? Пускай Садлер поломает голову, вычисляя, что случилось с его дружкой.

— Вы не боитесь их мести?

— Теперь нет.

Туп улыбнулся. Появился Шустер. Не знаю почему, но мне казалось, что Шустер будет наиболее опасной фигурой в Страже при Новом Порядке.

— Мы запрем Краска на несколько дней. Просто пускай посмотрит, каково ему придется.

И процессия стала удаляться.

Я тревожился за Тупа. У него могут быть крупные неприятности. Возможно, он и подыскал камеру для Краска, но мне трудно было себе представить, что Краск будет в ней сидеть, каковы бы ни

были планы Руперта. У Большого Босса длинные руки. Едва лишь Садлер узнает, что Краск попал в беду, колеса завертятся.

И все же...

Я взглянул на Шустера.

Туп создавал собственную тайную полицию. И очень быстро. Возможно, с наилучшими намерениями, но если он будет откалывать такие номера, как этот, с Краском, то втянется в опасную игру.

55

Я доложил обо всем Покойнику. Ему это не понравилось.

— Считаешь, я не прав, Плут?

«Капитан Туп стал слишком самоуверенным. Эти действия преждевременны. Его полиция, хотя и многочисленна, даже в этот переходный период не может сравниться по силе с преступным синдикатом. Я не верю, что подчиненные Тупа пройдут через все испытания и останутся ему верны. Продажность — одна из движущих сил истории».

— Одна из движущих сил истории?

Когда Покойник начинает употреблять такие выражения, пора сматываться. А то последует длинный нравоучительный рассказ.

«Что касается мистера Амато, его беспокойство вполне понятно. Когда увидишь его в следующий раз, попроси зайти».

Какой добрый приятель мой партнер! Я грубо хмыкнул. Я три дня рылся в книгах, пробираясь в глубь веков, а ему плевать. Уж что-что, а выказать пренебрежение он умеет.

«Относительно волшебников, Простодушного и Дракира, вероятно, следует посоветоваться со специалистами».

— Я уже советовался, Вессельчак.

«С лингвистами и эрудитами. Оба имени мне смутно знакомы, но не вызывают никаких особенных воспоминаний. Боюсь, это было до меня. Я считаю, что Туп должен приберечь свою особую камеру для нашего особого злодея».

Покойник расшумелся, он посылал сигналы на весь дом.

— Возможно, из нее носитель проклятия не убежит.

«Он будет там, пока мы не найдем подходящих волшебников».

Внезапно Покойник смутился. За показной уверенностью скрывала робость, и это совсем сбило меня с толку — я недоумевал, что он может скрывать от своего старшего партнера.

«Что касается мисс Альтмонтиго... — Он умолк на очень краткий миг и, казалось, не ожидал, что такой кретин, как я, это заметит... — Меня навестил ее приемный отец. У нас была бурная дискуссия».

— Можно себе представить!

Сами понимаете, какой сюрприз для отца.

«Ему пришлось посмотреть правде в глаза».

— Это значит, что некий субъект, считающий себя моим партнером, переупрямил другого субъекта, который пробыл на земле всего лет семьдесят и которому не нравится, как летит время?

«Это значит, что непрерывная бомбардировка фактами принудила его пойти на сотрудничество».

— Ты убил его упоминанием о принце.

Нетрудно догадаться.

«Решающим доводом оказалось мое замечание о том, что он больше не имеет законных прав распоряжаться жизнью мисс Альтмонтиго, ему подвластна лишь ее собственность».

Я нахмурился. Каждый раз говоря «мисс Альтмонтиго», Покойник слегка спотыкался. Я решил пока не думать об этом.

По непонятным мне причинам карентинский закон о собственности предполагает, что у женщины мозгов столько же, сколько у курицы. Закон дает право отцу и мужу запрещать любую передачу собственности, даже если сами они не могут претендовать на данные деньги или имущество. Очевидно, это положение принято для того, чтобы глупые девочки не раздали все религиозным организациям и (или) жуликам. Только вдова может заключать сделки от своего имени. Наверно, здравый смысл приобретается в постели.

«Я предположил, что она может лишить его права распоряжаться ее собственностью, которую она в огромном количестве унаследовала от его бабушки по материнской линии, феминистской активистки. Мистер Альтмонтиго управляет этой собственностью со значительной выгодой для себя».

Покойник задел большое место. Совершеннолетняя женщина может выйти замуж без разрешения. Она может вступить в брак с

умирающим (или мертвым), у которого нет наследников, и сразу же стать вдовой. Это происходит не так часто, но, когда это случается и на карту поставлено состояние, судебные процессы становятся развлечением для общества. Свидетели продают показания той стороне, которая больше заплатит. Можете себе представить, что вытворяют юристы. Ничего нельзя добиться. В любую минуту они могут все переиграть.

— Ты дома. — Без стука вошла Белинда и закатила глаза к небу. — О, эта женщина! Она работает у Гуллера, но не имеет понятия о реальной жизни.

Я нахмурил брови и вопросительно взглянул на Покойника.

«Ребячество, женское соперничество. Не обращай внимания».

Разумный совет. Хотя, если Белинда с Конфеткой заведутся по-настоящему, стоять над схваткой тоже может быть опасно.

Белинда спросила:

— Какие у тебя сегодня успехи?

Я рассказал ей, как провел день. Покойник без ворчания выслушал все по второму разу. Неужели его так увлекла история Дракира?

Едва я упомянул Краска, Белинда задумалась. Мне пришлось дважды спрашивать: «Что с ним?» — прежде чем она объяснила мне причину странного настроения Покойника.

— Заходил твой приятель, такой крупный парень.

— Плоскомордый?

— Да. Он сообщил какие-то новости о Кантарде. Кажется, нехорошие. Извини.

Белинда не любит говорить о войне.

— Плохие новости, Весельчак? — спросил я. — Что-нибудь неприятное?

«Твой морской флот отбил Фулл-Харбор».

— Я тебе говорил, что так и будет.

Меня захлестывала волна гордости. Меня действительно навсегда сделали моряком.

«Это еще не все. Карсента начала генеральное наступление небольшими силами, полагаясь на богов. При поддержке наемников морКаров карентинские силы атаковали венагетов и республиканцев по всему фронту».

— Значит, скоро получают похоронки матери многих героев-карентинцев.

«Еще больше похоронок получают матери венагетов и республиканцев. МорКары служат верно и приносят пользу. Если так будет продолжаться, они лишат Слави Дуралейника способности собирать самые точные разведданные, так как не дадут покоя его лазутчикам. МорКары приняли на себя роль, которую традиционно играла кавалерия: налеты, прикрытие и защита. Притом они делают все это с воздуха, так что ни Дуралейник, ни венагеты не могут им повредить. МорКары уже добились превосходства над воздушными союзниками Дуралейника».

— Ну и что?

«Не будь тупоумным. Это означает, что война окончена и победила Карента. Если морКары будут непоколебимы, мы станем свидетелями бойни. Карентинские войска каждый раз будут оказываться в нужное время в нужном месте в превосходящем количестве, усиленные мощной поддержкой с воздуха».

— А дальше?

«Конец мечты Дуралейника может оказаться для Каренты началом кошмара. Победа обернется поражением. Наши наиболее мудрые руководители, должно быть, поняли это уже давно. Поэтому война тянулась так долго. Когда цена победы превышает цену продолжения войны...»

— Что?

Я не унимался.

«Ты как-то говорил о том, какое может возникнуть положение, если все солдаты вернутся домой».

— О! Да, конечно.

Когда война ведется десятки лет, экономика зависит от продолжения военных действий. Целыми отраслями управляют нелюди. Мир принесет значительные перемещения, социальное напряжение и раздор.

— Можешь назвать это войной, которая проиграна при помощи победы.

«Вот именно».

— Что нам делать, чтобы устоять?

«Мы не занимаемся политикой. Наши услуги будут нужны всегда. Даже боги бессильны против судьбы».

Это было похоже на усеченную цитату. Однако я не сказал о своих подозрениях. Бесплезно уличать Покойника в плагиате. Он не знает стыда.

Вернулась Белинда:

— Я придумала, Гаррет. Мне нужно видеть капитана Тупа.

«План, достойный вашего отца, мисс Контагю. Но неудачно выбрано время. Я вам не советую. Еще не настал час бросать вызов мистеру Краску и мистеру Садлеру. Все преимущества на их стороне. А ваши немногочисленные надежные друзья заняты этим перескакивающим проклятием. Однако позвольте мне изложить, какие шаги мы сможем предпринять, когда придет время».

Я застонал. Когда Покойник начинает излагать, какие мы предпримем шаги, я шагаю за дверь.

Они беседовали. Я ждал, всеми позабытый. Наконец Белинда ушла, она была полна энергии и послала Покойнику на прощание смачный и многообещающий благодарственный поцелуй.

— Что она задумала?

«Ее план включает, в частности, что меня перенесут в заведские мистера Дотса...»

— Что? Эта женщина сумасшедшая!

Я не могу сдвинуть его с места, чтобы вытереть пыль, не то что вынести из дома.

«В ее плане была некая утонченная порочность, — задумчиво просигналил Покойник. Он не стал объяснять. — Мы обсудим некоторые его подробности в ближайшие дни, когда будет свободное время. Все это потребует бесед со многими людьми. Скажи об этом Дину».

Хорошо. И пусть Дин свалит всю вину на меня, хотя очевидно, что все это бредовые замыслы Покойника.

56

Вот так мы и жили: валяли дурака и все думали, как остановить одного из самых опасных убийц за всю историю Танфера, залезали по уши в дела Стражи и донесения осведомителей, да еще Покойник пытался провернуть какую-то аферу, чтобы Краск и Садлер

отстали от Белинды. Я вынужден был играть роль мальчика на побегушках. Брюзжащего мальчика на побегушках. Когда у Тупа не находилось для меня ничего лучшего.

Однако должен признать, что благодарность мисс Белинды Контагью превзошла все ожидания и оказалась едва ли не больше того, что я могу вынести.

Я потерял счет негодьям, которые перебивали у нас за эти дни. Большинство из них не походили на обычных головорезов: это были должностные лица, военные, предприниматели и даже офицеры Стражи. Люди, из-за чьей недалековидности Чодо приобрел власть, а они — больше богатства, чем им полагалось. Все они знали Белинду. Раз в год Чодо собирал их всех вместе под предлогом ее дня рождения.

Они пришли. Белинда рассказала им о Краске, Садлере и о папаше, а Покойник в это время покопался у них в головах. Тем, кто готов был выступить против Белинды, Покойник смешал все мысли, так что эти люди забыли, что видели ее.

Вокруг шныряли Плоскомордый, Морли и его команда, они обеспечивали охрану.

Покойник был уверен, что Уинчелл больше не клюнет на Конфетку, даже если она будет валяться перед ним голая и у него будет преимущество во времени. Белинда предложила, что пойдет она.

Настал вечер. На этот раз я решил держаться до конца, пока все не получится. Не дам Тупу и его неумехам снова все испортить.

Я мечтал с этим покончить. Я столько работал, будто это не одно, а несколько дел. Разве что не махал кулаками, хотя в нашей профессии это приходится делать часто.

В дансинг Гуллера набились подсадные утки, почти все вольнонаемные полицейские. Еще больше полицейских околачивалось вокруг. Веселый уголок заполонили стражи закона. Те, кто работал на улице, приходили, покупали пиво и уходили. Мы сидели внутри и покупали еще охотнее.

Гуллер стоял, опершись на стойку, и говорил мне:

— Этот подонок с ножом скоро сделает меня богачом, все твои ребята пьют пиво. Ты правда собираешься поймать этого негодяя?

— Мы разрешим ему показывать свои трюки на твоей танцплощадке, и к тебе валом повалят клиенты-вампиры.

— Это опасно!

— Ничего не поделаешь!

Было уже поздно. Напряжение нарастало. Полицейским все труднее было прикидываться, что они обыкновенные гуляки. Впрочем, мне не приходилось уговаривать их расслабиться и спокойно ждать. Они были такие обыкновенные, что дальше некуда, и вели себя, как ответные гуляки.

— Нам не следует торчать здесь, Гаррет.

Гуляр был прав. Уинчелл мог узнать меня.

Белинда прошла в заднюю комнату, где мы с Гуляром и Хрустом убивали время за кружками пива. Ей нужна была моральная поддержка.

Хрусту тоже. Его выставили. Шустер занял его место за стойкой.

— Гуляр, я бы справился с любым выскочкой, который пристанет к девочкам. Почему меня убрали из бара?

— Я не сомневаюсь, что ты бы справился, Хруст. Но я тут сейчас не главный.

Хруст сверкнул на меня глазами. Я сказал:

— Речь идет об убийце-психопате, Хруст. Совсем полоумном. Ты его не знаешь. А тот, кто встал за стойку, знает. — Я надеялся, что Шустер хорошо замаскировался. — Если бы ты там стоял, убийца бы вошел и перерезал тебе глотку прежде, чем ты успел бы что-нибудь сообразить. Это для твоей безопасности.

Все это уже говорилось раньше. Я устал. Я чмокнул Белинду в щеку и сжал ее руку.

— Уже скоро. Продолжай. Ни пуха ни пера. И все такое.

— Гаррет, он уже должен был что-то предпринять.

Я боялся, что она права. Кто-то должен был проверить, здесь ли она, попытаться ее похитить. Я тоже забеспокоился.

Через час общее мнение выплеснулось на улицу. Что-то не так. Рыбка не клюет. Где-то умирает другая женщина, потому что...

Но все продолжали играть свои роли.

Я стоял в тени и смотрел на танцплощадку, как вдруг вошел Садрер. Вид у него был зловещий. Когда он заметил Белинду, выражение его лица стало угрожающим.

Белинда танцевала с полицейским в одежде матроса. Она увидела Садлера. В ее глазах на миг вспыхнуло пламя.

Садлер направился к Белинде. Как только он пересек невидимую черту, все зашевелились. Он понял, что влип. Запахло жареным. Обнажились клинки. Я вышел и напомнил всем, что сегодня мы собрались не за тем, чтобы убивать.

И тут пляшущей походкой вошел Брешущий Пес Амато.

Здравствуйте! У нас здесь разгорается ссора, срывается план, по которому у каждого своя роль, включая слоняющихся по залу для отвлечения подозрений девушек Гулляра. Человек двадцать орут и вопят. Везде валяются пострадавшие. А Брешущий Пес Амато высматривает свою дочку. Вместо нее он углядел меня. Он не обращал внимания на рев:

— Эй, Гаррет! Какая удача!

Мимо него пролетел отброшенный полицейский: Садлер разъярился по-настоящему. Я попытался подойти к Брешущему Псу и увести его куда-нибудь подальше, где не так опасно.

— Где моя девочка, Гаррет? Я все ходил сюда и торчал тут, пока наконец не набрался храбрости с ней поговорить, и, когда я наконец созрел, выяснилось, что эта Сас вовсе не моя малышка. Эту зовут Сасна Прогель, и о Лони Амато она знает лишь то, что Гулляр и его помощник-гном упоминали это имя. — Еще один полицейский отлетел в сторону. — Что вы здесь устроили?

— У нас тут бедлам. Ты не можешь немного отодвинуться с дороги и минуту подождать?

Садлер выкрикивал мое имя, словно решил, что я виноват во всех его бедах. Он нападал.

— Лучше поберегись, Гаррет, — сказал Амато. Он пошел в угол. — У этого парня не очень дружелюбный вид.

Совсем недружелюбный вид. Садлер расшвырял полицейских, опрокинув парочку на пол. Я со всей силы ударил его в висок. Он упал на колени, но не отключился. Пока он поднимался, я добавил еще. Но он все же встал.

У меня болели костяшки пальцев на левой руке. Потом Садлер дал мне сдачи. Я отлетел к Брешущему Псу. Садлер двинулся ко мне, не обращая внимания на окружающих, которые колотили его со

всех сторон. Он определенно считал, что я лично в ответе за его страдания. Он наклонился, чтобы поднять меня в воздух.

И тут Брешущий Пес его взгрел. Так пчела жалит слона, если он оказывается у нее на пути. И ему удалось настолько рассердить Садлера, что тот решил уложить Амато в первую очередь.

И тут силач Рислинг Гулляр уложил Садлера чем-то напоминающим кулак, но это не мог быть кулак, потому что Садлер сразу же рухнул на пол. Гулляр подул на суставы и сказал:

— Надо смотреть за девушкой, а не развлекаться, Гаррет.

И показал пальцем.

— Дьявол!

Уинчелл все же решил зайти в гости. Никем не замеченный во всей этой суете он пробирался к эстраде.

— Эй, у нас тут вечеринка.

Белинда неуверенно оглядывала его, прикидывая, тот ли это человек, кого она должна опасаться.

Все замерли.

Я закричал.

Все тоже.

Садлер снова бросился в бой, но Уинчелл оказался крепче. Проклятие сделало его сверхчеловеком. Он пробился к Белинде, поднял ее, взвалил на плечо и пошел к двери. Когда я попытался уговорить его изменить поведение, он пинком уложил меня под стол. Никто не мог его остановить, пока Хруст не взял это дело в свои руки: он принес бочонок с пивом и нежно бросил его через всю комнату прямо в удивленное лицо Уинчелла. Бочонок был полный. Неплохо для бородача Хруста.

Уинчелл так и не успел очухаться. Ребята с улицы вошли внутрь и помогли его успокоить. Они связали его, заткнули рот клепом, и волнение потихоньку улеглось. Теперь Уинчелл выглядел маленьким и старым, будто проклятие превратило его в зеленоглазого старика, с которого все началось у Морли.

Белинда прямо обвилась вокруг меня.

Слегка отвернувшись, я увидел, как Брешущий Пес что-то пудно талдычит Гулляру.

Потребовалось время, чтобы прошло всеобщее смятение. Прибыл Туп и с самодовольным видом начал ходить вокруг Уинчелла. Я сказал ему:

— Если он у вас опять сбежит, я сам привяжу вам к ноге булыжник и сброшу в реку.

— Шустер! Посади его в мешок и запри в камеру. И смотри, чтобы не выпал кляп.

У Уинчелла был жуткий вид, из глаз сыпались искры. Туп усмехнулся и стал хвастаться:

— В этот раз ошибки не будет, Гаррет. На карте наше будущее. Мы будем осторожны. Засадим его в камеру, в которой я немного помучил Краска. Как только принц Руперт узнает, что злодей пойман, пошлют за нужным волшебником.

Я заворчал и намекнул, что не очень уверен в профессиональной пригодности некоего принца и его Стражи.

— У вас есть какие-нибудь светлые мысли?

— Да. Одна-единственная, специально для вас.

— Какая?

— У вас есть мешок. Если вам нужно что-нибудь еще, приходите послушать Покойника. Завтра.

— Завтра после полудня, — сказала Белинда. — Гаррету надо еще и поспать.

— А? — Мы, сыщики, соображаем туго. — Еще и поспать?

Она подмигнула:

— Может, я позволю тебе вздремнуть. Если будешь хорошим мальчиком.

— А-а!

До Тупа дошло раньше, чем до меня. Я вел себя с надлежащей сдержанностью.

Тем временем Брешущий Пес разбрехался вовсю. Смутив Гуллара и Хруста, он обратил их в бегство.

57

Я стал еще сдержаннее, убедившись, что судьба постоянно стремится сдержать мои страсти.

У Уинчелла были сильные подозрения, что он угодит в западню. Несмотря на это, проклятие принуждало его идти, давая, впрочем, некоторую свободу действий при подготовке нападения. Заклинание

было достаточно мудрым, чтобы, когда необходимо, предоставить проклятому пользоваться своим умом.

Когда я вступил на Макунадо-стрит, в голове у меня мелькали картины дикой ночи, и тут я увидел, что наша дверь взломана. Дин лежал полумертвый в коридоре, приبلудный котенок свернулся калачиком около сломанной руки хозяина и жалобно мяукал.

Белинда сказала:

— Я позабочусь о Дине. Выясни, что случилось.

Я прислушался, но не ощутил присутствия Покойника. Это меня испугало. Только однажды негодяи проникли в наш дом, да и то прошли всего несколько шагов. Обычно Покойник обращает незваных гостей в камень, когда они еще на улице. Сейчас он, похоже, ничего не смог сделать. Злодей (или злодеи) прошагал от входа прямо к лестнице.

Может, Покойник сделал наконец последний бросок к другому берегу? Я не чувствовал, что он существует.

— Иди же! — резко сказала Белинда.

— Будь осторожна.

Я медленно двинулся вперед, по спине у меня ползли мурашки. Мне не стыдно признаться, что я испугался. Такое же чувство я испытывал, когда в числе храбрых юных карентинских моряков участвовал в самых опасных набегах. Я прокрался вдоль стены к двери Покойника и, слегка толкнув локтем, открыл ее.

Влетев в комнату, я был готов ко всему.

В комнате не было никого, кроме моего партнера.

Покойник выглядел, как всегда, но что-то изменилось. Я ощущал напряжение, которого никогда не было прежде. Я чувствовал, что ему не причинили вреда и он не спит, он просто на чем-то очень сосредоточен и не может уделить мне внимания.

Значит, беда еще в доме. И это ужасно.

Наверх. Злодей должен быть наверху. Там Конфетка.

Но мы уже поймали Уинчелла... Я потянулся мыслями к Покойнику, ища у него подтверждения. Он не ответил. Разумеется.

— Тот, кто это сделал, еще здесь, — сказал я Белинде. — И он так силен, что Покойник не может с ним справиться. Думаю, он пришел за Конфеткой. Я пойду к нему. Но боюсь, если я поднимусь на второй этаж, его там не окажется. Он схватит тебя и даст деру.

— Тогда сначала поищи внизу.

Белинда была спокойна и практична. Возможно, эти качества достались ей по наследству.

Надеюсь, Старик сможет продержаться еще несколько минут.

— Здесь никого, — смело войдя в кухню, объявила Белинда. — И дверь в подвал заперта с этой стороны.

Сверху донесся крик, голос был Конфеткин.

— Может, нас туда заманивают.

Наверху что-то упало. Звук падающего тела. Белинда схватила меня за руку. Я спросил:

— Думаешь, это ловушка?

— Гаррет!

— Ладно. Сейчас некогда выяснять. В другое время.

Я попробовал внушить себе, что я Морли Дотс. Эта работа наверняка потребует легендарного хладнокровия Морли. Если моя милашка просто не забавляется наверху с парнем... Хладнокровие Морли. Так и хотелось послать за Морли и его хладнокровием. Только...

Только что же это такое? Я сделал все, что мог. Я помог скрутить и обезвредить Уинчелла. Пора получить вознаграждение и ехать отдыхать. А здесь какой-то бардак.

В кабинете не было ни души. Я обменялся взглядами с Элеонорой. Это меня успокоило. Она напомнила мне, что у меня и раньше бывали тяжелые времена и спокойствие — самое мощное оружие. «Не повредило бы еще прибавить к этому немного ума, душечка».

В маленькой гостиной тоже никого, лишь стоял кошачий запах, который я так ненавижу. «Маленький паршивец. Навонял тут».

Я напялил непромокаемую шляпу и направился в кухню. Я орудовал там, пока не нашел марлю, которую купил Дин, когда его обуяла голубая мечта самому делать сыр и таким образом экономить деньги. Я ему говорил: если бы я хотел урезать расходы, я бы обошелся без домоправителя. Как бы то ни было, мы потратили деньги на марлю, но остались без сыра. Я отрезал несколько метров, обернул марлю вокруг шляпы и засунул концы спереди и сзади за воротник.

— Что ты делаешь?

— Так делают пчеловоды. Можешь сделать то же самое.

— Ты свихнулся, Гаррет!

Но она последовала моему примеру. И даже сделала себе грубые рукавички.

Я рылся в ящиках и заглядывал в шкафы, пока не нашел серные свечи.

— Когда я зажгу эти штуки, старайся не вдыхать дым. Он уложит тебя на месте.

Белинда качала головой, бормотала непристойные ругательства, но продолжала разговор:

— Ты совсем чокнутый. Тебе это известно?

— Я чокнулся с тех пор, как понял, что здесь насекомые. Так или иначе, если тебя сейчас разрежут на куски, я этого не вынесу.

— Ты прирожденный романтик.

— Точно. Человек с тысячей лиц.

Наша беседа прерывалась топотом и воплями, которые шли сверху. Затем вопли прекратились. Наступило угрожающее молчание.

— Кажется, тебе пора садиться на коня, Гаррет.

— Ага.

Я проведal Дина. Ему не было хуже. За ним присматривал его пушистый приятель. Я хотел послать за подкреплением, но молчание наверху говорило, что я опаздываю.

— Белый рыцарь отправляется на выручку. Когда-то у меня и вправду были белые доспехи, а теперь все съела ржавчина.

— Давай, Гаррет!

Никакого аристократизма. Зато какие ножки!

58

— Я так и знал! — взревел я. — Я знал, что здесь то, чего не может быть. — По второму этажу летали бабочки. Большие, зеленые и отвратительно плотоядные, но, к счастью, их было мало и они были глупые. — Посмотри на этих бабочек. Мне кажется, укусы такой твари разносит проклятие, как москиты желтую лихорадку.

В Танфере почти никто не знает про москитов, но на островах о них можно услышать от туземцев. Если прислушаться, когда они с вами заговорят.

— Ну так зажги свечи.

Белинда не просто советовала. Она настаивала. Но зажигать свечи было еще не время. Сначала я открыл свой любимый чулан, достал оттуда безобразный нож и предложил его Белинде.

— Если кто близко к тебе подойдет, можешь вырезать у него на лице свои инициалы.

Для себя я выбрал нож с таким длинным лезвием, что он напоминал короткий меч. Я направил острие в сторону комнаты Конфетки.

Я вошел первым, вид у меня был совершенно дурацкий. И сразу столкнулся с нашим незванным гостем, с этим чудовищем, которое почти без усилий подняло Конфетку к самому потолку. Он закрепил веревку и напоминающий плаху кусок бревна на перекладине, оставшейся торчать после ремонта. Его толкало проклятие, и он собирался угрожать Конфетку прямо на месте.

— Он растет на глазах, — прошептала Белинда.

Я не мог рта раскрыть. У меня язык прилип к гортани.

Человек продолжал двигаться, несмотря на воздействие Покойника. Проклятие давало адскую силу!

Почему Конфетка не убежала от него? Покойник замедлил бы шаги убийцы, и он бы ее не догнал.

— Ух! Белинда! Не смотри этому чудищу в глаза. У меня такое чувство, что, если он положит на тебя свой зеленый взгляд, ты пропала.

— Хорошо. — Она не нервничала. Моя девочка Белинда не из таких. Она невозмутима, как ее папочка. — Ты зажжешь свечи или дашь этим насекомым одолеть меня?

Из угла рта злодея вылетали бабочки.

Я зажег серную свечу от обычной свечки, которую захватила с собой Белинда, и поставил на пороге. Когда я ставил вторую свечу, негодяй заметил, что он здесь не один.

Боже, какой он был огромный! Вроде Плоскомордого, только еще крупнее. И где Уинчелл его отыскал? Такое громадное существо не должно бегать на свободе. Он медленно повернул голову.

— Почему ты не пырнешь его, Гаррет? Тебе нравится тянуть время, да?

Да. Потому что у меня слишком много совести. А в этот раз еще потому, что я совсем растерялся. Этого не могло быть. С убий-

цей девушек разделились у Гуллара. Сейчас я уже должен был лежать в постели, может, даже спать.

Гигант поднял Конфетку вверх ногами так высоко, что только голова ее касалась пола. И тут он выпустил из рук веревку. Веревка со свистом скользнула по плахе, и Конфетка плюхнулась на пол. Хотя во рту у нее торчал кляп, она начала издавать какие-то звуки, будто пытаясь произнести мое имя.

Я надеялся, что она не хочет меня о чем-то предупредить. У меня не было времени выуживать из нее это предупреждение. Гигант засверкал зелеными глазами. И стал изрыгать бабочек. В основном тоже зеленых. Старик Дракир любил зеленый цвет.

Прямо у нас на глазах гигант начал стареть. Каждую минуту он становился старше на несколько лет. Рост его тоже уменьшился, хотя, чтобы добраться до него, мне надо было подставить лестницу ступенек в пятнадцать.

Он приглядывался к Белинде.

Он тяжело задыхался, будто бежал против урагана. Он пыхтел и хрипел. Бабочки полетели у него из ноздрей. Довольно глупые насекомые, или заклинание в этой части было плохо продумано. Почти все бабочки летали за убийцей.

Я держал перед ним зажженную серную свечу. Бабочки не доставали меня через марлю. Правда, ему, похоже, было все равно. Он не отрывал взгляда от Белинды.

— Не смотри этому убудюдку в глаза, — напомнил я ей и отодвинулся в сторону.

Я встал на колени и пополз вперед, негодяй продолжал проделывать свой леденящий душу фокус. Я перерезал ему сухожилия за правым коленом и левой лодыжкой. До него не сразу дошло, что к чему, но он упал. Затем снова стал подниматься. Я проткнул ножом его правую ладонь и пригвоздил ее к полу. Белинда вонзила нож в левую ладонь.

— Попробуй заткнуть ему рот кляпом, Гаррет.

В ней играла кровь Контагью.

Нарастающая боль и повреждения сломили гиганта настолько, что проклятие ослабело. Тут за дело взялся Покойник. Злодей словно окаменел.

Откуда-то совсем издалека долетел шепот, будто доносимый встречным ветром:

«Ты пришел вовремя».

Я освободил Конфетку.

— И зачем ты развлекаешься с этими извращенцами? Нет чтобы найти нормального приятного парня вроде меня.

Конфетка меня обняла. Она не проронила ни слова, даже когда Белинда пошутила:

— Может, она подумала, что тебя уже прибрали к рукам.

Конфетка только теснее прижалась ко мне, словно решила никогда не отпускать.

Бабочки порхали вокруг, как пьяные. Я тоже стал задыхаться от серного дыма. Насекомые садились на обнаженные руки Конфетки. И звали своих сородичей. Я опять подумал: вдруг эти маленькие черти переносят проклятие?

— Пошли отсюда. Запрет этих тварей здесь, со свечами.

Я решил, пока Покойник занят, незаметно пронести несколько свечей и в его комнату, исключительно ради эффекта.

Белинда стала помогать Конфетке, хотя и не очень любезно. Я взглянул на нашего незваного гостя. Из его приоткрытого рта все еще выползали бабочки. Белинда сказала:

— Нельзя оставлять его здесь.

— Почему?

— Он сдохнет.

— Туда ему и дорога.

— Пошевели мозгами, гений!

«В самом деле. Наступит твой черед нас пугать».

— Не вмешивайся. — Я заворчал, мне стало противно. Если злодей умрет, проклятие может перейти только ко мне. Не думаю, что это будет так уж здорово. — Надо, чтобы он оставался без сознания. А то он может покончить с собой.

У меня возникло внезапное убеждение, что проклятие привело Уинчелла в заведение Гуллара, чтобы он отвлек внимание от покушения на Конфетку.

Покойник просигнализировал:

«Я могу его удержать».

— Как ты удерживал его, когда я вернулся?

«Свяжи его, если тебе будет от этого легче».

— Хорошо. — Я заглянул в комнату Конфетки. Дыхание негодяя улучшилось. Пол был устлан бабочками. Только некоторые из них проявляли признаки жизни. Я сказал:

— У меня возникла идея. Пусть проклятие перескочит на Покойника. Тогда он будет...

— Тогда он будет разговаривать с тобой напрямую.

— Ты практична до ужаса. — Я развязал моток полотняной веревки и принялся за нашего злодея. У меня ушел весь моток, затем я еще вставил ему в рот кляп. Потом я избавил его от серных свечей. И дал Белинде свою дубинку.

— Если он пошевелится, сразу же тресни его.

— Куда ты идешь?

— За Тупом. Чтобы они убрали отсюда нашего гостя.

Но до этого дело не дошло. По крайней мере тогда.

59

Я должен был знать. Этого следовало ожидать. Черт побери, надо было принимать это в расчет. Это была судьба. С тех самых пор, как я связался с Брешущим Псом, как я ни увиливал, Амато нигде не давал мне проходу. Поэтому я совершенно не удивился, когда увидел, что Брешущий Пес расположился у меня в коридоре вместе с Сас и Дином, — Сас очень расстроена, Амато суетится вокруг Дина, а Дин слабым голосом настаивает, что с ним все в порядке. Дин был настолько ошеломлен, что не чувствовал боли.

«Как бы мне отсюда выбраться, — пробормотал я, — пока еще никто меня не заметил.» В эту минуту меня не очень заботили неприятности Брешущего Пса.

— Гаррет!

Меня заметили.

— Не продолжай. У меня свои трудности, и я вряд ли смогу что-нибудь тебе посоветовать.

— Да не волнуйся. Я как только увидел этот разгром, так и подумал, что тебе не до меня.

— Проклятие как-то разделилось. У меня наверху еще один убийца. — Черт! В глазах Брешущего Пса зажегся огонек. Что еще такое? — Я иду за капитаном Тупом.

— Правильно. Я тебя понимаю. Я побуду здесь и за всем присмотрю.

— В этом нет необходимости. Иди домой. Поспи немного. Когда Покойник хочет, он может обойтись без помощи.

Из комнаты Покойника до меня дошел смешок, а Амато возразил:

— Мне будет не по себе, Гаррет. После всего, что ты для меня сделал. Все равно мне надо поговорить с тобой о моей девочке. Вот эта Сас не моя малышка.

Это я уже понял. Я не стал больше ничего слушать. Я питал хилую, тщетную надежду, что Покойник сжалится надо мной и вышибет Брешущего Пса до моего прихода.

Тупа пришлось будить; от одного этого я получил несказанное удовольствие. Вот опять!

Никогда во время расследования мне не приходилось будить людей среди ночи. Всегда кто-то приходил ко мне и требовал, чтобы я встал чуть свет.

— Да! — настаивал я, добравшись наконец до его квартиры. — Вы, политик, поднимите задницу и пойдете со мной, увидите сами. Проклятие размножается. Если вы не заберете этого типа, проклятие пойдет дальше, как будто мы не поймали никакого Уинчелла. Я уверен. Вы думаете, я прибежал в такое время, потому что у меня против вас зуб. Вы же меня знаете!

Туп фыркнул:

— К несчастью. Вы не можете просто привезти его завтра?

— Я иду домой. Когда я приду, я передам этого типа тому, кто окажется поблизости. Если не окажется никого, этот тип уйдет самостоятельно. И я больше не собираюсь распутывать историю проклятий, выдуманных древними полоумными волшебниками. Если действительно хотите доставить мне радость, придите и под каким-нибудь предлогом арестуйте Брешущего Пса Амато. Возможно, он важный свидетель. Он решил свести меня с ума.

Некоторое время Туп смотрел на меня с хмурым видом, вероятно, размышляя, не стоит ли ухватиться за предложенный мною план. На губах его блуждала гадкая улыбочка. Я сказал:

— Не вздумайте сделать какую-нибудь пакость, чтобы заставить меня пожалеть о своих словах.

— Да что вы! Помилуйте! И даже сто раз помилуйте. Эчавар! — Внезапно появился подобострастный тип, будто только и ждал, когда Туп его позовет. — Доложи Шустеру, что мне нужен взвод для ареста еще одного носителя проклятия. Или, в случае неудачи, злостного нарушителя порядка.

У меня сложилось впечатление, что он имеет в виду не Брешущего Пса.

Туп не опознал человека, который вломился в мой дом. Полицейские тоже. После того как они его осмотрели и записали показания Конфетки и Покойника, Туп нехотя признал:

— Кажется, вы поступили правильно, Гаррет.

— Я всегда поступаю правильно.

— Скажите это своему ароматному приятелю, который сидит внизу.

Брешущий Пес не ушел домой. А девушка по имени Сас ушла, но только после того, как полицейские помогли ей избавиться от Амато. Туп и Брешущий Пес по-прежнему не могли друг друга терпеть.

Мы с Тупом наблюдали, как Шустер и его подручные запикивают злодея в мешок. Туп спросил:

— Вы хотите отправить его подальше?

— Что?

— Отправить Амато. Ах! Вы не присутствовали, когда мы обсуждали, как бороться с преступностью. Законы о тунеядстве. Мысль Шустера. Возникла на основе изучения древней практики. Эти законы существовали во времена империи. Если ты не можешь доказать, что зарабатываешь своим трудом или что у тебя есть деньги, — бам! Либо иди в кутузку, либо уезжай из города. Амато как раз попадает под эту статью. Он никогда не работал.

— Не делайте этого. — От всей этой фигни страшно становится. — С каких это пор вы стали хватать людей оттого, что у одного из ваших ребят возникла такая мысль?

— С тех пор как эта мысль так понравилась Руперту, что он издал закон. Применяется ко всем городским жителям. Независимо

от биологического вида. Договоры составлены довольно небрежно и дают нам право относиться ко всем остальным так же, как мы относимся к людям, то есть поступать с бездельниками и паразитами, как с преступниками.

Снова гадкая улыбочка.

Похоже, нас ждут невеселые времена. Я не сомневаюсь, что банда сторонников закона и порядка будет обращаться с нежелательными людьми гораздо суровее, чем со всеми остальными.

— А тем временем мои дружки Краск и Садлер сидят в доме Большого Босса и изобретают способ отплатить мне за то, что я, по их мнению, им сделал.

Мне стало досадно. Туп и его команда насаждали закон и порядок, а Краск и Садлер разгуливали на свободе благодаря личным связям.

— Так уж получается, Гаррет. Я мог бы позволить Шустеру с ними разобраться, но вы об этом пожалели бы.

— Почему?

— Краск мог бы повеситься в камере. Быть может, от раскаяния. — Туп ухмыльнулся. От раскаяния. Славно придумано. — Садлера сегодня вечером могли бы зарезать. Но если бы это произошло, вы бы бесились и ругались до тех пор, пока мы бы не заткнули вам рот.

Он прав. И Морли прав. Мне правда надо выработать более практичный моральный кодекс. Давно доказано, что фанатичная преданность идеалам может пагубно отразиться на повседневной жизни. Особенно в Танфере, где «идеал» и «этика» — загадочные слова на языке, непонятном девяти процентам населения.

Я признал, что, возможно, он прав.

— Но иногда делайте вид, что я ваша совесть. Не торопитесь действовать и не забывайте, для чего в первую очередь существуют законы.

— Спасибо, Гаррет. Теперь я каждый день буду ждать, когда вы в длинном сером балахоне начнете читать проповеди на ступенях Канцелярии.

Надо было уходить. Сейчас он будет промывать мне мозги. Я ужасно устал. Он уже наполовину меня обработал. Опасно соглашаться со Стражей даже в мелочах.

Дома было не лучше. Я избавился от худшего из незваных гостей, но Брешущий Пес продолжал сидеть. Я разговаривал с ним не слишком ласково.

— Я столько часов не спал, что сбился со счета. За это время меня раза три пытались убить. — Может, я и преувеличил. Кто знает, что может случиться, если те или иные люди возьмут верх. — Пытались убить моих друзей. Я больше не могу слышать никаких жалоб. Если у тебя сложности, приходи через несколько дней.

Я не стал ему напоминать, что я на него не работаю и не обязан решать его проблемы.

Меня ждало новое испытание. Мои замечания вызвали интерес у дам. Белинда предъявила полный набор своих штучек, и оказалось, что в ее распоряжении тысяча и одна шпилька и всеми она готова меня подколость за неуважение к старшим. Конфетка совершенно рассвирепела и совсем забыла, кто спас ее изящный задик. Она пошла провожать Брешущего Пса домой и не вернулась.

«Она и есть его дочь», — сообщил мне Покойник.

— Это я уже сообразил. Даже не пришлось считать на пальцах. «Это долгая история».

— Тогда не рассказывай, не теряй времени. Я иду спать.

Я бросил на Белинду многозначительный взгляд. Она не обратила на меня внимания. Она суежилась вокруг Дина, который снова обосновался в маленькой гостиной. Судя по тому, что Белинда ему говорила, она не собиралась выполнять данные ранее обещания.

«Мать Конфетки вступила в связь с человеком, которого Конфетка до недавнего времени искренне считала своим отцом».

— Это обязательно нужно знать? Сейчас?

Я разглядывал парадную дверь. Дверь, которой больше не было. Могу я быть уверен, что Покойник не заснет, пока я буду отдыхать? Он дал мне знать, что я могу на него положиться. И продолжил свою душщипательную повесть о том, как прекрасная юная героиня преодолела все препятствия, чтобы воссоединиться с родным отцом.

— Хорошо, Плут. Мы все видели, как она с пеной у рта жаждала воссоединения.

Я решил, что дня через два Брешущий Пес ей надоест. Она уже достаточно осведомлена и до сегодняшней ночи не хотела об-

щаться с ним напрямую. Может, больше никогда и не захочет, как только увидит, в какой дыре он живет.

Покойник продолжал рассказ, но я заупрямился. Я не стал его слушать. Я не стал слушать никого и пошел спать. Прежде чем заснуть, я несколько секунд злился и тосковал по добрым старым временам, когда я жил один и, бывало, делал все так, как хотел.

60

Дин впустил меня в новую дверь. Оказалось, что рука у него таки не сломана, и вторжение неприятеля стало для него поводом похлопотать. Он нанял рабочих и, едва взошло солнце, начал их изводить. Они не давали мне спать, я встал и по совету Покойника отправился проверить, как дела у Тупа и его ребят.

— Вот что они сделали, — вернувшись, стал я рассказывать Покойнику. — Пока убийцы были в бессознательном состоянии, их поместили в камеры. Двери заложили кирпичами. Окон в камерах нет. В дверях оставили щелку, через которую пленникам передают еду.

«Вероятно, этого достаточно. Хотя через мусоропровод...»

Я с самодовольным видом перебил его:

— Мы все учили, Весельчак. Все учили. Я заметил эти веревочные пояса.

«Что?»

— Веревочные пояса. Все злодеи подпоясывались веревкой. Когда Уинчелл объявился у Гуллара, у него не хватало куска пояса. Тип, который ворвался к нам в дом, носил вместо пояса обрывок веревки, такой же, как у Уинчелла. Тут я понял, в чем дело. Проклятие переносит веревка.

«Ты забыл об этом упомянуть».

Я усмехнулся:

— Я немножко схитрил, чтобы у меня не отняли всю славу.

«Какую славу? Тебе ничего не достанется. Общество уверится, что победа над проклятием принадлежит исключительно капитану Тупу. Он об этом позаботится».

Всегда этот Покойник все испортит.

— Туп запер веревки в ящике и спрятал его в запечатанный сейф, стоящий еще в одной обложенной кирпичами камере.

Мне не удалось убедить Покойника, он знал некомпетентность Стражи. Я тоже волновался. Но скрывал это.

— Я получил последние переводы. Я был прав. Все началось из-за женщины. Мне также нашли портрет Дракира...

«Я полагаю, этот Дракир оказался двойником старика, который ездил в карете».

— Да. — Когда Покойник начинает читать мысли, он не удержим. — И Дракир носил серьги в виде бабочек.

«Он очень интересовался бабочками».

— Очевидно.

«А еще больше он интересовался тем, как пережить своего соперника».

Покойник воровал мои потрясающие сведения. Я пришел домой, переполненный новостями, а он вытаскивал их у меня из головы или он догадался обо всем еще раньше?

— Да. Дракир нашел путь к бессмертию, но это был жестокий путь. Когда Дракир изобрел проклятие, он сделал так, чтобы оно непременно настигло отвергнувшую его дочь Простодушного. Затем Дракир подстроил, чтобы его убили. Для него это не имело значения. Проклятие возвращало его к жизни. И всегда переставало действовать, воспроизведя своего создателя.

Меня удивляют люди, подобные Дракиру: они готовы пожертвовать сотнями жизней ради сомнительной возможности отдалить собственную смерть. Эти люди выдают себя за человеческие существа, но вы, и я, и все остальные для них все равно что тараканы. Жаль, что такие люди не довольствуются тем, чтобы уничтожать друг друга.

Я ожидал, что проклятие принудит обоих пленников покончить с собой. Покойник со мной не согласился.

«Теперь в этом нет смысла. Допустим, один из них прокусит зубами вены. Ну и что? Даже Туп не настолько глуп, чтобы войти в камеру без искусного волшебника».

— Если он когда-нибудь появится.

«Вот именно. Может быть, никогда. Они могут все остаться в Кантарде».

— А труп тем временем будет разлагаться. Однажды кого-нибудь стошнит от вони, этот человек откроет камеру...

Покойник не слушал. Он рассеянно заметил, что, возможно, мне еще придется поволноваться. Я сваял дурака, когда привлек его внимание к Кантарду. Он вдруг направил все мысли туда.

Оттуда шел поток новостей. Я собирал их все утро, но Покойник уже знал большую часть от Плоскомордого. Дружище Тарп всегда рад ворваться к нам с каким-нибудь стоящим известием, если оно хоть немножко может испортить мне жизнь. Я люблю Плоскомордого, но он не способен просчитать последствия. Если бы мозги были замазкой, отпущенной ему порции не хватило бы даже на то, чтобы утеплить комнату без единого окна.

Вести из Кантарда говорили о том, что Карента на пороге победы. Нас ждут бесконечные парады и бесчисленные, доводящие всех до одурения речи.

Как я и предсказывал, потери Каренты были очень велики, но морКары совершенно изменили соотношение сил. Венагеты были разгромлены, они потерпели крах. Теперь Марачи был их самым северным поселением. Все это находилось так далеко на юге, что даже наши десантники до недавнего времени не могли туда попасть.

Республиканская армия Слави Дуралейника, все еще храбрая и боеспособная, тоже уступила численному превосходству противника в сочетании с умелой разведкой и колдовством. Наше командование стало узнавать о планах республиканцев задолго до того, как они начинали действовать.

Не надо быть гениальным военачальником, чтобы увидеть, что скоро республиканцы побегут, и морКары будут их преследовать.

Этим известиям почти никто не верил. Многие не хотели верить. Но трудно было отрицать свидетельства того, что война, длившаяся на протяжении жизни трех поколений, закончится самое большее через год и всеобщий мир может наступить в любую минуту. И все благодаря каким-то летающим существам, которых, когда они впервые посетили Танфер, многие приняли за вредителей посевов.

«Время покажет», как говорит Плоскомордый. «Никогда не знаешь». Настоящий уличный философ этот Плоскомордый Тарп.

Будущее чревато опасностями.

Белинда так и не переместила Покойника в заведение Морли. Однако ей удалось встретиться со всеми шишками преступного мира и с большинством номинально законных партнеров ее отца. Не успел я и слова сказать, как она отправилась домой. Краск и Садлер удрали из дома Чодо. Но они слоняются где-то поблизости и ждут своего часа.

Конфетка исчезла из моей жизни. Она вернулась на Холм, вероятно, чтобы отвязаться от Брешущего Пса: на Холме его не принимали. Амато продолжал всем надоедать и требовал от меня невозможного. Я не мог открыть для него дверь в дом, где его не хотят видеть. Мне было его жаль, но не более того. Не сообщая Брешущему Псу, я продолжал время от времени передавать отчеты Гуляру, чтобы Конфетка не теряла отца из виду. Но я не мог дать ему то, что он хотел. Я не мог раскрыть ему теперешнюю фамилию Конфетки.

Белинда прислала мне приглашение. Я нанял у Плеймета карету и потащился на встречу с Белиндой. Она знала меня лучше, чем я думал. Когда вечер подходил к концу, она выкатила инвалидную коляску с папашей.

Все тот же старый Чодо. Ни живой, ни мертвый. Белинда использовала его точно так же, как Краск и Садлер. Мне стало тошно. Я ушел как можно скорее, убедившись, что на меня никто не рассердится.

Я был разочарован. Белинда оказалась не лучше тех, кого она выжила. Она сама стала Большим Боссом, переступив через еще теплое тело своего отца.

«Это так необходимо? — заныл Покойник. — Я собирался вздремнуть. Уйти из этой юдоли скорби в страну сладких грез».

— Подожди! Это правда очень срочно.

«Тогда докладывай. Скорее. Я хочу спать».

Несмотря на военные сводки, он был не очень огорчен. Не грозился совсем закрыть лавочку.

«По милости твоего никчемного биологического вида я испытал множество разочарований. Переживу и это. Давай, выкладывай».

Я описал посещение дома Контагью. Кое-что опустив. Будучи джентльменом, я проявил скромность.

Будто нарочно, чтобы довести меня до ручки, он заметил:

«Интересно иногда посещать мистера Контагью. Я подозреваю, что все может оказаться не так, как представляется с первого взгляда».

— Что ты хочешь сказать?... Эй!

Он заснул. Вмиг. И не захотел просыпаться, чтобы объяснить.

Он так и задумал — оставить меня в недоумении.

Ни Белинды, ни Конфетки. И Тинни так и не пришла, чтобы сказать, что мне не надо извиняться, раз я ничего не сделал

— Опять мы с вами вдвоем, леди, — сказал я Элеоноре. — Наконец остались одни. Наверное. Тьфу, тьфу, чтоб не сглазить!

Покойник вздремнул надолго, а Дин собрался снова переселиться к себе, по крайней мере на время. Одна из его уродин-племянниц продала душу дьяволу и нашла слепца, который сделал ей предложение. Хотя я и не верующий, я стал молиться. На поле боя нет атеистов. Я молился, чтобы помолвка не расстроилась. Я мечтал, что Дин поедет на свадьбу, которая (если все состоится) будет отмечаться за городом. И тогда я избавлюсь от котенка. Я зажгу тысячу серных свечей. Или продам дом со всем содержимым и смоюсь, прежде чем Покойник проснется, а Дин вернется. Я упрощу свою жизнь. Переселюсь в другой конец города, изменю имя и найду себе честную работу.

Я оказался пророком. Мое предсказание сбылось. Следующим повальным увлечением стала революция. Она выплеснулась из кафе и потерпела полный провал. Революция опиралась на совсем юных, они не спрашивали и не принимали советов старших, мудрых и опытных. Уэстмен Туп и его тайная полиция, возглавляемая Шустером, съели эту молодежь живьем. Мятеж подавили в зародыше. Потом Туп хвастался, что пять из семи членов Объединенного Революционного Совета были агентами Шустера.

Нужно ли доказывать, что эти дураки-студенты были дураками чистой воды? В реальной жизни, когда Туп попадал в беду, ему приходилось платить мне, чтобы я спас его задницу.

В последнее время он ко мне не заходит. К счастью. Ходят слухи, что целая куча волшебников согласилась изучить и обезвредить Проклятие Простодушного (почему не Проклятие Дракира?) и при этом следить друг за другом, чтобы никто из них не мог использовать заклинание в своих целях. Но только после того, как они поймают Слави Дуралейника.

· Это может случиться нескоро.

Любимец Покойника исчез.

Его не утрашили налеты морКаров, не соблазнило предложенное венагетами перемирие.

Дела шли хорошо. Они шли своим чередом. Я мог посидеть, подумать и попить пива.

Затем вдруг явился племянник Морли Стручок с попугасм. По общему мнению, это подарок моего друга-драчуна. Попугай говорящий. Морли решил, что попугай поможет мне свести с ума Дина и выгнать кота. Птица терпеть не может кошек. Попугай бросается на них и вонзает когти в глаза и в уши.

Вот вам совет. Мудрый совет. Спешу поделиться опытом. Никогда не приносите говорящего попугая в дом, где витают мысли мертвого логхира. Никогда!

Содержание

Зловещие латунные тени	5
Ночи кровавого железа	259

Издательская группа АСТ

Издательская группа АСТ, включающая в себя около **50 издательств** и редакционно-издательских объединений, предлагает вашему вниманию более **10 000 названий книг** самых разных видов и жанров. Мы выпускаем классические произведения и книги современных авторов. В наших каталогах — интеллектуальная проза, детективы, фантастика, любовные романы, книги для детей и подростков, учебники, справочники, энциклопедии, альбомы по искусству, научно-познавательные и прикладные издания, а также широкий выбор канцтоваров.

В числе наших авторов мировые знаменитости Сидни Шелдон, Стивен Кинг, Даниэла Стил, Джудит Макнот, Бертрис Смолл, Джоанна Линдсей, Сандра Браун, создатели российских бестселлеров Борис Акунин, братья Вайнеры, Андрей Воронин, Полина Дашкова, Сергей Лукьяненко, Фридрих Незнанский, братья Стругацкие, Виктор Суворов, Виктория Токарева, Эдуард Тополь, Владимир Шитов, Марина Юденич, а также любимые детские писатели Самуил Маршак, Сергей Михалков, Григорий Остер, Владимир Сутеев, Корней Чуковский.

Книги издательской группы АСТ вы сможете заказать и получить по почте в любом уголке России. Пишите:

107140, Москва, а/я 140

ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

Вы также сможете приобрести книги группы АСТ по низким издательским ценам в наших **фирменных магазинах:**

В Москве:

- Звездный бульвар, д. 21, 1 этаж, тел. 232-19-05
- ул. Татарская, д. 14, тел. 959-20-95
- ул. Каретный ряд, д. 5/10, тел. 299-66-01, 299-65-84
- ул. Арбат, д. 12, тел. 291-61-01
- ул. Луганская, д. 7, тел. 322-28-22
- ул. 2-я Владимирская, д. 52/2, тел. 306-18-97, 306-18-98
- Большой Факельный пер., д. 3, тел. 911-21-07
- Волгоградский проспект, д. 132, тел. 172-18-97
- Самаркандский бульвар, д. 17, тел. 372-40-01

мелкооптовые магазины

- 3-й Автозаводский пр-д, д. 4, тел. 275-37-42
- проспект Андропова, д. 13/32, тел. 117-62-00
- ул. Плеханова, д. 22, тел. 368-10-10
- Кутузовский проспект, д. 31, тел. 240-44-54, 249-86-60

В Санкт-Петербурге:

- проспект Просвещения, д. 76, тел. (812) 591-16-81
(магазин «Книжный дом»)

Издательская группа АСТ

129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7 этаж.
Справки по телефону (095) 215-01-01, факс 215-51-10
E-mail: astpub@aha.ru <http://www.ast.ru>

Литературно-художественное издание

Кук Глен

**Зловещие латунные тени
Ночи кровавого железа**

Редактор И. А. Жарницкая
Художественный редактор О. Н. Адашкина
Компьютерный дизайн: А. С. Сергеев
Технический редактор О. В. Панкрашина

Подписано в печать 17.10.00.
Формат 84×108 ¹/₃₂. Усл. печ. л. 26,88.
Доп. тираж 8 000 экз. Заказ № 114.

Налоговая льгота — общероссийский классификатор продукции
ОК-00-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Гигиеническое заключение
№ 77.99.14.953.П.12850.7.00 от 14.07.2000 г.

ООО «Издательство АСТ»
Лицензия ИД № 02694 от 30.08.2000 г.
674460, Читинская область, Агинский район,
п. Агинское, ул. Базара Ринчино, д. 84

Наши электронные адреса:

WWW.AST.RU

E-mail: astpub@aha.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ОАО «Рыбинский Дом печати»
152901, г. Рыбинск, ул. Чкалова, 8.

Глен Кук — не только один из тех редкостных писателей, таланту которых в равной степени подвластны и научная фантастика, и фэнтези, но и писатель, обладающий оригинальнейшей особенностью — вышедшие из-под его пера научно-фантастические романы — это, по его же собственным словам, частенько «фэнтези, только переодетые в камуфляж».

Фантастика Глена Кука — это всегда неожиданные сюжетные повороты и всегда невероятные ситуации, это лихие приключения и незабываемые герои, это неподражаемое богатство фантазии — и, конечно, искрометный юмор, давно уже ставший для этого автора истинной «фирменной маркой». Таков и его не просто всемирно известный, но и всемирно культовый сериал о приключениях сыщика Гаррета.

Гаррет — это человек в стране троллей, гномов, вампиров...

Гаррет — блестящий детектив, способный раскрыть любое преступление в мире магии, всегда готовый идти на риск и даже в самых отчаянных ситуациях не теряющий спасительной иронии...



ISBN 5-17-004431-3



9 785170 044313